Агентство по культурно-историческому наследию РА

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Выпуск 3-4

Горно-Алтайск
2006

ББК 63.4
63.5
82.3 (2)
83.3 Алт
Изу 39

Изу 39 **Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Выпуск 3-4.**
Сборник научных трудов
/ Под ред. В.И. Соёнова, В.П. Ойношева. Горно-Алтайск: АКИН, 2006. 260 с.

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук **В.П. Ойношев**,
кандидат филологических наук **Т.М. Садалова**,
кандидат исторических наук, доцент **В.И. Соёнов**,
кандидат исторических наук **С.В. Трифанова**.

649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79.
Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай.
Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gorny.ru

© **В.И.СОЁНОВ**, составление, оформление, макет, **2006**

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П.
(г.Барнаул)

ГАЛЕЧНЫЕ ОРУДИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-2

Вплоть до начала 80-ых гг. XX века эпоха неолита Горного Алтая не являлась объектом специальных исследований. Вопросы периодизации, хронологии и культурной принадлежности памятников неолита рассматривались не в рамках специальных исследований, а в контексте решения других научно-исследовательских задач, либо в результате изучения погребальных комплексов афанасьевской культуры, либо в процессе изучения памятников позднего палеолита. Источниковая база начала 60-ых гг. XX в. позволяла А.П. Окладникову утверждать, что на Алтае в переходное от палеолита к неолиту время не обнаружено никаких следов микролитической техники и мелких орудий геометрических очертаний. Вместо этого продолжает существовать палеолитическая традиция изготовления галечных орудий, дисковидных и леваллуазских нуклеусов (Окладников А.П., 1968, с.78). А.П. Окладниковым рассматривалась возможность существования на Алтае реликтовой палеолитической культуры в отдельных районах в то время, когда в других областях уже сложилась более передовая культура (1966, с.216). Отсутствие фактических материалов по мезолиту и неолиту Алтая позволяло исследователям делать выводы о том, что эпипалеолитические традиции «граничат» с афанасьевской культурой (Цыб С.В., 1984, с.13).

Новые фактические материалы, полученные в 80-90-ых гг. XX в. при раскопках многослойного поселения Тыткескень-2, дали новые фактические материалы, которые заставляют нас вновь обратиться к проблеме хронологических границ существования традиции изготовления галечных орудий.

К галечным орудиям мы относим не только изделия, выполненные на гальках и их обломках, но и сделанные из плоскорасколотых желваков кремня. Мы разделяем мнение В.А. Ранова, что в данном случае безразлично, является ли основой для изготовления орудия речная галька или подходящий обломок (Ранов В.А., 1970, с. 19). Дело в принципиальном характере обработки, соответствующем данным техническим приемам. Совокупность данных приемов сводится к обработке гальки как исходного материала при которых форма гальки является основой заготовки и сохраняет свою форму если не полностью, то хотя бы частично (Ранов В.А., 1971, с. 5-6).

В основу классификации галечных орудий положены принципы и теоретические разработки предложенные В.А. Рановым (1971, с.5-6), и З.А. Абрамовой (1972, с.126). При классификации учитывались следующие признаки прежде всего характер обработки одно и двусторонние, затем характер формы рабочего края, где было возможно, учитывалось положение рабочего края относительно оси симметрии гальки. У односторонних изделий учитывалась величина угла, образованного плоской галечной поверхностью и обработанной скошенной площадкой (рабочий угол).

Поселение Тыткескень-2 находится в среднем течении Катуни на второй левобережной надпойменной террасе, на правом берегу ручья Тыткескень, в его предустьевой части. Общая площадь поселения составляет около 6 тыс. кв.м. Стационарными раскопами под руководством Ю.Ф. Кирюшина с 1988 по 1994 гг. вскрыто более 1066 кв.м. Вся исследуемая площадь вскрыта до аллювия, который представляет собой крупный речной песок (фракции от 0,05 до 10 мм) вместе с галечнико-глыбовым материалом хорошей окатанности. Общая мощность вскрытых отложений составляет от 0,45 до 2,6 м (Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., 1990, с.26).

Памятник имеет сложную стратиграфию. В ходе работ на поселении Тыткескень-2 отмечена одна особенность: наибольшая мощность песков эолового происхождения наблюдается в северо-восточной части раскопа ближе к руслу Катуни, здесь эоловые пески достигают 1,6 м, образуя эоловую гряду (Барышников Г.Я., Малолетко А.М., 1997, с.105).

Слои, вмещающие археологические находки, выделяются в разрезах более темным цветом за счёт большей гумусации. Стерильные прослойки эолового песка более светлого цвета, и их мощность между культурными горизонтами в этой части раскопа достигает 0,4 м. Ближе к склону горы мощность песков эолового происхождения уменьшается, постепенно сходя на нет (Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф., 1990, с.26).

Галечные орудия встречены в материалах девятого – шестого горизонтов.

Находки девятого культурного горизонта залегали в слое супеси на глубине 1,55–1,70 м от дневной поверхности. Все находки концентрируются на площади около 20 кв.м вокруг кладки из мелких камней, которая является остатками очага. Следов прокала не обнаружено, но встречены многочисленные золистые вкрапления в супеси, что позволило интерпретировать кладку как остатки очага, часть которого уходит под стенку раскопа. Несмотря на большую вскрытую площадь, на остальной изученной территории памятника не обнаружено следов деятельности человека, относящихся к данному времени (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2003, с.3).

В слое встречено одно галечное орудие (рис. 1). Изделие одностороннее с вогнутым рабочим краем. Выполнено на крупной подквадратной уплощенной гальке. Рабочий край крутой, оформлен на поперечной части заготовки крупными краевыми сколами. На рабочей кромке визуально фиксируются следы выщербленности и забитости (рис.1).

Комплекс, относящийся к восьмому горизонту, был выделен в ходе работ 1992–94 гг. (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П., 2003, с.3). Находки восьмого культурного горизонта залегали в слабогумусированном слое супеси буровато-серого цвета. Мощность слоя, содержащего находки, составляет от 0,05 до 0,1 м. Находки сконцентрировались в северо-восточной части раскопа вокруг восьми прокалов на площади около 200 кв.м на глубине 1,35–1,86 м от дневной поверхности и в юго-западной части вокруг пяти очагов на глубине 1,15–1,2 м. Значительное расхождение в глубине залегания от дневной поверхности вызвана тем, что в северо-восточной части раскопа эоловые пески со стороны Катуни более мощные.

К галечным орудиям относятся пять изделий. Все они односторонние, представлены следующими типами:

Изделие с прямым рабочим краем выполнено на продольно расколотой удлиненной кремневой гальке. Одна сторона орудия плоская, представлена поверхностью гальки без следов подработки. Рабочий край крутой, расположен на поперечном конце заготовки, оформлен серией крутых сколов и частично подправлен ретушью (рис.2 – 5). На боковых краях и торце изделия наблюдаются участки со следами интенсивной забитости.

Второе изделие с выпуклым рабочим краем, занимающим 2/3 периметра заготовки. Изготовлено из расколотой пополам гальки, первоначальная форма которой была сильно видоизменена в процессе изготовления орудия. Дорсал изделия оформлен серией крупных сколов различного направления. Выпуклый овальный рабочий край крутой оформлен серией пластинчатых сколов и подправлен разнофасеточной ретушью (рис.2 – 4). Пятка орудия уплощена несколькими крупными поперечными сколами.

Третье изделие изготовлено из массивной плоской гальки. Рабочий край крутой треугольный, оформлен односторонней обивкой края гальки крупными сколами и частично подправлен мелкой ретушью (рис.2 – 2).

Два следующих изделия выполнены из расколотых пополам овальных галек и могут быть интерпретированы, скорее всего, как нуклеусы (рис.2 – 1,3). В данном случае выполненная одним продольным сколом плоскость расщепления играла роль ударной площадки, на одном из торцов которой несколькими сколами оформлен будущий фронт скалывания.

Находки седьмого культурного горизонта залегали в слабогумусированном слое супеси буровато-серого цвета на глубине 0,85–1,2 м от дневной поверхности в юго-западной части раскопа и на глубине 1,2–1,65 м в его северо-восточной части. Мощность слоя, содержащего находки, составляет от 0,05 до 0,1 м. Весь археологический материал и кости животных из этого горизонта покрыт толстым слоем карбонатного налёта.

В данном культурном горизонте обнаружено шесть галечных орудий, из которых четыре односторонние и два обработаны с двух сторон.

Двусторонние орудия этого горизонта представлены двумя экземплярами. Орудия выполнены на расколотых повдоль удлиненных гальках. Рабочий край у одного прямой, у другого выпуклый, расположены на одном из торцов заготовки и оформлены двусторонней подтеской. Помимо рабочей кромки на торце у обоих орудий сколами и ретушью подработан один из боковых краев заготовки (рис.3 – 1,3).

Одностороннее орудие с прямым краем выполнено на подквадратной, уплощенной гальке. Рабочий край крутой оформлен серией некрупных сколов с подработкой ретушью. Несколькими сколами, по всей видимости с целью уплощения, подработан и один из боковых краев заготовки (рис.3 – 2).

Односторонние орудия с выпуклым краем представлены двумя изделиями, рабочий край у обеих пологий. Первое изделие выполнено на овальной уплощенной гальке, рабочий край оформлен на торце заготовки односторонней оббивкой (рис.3 – 4). Второе орудие с выпуклым рабочим краем выполнено на подквадратной гальке, рабочий край оформлен серией некрупных пологих сколов и подработан ретушью. Пятка орудия подработана и уплощена двумя поперечными снятиями (рис.3 – 6).

Одностороннее орудие, с рабочим краем треугольной формы, выполнено на сильно видоизмененной в процессе изготовления орудия уплощенной гальке. Рабочий край крутой оформлен серией крупных сколов с частичной подработкой ретушью (рис.3 – 5).

Находки шестого культурного горизонта залегали в слабогумусированном слое супеси буровато-серого цвета на глубине 0,75–0,95 м от дневной поверхности в юго-западной части раскопа и на глубине 1,05–1,45 м – в северо-восточной. Мощность слоя, содержащего находки, составляет от 0,05 до 0,15 м. Весь археологический материал и кости животных из этого горизонта покрыт толстым слоем карбонатного налёта (следы подтяжки карбонатов грунтовыми водами).

Галечные орудия данного горизонта представлены 16 экземплярами следующих типов:

Односторонние орудия с выпуклым рабочим краем 3 экз. Первое орудие выполнено из целой гальки крупного размера. Рабочий край крутой, оформлен серией крупных снятий и подправлен ретушью (рис.5 – 1). Два других изделия выполнены на расколотых гальках, рабочие края пологие оформлены средними сколами с последующей подправкой ретушью (рис.5 – 3; 6 – 3).

Односторонние орудия с вогнутым рабочим краем представлены двумя экземплярами. Оба выполнены из целых галек. Рабочий край первого орудия крутой, расположен на торце заготовки и оформлен односторонней оббивкой с последующей подправкой ретушью (рис.6 – 5). Рабочий край второго изделия пологий. Дорсал изделия предварительно был уплощен несколькими продольными снятиями затем на боковом крае заготовки сколами и ретушью был оформлен вогнутый рабочий край (рис.6 – 2).

Односторонние орудия с овальным рабочим краем, занимающим 2/3 периметра заготовки, представлены четырьмя экземплярами. Одно изделие этого типа выполнено на целой гальке. Рабочий край крутой, оформлен серией краевых снятии с последующей подработкой ретушью. Пятка орудия представлена поверхностью гальки (рис.6 – 4). Три оставшихся орудия этой церии выполнены на расколотых пополам гальках, первоначальная форма которых сильно видоизменена в процессе изготовления орудий. Рабочий край у двух крутой, у одного пологий оформлен серией радиальных снятий с последующей подправкой ретушью. Пятка орудия представлена поверхностью гальки (рис.4 – 5) или оформлена несколькими крутыми перпендикулярными сколами (рис.4 – 2; 5 – 2).

Односторонние орудия с прямым рабочим краем представлены одним изделием. Орудие изготовлено из расколотой повдоль гальки, рабочий край крутой, оформлен серией крупных плоскостных сколов с последующей подправкой ретушью (рис.5 – 5).

Одним изделием представлено орудие, у которого две сходящихся рабочих кромки образуют треугольный крутой рабочий край, оформленный плоскостными снятиями с последующей подработкой ретушью (рис.5 – 4).

Двусторонние галечные орудия шестого культурного горизонта представлены тремя экземплярами. Все выполнены из целых галек. Рабочий край одного изделия прямой расположен на торце заготовки, оформлен двусторонней оббивкой (рис.4 – 4). Рабочий край второго орудия выпуклый оформлен двусторонними разнонаправленными сколами (рис.6 – 1). Рабо-

чий край третьего изделия вогнутый, расположен на боковом крае заготовки оформлен двусторонними сколами с последующей подправкой краевой ретушью (рис.5 – 6).

Помимо этого в индустрии данного горизонта присутствуют расколотые гальки, вентрал которых оформлен серией разнонаправленных снятий, которые не образуют рабочего края, но на отдельных участках данных артефактов присутствуют четко различимые следы смятости и забитости (рис.4 – 1,3).

В 60-ые гг. XX в. А.П. Окладников выделив для Алтая эпоху эпипалеолита (Окладников А.П., 1968, с.78), абсолютно верно отметил тот факт, что древние традиции изготовления галечных орудий сосуществуют с наконечниками стрел. Для седьмого горизонта получена радиоуглеродная дата 7970±95 лет (СОАН–5152). Для расчёта возраста использован период полураспада C^{14} равный 5570 лет. Возраст рассчитан от 1950 г. При подобной методике определения периода полураспада C^{14}, материалы седьмого горизонта датируются периодом 6020±95 лет до н.э. Если перейти на период полураспада C^{14} равный 5730 лет, то мы получим дату 6259±95 до н.э. Таким образом, по нашему мнению, материалы данного культурного горизонта следует датировать концом VII – началом VI тыс. до н.э. Для шестого горизонта получены четыре радиоуглеродные даты 6860±90 лет (СОАН–5149), 6620±95 лет (СОАН–5150), 6585±85 лет (СОАН–5151) и 6510±130 (ГИН–8455). Для расчёта возраста использован период полураспада C^{14} равный 5570 лет. Возраст рассчитан от 1950 г. При подобной методике определения периода полураспада C^{14}, материалы шестого горизонта датируются периодом от 4910±90 лет до н.э. до 4560±130 лет до н.э. Если перейти на период полураспада C^{14} равный 5730 лет, то материалы горизонта будут датироваться периодом от 5115±90 лет до н.э. до 4832±85 лет до н.э. Таким образом, имеющиеся даты укладываются в интервал от 5205 г. до н.э. до 4380 г. до н.э. По нашему мнению, материалы шестого культурного горизонта следует датировать концом VI – первой половиной V тыс. до н.э.

Таким образом, по материалам 9-6 горизонтов поселения Тыткескень-2 мы можем констатировать, что галечные орудия доживают до первой половины V тыс. до н.э. На современном этапе изучения памятников мезолита – неолита Горного Алтая необходимо отметить, что возможность существования реликтовой палеолитической культуры в Горном Алтае в то время, когда в сопредельных регионах уже сложилась более передовая культура, исключается.

Коллекция галечных изделий поселения Тыткескень-2 насчитывает 28 экз. Галечные изделия составляют достаточно не большую группу в составе орудийного набора комплексов мезолита – раннего неолита поселения Тыткескень-2. Их доля в орудийном наборе варьирует от 0,37% (8 горизонт) до 0,72% (6 горизонт). Общий облик каменной индустрии в целом характеризуется высоким уровнем развития микролитической техники. Не дают они большого разнообразия и в типологическом выражении, хотя следует заметить, что наряду с такими достаточно архаичными типами, как односторонние орудия с прямым (рис.3 – 6), выпуклым (рис.3 – 4; 5 – 1), треугольным (рис.2 – 2; 3 – 5) рабочим краем которые выглядят достаточно архаично, появляется и принципиально иной тип галечных орудий с овальным рабочим краем занимающем 2/3 периметра заготовки. Появление новых типов галечных орудий, характерных только для раннеголоценовых культур, лишний раз подтверждает точку зрения многих исследователей на то, что галечные орудия нельзя рассматривать как некий архаичный элемент. Их типы стабильно развивались и возникали на разных этапах каменного века в связи с возникающей хозяйственной необходимостью.

Типология и распространение галечных орудий в голоцене проблема недостаточно исследованная. Галечные орудия встречаются на памятниках усть-семинской мезолитической культуры Горного Алтая (Кунгуров А.Л., 1993, с. 57). Они широко распространены в материалах гиссарской неолитической культуры (горные районы современного Таджикистана), где до 60–70% орудий выполнены на целых гальках и их обломках (Коробкова Г.Ф., 1996, с. 113).

Основным показателем для разграничения мезолита и неолита является керамическая посуда, появление которой принято считать началом неолита (Ошибкина С.В., 1996, с. 6). Подобной точки зрения придерживается большинство исследователей неолита

(Кольцов Л.В., 1989, с. 6; Савельев Н.А., 1989, с. 21; Зах В.А., 2003, с. 15; Кузьмин Я.В., 2003, с. 16). Находка керамики в седьмом горизонте позволяет нам отнести горизонты с седьмого по четвёртый к эпохе неолита. В шестом и седьмом горизонтах не встречены шлифованные орудия характерные для неолита (топоры, тёсла и т.д.). Прослеживается одна интересная тенденция: в шестом-седьмом горизонтах пос. Тыткескень-2 отсутствуют шлифованные орудия и присутствуют галечные, а начиная с четвёртого наоборот. Пока мы не может уверенно сказать, чем это можно объяснить: случайностью или эта тенденция отражает объективные процессы изменения в хозяйственной деятельности населения поселения Тыткескень-2. Материалы синхронных памятников Средней Катуни не позволяют однозначно ответить на этот вопрос. На поселении Тыткескень-6 в раннеолитическом слое встречен стерженёк крупного рыболовного крючка с боковым пропилом для крепления жальца (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994, с. 112). К сожалению, мы не имеем радиоуглеродных дат по ранненеолитическому комплексу поселения Тыткескень-6, а имеющиеся в нашем распоряжении керамические коллекции не позволяют уверенно синхронизировать с конкретным горизонтом поселения Тыткескень-2 (седьмым, шестым или пятым). Поэтому вопрос о появления шлифованных орудий на Средней Катуни в мезолите или раннем неолите пока остаётся открытым. Также остаётся открытым вопрос, о взаимосвязи исчезновения галечных орудий и появления шлифованных в комплексах развитого - финального неолита.

Работы по изучению галечных орудий поселения Тыткескень-2 будут продолжены. Вполне возможно, что привлечение трасологических методов исследования для определения функционального назначения этих изделий, позволит нам продвинутся в решении обозначенных проблем.

Литература

1. Абрамова З.А. Галечные орудия в палеолите Енисея (опыт типологии) // МИА. – Л: Наука, 1972. – №185. – С. 125-141.
2. Барышников Г.Я., Кирюшин Ю.Ф. Геологические и геоморфологические условия формирования археологического памятника Тыткескень в среднем течении Катуни // Археологические исследования на Катуни. Сборник научных трудов. – Новосибирск: Изд-во Наука СО, 1990. – С. 23-30.
3. Барышников Г.Я., Малолетко А.М. Археологические памятники Алтая глазами геологов. – Томск, 1997. – Ч. 1. – 160 с.
4. Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 167 с.
5. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень-6 на Катуни // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 111-124.
6. Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2004. – 23 с.
7. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Неолит Горного Алтая // История республики Алтай. Том 1. Древность и средневековье. – Горно-Алтайск: Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. – С. 85-97.
8. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Семибратов В.П. Мезолитический комплекс поселения Тыткескень-2 // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2003. – №11. – С. 3-19.
9. Кольцов Л.В. Введение // Мезолит СССР. – М.: Наука, 1989. – С. 5-11.
10. Коробкова Г.Ф. Средняя Азия и Казахстан // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 87-135.
11. Кузьмин Я.В. Переход от палеолита к неолиту и возникновение керамики на Дальнем Востоке России: геоархеологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. – №3 (15). – 2003. – С. 16-27
12. Кунгуров А.Л. Палеолит и мезолит Алтая. Учебное пособие. – Барнаул, 1993. – С. 88.
13. Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в Азиатской части СССР // МИА. – М., 1966. – №126. – С. 213-223.

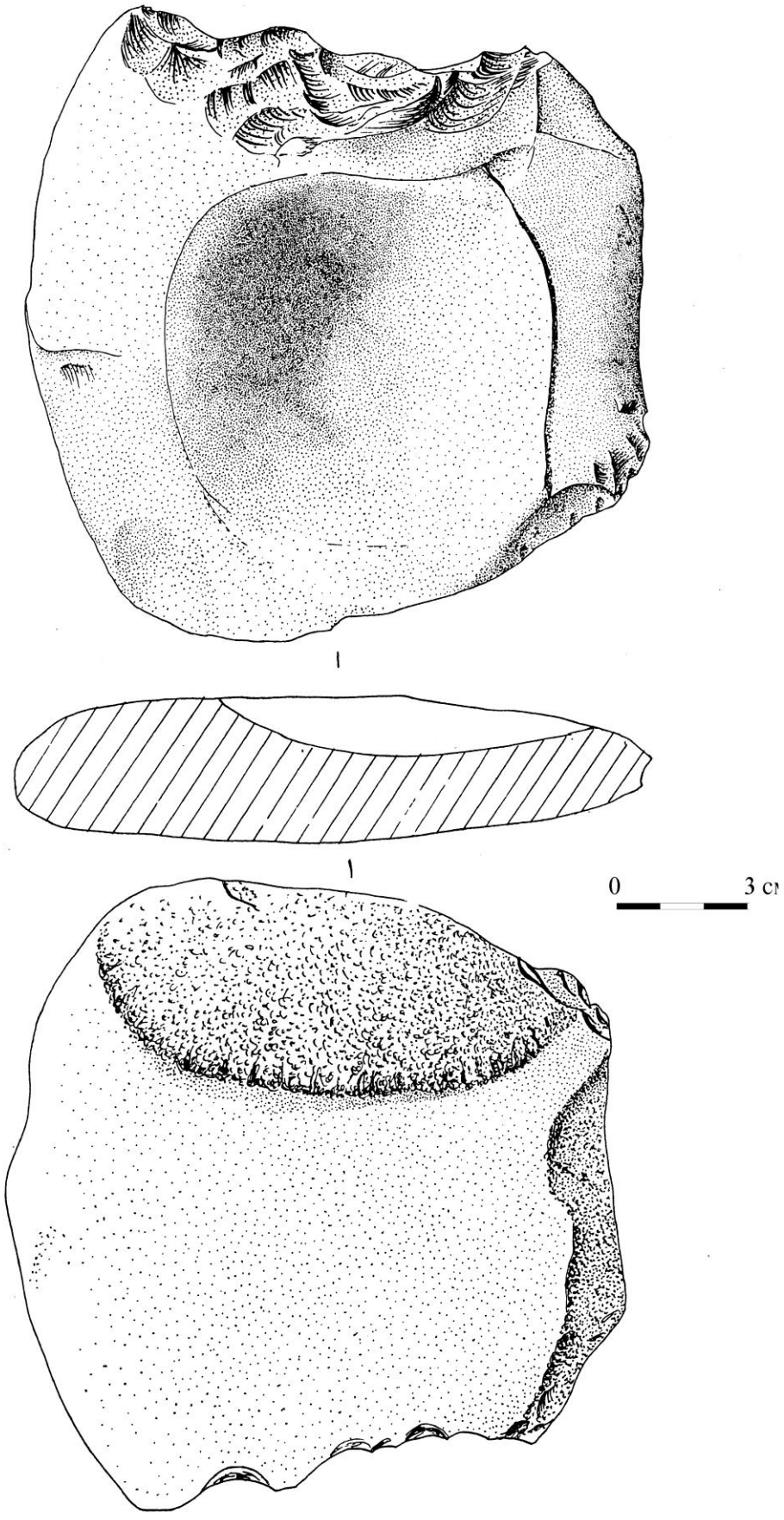


Рис.1

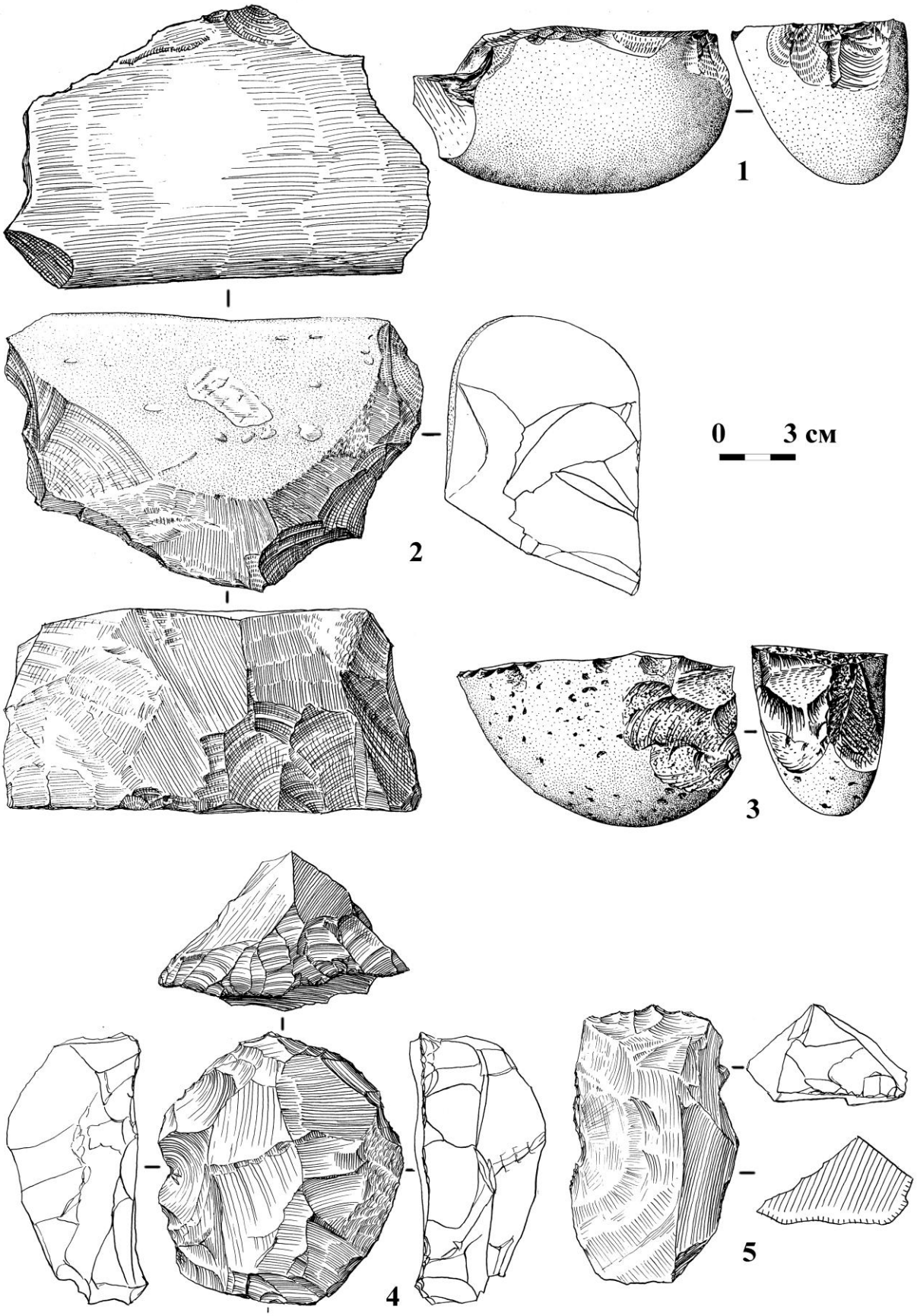


Рис.2

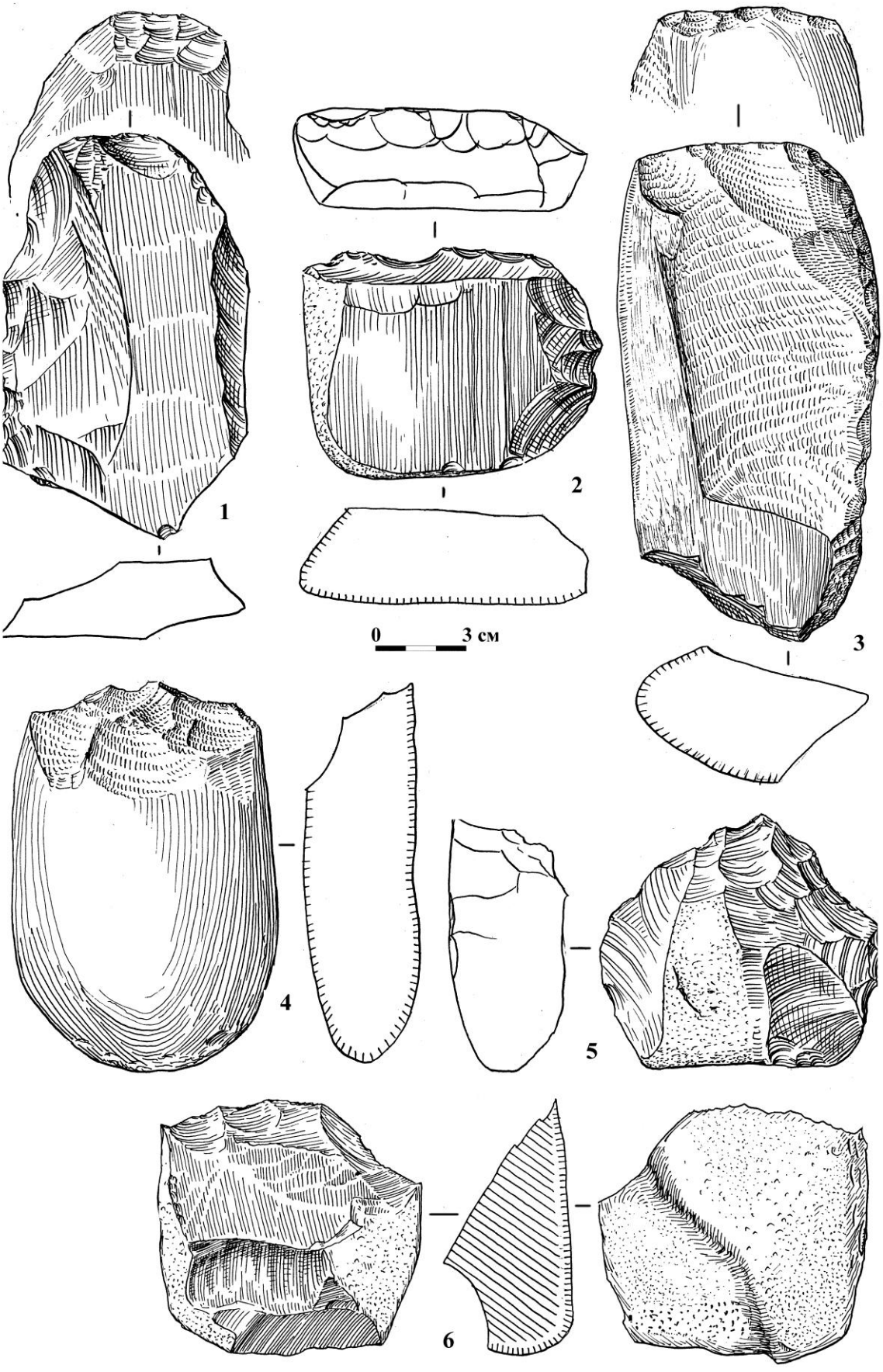


Рис.3

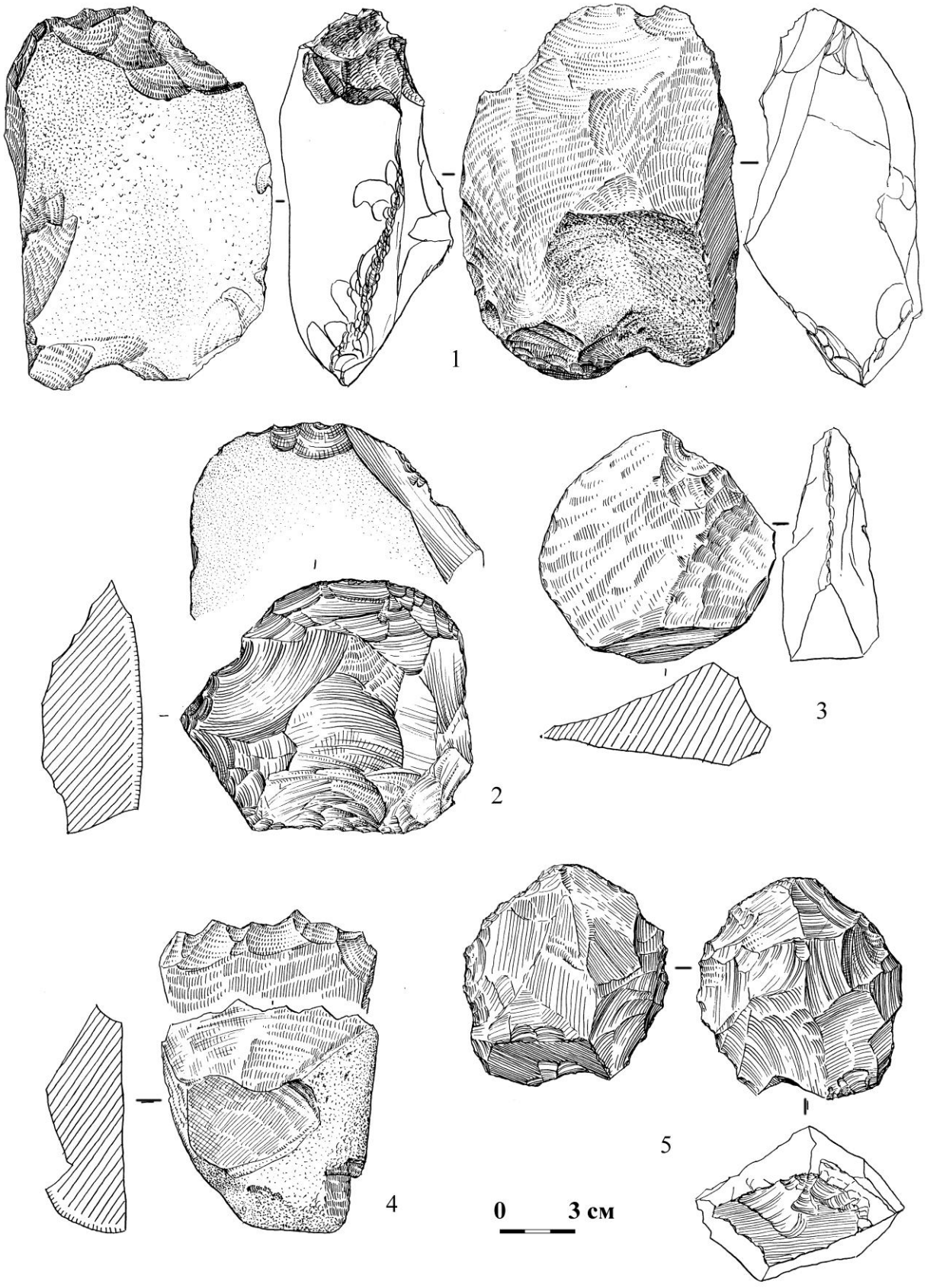


Рис.4

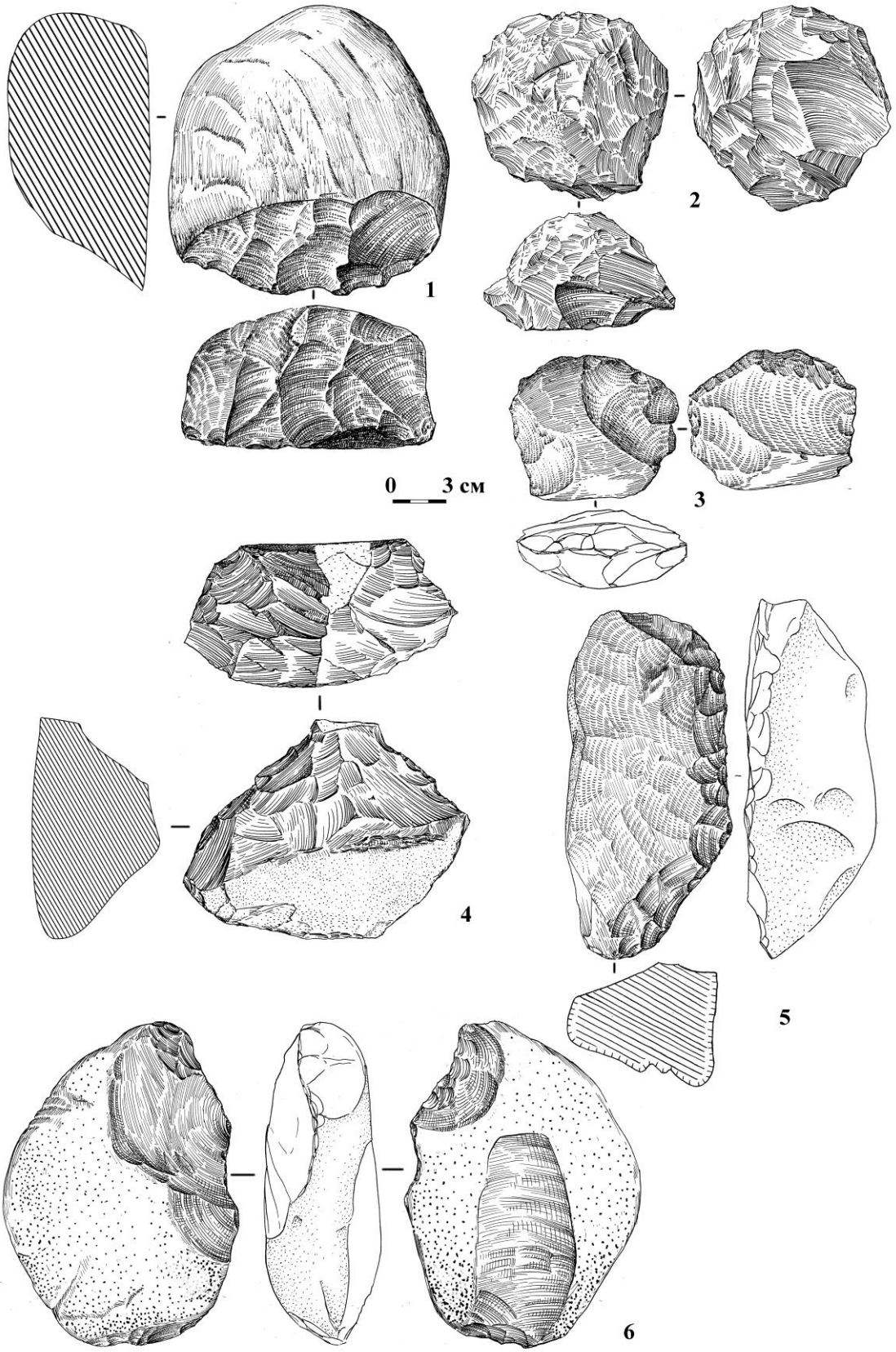


Рис.5

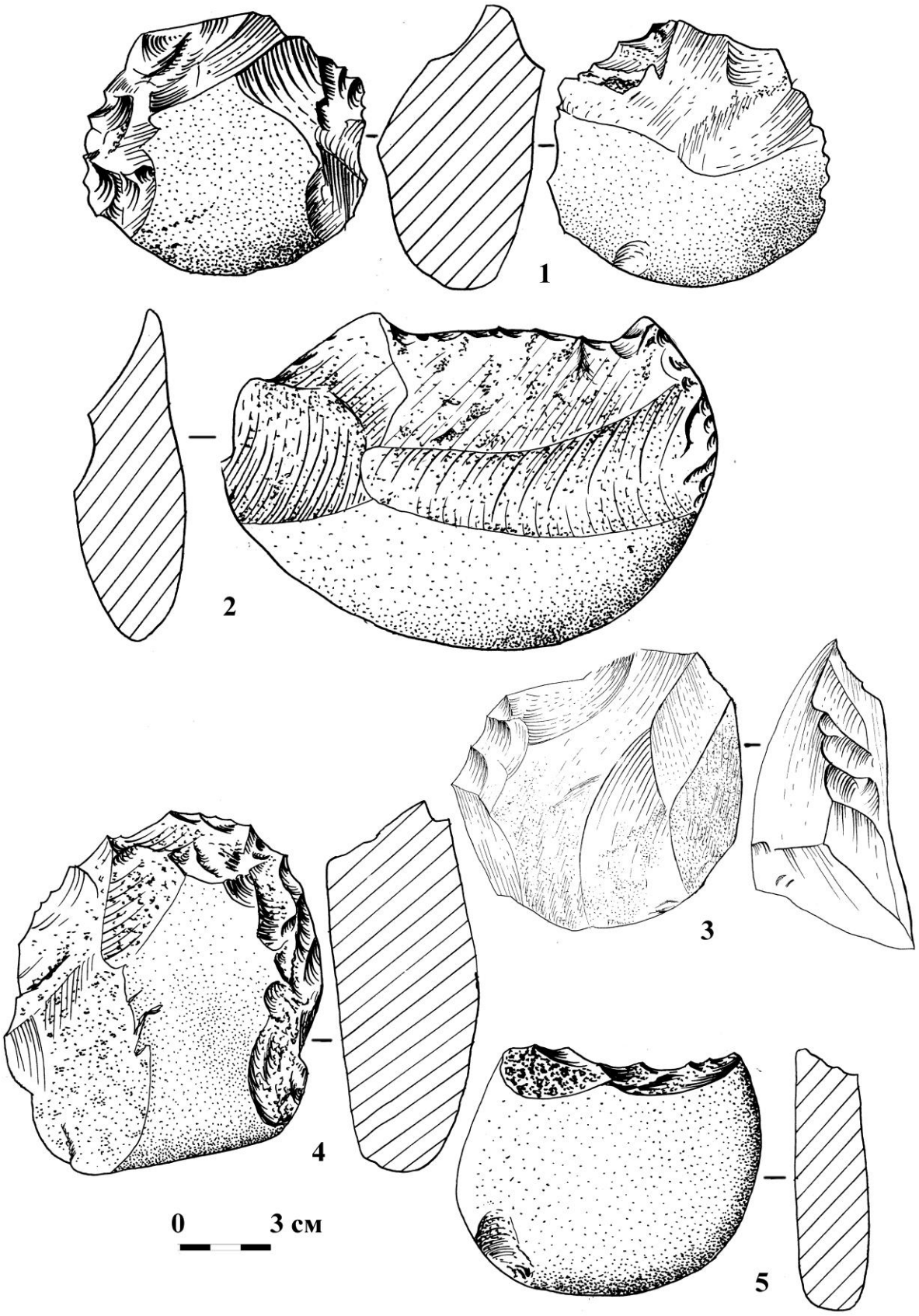


Рис.6

14. Окладников А.П. Переход от палеолита к неолиту // История Сибири. Т. I. Древняя Сибирь. – Л.: Наука, 1968. – С. 76-94.
15. Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии. – М.: Наука, 1996. – С. 6-10.
16. Ранов В.А. «Галечная техника» в культурах каменного века Сибири и Средней Азии // Сибирь и ее соседи в древности. – Новосибирск: Наука, 1970. – С.17-26.
17. Ранов В.А. Галечные орудия и их место в палеолите Средней Азии // Материальная культура Таджикистана. – Душанбе, 1971. – Вып. 2.
18. Савельев Н.А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): Автореф. дис. … к.и.н. – Новосибирск, 1989. – 25 с.
19. Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1984. – 19 с.

Список иллюстраций к статье
Кирюшина Ю.Ф., Кирюшина К.Ю., Семибратова В.П.

Рис. 1 Галечное орудие девятого культурного горизонта поселения Тыткескень-2.
Рис. 2 Галечные орудия восьмого культурного горизонта поселения Тыткескень-2.
Рис. 3 Галечные орудия седьмого культурного горизонта поселения Тыткескень-2.
Рис. 4 Галечные орудия шестого культурного горизонта поселения Тыткескень-2.
Рис. 5 Галечные орудия шестого культурного горизонта поселения Тыткескень-2.
Рис. 6 Галечные орудия шестого культурного горизонта поселения Тыткескень-2.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 05-01-01390а

Грушин С.П. , Кунгуров А.Л.
(г.Барнаул)

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ 2005 ГОДА В РУДНОМ АЛТАЕ

Данная статья посвящена результатам археологической разведки, произведенной авторами в полевой сезон 2005 года на территории Курьинского, Змеиногорского и Третьяковского районов Алтайского края (рис. 1). Маршруты пешего обследования состояли из двух участков. Первый отрезок охватывал правый берег р. Локтеевка от с. Новофирсово до с. Усть-Таловка (рис. 2 – 1), далее по р. Усть-Колыванка до оз. Колыванского (рис. 2 – 2). Второй (рис. 2 – 3) – от с. Лазурка, по р. Каменка до ее устья (впадение в р. Алей).

В районе с. Новофирсово был обследован комплекс древних горно-рудных объектов, открытый геологами Б.В. Сорокиным и А.Б. Гладько, Позже работы на этих памятниках проводились Ю.П. Алехиным, который зафиксировал 15 подобных объектов, получивших обозначение Суроч-I-XV (Алехин Ю.П., 1996, с. 87). П.И. Шульга исследовал древнюю выработку Сурич-XV (Шульга П.И., 2000). В 2005 году был открыт один подобный объект – Суроч-XVII. Сооружение значительно отличалось от выявленных ранее выработок. Оно представляло собой яму овальной формы, размерами с севера на юг – 25 м, с запада на восток – 15 м. Западина хорошо задернована, по ее периметру, фиксировались сильно расползшиеся отвалы. Вероятно, данный объект является древним горно-рудным разносом. Его датировка в настоящий момент затруднена, и будет возможна только после археологических раскопок.

Между с. Норвофирсово и Краснознаменка был открыт и обследован курганный могильник Новая Знаменка, расположенный на правом берегу Локтевки, в 1 км к востоку от Змеиногорского тракта (указатель трассы 51/121), в 3 км к северу от села Краснознаменка. Могильник состоит из 12 каменно-земляных курганов диаметром до 10 м, высотой до 1 м. Вероятной датировкой могильника можно считать ранний железный век – средневековье.

В районном краеведческом музее с. Курья имеется небольшая археологическая коллекция, представленная каменными орудиями труда и костяными изделиями (рис. 4 – 2-5), предположительную датировку которых можно ограничить временем верхнего палеолита. По информации, предоставленной директором музея, предметы были собраны одним из местных жителей в районе горы Цветуха, находящейся на северной окраине с. Курья, на правом берегу р. Локтеевка, напротив АЗС. Обследование в 2005 году РААО местности в районе горы других находок не выявило.

Все четыре каменных орудия представляют собой различные варианты бифасов. Наиболее крупный полный бифас (рис. 4 – 2) изготовлен из крупного пластинчатого скола. Дорсальная поверхность полностью модифицирована встречной обивкой, оставившей плоские неглубокие фасетки различных размеров, и ретушью. Ретушь многорядная разнофасеточная нерегулярная. Изменения абриса рабочего края орудия этой вторичной обработкой не осуществлялось. Вентральная сторона изделия обработана приемами краевой обивки и ретуширования, аналогичного дорсальному. Центральная плоскость изделия полностью сохранила поверхность расщепления, которая и позволяет предположить пластинчатый характер заготовки. Подобная обработка позволила мастеру камнеобработки «уравновесить» достаточно рельефный дорсал и относительно плоский вентрал заготовки. Сохранилась ее слабая изогнутость в профиль, особенно ближе к проксимальной части. Мелкой краевой обработкой кромкам клинка придана микрозубчатая форма. Наличие изогнутости и скругленный конец клинка предполагает его использование не как наконечника ударного или метательного орудия (копье, дротик), а как режущего инструмента. Скорее всего, это разделочный обваловочный нож. Характер возможного назначения орудия предполагает наличия рукояти или обмотки проксимальной части орудия кожей или берестой для защиты ладони при работе.

Второй бифас представляет собой обломок нижней или верхней половины наконечника копья (рис.4 – 4). В профиль и фас изделие симметричное, толщина и обработка кромок предполагает высокую проникающую способность наконечника при ударе. Модифицирующая и чистовая вторичные обработки аналогичны предыдущему образцу, но, в отличие от него, полностью изменяют поверхность заготовки. Характер раскалывания наконечника позволяет предположить то, что он был использован в процессе охоты по прямому назначению. Именно этим объясняется характер повреждений. Можно предположить два варианта попадания сломанного орудия на памятник:

- Если фрагмент представляет собой верхнюю проникающую часть

наконечника, то она могла обломиться и застрять в теле поверженного животного. При свежевании добычи охотники извлекли и выбросили обломок;

- Если это фрагмент нижней части (насада), то он попал на памятник

вместе с древком копья также после охоты (при удачном применении каменного наконечника очень часто он обламывается из-за «рычагового» воздействия древка копья при бегстве или агонии раненного животного). Наконечник был откреплен от древка и выброшен за ненадобностью.

Могли существовать и другие причины присутствия изделия на горе, но эти наиболее вероятные.

Следующие два изделия представляют собой обушковые разделочные мясные ножи. Оба изготовлены из овально-подтреугольных сколов средних размеров, которые подверглись достаточно сильной модификации. Первое изделие (унифас) имеет асимметрично-треугольную форму (рис.4 – 5). Дорсал обработан аккуратной регулярной обивкой по периметру, а более выпуклая сторона обработана мелкой крутой приостряющей зубчатой ретушью. Более прямая кромка несет на себе продольный обушок, образованный тремя разоориентированными сколами и притупливающей ретушью, удалившей острые

грани фасеток. Приостренный дистальный конец орудия подправлен и с вентрала и, видимо, использовался для разреза мягких тканей или раскроя шкуры животного. Изделие могло использоваться и как скребло. Вентрал заготовки оставлен без обработки, на проксимальном конце сохранились остатки фасетированной ударной выпуклой площадки. Последнее орудие представляет собой подтрапециевидный обушковый нож-бифас (рис.4 – 3), изготовленный из нуклевидного скола с фасетками радиальных снятий. Более длинный и высокий левый край заготовки дополнительным притупливающим ретушированием превращен в подобие обушка с небольшим дорсальным уклоном. Противоположная кромка уплощающей обивкой и крупной нерегулярной двусторонней зубчатой ретушью превращена в рабочее лезвие. Без обработки осталась большая часть вентрала и дорсала первоначальной заготовки с остатками фасетированной ударной площадки.

Роговое изделие представляет собой обрезок спицы крупного рога оленя или лося с оскобленной и стесанной поверхностью, подвергшейся шлифовке и воздействию природных факторов. В нижней, более широкой части изделия имеется овальная выборка компактного вещества глубиной до 0,02 м, выполненная, судя по оставшимся фасеткам, каменным долотовидным орудием и подшлифованная. В более узкой части зафиксирована выборка округлой формы меньшего размера, но большей глубины и входящее в нее отверстие. От отверстия с одной стороны изделия на другую через поперечный срез проходит канавка со следами лощения от ремешка. Скорее всего изделие является инструментом для обработки камня, входящим в состав охотничьего снаряжения (муфта-посредник для раскалывания и вторичной обработки). В связи с отсутствием аналогий подобным находкам, данная интерпретация может быть только предположением. Возможная датировка комплексу находок с г. Цветуха – начало-первая половина верхнего палеолита.

Обследование рек Локтеевка и Усть-Колыванка позволило выявить три курганных могильника. Памятники состоят из двух-трех каменных и каменно-земляных курганов, приуроченных к небольшим пойменным останцам (Усть-Колыванка-III), к надпойменным террасам (Усть-Колыванка-IV) и невысоким сопкам (Курья-IX) (рис. 2 – 1), диаметр курганных насыпей от 15 до 5 м, высота до 1,2 м. Предположительная датировка могильников ранний железный век – средневековье.

Комплекс вновь открытых и уже известных памятников был обследован в районе оз. Колыванского (рис. 2 – 2). Водоем расположен в зоне тектонического разлома близ северо-западных отрогов Колыванского хребта на высоте 336 м от у.м. Цоколь сложен пермскими интрузивными образованиями (гранитоиды, кварцевые диориты, диориты, граниты и плагиограниты). На северо-восточном борту озера имеются выходы горного хрусталя. Четвертичные отложения представлены делювиально-элювиальными суглинками, щебнем, глыбами.

Осмотр береговой черты озера был вызван сведениями о находках в истоковой зоне р. Усть-Колыванки, вытекающей из северо-восточной акватории и впадающей в р.Чарыш (левый приток) (рис. 1). Находки каменных изделий в этом месте известны с 70-х годов прошлого века и связаны с тем, что на это место подходит удобная и наиболее короткая дорога с трассы Барнаул – Змеиногорск. Поскольку озеро одно из излюбленных мест отдыха, достаточно часто здесь останавливаются на перерыв или ночевку и туристы и участники различных экспедиций. Наибольшее количество каменных изделий было собрано во время подобных остановок В.П. Семибратовым и А.А.Тишкиным. Эти материалы опубликованы, однако обследования местонахождения не проводилось (Кунгуров А.Л., 2002). Для определения характера памятника авторами работы были осмотрены прибрежные участки озера, доступные для пешего маршрута (в ряде мест южного и юго-восточного побережья подход невозможен из-за заболоченного участка, примыкающего к совершенно отвесным гранитным скалам). Предварительное знакомство с рельефом и орографией водоема позволило сделать следующие наблюдения: на остальных пляжах и отмелях озера каменные изделия не встречены; имеются чрезвычайно перспективные для поиска памятников различных эпох участки побережья и врезанные в озерную котловину лога с небольшими водотоками, имеющие вид небольших заливов.

Единственные раскопочные стационарные работы, проведенные Ю.П. Алехиным в 80-х годах прошлого века на многослойном поселении Колыванское-I (Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф., 1996; Алехин Ю.П., 1999) свидетельствуют о присутствии в этом регионе человека на протяжении нескольких археологических периодов от каменного века до средневековья, что косвенно подтверждает необходимость запланированных исследований. Поскольку регион активно начинает осваиваться туристическим бизнесом, актуальным археологическое изучение Колыванского становится еще и актуальным.

Местонахождение Усть-Колыванка-I расположено в месте выхода р.Усть-Колыванка из акватории озера (рис. 2 – 2). Долина речки, понижающаяся по сравнению с урезом озера в северо-восточном направлении, начинается на стыке кромки водораздельного лессового плато, ограничивающего озеро с севера, и цокольного обрамления восточного побережья. Вдоль побережья на юг и север тянется полоса галечника, имеющая ширину до 100 м. Находки происходят с территории пляжа, который отделяет останцовое гранитное всхолмление. Они представлены сборами разных лет. Осмотр местности позволяет достаточно уверенно говорить о том, что ни рекой, ни озером упомянутые артефакты на пляж принесены быть не могли. Скорее всего, они находятся на том месте, где были оставлены древним человеком. При этом перемещения крупных составляющих не наблюдалось. Дополнительно провоцирует это разрушение антропогенный фактор – вся поверхность пляжа истоптана отдыхающими и перепахана колесами машин.

Таким образом, местонахождение Усть-Колыванское можно считать памятником с поверхностным залеганием культурного слоя. Значительное количество орудийных форм, отсутствие вблизи озера пригодного для обработки сырья и разновременность материала позволяет рассматривать Усть-Колыванку как временную охотничью стоянку, функционировавшую на протяжении длительного промежутка времени.

Первые четыре артефакта собраны на отмели студенткой ИФ АлтГУ Н. Банниковой в 1978 г. Каменные изделия имеют небольшую заглаженность граней, видимо, образованную волно-прибойной деятельностью озера. Найдены скребло, долотовидное изделие и два пластинчатых скола. Коллекция, собранная в 90-е – 2000-е годы состоит из восьми артефактов: нуклеус, два скребла, лимас, обушковое изделие, пластина, крупный пластинчатый скол и топор-бифас. Сохранность поверхности орудий различна, что свидетельствует о их разновременности. При этом характер патинизации эоловый, а не водный. Материалы 2005 года представлены семью артефактами, среди которых выделяется концевой скребок на проксимальном фрагменте крупной пластины с обработанными продольными кромками. Обращает на себя внимание остаток фасетированной ударной площадки, свидетельствующий об архаичном принципе получения заготовки, характерном для первой половины верхнего палеолита. Остальные предметы представлены мелким и средними (3 экз.) вторичными отщепами со следами использования, проксимальным фрагментом пластины средних размеров и мелким обушковым изделием с резцовым сколом. Несмотря на немногочисленность коллекций, можно сделать некоторые предположения о датировке предметов. К мустьерскому времени относятся массивные пластинчатые сколы с остатками фасетированной и гладкой ударной площадки. Крупные скребки, лимас и нуклеус с Усть-Колыванки по некоторым признакам датируются началом верхнепалеолитического времени. Подобные изделия известны из комплексов стоянок Петровский-I, Гилёвское Водохранилище-IV и др. Основное количество артефактов имеют верхнепалеолитический возраст, определить их узкую хронологию достаточно сложно. Топор-бифас с подшлифовкой имеет неолитический облик. Аналогичные изделия известны на многих неолитических поселениях Верхнего Приобья. Наиболее близкий памятник, где известны подобные топоры – поселение Рубцовское (Кунгуров А.Л., Онников А.В, Тишкин А.А.,1999).

Обследование устьевой зоны рек Слюдянка и Усть-Колыванка, позволило выявить два ранее неизвестных археологических памятника. Поселение Слюдянка-IV, расположенное на левом берегу р. Слюдянка, в 1 км к юго-востоку от устья реки (место впадения в Усть-Колыванку), в 1,9 км к северо-востоку от северного берега оз. Колыванского. Памятник расположен на невысоком мысу, выдающимся в пойму реки. В центре мыса находятся разрушения, вероятно, старый песчаный карьер. Кроме того, территория мыса покрыта многочисленными кротовинами, в одной из которых был обнаружен фрагмент не-

орнаментированной керамики. Датировка и характер памятника определить на момент обследования не удалось.

Поселение Усть-Колыванка-II расположено в пойме р. Усть-Колыванка на правом берегу, в 300 м, к северо-западу от впадения в нее р. Слюдянка (на момент обследования высохшее), в 1 км к северо-востоку от северного берега оз. Колыванского. Памятник находится на небольшой возвышенности между зарослями кустарника, маркирующими русло р. Усть-Колыванка и болотом (с северо-восточной стороны). В некоторых местах на памятнике фиксируются небольшие слабозаметные западины, которые могут являться остатками котлованов жилищ. Территория поселения покрыта многочисленными кротовинами, осмотр которых позволил обнаружить относительно многочисленную серию археологических находок. Они представлены фрагментами керамики, украшенными оттисками гладкого и гребенчатого штампа, образующими елочку (рис.3 – 1), треугольники (рис. 3 – 2, 5) и другие геометрические фигуры, встречены фрагменты с канелюрами (рис. 3 – 4). С поселения происходят, также обломки костей животных и каменных орудий. Основной комплекс керамики относится к андроновской культуре бронзового века. Один фрагмент был украшен в технике «шагающая гребенка» (рис. 3 – 10), характерной для керамике раннего бронзового века.

Проведенные в 2003-2004 годах работы позволили зафиксировать в долине Каменки десятки новых археологических памятников (Кунгуров А.Л., 2001а, 2001б, 2002; Кунгуров А.Л., Гончаров А.В., 2003; Гончаров А.В., Кунгуров А.Л., 2003; Кунгуров А.Л., Грушин С.П., 2005). Продолжение этих работ в 2005 году позволило выявить свыше 20 новых археологических памятников различных эпох, представленных стоянками, местонахождениями, поселениями, курганными группами (рис. 2 – 3). Наиболее интересные результаты принесла разведка верхнего течения р. Каменка, истоки которой находятся на отрогах горы Ревнюха. По всей протяженности долины документируются доступные для добывания выходы пригодного для древней утилизации сырья (яшмы различных оттенков, кварциты, роговики, окремненные песчаники и т.п.).

Обследован участок от истоков реки в отрогах Ревнюхи до окрестностей с. Первокаменки. Выше урочища Гольцовский мост осмотрены оба борта долины, ниже маршрут проложен по левобережью. Осмотр разрушения на южной окраине с. Лазурка, связанные с обновлением моста через р. Лазурка, позволил обнаружить стоянку – Лазурка-I. В разрушениях мыса к которому приурочен памятник найдено несколько невыразительных кусков зеленой яшмы и частично обломанный скол с остатками фасетированной ударной площадки на проксимальной части. Облик изделия позволяет отнести его к первой половине верхнепалеолитического времени (Кунгуров А.Л., Грушин С.П., 2005).

Обследование горы Пихтовой, на которой берет свое начало одноименный ключ, впадающий в р. Каменку позволило осмотреть впечатляющий историко-культурный комплекс горно-рудного дела XVIII-XIX вв., включающий в себя остатки шахт, штолен, разносов, отвалов, разведочных траншей и обогатительных площадок (Грушин С.П., 2005). Среди памятников периода освоения русским населением месторождений на г. Пихтовая, встречены древние объекты, связанные с горно-рудным делом.

В 1 км ниже впадения ручья Пихтового в Каменку на галечных отмелях были встречены первые каменные изделия. На протяжении 4,5 – 5 км зафиксировано четыре местонахождения, получившие наименования Верх-Каменка-I-IV. Найденные пункты вызывают значительный интерес, так как представляют собой новый, ранее на Алтае неизвестный тип местонахождений, аналогичный Усть-Колыванке-I. Как уже отмечалось при описании геолого-геоморфологической структуры долины Каменки, ее верхняя треть представляет собой, по существу, ущелье с достаточно крутыми склонами. Эти склоны образованы отрогами горы Гольцовка (СЗ) и Сыроватая (ЮВ). Никаких выположенных участков, уступов, а тем более террас борта долины не содержат. Выше устья руч. Пихтового, река настолько мала, что теряется среди влаголюбивой травянистой и кустарниково-древесной растительности, занимающей днище долины. На обследованном отрезке ширина дна долины не превышает 10-15 м и расположена только на 0,5-1,5 м выше уреза воды. Склоны долины сложены крутыми делювиально-колювиальными осыпями и смывами, достаточно часто встречаются цокольные обнажения. Днище же достаточно пологое, из-

резано старицами реки и сложено мелкой фракцией продуктов разрушения скальных пород и суглинисто-песчаными аллювиальными наносами. Слабопетляющее русло реки активно размывает невысокие борта днища долины, обнажая слабоотсортированный грубоокатанный валунно-галечниковый пласт, подстилающий рыхлую полуторометровую толщу. Его мощность по нашим наблюдениями не превышает 1 м. Ниже залегают тяжелые серо-голубые иловатые глинистые породы и цоколь. На многочисленных небольших отмелях речки, образовавшихся на ее изгибах, а также просто в осыпях берега, найдено большое количество каменных изделий с яркими признаками леваллуазской техники расщепления камня (рис. 4 – 1, 7-14; 5 – 9). Подчас каменные артефакты составляли значительный объем галечных отмелей. Нами идентифицировано четыре пункта, хотя, по видимому, практически весь отрезок долины Каменки в ее верхнем течении представляет собой одно сплошное местонахождение, заполненное тысячами изделий. Обращают на себя внимание следующие особенности этого интереснейшего места Рудного Алтая:

1. Отсутствие пригодных для долговременных поселений и стоянок участков горного обрамления долины реки;

2. Невозможность естественной доставки каменных артефактов из других мест из-за слабой транспортирующей силы Каменки и отсутствия самих этих мест;

3. Отсутствие на отмелях реки находок после выхода ее из горной долины в урочище Гольцовский мост;

4. Обилие артефактов, в том числе выразительных орудийных и нуклевидных форм при незначительном количестве отходов производства (рис.4 – 1, 7-14; 5 – 9).

Перечисленные моменты позволяют предположить то, что значительного перемещения каменных изделий в пространстве как по горизонтали, так и по вертикали не было. Они находятся, по преимуществу, там, где их оставили древние мастера камнеобработки и охотники. Заглаженность поверхности части изделий связана с ее шлифованием песком и мелким гравием (коррадирование), который река несет в изобилии, особенно в период весеннее-осеннего усиления водообильности. Отмечается «односторонняя» окатанность крупных предметов и достаточно хорошая сохранность мелких, что подтверждает наше предположение. Наиболее вероятная интерпретация указанных местонахождений – остатки временных охотничьих стоянок мужской рабочей группы, на которых осуществлялась подготовка амуниции и орудий к охоте, разделка добычи и подготовка ее к транспортировке на место долговременного базового лагеря. Охотники останавливались прямо на берегу Каменки, здесь же в колювии, аллювии или цокольных обнажениях добывали сырье (преимущественно цветные яшмы, кремень и порфиры) и производили его обработку. После завершения процесса основная часть изделий оставалась на месте и постепенно внедрялась а аллювий долины. Именно этим объясняется характер комплекса, имеющегося яркий «охотничье-разделочный» облик. Скопление на протяжении тысячелетий брошенных орудий привело не только к образованию своеобразного культурного слоя, но и попаданию изделий в р. Алей. Вне всякого сомнения подобные комплексы должны быть обычны для Рудного Алтая, их открытие замедляется из-за того, что отмели малых рек в их верхнем течении как правило никто не осматривает. Открытие других местонахождений, подобных Верх-Каменским, поставит вопрос о методике их исследования и более глубокой интерпретации в рамках изучения производительных сил ранних присваивающих обществ.

Техника первичного расщепления на местонахождениях верховьев Каменки представлена леваллуазскими нуклеусами для получения треугольных сколов (рис. 9 – 1, 2) и небольшими радиальными ядрищами (рис. 9 – 3). Судя по размерам и характеру некоторых сколов (рис. 9 – 1, 2) радиальное расщепление при первичной утилизации сырья было представлено достаточно полно. Большая часть сколов, документирующих технику расщепления, представлена треугольными сколами (рис. 9 – 4, 5; 7 – 3, 14, 15, 16; 6 – 9; 5 – 4, 7), пластинчатыми снятиями различных размеров (рис. 4 – 1, 7-10; 5 – 1, 2, 6; 7 – 2, 5, 6, 8, 9, 11, 12; 6 – 1-8), черепаховидными, овальными, асимметрично-треугольными и случайными сколами, имеющими рудименты мустьерской техники расщепления (рис. 8 – 2-5; 7 – 4). Встречены сколы небольших размеров с искусственным (рис. 7 – 9, 19) и ес-

тественным (рис. 4 – 14) обушком. Вторичная обработка и орудийный набор также имеют явные мустьерские черты. Зафиксирована обивка различных параметров, модифицирующая кромки сколов, крупная глубокая ретушь, анкош и ретушные выемки. Орудийный набор, в силу специфики местонахождений, представлен слабо. Присутствуют, преимущественно, обработанные сколы, хотя единично встречены зубчато-выемчатые и выемчатые изделия (рис. 8 – 1; 5 – 5; 4 – 12), скребла (рис. 8 – 2; 7 – 1), скребки высоких форм (рис. 7 – 2; 4 – 13). Возможная предварительная датировка местонахождений на р. Каменка – эпоха позднего мустье - ранний верхний палеолит.

В 2003 г. А.В. Гончаровым была проведена разведка правого борта долины Каменки до ее устья (Гончаров А.В., Кунгуров А.Л., 2003). В ходе наших работ осмотрен участок долины до ее устья. При обследовании этого участка Каменки зафиксированы 9 поселений (Гора Сыроватая-IV, V, Ефимов Ручей-I, Гочарова Грива-I, Охромов Лог-I-V), 1 мастерская – каменоломня (Гончаров Брод-I), приуроченных к мысовидным и останцовым формам рельефа, образованным деятельностью реки и ее левых притоков и 3 курганных могильника (Усть-Каменка-I, II, Иванов Ключ-I), расположенных на южных с юго-восточных отрогах г. Тараскина (рис. 2 – 3).

Поселение *Гора Сыроватая-IV* расположено на пологом мысовидном расширении левого берега долины р. Каменки в месте ее выхода из межгорной котловины, образованной отрогами гор Гольцовка (правый борт) и Сыроватая (левый борт). В осыпях зафиксированы куски прокаленной почвы, пережженные кости животных, металлургические шлаки. Поверхность мыса очень сильно «перекопана» кротовинами, осмотр которых позволил обнаружить обломки керамики без орнамента, включая фрагменты плоских днищ (13 экз.), кости домашних животных (к.р.с., м.р.с.) со следами пищевой утилизации (17 экз.), обломки камня (7 экз.), металлургический шлак (18 экз.), обломки керамических литейных форм или обмазки печей (7 экз.). Несмотря на слабую информативность комплекса поселения, он соответствует, прежде всего, характеру поселений раннего железного века второй половины I тыс. до н.э.

Поселение *Гора Сыроватая-V* расположено на мысе левого берега р. Каменки, образованном двумя пологими сухими логами, врезанными в лессовую толщу борта долины на 200 (северный) и 350 (юго-восточный) метров. В пашне собрана небольшая коллекция обломков керамики без орнамента (5 экз.), пережженные кости животных, металлургические шлаки (4 экз.). Керамика по внешнему облику и достаточно высокому качеству обжига аналогична посуде с предыдущего поселения и, скорее всего, датируется ранним железным веком.

Поселение *Ефимов Ручей-I* расположено на двухметровом лессовом останце коренного правого берега р. Каменки, выделенном изгибом ее русла и небольшим правым притоком. Поселение, видимо, занимает выположенную верхнюю часть бугра. В осыпи останца собрана керамика без орнамента (6 экз.), кости к.р.с. со следами пищевой утилизации (8 экз.), куски прокала и пережженные кости животных. Материалы аналогичны находкам с двух предыдущих памятников.

Мастерская–каменоломня *Гончаров Брод-I* палеолитического времени. Объект расположен на крутом мысовидном выступе правого борта долины р. Каменки высотой до 12 м. В этом месте грунтовая дорога пересекает р. Каменку. В осыпях разрушений найдено достаточно большое количество отдельностей зеленой качественной яшмы, что свидетельствует о наличии прослоев этой породы в составе цоколя Гончаровой гривы, скрытых склоновым делювием. Кроме этого найдено 10 артефактов с явно выраженными следами преднамеренного расщепления, в том числе крупный скребок на первичном сколе яшмового желвака. Датировка и фациальное определение памятника предварительное, необходимы дальнейшие исследования комплекса. Интересно то, что напротив Гончарова Брода-I, на левом берегу долины Каменки в 2003 г. найдена стоянка каменного века Дьяков лог, содержащая изделия, изготовленные из зеленой яшмы. Кроме этого в 1,7 км ниже по течению на левом борту долины реки в месте еще одного брода, не имеющего своего названия, в 2003 г. осмотрен выход очень качественной черной кремнистой яшмовидной породы, однако никаких артефактов там обнаружено не было. Все перечисленное подтверждает необходимость дальнейшего исследования этого участка долины р. Каменки.

Поселение *Гончарова Грива-I* расположено на левой надпойменной террасе р. Каменка, имеющей форму клина, в 2 км выше по течению реки от с. Первокаменка, у юго-западного подножья горы Гончарова Грива. На мысу обнаружен фрагмент керамики, орнаментированный в технике «отступающей палочки» (рис. 3 – 13), каменные инвентарь (рис. 3 – 14-16). Судя по находкам поселение, предварительно, можно отнести к эпохе ранней бронзы.

Поселение *Охромов Лог-I* расположено на левом берегу Каменки, на мысовидной террасе, в 1 км ниже по течению реки от с. Первокаменка, в 1,5 км выше по течению от устья Охромого лога. На мысу обнаружено несколько фрагментов неорнаментированной керамики. Находки не дают возможность датировать поселение.

Поселение *Охромов Лог-II* расположено на левом берегу Каменки, на первой надпойменной террасе, в 3,5 км ниже по течению реки от с. Первокаменка, в 1,5 км ниже по течению от устья Охромого лога. На памятнике обнаружено два фрагмента керамики, орнаментированной «елочкой», выполненной гребенчатым штампом (рис. 3 – 3, 4). Судя по этим находкам, поселение, предварительно, можно отнести к эпохе развитой бронзы и связать с населением андроновской культуры. Поселения *Охромов Лог-III-V* расположены на левом берегу Каменки, между ниже устья Охромого лога на памятниках собраны немногочисленные фрагменты неорнаментированной керамики, которые не дают возможность точно датировать комплексы.

Курганный могильник *Усть-Каменка-I* расположен на правом берегу Каменки, в 0,5 км к северу от нее, в 5 км к северо-западу от с. Плоское, в 2,4 км от устья р. Каменка, у восточных отрогов горы Тараскина. Могильник состоит из трех каменных курганов, вытянутых в цепочку по линии СЗ–ЮВ. Объекты хорошо фиксируются на пашне, опахиваются. *Усть-Каменка-II*, курганный могильник расположен на правом берегу Каменки, в 0,2 км к северу от нее, в 2 км от устья р. Каменка, в 2 км к юго-востоку от вершины горы Тараскина, в 0,7 км от курганного могильника Усть-Каменка-I ниже по течению реки. Могильник состоит из трех каменных курганов, вытянутых в цепочку по линии СЗ–ЮВ. К югу от памятника проходит полевая дорога, ведущая на трассу Новокамышенка–Первокаменка. По центру насыпей фиксируются остатки погребальных камер в виде каменных ящиков, сооруженных из вертикально поставленных плит. По информации одного из местных жителей с. Новокамышенка, будучи подростком, он со своими сверстниками раскапывал один из ящиков, в котором они кроме небольших обломков кости ничего не обнаружили. Судя по конструктивным особенностям, памятник может датироваться эпохой бронзы – раннескифским временем.

Курганный могильник *Иванов Ключ-I* расположен на северной окраине бывшего с. Кувыркаловка, на правом берегу Алея, на правой стороне небольшого ручья Иванов Ключ, впадающего в р. Алей с правой стороны, в 2 км от с. Новокамышенка, выше по течению Алея. Могильник состоит из пяти каменных курганов, вытянутых в цепочку по линии СВ–ЮЗ. Визуально насыпи идентичны раскопанному средневековому кургану на могильнике Гора Тараскина-VI (Грушин С.П., Тишкин А.А., 2004). Вероятно, этим временем можно предположительно датировать курганный могильник Иванов Ключ-I.

Проведенные работы позволяют наметить дальнейшие перспективы археологического обследования территории Рудного Алтая. На данном этапе исследования можно выявить некоторые закономерности расположения древних комплексов на рассматриваемой территории, изучение которых позволит усовершенствовать методику поиска и выявления подобных объектов в будущем.

Литература

1. Алехин Ю.П. Памятники археологии Курьинского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 58-88.
2. Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и средневековье // Серебреный венец России. Очерки истории Змеиногорска. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999 – С. 17-65.

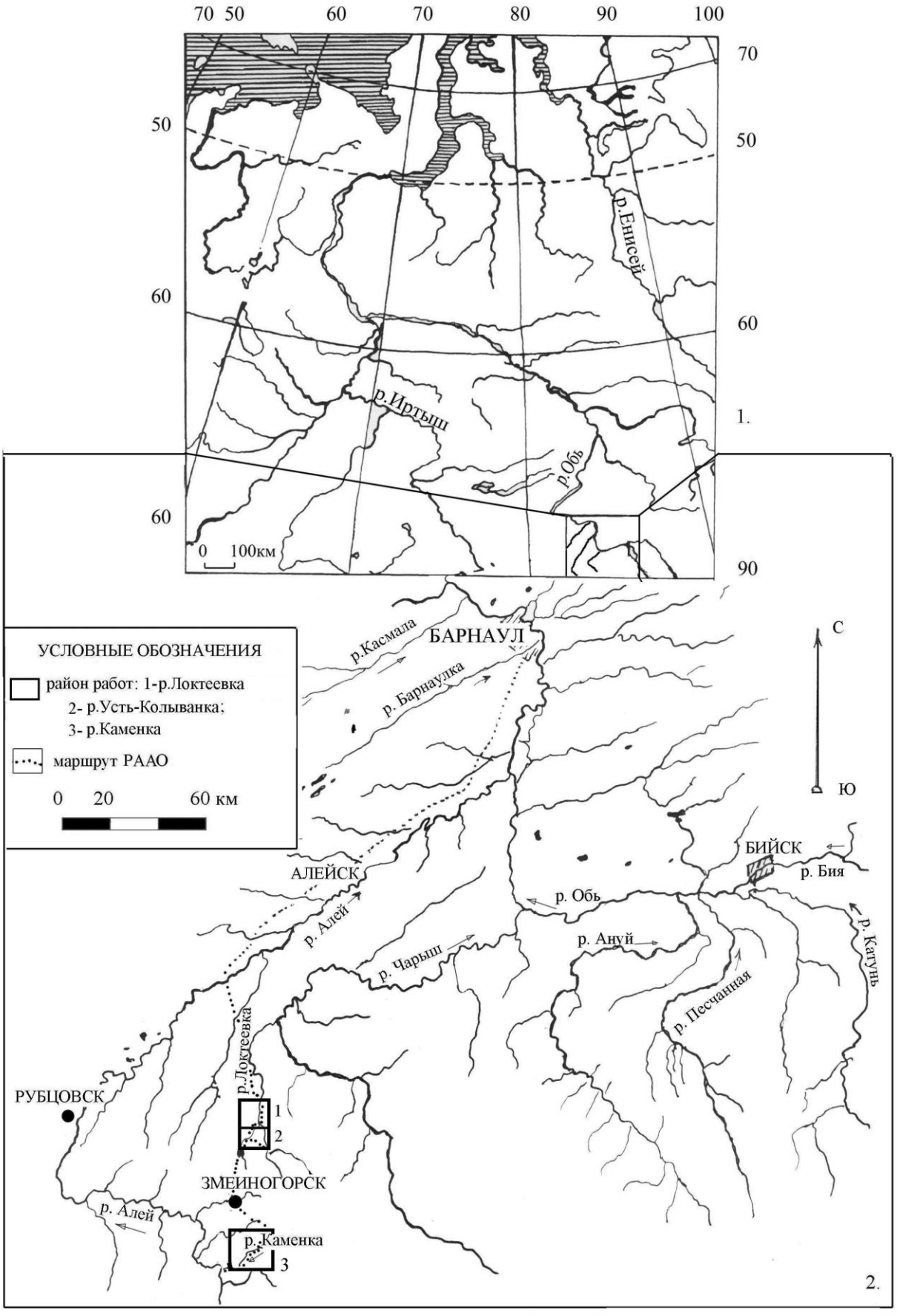

70 50 60 70 80 90 100
70
50
50
60
60
60
90
р.Енисей
р.Иртыш
р.Обь
0 100км
1.
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
район работ: 1-р.Локтеевка
2- р.Усть-Колыванка;
3- р.Каменка
маршрут РААО
0 20 60 км
р.Касмала
БАРНАУЛ
р. Барнаулка
С
Ю
БИЙСК
р. Бия
АЛЕЙСК
р. Алей
р. Обь
р. Чарыш
р. Ануй
р. Катунь
р. Песчанная
р.Локтеевка
РУБЦОВСК
1
2
ЗМЕИНОГОРСК
р. Алей
р. Каменка
3
2.

Рис.1

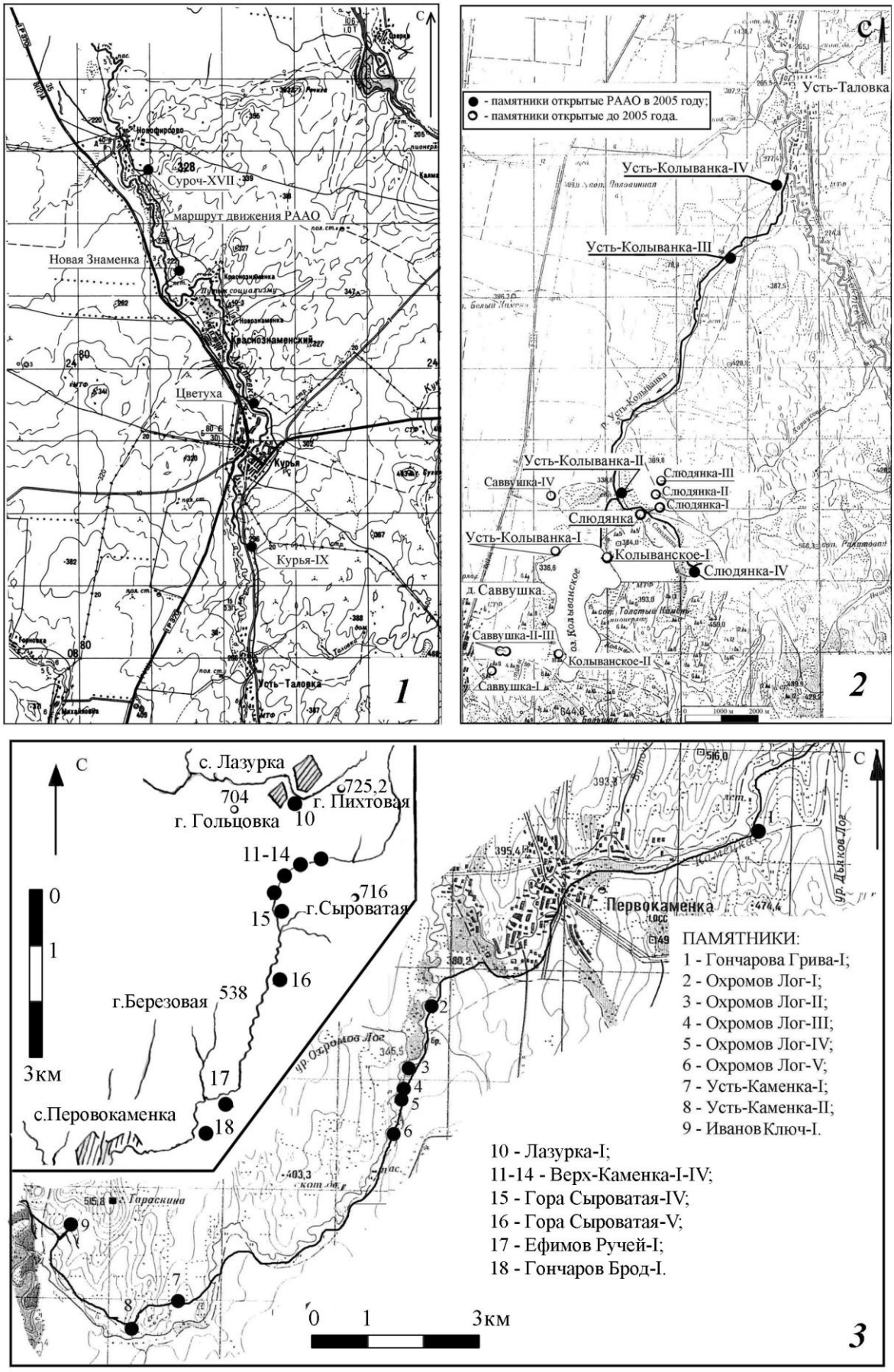

Суроч-XVII
маршрут движения РААО
Новая Знаменка
Цветуха
Курья-IX
Усть-Таловка
1
- памятники открытые РААО в 2005 году;
- памятники открытые до 2005 года.
Усть-Колыванка-IV
Усть-Колыванка-III
Усть-Колыванка-II
Усть-Колыванка-I
Саввушка-IV
Слюдянка-III
Слюдянка-II
Слюдянка-I
Слюдянка
Колыванское-I
Слюдянка-IV
д. Саввушка
Саввушка-II-III
Колыванское-II
Саввушка-I
2
с. Лазурка
г. Пихтовая
г. Гольцовка
г.Сыроватая
г.Березовая
с.Перовокаменка
Первокаменка
ПАМЯТНИКИ:
1 - Гончарова Грива-I;
2 - Охромов Лог-I;
3 - Охромов Лог-II;
4 - Охромов Лог-III;
5 - Охромов Лог-IV;
6 - Охромов Лог-V;
7 - Усть-Каменка-I;
8 - Усть-Каменка-II;
9 - Иванов Ключ-I.
10 - Лазурка-I;
11-14 - Верх-Каменка-I-IV;
15 - Гора Сыроватая-IV;
16 - Гора Сыроватая-V;
17 - Ефимов Ручей-I;
18 - Гончаров Брод-I.
0 1 3км
3

Рис.2

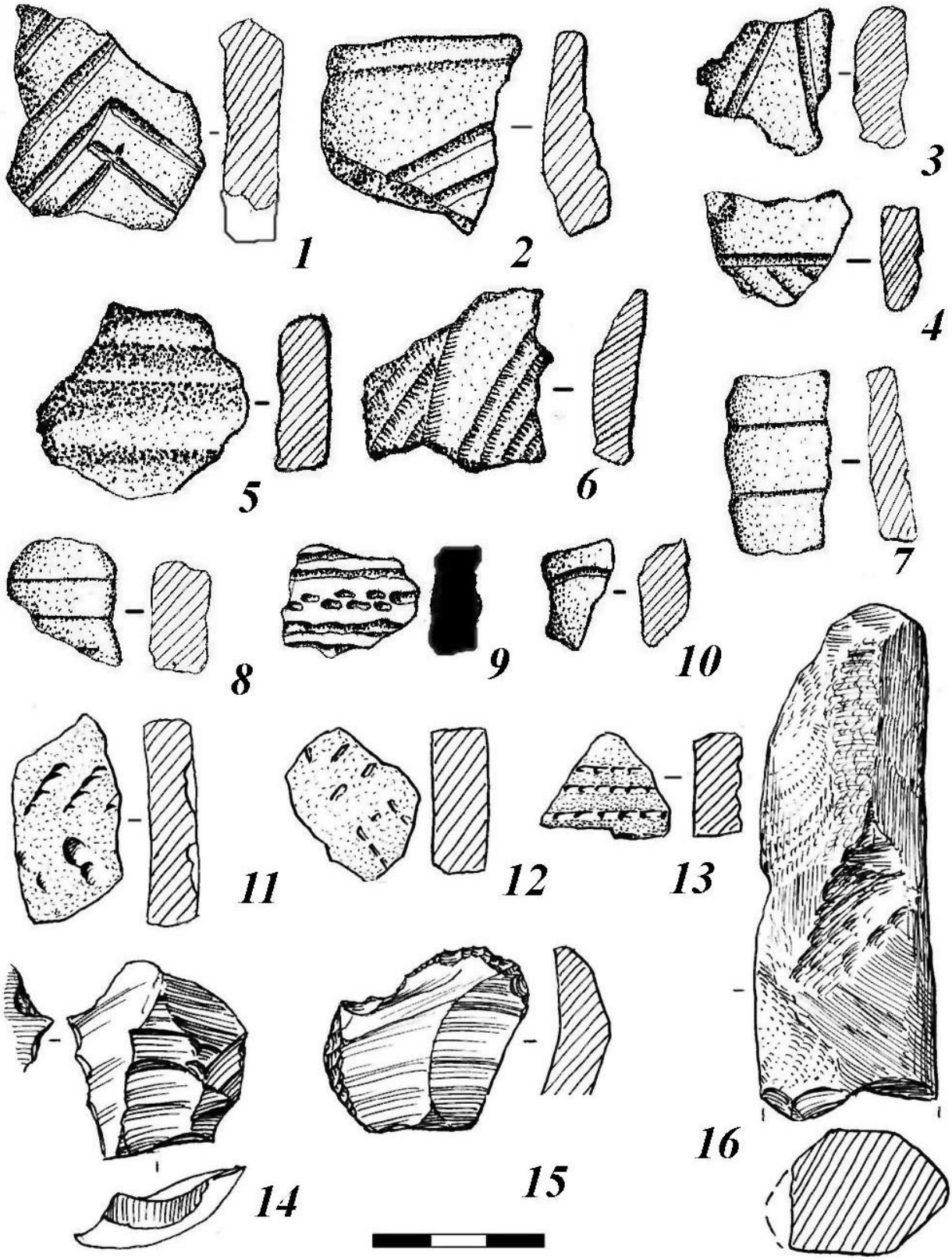


Рис.3

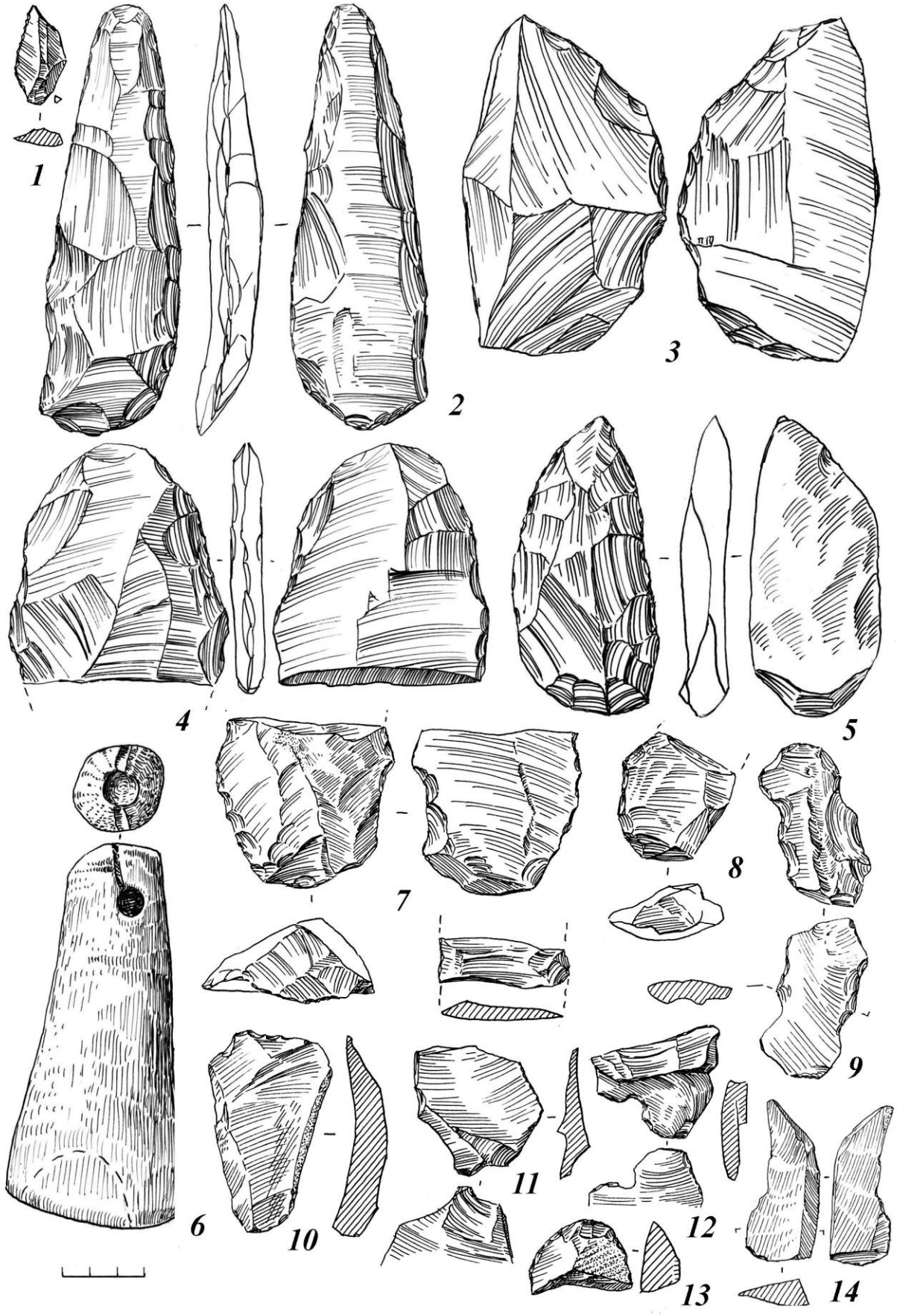


Рис.4

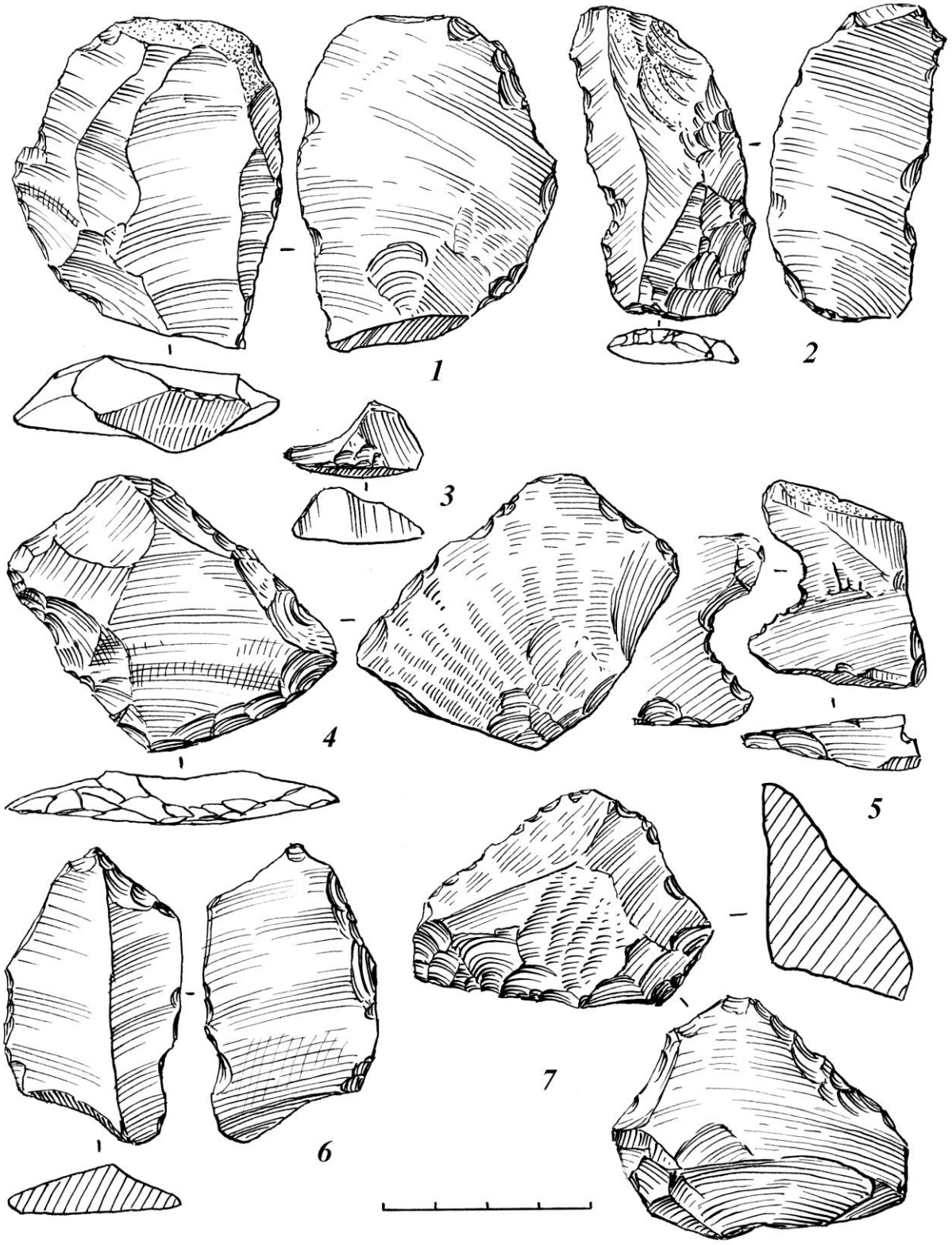


Рис.5

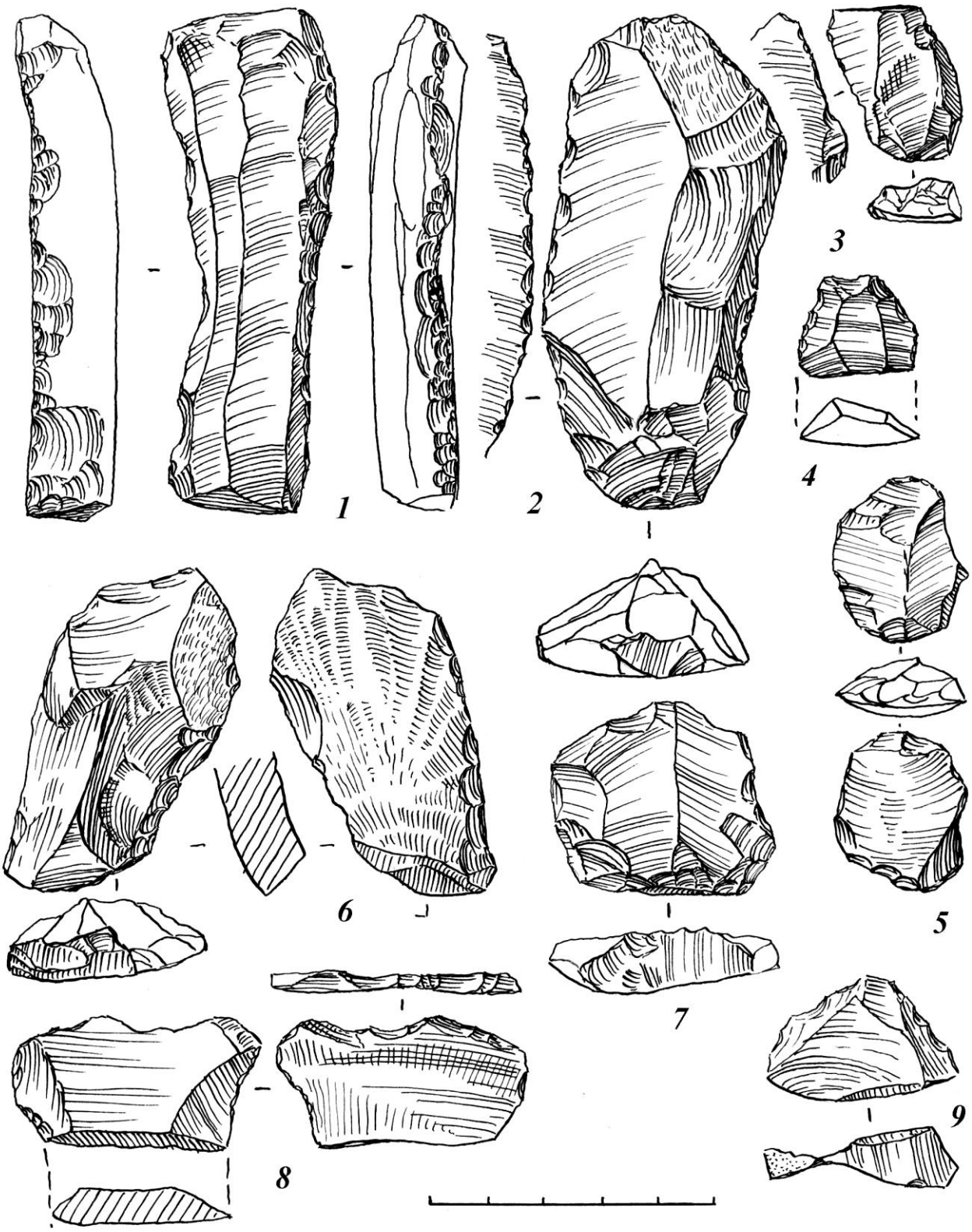


Рис.6

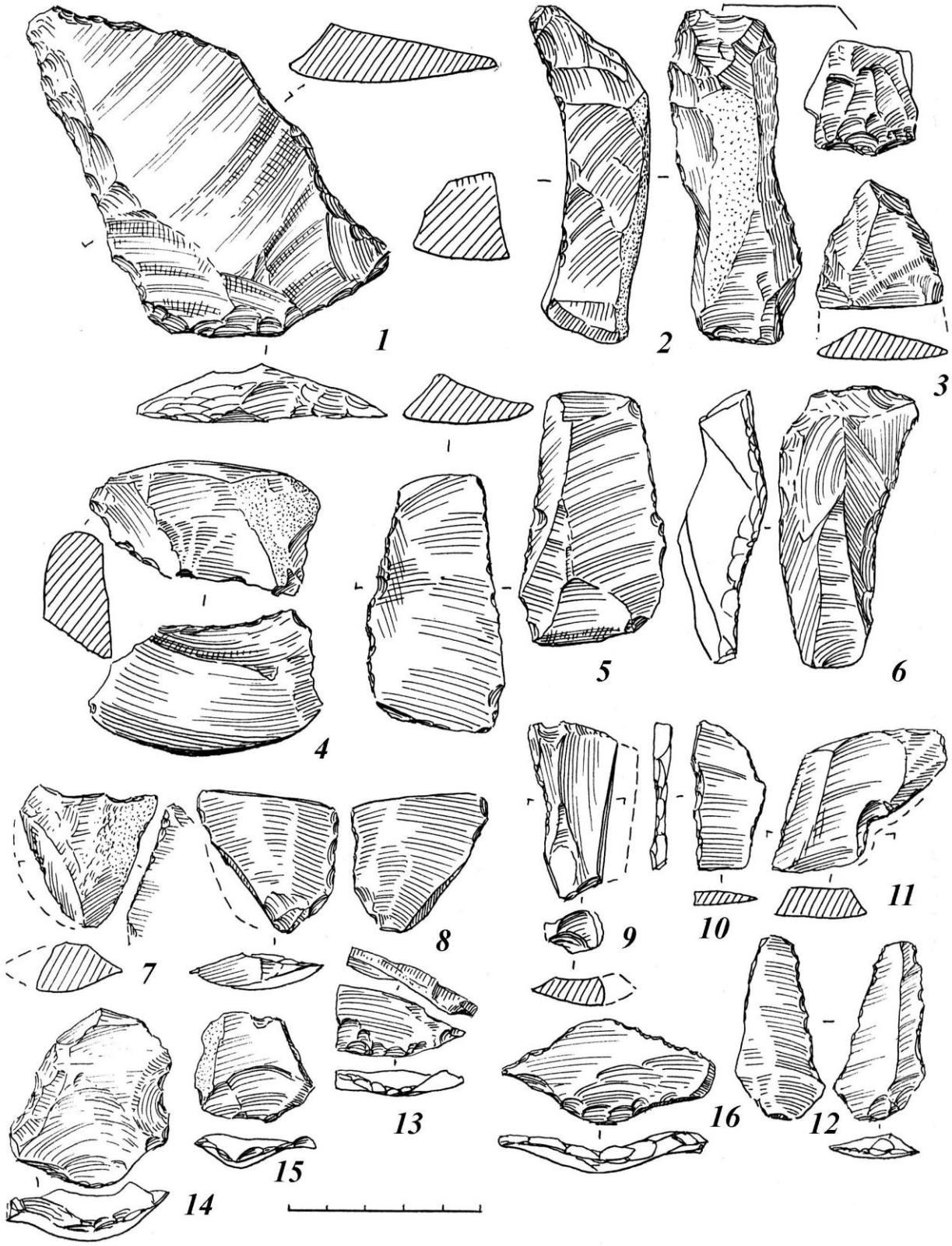


Рис.7

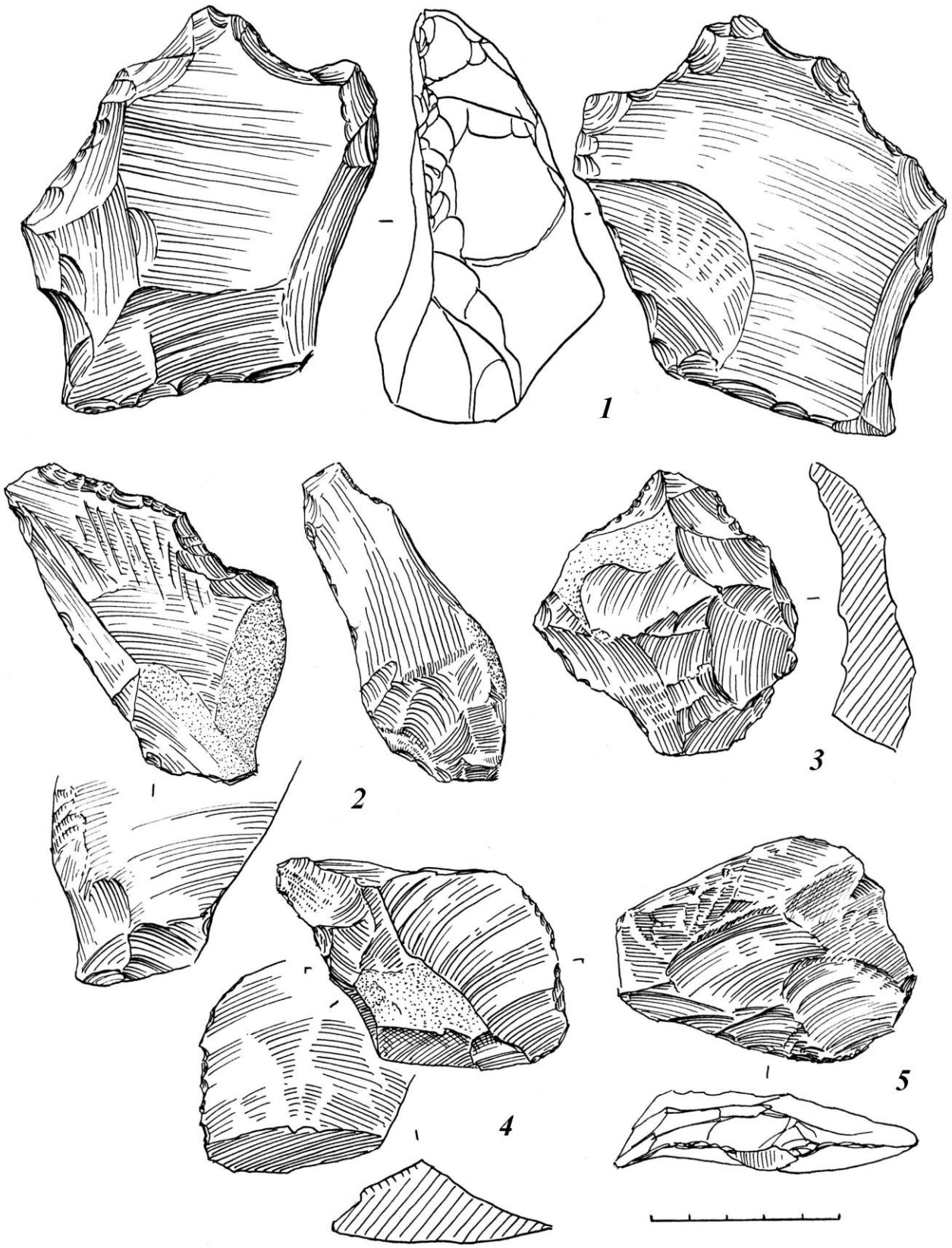


Рис.8

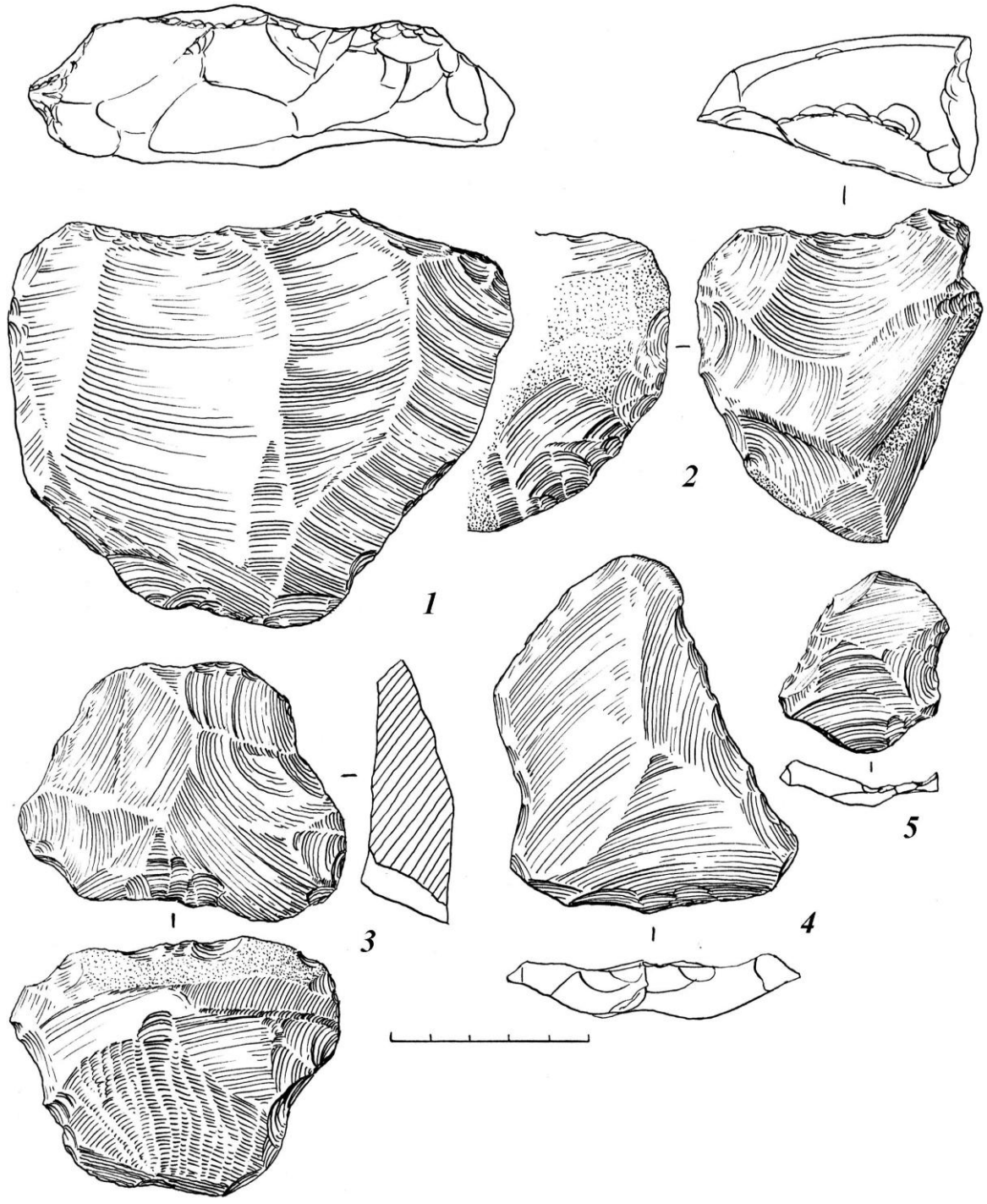


Рис.9

3. Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф. Памятники археологии Змеиногорского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 12-21.
4. Гончаров А.В., Кунгуров А.Л. Археологические исследования в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. – Том IX. – Часть 1. – С.327-330.

5. Грушин С.П. Историко-культурные комплексы на горе Пихтовая в контексте проблемы изучения объектов древнего горнорудного дела // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 153-157.
6. Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий (Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. – Новосибирск, 2004. – Т.X. – Часть I. – С. 239-243.
7. Кунгуров А.Л. Археологические памятники около с. Гольцовка (Змеиногорский район) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края.– Барнаул: Изд-во АГУ, 2001а. – Вып.12. – С.129-132.
8. Кунгуров А.Л. Палеолитические мастерские-каменоломни в Рудном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2001б. – Том VII. – С. 142-145.
9. Кунгуров А.Л. Каменный век Рудного Алтая. Часть 1. Палеолитические памятники. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. – 176 с.
10. Кунгуров А.Л., Гончаров А.В. К археологической карте Рудного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – Вып.13. – С.81-86.
11. Кунгуров А.Л., Грушин С.П. К археологической карте Третьяковского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. – Вып. XIV. – С. 114-119.
12. Кунгуров А.Л., Онников А.В, Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита – энеолита юга Западной Сибири. – Кемерово: Изд-во КГУ, 1999. – С. 58-63.
13. Кунгуров А.Л. Тишкин А.А. Находки каменного века с озера Колыванское // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – Вып.VIII. – С. 16-20.
14. Шульга П.И. Разведочные раскопки горных выработок на горе Сурич // 300 лет горно-геологической службе России: история горно-рудного дела, геологическое строение и полезные ископаемые Алтая. Материалы конф. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 24-27.

Список иллюстраций к статье Грушина С.П. и Кунгурова А.Л.

Рис. 1 Район работ Рудно-Алтайского археологического отряда (РААО).
Рис. 2 Участки маршрута РААО с обследованными памятниками археологии: 1 – с. Новофирсово–с. Усть-Таловка; 2 – с. Усть-Таловка–оз. Колыванское; 3 – с. Лазурка–устье р. Каменка.
Рис. 3 Находки предметов с памятников: 1-10 – Усть-Колыванка-II; 11, 12 – Охромов Лог-II; 13-16 – Гончарова Грива-I.
Рис. 4 Находки орудий: 1, 7-14 – Верх-Каменка-IV; 2-6 – Гора Цветуха (1-5, 7-14 – камень; 6 – рог).
Рис. 5 Каменный инвентарь местонахождения Верх-Каменка-I.
Рис. 6 Каменный инвентарь местонахождения Верх-Каменка-II.
Рис. 7 Каменные предметы с местонахождений: 1-12 – Верх-Каменка-III; 13-16 – Верх-Каменка-IV.
Рис. 8 Каменные предметы местонахождения Верх-Каменка-II.
Рис. 9 Каменные предметы с местонахождений: 1, 2, 4, 5 – Верх-Каменка-I; 3 – Верх-Каменка-II.

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №05-01-01183а

Шмидт А.В.
(г.Барнаул)

ИСТОРИОГРАФИЯ НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОЙ И ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ АЛТАЯ

Историография неолитической эпохи лесостепной и предгорной зоны Алтая насчитывает уже 75 лет. Процессу изменения научной мысли на протяжении всего этого времени посвящена данная статья.

1. Начало историографии эпохи неолита лесостепного Алтая следует отнести к 1930 г., когда в свет вышла работа М.П. Грязнова «Древние культуры Алтая». В ней автор выделил семь историко-культурных периодов. К раннему дометаллическому этапу истории Алтая М.П. Грязнов отнес погребение с Чудацкой горы, а также сборы с разных мест. То есть находки, которые были сделаны в 1920-е гг. в результате работы на Алтае экспедицией, организованной Этнографическим отделом Государственного Русского музея (руководитель С.И. Руденко). Автор отметил близость этих материалов с афанасьевскими, а также комплексами Прибайкалья. На основании полученных данных М.П. Грязнов пришел к выводу, «что Алтай в конце неолита был широко заселен» (Грязнов М.П., 1930, с.5). Следует отметить, что в основу данной периодизации легла схема, разработанная С.А. Теплоуховым для Южной Сибири (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с.196).

В 1940 г. на совещании по этногенезу народов Севера, состоявшемуся в Институте истории материальной культуры, А.П. Окладников разделил «сибирский неолит» на несколько локальных культур: байкальскую, амурскую, южнокамчатскую, северокамчатскую, обскую (восточноуральскую) и восточноарктическую. В зону распространения байкальской культуры вошли некоторые районы Верхнего Приобья. Это территории, расположенные к востоку от Оби, включая бассейны рек Иня и Томь. Лесостепной Алтай остался за пределами влияния данной культуры (Окладников А.П., 1941, рис.1; Диков Н.Н., 1977, с.22).

В 1956 г. М.Н. Комарова предложила первую периодизационную схему неолита Верхнего Приобья. Основой периодизации послужили ранние материалы, обнаруженные между Барнаулом и Новосибирском в 1952-1954 гг. в ходе охранных мероприятий в зоне затопления Обского водохранилища. Согласно схеме, разработанной на основе анализа керамики, выделены три типа памятников, соответствовавших трем хронологическим этапам неолитической культуры: кипринский, ирбинский и кротовский (Комарова М.Н., 1956). Позднее поселения кротовского типа были отнесены к ранней бронзе (Генинг В.Ф. и др., 1970), а в 1975 г. выделены в отдельную археологическую культуру развитой бронзы (Молодин В.И., 1975, с.19; 1975а и др.).

До 1956 г. М.Н. Комарова рассматривала неолитическую эпоху как одну культуру, распространившуюся на огромном пространстве. На ее фоне выделялись местные варианты – приуральский, томский, прибайкальский (Комарова М.Н., 1952, с.16). В дальнейшем исследовательница пришла к выводу, что «нет никаких оснований видеть на всей этой громадной территории единую неолитическую культуру» (Комарова М.Н., 1956, с.102).

Что касается датировки неолита Верхнего Приобья, то в 1930-1950-х гг. решались только проблемы относительной хронологии эпохи. Так, по мнению исследователей, неолит лесостепного Алтая мог развиваться синхронно афанасьевским комплексам и непосредственно предшествовать андроновской культуре (Грязнов М.П., 1930; Комарова М.Н., 1956).

В 1961 г. В.И. Матющенко предложил для территории Западной Сибири выделить две большие археологические культуры: верхнеобскую и нижнеобскую, имевшие близость с уральским неолитом (Матющенко В.И., 1961, с.109-110). По мнению исследователя, развитие верхнеобской неолитической культуры происходило в два этапа. Для более поздних памятников характерны орудия, изготовленные на отщепах. Изделия на пластинах были представлены единичными экземплярами. На памятниках раннего этапа роль

призматической техники расщепления значительно выше (Матющенко В.И., 1973, с.69,107). Керамика, по его мнению, в большей степени свидетельствует не о хронологических различиях, а о существовании локальных вариантов: нижнетомский, верхнетомский, чулымский, барнаульско-новосибирский и могильницкий (Матющенко В.И., 1969, с.60; 1973, с.119). Памятники кипринского и ирбинского типа исследователь вписал в свою периодизационную схему в той хронологической последовательности, в которой их предложила М.Н. Комарова (Матющенко В.И., 1969, с.60). Пространство верхнеобской культуры, по В.И. Матющенко, протянулось от Урала до Среднего Чулыма. На юге ее граница заходила южнее г. Бийска. Далее на восток в районе Среднего Енисея существовала иная культура, как по облику, так и по историческому пути возникновения (Матющенко В.И., 1961, с.109-110; 1973, с.121). Для датировки культуры исследователь использовал хронологические схемы, разработанные для сопредельных регионов. На основании сравнительного анализа с материалами Приуралья и Прибайкалья, В.И. Матющенко предложил датировать памятники Верхнего Приобья IV – III тыс. до н.э. (Матющенко В.И., 1960, с.214; 1960а, с.14; 1969, с.60) или даже концом II тыс. до н.э. (Матющенко В.И., 1973, с.97-109). «Это время частично соответствует афанасьевскому в Южной Сибири. Однако если учесть, что производство металлических орудий томским племенам еще не было известно, то необходимо признать, что описанные памятники относятся к эпохе неолита» (Матющенко В.И., 1960а, с.4). В плане относительной хронологии, неолитические памятники Верхнего Приобья, по мнению исследователя, непосредственно предшествовали самусьско-сейминской эпохе.

Концепция, высказанная В.И. Матющенко по вопросу происхождения западносибирского неолита в целом и верхнеобского в частности, основывалась на тех представлениях, которые сложились в отечественной археологической науке еще в 1950-х гг. Многие из этих положений не потеряли свою актуальность и в наши дни. Так, территорию Западной Сибири, по мнению исследователей, следует рассматривать как единую культурно-историческую провинцию (Матющенко В.И., 1973, с.110; Молодин В.И., 1977, с.10), где существовала единая культурно-историческая общность племен (Молодин В.И., 1977, с.78; 1985, с.9). В.Ф. Старков именовал ее «зауральско-западносибирская неолитическая общность» (Старков В.Ф., 1973, с.12), М.Ф. Косарев – «урало-западносибирская неолитическая общность» (Косарев М.Ф., 1973, с.71). Ее влияние исследователи распространили на зону всего Верхнего Приобья, включая Кулунду и Барабу (Матющенко В.И., 1973, с.110; Молодин В.И., 1977, с.78; 1985, с.9). По мнению В.И. Молодина, «можно прогнозировать существование общности, начиная с эпохи верхнего палеолита (финал) и кончая развитым неолитом» (Молодин В.И., 1985, с.9; а также Молодин В.И., 1975, с.7). Общность возникала на основе одинаковых принципов ведения хозяйства. Как следствие, племена имели сходные черты в материальной культуре (Молодин В.И., 1977, с.78; 1985, с.9). Несмотря на выдвинутую точку зрения В.И. Молодин отметил, что на территории лесостепного Обь-Иртышья памятники раннего неолита пока неизвестны (Молодин В.И., 1985, с.9). Здесь следует привести мнение В.Ф. Старкова, считавшего, что для лесного Зауралья, включая Среднее Прииртышье, раннего неолита, возможно, вообще не было. Вместо него существовали «бескерамические комплексы с кремневым инвентарем пережиточного мезолитического облика» (Старков В.Ф., 1980, с.199). Аналогичного мнения придерживался А.И. Петров (Очерки …, 1994, с.36). Распад данной культурно-исторической общности начинается в эпоху финального (или позднего) неолита, т.е. во второй половине III тыс. до н.э. (Молодин В.И., 1977, с.78; Косарев М.Ф., 1974а, с.6; 1987, с.4; 1991, с.13).

Концепция верхнеобской неолитической культуры, предложенная В.И. Матющенко, не нашла единодушной поддержки среди других археологов. В основном споры разгорелись вокруг хронологии и культурной принадлежности некоторых археологических объектов. Так, в 1969 г. М.В. Аникович усомнился, что неоднородность инвентаря и керамики, а также обрядов захоронения в различных памятниках верхнеобской неолитической культуры можно объяснить лишь локальными вариантами. В связи с этим, некоторые группы археологических объектов, расположенных на Верхней и Средней Томи и Яи (Кузнецкий, Васьковский, Яйский могильники, стоянка Дегтяревская, а также Томская писаница), ис-

следователь предложил отнести к самостоятельной неолитической культуре, которая существенно отличалась по инвентарю и погребальному обряду от верхнеобской культуры. По его словам, культурные связи этих памятников тяготели исключительно к востоку: Прибайкалью и Енисею. Все перечисленные комплексы исследователь датировал серовским временем (Аникович М.В., 1969, с.62-64). Следует отметить, что в то время серовские комплексы в относительной хронологии предшествовали китойским и датировались III тыс. до н.э. (Окладников А.П., 1950, с.139; 1970, с.191). В.И. Матющенко признал правомерность данной точки зрения (Матющенко В.И., 1973, с.114). Следует сказать, что он еще в 1961 г. писал, что Пространство верхнеобской культуры протянулось от Урала до Среднего Чулыма. Далее на восток в районе Среднего Енисея существовала иная культура, как по облику, так и по историческому пути возникновения (Матющенко В.И., 1961, с.109-110). Однако эта идея не нашла дальнейшего продолжения в его последующих работах, и была подхвачена М.В. Аниковичем.

М.Ф. Косарев, анализируя материалы Томско-Нарымского Приобья, пришел к выводу, что «неправильная датировка одного памятника повлекла за собой целую хронологическую ошибку» (Косарев М.Ф., 1974, с.54). В связи с этим, он предложил ряд базовых памятников верхнеобской неолитической культуры (Томский и Самусьский могильники, могильник на Старом Мусульманском кладбище и Новокусковскую стоянку) отнести к эпохе раннего металла (Косарев М.Ф., 1964; 1964а; 1974). Сама верхнеобская неолитическая культура, по мнению исследователя, в действительности представляла собой большую культурную общность, в пределах которой локализовалось несколько родственных культур. М.Ф. Косарев предложил назвать ее «новокусковской» или «протосамусьской» (Косарев М.Ф., 1981, с.63). Таким образом, уже в середине 1960-х гг. начинается конкретная атрибуция археологических объектов, которые В.И. Матющенко отнес к верхнеобской неолитической культуре.

В.И. Молодин за основу своей схемы взял периодизацию, предложенную М.Н. Комаровой. По его мнению, развитие неолитической эпохи в Верхнем Приобье протекало в два этапа: ранний, получивший наименование завьяловский и поздний – кипринский. В качестве обозначения культуры использовался термин, предложенный В.И. Матющенко – верхнеобская. Ирбинский тип памятников В.И. Молодин отнес к раннему металлу. Описывая неолитические комплексы Верхнего Приобья, исследователь отметил их близость по кремневому инвентарю и орнаментации керамики с памятниками Южного Урала, а также Южного и Среднего Зауралья. В связи с этим, решая вопросы относительной и абсолютной хронологии, он использовал периодизационные схемы, разработанные для уральского региона (Чернецов В.Н., 1968; Бадер О.Н., 1970). Завьяловский этап В.И. Молодин соотнес с полуденским (по О.Н. Бадеру), что соответствует развитому неолиту, и датировал верхнеобские материалы концом IV – первой третью III тыс. до н.э. Кипринский этап (поздний неолит), по его мнению, следует сопоставить с сосновоостровским и датировать средней третью III тыс. до н.э. – началом последней трети III тыс. до н.э. (Молодин В.И., 1975; 1977).

В.И. Молодин соглашается с М.В. Аниковичем и В.И. Матющенко, что на территории Верхнего Приобья есть памятники, относящиеся к иной неолитической культуре, чем верхнеобская. Кроме уже перечисленных памятников Верхней и Средней Томи и Яи, исследователь отнес сюда могильники Барнаульско-Новосибирского Приобья – Ордынское-1е, Крутиха-5, Усть-Алеус-4 (Молодин В.И., 1975, с.13, 14; 1977, с.25-30). В 1978 г. в данную культуру были включены некоторые алтайские памятники: Турачакская писаница на р. Бия, а также погребальные комплексы Усть-Иша и Иткуль (он же Большой Мыс), которые ранее приписывали к верхнеобской неолитической культуре. Данная культура Обь-Енисейского лесостепного междуречья получила название кузнецко-алтайская – по месту раскопок одного из первых неолитических могильников (Окладников А.П., Молодин В.И., 1978, с.19-21). Формирование культуры исследователи связали с влиянием неолита Прибайкалья и Енисея, а своими корнями она уходит в эпоху палеолита (Молодин В.И., 1977, с.30). В 1978 г. А.П. Окладников и В.И. Молодин пишут, что ее развитие протекало в три «хронологических пласта». Нижнюю границу культуры они отнесли к раннесеровскому времени, а верхнюю к серово-китойскому. Алтайские материалы исследователи

отнесли ко второму пласту, что также соответствовало серово-китойскому времени (Окладников А.П., Молодин В.И., 1978, с.19-21).

В дальнейшие годы ряд исследователей вносит свой вклад в изучение и расширение источниковой базы данного культурного объединения (Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И., 1980, с.131; Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С., 1989, с.28; Бобров В.В., 1990; 1991; 1998; Молодин В.И., 1999; Кунгурова Н.Ю., 2001; 2003; 2005).

Правомерность выделения кузнецко-алтайской культуры признали не все исследователи. Так, например, Ю.Ф. Кирюшин в 1986 г. по материалам целой серии поселений, открытых в районе г. Бийска, выделил большемысскую культуру эпохи энеолита. К ней автор отнес могильник на оз. Иткуль – Большой Мыс. Памятник Усть-Иша исследователь датировал поздним неолитом, не оперируя его культурной принадлежностью (Кирюшин Ю.Ф., 1986, с.16). Позднее за памятниками типа Усть-Иша и Кузнецкий могильник Ю.Ф. Кирюшин предложил сохранить название «верхнеобская неолитическая культура» и отказаться от термина «кузнецко-алтайская», так как под этим названием понимаются практически одни и те же объекты (Кирюшин Ю.Ф., 1988, с.59).

К похожему выводу пришел А.И. Петров. По его мнению, предметы из кости, широко представленные в кузнецко-алтайских погребениях, «характеризуют не столько культурную принадлежность тех или иных памятников, сколько условия сохранности органических материалов в районе. Естественно, что там, где кости умерших сохраняются плохо, орудия и украшения из кости встречаются очень редко или не встречаются вовсе. … Если принять во внимание это обстоятельство, то большая часть признаков, характерных для кузнецко-алтайской культуры, не будет иметь места, а следовательно, встанет вопрос о правомерности ее выделения» (Очерки …, 1994, с.55).

Иную периодизационную схему неолита Верхнего Приобья, чем существовавшие ранее, предложил В.А. Зах. По его мнению, в Приобье и Присалаирье бытовало не две культуры – верхнеобская и кузнецко-алтайская, а одна, за которой сохранено название верхнеобская. Ее развитие протекало в два этапа – изылинский и кипринский. «На первом, к которому, вероятнее всего, относятся и бескерамические погребения, верхнеобская культура входила в обширную Восточно-Урльскую культурно-историческую общность …, в кипринское время происходит включение Присалаирья, Приобья в сферу влияния Восточно-сибирского неолитического мира …» (Зах В.А., 1988, с.37). Правомерность выделения завьяловского этапа верхнеобской неолитической культуры В.А. Зах поставил под сомнение, аргументировав это разновременностью базовых памятников (Зах В.А., 1988, с.36). По аналогии с комплексами Андреевского озера, исследователь предложил датировать материалы изылинского этапа первой половиной – серединой IV тыс. до н.э., а возможно и V тыс. до н.э. В целом неолитическая эпоха, по его мнению, не выходит за рамки атлантического периода голоцена и завершается в начале III тыс. до н.э. с появлением здесь энеолитических комплексов (Зах В.А., 1990, с.6-9). С данной точкой зрения согласился А.И. Петров (Очерки…, 1994, с.56).

Основной проблемой, с которой сталкиваются археологи в 1960-1980-е гг. при решении вопросов хронологии отдельных памятников и целых культур эпохи неолита Верхнего Приобья, является отсутствие естественнонаучных датировок. В связи с этим исследователи использовали и продолжают использовать периодизационные схемы, разработанные для соседних регионов - Урала и Прибайкалья.

В 1991 г. В.В. Бобров признал правомерность выделения большемысской энеолитической культуры. Влияние кузнецко-алтайской культуры, по его мнению, не выходит за пределы Кузнецкой котловины. В связи с этим, автор предложил скорректировать ее название и именовать «кузнецкая культура» (Бобров, 1991, с.70-71).

В 1980–2000-е гг. происходит значительное расширение источниковой базы по неолиту-энеолиту юга Западной Сибири и сопредельных территорий за счет появления новых памятников, а главное за счет естественнонаучных датировок. Начало неолитической эпохи для западносибирского региона исследователи относят к VI или V тыс. до н.э. (в зависимости от района), при этом отмечают, что на некоторых территориях мезолитические традиции (бескерамический неолит) сохраняются длительное время (Археология…, 1996; Зах В.А., Багашев А.Н., 1998). Формирование эпохи происходит в начале ат-

лантического периода голоцена, когда на местную мезолитическую основу оказали влияние мигранты с юга (районы Прикаспия и Приаралья). Пришлое население принесло технологию керамического производства (Зах В.А., Багашев А.Н., 1998, с.196). Мнение о заимствовании населением Западной Сибири традиций изготовления керамики ранее излагал О.Н. Бадер (1970, с.159).

В Верхнем Приобье переход от «бескерамического» неолита к «керамическому» осуществился достаточно поздно. По мнению В.А. Заха, этот процесс произошол в развитом неолите (Зах В.А., 1988; 2003), хотя из работ М.Ф. Косарева можно сделать вывод, что это осуществилось только на позднем этапе эпохи (Археология…, 1996, с.266). Предполагается, что «керамический» неолит имел восточноуральское происхождение (Археология…, 1996, с.265).

Что касается абсолютной хронологии, то по сравнению с 1970-ми гг. идет тенденция к удревнению эпохи за счет появления новых естественнонаучных дат для сопредельных регионов. Прежде всего, произошла относительная и абсолютная передатировка неолита Прибайкалья. Китойскую культуру отнесли к концу VI – середине V тыс. до н.э., исаковскую – к концу IV тыс., серовскую культуру датировали концом IV – III тыс. до н.э., а глазковскую – первой половиной III – началом II тыс. до н.э. (Мамонова Н.Н., Сулержицкий А.Д., 1986; Археология …, 1996, с.271). В.В. Бобров, отмечая близость кузнецко-алтайских комплексов серовским, предложил датировать неолитические могильники Обь-Енисейского лесостепного междуречья началом – концом III тыс. до н.э. (Бобров В.В., 1990, с.29).

В 1993 г. В.И. Молодин пересмотрел культурное и хронологическое положение Турачакской писаницы и отнес ее к каракольской культуре развитой бронзы (Молодин В.И., 1993, с.13). В связи с этим, в декабре 1998 г. на заседании VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, проходившей в Новосибирске, В.И. Молодин, отвечая на вопрос, констатирует, что выделение кузнецко-алтайской неолитической культуру было преждевременным (устное сообщение В.В. Боброва и А.А. Тишкина). Однако через год он вновь говорит о правильности своих выводов 1978 г., несмотря на передатировку отдельных наскальных рисунков Западной Сибири. Могильники Усть-Иша и Иткуль В.И. Молодин всё также относил к одной неолитической культуре (не употребляя ее названия). С большемыссой энеолитической культурой, по его мнению, следует соотносить погребения в Нижнетыткескеньской пещере-1 и Тыткескень-6, а также поселенческие комплексы в устье р. Тыткескень (Молодин В.И., 1999, с. 49-53).

В 1996 г. М.Ф. Косарев высказал мнение, согласно которому развитие неолита на территории Верхнего Приобья проходило в рамках одного хронологического этапа, внутри которого выделяется два типа памятников: завьяловский (IV тыс., возможно, с заходом в III тыс. до н.э.) для равнинной части Верхнего Приобья и изылинский для Присалаирья. Понятие «верхнеобская неолитическая культура» исследователь не использует. Памятники кипринского типа, по мнению М.Ф. Косарева, следует относить к энеолиту (Археология …, 1996, с.265, 266).

В 2000 г. в свет выходит монография «Древнейшие могильники северных предгорий Алтая», в которой дана детальная публикация могильников Усть-Иша и Большой Мыс. Проанализировав все материалы, авторы пришли к выводу, что оба некрополя имеют различное культурное и хронологическое происхождение. Так, технико-морфологические особенности инвентаря Усть-Иши ближе всего стоят к традициям серовского этапа неолита Прибайкалья; могильник на оз. Иткуль сформировался на субстратной основе тех же традиций, что и верхнеобская культура. В связи с тем, что по некоторым вопросам авторы стоят на разных позициях, то в монографии исследователи в целом не отрицают существования кузнецко-алтайской культуры. Однако они подчеркивают, что по технико-морфологическим показателям ведущих типов каменных изделий Кузнецкий могильник и Усть-Иша имеют отличия (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000, с.51-60).

В последнее время продолжилась тенденция к удревнению неолитической эпохи. Новые радиоуглеродные даты позволили определить возраст наиболее ранних керамических комплексов Дальнего Востока в XIII и более тыс. лет от наших дней (Шнирельман В.А., 1989, с.154). Есть и другие, менее древние даты (Молодин В.И., Бобров В.В., 1999,

с.4). В настоящий момент формирование неолита в Горном Алтае, Северном и Центральном Казахстане исследователи относят к концу VII тыс. до н.э. (Зайберт В.Ф., 1992, с.103; Кирюшин К.Ю. 2004, с.15). Данная тенденция нашла свое выражение и для территории Верхнего Приобья. В.И. Молодин получил несколько радиоуглеродных дат по раскопкам могильника Сопка-2, одна из которых является самой древней для неолита Западной Сибири. Таким образом, учитывая данные с памятника Протока, исследователь датировал неолитическую эпоху VI тыс. – началом IV тыс. до н.э. (Молодин В.И., 2001, с.27; Молодин В.И., Бобров В.В., 1999, с.5). Принимая во внимание новейшие хронологические ориентиры, В.И. Молодин предложил датировать памятники типа Усть-Иша и Иткуль не моложе конца V – началом IV тыс. до н.э. (Молодин В.И., 1999, с.52). Формирование эпохи «раннего металла» ученый отнес к концу V – началу IV тыс. до н.э. (Молодин В.И., Бобров В.В., 1999, с.5; Молодин В.И., 2001, с.39). Поводом к удревнению энеолитических памятников послужили радиоуглеродные даты с могильника на Старом Мусульманском кладбище (СОАН-2393 - 5575±230 л.н. и СОАН-2394 - 5620±100 л.н.) (Кирюшин Ю.Ф., 1988, с.60; Орлова Л.А., 1995, с.210) и погребального комплекса Сопка-2/2 (6285□90 л.н. и 6470□90 л.н.) (Молодин В.И., 2001, с.39). Следует отметить, что на обоих некрополях отсутствуют признаки металлургии. К эпохе металла их отнесли на основании анализа керамики, погребального обряда и наличия в могилах на Старом Мусульманском кладбище абразивных брусков, предназначенных, по мнению М.Ф. Косарева, для обработки металлических орудий (Косарев М.Ф., 1981, с.70-74; Молодин В.И., 2001, с.39). Последний вывод был опровергнут трасологической экспертизой, показавшей принадлежность точильных брусков к камнеобрабатывающим инструментам (Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., 1996, с.10).

Проведя сложный сравнительный анализ керамических комплексов изылинского этапа верхнеобской неолитической культуры и боборыкинско-кошкинских памятников, В.А. Зах предложил датировать неолит Верхнего Приобья 5500-3500 лет до н.э., а ирбинские и отступающе-ямочные комплексы (энеолит) 3500-2000 лет до н.э. (Зах В.А., 2003, с.146). Здесь следует сказать, что сам исследователь считает памятники боборыкинской культуры наиболее древними в неолите Западной Сибири и датирует их VI – первой половиной V тыс. до н.э. В настоящий момент проблема относительной и абсолютной хронологии боборыкинских и кошкинских памятников остается дискуссионной и в последнее время активно обсуждается в печати (Ковалева В.Т., 1989; Археологическое …, 1995, с.146-149; Археология …, 1996; Зах В.А., Багашев А.Н., 1998; Глушков И.Г., 1998; Собольникова, 1998; Ковалева В.Т. Зырянова С.Ю., 1998; Коссинская Л.Л., 1999; Зах В.А., 1987; 2003 и др.).

В 2005 г. Н.Ю. Кунгурова, проанализировав серию погребальных комплексов юга Западной Сибири, очертила круг памятников кузнецко-алтайской культуры. К ней она отнесла могильники Солонцы-5, Усть-Иша, Лебеди-2, Кузнецкий могильник, одиночные захоронения в НТП-1 и пещере Каминная, а также погребение № 17 на могильнике Большой Мыс. Остальные погребения на Большом Мысу по археологическим критериям отличаются от кузнецко-алтайских комплексов. Кроме этого, исследователь опубликовала результаты радиоуглеродного датирования, сделанных по костям нескольких погребальных комплексов. Согласно представленным результатам, могильник Солонцы-5, раскопанный исследователем в 2000 г., датируется в рамках 3860±110 – 3375±45 лет до н.э. (всего четыре даты); Кузнецкий могильник – 3715±140 лет до н.э. (одна дата); Усть-Иша – 3185±170 и 3105±115 лет до н.э. (две даты); Большой Мыс (Иткуль) – 3980±135 – 3535±120 лет до н.э. (три даты); пещера Каминная – 3370±90 (одна дата); НТП-1 – 3490±105 – 3100±45 (три даты). Таким образом, хронология всех этих памятников укладывается в рамки IV тыс. до н.э. (Кунгурова Н.Ю., 2005, с.57). При этом могильник на оз. Иткуль, считавшийся достаточно поздним, по результатам исследований оказался чуть ли не самым древним. На основании полученных результатов Н.Ю. Кунгурова предполагает существование двух группах населения, которые могли составлять этническую общность, объединенную брачными контактами. В пользу этого предположения свидетельствует антропологический тип умерших, синхронное хронологическое положение, основанное на радиоуглеродном датировании, а также то, что на могильнике Большой Мыс об-

наружено погребение кузнецко-алтайской культуры. Таким образом, Н.Ю. Кунгурова предполагает, что кузнецко-алтайская культура представляла собой довольно широкое этническое образование общности, включавшей в себя несколько взаимосвязанных культурных групп (Кунгурова Н.Ю., 2005, с.55).

2. В 1970-е гг. начинается историография неолита и энеолита юго-западных районов Алтайского края. Этому предшествовали работы на данной территории Э.М. Медниковой и В.А. Могильникова в 1960-1970-х гг., которые проходили в рамках охранных мероприятий, предшествовавших строительству Алейской оросительной системы. Это позволило существенно расширить представления о древней истории лесостепного Алтая. Согласно мнению исследователей, формирование неолитической эпохи в регионе происходит на местной мезолитической основе. «В лесостепной зоне юго-западного Алтая … обнаружены целые серии мезолитических стоянок. Наиболее интересные из них – у села Павловки Угловского района, расположенные по кромке бора вдоль берегов древнего озера, близ современной границы между Алтаем и Казахстаном. В эпоху мезолита здесь были целые мастерские по изготовлению каменных орудий. Найденные орудия и отходы производства исчисляются тысячами единиц. Чаще всего встречаются ножевидные пластинки, которые использовались в качестве вкладышей. В это время складывается характерный для мезолита тип хозяйства – охота на мелких подвижных животных, боровую и водоплавающую дичь» (Очерки …, 1987, с.12).

Материалы неолитической эпохи встречены на 10-15 памятниках. Здесь, прежде всего, речь идет о наиболее изученной - юго-западной части Приобского плато. Судя по данным, полученным в результате археологических разведок и аварийных раскопок, каменный инвентарь неолита характеризуется значительным количеством мелких ножевидных пластин и изделий из них: концевые скребки, пластины с притупленным подретушированным краем и др. (Могильников В.А. и др., 1973, с.230). В целом характер индустрии - микролитический. Новые памятники, по мнению исследователей, вполне укладывались в культурно-историческую схему, разработанную М.П. Грязновым для Верхнего Приобья, Горного Алтая и Восточного Казахстана. Полученные материалы позволили предполагать, что неолитическое население занималось охотничье-рыболовецкой хозяйственной деятельностью. В неолите, а также в последующие «исторические эпохи население долины Алея развивалось в тесных экономических, политических и культурных связях с племенами соседних районов Вехнеобья, Горного Алтая, Кулунды, Восточного Казахстана» (Уманский А.П., Клюкин Г.А., 1972, с.39). Что касается культурной принадлежности, то в 1970-х – середине 1980-х гг. неолитические памятники Приобского плато исследователи соотносят с материалами верхнеобской неолитической культуры (Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985, с.95; Очерки …, 1987, с.13).

В середине 1980-х гг. Н.Ю. Кунгурова подвергла морфологическому, трасологическому и сравнительному анализу коллекции каменного инвентаря с поселений Павловка-1, Кривое-1 и Гульбище. Типология орудий на данных памятниках отличается большим разнообразием. Исследовательница проследила эволюционную линию развития каменного инвентаря, что позволило выстроить памятники в хронологической последовательности. Неолитическую эпоху юго-западной части Приобского плато, судя по контексту изложенного, автор разделила на два этапа. Для наиболее раннего памятника Павловка-1 (финальный мезолит – ранний неолит) характерны пластинки с притупленным краем; «рогатые» вкладыши с вытянутым шипом на торце; имеются единичные экземпляры геометрических микролитов; нет наконечников на пластинах; много резцов. На памятниках позднего неолита и раннего металла (Киприно, стоянки оз. Иткуль, Алексеевка-1) резцы встречены либо в единичных количествах, либо совсем отсутствуют (Кунгурова Н.Ю., 1987).

Ко второму этапу отнесены памятники Кривое-1 и Гульбище, датируемые IV – второй половиной III тыс. до н.э. В это время «происходят некоторые изменения в технике обработки камня. Падает роль старой мезолитической техники. Исчезают пластины со скошенными краями и концами. Пережив предварительно расцвет (Кривое-1), пластины с притупленной спинкой в позднем неолите Гульбища становятся менее выразительными. Теряет разнообразие техника подработки вкладышей оружия. Так, полностью исчезают

элементы гарпунообразных охотничьих инструментов – «рогатые» вкладыши. Совершенствуется техника шлифования и сверления. Увеличивается количество скребков-стругов» (Кунгурова Н.Ю., 1987, с.62). Кроме уже перечисленных признаков, также исчезают геометрические микролиты; появляются единичные наконечники стрел кельтеминарского типа; увеличивается количество концевых скребков. Согласно полученным данным, «памятники объединяет общая культурно-хронологическая традиция, выражающаяся в микролитической пластинчатой индустрии, сходной по технике обработки, общему облику изделий, используемому сырью. Эти признаки сближают каменный инвентарь с коллекциями Северного Казахстана» (Кунгурова Н.Ю., 1987, с.55). Складывание культуры происходит на основе местных традиций под влиянием с юго-запада (Казахстан). К местным архаичным элементам относятся крупные формы орудий – скребла, рубящие орудия, долота, резцы, скребки. К казахстанским пришлым чертам следует отнести геометрические микролиты, пластины со скошенным концом, некоторые острия, вариации вкладышей с притупленной спинкой и т.п. Согласно трасологическим определениям, для жителей этих стоянок огромное значение имел промысел животных, разделка туш и обработка шкур. Хозяйство являлось охотничье-рыболовецким (Кунгурова Н.Ю., 1987).

В середине 1980-х гг. в археологической литературе за юго-западной частью Приобского плато закрепилось название «Юго-Западный Алтай» (Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А., 1985; Кунгурова Н.Ю., 1987). Этот термин исследователи стали использовать и в последующих работах (Шмидт А.В., 1999, с.26). Однако, в физико-географическом плане такое название – «Юго-Западный Алтай» – является не совсем верным. Он обозначает территорию, расположенную в стороне от границ Алтайского края. Это составная часть Рудного Алтая, находящаяся в Казахстане. Правильное название юго-западной части Приобского плато в орографическом понимании – «Южно-Приалейская Степная провинция», или «Алейская степь» (Энциклопедия …, 1995). В плане административного деления эту зону можно именовать «юго-западные районы Алтайского края».

Часть ранних комплексов левобережья Ю.Ф. Кирюшин в 1986 г. предложил отнести к большемысской энеолитической культуре (Кирюшин Ю.Ф., 1986; 1990). Дальнейшие исследования в этом направлении значительно расширили источниковую базу по данной тематике (Кирюшин Ю.Ф., 1997; 2002; 2002а; Шмидт А.В., 1997; Могильников В.А. 1998; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю., 1998, с.259). Прежде всего, были открыты и изучены новые памятники в Горном Алтае (Абдулганеев М.Т., 1985; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю., 1991; Кунгурова Н.Ю., 1992; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 1993; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1994; 1995; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995; Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю., 1997; Степанова Н.Ф., 1997; Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х., 2000; Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., 1999; Шмидт А.В., 2001) и Кузнецкой котловине (Бобров В.В., 1993; 1996; 1997; 1999; Бобров В.В., Жаронкин В.Н., 1998; 1999; 2002; Бобров В.В., Кунгурова Н.Ю., 2004). Новейшие материалы позволили пересмотреть территорию бытования и хронологию большемысской культуры. Согласно этим исследованиям, ее зона распространения не выходит за пределы правобережья Оби (Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., 2001; Шмидт А.В., 2001а).

В 1999 г. анализ материалов с Рубцовского поселения позволил исследователям поставить вопрос о существовании в обском левобережье (лесостепной и степной Алтай) своеобразной археологической культуры эпохи неолита (Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А., 1999). Основным критерием для ее выделения послужила каменная индустрия. Для культуры характерна высокая роль призматической техники расщепления, громадное типологическое разнообразие изделий на призматических пластинах. Из отщепов изготавливали скребки, скобели, резцы, различные бифасиальные орудия и т.п. Кроме этого здесь зафиксированы тесла, утяжелители рыболовных снастей и др. К данной археологической культуре исследователи отнесли Павловку-1, Кривое-1, Гульбище и многие другие объекты. По базовому памятнику – Рубцовскому поселению, культура получила название «рубцовская». Границы ее распространения, по мнению авторов, проходят следующим образом: на юге – это северо-западные предгорья Алтая, скорее всего до левобережья р. Чарыш; на востоке и северо-востока граница проходит по левобере-

жью р. Оби Северную границу также маркирует р. Обь, по линии г. Барнаул – г. Каменьна-Оби. Труднее определить распространение культуры в западном направлении, так как материалы Северо-Восточного Казахстана (атбасарская культура) имеют с ними большое сходство. По мнению исследователей, материалы рубцовской культуры в хронологическом плане синхронны комплексам ранне-средненеолитических культур Северо-Восточного Казахстана (Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А., 1999, с.59). Соответственно, их следует датировать концом VII – серединой IV тыс. до н.э. (Зайберт В.Ф., 1992). В дальнейшие годы идет процесс по осмыслению материалов рубцовской неолитической культуры (Шмидт А.В., 2002).

В 2005 г. автор данной статьи предложил неолитическую эпоху Приобского плато (алтайское обское левобережье) разделить на два этапа: ранний и поздний. Ранний этап, по мнению А.В. Шмидта, получил распространение только в юго-западных районах Алтайского края. Ему соответствуют материалы рубцовской неолитической культуры. Эти комплексы находит близость с ранне-средненеолитическими памятниками Средней Азии, южной зоны европейской части России и Урала и некоторых других территорий. Такое широкое территориальное распространение среднеазиатских традиций стало следствием аридизации климата, а также изменения демографической обстановки. Автор считает, что рубцовские комплексы имеют хорошо выраженные сходства с ранним этапом кельтеминара. В связи с чем их следует рассматривать как восточную периферию распространения так называемой «кельтеминарской общности». По аналогии с сопредельными территориями ранний этап неолитической эпохи Приобского плато А.В. Шмидт датировал VI – V тыс. до н.э.

По мнению исследователя, на позднем этапе неолитические традиции получили распространение на всей территории лесостепного Алтая. На раннем этапе комплексы представляли собой «монолитное единство», обусловленное рамками одной археологической культуры – рубцовской. На позднем этапе эпохи ситуация принципиально изменилась. Материальная культура поздних памятников в рамках региона стала представлять собой своеобразный «набор» из отдельно взятых комплексов. Это видимо, обусловлено культурными влияниями нескольких сопредельных территорий. Кроме того, в разных частях региона неолитическое население положило в основе своей каменной индустрии различные по петрографическим свойствам породы. Это, безусловно, нашло отражение в общем облике материальной культуры. Данная черта характерна для всей территории Верхнего Приобья. В связи с этим автор предложил отказаться от термина «верхнеобская неолитическая культура» и заменить его таким понятием как «неолит Верхнего Приобья», которое следует использовать и для комплексов Приобского плато. При этом А.В. Шмидт считает, что необходимо продолжать использовать такие понятия как: «завьяловский», «кипринский», «изылинский» и др. типы памятников или керамики. Но использовать эти термины не как названия хронологических этапов, характерных для всего или большей части Верхнего Приобья, а именовать ими локальные варианты, имеющие свое временное и территориальное место.

Хронология памятников позднего этапа укладывается в рамки IV – III тыс. до н.э. Такая поздняя верхняя дата, по мнению исследователя, обусловлено тем, что энеолитические традиции в виде собственной металлургии и зачаточных форм производящей экономики не получили развитие на территории Приобского плато и неолитические черты доживают вплоть до формирования елунинской культуры эпохи ранней бронзы (Шмидт А.В., 2005).

3. В 1997 г. А.Л. Кунгуров подвел итог многолетним исследованиям неолитических памятников Верхнего Причумышья (юго-западный склон Салаира). На основании полученных результатов исследователь предложил объединить эти комплексы в единую археологическую культуру – «корначакскую», получившей название по памятнику Корначак-2. Согласно разработкам А.Л. Кунгурова, каменная индустрия неолитических объектов Верхнего Причумышья, отличается своеобразием, которое обусловлено спецификой используемых пород. В форме посуды и ее орнаментации присутствуют как оригинальные элементы, так и черты характерные для культур Зауралья и Западной Сибири. По материалам раскопок поселения Корначак-2 получена одна радиоуглеродная дата по древес-

ному углю – 7340±175 лет назад (5390±175 лет до н.э.) (СОАН-2990). На этом основании исследователь датировал культуру VI (возможно VII) – V тыс. до н.э. (Кунгуров А.Л., 1997; 1998).

Заключение. История изучения неолитической эпохи показала, что процесс по осмыслению неолита Верхнего Приобья имел сложный и неоднозначный характер и в своем развитии прошел несколько стадий:

1. Первичный процесс по накоплению и расширению базы источников (1930-е - 1950-е гг.).
2. Осмысление накопленного материала; группировка памятников по типам и локальным вариантам; и как итог, объединение их в одну археологическую культуру - верхнеобскую (1960-е - начало 1970-х гг.).
3. Конкретная атрибуция накопленного материала. Эта стадия обусловлена переосмыслением имеющихся данных. Этот процесс начался еще в 1960-е гг. и продолжается до сих пор. Из общей массы памятников, заключенных в рамках верхнеобской неолитической культуры, исследователи по различным критериям начинают вычленять как отдельные археологические объекты, так и целые группы памятников. Их относят к другим хронологическим эпохам, культурам, этапам, типам памятников. На сегодняшний день существует несколько точек зрения относительно культурной и эпохальной принадлежности ранних памятников Верхнего Приобья. В разные годы исследователи относили их верхнеобской, большемысской, кузнецко-алтайской, рубцовской и корначакской культурам (Матющенко В.И., 1973; Молодин В.И., 1977; Зах В.А., 1988, 2003, Кирюшин Ю.Ф., 1986; 1988; 1990; Кунгуров А.Л., 1997; 1998; Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А., 1999; и др.) а также к комплексам новокусковского этапа (Косарев М.Ф., 1981).

Следует также отметить, что на всем протяжении изучения неолита Верхнего Приобья, происходила переоценка хронологических позиций эпохи в сторону удревнения.

Таким образом, проделанная работа показала, что исследование неолита региона является непрерывным процессом, который продолжается и в наши дни.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Работы в горном и лесостепном Алтае // АО 1983 года. - М., 1985. - С. 189.
2. Аникович М.В. О культурной принадлежности неолитических памятников Верхнего Приобья // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». - Новосибирск, 1969. - Вып. 1. - С. 62-64.
3. Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы. - Новосибирск, 1995. - 240 с.
4. Археология. Неолит Северной Евразии. - М., 1996. - 379 с.
5. Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. МИА. - М.-Л., 1970. - № 166. - С. 157-171.
6. Бобров В.В. Материалы разрушенных погребений Кузнецко-Алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. - Барнаул, 1990. - С. 19-33.
7. Бобров В.В. Новые неолитические памятники Кузнецко-Салаирской горной области // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. Матер. РАСК. - Красноярск, 1991. - Т. 1. - С. 68-71.
8. Бобров В.В. Материалы большемысской культуры из западных районов Кузнецкой котловины // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. - Барнаул, 1993. - Ч. I. - С. 90-94.
9. Бобров В.В. Танай-4а – новый памятник большемысской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1996. - С. 66-71.
10. Бобров В.В. Исследования поселения Танай-4а и некоторые проблемы западносибирской археологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1997. - Т. III. - С. 138-143.
11. Бобров В.В. Проблемы неолита юга Западной Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1998. - Т. 1. - С. 50-58.

12. Бобров В.В. Общая характеристика раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. - Кемерово, 1999. - С. 17-35.
13. Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Новые материалы из раскопок поселения Танай-4а // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1998. - Т. IV. - С. 187-190.
14. Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Новые материалы раннего комплекса поселения Танай-4а // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 1999. - Т. V. - С. 253-257.
15. Бобров В.В., Жаронкин В.Н. Завершение полевых исследований поселения Танай-4а // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. - Новосибирск, 2002. - Т. VIII. - С. 234-236.
16. Бобров В.В., Кунгурова Н.Ю. Функциональное использование основных групп изделий эпохи энеолита с поселения Танай-4а // Археология, этнография и антропологии Евразии. - 2004. - № 2 (18). - С. 94-101.
17. Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. - Томск, 1970. - С. 12-51.
18. Глушков И.Г. Неолитическая керамика Конды (по материалам поселений Чертова Гора и Канда) // Сибирь в панораме тысячелетий. - Новосибирск,1998. - Т.1. - С.131-137.
19. Грязнов М.П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. - Новосибирск, 1930. - Вып. 2. - С. 3-11.
20. Диков Н.Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки и Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). - М., 1977. - 392 с.
21. Зайберт В.Ф. Атбасарская культура. - Екатеринбург, 1992. - 221 с.
22. Зах В.А. К вопросу о боборыкинской культуре // Роль Тобольска в освоении Сибири. - Тобольск, 1987. - С. 11-13.
23. Зах В.А. О культурной принадлежности неолитических памятников Присалаирья и Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. - Барнаул, 1988. - С. 35-37.
24. Зах В.А. Неолит и бронзовый век Присалаирья. Автореф. дис. … канд. ист. наук. - Кемерово, 1990. - 22 с.
25. Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. - Тюмень, 2003. - 168 с.
26. Зах В.А., Багашев А.Н. О сопряженности культурогенеза и рассообразования в формировании неолитического населения Западной Сибири // Сибирь в панораме тысячелетий. - Новосибирск, 1998. - Т. 1. - С. 194-202.
27. Кирюшин К.Ю. Культурно-хронологические комплексы поселения Тыткескень-2: Автореф. дис. … канд. ист. наук. - Новосибирск, 2004. – 23 с.
28. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. … док. ист. наук. Новосибирск, 1986. - 35 с.
29. Кирюшин Ю.Ф. Периодизация культур неолита и бронзы Верхнего и Среднего Приобья // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. - Барнаул, 1988. С. 59-63.
30. Кирюшин Ю.Ф. Исследование энеолитических памятников лесостепного Алтая // Охрана и использование археологических памятников Алтая. - Барнаул, 1990. - Вып I. - С. 35-39.
31. Кирюшин Ю.Ф. Формирование типов хозяйства у населения Верхнего Приобья в эпоху энеолита // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. - Барнаул, 1997. С. 24-28.
32. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и Ранняя бронза юга Западной Сибири. - Барнаул, 2002. - 294 с.
33. Кирюшин Ю.Ф. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. - Барнаул, 2002а. - С. 51-53.

34. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю. Проблемы формирования энеолитической культуры Верхнего Приобья // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск, 1997. - С. 64-66.
35. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин А.Ю. Особенности погребального обряда и датировка большемысской энеолитической культуры // Актуальные вопросы истории Сибири: Научные чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. - Барнаул, 1998. - С. 254-261.
36. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю. Большемысский комплекс поселения Тыткескень-II // Культуры древних народов Южной Сибири. - Барнаул, 1993. - С. 25-30.
37. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Кунгурова Н.Ю. Хронологические комплексы поселения Тыткескень-II // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. - Барнаул, 1991. - С. 23-28.
38. Кирюшин Ю.Ф., Клюкин Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая. // Алтай в эпоху камня и раннего металла. - Барнаул, 1985. - С. 73-117.
39. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Тыткескень 6 на Катуни // Археология Горного Алтая. - Барнаул, 1994. - С. 111-123.
40. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Проблемы каменного века бассейна р. Катунь // III годовая итоговая сессия института археологии и этнографии СО РАН. - Новосибирск, 1995. - Т. I. - С. 61-63.
41. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры-I (Алтай). - Барнаул, 1995. - 150 с.
42. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище // Погребальный обряд древних племен Алтая. - Барнаул, 1996. - С. 5-10.
43. Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю., Кадиков Б.Х. Древнейшие могильники северных предгорий Алтая. - Барнаул, 2000. - 117 с.
44. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века лесостепного и степного Алтая // Алтайский сборник. - Барнаул, 1992.- Вып. XV. - С. 194-222.
45. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В. Новое большемысское поселение - Камешок 1 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1999. - Вып. X. - С. 72-74.
46. Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В. Проблемы большемысской культуры в Верхнем Приобье // Проблемы изучения древней и средневековой истории. - Барнаул, 2001. - С. 28-39.
47. Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. - Свердловск, 1989. - 80 с.
48. Ковалева В.Т. Зырянова С.Ю. Историография и дискуссионные проблемы боборыкинской культуры // ВАУ. - Екатеринбург, 1998. - Вып. 23. - С. 162-183.
49. Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. - М., 1952. - № 24. - С. 7-50.
50. Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. - М., 1956. - Вып. 64. - С. 93-103.
51. Косарев М.Ф. Хронология и культурная принадлежность ранних нижнетомских памятников // Памятники каменного и бронзового века Евразии. - М., 1964. - С. 157-166.
52. Косарев М.Ф. Бронзовый век Среднего Обь-Иртышья. Автореф. дис. … канд. ист. наук. - М., 1964а. - 15 с.
53. Косарев М.Ф. Этно-культурные ареалы Западной Сибири в бронзовом веке // Из истории Сибири. - Томск, 1973. - Вып. 7. - С. 65-77.
54. Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. - М., 1974. - 218 с.
55. Косарев М.Ф. К проблеме западно-сибирской общности // СА. - 1974а. - № 3. - С. 3-13.
56. Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. - М., 1981. - 278 с.
57. Косарев М.Ф. Миграции и переходные историко-археологические эпохи // Смена культур и миграции в Западной Сибири. - Томск, 1987. - С. 4-6.
58. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. - М.: Изд-во «Наука», 1991. - 302 с.
59. Коссинская Л.Л. О схемах развития северного неолита // Обские Угры. Материалы II сибирского симпозиума: «Культурное наследие народов Западной Сибири». - Тобольск-Омск, 2001. - С. 38-41.

60. Кунгуров А.Л. Неолит Верхнего Причумышья // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1997. - Вып. VIII. - С. 98-104.
61. Кунгуров А.Л. Многослойное поселение Усть-Васиха 2 на Верхнем Чумыше // Древние поселения Алтая. - Барнаул, 1998. - С. 39-54.
62. Кунгуров А.Л., Онников А.В., Тишкин А.А. Каменная индустрия эпохи неолита с поселения Рубцовское // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. - Кемерово, 1999. - С. 58-63.
63. Кунгурова Н.Ю. Развитие каменной индустрии в неолите Юго-Западного Алтая // Археологические исследования на Алтае. - Барнаул, 1987. - С. 55-66.
64. Кунгурова Н.Ю. Древнее поселение в устье Куюма // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. - Горно-Алтайск, 1992. - С. 3-22.
65. Кунгурова Н.Ю. К вопросу о сосуществовании культур в неолите северных предгорий Алтая // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. - Тюмень, 2001. - С. 82-91.
66. Кунгурова Н.Ю. Материалы могильника Солонцы-5 (к проблеме этнокультурных связей носителей кузнецко-алтайской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии - 2003. - № 2 (14). - С. 30-40.
67. Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы-5. Культура погребенных неолита Алтая. - Барнаул, 2005. - 128 с.
68. Мамонова Н.Н., Сулержицкий А.Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным датам // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. - Иркутск, 1986. - С. 15-20.
69. Матющенко В.И. Вопросы датировки томских неолитических памятников // Уч. зап. ТГУ. - Томск, 1960. - № 35. - С. 200-214.
70. Матющенко В.И. Неолит и бронзовый век в Бассейне р. Томи. Автореф. дис. … канд. ист. наук. - Томск, 1960а. - 15 с.
71. Матющенко В.И. Вопросы исторических связей племен Западной Сибири и Приуралья в эпоху неолита и бронзы // Вопросы археологии Урала. Вып. 1. Второе Уральское археологическое совещание. - Свердловск, 1961. - С. 109-116.
72. Матющенко В.И. О сложении Верхнеобской неолитической культуры // Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». - Новосибирск, 1969. - Вып.1. - С. 60-61.
73. Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Неолитическое время в лесном и лесостепном Приобье (Верхнеобская неолитическая культура) / Из истории Сибири. - Томск, 1973. - Вып. 9. - 147 с.
74. Могильников В.А. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1998. - Вып. IX. - С. 58-61.
75. Могильников В.А., Конников Б.А., Лунев В.Б., Медникова Э.М., Отт В.В., Уманский А.П., Гагаева А.С. Алейская экспедиция // АО 1972 года. - М., 1973. - С. 229-230.
76. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепной полосы Обь-Иртышского междуречья: Автореф. дис. … канд. ист. наук. - Новосибирск, 1975.
77. Молодин В.И. Кротовская культура и ее окружение // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. - Новосибирск, 1975а. - С. 259-268.
78. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск, 1977. - 174 с.
79. Молодин В.И. Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. - Кемерово, 1985. - С. 3-17.
80. Молодин В.И. Еще раз о датировке Турочакской писаницы (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири // Культура древних народов Южной Сибири. - Барнаул, 1993. - С. 4-25.
81. Молодин В.И. Неолитическое погребение на озере Иткуль и некоторые соображения по поводу погребальных комплексов данной эпохи в предгорьях и горах Алтая // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. - Кемерово, 1999. - С. 36-57.

82. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми (культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла). - Новосибирск, 2001. - Т. 1. - 128 с.
83. Молодин В.И., Бобров В.В. Предисловие // Проблемы неолита-энеолита юга Западной Сибири. - Кемерово, 1999. - С. 3-8.
84. Окладников А.П. Неолитические памятники как источники по этнографии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. - М., 1941. - Вып. 9. - С. 5-14.
85. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. МИА. - М.-Л., 1950. - № 18. - 412 с.
86. Окладников А.П. Неолит Сибири и Дальнего Востока // Каменный век на территории СССР. МИА. - М.-Л., 1970. - № 166. - С. 172-193.
87. Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск, 1978. - С. 11-21.
88. Орлова Л.А. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Сибири и Дальнего Востока // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Ч. II. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1995. – С. 207-232.
89. Очерки истории Алтайского края. - Барнаул, 1987. - 448 с.
90. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2. Мир реальный и потусторонний. - Томск, 1994. - 475 с.
91. Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. - Новосибирск, 1989. - 104 с.
92. Собольникова Т.Н. Поздненеолитическое поселение Канда в бассейне реки Конды // Сибирь в панораме тысячелетий. - Новосибирск, 1998. - Т. 1. - С. 551-558.
93. Старков В.Ф. О месте памятников с волнисто-гребенчатой керамикой в неолите Зауралья // Из истории Сибири. - Томск, 1973. - Вып. 7. - С. 12-19.
94. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. - М., 1980. - 219 с.
95. Степанова Н.Ф. Керамика большемысской культуры поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. - Барнаул, 1997. - Вып. VIII. - С. 113-116.
96. Троицкая Т. Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. - Новосибирск, 1980. - 184 с.
97. Уманский А.П., Клюкин Г.А. Археологические разведки в верховьях Алея // Археология и краеведение Алтая. - Барнаул, 1972. - С. 37-39.
98. Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. - М., 1968. - С. 41-53.
99. Шмидт А.В. Древнейшие костяные наконечники стрел на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. - Барнаул, 1997. - С. 28-32.
100. Шмидт А.В. Этнокультурная ситуация на Алтае в эпоху неолита // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. - Горно-Алтайск, 1999. - № 4. - С. 26-31.
101. Шмидт А.В. К проблеме «деградации» призматической техники расщепления в Горном Алтае // Историко-культурное наследие Северной Азии: Матер. XLI РАЭСК. - Барнаул, 2001. - С. 194-196.
102. Шмидт А.В. К проблеме формирования елунинской культуры // Гуманитарные исследования на пороге нового тысячелетия. - Барнаул, 2001а. - С. 50-54.
103. Шмидт А.В. Анализ призматической техники расщепления поселения Рубцовское // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока: Матер. XLII РАЭСК. - Омск, 2002. - С. 215-218.
104. Шмидт А.В. Неолит Приобского Плато. Автореф. дис. … канд. ист. наук. - Барнаул, 2005. - 24 с.
105. Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. - М., 1989. - 444 с.
106. Энциклопедия Алтайского края. - Барнаул, 1995. - Т. 1. - 368 с.

Кубарев В.Д.
(г. Новосибирск)

АСТРАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА И ДРЕВНИЕ МИФЫ В ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЯ

Алтай известен своими уникальными археологическими памятниками, но особое место в их реестре занимают древние наскальные изображения. Расположение рисунков непосредственно вдоль древних троп и у высокогорных перевалов через заснеженные хребты Алтая, их концентрация в определенных местах, ещё раз подтверждает нашу гипотезу о существовании культовых центров – своеобразных «горных храмов под открытым небом». Здесь древний художник (жрец-медиатор-шаман), изображая обычных животных, часто наделял их сакральными функциями.

Уже в эпоху ранней бронзы на Алтае и в Монголии был выработан несложный прием обозначения священных животных при помощи магических знаков, напрямую связанных с астральной символикой и первобытной мифологией. Они то и позволяют в отдельных случаях вполне убедительно интерпретировать или даже реконструировать древнейшие мифологические представления, или, по крайней мере, помогают в расшифровке небольшого фрагмента конкретного мифа или легенды.

Особенно много сакрализованных рисунков в Центральной и Средней Азии появляется в эпоху развитой бронзы и в период древних кочевников. В основном это символы в виде дисков, колец и спиралей, помещенных рядом с изображениями, или диски с лучами на рогах, туловища и хвостах животных (см. рис. 1 – 4). Точно такие же изобразительные элементы присутствуют в мелкой пластике из курганов Уландрыка и Юстыда. Но они сочетаются иначе: символ светила (солнце или луна) в виде диска зажат между копытами летящего оленя или барельефная окружность вписана в бедро барана; а также в виде шаровидного подстава для фигурки мифического коня, являющегося украшением женской шпильки для волос (Кубарев В.Д., 1987, рис.37,40,41). Символическая связь деревянных изображений различных животных с солнцем и небесной сферой также подчеркнута покрытием миниатюрных фигурок листовым золотом. На наш взгляд, вполне очевидно и понятно то, что изображение одного и того же мифологического персонажа, выполненное на различных материалах, требовало применения совершенно иных технических приемов. Если в деревянных изделиях сакральная сущность образов усиливалась резьбой астральных символов на крупах животных и позолотой, то на каменной плоскости они изображались иначе, а возможности для творческого самовыражения у древнего художника были весьма ограничены. Тем не менее, рисунки «небесных» коней в наскальных изображениях Алтая встречаются, хотя и нечасто. Можно указать всего на один петроглиф в Калбак-Таше, где на кончиках задранных хвостов двух коней изображены шары с лучами, которые и дают основание считать изображения сакральными и священными, принадлежность которых к небесной сфере не вызывает сомнения (Kubarev V.D., Jacobson E., Fig.453). Два рисунка «пегасов», известны и по петроглифам Елангаша. На их спинах выбит подтреугольный выступ, который, ассоциируется с крылом птицы (Кубарев В.Д., 1979, рис. 25, *2,3*).

Сложившийся в эпоху древних кочевников декоративный канон или так называемый «алтайский звериный стиль», особенно, характерен для рисунков оленей из Шивээт-Хаирхана – уникального памятника наскального искусства Монгольского Алтая. Фигуры оленей самые многочисленные на исследованном нами памятнике. И это вполне понятно, потому, что олень во все времена являлся одним из главнейших образов индоиранских и тюрко-монгольских мифологий. Его космическая сущность легко определяется тем, что, на рогах отдельных оленей изображен все тот же древнейший солярный символ – диск с лучами (рис.1 – 3-9). Туловища других оленей заполнено геометрическими фигурами: в виде квадратов, треугольников и овалов, с точкой или даже глубокой лункой посредине (см. рис.2 – 6,7). Становится понятно, что подобные знаки также связаны с солярной символикой. Тем не менее, в других изобразительных вариантах мифического

оленя этот символ выглядит несколько иначе: в виде косого креста, круга (рис.2 – 8,9), ромба, или Ф-образной фигуры, размещенной на голове, между рогами и даже на спине животного. Уникальной иллюстрацией к астральному мифу о происхождении солнца, луны и звёзд является изображение фантастического оленя из Цагаан-Салаа в Монгольском Алтае (см. рис.1 – 8). На его рогах, над спиной и на хвосте, в один ряд нанесено пять «золотых» светил, с 7-9 лучами на каждом. Множественность светил (возможно, ассоциируемых также с солнцем и луной) в данном сюжете заставляет опять вспомнить алтайский миф о самых ярких звездах *Уч-мыйгак* – трех маралухах (созвездие Орион), вознёсшихся на небо от преследовавшего их охотника. С солярным циклом монгольских мифов также связан и небесный стрелок *Эрхий-мерген*, «…сбивший выстрелом лишние светила» (Неклюдов С.Ю., 1992, с.172). Такой достоверный, по моему мнению, «осколок» космогонического мифа воспроизведен и в наскальной сцене из Ирбисту, – древнего изобразительного комплекса, открытого недавно в Кош-Агачском районе республики Алтай (Кубарев Г.В. и др., 2002). Эта небольшая композиции включает изображение человека, быка и солярного знака в виде чашечного углубления, обрамленного семью лучами (рис.4 – 14). На туловище быка выбиты три округлых пятна, который можно интерпретировать как рисунок созвездия Орион, – известный астральный символ многих древних народов Азии (Потанин Г.Н., 1883; Неклюдов С.Ю., 1992; Ерошкин Д.В., 2002, и др.). Зооморфные изображения с подобной знаковой записью известны и в других алтайских петроглифах: Ороктой на Катуни (Окладникова Е.А., 1984, табл. 25, *5*); правый берег р. Чаганки (Лабецкий П.П., 2000, рис.1). Они, как и рисунок быка из Ирбисту датируются эпохой ранней бронзы.

Значительная часть раннебронзовых петроглифов соседнего Монгольского Алтая, также, несомненно, связана с астральной символикой и мифологическими представлениями древних кочевников. Многие изображения животных сопровождаются контурными кругами и выбитыми дисками – знаками солнца и луны. Они размещены как внутри кольцевидных рогов быков, так и над ними (см. рис.2 – 11-13,15). Рога отдельных быков выбиты в виде сплошных овальных дисков, над которыми, явно осознанно, нанесен ряд крупных точек, а в одном случае от дисковидных рогов отходят 14 черточек-лучей (см. рис.1 – 11). Солярные знаки можно усмотреть в шаровидных окончаниях хвостов быков, иногда, очень больших, явно гипертрофированных размеров (рис.2 – 13) или в округлых контурных окончаниях хвостов, с точкой по центру (рис.2 – 19,20) Символы солнца и луны просматриваются в декоративном оформлении (округлые, полулунные, крестовидные и звездчатые фигуры) туловищ быков (рис.2 – 1-5). Подобные дополняющие знаки являются своеобразным кодом-ключом, позволяющим определить космическую, возможно, лунарно-солярную принадлежность отдельных изображений быков.

Наглядной иллюстрацией, подтверждающий мифологический характер отдельных рисунков животных, служит небольшой, но очень легко, на наш взгляд, дешифруемый сюжет из петроглифов долины р. Цагаан-Гол. На противоположных гранях одного камня выбито по одной фигурке козла или барана (см. рис.4 – 12). На грани, обращенной к северу – рога животного показаны в виде сплошного круглого диска (луна?), на грани с южной экспозицией – рога, доходящие до спины животного, в виде полусферической дуги с короткими лучами (солнце?). Для убедительности восприятия этого солнечного образа, древний художник дополнительно поместил перед рогами мифического животного маленький диск с 13 лучами – символ солнца.

Формально точное сходство с солярно-лунарными знаками (круг с вписанным крестом или точкой в центре) можно увидеть в рисунках колес одноосной повозки из Бага-Ойгура (рис.4 – 17). Аналогичные, несомненно, астральные знаки, нередко встречаются в петроглифах Алтая в виде отдельных рисунков (рис.4 – 1-3,5,6), а в Цагаан-Голе они один раз воспроизведены в совмещенном, спаренном виде (рис.4 – 9). Их вариации в виде двух правильных кругов: в центре одного выбита крупная точка, в центре другого глубокая лунка, с отходящими от неё 9 лучами – также найдены в долине рек Хар-Салаа и Цагаан-Гола (рис.4 – 10,18). Логично видеть и в них графическую иллюстрацию луны и солнца, но это трудно доказать, хотя бы потому, что таким же образом изображались колеса повозок эпохи бронзы. Причем в последнем случае, один из знаков имеет зооморф-

ный вид, то есть он был выбит вместо головы, очень схематичной фигурки какого-то животного.

В отличие от многочисленных фигур животных, помеченных астральными знаками, антропоморфные рисунки солнечных божеств на Алтае встречаются очень редко (рис.3). Они выглядят очень схематично и даже можно сказать примитивно. Главным признаком, отличающим их от обычных рисунков людей, являются контурная или силуэтная голова (головной убор?) преувеличенных размеров. Иногда вокруг головы показан нимб из лучей или точек. Какого пола было существо не совсем ясно, но, по крайней мере, две фигуры определенно мужские, судя по наличию у них фаллоса (см. рис.3 – 4,10). Совершенно иначе изображено «шагающее» солнце на миниатюрном и одиночном петроглифе из Цагаан-Гола. Под округлым диском древний художник показал две ноги, но не человека, а птицы. Так что перед нами предстает новый для петроглифов Алтая, теперь уже орнитомофорный образ солнца или солнечного божества.

Возможно, к числу астральных знаков-символов необходимо отнести симметрично расположенные чашечные углубления, обнаруженные в долине Цагаан-Гола. Они органично сочетаются с фигуркой козла и традиционного по начертанию графического символа солнца – круг с лучами и точкой в центре (рис.4 – 13). Подобный рисунок солнца, но уже, выполненный сплошной точечной выбивкой, найден на том же местонахождении, на отдельном камне (рис.4 – 4).

К числу редко встречаемых на Алтае знаков сакрального значения относится фигуры в виде креста (рис.4 – 7) и овального диска с отходящей вниз короткой полосой. Этот знак в петроглифах Шивээт-Хаирхана известен в единственном числе (рис.4 – 8) и, возможно, по смыслу перекликается с другой графемой – округлым диском, соединенным чертой с диском меньшого диаметра (рис.4 – 11). Нахождение этого знака рядом с быком опять же информирует о сакральной избранности животного, его посвящения высшим небесным божествам. Надо назвать еще два необычных знака, обнаруженных нами в долине р. Хар-Салаа. Это два глубоко выбитых чашечных углубления, соединенные извилистой линией и окружность с коротким выступом в нижней части (рис.4 – 15,16). Если второй знак находится между двумя лошадьми и может быть определен как символ солнца и небесной стихии, то рисунок первой фигуры не сопровождается другими изображениями, позволяющими раскрыть семантику изображения. Но, по аналогичным «очковидным» знакам, широко распространенным в петроглифах Каратау, Тамгалы и Джунгарии и эта необычная фигура из Монгольского Алтая может считаться одним из важнейших астральных знаков эпохи ранней бронзы. Смысл подобных знаков и их сочетаний еще более полно раскрыт при изучении петроглифов Саймалы-Таша (Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К., 1992, рис.128-132).

Идентичные графические солярно-лунарные знаки, а также сцены с солнцерогими животными, «шагающим» солнечным божеством, широко известны на других памятниках наскального искусства Алтая (Окладников А.П. и др., 1979, табл.7,*4*;29,*1*; и т.д.; Kubarev V.D., Jacobson E., 1996, fig.132,284,467,508,616 и т.д.), в петроглифах Монголии (Окладников А.П., 1980, с.68; Цэвээндорж Д. и др. 2004, рис.55,211,314 и т.д.), Казахстана (Марьяшев А.Н., Горячев А.А., 1998, рис.2 – 11,17,63) и Средней Азии (Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К., 1992, рис.12 – 20,49–54,67 и т.д.). Подобной формы, солярные знаки в большом числе найдены в наскальных рисунках Тувы. Они точно также, как и алтайские символы, располагаются рядом с рисунками животных и нередко в сочетании с личинами-масками, датируемыми эпохой бронзы (Дэвлет М.А., 1998, табл.11,*32*; 14,*37*; 15,*20*). Колеса повозок и колесниц, лошади и другие животные в китайских петроглифах эпохи бронзы также маркированы солярными знаками (Гай Шаньлинь, 1989, рис. 231,253,259,304 и т.д.). Необходимо вспомнить и «солнцеголовые» зооантропоморфные существа, которые, в большом числе присутствуют в полихромных росписях и гравюрах каракольской культуры Алтая (Кубарев В.Д., 1988). Они послужили для уточнения даты некоторых сюжетов из Саймалы-Таша, (Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К**.**, 1992, с.28) и явились своеобразным культурно-хронологическим репером, позволившим относительно точно датировать аналогичные сюжеты в памятниках наскального искусства Алтая (Кубарев В.Д., 1992;1993).

О мифологической нагрузке отдельных изображений Монгольского Алтая, можно судить по одной очень любопытной сцене, обнаруженной нами в среднем течении р. Хар-Салаа. Не анализируя ее в целом, обратим внимание на крупную фигуру быка с лировидными рогами, которые плавно переходят в анфасную фигурку женщины. Этот оригинальный изобразительный прием, возможно, демонстрирует прямую связь между священным быком и женским божеством. И тут уместным представляется привести цитату из статьи В.В. Иванова, который писал, что «на быках есть (видимый или невидимый) знак их принадлежности божеству» (1991, с. 203). Как известно, археологические следы культа священного быка существовали во многих древних скотоводческих культурах, а бык как воплощение бога на земле был известен уже в древнеиранской мифологической традиции III-II тыс. до н.э. Вероятно, в это время или несколько позднее, и появляются в петроглифах Алтая рисунки отмеченных знаками быков.

В плане семантической реконструкции интересна еще одна композиция из местонахождения Хар-Салаа VI. В ее правой верхней части, бык буквально поднял на рога человека. Он изображен с широко разбросанными ногами и поднятыми вверх руками. В одной руке его зажат предмет в виде палки. Фигура мужская, фаллическая, в отличие, от вышерассмотренной женской фигуры, также показанной на рогах быка в петроглифах Хар-Салаа V. Значит и содержание рассматриваемого сюжета надо дешифровать в другом ключе. Для этого необходимо привлечь данные мировой мифологии. В древнеиранском мифе описано сражение и убийство первобыка культурным героем Ахриманом, или критского минотавра Тесеем в греческой мифологии. «Подобные мифы могли быть связаны с обрядом ритуального состязания с быком и принесения в жертву священного быка» (Иванов В.В., 1991, с. 203). Наверное, в нашей сцене из Хар-Салаа и запечатлен кульминационный момент этого ритуального действия.

Сюжет coitus или сцены «священного брака» очень часто встречаются в петроглифах Монгольского Алтая. Например, в Хар-Салаа VII, на небольшой композиции с изображениями диких козлов и оленей центральным и значимым элементом представляется сцена соития. В антиподальных фигурах совокупляющихся легко определить пол людей. У мужской контурной фигуры, с согнутыми в коленях ногами, просматривается фаллос и текстулы, – у силуэтной фигуры женщины, с округлым животом (признак беременности?), руки поддерживают, широко раздвинутые, ноги. В сцене присутствует и третий персонаж: лучник, стреляющий из лука в козу. На прорисовке нетрудно рассмотреть, что голова совокупляющегося мужчины соединяется с луком, а рудиментарная рука направлена к спине козы. Таким несложным приемом осуществляется коммутативная связь всех участников ритуальной или даже мифологической сцены. В её основе совмещены и синтезированы: культ плодородия (плодовитости) и «благопожелание» успешной охоты. В еще одной сцене из этого же скопления петроглифов, сюжет coitus читается гораздо труднее, а коза заменена собакой, следует предположить аналогичную «запись» или пиктограмму. Подобные, несомненно, архаические представления об интимных отношениях охотников с хозяйкой леса или гор, с целью обеспечения богатого промысла, сохранились у народов Сибири до этнографического времени (Потапов Л.П., 1991, с. 181-182). Третья сцена coitus расположена недалеко от двух первых композиций. Несмотря на то, что фигуры людей слишком схематичны, но и в них легко определить мужчину (по наличию фаллоса) и женщину (широко раздвинутые ноги), которая, вероятно, держит за ногу козла. В петроглифах Центральной Азии, в сценах coitus рисунки животных очень часто сопровождают именно женские фигурки. Как правило, это козлы и быки, которые служили символами плодовитости и плодородия. Древние кочевники искренне верили, что плодородные свойства животных, магическим образом, могут быть переданы и женщине, в таинственный момент зачатия.

В плане семантической дешифровки очень интересна другая, насыщенная рисунками, композиция. В ней два воина с копьями противостоят друг другу, но главную роль здесь играет массивный бык и фронтальная фигура женщины. В том, что это женщина сомнения нет, судя по ее косам, длиннополой одежде и высокому головному убору митровидной формы. В одной руке она держит повод, идущий к морде быка, в другой, – какой-то предмет в виде палки или посоха, другой конец которого зажат в руке мужчины.

Впрочем, этот предмет может иметь прямое отношение и к мужской фигуре, так как аналогичное «орудие» есть и у третьей фигуры воина (сохранившейся только наполовину). Ноги женщины скрыты под полами одежды и непосредственно примыкают к крупной силуэтно выбитой фигуре козла. На спине быка отдельными линиями выгравирован вьюк прямоугольной формы, на котором также изображена фигурка женщины с длинными косами. Позади быка стоит, вооруженный кинжалом и луком, человек в серповидном головном уборе. В самом низу сцены, а точнее на переднем плане, лежит безоружный гигант, в которого стреляет из лука человек в серповидном головном уборе. Композиция уникальна тем, что в ней могут быть прослежены изобразительные фрагменты, по крайней мере, четырех мифов, в самых общих чертах передающих тексты индоевропейской мифологии. Это сакральная связь богини с Небесным быком, ритуальное состязание и жертвоприношение священного быка, поединок культурных героев и миф о великанах-циклопах.

Особенно впечатляют многофигурные композиции, открытые в Хар-Салаа VIII, где главным и значимыми являются фигуры «небесных» быков, вокруг которых по мифологическому сценарию и разворачиваются все события. Одни из них выполнены в так называемом декоративном стиле, другие – в контурной и силуэтной технике. Нередко это парные фигуры, иногда противостоящие животные, идущие друг за другом или расположенные один над другим. Несколько фигур быков отличаются относительно большими размерами (от 40 до 100 см в длину), что также подчеркивает их исключительность, избранность по отношению к другим животным. На первый взгляд ничего сверхъестественного или мифического в изображениях быков нет. Так, например, одна из сцен представляется достаточно банальной и бытовой: женщина ведет на поводу двух быков к небольшому жилищу (прямоугольная фигура с квадратным выступом в верхней части), внутри которого легко различаются две маленькие фигурки людей (дети?). Но форма рогов, представляющая собой почти идеальный круг, дополнительные, нефункциональные элементы в виде серии кружков на груди быков, и орнамент из косых крестов на туловище одного из быков, – все это имеет прямое отношение к идеограммам, связанным с графическими символами неба. Подобные астральные символы дают основание для отнесения сюжета к мифологическому повествованию, позволяя считать изображения быков с луноподобными рогами сакральными и священными животными. «В Древнем Двуречье, в Средней Азии 3–2-го тыс. до н.э., в древнеиранской и древнеиндийской традициях Бык, – прежде всего образ лунного божества. В иранской мифологии месяц называется «имеющим семя Бык», в Шумере и Аккаде бог луны Син…» (Иванов В.В., 1991, с. 203).

В другой композиции, выполненной на горизонтальной плоскости, скального останца, запечатлена самая крупная в Хар-Салаа фигура быка. К его большим луноподобным рогам, сверху примыкает контурный круг, несомненно, имеющий отношение к солярно-лунарным символам, и позволяющим «усилить и приблизить» фигуру быка к небесной сфере. К морде быка протянут повод, который удерживает фигурка женщины (?) в высоком головном уборе. Содержание сцены, сходство других персонажей напоминает ранее рассмотренную и аналогичную композицию, где присутствует не менее 4 сюжетов мифологического порядка. В данной сцене можно интерпретировать только три мифологических сюжета: борьба с великаном (левая верхняя часть); связь женского божества с Небесным (Лунным) Быком и состязание-жертвоприношение небесного Быка. В последнем сюжете принимают участие три «хвостатых» воина с копьями, направленными в грудь, в живот и в спину быка. Четвертый участник, помещенный внутри кольцевидных рогов, стреляет из лука в голову быка.

Некоторые композиции, возможно, иллюстрируют древние ритуалы или обряды, связанные с плодородием природы, ежегодными жертвоприношениями богам, духам или хозяевам гор и лесов. Таким сакральным местом в древности могли послужить скалы, называемые местными жителями – Хар-Чулуу, то есть буквально переводимые как Черные Камни. Общее число рисунков, включая и неизвестные ранее петроглифы, по нашим подсчетам составляет, по меньшей мере, 250 сцен и отдельных изображений. Они, в основном, располагаются на плоскостях скал, ориентированных на юг. На самом верху гря-

ды, на горизонтальной плоскости гигантской глыбы, очевидно, оставшейся, во время продвижения ледника вниз по долине Цагаан-Гола, первые рисунки были оставлены уже в эпоху бронзы. Это кинжал, крупная фигура оленя и чашевидное углубление. Значительно позже, поверх них были выбиты фигурки козлов и охотника. Если попытаться расшифровать содержание первого, более древнего пласта рисунков, то перед нами предстанет своеобразная пиктограмма. Ее можно прочитать примерно в такой последовательности: 1) олень – жертвенное животное; 2) кинжал – орудие для выполнения ритуала; 3) чашевидное углубление – «сосуд» для крови жертвенного животного. Такая трактовка возможного использования чашечных углублений, чаще всего расположенных на горизонтальных плоскостях, не нова. Еще А.П. Окладников предполагал подобное назначение серии лунок для петроглифов Монголии (1983, с.323). Он считал, что «нужно было магическими способами обеспечить обильную добычу, заставить зверя пойти добровольно навстречу желаниям и воле охотника, стать его жертвой, накормить своей жертвенной плотью и кровью голодных, алчущих пищи людей. Не менее важно было заглянуть в завтрашний день, грозивший муками голода и даже голодной смертью, обеспечить плодородие зверей…и воспроизвести, увеличить с помощью священных ритуалов не только число зверей, но и силы самой общины людей, противостоящей силам природы и враждебным человеческим группам» (Окладников А.П., 1980, с.97).

Древние святилища с наскальными изображениями, известные в Центральной Азии, функционировали в течение многих тысячелетий и принадлежали древним охотникам и скотоводам. Преобладание рисунков главных промысловых животных и вооруженных охотников, по-видимому, передает магический ритуал, за которым также усматривается определенное мировоззрение. Оно наделяло солнце и космос способностью репродуцировать умерших людей и убитых зверей. Например, ритуальное действие, отраженное в композициях на священном «алтаре» у восточного подножия горы Шивээт-Хайрхан (Монгольский Алтай) прямо указывает на то, что человек всегда проявлял заботу об утраченных сородичах и убитых животных, пытаясь быть активным участником обряда «воскрешения-рождения» тех и других. Это укромное и таинственное святилище также было местом поклонения солнцу и мольбы злым и добрым духам, от действий которых, как считали древние, зависело благополучие не только всей общины, но и семьи и отдельного человека.

Ряд ученых видит в петроглифах неисчерпаемый источник мифологических представлений, другие полагают, что в наскальных изображениях заложена только информация о реальных исторических событиях или сведения об охоте и хозяйственном укладе древних племен. Но компромиссное решение данной проблемы видится мне в лаконичном, но весьма ёмком заключении А.П. Окладникова, опубликованном в одной из его последних книг. По этому поводу он писал: «Для столь далекого времени не может быть речи о чисто бытовом искусстве или чисто мифологическом творчестве. И то, и другое, несомненно, находилось во взаимосвязи, в определенном синтетическом комплексе» (Окладников, 1980, с. 76).

Литература

1. Дэвлет М.А. Петроглифы на дне саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 288 с.
2. Ерошкин Д.В. Созвездие Ориона в традиционной культуре народов Южной Сибири (Опыт сравнительного анализа) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2002. – № 9. – С. 58-62.
3. Иванов В.В. Бык // Мифы народов мира. – М.: Сов. Энцикл., 1991. – Т. 1. – С. 203.
4. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 172 с.
5. Кубарев В.Д. Каракольские сюжеты в новых петроглифах Алтая // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. – С. 47-48.
6. Кубарев В.Д. Датировка петроглифов по находкам из погребальных памятников Алтая // Современные проблемы изучения петроглифов. – Кемерово: Кем. ГУ, 1993. – С. 104-112.

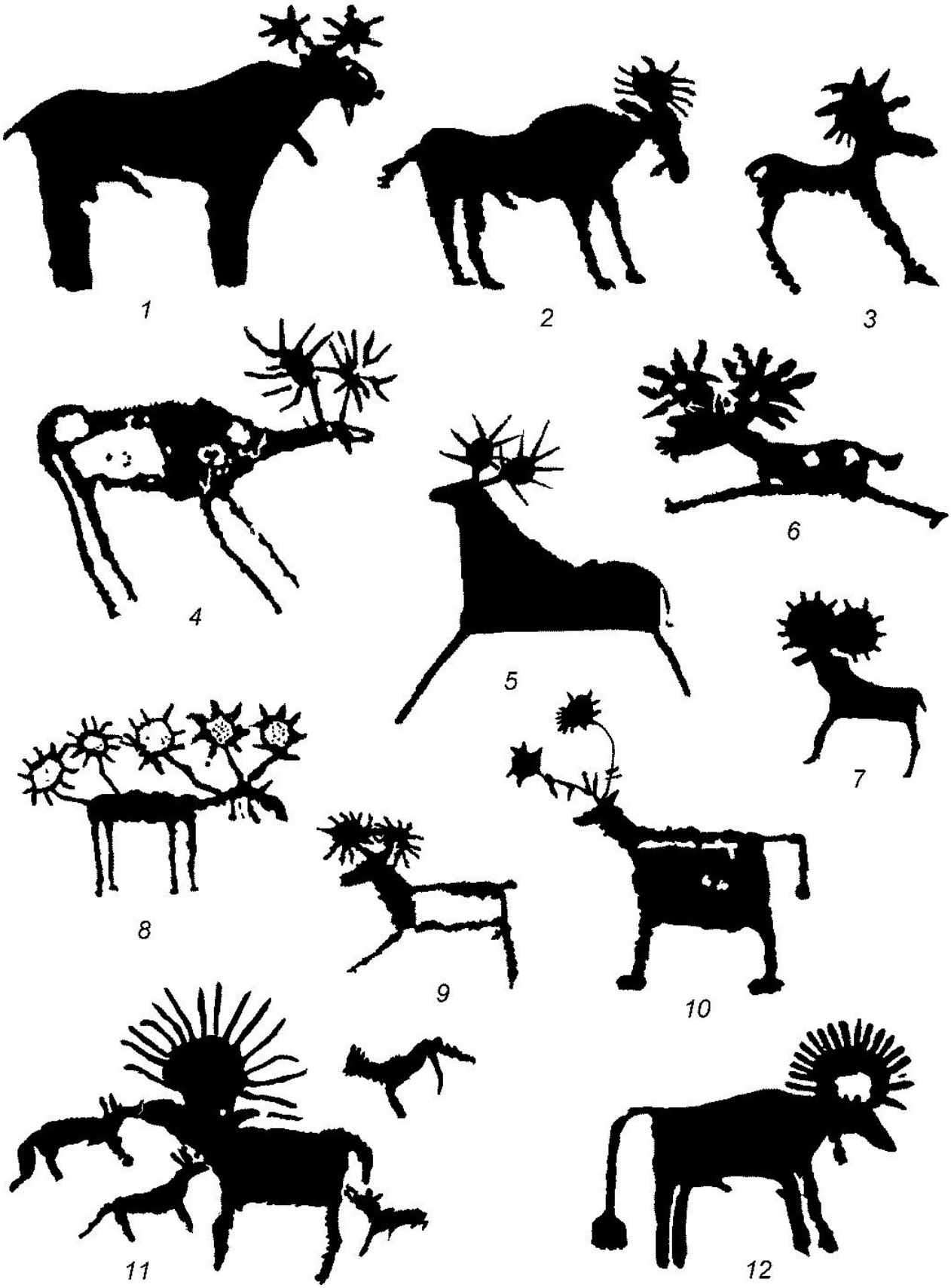


Рис.1

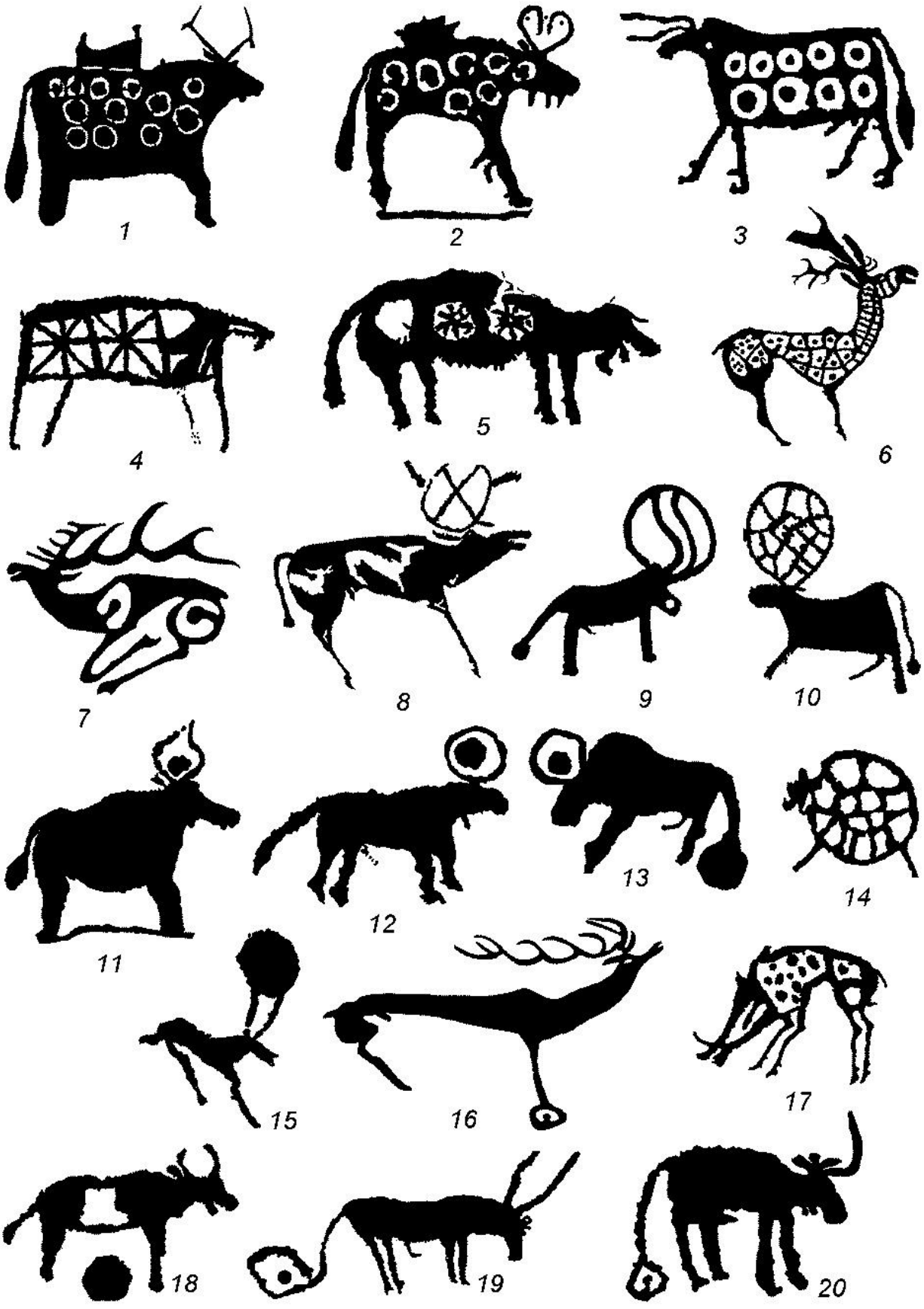


Рис.2

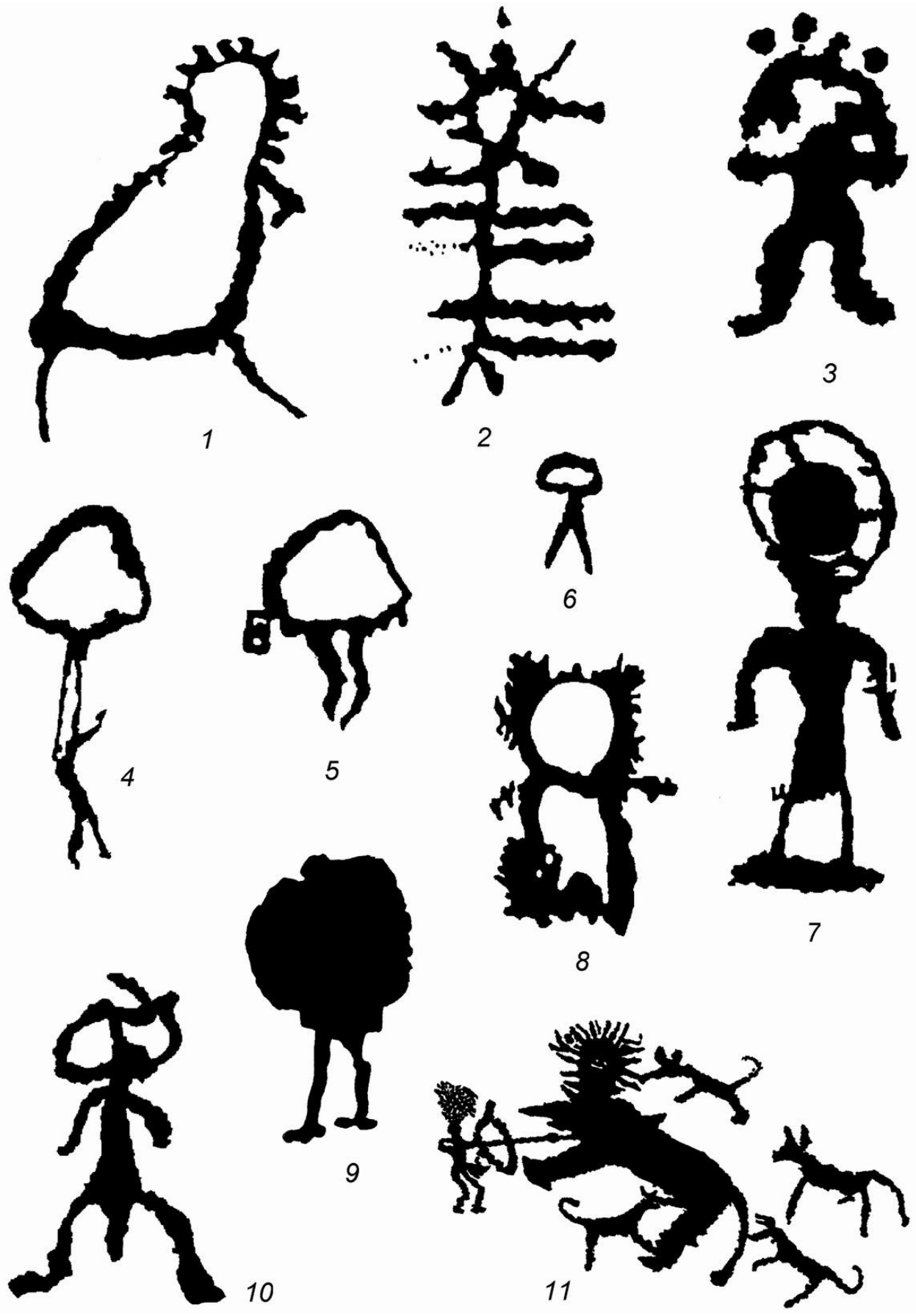


Рис.3

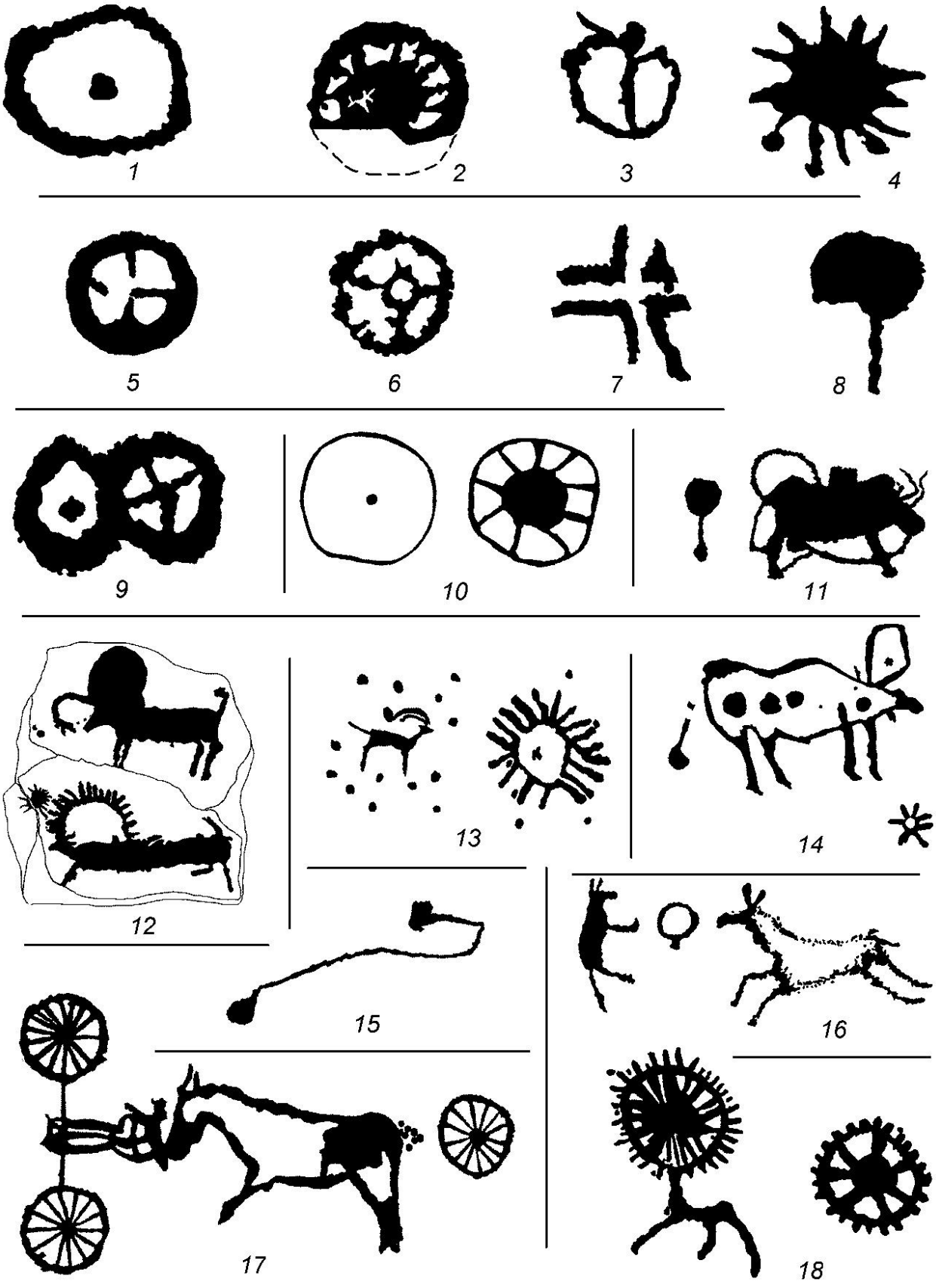


Рис.4

7. Кубарев Г.В., Якобсон Э., Цэвээндорж Д. Кубарев В.Д. Петроглифы Ирбисту // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭт СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 361-365.
8. Лабецкий П.П. Опыт исследования культуры Алтая в свете творчества Н.К. Рериха (на примере астромифологического фрагмента памятника наскального искусства Горного Алтая) // Рериховские Чтения 1997. (Материалы конференции). – Новосибирск: СИБРО, 2000. – С. 427-441.
9. Мартынов А.И., Марьяшев А.Н., Абетеков А.К. Наскальные изображения Саймалы-Таша. – Алма-Ата: КГПУ, 1992. – 110 с.
10. Марьяшев А.Н., Горячев А.А**.** Наскальные изображения Семиречья. – Алматы: 21 век, 1998. – 206 с.
11. Неклюдов С.Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. – М.: Советск. Энцикл., 1992. – Т.2. – С. 170-174.
12. Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии.– Л.: Наука, 1980. – 271 с.
13. Окладников А.П. Древнейшие петроглифы Аршан-Хада // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск, 1983. – С. 27-33.
14. Окладникова Е.А. Петроглифы Средней Катуни. – Новосибирск: Наука, 1984. – 110 с.
15. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии // Вып.IV. – СПб. 1883. – 944 с.
16. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
17. Kubarev V.D., Jacobson E. Sibérie du sud 3: Kalbak-Tash I (République de L'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – T.V.3. – Paris: 1996. – 45 p., Pl. 15.

Список иллюстраций к статье Кубарева В.Д.

Рис. 1. Изображения животных с астральными знаками на рогах. 1-5,8,10,12 – Цагаан-Салаа / Бага-Ойгур; 7 – Шивээт-Хаирхан, 11 – Хар-Чулуу (Монгольский Алтай); 9 – Ирбисту (Российский Алтай).

Рис. 2. Изображения различных животных с астральными знаками на рогах, туловищах и хвостах. 1-3,11 – Калбак-Таш; 7,16 – Елангаш (Российский Алтай); 4,5,8-10,12,14,18 – Цагаан-Салаа / Бага-Ойгур; 6,17 – Шивээт-Хаирхан; 13,15,19,20 – Цагаан-Гол (Монгольский Алтай).

Рис. 3. Антропоморфные солярные существа с различной формой головы или головными уборами (?). 1-8,11 – Цагаан-Салаа / Бага-Ойгур; 9 – Цагаан-Гол (Монгольский Алтай).

Рис. 4. Астральные знаки различной формы. 1-8,17 – Цагаан-Салаа / Бага-Ойгур; 9,12,13, 18 – Цагаан-Гол; 10,11,15,16 – Хар-Салаа (Монгольский Алтай); 14 – Ирбисту (Российский Алтай).

Троицкая Т.Н.
(г.Новосибирск)

СТЕПИ И РЕКИ КАК СРЕДСТВА СВЯЗИ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

В первом номере сборника научных трудов «Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири» опубликована статья И.Л. Кызласова, в которой он говорит о Великом Сибирском пути, прослеживая его существования в степной и лесостепной зонах от эпохи неолита вплоть до российского продвижения на восток. Как он указывает, по этому пути на запад поступали нефрит, олово, медь, бронза и пушнина (Кызласов И.Л., 2005, с. 152-157). Считаю возможным в свете этой статьи проследить на примере Западной Сибири, как на разных этапах осуществлялись передвижения населения и свя-

зи между соседними территориями, как в широтных, так и в меридиональных направлениях, как в рамках Великого Сибирского пути, так и на более ограниченных территориях.

В эпоху неолита люди в Западной Сибири, как и во всей Евразии, стали изготавливать лодки – одно из первых транспортных средств, пригодное для того времени, когда реки оставались свободными ото льда, а в заснеженный период стали перемещаться на санях, в которые сами впрягались. Появление лодок имело огромное значение. Реки стали важными транспортными артериями. Люди впервые смогли передвигаться на большое расстояние по воде, легко переплавляться через реки, перевозить с собой достаточно тяжелый груз. Сани, конечно, тоже имели большое значение, но тащить их надо было на себе. Это ограничивало передвижение с тяжелым грузом на большие расстояния. Реки стали основным средством связи, а степи затрудняли эти связи.

На территории Западной Сибири, как и в эпоху палеолита, наблюдался дефицит качественного каменного сырья для получения орудий, они, как и прежде, изготавливались из кварцитового галечника. Отдельные изделия получали из привозного материала (яшмы, кремня, горного хрусталя и т.д.). Качественное сырье поступало из Восточного Казахстана, западных отрогов Алтая, из Зауралья. Так в Сопке в неолитических погребениях обнаружены наконечники стрел из белого кремня и яшмы (Молодин В.И., 2001, с. 21), на севере Барабы, в неолитическом могильнике Протока выявлена яшмовая пластина (Полосьмак Н.В. и др., 1989, с.22).

С III тыс. до н.э. в лесостепной и степной зонах Западно-Сибирской равнины началась эпоха бронзы. В это время на широкой территории Евразии развивается скотоводство, в том числе и коневодство. Население начинает использовать лошадь как транспортное средство. С развитием скотоводства, с появлением всадничества, начинается новый этап в развитии общества, в развитии транспортных связей. Первостепенное транспортное значение реки сохраняют лишь в лесных таежных районах, где не было условий для развития скотоводства. Степь перестает быть причиной разъединения людей, она, наоборот, делается средством их связи. Особенно ярко это прослеживается в эпоху развитой бронзы, когда с середины II тыс. до н.э на широкой лесостепной территории, от Молдовы до Западной Сибири включительно, встречаются находки с предметами военного снаряжения, относящиеся к изделиям сейминско-турбинского типа. Передвижение населения и осуществление торговых (обменных) связей происходит в широтном направлении по линии Великого Сибирского пути. Аналогичные продвижения населения, занимающегося производящим хозяйством и, в первую очередь, скотоводством, наблюдаются у племен андроновской общности и ирменской культуры.

Необходимо указать, что я перечисляю лишь четко выраженные массовые передвижения и оставляю в стороне более мелкое степное диффузное распространение культур, например, бегазы-дандыбаевской культуры, присоединяясь к объяснению этого явления, предложенному А.А. Ткачевым (2002, с. 204-206).

В самом конце эпохи бронзы в период, переходный от бронзового века к железному в Западной Сибири, прослеживается меридиональное передвижение населения с керамикой, орнаментированной крестовым штампом. Как полагают, отправной территорией этого продвижения являлось Среднее (Сургутское) таёжное Приобье. В настоящее время принято считать, что толчком для этого передвижения послужили климатические изменения, а именно: увлажнение и рост заболоченности лесных территорий, и вследствие этого сокращение площади охотничьих угодий. Избыточное население, занятое присваивающим хозяйством, стало передвигаться привычным путем: по самому речному течению и растущему вдоль него лесу. Поскольку плотность населения в тайге была небольшой, то и поток переселенцев был тоже небольшим. В результате этого передвижения возникли редкие поселения культур завьяловской по побережью Оби (Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В., 1994, с. 80-81) и красноозерской по течению Иртыша (Труфанов А.Я., 1994, с. 84-87). О связях с южной территорией говорят полученные в результате обмена типичные скифские наконечники стрел VII-VI вв. до н. э.

В эпоху раннего железного века население Евразии не только научилось изготавливать орудия из неизвестного ранее материала, но и получило новое достижение – широкий переход в степных регионах к кочевничеству. Это нашло свое отражении в распро-

странении от Дуная до Ордоса населения, относящегося к скифо-сибирской общности (с VIII-VII до III-II вв. до н.э.). Была выведена новая порода лошадей – тонконогие аллюрные кони, обеспечившие очень быстрое передвижение всадников. Военные и культурные достижения стали быстро и широко распространяться в широтном направлении по степной и лесостепной территории, по проторенному Великому Сибирскому пути. Из Средней Азии и Казахстана сакские племена проникали на север в лесостепи Западной Сибири.

В III-II вв. до н.э. Западная Сибирь входит в формирующуюся в это время систему Великого Шелкового пути, который существовал параллельно Великому Сибирскому пути. Шелковый путь проходил значительно южнее, по территории Центральной и Средней Азии. От него на север до лесостепной зоны вели ответвления (Матвеева Н.П., 2000, с.77, рис.20). Н.П. Матвеева реконструирует эти ответвления. Они шли в меридиональном направлении частично по рекам (Убагану и Тоболу, Ишиму, Иртышу). Но и на реках основным средством передвижения были не лодки, как в таежной территории, а кони, продвигавшиеся вдоль течения по свободным от леса участкам. Река обеспечивала караваны необходимой в пути водой. Находки костей верблюдов на Рафайловском городище свидетельствуют о том, что сюда заходила караванная торговля, в которой одним из транспортных средств был верблюд, найденные здесь кости могли принадлежать ослабшим и выбракованным особям (Матвеева Н.П., 1994, с.118).

Последующее передвижение населения наблюдается в хунно-сарматское время. Это четко выраженное массовое широтное передвижение на степной территории с основной транспортной силой в виде коней. Это перемещение сарматов (из Поволжья и Приуралья на запад в Скифию) и хуннов на запад. К концу III в. до н.э. хунны, объединенные в государство на территории степного Забайкалья и Центральной Монголии, организуют походы на Горный Алтай, земли Забайкалья и Саяно-Алтая. Все это приводит к передвижению населения и появлению на исторической арене новых племенных групп. В IV в.н.э. хунны, смешавшись с местным населением, начинают передвигаться на запад Евразии по трассе Великого Сибирского пути, присоединяя по пути к себе новое население.

Примерно в это же время наблюдается меридиональное перемещение лесного населения по течению Оби и ее притокам. Речь идет о кулайской культуре. которая сложилась в VI-V вв. до н.э. на территории Среднего Приобья. Миграция, особенно интенсивная с III в. до н.э., продолжалась вплоть до первых вв.н.э. (Чиндина Л.А., 1984, с. 156-164). В целом миграционный процесс занял несколько столетий, и на различных этапах имел свои отличительные черты.

Миграционный поток двигался в разных направлениях и имел в каждом случае свои особенности культуры. На север население с присваивающим хозяйством передвигалось в условиях тайги по не замерзшей реке. Основным средством передвижения были лодки, по берегам вдоль Оби могли перемещаться пешком, с волокушами. Такие переходы включали в себя ограниченное число людей. В результате этого передвижения в Нижнем Приобье сложилась усть-полуйская культура.

По иному шло передвижение в южном направлении. Начальный этап передвижения осуществлялся летом, по свободной ото льда воде, на лодках, вдоль реки шли пешком. Вначале кулайцы осели в Томском и северной части Новосибирского Приобья. Здесь лесные племена охотников и рыболовов встретились с населением кижировской и большереченской (каменской) культур, в новых условиях они стали постепенно переходить к производящему хозяйству, к скотоводству. Местное население и пришлые кулайцы стали заниматься одинаковым хозяйством. Места выпаса скота у них совпадали, что снова дало толчок к переселению. Дальнейшее передвижение шло уже не на лодках, а с транспортной помощью лошадей.

Широкий размах расселения населения может быть объяснен двумя причинами. Во-первых, с переходом к скотоводству и расширением базы питания увеличилась численность людей, и, во-вторых, с конным транспортом передвижение стало более легким и массовым. Кулайцы достигли Среднего Притомья (Окунева И.В., 2003, с. 49,50). В Барабе на базе местного населения сложилась культура спирановского этапа потчевашской культуры с ее яркой керамикой кулайского типа (Елагин В.С., Молодин В.И., 1991, с.100-101). Отмечены кулайские памятники в Барнаульском Приобье (Грязнов М.П., 1956, с. 44-

98; Троицкая Т.Н., 1979, с.41-43). Именно с овладением конем кулайская культура получает широкое распространение. Перемещение происходило по степному и лесостепному пространству и вдоль рек, по их берегам.

Массовые передвижение населения, в основном тюркского, очень ярко прослеживаются с середины I до сер II тыс. н.э. Тюркские перемещение для Западной и Южной Сибири достаточно глубоко проанализированы Д.Г. Савиновым (Савинов Д.Г., 1994). Первоисточником расселения избыточного кочевого населения явилась Центральная Азия, а в Западную Сибирь оно продвигались из степей Северного Казахстана и гор Южной Сибири. Пути опять-таки шли по степным и лесостепным просторам и по открытой местности вдоль рек. Необходимо отметить, что характер передвижения тюрок имел два варианта. Первый – это масштабные перемещения по степи в широтном направлении. Речь идет о передвижении печенегов, половцев и торков на запад до Волжской Болгарии и Руси. Поток тюрок был широким, на конях передвигались воины-всадники, за ними двигался обоз с женщинами, детьми и стариками, транспортной силой были кони. Второй вариант передвижения можно считать продолжением первого, Он хорошо прослеживается на примере Западной Сибири (Троицкая Т.Н., 2002, с. 92-95). Здесь тюрки двигались в основном на север по открытой местности и вдоль течения рек по лесостепи, а потом и по южной кромки тайги. Дальше их останавливал лес: туда, где нельзя было заниматься коневодством, тюрки не продвигались. Там на севере, в тайге, сохранились самодийцы и угры с присваивающим хозяйством и речным водным транспортом.

Закрепление тюрок в Западной Сибири, судя по археологическим памятникам, происходило в более или менее одинаковой последовательности, но в разное время для каждой культуры и является результатом продвижения на север групп воинов-всадников. Вначале на территории местного населения появлялись единичные тюркские памятники. Примером этому являются две могилы с конями в одинцовском могильнике Бл. Елбаны XIV (Грязнов М.П., 1956, табл. XXXVIII) и два погребения всадников в курганах VIII-IX вв. верхнеобской культуры Чингис-2 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1999, с. 21-22). Этот период можно назвать временем предварительных разведочных действий.

Отражением следующего этапа являются могильники с захоронением воинов. В погребениях вооруженных всадников встречаются скелеты или остатки чучел коней, керамика же принадлежит местной культуре. Это видно по материалу Инского могильника VII-VIII вв. на Алтае (Уманский А.П., 1970, с. 45-74). Яркий пример такого явления – Змеинкинский и Калмакский курганные могильники в Среднем Причулымье (X-XIII вв.), где в погребениях, совершенных по типичному кыгызскому обряду, вся встреченная керамика относится к местному населению (Беликова О.Б., 1996, с.151). Это можно объяснить тем, что у пришлых воинов не хватало своих женщин, и они вступали в брак с местными, которые продолжали изготавливать по своим традициям лепные сосуды.

Следующий этап – более массовое продвижение тюрок в том же северном направлении. В лесостепной Барабе широко представлены тюркские памятники (курганный могильник VIII-X вв. Чулым-2), встречены и следы проживания аборигенного населения – городища и поселения (Бараба, 1988, с.167). Судя по исследованиям А.М. Илюшина, в Кузнецкой котловине для XI-XII вв. характерно сочетание могильников местных жителей, смешанного населения и исключительно пришлого (Илюшин А.М., 2005, с.133-135). И, наконец, на территории лесостепи остается только новое тюркоязычное население. Примером этому является появившаяся на рубеже первого и второго тысячелетий сросткинская культура, предположительно связанная с кимаками или кыпчаками. В лесостепных районах процесс тюркизации завершился раньше, чем в южной кромки тайги, где в Среднем Прииртышье в X-XIII вв. еще существовала местная усть-ишимская культура (Коников Б.А., 1993, с.185, 186).

В широтном направлении с востока на запад по степи, по направлению Великого Сибирского пути, передвигались в начале XIII в. монголы.

Последующие передвижения в Западной Сибири, исключая приход русских, были локальными и представляли собой внутренние перемещения, в той или иной степени связанные с походами русских войск. Это вытеснение хантами селькупов из бассейна Ваха, перемещение селькупов в энецкие области Таза и Турухана, распространение ненцев на

восток вплоть до Енисея (Головнев А.В., 1995. с. 100). Необходимо отметить, что на севере помимо лодок появилась новая транспортная сила – олени, что позволило населению успешно передвигаться не только летом, но и зимой.

К числу связей населения относится и обмен, совершаемый между отдельными племенами. В тюркскую, предмонгольскую и монгольскую эпоху он осуществлялся в основном тюрками, связанными в различной степени с Китаем, Ираном, Византией и др. Сохранял свое значение шелковый путь, идущий из Китая далеко на Запад. От знаменитого шелкового пути на север в Западную Сибирь шли отдельные ответвления, по которым велась караванная торговля. В V-VI вв. она не была активной, но с конца VI-VII вв. торговля делается интенсивной, что отразилось на материале захоронений. Так в погребениях верхнеобской культуры этого времени встречены монеты китайские, хорезмийские, тюргешские, сасанидские, найдены привозные украшения (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., с. 71). К началу II тыс. относится бронзовое зеркало из Новосибирского Приобья (Молодин В.И., 1992, рис. 158). Оно украшено барельефным изображением крылатой собаки – сэнмурва, имеющим переднеазиатского происхождение. Аналогичное зеркало обнаружено в Томском Приобье (Плетнева Л.М., 1997, с. 281, рис. 119,*1*). В обмен на привозные вещий на юг поступала пушнина.

Особенно была богата пушниной тайга, с населением которой велись интенсивные торговые связи. Видимо, у местного населения большой популярностью пользовались бронзовые и серебряные блюда, чаши, зеркала. В Нижнем Прииртышье встречены находки, свидетельствующие о наличии интенсивного обмена, начиная со II тыс. н.э. В могильнике усть-ишимской культуры у с. Кип обнаружена бронзовая чаша с барельефными изображением ослов с поклажей и сценами охоты на зайца и кабана (Молодин В.И., 1992, рис. 159,160). На севере Барабы в угорском могильнике XVII-XVIII вв. Кыштовка-2 выявлено бронзовое зеркало иранского происхождения, сплошь покрытое рельефными узорами (Молодин В.И., 1992, рис. 178). С начала II тыс. отмечаются значительные связи с Россией. Большое количество предметов из таежного Приобья имеет российское происхождение или изготовлено по российским образцам. (Могильников, 1987, с. 214). К их числу относится серебряная византийская позолоченная ваза с прочерченной русской надписью (Могильников В.А., 1987, рис. XCII*, 26).* Число такого импорта увеличивается с завоеванием Сибири. А.П. Окладников отмечает широкое распространение в XVI-XIX вв. бронзовых зеркал с изображением кентавров (Окладников А.П., 1954, с. 143, рис. 3), Большую роль в этом отношении мог играть такой торговый передаточный пункт как Мангазея.

Все вышесказанное свидетельствует о наличии связей населения Приобья и Прииртышья с внешним миром. Они осуществлялись как в рамках Великого Сибирского пути, так и местными передвижениями. В эпоху развития присваивающего хозяйства они осуществлялись пешком, с волокушами и на лодках. С развитием скотоводства, перемещение населения производились в лесостепной территории, а несколько позже и в южнотаежной, при помощи лошади. В остальной тайге приоритет сохранялся за лодками. Массовые переселения, захватывающие и Западную Сибирь, происходили в широтном направлении (на запад) по степи и по открытой лесостепи на конях. Местные перемещения, особенно в таежной полосе, где сохранялось присваивающее хозяйство, осуществлялись в меридиональном направлении чаще всего на лодках, позже и на оленях.

Литература

1. Бараба в тюркское время. – Новосибирск. – 176 с.
2. Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X-XIII вв. – Томск, 1996. – 270 с.
3. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург, 1995. – 606 с.
4. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая речка // МИА. – М.-Л., 1956. – Вып.48. – 226 с.
5. Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. – Кемерово, 2005 – 240 с.

6. Коников Б.А. Таежное Прииртышье в X-XIII вв. н.э. – Омск, 1993. – 222 с.
7. Кызласов И.Л. Великий Сибирский путь // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Выпуск 1. – С.152-157.
8. Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. – Новосибирск,1993. – 175 с.
9. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987. – С.163-235.
10. Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск, 2001. – 125 с.
11. Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири. – Новосибирск, 1992. – 191 с.
12. Окладников А.П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея // СА. – 1950. – №13. – С.139-172.
13. Окунева И.В. Керамика с фигурно-штампованной орнаментацией в Среднем Притомье // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 2003. – С. 49-50.
14. Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск, 1989. – 104 с.
15. Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Кемерово, 1994. – 214 с.
16. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. – Тюмень, 2002. – Ч.2. – 243 с.
17. Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1979. – 124 с.
18. Троицкая Т.Н. Некоторые из путей тюркизации населения Западной Сибири // Тюркские народы. – Тобольск-Омск, 2002. – С.92-95.
19. Троицкая Т.Н., Мжельская Т.В. Проблемы демографии населения завьяловской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С.80-81.
20. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1998. – 159 с.
21. Труфанов А.Я. О специфике миграционных процессов в пределах гамаюно-молчановской общности // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С.84-87.
22. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск, 1984. – 254 с.

Вдовина Т.А., Трифанова С.В., Кобзарь М.В.
(г.Горно-Алтайск)

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ

В сентябре 2005 года в Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай поступила информация о разрушающемся погребении в черте села Озерное Онгудайского района Республики Алтай. Информация была предоставлена сотрудником отдела культуры Онгудайского района С.Б. Чальчиковой. Для проведения аварийных археологических работ был организован выезд сотрудников Агентства по культурно-историческому наследию и Горно-Алтайского государственного университета.

Объект располагался в центре села Озерное на обочине одной из грунтовых дорог (рис.1). Несколько длинных костей скелета человека лежали на поверхности дороги, четко обозначился контур черепа. По словам местных жителей, во время правки данного участка дороги грейдером, ранее уже обнаруживали каменные плиты и кости. При более тщательном осмотре обочины дороги, рядом с полностью или частично обнажившимися

костями нами были обнаружены верхние грани трех плит от каменного ящика. Каменный ящик был сооружен на юго-западной поле большой земляной насыпи (диаметр около 20 м), на которой сейчас располагаются скотный двор и хозяйственные постройки. Возможно, до прокладки грунтовой дороги диаметр земляной насыпи был гораздо больше.

На месте разрушающегося погребения был заложен раскоп размерами 6 х 2,5 м. В ходе дальнейшей зачистки к основной площади раскопа был прирезан участок размерами 180 х 50 см в западном направлении. В территорию раскопа кроме обнаженных костей и верхних ребер каменного ящика были включены отдельно лежащие обломки сланцевых плит и камни, которые лежали в один слой вытянуто на 3 м по линии СВ – ЮЗ в 30 см к северо-западу от северной стороны каменного ящика (рис.2). Уровень залегания данных камней выше верхних краев плит каменного ящика. Вероятно, они имели отношение к погребению, но были сдвинуты грейдером в ходе выравнивания дорожного полотна.

Зачистка погребения оказалась весьма затруднительной: грунт был плотно спрессован за многие годы эксплуатации дорожного полотна. В ходе зачистки обнажился прямоугольный каменный ящик ориентированный с З на В, состоящий из шести поставленных на ребро, плотно подогнанных друг к другу каменных плит. Размеры ящика: 170 х 100 х 90 см. Верхние и боковые грани плит были подтесаны, две плиты из малинового сланца, четыре из зеленовато-серого. Сохранность плит плохая – камень расслаивался и осыпался во время зачистки. Первоначально обнаруженные кости, оказались лежащими в беспорядке в 20 см от южной стенки каменного ящика с внешней стороны (рис.3). Большинство костей оказались сильно раздробленными. Череп был ориентирован на юго-восток. Уровень залегания данного скопления костей совпадает с уровнем верхних граней каменного ящика. Какого-либо сопроводительного инвентаря рядом с костями не обнаружено. Беспорядочное положение костей и уровень их залегания наталкивает на мысль о переотложенном состоянии погребения, что не противоречит данным, полученным от местных жителей, которые сообщили о неоднократном выравнивании дороги на этом участке с помощью грейдера. Видимо, верхние скелеты были сдвинуты из ящика во время дорожных работ. В каменном ящике было зачищено погребение, где сохранились отдельные части скелетов нескольких человек. Все скелеты лежали вытянуто на спине и были ориентированы головами на запад (рис.3). Скопления древесных угольков отмечены в западной части ящика рядом с черепами погребенных. На некоторых костях заметны следы красной и черной краски. Красная подсыпка и мелкие комочки красной краски встречаются возле костей скелетов. Местами сохранились небольшие белесые пятна берестяного тлена. Для всех костяков характерна плохая сохранность костей, большинство костей грудного отдела (позвонки, ребра) почти полностью отсутствуют, некоторые кости раздроблены, кости верхних конечностей лежат в беспорядке. У одного из погребенных, уложенного на дне ящика у южной стенки, отсутствуют кости обеих ног ниже коленных суставов, сохранилась только одна стопа, лежащая в анатомическом порядке. У другого нижнего скелета, уложенного у северной стенки, отсутствуют стопы вместе с суставными сочленениями. Костяки были уложены на специально сооруженной “подушке” из грунта, выравнивающей положение погребенных в ящике, так как плиты были установлены с уклоном к западу. Западная часть ящика по уровню находилась ниже восточной на 30 см. Инвентарь в погребении отсутствовал. Согласно исследованиям костных остатков, произведенным в кабинете антропологии АлтГУ, в раскопанном каменном ящике имелись кости пятерых человек: женщины 35-45 лет; женщины 40-55 лет; мужчины 30-40 лет; ребенка 8-10 лет; мужчины 25-35 лет.* Мужчины, по-видимому, были подхоронены в ящик позже, их костяки сильнее всего пострадали при выравнивании дороги.

Село Озерное имеет давнюю историю изучения археологических памятников, в том числе и подобных погребений. Исследованное нами коллективное погребение находилось в 300 м к северу от дома культуры с.Озерное, где в 1976 г. при строительстве здания были обнаружены погребения в каменных ящиках, также впущенные в округлую зем-

* Авторы выражают признательность зав. кабинетом антропологии АлтГУ, к.и.н. С.С.Тур за произведенные определения.

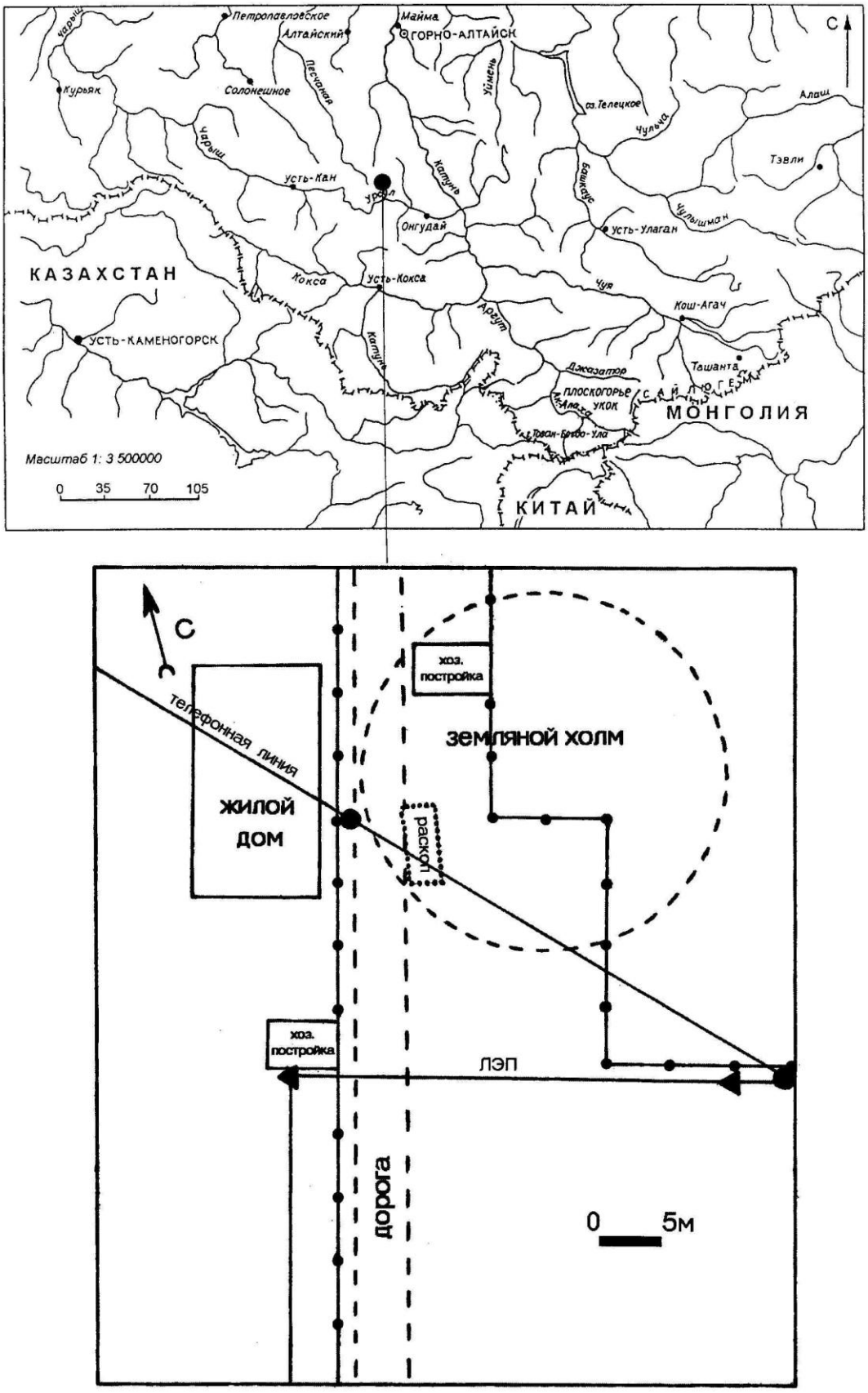

Петропавловское
Алтайский
Майма
ГОРНО-АЛТАЙСК
С
Курьяк
Солонешное
Песчаная
Уймень
оз.Телецкое
Чульча
Алаш
Чарыш
Тэвли
Усть-Кан
Урсул
Катунь
Башкаус
Онгудай
Усть-Улаган
Чулышман
КАЗАХСТАН
Кокса
Усть-Кокса
Чуя
Кош-Агач
Аргут
УСТЬ-КАМЕНОГОРСК
Катунь
Джазатор
Ташанта
ПЛОСКОГОРЬЕ УКОК
САЙЛЮГЕМ
МОНГОЛИЯ
Ак-Алаха
Тован-Богдо-Ула
Масштаб 1: 3 500000
0 35 70 105
КИТАЙ
С
хоз. постройка
телефонная линия
земляной холм
жилой дом
раскоп
хоз. постройка
ЛЭП
дорога
0 5м

Рис.1

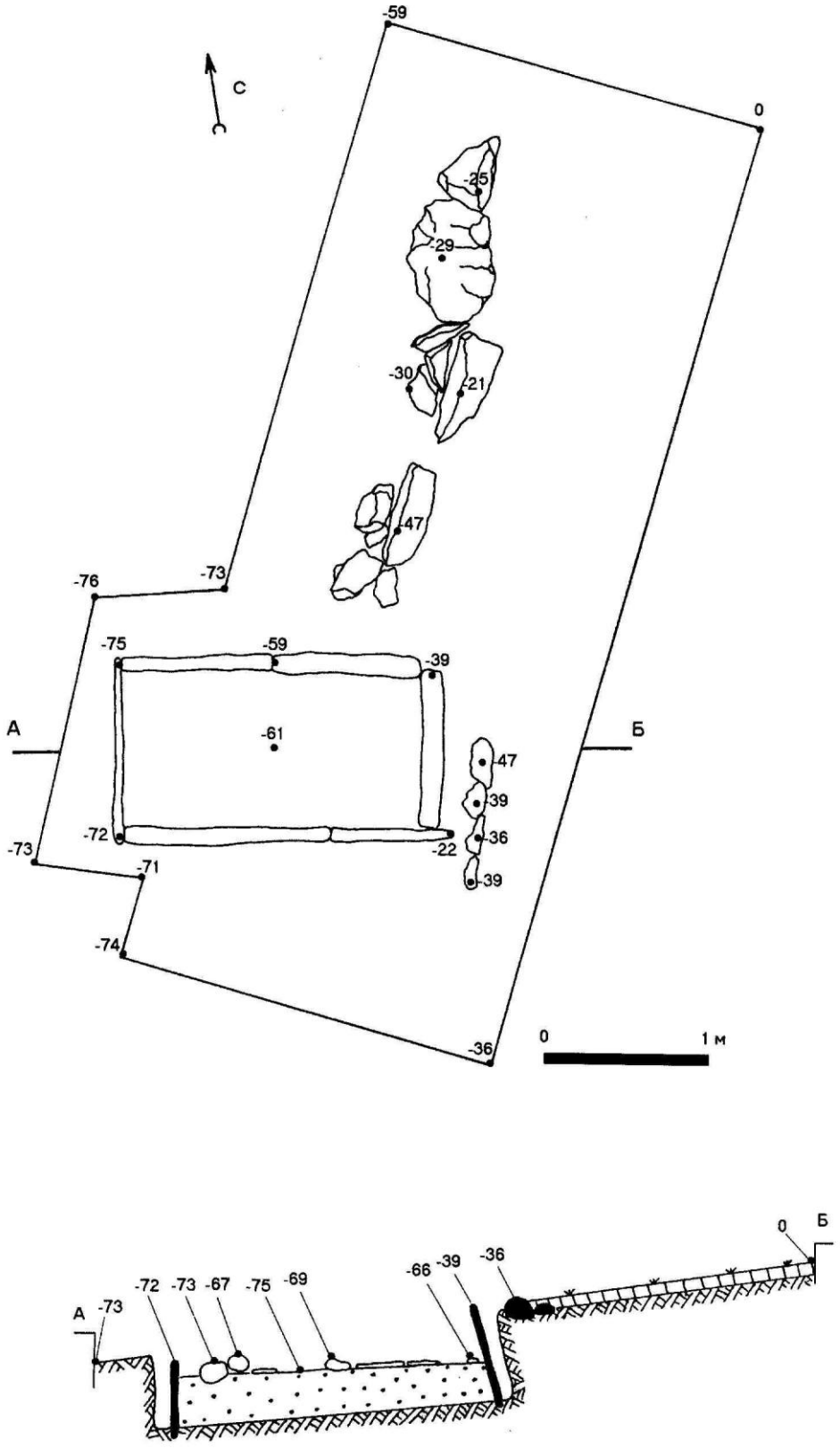

С
-59
0
-25
-29
-30
-21
-47
-76
-73
-75
-59
-39
А
-61
Б
-47
-39
-36
-72
-22
-73
-71
-39
-74
-36
0
1 м
0
Б
-72
-73
-67
-75
-69
-66
-39
-36
А
-73

Рис.2

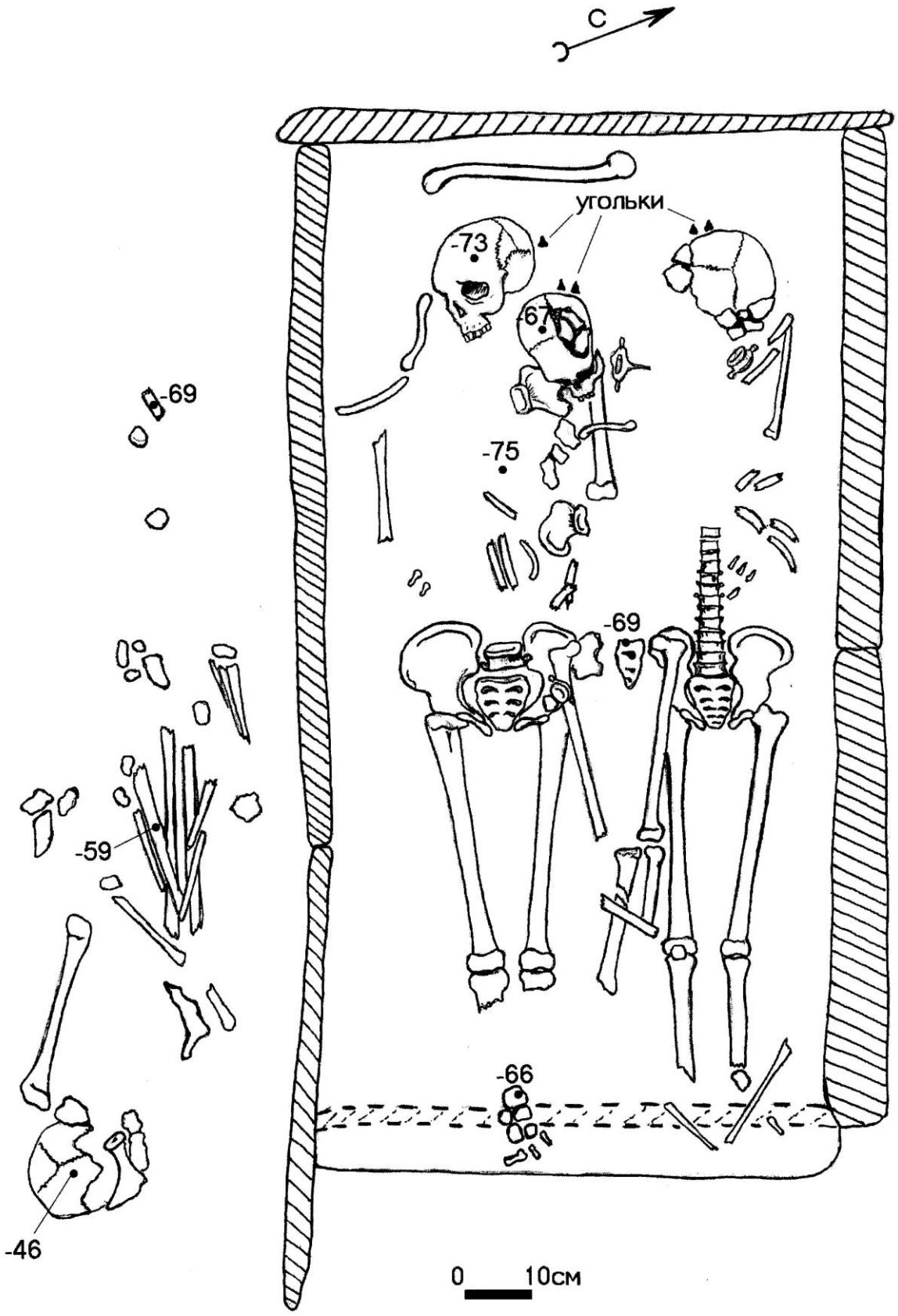


Рис.3

ляную насыпь. В целом, элементы погребальной обрядности исследованного нами погребения совпадают с материалами раскопок погребений каракольской (окуневской) культуры, которые были исследованы в с.Озерном ранее (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979; Кубарев В.Д., 1988; Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992).

Литература

1. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск, 1988. – 172 с.
2. Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в Горном Алтае // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 45-47.
3. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерного на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 80-85.

Список иллюстраций к статье Вдовиной Т.А., Трифановой С.В, Кобзаря М.В.

Рис.1 Местонахождение погребения в с.Озерное.
Рис.2 План и разрез ящика. с.Озерное.
Рис.3 План погребения в каменном ящике. с.Озерное.

Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н.
(г.Минусинск, г.Кемерово)

МОГИЛЬНИК АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ УСТЬЕ БИРИ IV

Могильник андроновской (федоровской) культуры Устье Бири IV располагался на правом берегу речки Бири при ее впадении в Енисей, на территории одноименного, ныне затопленного, села, в 1,5 км к западу от с. Лебяжье (Краснотуранский район Красноярского края) и включал около 50 видимых на дневной поверхности захоронений. Он находился в 5 км к северо-западу от другого могильника андроновской культуры – Лебяжье I, исследовавшегося в 1975 - 1976 гг. Э.Б. Вадецкой (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 49). В начале 1980х гг. памятник Устье Бири IV интенсивно разрушался водами Красноярского водохранилища. Он оказывался доступным для обследования лишь на краткий срок в начале мая после окончательного схода льда и до повышения уровня воды, полностью скрывавшей его под собой на все остальное время. В 1982 - 1983 гг. этот памятник стал объектом аварийных раскопок, проводимых Минусинским региональным краеведческим музеем им. Н.М. Мартьянова под руководством Н.В. Леонтьева. Работы велись на общественных началах весной, сразу после схода ледникового покрова, пока территория устья р. Бири оставалась доступной для подъезда автотранспорта. При этом промерзшая почва быстро насыщалась грунтовыми водами прилегающего водохранилища. Затопление могил иногда происходило прямо в момент их расчистки, что делало невозможным проведение работ и фиксацию их результатов с соблюдением всех требований общепринятой методики.

Каких-либо следов погребальных оград выявить не удалось. Раскопкам подвергались только те могилы, чьи конструкции оказывались обнажены на дневной поверхности и должны были быть неминуемо разрушены наступающим водохранилищем. Всего за два

сезона удалось вскрыть только 28 захоронений (рис. 1): могилы №№ 1-13 в 1982 г. и могилы №№ 14-28 – в 1983 г.

МОГИЛА 1 - каменный ящик размерами 77 х 50 х 32 см, ориентированный по линии запад-восток, без перекрытия. На дне – разрозненные ребенка в возрасте до 6 месяцев (антропологические определения выполнены Н.В. Леонтьевым), погребенного, судя по расположению обломков черепа, головой к западу. В юго-западном углу могилы керамический сосуд (рис. 3 – 1).

МОГИЛА 2 - находилась в 4,3 м к ЗЮЗ от предыдущей и представляла собой яму с современным бытовым мусором, на дне которой были найдены разрозненные кости ребенка, погребенного в сопровождении двух сосудов (рис. 5 – 1,2).

МОГИЛА 3 - располагалась в 1,4 м к ССЗ от могилы 2 и представляла собой скопление плитняка, среди которого были найдены разрозненные кости ребенка и фрагменты керамического сосуда (рис. 3 – 2).

МОГИЛА 4 - комбинированный каменный ящик размерами 138 х 85 х 60 см, ориентированный по линии запад-восток, стенки которого, сделанные из вертикально установленных плит, были нарощены по верхнему краю мелким плитняком, уложенным плашмя. Перекрытие могилы, состоявшее из трех крупных и двух более мелких плит, занимало площадь 185 х 120 см. На дне ящика у его юго-западного угла - кучка пережженных костей человека, в заполнении были встречены обломок челюсти взрослого человека и фрагменты керамического сосуда (рис. 3 – 3).

МОГИЛА 5 - циста размерами 95 х 50 х 25 см, ориентированная по линии СВВ - ЮЗЗ. Ее стенки образованы мелкими плитками песчаника, уложенными в три ряда. Перекрытие разрушено. На дне – потревоженное погребение ребенка 1-2 лет, судя по сохранившим первоначальное положение костям ног, уложенного головой на ЗЮЗ. В северо-западном углу могилы встречена половинка горшка (рис. 3 – 4).

МОГИЛА 6 - примыкала с юга к могиле 5. Представляла собой цисту размерами 100 х 60 х 18 см, ориентированную по линии ВСВ-ЗЮЗ. Ее стенки образованы мелкими плитками песчаника, уложенными в три ряда. Перекрытие разрушено. В заполнении могилы встречены ребро и кость ноги ребенка, а также обломки керамического сосуда (рис. 3 – 5).

МОГИЛА 7 - циста размерами 150 х 60 х 90 см, ориентированная по линии ВСВ-ЗЮЗ. Ее стенки образованы мелкими плитками песчаника, уложенными плашмя в тринадцать рядов. Перекрытие могилы составляли две крупные плиты, обложенные по краям мелкими. На дне – погребение взрослого человека, уложенного подкорчено на левом боку, головой на ЗЮЗ. У его черепа в юго-западном углу могилы – керамический сосуд (рис. 3 – 6).

МОГИЛА 8 - циста размерами 172 х 85 х 85 см, ориентированная по линии ВСВ-ЗЮЗ. Ее стенки выложены из узких плиток, перекрытие, состоявшее из двух массивных песчаниковых блоков, сдвинуто с первоначального места. На дне – погребение двух женщин 20-30 лет, уложенных скорченно на левом боку, головами к западу, с кистями рук перед лицом. Череп и кости грудной клетки южного скелета сдвинуты с первоначального места грабителями. На височных костях черепа северного скелета - разложившиеся бронзовые серьги.

МОГИЛА 9 - циста размерами 123 х 84 х 55 см, ориентированная по линии ВСВ-ЗЮЗ. Ее стенки сооружены из плитняка, уложенного в 12 рядов, перекрытие образовано двумя узкими брусковидными песчаниковыми плитами, уложенными на могилу поперечно. В могиле – разграбленное погребение женщины 20-30 лет, разрозненные кости скелета которого были встречены в заполнении.

МОГИЛА 10 - циста размерами 170 х 90 (западная стенка) – 100 (восточная стенка) х 90 см, ориентированная по линии ВСВ-ЗЮЗ. Она сооружена из мелкого плитняка, уложенного в 10-12 слоев. Перекрытие, образованное двумя крупными песчаниковыми плитами, занимало площадь 150 х 217 см. Восточный конец северной стенки цисты был разрушен грабителями. На дне могилы – залегавшие в беспорядке кости скелета мужчины 40-50 лет. Череп находился в северо-западном углу. В первоначальном положении сохранились берцовые кости и стопы, судя по которым погребенный был уложен скорченно

на левом боку, головой на запад. На нижней части берцовых костей найдены бронзовые бусы плохой сохранности. В заполнении встречены обломки разложившейся бронзовой серьги с раструбом.

МОГИЛА 11 - находилась в 2,7 м к ЮЮВ от предыдущей. Она представляла собой ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ каменный ящик размерами 60 х 32 х 30 см, сооруженный из четырех песчаниковых плит. Перекрытие отсутствует. На дне могилы – потревоженный скелет ребенка 1,5-2 лет. Первоначальное положение сохранили берцовые кости и фрагментированный череп, судя по которым погребенный был уложен скорченно на левом боку, головой на запад. В заполнении у юго-западного и юго-восточного углов могилы встречены два керамических сосуда (рис. 4 – 1).

МОГИЛА 12 - находилась в 145 см к юго-западу от предыдущей. Она представляла собой ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ каменный ящик размерами 60 х 45 х 40 см. Перекрытие отсутствует. В заполнении встречены разрозненные кости ребенка 1-2 лет.

МОГИЛА 13 - разрушенный грабителями каменный ящик размерами приблизительно 55 х 45 х 40 см, ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ. В выбросе из могилы были найдены кости младенца в возрасте до 6 месяцев и фрагменты керамического сосуда (рис. 3 – 7).

МОГИЛА 14 (рис. 2-4) - одновенечный сруб размерами 190 х 120 х 25 см, ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ. Над его восточным концом сохранились остатки перекрытия из двух поперечно уложенных бревен толщиной около 30 см. На дне могилы в западной ее части – захоронение женщины 25-30 лет, уложенной скорченно на левом боку, головой на ЗЮЗ, с кистями рук перед лицом. В теменной области черепа пробито небольшое аморфное отверстие. Под костями выявлен зеленоватый тлен подстилки (?). У головы в юго-западном углу могилы – небольшой керамический сосуд баночной формы (рис.4 – 2).

В юго-восточном углу могилы расчищена кучка пережженных костей человека в слое золистого пела. Рядом с ней - керамический сосуд горшковидной формы (рис. 4-3).

МОГИЛА 15 - одновенечный сруб размерами 245 х 150 х 30 см, ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ. Перекрытие разрушено. На дне – захоронение мужчины (?) 50-60 лет, уложенного скорченно на левом боку, головой на ЗЮЗ. Кисти согнутых в локтях рук перед лицом. Череп раздавлен. Перед ним в северо-западном углу могилы установлен глиняный сосуд (рис. 4 – 4).

МОГИЛА 16 (рис. 2-3) - одновенечный сруб размерами 245 х 125 х 35 см, ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ. На его продольных стенках сохранились остатки перекрытия из концевых обломков восьми лежащих поперечно бревен. На дне могилы погребение мужчины в возрасте свыше 60 лет, положенного скорченно на левом боку, головой на запад, с кистями рук перед лицом. В северо-западном углу могилы – керамический сосуд (рис. 4 – 5).

МОГИЛА 17 (рис. 2-5) - овальная в пане грунтовая яма размерами 255 х 175 х 65 см, ориентированная по линии запад-восток. Ее стенки обставлены четырнадцатью крупными, диаметром около 50 см, бревнами, установленными вертикально. Перекрытие не сохранилось. На дне могилы погребение мужчины 45-60 лет, уложенного скорченно на левом боку, головой на запад, с кистями рук перед лицом. В северо-западном углу могилы - глиняный сосуд (рис. 4 – 6).

МОГИЛА 18 - развал каменной цисты площадью 220 х 60 см, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад. Среди обломков плитняка встречены разрозненные кости младенца и фрагменты керамического сосуда (рис. 4 – 7).

МОГИЛА 19 - одновенечный сруб размерами 250 х 150 х 35 см, ориентированный по линии запад-восток. Он был перекрыт поперечным накатом из шести бревен диаметром около 60 см (рис. 2 – 2). На дне могилы погребение мужчины 40-50 лет, уложенного скорченно на левом боку, головой на запад, с кистями рук перед лицом. В северо-западном углу могилы – керамический сосуд (рис. 4 – 8).

МОГИЛА 20 - развал каменной цисты площадью 190 х 160 см, ориентированный по линии запад-восток. Среди обломков плитняка встречены разрозненные кости ребенка 3 лет и фрагменты керамического сосуда (рис. 4 – 9).

МОГИЛА 21 - комбинированный каменный ящик размерами 190 х 90 х 45 см, ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ. Его торцевые и южная продольная стенки образованы плитами, установленными на ребро, а северная продольная стенка – плитками, уложенными плашмя. Ящик перекрыт двумя массивными покровными плитами, положенными одна на другую. На дне могилы потревоженное погребение мужчины 25-30 лет, положенного в сильно скорченном положении на левом боку, головой на ЗЮЗ. Кисти согнутых в локтях рук – перед лицом. В юго-западном углу могилы установлен керамический сосуд (рис. 5 – 3), обломки второго были встречены в заполнении (рис. 5 – 4).

МОГИЛА 22 - песчаниковая плита размерами 95 х 40 см, ориентированная по линии север-юг и уложенная на более мелкие плитки. Следов могильной ямы или захоронения под ней не выявлено.

МОГИЛА 23 - развал каменной цисты. Среди скопления обломков плитняка встречены разрозненные кости младенца 6-8 месяцев и обломки керамического сосуда (рис. 5 – 5).

МОГИЛА 24 - комбинированный каменный ящик размерами 145 х 65 х 55 см, ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ. Его торцевые стенки образованы толстыми песчаниковыми плитами, установленными вертикально, а продольные – плитками, уложенными плашмя. Ящик был перекрыт массивной покровной плитой размерами 120 х 80 х 30 см. На дне могилы – потревоженное погребение женщины 20-25 лет. В первоначальном положении сохранились кости позвоночника, кистей рук и таза. Судя по ним, погребенный был уложен на левом боку, головой к западу, кисти согнутых в локтях рук перед лицом. В заполнении могилы встречены человеческий череп и обломки керамического сосуда (рис. 5 – 7).

МОГИЛА 25 (рис. 2 – 1) - разрушенная каменная циста размерами 170 х 105 х 25 см, ориентированная по линии ВСВ-ЗЮЗ. Перекрытие отсутствует. На дне могилы погребение мужчины 25-35 лет, уложенного скорченно на левом боку, головой на ЗЮЗ. Кисть левой руки перед лицом, правой – за черепом. В юго-западном углу могилы – керамический сосуд (рис. 5 – 6).

МОГИЛА 26 - одновенечный сруб размерами 240 х 115 х 25 см, ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ. Перекрытие отсутствует. На дне могилы погребение женщины 20-25 лет, уложенной скорченно на левом боку, головой на ЗЮЗ. Кисти согнутых в локтях рук перед лицом. Под черепом погребенного найдено полностью разложившееся медное кольцо, в северо-западном углу могилы – керамический сосуд (рис. 5 – 8).

МОГИЛА 27 - каменная циста размерами 160 х 75 х 45 см, ориентированная по линии ВСВ-ЗЮЗ. Ее перекрытие занимало площадь 380 х 200 см и было образовано тремя глыбообразными обломками песчаника, более мелкими плитками и располагавшимся в ее западном конце столбообразным изваянием окуневской культуры, размерами 190 х 70 см, с изображением антропоморфной личины на лицевой грани. На дне могилы в ее центре расчищена кучка пережженных обломков костей человека. Вещей нет.

МОГИЛА 28 - комбинированный каменный ящик размерами 180 х 85 х 45 см, ориентированный по линии ВСВ-ЗЮЗ. Его торцевые стенки образованы плитами, установленными на ребро, продольные – плитками, уложенными плашмя. Перекрытие разрушено. На дне могилы погребение женщины в возрасте более 60 лет, уложенной скорчено на левом боку, головой на ЗЮЗ. Кисти согнутых в локтях рук перед лицом. В юго-западном углу могилы – керамический сосуд (рис. 6 – 1).

Ряд могил, тяготеющих к восточной периферии памятника, был разграблен школьниками с. Лебяжье. Кости захороненных в них людей и предметы сопроводительного инвентаря были изъяты, восемь керамических сосудов (рис. 6 – 2-9) брошены на месте проведения хищнических раскопок.

Последующие несколько лет могильник Устье Бири IV, освобождаясь из подо льда, оставался на суше столь непродолжительное время, что проводить на нем дальнейшие исследования было невозможно. С конца 1980-х гг. территория расположения памятника оказалась полностью отрезанной от берега промытой здесь водохранилищем протокой, переправиться через которую возможно только на лодке. С середины 1990-х гг. Устье Бири IV, как и соседствующие с ним могильники афанасьевской, карасукской и тагарской

культур, стал объектом масштабных хищнических раскопок. Разграбление древних захоронений проводилось с целью продажи извлеченных из них предметов коллекционерам г. Минусинска, Абакана и Красноярска. На сегодняшний день памятник оказался полностью разрушен.

Всего за 1982 – 1983 год раскопано 28 погребений (примерно половина могильника). Стенки двадцати из них были укреплены плитняком, шести – бревнами, а две представляли собой простые грунтовые ямы. В могилах найдены останки не менее тридцати человек (в двух случаях точное количество погребенных не устанавливается) из которых одиннадцать детей в возрасте от 6 месяцев до 3 лет, шесть женщин 20-30 лет, одна женщина 60 лет и семь мужчин в возрасте от 25 до 60 лет. Для останков четырех взрослых людей половозрастная принадлежность не устанавливается. Подавляющее большинство умерших было захоронено одиночно и лишь в двух могилах выявлены парные погребения. Двадцать четыре могилы содержали останки трупоположений, в могилах 4 и 27 погребения совершены по обряду кремации, захоронение в могиле 14 было биритуальным. У головы почти каждого погребенного был установлен керамический сосуд. В одном случае (мог. 11) останки ребенка сопровождало два горшка, стоявших у него в ногах и возле черепа. Два сосуда встречены и в погребении взрослого человека в могиле 21, но их расположение достоверно не определяется. Иной напутственный инвентарь представлен четырьмя имевшими очень плохую сохранность бронзовыми височными кольцами (мог. 8, 10, 26) и бусами, найденными на берцовых костях скелета в могиле 10.

В целом материалы раскопок могильника Устье Бири IV вполне типичны для восточного - енисейского - ареала андроновской (федоровской) культуры. Вместе с тем, они позволили сделать несколько интересных наблюдений (Леонтьев С.Н., 1996).

В первую очередь это касается полного отсутствия каких-либо следов погребальных оград вокруг могил. Автор исследований Н.В. Леонтьев отнес это на счет жителей с. Биря, которые могли использовать плитняк с находящегося в центре их села могильника для собственных строительных нужд. Вместе с тем, следует отметить, что расположенный в 5 км к юго-востоку андроновский памятник Лебяжье V, частично исследованный в 1975 г. Э.Б. Вадецкой, так же был безоградным (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 49). В то же время плитняковые конструкции многочисленных афанасьевских, карасукских и татарских курганов находящихся на территории с. Биря, или примыкающих к ней, сохранились почти нетронутыми. Заметим также, что тесное примыкание друг к другу могил 6-8, 14-19 и 21 Устья Бири IV вообще исключает возможность возведения над ними традиционных каменных колец. Все сказанное заставляет предполагать, что рассматриваемый могильник был лишен оград изначально.

В первый год исследований на дневной поверхности прослеживались почти исключительно лишь те погребальные конструкции, что были сооружены из плитняка, а срубы обнажились из-под песка только к следующей весне. Данное обстоятельство указывает на то, что каменные ящики и цисты возводились в ямах значительно меньшей глубины, чем бревенчатые рамы, и косвенно подтверждает предположение, что они были приурочены к зимнему времени (Там же, с. 43).

Особое внимание привлекает могила 14 Устья Бири IV, где впервые для восточного ареала андроновской (федоровской) культуры был выявлен случай одномоментного парного биритуального захоронения двух людей. При этом скелет ингумированного в ней человека принадлежал женщине, в облике которой хорошо заметна монголоидная примесь, в то время как скопление жженых костей, согласно выявленной М.Д. Хлобыстиной закономерности, является останками кремации мужчины (Хлобыстина М.Д., 1989) более высокого социального статуса (Она же,1973; Кирюшин Ю.Ф., 1997, с. 30). Исходя из этого, мог. 14 можно интерпретировать, как погребение знатного мужчины в сопровождении с его, судя по проломленному черепу, насильственно умерщвленной наложницей или домашней рабыней-иноплеменницей. Позднее единичные захоронения, совершенные по сходному биритуальному обряду, были открыты и на территории Западной Сибири (Михайлов Ю.И., 2001, с. 128).

Довольно необычна деревянная конструкция мог. 17, представлявшая собой тын из четырнадцати вертикально установленных бревен диаметром до 50 см. Сходным обра-

зом были сооружены лишь погребальные ограды андроновского могильника Гулигоу в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китая (Хаврин С.В., 1992, с. 45). Следует заметить, что подобное оформление внутримогильного пространства не характерно ни для одной из культур эпохи бронзы Среднего Енисея и, следовательно, не могло появиться в результате его заимствования из погребальной практики какого-либо местного иноэтничного населения.

Вся керамика могильника Устье Бири IV условно может быть разделена на две неравнозначные группы. Первая, наиболее многочисленная, представлена горшковидными и баночными сосудами с традиционной для андроновской (федоровской) посуды морфологией и орнаментацией. Вторая включает в себя лишь шесть сосудов, демонстрирующих существенные отличия от основного комплекса. Так, входящий в эту группу горшочек из могилы 11 (рис. 4 – 1) по своей форме полностью тождественен андроновским “парадным” горшкам, но отличается от них миниатюрными размерами и, в первую очередь, орнаментацией. Последняя состоит из охватывающей весь корпус сосуда горизонтальной “елки”, выполненной вдавлениями ребра палочки, и частого “жемчужника” с низким рельефом в приустьевой зоне. Днище по внутреннему краю также украшено насечками ребром палочки. Данный тип орнаментации абсолютно не характерен для андроновской посуды, но полностью соответствует традиции декорирования керамических сосудов предшествующей окуневской культуры. Более того, в поздних окуневских комплексах присутствуют горшки, сходные с рассматриваемым как по форме, так и размеру.

Отдаленно напоминают окуневские и два сосуда, происходящие из могил 1 и 13: первый (рис. 3 – 1) за счет венчика, декорированного по торцу оттисками наклонно поставленного зубчатого штампа и хаотичным расчесам орудием типа щепы на внутренней поверхности стенок, второй (рис. 3 – 7) – благодаря выпуклому дну и резной орнаментации, сходной с декором сосуда из сборов Г.А. Максименкова на территории могильника Лебяжье (Максименков Г.А., 1981, рис. 5 – 2).

Привлекают внимание и три сосуда, происходящие из могилы 15 и из погребений, разграбленных школьниками. Они резко отличающиеся от всех остальных своей несколько необычной для андроновской керамики формой: горшковидной, закрытого типа, с приземистым раздутым туловом, высокой шейкой и слабо отогнутым наружу венчиком. Плечики сосудов покатые, располагаются на середине высоты корпуса и совпадают с его экватором. Более всего морфология данных сосудов напоминает классические образцы плоскодонной керамики последующей карасукской культуры. Орнамент первого из рассматриваемых горшков (рис. 4 – 4) выполнен оттисками крупнозубчатой гребенки в технике печати с незначительным протягиванием штампа и расчленен на две зоны. Верхняя, занимающая почти 1/2 его тулова, заполнена двумя рядами обращенных вершинами друг к другу косых заштрихованных треугольников. По экватору сосуда тем же гребенчатым штампом нанесены три каннелюра и строенный горизонтальный зигзаг под ними. У второго сосуда (рис. 6 – 7) декор выполнен прочерченными линиями и включает четыре каннелюра по шейке и, ниже, строенный горизонтальный зигзаг. Третий сосуд (рис. 6 – 9) по шейке украшен тремя желобчатыми линиями, а по плечикам – обращенными вершинами вниз косо заштрихованными треугольниками. Если в первом случае декор сосуда полностью соответствует андроновской традиции, то у двух других горшков он почти не отличается от орнамента посуды карасукской культуры. Один из этих сосудов по форме и декору можно было бы вообще принять за карасукский, если бы не тождество технологии его изготовления с сосудом из мог. 15.

Таким образом, в материалах могильника Устье Бири IV четко явлены те черты, что указывают на последовательное сосуществование создавшего его коллектива людей вначале с окуневским, а позже – с карасукским населением. В связи с этим следует заметить, что Устье Бири IV, наряду с могильниками Тепсей IV, Потрошилово II, Лебяжье I и V, занимает крайнюю юго-восточную периферию распространения андроновских памятников в Хакасско-Минусинском регионе. Как предполагает большинство современных исследователей, далее в южном и юго-восточном направлении, в зоне ленточных боров, вплоть до карасукского времени продолжали проживать носители иной - окуневской - культурной традиции (Вадецкая Э.Б., 1986, с. 36, 42).

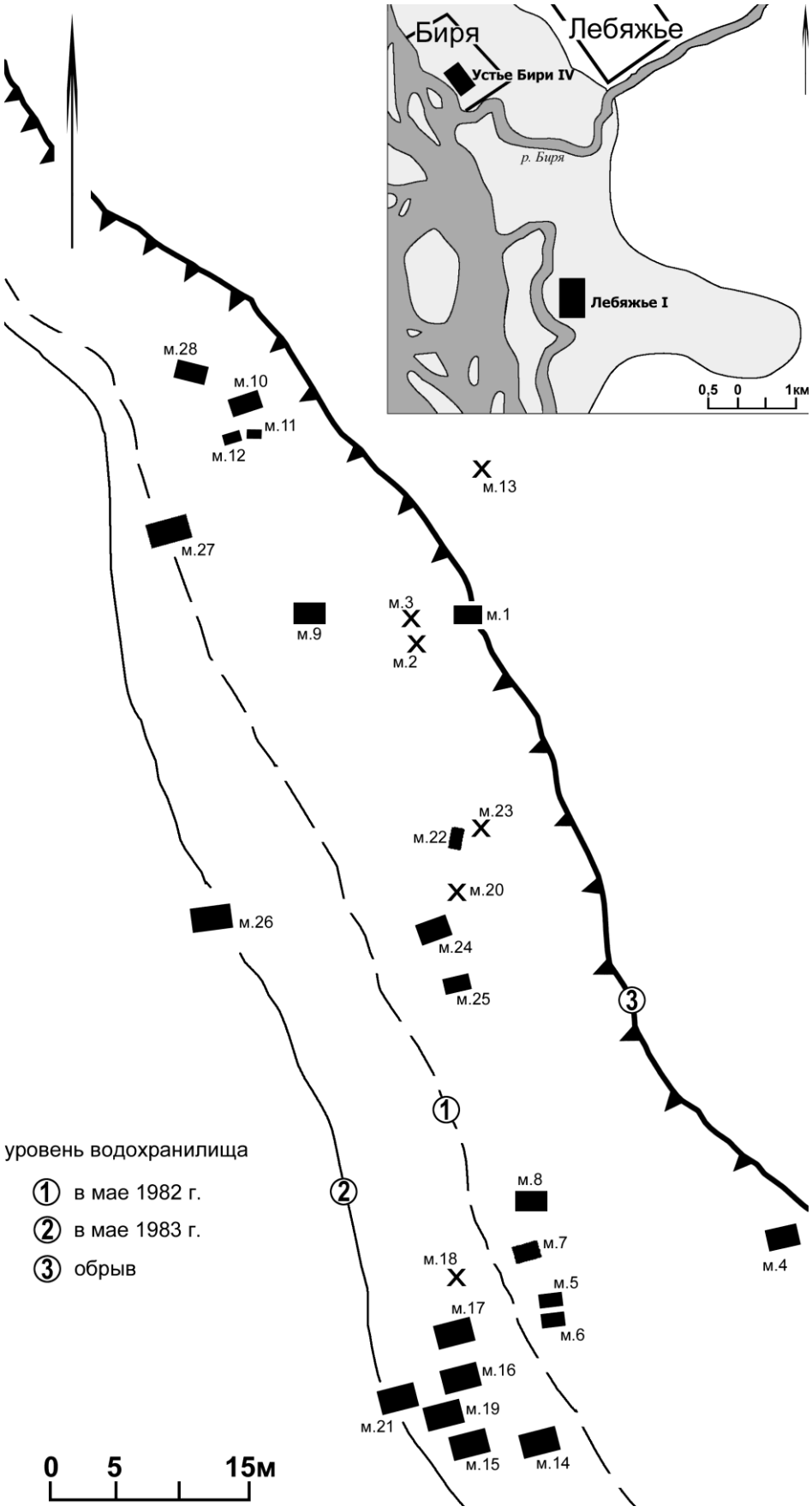

Биря
Лебяжье
Устье Бири IV
р. Биря
Лебяжье I
0,5 0 1км
м.28
м.10
м.11
м.12
м.13
м.27
м.3
м.1
м.9
м.2
м.23
м.22
м.20
м.26
м.24
м.25
м.8
м.7
м.18
м.5
м.17
м.6
м.16
м.19
м.21
м.15
м.14
м.4
уровень водохранилища
① в мае 1982 г.
② в мае 1983 г.
③ обрыв
0 5 15м

Рис.1.

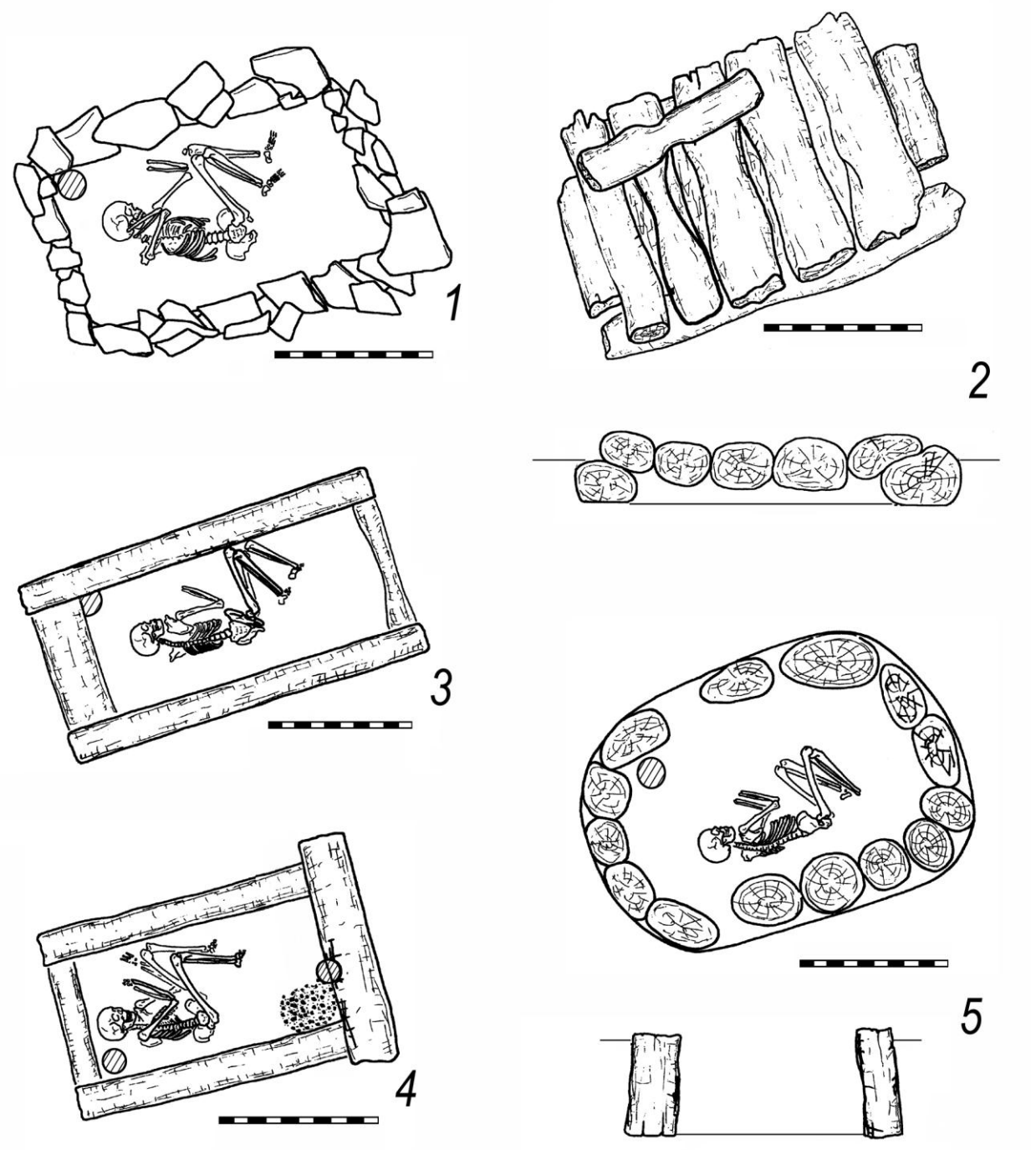


Рис.2

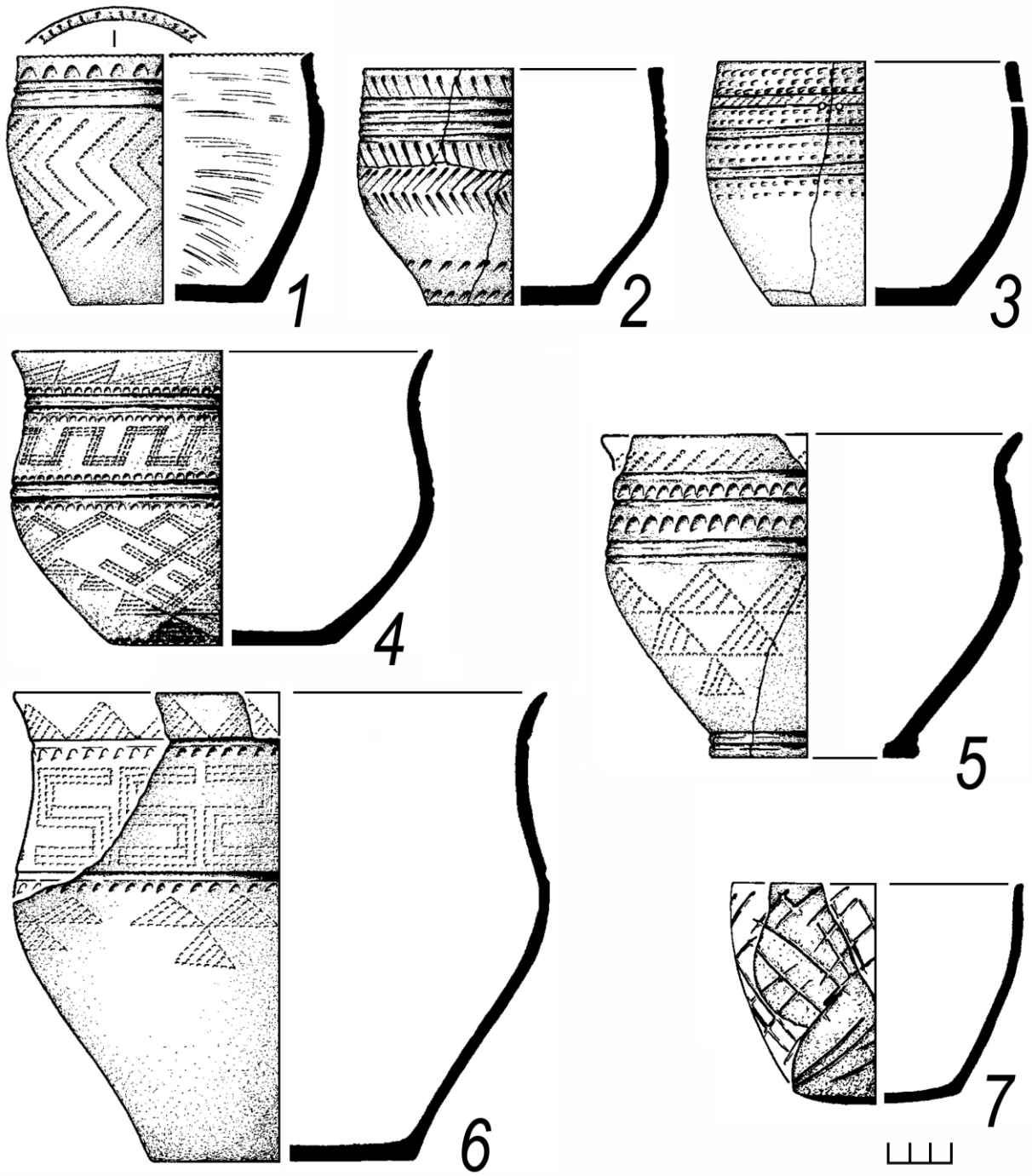


Рис.3

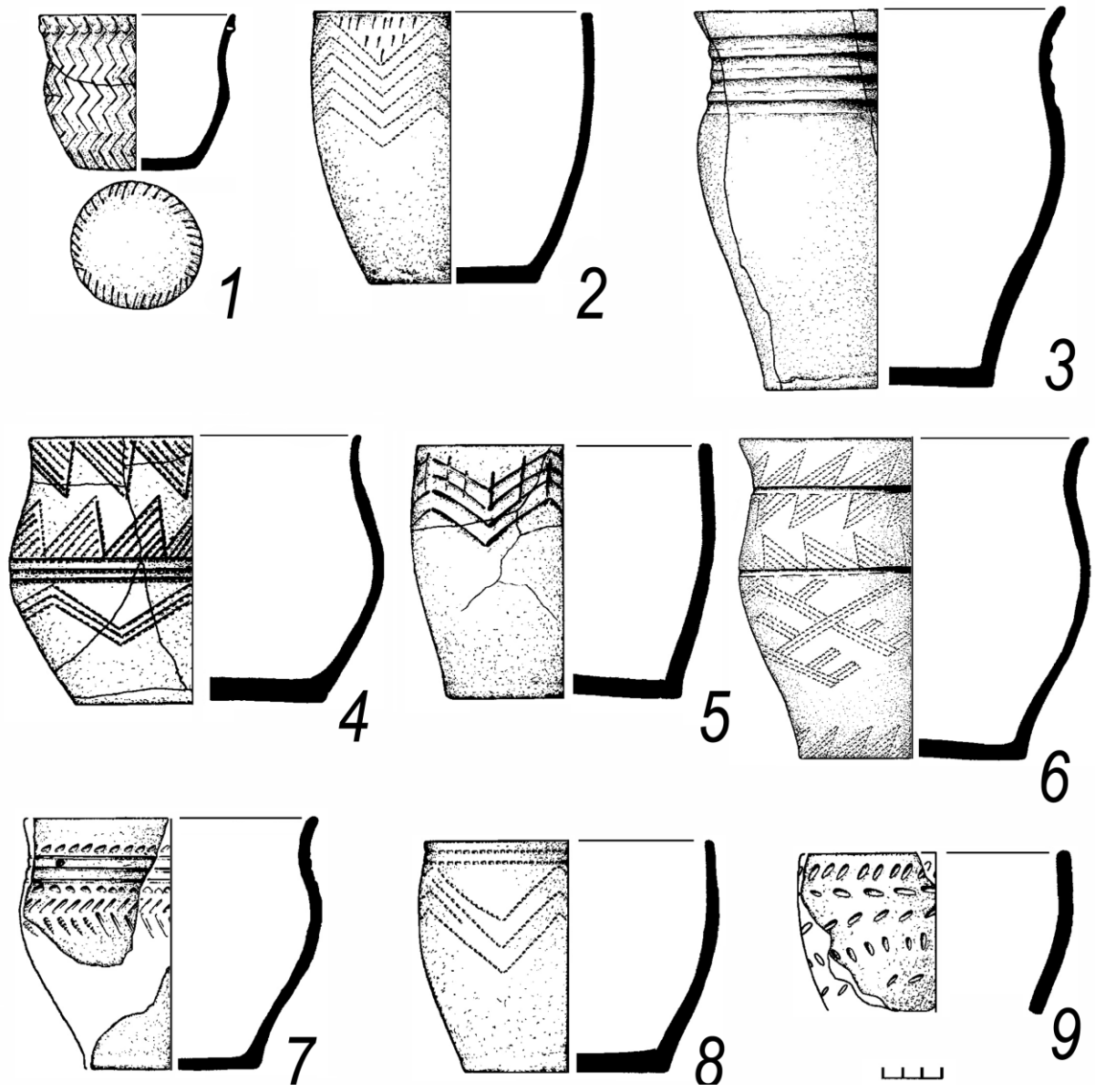


Рис.4

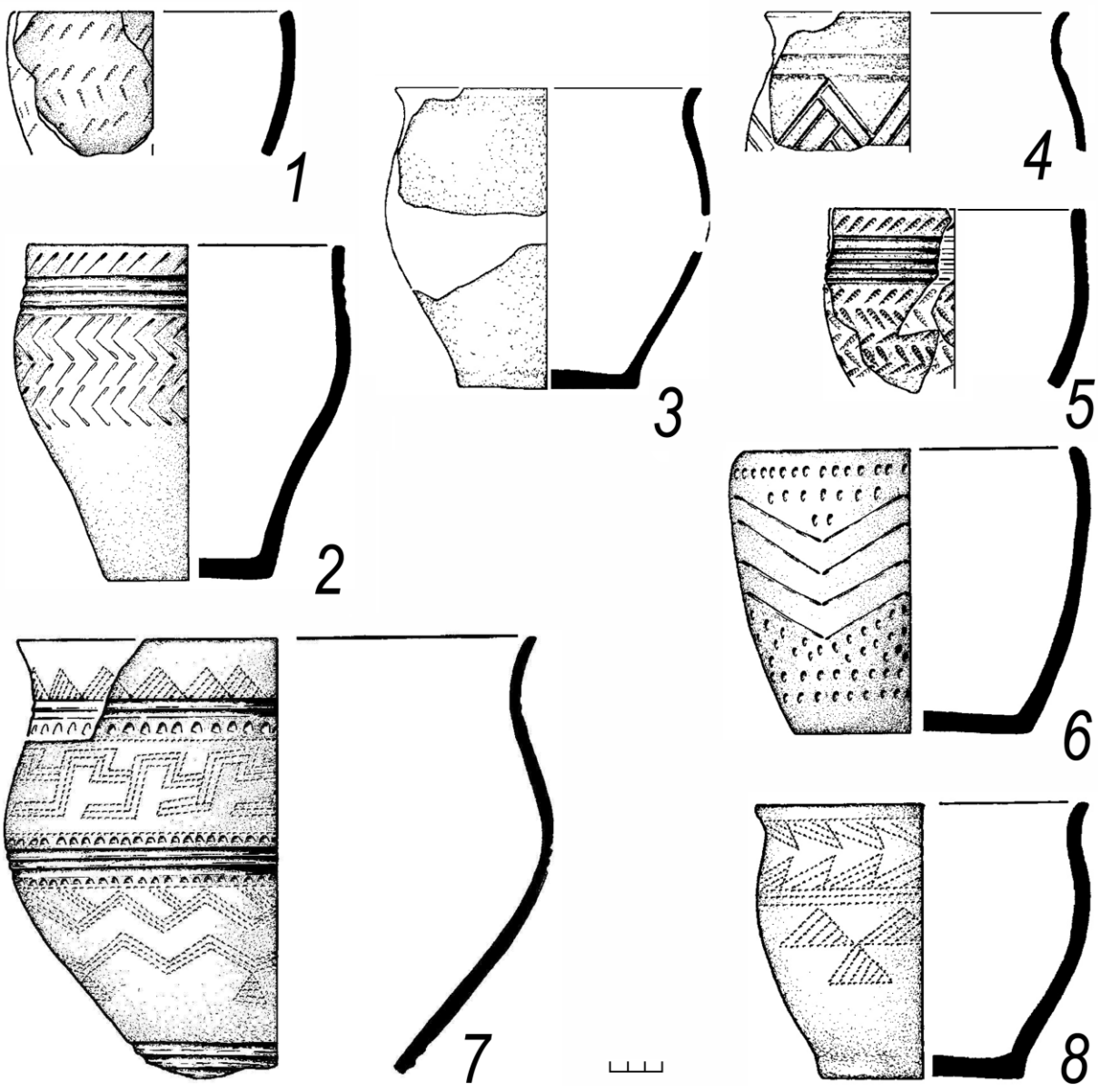


Рис.5

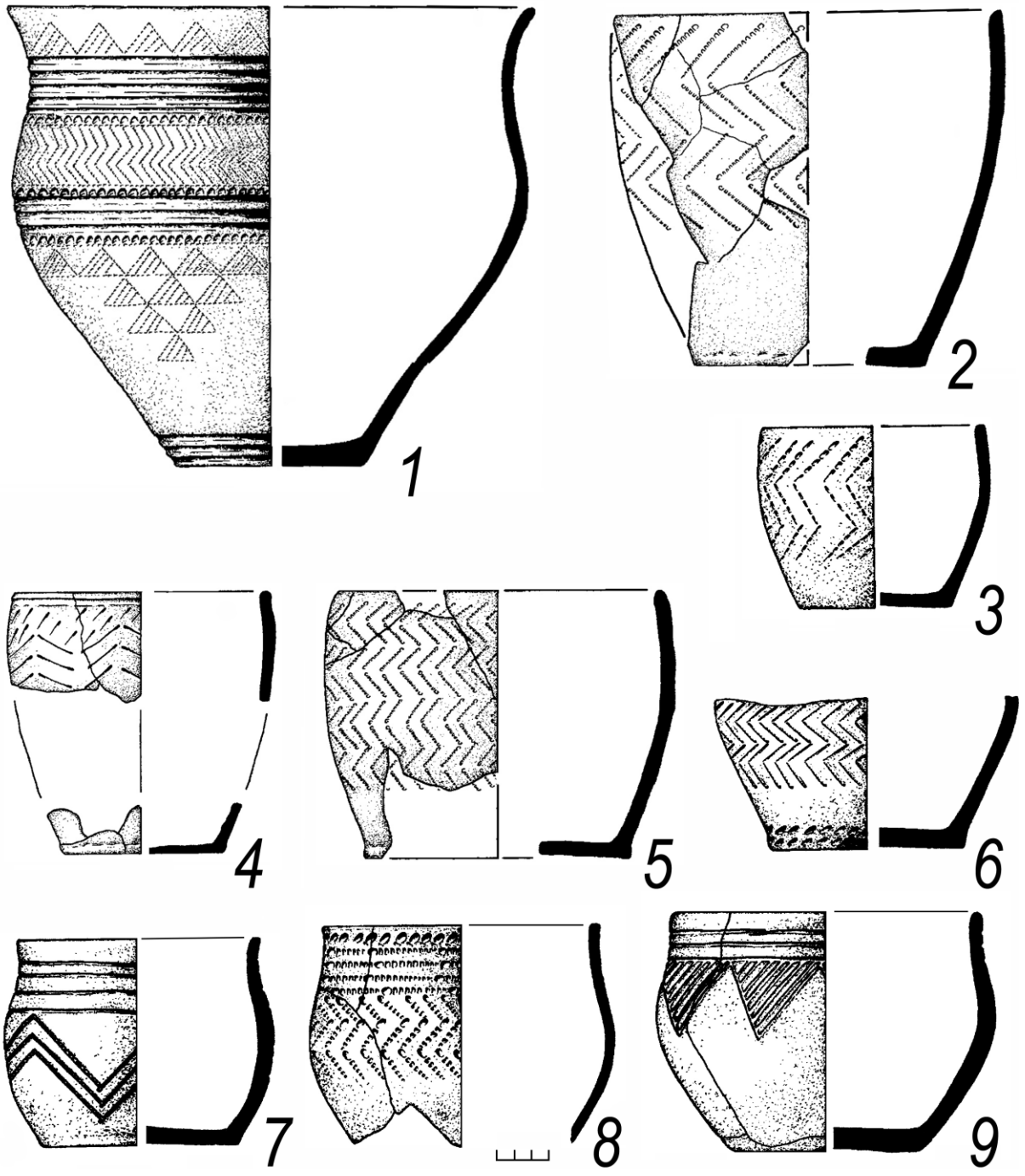


Рис.6

Литература

1. Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – 178 с.
2. Кирюшин Ю.Ф. Некоторые аспекты социальной организации андроновского общества // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. – Кемерово, 1997. – С. 29-34.
3. Леонтьев С.Н. Могильники андроновской эпохи Устье Бири IV и Потрошилово II // Археология, палеоэтнология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов XXXVI РАЭСК. Часть 2. – Иркутск, 1996. – С. 33-35.
4. Максименков Г.А. Могильник окуневской культуры у села Лебяжье // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск, 1981. – С. 91-110.
5. Михайлов Ю.И. Мировоззрение древних обществ юга Западной Сибири (эпоха бронзы). – Кемерово, 2001. – 363 с.
6. Хаврин С.В. Памятники андроновской культуры на территории Северного Китая // Средняя Евразия от древности до средневековья. Тезисы докладов конференции им. М.П. Грязнова. – СПб., 1992. – С. 45.
7. Хлобыстина М.Д. Андроновский дифференцированный керамический комплекс // Керамика как исторический источник. – Новосибирск, 1989. – С. 118-134.

Список иллюстраций к статье Леонтьева Н.В. и Леонтьева С.Н.

Рис. 1. Устье Бири IV: план-схема могильника.
Рис. 2. Устье Бири IV, основные типы захоронений.
Рис. 3. Устье Бири IV, керамика: 1 - мог. 1; 2 – мог. 3; 3 – мог. 4; 5 – мог. 6; 6 – мог. 7; 7 – мог. 13.
Рис. 4. Устье Бири IV, керамика: 1 - мог. 11; 2 -3 – мог. 14; 4 – мог. 15; 5 – мог. 16; 6 – мог. 17; 7 – мог. 18; 8 – мог. 19; 9 – мог. 20.
Рис. 5. Устье Бири IV, керамика: 1-2 – мог. 2; 3 – 4 – мог. 21; 5 – мог. 23; 6 – мог. 25; 7 – мог. 24; 8 – мог. 26.
Рис. 6. Устье Бири IV, керамика: 1 – мог. 28; 2–9 – сборы.

Матренин С.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В.
(г.Барнаул)

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ У ГОРЫ ХРУСТАЛЬНОЙ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ)

Центральный Алтай на сегодняшний день в археологическом отношении изучен весьма неравномерно. Отчасти это обусловлено относительной труднодоступностью отдельных участков данного региона вследствие его сложного орографического строения. Одной из недостаточно хорошо исследованных территорий является долина р. Ини (правый приток Катуни) в Онгудайском районе Республики Алтай. О проживании там в древности и средневековье разных групп населения свидетельствует нахождение большого количества археологических объектов, расположенных у подножья горы Хрустальной, в 3 км к северо-северо-западу от с. Инюшка, некоторые из которых давно известны ряду специалистов.

В 1988 г. в ходе совместных работ ИА АН СССР и ГАНИИИЯЛ на могильнике Бош-Туу-I вскрыто шесть курганов II–IV вв. н.э. (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995). Тогда же экспедицией Алтайского госуниверситета под руководством Ю.Т. Мамадакова (1990) составлен подробный план этого некрополя и раскопаны более 50 захоронений буланкобинской культуры.

Другим упоминаемым в научной литературе пунктом является комплекс разновременных петроглифов у горы Бош-Туу (Хрустальная). Он был предположительно известен довольно давно, так как неподалеку находилась переправа, которой пользовались путешественники и ученые, преодолевая Катунь (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с. 18, 22 (прим.), 48). В советское время наскальные рисунки осматривали многие исследователи (В.Д. Кубарев, Ю.Т. Мамадаков, А.С. Суразаков, В.А. Могильников и др.). Они фиксировали отдельные композиции, делали заметки или краткие описания, не изучая памятник полностью. В 1991 г. комплекс частично исследовался Е.П. Маточкиным (1994). Предпринимались попытки масштабной съемки изображений (Елин В.Н., Ларин О.В., 1994), но результаты этой работы полностью не введены в научный оборот.

Последний осмотр показал, что специфичный памятник находится в аварийном состоянии (Тишкин А.А., 2005; 2006, с. 7–8). Это связано как с природным, так и с антропогенным воздействием. Поэтому важно в ближайшее время произвести полную фиксацию уцелевших рисунков в этом живописном и своеобразном урочище на правобережье Катуни. Несомненно, что писаница являлась важной составляющей древнего святилища, действовавшего довольно длительный период времени. Об этом свидетельствуют имеющиеся изображения, а также находящиеся поблизости погребальные и поминальные объекты различных эпох (Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004; Тишкин А.А., 2006).

В 2003–2004 гг. Яломанской археологической экспедицией Алтайского государственного университета проводилась съемка ранее выявленных одним из авторов статьи погребальных и поминальных объектов (рис. 1), локализованных к юго-востоку от горы Хрустальной. Эта местность покрыта низкой степной растительностью и в настоящее время используется для выпаса скота. По ней проходит полевая дорога из села к горе Хрустальной. На участке площадью 1х1 км на высокой надпойменной террасе располагаются следующие памятники (рис. 2).

Бош-Туу-II. Находится на высокой террасе в 1,7 км на северо-северо-запад от с. Инюшка (Тишкин А.А., 2006, с. 7), в 2,75 км к востоку-северо-востоку от моста через Катунь в с. Иня, в 0,55 км к востоку от могильника Бош-Туу-I. Памятник состоит из 24 объектов раннего железного века и средневековья (рис. 3). По особенностям планиграфии и конструкции надмогильных построек полусферические слегка задернованные каменные курганы №1–11 диаметром 7–11 м, высотой до 0,45 м и находящиеся от них с запада выкладки-«поминальники» можно уверенно отнести к пазырыкской культуре VI–III вв. до н.э. Курганы №12 и №13 округлой формы размерами до 5,5 м с восточной стороны от погребальных сооружений скифского времени с большой долей вероятности принадлежат тюркам. Курган №15 с плоской каменной насыпью овальной формы с длинной осью по линии ЮЮЗ–ССВ предварительно может быть датирован средневековьем. Время возведения и культурная принадлежность кургана №14 с невысокой (до 0,2 м) насыпью в виде плоской сильно задернованной наброски размерами 6х7,6 м не установлена. Функциональное назначение и культурно-хронологический статус объекта №18, представляющего собой овальную выкладку 4,3х3 м с задернованной центральной частью, станут понятными только после проведения раскопок.

Бош-Туу-III. Обнаружен в 0,25 км к западу от предыдущего могильника (рис. 2). Это комплекс из 32 разных по хронологии погребальных и поминальных сооружений, которые образуют несколько компактных скоплений (рис. 4). Среди них выделяются 14 квадратных оградок тюркской культуры: девять смежных в виде цепочки с юга на север (№1–9), четыре парных (№24–27) и одна одиночная (№22). По своим параметрам они разделяются на маленькие и средние с длиной стенок до 2 м, от 2 до 3 м соответственно. В центре трех таких сооружений (№3, 4, 6) были зафиксированы вертикально установленные камни, а с восточной стороны пяти оградок (№3, 5, 6, 7, 9) – один или два балбала. Некоторые оградки имели следы разрушения, в том числе, в результате антропогенного воздействия. В другую группу входят пять плоских и полусферических курганов (№10, 11, 16,

17, 18) округлой формы размерами от 8 до 14,4 м, высотой от 0,35 до 0,6 м (в одном случае с западиной в центре) скифского времени, локализованные двумя параллельными цепочками по линии юг–север. Они располагались в центральной части могильника. С восточной стороны кургана №10 зафиксирована небольшая выкладка №10а. Остальные 12 небольших (диаметром от 1 до 4,5, высотой не более 0,2 м) плоских, хорошо задернованных курганов и выкладок из камня (№12–15, 19–21, 23, 28–31), сконцентрированы на северном и южном участках некрополя. Культурно-хронологическая принадлежность, а также в отдельных случаях функциональное назначение этих объектов до проведения раскопок не может быть установлена. Одни из них, например, могли являться курганами раннего железного века или развитого средневековья, другие – ритуальными сооружениями скифского времени. В западной части обследованного археологического комплекса была обнаружена часть стелы (высотой 0,54 м), зафиксированная в 21 м от оградок №26 и 27. Кроме этого, в 19 м к северу от оградки №27 выявлен балбал (высотой 0,1 м).

Бош-Туу-IV. Находится в 0,16 км на юго–юго-запад от кургана №10 памятника Бош-Туу-III (рис. 2). Группа из трех квадратных (длина стенок до 2,5 м) смежных оградок и одной одиночной (5,3×4 м) расположена «цепочкой» по линии ЮЮЗ–ССВ (рис. 5). Объекты №1–3 сильно разрушены. С восточной стороны оградки №4, на расстоянии 0,35 м, обнаружен поваленный камень длиной 0,35 м. В 1,5 м к востоку от нее зафиксирован вкопанный в землю, но обломанный балбал высотой около 0,1 м. Зафиксированные поминальные сооружения принадлежат тюркской культуре. По внешним признакам определить их более узкую датировку не представляется возможным.

Бош-Туу-V. В небольшой ложбине в 54 м на северо-запад от памятника Бош-Туу-III располагаются 15 курганов диаметром от 6 до 11,7 м, высотой до 0,35 м, выстроенных двумя «цепочками» (рис. 2, 6). Одна из них включает 12 объектов (№1–9, 13–15) и вытянута по линии Ю–С с незначительным отклонением к востоку, а другая состоит из трех сооружений (№10, 11, 12), локализованных в 22 м к востоку от предыдущей. Через могильник проходит полевая дорога к горе Хрустальной. Большинство насыпей представляли собой задернованные каменные полусферические наброски, в четырех случаях с небольшими западинами. Некоторые курганы отличаются наиболее уплощенной, сильной задернованной центральной частью, и фиксировались только по отдельно выступающим на поверхности камням, образующим кольцо по периметру наземных построек. Большинство объектов данного могильника следует отнести к пазырыкской культуре скифского времени.

Бош-Туу-VI. Выявлен в 0,3 км к северу от некрополя Бош-Туу-V (рис. 2). Памятник объединяет 17 компактно расположенных курганных насыпей (Тишкин А.А., 2006, с. 7). Объекты сконцентрированы на наклонной плоскости террасы, ограниченной крутым логом и горой (рис. 7). Композиционным центром данного археологического комплекса является ориентированная по линии Ю–С «цепочка» из 11 каменных курганов (№1–11) округлой формы со средним размерами 7х8 м, высотой 0,45 м, в двух случаях с западинами. В центре насыпи кургана №6 отмечена погребальная камера в виде каменного ящика 1,2х0,9 м, ориентированного своей длинной осью по линии ЮВ–СЗ. Три сооружения, расположенные в северной части «цепочки», имеют диаметр около 10 м. К востоку и западу от некоторых курганов зафиксированы плоские насыпи диаметром менее 6 м, высотой не более 0,15 м. Многие сооружения в различной степени пострадали от схода водных потоков и заросли колючим кустарником. Характерные черты планиграфии и конструкции большинства объектов позволяют датировать их пазырыкским периодом. Курган №6 оставлен носителями бийкенской культуры конец (IX – 2–3-й четверть VI вв. до н.э.). Определить культурно-хронологическую интерпретацию курганов №12, 13, 15 пока сложно. Объекты №14, 16, 17 с западной стороны от основной цепочки могут являться поминальниками скифской эпохи либо захоронениями более позднего времени.

Бош-Туу-VII. Четыре каменных кургана округлой формы диаметром 11–14 м, высотой до 0,5 м, зафиксированы в 41 м на восток от памятника Бош-Туу-III (рис. 2). Они локализованы двумя скоплениями на расстоянии 115 м друг от друга: курганы №1–3 на небольшой возвышенности ниже по склону террасы, а курган №4 у подножья невысокого холма (рис. 8). По периметру надмогильных сооружений прослежены крупные плиты, которые

установлены на ребро и образуют кольцевые ограды-кромлехи. Обнаруженные объекты могут быть отнесены к афанасьевской культуре.

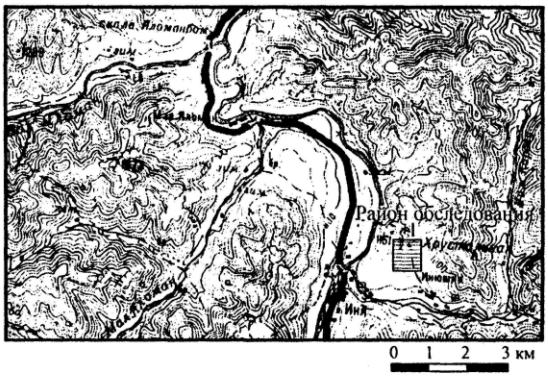
Бош-Туу-VIII. В 133 м к западу от группы смежных оградок поминального комплекса Бош-Туу-IV (рис. 2) обнаружена «цепочка» из двух пазырыкских курганов, ориентированная по линии Ю–С (рис. 9). Объекты имеют полусферические слабо задернованные каменные насыпи овальной формы диаметром до 15 м, высотой до 0,5 м с неглубокими западинами в центральной части. В 40 м на запад–юго-запад и в 36 м на юго-юго-запад от кургана №1 находятся две поминальные выкладки. На расстоянии 20 м к запад-северо-западу от кургана №2 также зафиксирован поминальник, а в 15 м к востоку находится сломанная стела высотой 0,52 м.

В результате выполненных разведочных работ в указанной части Центрального Алтая выявлено семь новых комплексов – Бош-Туу-II–VIII. В общей сложности был обследован 101 объект: 55 курганов, 18 оградок, 27 выкладок, а также 19 стел и балбалов. Судя по визуальным признакам, в количественном отношении среди них доминируют сооружения кочевников скифского времени (пазырыкская культура VI–III вв. до н.э.) и раннего средневековья (тюркская культура 2-й половины V – XI вв.). Сравнительно немногочисленная группа захоронений относится к эпохе энеолита-ранней бронзы (афанасьевская культура IV–III тыс. до н.э.), к раннескифскому периоду (бийкенская культура IX – 3-й четверти VI вв. до н.э.) и, возможно, к развитому средневековью. Культурно-хронологическая принадлежность некоторых конструкций, прежде всего, слабо выделяющихся на современной поверхности выкладок, без проведения раскопок не может быть установлена. Отдельные курганы, оградки, изваяния и стелы на памятниках Бош-Туу-III, IV, V имеют различные следы разрушений от антропогенного воздействия. Состояние большинства обнаруженных объектов удовлетворительное и им в ближайшее время ничего не угрожает. Отмеченная плотная концентрация разновременных комплексов и относительная изолированность обследованной местности позволяют рассматривать окрестности горы Хрустальной в качестве части археологического микрорайона, изучение которого на современном этапе требует продолжения разведок в бассейне Ини.

Таким образом, полученные новые источники для изучения особенностей формирования погребальных и поминальных комплексов населения Горного Алтая разных исторических эпох будут способствовать выработке и реализации наиболее актуальных направлений полевых изысканий, а располагаемые материалы использоваться при составлении свода памятников Республики Алтай. Раскопки выявленных объектов позволят уточнить периодизацию известных археологических культур, а также реконструировать разные аспекты развития населения обозначенного региона в древности и средневековье.

Литература

1. Елин В.Н., Ларин О.В. Петроглифические разведки // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 73–75.
2. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск, 1992. – 124 с.
3. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск. 1990. – 19 с.
4. Маточкин Е.П. Петроглифы Бош-Туу // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 75–78.
5. Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. – М., 1995. – С. 62–74.
6. Тишкин А.А. О состоянии некоторых памятников наскального искусства Онгудайского района Республики Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005. – Вып. XIV. – С. 179–189.
7. Тишкин А.А. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 1: Древности Онгудайского района. – Барнаул, 2006. – 12 с.
8. Тишкин А.А., Чекрыжова О.И. Изображения животных в аржано-майэмирском стиле у подножья горы Хрустальная (Горный Алтай) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. – СПб., 2004. – С. 276–279


Район обследования
0 1 2 3 км

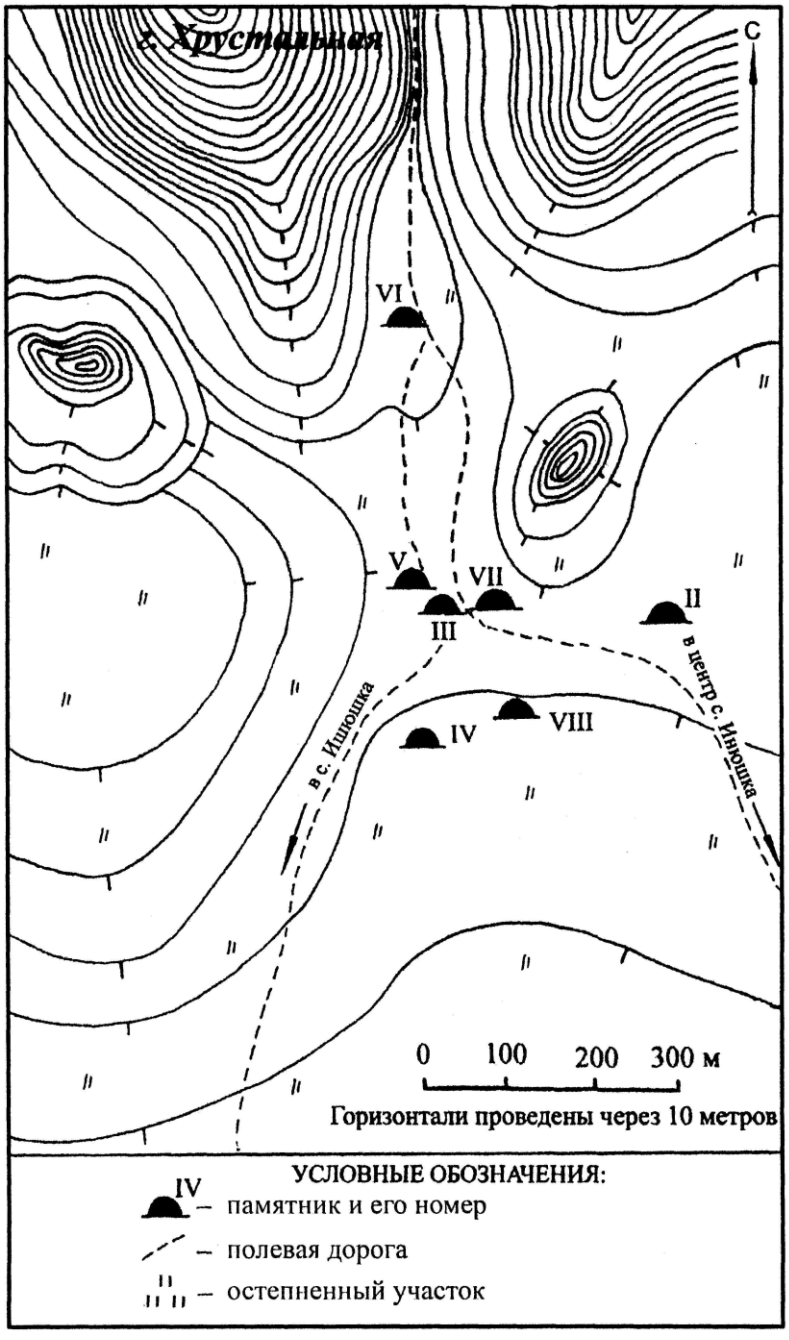

г. Хрустальная
С
VI
V
VII
III
II
IV
VIII
в с. Ишюшка
в центр с. Ишюшка
0 100 200 300 м
Горизонтали проведены через 10 метров
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
IV – памятник и его номер
– полевая дорога
– остепненный участок

Рис.1, 2

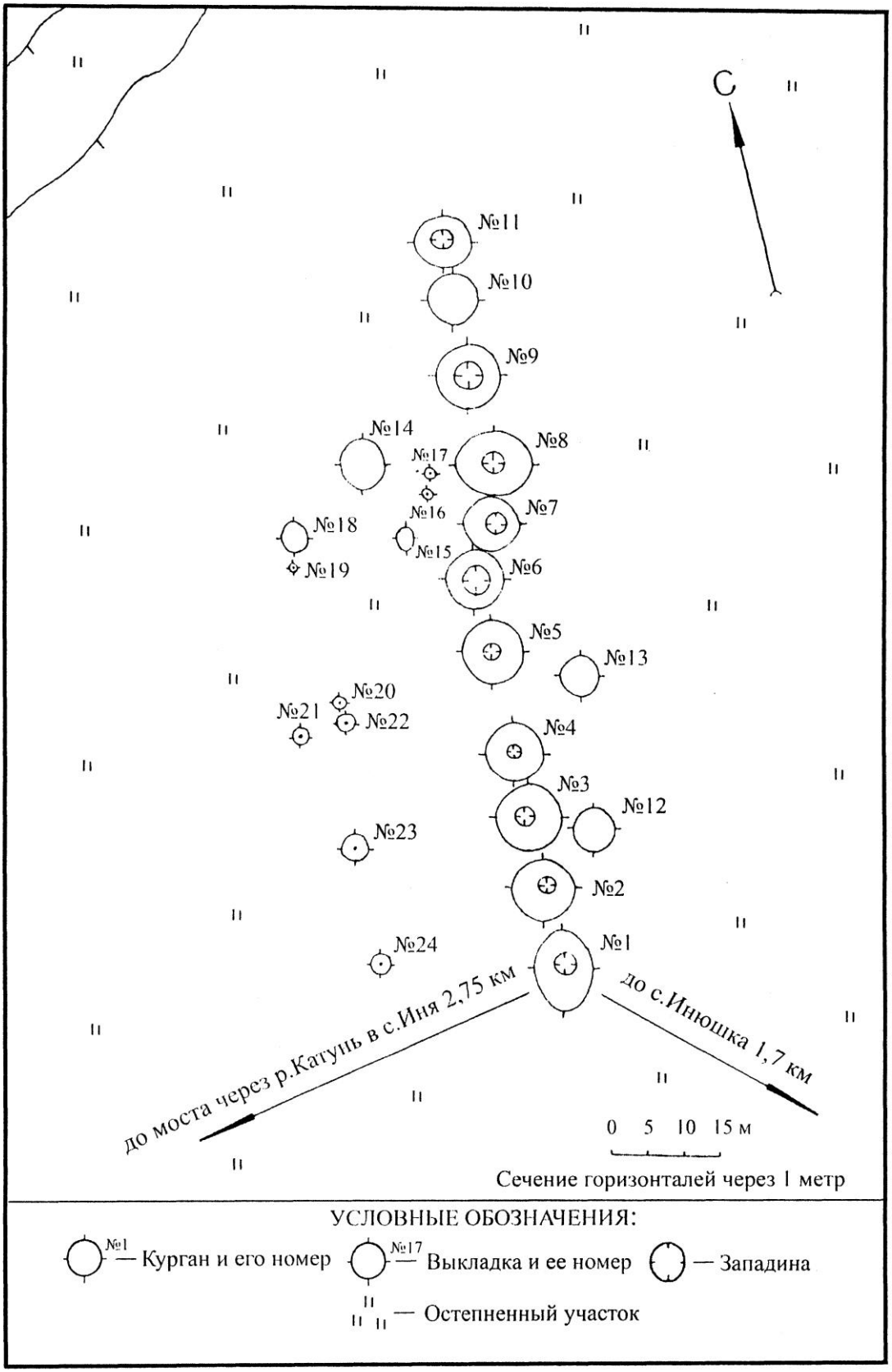

С
№11
№10
№9
№14
№17
№8
№16
№7
№18
№15
№6
№19
№5
№13
№20
№21
№22
№4
№3
№12
№23
№2
№24
№1
до моста через р.Катунь в с.Иня 2,75 км
до с.Инюшка 1,7 км
0 5 10 15 м
Сечение горизонталей через 1 метр
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
№1 — Курган и его номер
№17 — Выкладка и ее номер
— Западина
— Остепненный участок

Рис.3

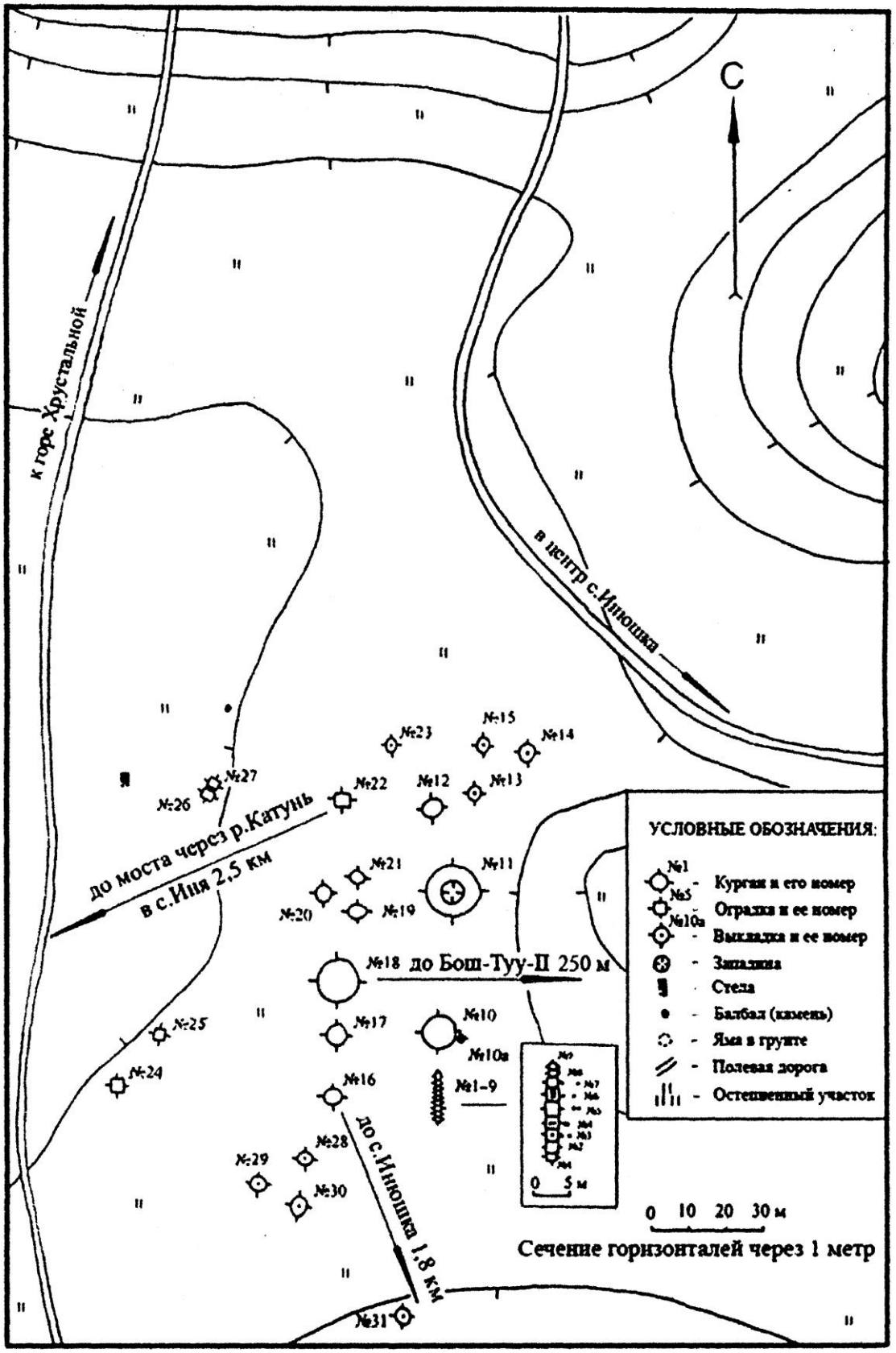

С
к горе Хрустальной
в центр с.Инюшкя
до моста через р.Катунь
в с.Ия 2,5 км
№1
№5
№10а
№11
№12
№13
№14
№15
№16
№17
№18
№19
№20
№21
№22
№23
№24
№25
№26
№27
№28
№29
№30
№31
№1-9
до Бош-Туу-II 250 м
до с.Инюшкя 1,8 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
- Курган и его номер
- Ограда и ее номер
- Выкладка и ее номер
- Запалина
- Стела
- Балбал (камень)
- Яма в грунте
- Полевая дорога
- Остепненный участок
0 5 м
0 10 20 30 м
Сечение горизонталей через 1 метр

Рис.4

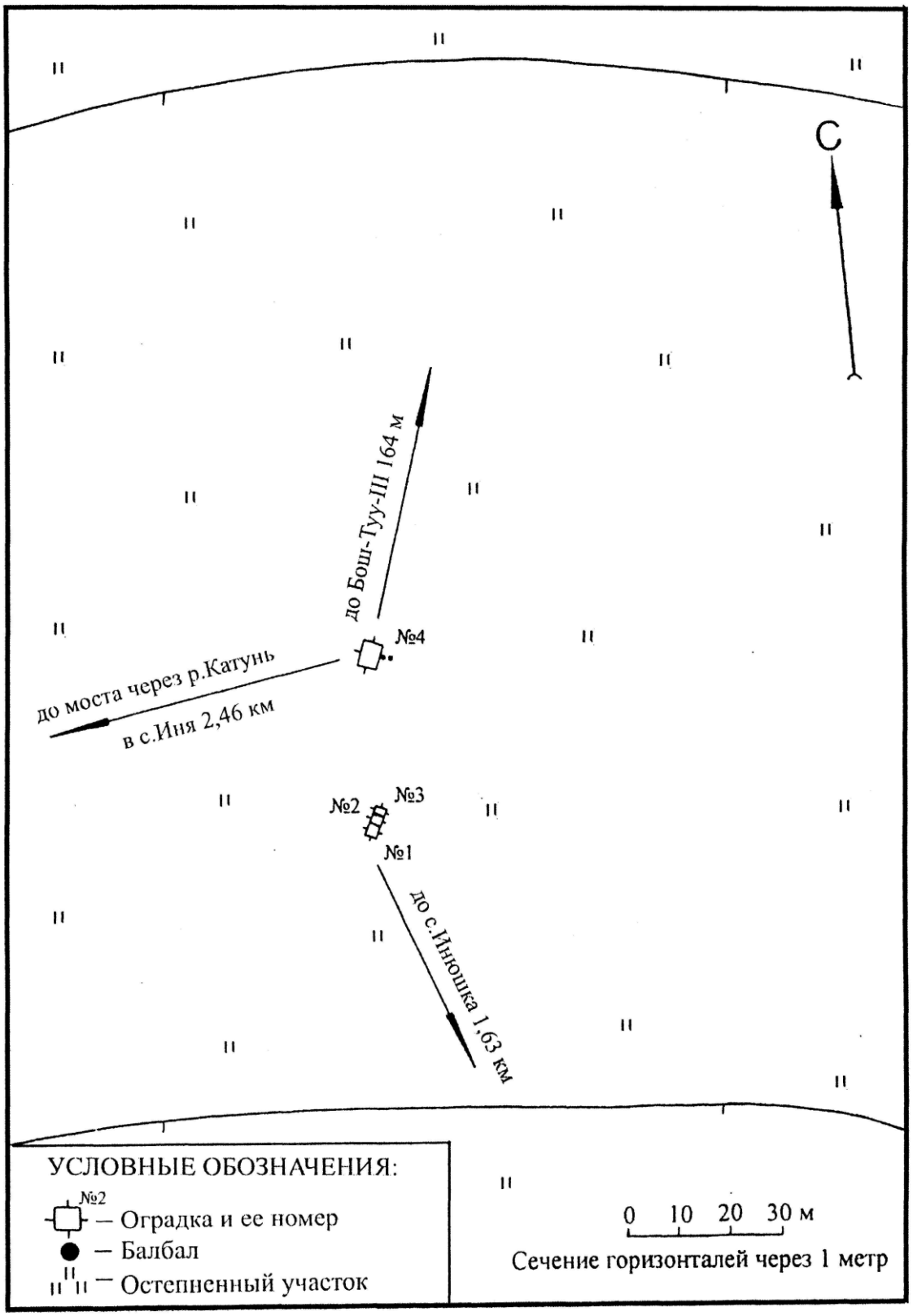

С
до Бош-Туу-III 164 м
№4
до моста через р.Катунь
в с.Иня 2,46 км
№2
№3
№1
до с.Инюшка 1,63 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
№2
— Оградка и ее номер
— Балбал
— Остепненный участок
0 10 20 30 м
Сечение горизонталей через 1 метр

Рис.5

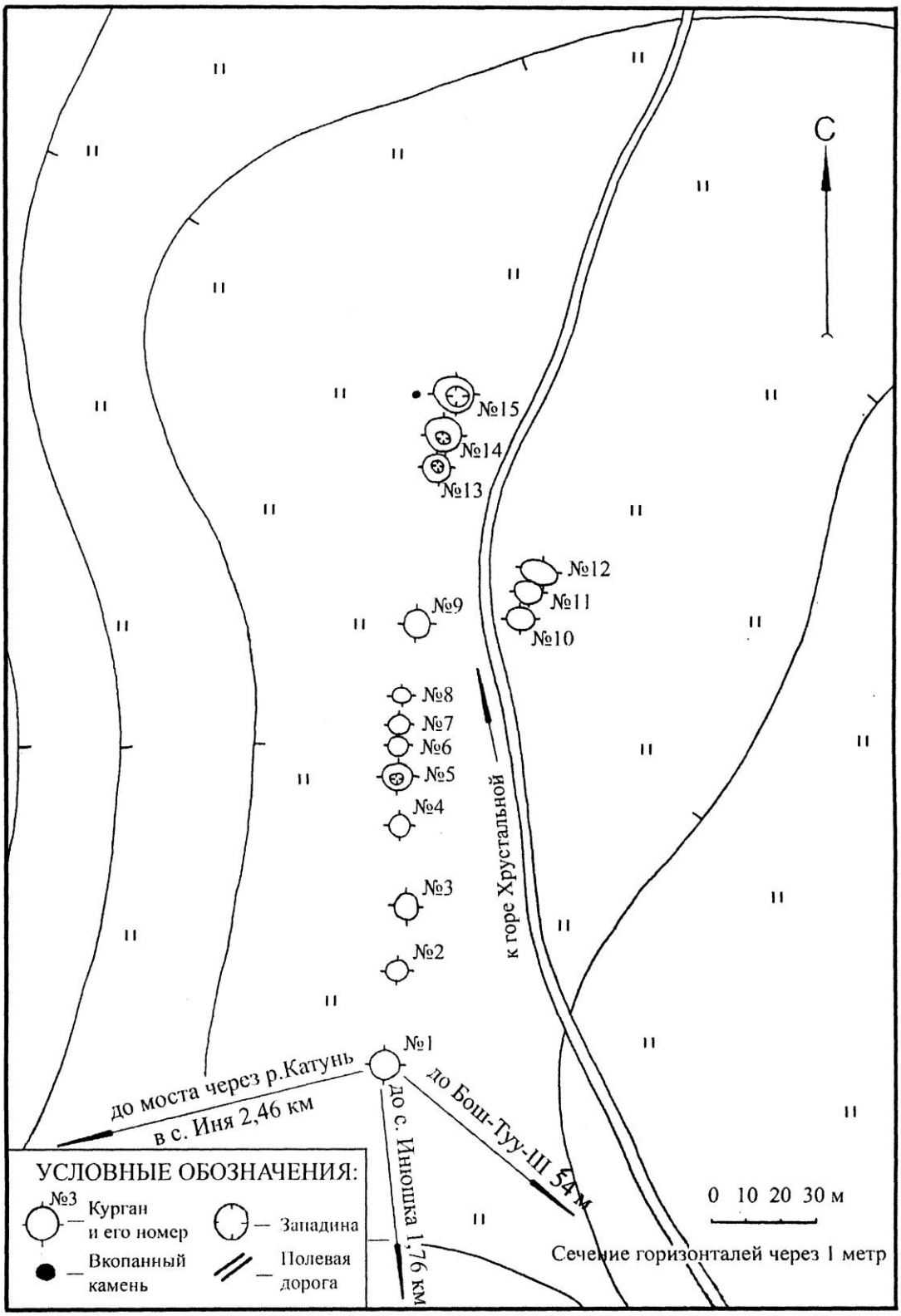

С
№15
№14
№13
№12
№11
№10
№9
№8
№7
№6
№5
№4
№3
№2
№1
к горе Хрустальной
до моста через р.Катунь
в с. Иня 2,46 км
до с. Инюшка 1,76 км
до Бош-Туу-III 54 м
0 10 20 30 м
Сечение горизонталей через 1 метр
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
№3 Курган и его номер
Западина
Вкопанный камень
Полевая дорога

Рис.6

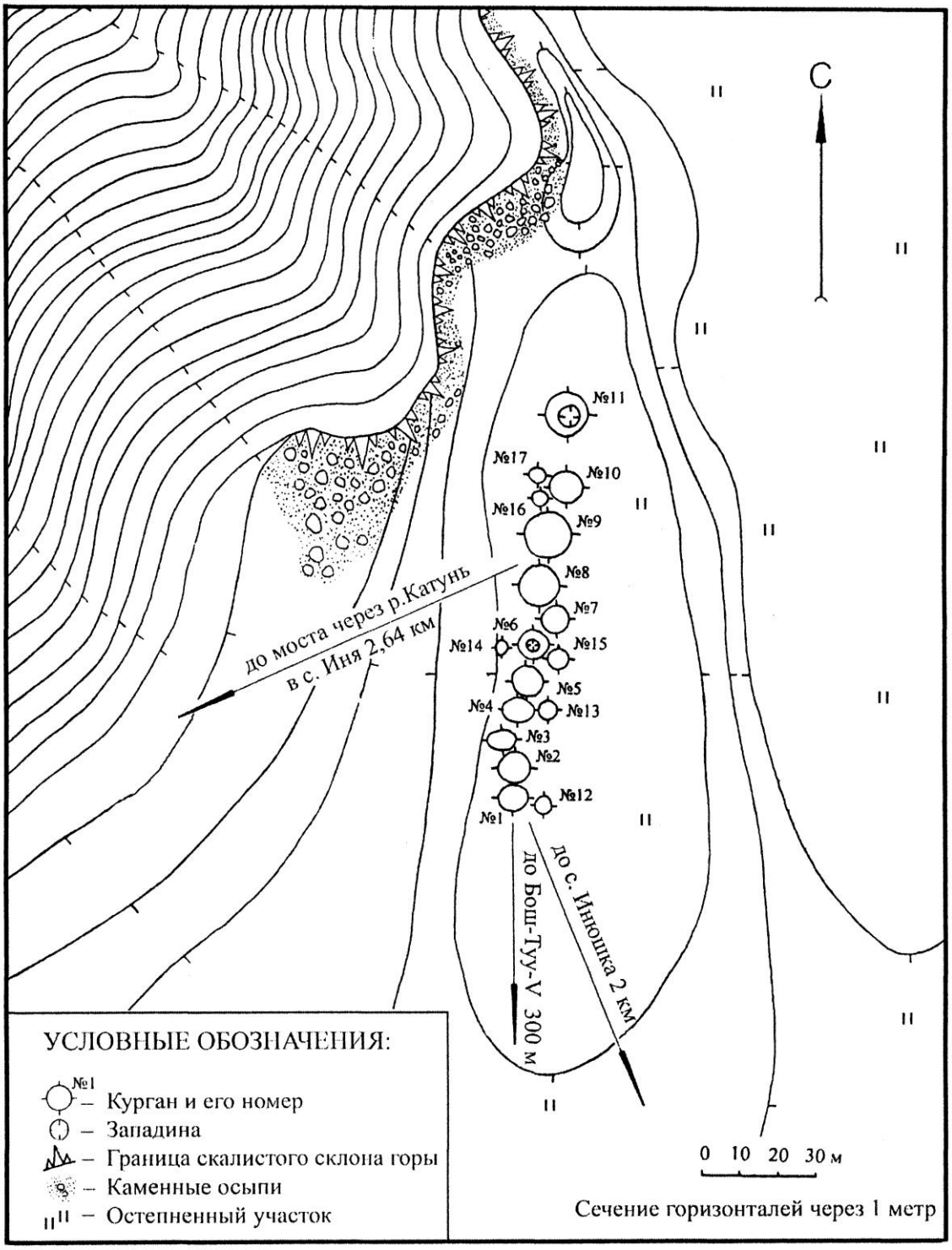

С
№11
№17
№10
№16
№9
№8
№7
№6
№14
№15
№5
№4
№13
№3
№2
№12
№1
до моста через р.Катунь
в с. Иня 2,64 км
до Бош-Туу-V 300 м
до с. Инюшка 2 км
0 10 20 30 м
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
№1 – Курган и его номер
– Западина
– Граница скалистого склона горы
– Каменные осыпи
II – Остепненный участок
Сечение горизонталей через 1 метр

Рис.7

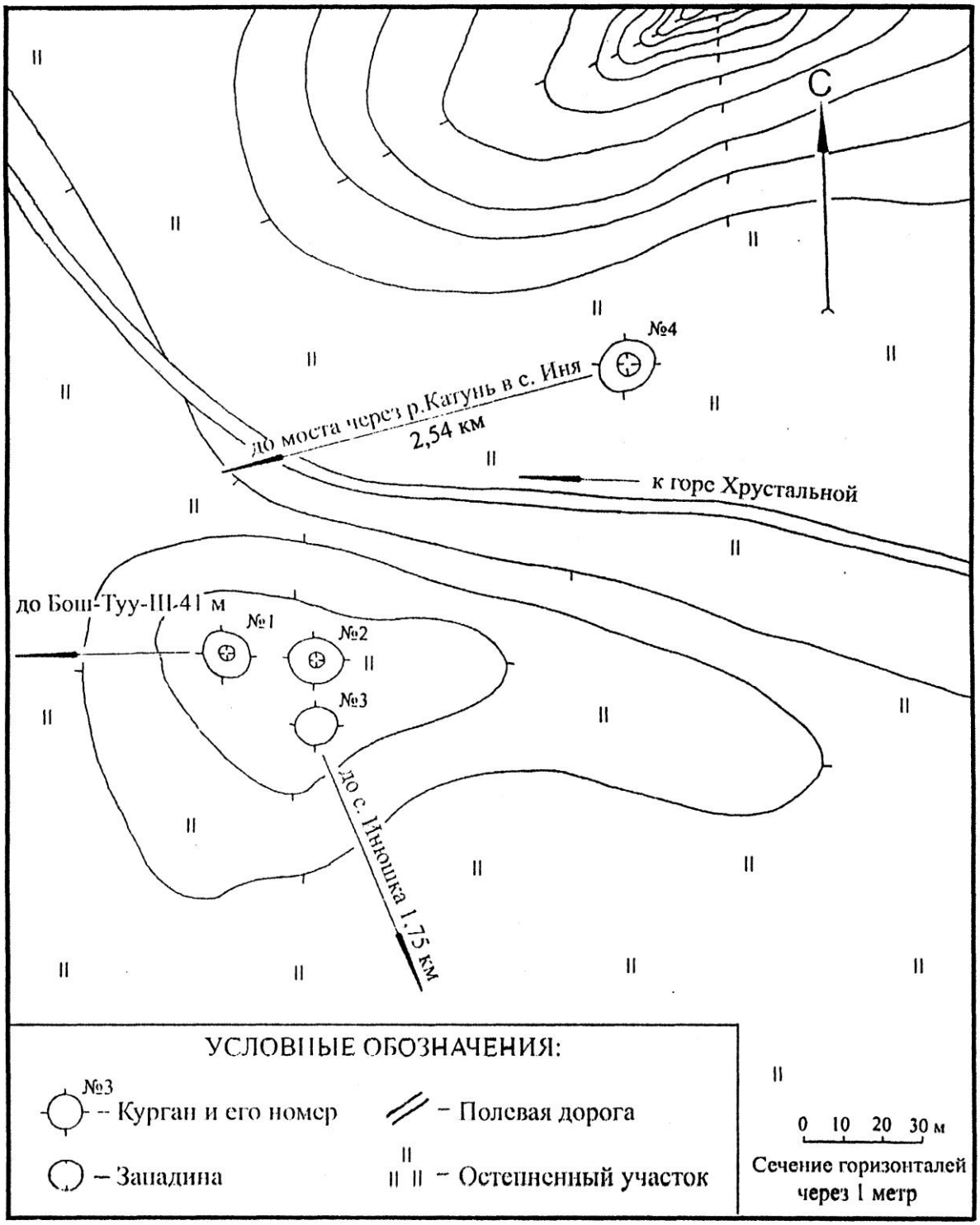

С
№4
до моста через р.Катунь в с. Иня
2,54 км
к горе Хрустальной
до Бош-Туу-III-41 м
№1
№2
№3
до с. Инюшка 1,75 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
№3 – Курган и его номер
– Западина
– Полевая дорога
– Остепненный участок
0 10 20 30 м
Сечение горизонталей через 1 метр

Рис.8

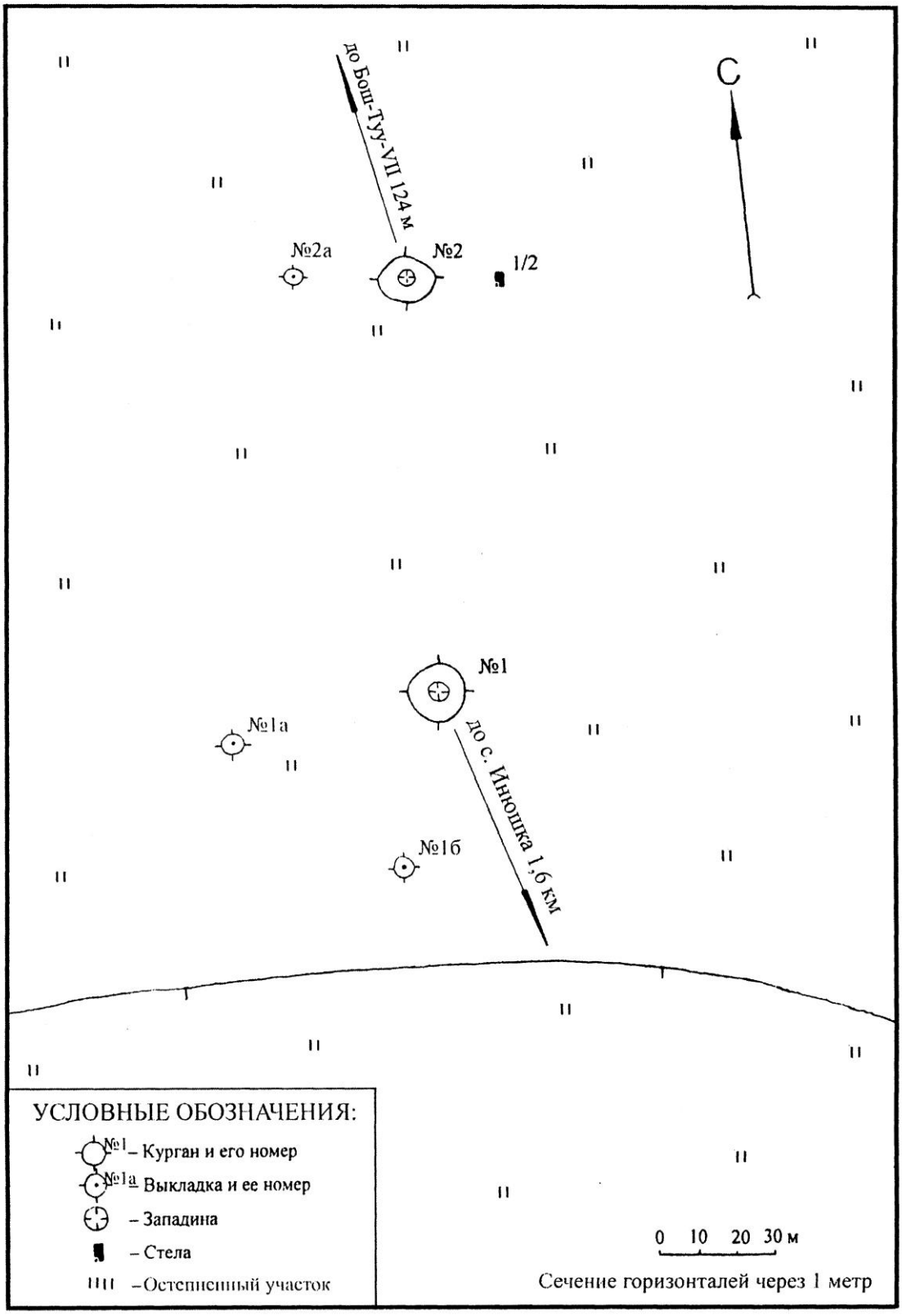

до Бош-Туу-VII 124 м
С
№2а
№2
1/2
№1
№1а
до с. Инюшка 1,6 км
№1б
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
№1 – Курган и его номер
№1а Выкладка и ее номер
– Западина
– Стела
– Остепненный участок
0 10 20 30 м
Сечение горизонталей через 1 метр

Рис.9

Список иллюстраций к статье Матренина С.С., Тишкина А.А., Горбунова В.В.

Рис. 1. Местонахождение памятников у подножья горы Хрустальной.
Рис. 2. Расположение зафиксированных погребально-поминальных комплексов. Ситуационный план.
Рис. 3. План памятника Бош-Туу-II.
Рис. 4. План погребально-поминальных сооружений Бош-Туу-III.
Рис. 5. План памятника Бош-Туу-IV.
Рис. 6. План могильника Бош-Туу-V.
Рис. 7. План могильника Бош-Туу-VI.
Рис. 8. План могильника Бош-Туу-VII.
Рис. 9. План могильника Бош-Туу-VIII.

Киреев С.М., Шульга П.И.
(г.Горно-Алтайск, г.Барнаул)

СБРУЙНЫЕ НАБОРЫ ИЗ УЙМОНСКОЙ ДОЛИНЫ

Конское снаряжение является одним из важнейших источников изучения культуры древних скотоводов Алтая VII-IV вв. до н.э. В силу особой значимости лошади в жизни воина, охотника и пастуха конская сбруя, пожалуй, в наиболее яркой форме отражала изменения в экономике и верованиях кочевников. При этом изменения в сбруе происходили практически синхронно на обширных территориях. Соответственно, детали сбруйной фурнитуры являются наиболее надёжными хронологическими и культурными индикаторами, и обнаружение каждого нового набора представляет несомненный интерес. Особое внимание привлекают слабо изученные роговые наборы. После выхода фундаментального труда С.И. Руденко по раскопкам курганов в урочище Пазырык (Руденко С.И., 1953) к этой теме обращались немногие исследователи (см.: Бородовский А.П., 1988, 1997; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, Самашев З.С., Бородовский А.П., 2004; Уманский А.П., 1992; Шульга П.И., 2005, с. 37-53; Телегин А.Н., Бородовский А.П., 2005; и др.). Из найденных за последние полвека в захоронениях пазырыкской культуры пяти достаточно представительных роговых наборов только по одному опубликована краткая информация (Самашев З.С., Бородовский А.П., 2004). Встречаются они редко. Так, из примерно 600 исследованных пазырыкских захоронений наборы обнаружены (по данным авторов) только в девяти, хотя нахождение роговых псалиев, чумбурных блоков, подпружных пряжек и отдельных пронизок здесь далеко не редкость. При этом наборы распределены не равномерно, а приурочены к отдельным могильникам (Пазырык, Чендек-6, расположенные поблизости Боротал и Ала-Гаил). За пределами Горного Алтая детали роговых наборов распространены, преимущественно, в предгорьях и на Верхней Оби. Судя по значительному количеству роговых поясных блях, похожих на сбруйные, и отдельные находки деталей сбруйной фурнитуры, наборы из рога были известны в Туве. Имеются сведения о находках подобных пазырыкским седельных блях и пронизок на территории Китая (Полосьмак Н.В., 1998, табл. 1).

Из представительных сбруйных роговых наборов пазырыкской культуры в распоряжении исследователей до сих пор были только находки С.В. Киселёва в Караколе (Киселёв С.В., 1951, табл. XXXII; Руденко С.И., 1960, рис. 5) и С.И. Руденко в Пазырыкских курганах №2, №3, №4 и №6 (Руденко С.И., 1953). Однако в последующие годы в Горном Алтае обнаружено ещё несколько наборов. Два происходят из раскопок В.Д. Кубарева в Бо-

ротале и Ала-Гаиле (материалы готовятся к печати), один найден в Берели (Самашев З.С., Бородовский А.П., 2004), два – из раскопок С.М. Киреева курганной группы Чендек-6а, находящейся в западной части могильника Чендек-6 в Уймонской долине.

Могильник Чендек-6 (в сводке В.И. Соёнова – Чендек; см. Соёнов В.И., 2003, с. 21) расположен на поле к востоку от с. Чендек Усть-Коксинского района Республики Алтай (рис. 1 – 1,2). В ходе археологических разведок С.М. Киреевым в западной части этого крупного разновременного некрополя (см. Соёнов В.И., 2003, с. 21), в 50 м к востоку от огородов села были выявлены две курганные группы – Чендек-6а (14 курганов) и Чендек-6б (два больших кургана). В 1999 г. С.М. Киреевым в группе Чендек-6а было вскрыто восемь курганов.

Насыпи исследованных курганов (№№ 1-8) были сложены из крупных рваных камней, а также мелкого и среднего галечника. Большинство из них примыкали друг к другу, но случаев явного перекрывания не зафиксировано. Судя по планиграфии и датировке курганов, основная цепочка состояла из курганов №№ 1, 2, 5, 6 и 8. Наиболее ранние материалы были обнаружены в кургане №2, а потому логично предположить формирование цепочки с юга на север. Сравнительно небольшие курганы №№ 3, 4 и 7, по всей видимости, пристраивались несколько позже в промежутки между основными. В четырёх курганах (№№ 2, 5, 6, 8) зафиксирован пазырыкский обряд погребения: к северу от умерших найдены подхоронения лошадей, преобладающая ориентация в юго-восточный сектор. В курганах 3 и 7 конских подхоронений не было, но ориентация умерших была также в юго-восточный сектор. В целом по погребальному обряду и инвентарю курганы группы Чендек-6а могут быть отнесены к пазырыкской культуре. Полученные материалы готовятся в печать, а в предлагаемой статье авторы рассматривают курганы №2 и №7, в которых были найдены роговые сбруйные наборы.

Описание курганов и захоронений.

Курган 2. Под насыпью диаметром около 7м находилась подпрямоугольная в плане могила, размерами 2,5х1,8 м, глубиной 2,7 м, ориентированная по линии ЗСЗ-ВЮВ (ближе к СЗ-ЮВ). В заполнении могилы встречались крупные угли, а в придонной части по всей площади прослеживался тлен от лиственничного (?) перекрытия. На дне ямы расчищен костяк взрослого человека, уложенного на правый бок, с подогнутыми ногами, ориентированного на ВЮВ. Под костяком прослеживался деревянный настил. В районе пояса расчищен бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти и деревянной копией железного колпачка (рис. 1 – 4,5), а между бедренных костей – бронзовый кинжал (рис. 1 – 3). У лучевой кости правой руки, а также в районе плеч и головы найдено несколько фрагментов обкладок из золотой фольги (рис. 1 – 6-13). Два фрагмента, по всей видимости, служили обкладками рогов оленя (рис. 1 – 8,9). Ещё один, очевидно, оборачивался вокруг истлевшего деревянного стержня (рис. 1 – 10). В северной хозяйственной половине ямы находился развал керамического сосуда и нож плохой сохранности.

У северной стенки могилы расчищен костяк лошади, уложенной параллельно человеку, мордой на ВЮВ. У черепа лошади находились детали уздечки: железные удила, два бронзовых двоителя нащёчных ремней (рис. 2 – 1,6,7), три бронзовых распределителя, бронзовая полукруглая пронизка и роговой чумбурный блок (рис. 2 – 2-5,8). Ближе к центральной части костяка найдено 12 роговых изделий: подпружная бляха-блок (рис. 2 – 10), подпружная пряжка-застёжка (рис. 2 – 9), семь седельных блях с большими отверстиями (рис. 2 – 13-19), две малых бляшки без больших отверстий (рис. 2 – 11,12) и одна пронизка (рис. 2 - 20).

Курган 5. Под насыпью диаметром около 9,5 м находилась подпрямоугольная в плане могила, размерами 2,7х2,15 м, глубиной около 2,5 м, ориентированная по линии З-В. В придонной части заполнения ямы в грабительском шурфе встречены кости и череп человека.

Грабители выбросили или сместили кости находившегося по центру взрослого человека, но костяк воина у южной стенки почти не пострадал. Умерший был уложен на спину, вытянуто, головой на восток. В головах его обнаружен развал керамического сосуда. В районе черепа и тазовых костей найдено около 200 фрагментов золотой фольги (рис. 4 – 7-36). Несколько фрагментов происходят от головного убора, где они украшали рога

оленя (рис. 4 – 28,29), деревянные стержни (рис 4 – 15), наклеивались в составе каких-то композиций (рис. 4 – 8,10,12-14,16-20,27,33 и др.). Округлые обкладки, вероятно, происходят от различных бляшек и пуговиц поясной гарнитуры (рис. 4 – 22). По верхней кромке тазовых костей прослеживался кожаный поясной ремень.

В нижней части тазовых костей расчищен бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти, располагавшейся между бедренных костей (рис. 4 – 1). У правой бедренной кости лежал плохо сохранившийся боевой полноразмерный железный кинжал (рис. 4 – 2), а рядом с его рукоятью – изготовленная из очень твёрдого бронзового зеркала (?) пластина с двумя пробитыми отверстиями (рис. 4 – 4). После расчистки от окислов у кинжала выявлено антеновидное навершие. По всей видимости было и не сохранившееся перекрестие из двух сваренных пластинок. Форма перекрестия не устанавливается.

Второй, находившийся к северу человек, судя по, возможно, не смещённой плечевой кости, также был уложен на спину. По всей видимости, это была женщина, которой принадлежали две серьги с шаровидными сердоликовыми бусинами на золотой проволочке (рис. 4 – 5,6). К ней относятся и помещённые в расположенной к северу «хозяйственной» части могилы керамический сосуд и железный нож с кольчатым навершием (рис. 4 – 3).

У северной стенки могилы находились костяки двух лошадей. Одна взнузданная лошадь «собственного седла» была уложена параллельно умершим, мордой на восток, а вторая помещалась сзади, частично перекрывая первую. У черепа первой взнузданной лошади находились детали уздечки: железные удила, два роговых псалия (рис. 3 – 1,2), десять роговых пронизок, в том числе семь с «глазками» (рис. 3 – 5-14), роговая застёжка подбородного ремня (рис. 3 – 3) и роговой чумбурный блок (рис. 3 – 4). В центральной части костяка найдено 14 роговых изделий: подпружная пряжка с носиком (рис. 3 – 15), две бляхи с отверстиями для нагрудного ремня (рис. 3 – 27,28), семь седельных бляшек с большими отверстиями (рис. 3 – 16-18,23-26) и четыре дисковидных седельных пронизки (рис. 3 – 19-22).

Датировка.

Курган №2. Наиболее ранним в исследованной цепочке является курган №2. Такое заключение можно сделать по обнаруженному здесь сбруйному набору, чему не противоречит и расположение кургана в южной части цепочки. К настоящему времени в горах и на равнине Алтая, а также на прилегающих территориях накоплен значительный материал, позволяющий вычленить достаточно надёжные хронологические индикаторы и, соответственно, разграничить во времени наиболее представительные комплексы VII-V вв. до н.э. (Суразаков А.С., 1988; Марсадолов Л.С., 1996; Шульга П.И., 1998; 2004; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 2004; Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И., 2005). Курган №2 может быть надёжно отнесён к группе самых ранних пазырыкских захоронений (авторы придерживаются традиционных датировок, согласно которым Башадар-2 и Туэкта-1,2 сооружались около середины VI в. до н. э., а Пазырык-1,2 – в середине V в. до н.э.).

Наиболее значимыми датирующими изделиями в наборе кургана №2 являются бронзовые двоители нащёчных ремней и полукруглая пронизка (рис. 2 – 5-7). Наборы с двоителями характеры только для самых ранних погребальных комплексов каменской, быстрянской, пазырыкской и саглынской культур (Новый Шарап-2, Кузнецк-1/5, Юбилейный-2, Майма-19, Тыткескень-6, Кайнду, малый туэктинский курган, Туран-1, к. 93 и др.). Показательно, что только в этих комплексах обнаружены переходные псалии с тремя отверстиями (Кайнду) и с намеченным третьим отверстием (Майма-19). Во всех из них, за исключением Н. Шарапа-2 имеются украшавшие уздечные ремни полукруглые пронизки (рис. 2 – 5), а в некоторых дополнительно овальные и кольцевые (рис. 6 – 2). Последние имеют наиболее широкое распространение в раннескифское время и довольно редко встречаются на Саяно-Алтае даже в самых ранних комплексах пазырыкской и синхронных ей культур. Заменяющие их на уздечке бронзовые полукруглые и железные скобчатые пронизки в небольшом количестве появляются уже в поздних раннескифских наборах, но время их использования на территории от Урала до Тувы в основном ограничивается рамками VI в. до н.э. (Шульга П.И., 1998а-в, 2004; и др.).

Бронзовые распределители на уздечке (в пазырыкское время на нагрудных ремнях они уже не встречаются) использовались, возможно, несколько дольше – до начала V в.

до н. э. В датирующихся второй половиной V в. до н.э. курганах в урочище Пазырык и в других синхронных им на Алтае нет уже ни одного распределителя. Более того, по публикациям нет распределителей ни на одном сбруйном наборе в Башадаре-2 и Туэкте-1,2. Распределители являются несомненным показателем наличия узды раннескифского типа, поскольку могут применяться только в такой сбруе с округлыми ремнями, перекрещивающимися по раннескифскому принципу (рис. 6 – 2). В Башадаре-2, Туэкте-1,2 ремни уже сшивались или крепились узелками в прорезях как в последующее время (Руденко С.И., 1960, с. 68,70,124). Не останавливаясь на чрезвычайно интересном и важном вопросе об относительной хронологии Башадара и Туэкты, отметим лишь, что в настоящее время имеются веские основания считать их более поздними, чем упомянутые выше комплексы с двоителями и другой ранней фурнитурой.

К датирующим может быть отнесена и роговая пряжка со шпеньком (рис. 2 – 9). Такие пряжки в значительном количестве представлены в Башадаре-2, Туэкте-1 (Руденко С.И., 1960, табл. XLI, рис. 81) и других ранних комплексах. Время их бытования было ограничено не модой на ту или иную форму, а постепенной заменой одного принципа застёгивания подпруги на другой. Так, в Башадаре-2 и Туэкте-1 на шпенёк застёгивался конец того же верхнего подпружного ремня, на котором находилась пряжка (рис. 6 – 5). В распространившихся позднее повсеместно пряжках с выступающим вперёд носиком, на этот «язычок» надевался уже конец нижнего подпружного ремня (рис. 6 – 6), точно так же как застёгивались поясные ремни (рис. 6 – 7).

Итак, сбруйный набор из кургана №2 может быть датирован даже ранее Башадара-2 и Туэкты-1,2, однако это находится в явном противоречии с традиционными взглядами на хронологию найденных там же вотивных бронзовых кинжала длиной 20,7 см и чекана длиной 13,1 см (рис. 1 – 3,4). Аналогичная картина в кургане №5 из Арагола, где «поздние» «шибинского этапа» вотивные бронзовые кинжал с прямым перекрестием и чекан находились в одном комплексе с ранними сбруей, серьгой с припаянным малым колечком и трапециевидной прорезной поясной обоймой (Марсадолов Л.С., 1997). Противоречие может быть разрешено двумя путями: 1) признать существование сбруи раннего типа (как ременной конструкции, так и фурнитуры) без изменений до IV-III вв. до н.э., 2) признать, что в Горном Алтае, как и в Минусинской котловине, уже на самом раннем этапе пазырыкской культуры существовала традиция помещать в захоронения, как настоящее боевое железное оружие, так и специально отлитые из бронзы для погребения модели кинжалов и чеканов.

Имеющиеся материалы подтверждают второе положение. В VII-IV вв. до н.э. сбруя неоднократно синхронно видоизменяется на большой территории. Одновременно происходит изменение звериного стиля, поясной фурнитуры, украшений и другого инвентаря, что в совокупности позволяет охарактеризовать тот или иной культурно-хронологический пласт. В поздние погребальные комплексы более ранняя сбруйная фурнитура попадает крайне редко и не наборами, а разрозненными предметами. Что же касается кинжалов и чеканов, то анализ вооружения с Верхнего Приобья и Горного Алтая дает основания утверждать, что, по меньшей мере, с середины VI в. до н.э. все боевые кинжалы и чеканы изготавливались из железа (см.: Кубарев В.Д,, 1981, с. 32; Суразаков А.С., 1988, с. 40,52; Уманский А.П., Шульга П.И., 2005, с. 131). Следует отметить, что по определениям С.В. Хаврина бронза деталей сбруи из кургана №2 высокооловянистая как в раннескифских наборах.

Курган №5. Даже при беглом знакомстве со сбруйным набором из кургана №5 видно доходящее до тождества сходство с наборами из Третьего и Четвёртого Пазырыкских курганов (сравнить с рис. 5). Там мы находим очень близкие псалии с врезным подтреугольным орнаментом, аналогичные уздечные пронизки с «глазками», чумбурные блоки, застёжки подбородного ремня с косо срезанным основанием, пряжки с выступающим носиком, седельные подвесные бляхи и накладки на верхний подпружный ремень для привязывания нагрудного ремня. Подобный же, но более ранний роговой набор происходит из раскопок В.Д. Кубарева в Боротале. Нет сомнений, что перед нами определённый, в какой-то мере стандартизированный, тип рогового набора, бытовавшего на всей терри-

тории распространения пазырыкской культуры в Горном Алтае, за исключением, быть может, его юго-восточной (верховья Чуи и Аргута) и южной (Восточный Казахстан) частей.

Хронологическая близость этих наборов несомненна. Согласно плавающей дендрошкале по Л.С. Марсадолову, Пазырык-4 был сооружён примерно через десять лет после Второго и Первого Пазырыкских курганов, а Пазырык-3 – через 40 лет (Марсадолов, 1988, табл. 3). Повторный анализ древесных стволов дал иные результаты: курганы №3 и №4 поменялись местами. Соответственно, Третий курган стал старше Четвёртого на 30 лет (Слюсаренко И.Ю., 2000, с. 128; и др.). Так или иначе, все они укладываются в рамки второй половины V в. до н.э.*

Судя по изображениям на псалиях из кургана №5 (Чендек-6а), этот набор может оказаться несколько раньше пазырыкских. Дело в том, что имеются все основания считать подтреугольные фигуры на псалиях Пазырыка предельной стилизацией изображения головы своеобразных длинноклювых ушастых орлов, хорошо известных на роговых псалиях раннепазырыкского времени (рис. 5 – 1,2). В прослеживающейся на псалиях эволюции изображений этих существ, экземпляр из Чендека-6а занимает своё значимое промежуточное место между псалиями из Боротала и Пазырыка (рис. 5). Здесь (в к. №5) на сужающемся конце ещё угадывается довольно схематичная головка орла с круглым глазом и загнутым клювом. Промежуточные изображения из Боротала и Чендека-6а показывают, что специфический тип рогового псалия с образом длинноклювого ушастого орла (мифического орла) сохранялся практически на всём протяжении существования пазырыкской культуры. Имеются и другие, обусловленные временем изменения. На псалиях из Ала-Гаила на расширенном конце уже нет традиционного изображения хищника (как правило, кошачьего). На концах псалия из кургана №5 имеются две схематично выполненные головки орлов или грифонов, направленные в разные стороны, как на S-видных псалиях. На хронологические изменения указывает форма псалиев и расположение отверстий. Таким образом, сбруя из кургана №5 может предварительно отнесена к середине V в. до н.э. или к чуть более раннему времени.

Остальной инвентарь, как и в кургане №2 обычно датируется в рамках V-III вв. до н.э. К датирующим могут быть отнесены железные кинжал и нож, но в настоящее время хронология этих изделий нуждается в пересмотре и уточнении. Ещё сложнее положение с датировкой железных ножей, поскольку железные ножи как с кольчатым навершием, так и простые пластинчатые непрерывно бытуют на Алтае уже с раннескифского времени (см. Шульга П.И., 2004; Уманский А.П., Шульга П.И., 2005). Традиционное обращение к «общепризнанным» удалённым от Алтая аналогиям, зачастую приводит исследователей в тупик. В качестве примера можно сопоставить материалы курганов №2 и №5. По сбруе курган №2 несомненно раньше, а вот оружие в нём выглядит даже более поздним, чем в кургане №5, поскольку в кургане №5 кинжал с точно таким же антеновидным навершием не вотивный бронзовый, а железный боевой.

Итак, если исходить из приведённых выше обоснований, то расположенные в одной цепочке в непосредственной близости курганы №2 и №5 разделяет период примерно в сто лет, а если принять плавающую дендрошкалу по И.М. Заматорину и Л.С. Марсадолову (Марсадолов Л.С., 1988, с. 75), то не менее 130 лет. Однако имеющиеся в Горном Алтае точные наблюдения (пока, к сожалению, немногочисленные) по хронологии расположенных в одной цепочке курганов пазырыкской культуры показывают значительно меньшие интервалы. Третий и Четвёртый Пазырыкские курганы разделяет 30 лет (Марсадолов, 1988; Слюсаренко И.Ю., 2000, с. 128), не более 50 лет разница между курганами в Уландрыке-1 (Быков Н.И., Быкова В.А., Панюшкина И.П., Слюсаренко И.Ю., 2004, рис. 1, с. 261), в течение 39 лет сооружены курганы Укока (Слюсаренко И.Ю., 2000, с. 126; и др.). Между тем, не исключено, что временной промежуток между Туэктой-1 и Пазырыком-1,2

* Следует отметить, что в последнее десятилетие появляется всё больше сторонников омоложения абсолютной даты курганов в урочище Пазырык (а также синхронных с ним) примерно на 150 лет (Васильев С.С., Слюсаренко И.Ю., Чугунов К.В., 2003; и др.). Однако в этом случае возникает целый ряд пока неразрешимых противоречий с археологическим материалом и до решения вопроса об относительной хронологии курганов Саяно-Алтая принятие новых дат приведёт лишь к путанице (см.: Марсадолов Л.С., 2003; Шульга П.И., 2003, с. 106-107; и др.).

окажется значительно меньше. В пользу этого говорят результаты сопоставления дендрошкал из тувинских и алтайских памятников, согласно которым курганы Догээ-Баары-2 (не менее древние, чем Башадар-2 и Туэкта-1) старше Пазырыка-1,2 не на 130-140, а лишь на 80-90 лет (Васильев С.С., Слюсаренко И.Ю., Чугунов К.В., 2003, с. 25).

При существующем разнобое в датировках, едва ли возможно с достаточной уверенностью определить временной промежуток между курганами №2 и №5 из Чендека-6а, но очевидно, что они относятся к разным хронологическим периодам пазырыкской культуры.

Сбруйные наборы.

Набор из кургана №2. Детали уздечки представлены железными удилами со звеньями длиной по 11,5 см с округлыми внешними кольцами внутренним диаметром по 3 см (рис. 2 – 1). Судя по значительной сработанности внутренних колец, до погребения удила долгое время находились в эксплуатации. Удила отличаются качественной ковкой. Концы железных подквадратных в сечении прутов практически не видны. Правое звено с параллельными кольцами изготовлено из одного сложенного вдвое прута. При изготовлении левого звена с перпендикулярно расположенными кольцами прут должен был несколько перекручиваться, но на поверхности этого не заметно. Внешние кольца в сечении округлые. Псалии, по всей видимости, были деревянными и не сохранились.

Ремни уздечки не сохранились, но по наличию трёх распределителей (полный комплект должен состоять из четырёх) от перекрестий суголовных ремней с наносным и подбородным ремнями, в одном из которых сохранилось два перекрещивающихся ремешка (рис. 2 – 3), узда относится к раннему типу, распространённому на начальном этапе «савроматской», каменской, быстрянской пазырыкской, саглынской и других синхронных культур (рис. 6 – 2; Шульга П.И., 1998; 2005). Уздечка этого типа почти полностью сохраняет конструкцию раннескифской. Овальным ремням уздечки соответствовали овальные, полукруглые и кольцевидные пронизки (рис. 2 – 5; 6 – 2). Отличие новой уздечки, вероятно, заключалось в удалении от удил наносного ремня (Шульга П.И., 2005, с. 38-39). Возможно, с этим было связано появление двоителей, хотя, судя по единственной сохранившейся с ремнями в малых туэктинских курганах уздечке этого типа (рис. 6 – 2; Киселёв С.В., 1951, табл. XXVIII), она полностью копировала раннескифскую. Наличие на туэктинской уздечке двоителей никаких изменений в конструкцию не внесло. Уже в Башадаре-2 и Туэкте-1 узда раннескифского типа заменяется на типично пазырыкскую без распределителей, где перекрещивающиеся сшивались, переплетались или крепились узелками в прорезях, а нащёчные ремни могли образовываться простым разрезанием суголовных ремней.

Не останавливаясь на детальном описании фурнитуры, обратим внимание лишь на распределители из кургана №2. Это уже не копия раннескифской формы (как в малых туэктинских курганах, рис. 6 – 2), а распределители новой эпохи с зауженным основанием и выделяющимся специфическим коническим щитком как у синхронно бытовавших сбруйных и поясных бляшек. Единственным роговым изделием в уздечке был чумбурный блок. Появляющиеся уже в раннескифское время чумбурные блоки всегда крепились с левой стороны (рис. 6 – 1; см. Руденко С.И., 1953, с. 154-155; 1960, с. 224-225), но как ни странно, многие исследователи (Полосьмак Н.В., 1994; 2001, рис. 54, 61; Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, с. 31, рис. 12; и др.) до настоящего времени продолжают воспроизводить основанные на ошибочной реконструкции рисунки М.П. Грязнова (1950, рис. 6-9, 11-15, 17, 20), где чумбур и блок помещены справа.

Остальные 12 роговых изделий относятся к седельным ремням. Судя по хорошо сохранившимся сёдлам из курганов в урочище Пазырык (рис. 6 – 4), крупная щитовидная бляха с овальным отверстием размерами 24х21 мм (рис. 2 – 10) являлась «подвеской на подпружный ремень» (Руденко С.И., 1953, табл. LIX, 12-14). В Пазырыкских курганах №3 и №6 такого типа бляхи находились «у верхних подпружных ремней» (Руденко С.И., 1953, с. 200). Исходя из этого и, вероятно, явной аналогии с усиливавшими концы верхнего подпружного ремня (приструги) кожаными накладками (рис. 6 – 4), С.И. Руденко определил их как «пряжки-накладки на концы верхнего подпружного ремня» (1953, с. 214), через которые пропускались концы нижнего подпружного ремня. Заполированность краёв отверстия в бляхе из кургана №2 от длительного использования служит тому подтверждением.

Подпружная пряжка (рис. 2 – 9), по имеющимся данным, крепилась на конце левого подпружного ремня шпеньком вниз как в раннескифской, так и в пазырыкской сбруе. Способ застёгивания подпруги с такими пряжками впервые графически продемонстрирован Е.В. Степановой на материалах Башадара-2 и Туэкты-1 (рис. 6 – 5; Степанова Е.В., 2005, рис. 1 – 2,3). Однако по непонятным причинам пряжка располагается Е.В. Степановой не на верхнем, а на нижнем подпружном ремне и шпеньком вверх (как в современной сбруе), хотя у С.И. Руденко неоднократно указывается обратное (1960, с. 74,75,77,79).

Расположение девяти роговых блях также определяется по материалам из курганов в урочище Пазырык. Подчеркнём, что основанием для реконструкции являются не только сбруйные наборы с роговыми бляхами, но и с деревянными. Последние крепились на седельных ремнях аналогичным образом (Руденко С.И., 1953). Пожалуй, единственным существенным различием между роговыми и деревянными бляхами по опубликованным данным является отсутствие у последних крупных отверстий в центральной и нижней частях. По материалам Пазырыка на седельных ремнях могло крепиться до 10 таких блях (рис. 6 – 4). Две малые подвешивались к передним лукам (в кургане №2 это видимо бляшки на рис. 2 – 11,12). Четыре бляхи (с отверстиями и без них) крепились на концах выглядывавших из-под седельной покрышки двух седельных ремней у передней и задней лук (рис. 6 – 4). Две бляхи находились у задних лук в месте привязывания подхвостных ремней. Ещё две бляхи с отверстиями и без них (в кургане №2 это бляха на рис. 2 – 10), крепились на концах верхнего подпружного ремня. Как описывалось выше, они могли быть накладками с крупными отверстиями для пропускания нижнего подпружного ремня. В этих местах встречались и деревянные бляхи без отверстий, и в этом случае они были декоративными. Бляхи с отверстиями меньшего диаметра могли использоваться для подвешивания на ремешках разнообразных предметов и украшений, однако в опубликованных материалах Пазырыка информация о функциональном назначении этих отверстий отсутствует. Неясным остаётся и назначение сужающихся желобков, направленных вверх от отверстий (рис. 2 – 14-16). Они известны на бляшках в обоих курганах Чендека-6а, Пазырыке, в наборах из раскопок В.Д. Кубарева и других. При этом аналогичный желобок вырезался и с оборотной стороны, иногда доходя до отверстий в верхней части бляшек. Создаётся впечатление о функциональном назначении желобков. Вполне вероятно, они служили ложем для нити или тонкого ремешка, охватывавшего через отверстие верхнюю часть бляшки.

У задних лук в Пазырыке помимо подвесных бляшек находилось по две круглых в плане пронизки с отверстиями по центру, изготавливавшихся из роговых пластин. Через них пропускались ремни, к которым привязывался подхвостник. В кургане №2 имеется только одна пронизка такого типа (рис. 2 – 20). Теоретически эти пронизки могли использоваться в качестве ворворки для соединения на затылке лошади суголовных ремней. Так они, например, расположены в реконструкции А.П. Бородовского (1988, рис. 1 – 2). Однако достоверных оснований для этого нет, поскольку ворворки на суголовных ремнях узды и на поясах с раннескифского времени имеют ярко выраженную коническую форму. Именно такие роговые (?) конические пронизки-застёжки для фиксации на затылке суголовных ремней видны на реконструкциях трёх уздечек из Первого Пазырыкского кургана (Грязнов М.П., 1950, рис. 9, 15, 17). По имеющимся данным пронизка из кургана №2 относится к седельным.

Набор из кургана №5.

Все роговые изделия, за исключением псалиев, имели хорошо заметную заполированность от использования. Детали уздечки представлены железными удилами, роговыми псалиями, пронизками, чумбурным блоком и застёжкой подбородного ремня (рис. 3 – 1-4). Сохранность удил несколько хуже, чем в кургане №2, а потому утончённость внутренних колец нельзя с определённостью определить как следы сработанности. Удила почти идентичны найденным в кургане №2. Изготовлены из квадратного в сечении прута. Длина звеньев по 11,5-12 см, внешние кольца округлые внутренним диаметром по 2,5 см. Внутренний конец одного из звеньев удил имеет подтреугольную форму, но нельзя исключить, что это в большей степени результат коррозии.

Уплощённые двудырчатые псалии длиной по 15,5 см с отверстиями диаметром 7-8 мм имеют традиционную для таких изделий форму – расширяющийся конец заовален, а сужающийся срезан под прямым углом (рис. 3 – 1). В отличие от большинства роговых псалий они изготовлены не из цельного отростка, а из роговой пластины или разрезанного повдоль отростка большого диаметра. Вследствие этого каждый псалий имеет лицевую сторону из компактного вещества и оборотную пористую. Следов сработанности от удил на псалиях незаметно. На лицевой стороне правого псалия по внешним сторонам от отверстий низким рельефом вырезано два круглых зрачка глаза, от которых к концам псалия направлены схематично выполненные клювы стилизованных орлов или грифонов. При этом внутренние стороны клювов образуют полукруг вокруг зрачка. Очевидно, что мастер подразумевал здесь такие же «глазки», как на пронизках в этом же наборе и наборах из Третьего и Четвёртого Пазырыкских курганов. С этой целью он даже немного продолжил внешний контур глаза в нижней части псалия. Это продолжение можно расценивать как подсказку, поскольку сам мастер, по всей видимости, следовал определённым канонам (см. рис. 5 – 4,5) и не собирался вырезать весь глаз и головку. Судя по всему, головка одной птицы была традиционно повёрнута вверх по ходу загибающегося сужающегося конца псалия (см. рис. 5 – 1-4). Вторая же головка направлена в противоположную сторону, как это наблюдается на S-видных псалиях. На левом псалии был размечен и слабо прорезан только один зрачок. По каким-то причинам работа на этом была прекращена. На основании крайне условных, превратившихся в орнамент, изображений из Третьего и Четвёртого Пазырыкских курганов С.И. Руденко не посчитал возможным определить принадлежность «глаз» и тем более треугольных фигур к какому-либо существу (Руденко С.И., 1953, с. 186, с. 201, табл. LXII-LXIV; 1960, с. 246 и др.). Благодаря же изображениям на правом псалии из Чендека-6а, найденном совместно с пронизками в виде глаза, мы наконец-то получили основание для интерпретации подобных фигур. Очевидно, они связаны с особой линией стилизации располагавшихся на ранних роговых псалиях длинноклювых ушастых орлов (рис. 5 – 1-5). На псалиях из Чендека-6а это ещё узнаваемые фигуры, на псалиях из Третьего кургана изображение в приострённой части то же, но предельно упрощено – роль зрачка играет отверстие. На этом же псалии в расширенной части имеется треугольник с обратной ориентацией. Судя по материалам из Четвёртого Пазырыкского кургана с обратной направленностью треугольных фигур на роговых и деревянных псалиях (рис. 5; Руденко С.И., 1953, табл. LX, LXII-LXIV), в это время истоки этих взаимосвязанных орнаментов уже плохо осознавались.

Роговые пронизки изготавливались из округлых в сечении отростков рогов марала (?) диаметром от 2,7 до 1,9 см. Не исключено, что все пронизки сделаны из одного отростка. Первоначально рог распиливался на совершенно одинаковые дольки шириной около 17 мм (пронизки с «глазками») или 14 мм (простые пронизки без орнамента). Затем по центру заготовки выбиралась пористая часть рога в виде отверстия диаметром 10 мм. При этом диаметр отверстия почти во всех случаях был одинаковым, независимо от диаметра заготовок. За счёт срезания внешних краёв пронизкам придавалась округлая форма, после чего на семи вырезался орнамент. Три пронизки орнамента не имели (рис. 3 – 12-14). У трёх пронизок прилегающая к голове лошади сторона была намеренно уплощена (рис. 3 – 10,12,13), а позднее заполирована в ходе использования. Аналогичную особенность имели роговые пронизки из Пазырыка (Руденко С.И., 1953, с. 186).

Округлый в сечении чумбурный блок длиной 3,5 см с двумя перпендикулярными и одним продольным отверстиями также изготавливался из отростка рога (рис. 3 – 4). Крупное отверстие диаметром около 8 мм предназначалось для пропускания чумбура, а малое диаметром 3 мм для ремешка, фиксировавшего левый конец повода. Как и в Третьем Пазырыкском кургане конец повода вставлялся в проделанное по центру постепенно сужающееся продольное отверстие диаметром в средней части 8 мм. В уздечный набор входила и костяная (роговая ?) застёжка подбородного ремня с косо срезанным основанием (рис. 3 – 3). Край её зауженной части был немного обломан в древности.

К седельной фурнитуре относятся семь однотипных бляшек длиной от 4,4 до 5,2 см с крупными отверстиями диаметром 8-9 мм в нижней расширяющейся части (рис. 3 – 16-18,23-26). В верхней части всех бляшек имеются характерные желобки. На сёдлах из Па-

зырыкских курганов подобные малые узкие роговые и деревянные бляшки (с отверстиями и без) обычно крепились по одной к каждой из передних лук седла, другие бляшки различались по форме в зависимости от места расположения (рис. 6 – 4). На седле из кургана №5 Чендека-6а бляшки были одинаковые и, по всей видимости, нашивались на все традиционные места, кроме концов верхнего подпружного ремня. В этом случае должно быть восемь бляшек, но одна из них, возможно, утрачена до похорон или не сохранилась в погребении.

Помимо седельных блях в набор из кургана №5 входило четыре пронизки с отверстиями в центре (рис. 3 – 19-22). Однако в наборах из Пазырыка отмечается не по четыре, а только по две пронизки у задних лук сёдел. Они использовались для крепления в задних луках седла ремней, к которым привязывались концы подхвостника (Руденко С.И., 1953, с. 187, и др.). Соответственно две пронизки в кургане №5 как будто оказываются лишними, но, набор из кургана №5 не исключение. По четыре пронизки найдены в двух сбруйных наборах Боротала и Ала-Гаила. Четыре однотипных пронизки и в Сибирке-1. Из этого можно было бы заключить, что в отличие от Пазырыка эти сёдла имели по четыре таких пронизки. Однако настораживает, что во всех четырёх указанных погребениях было по две лошади, хотя везде и отмечается нахождение наборов только у одной из них (кроме Сибирки-1).

Подпружная пряжка-застёжка из толстой роговой пластины (рис. 3 – 15) относится к широко распространяющемуся в среднепазырыкских комплексах типу, отмеченному и в курганах Пазырыка. Такие пряжки располагались также на левом конце верхнего подпружного ремня носиком вниз. Способ застёгивания с такими пряжками отличался от зафиксированного в Башадаре-2 (сравнить, рис. 6 – 5 и 6). В набор входили и две накладки, имевшие по одному крупному отверстию со стандартным диаметром по 8 мм для пропускания концов нагрудного ремня (рис. 3 – 27,28). К верхнему подпружному ремню они прихватывались ремешками через расположенные по краям отверстия диаметром около 3 мм. Эти бляхи также носят следы использования.

В данной работе удалось лишь кратко затронуть вопросы датировки наборов из Чендека-6а и функционального назначения входящих в него деталей. Достаточно глубокий анализ этих и других роговых наборов можно сделать только с привлечением всего массива материала, имеющегося по снаряжению верховой лошади на Алтае и прилегающих территориях. Остановимся лишь на вопросе появления роговых наборов на Алтае и их распространения.

В раннескифских сбруйных наборах в восточной части Евразии изделия из рога встречаются крайне редко и, как правило, представлены псалиями. Несколько чаще изделия из рога (кости) находят на Алтае (Карбан-1, Айрыдаш-4), но только в одном небольшом наборе из Бийке все изделия из рога и кости (Тишкин А.А., 1996, рис. 12). Единичные роговые пряжки и распределители в это время полностью копируют бронзовые образцы (Дёмин М.А., Гельмель Ю.И., 1992, рис. 3,4; Кочеев В.А., 2000, рис. 5). В целом же, рог для изготовления сбруйной фурнитуры не использовался.

После обнаружения роговых наборов в Караколе и Пазырыке (к. 2, 3, 4, 6), вполне логично было предполагать их появление только на среднепазырыкском этапе не ранее второй половины V в. до н.э. Полное отсутствие роговых наборов и деревянных седельных блях в представительных материалах Башадара-2 и Туэкты-1,2, казалось бы, служили тому весомым подтверждением. Однако это не так. Роговые псалии с четырьмя пронизками и двумя накладками на подпружные ремни найдены в Сибирке-1. Захоронение было отнесено к V-III вв. до н.э. (Бородовский А.П., 1988, с. 73, 75; Полосьмак Н.В., 1990, с. 104), но по погребальному обряду и инвентарю оно может датироваться не позже середины VI в. до н.э. Около середины VI в. до н.э. датируется и курган №2 из Чендека-6а, а также представительный материал с набором из Боротала (к. 99). К раннепазыкскому времени, по-видимому, относится и набор из Ала-Гаила (раскопки В.Д. Кубарева).

Таким образом, роговые наборы с разнообразными бляхами, накладками и пронизками появляется в Горном Алтае уже на раннепазырыкском этапе. При этом важно подчеркнуть, что в отличие от набора из Берели (Самашев З.С., Бородовский А.П., 2004), это не воспроизведение в роге оформленных в зверином стиле подвесных сбруйных дере-

вянных блях пазырыкской культуры, а совершенно иная традиция. Интересно, что характерные для рассматриваемых наборов модификации роговых седельных блях имели достаточно широкое распространение в это время в предгорьях и Верхнем Приобье, но их (включая аналогичные деревянные) совсем нет в верховьях Чуи и Аргута даже в мерзлотных захоронениях, где сохраняются изделия из дерева (см.: Кубарев В.Д., 1987; 1991; 1992; Полосьмак Н.В., 1994; 2000; 2001; Молодин В.И., 2000; и др.). По опубликованным данным характерных седельных блях, уздечных и седельных пронизок нет и в Восточном Казахстане в Берели (Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А., 2001; Самашев З., Ахметкалиев Р., Алтынбеков К., 2004; Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В., 2005; Самашев З.С., Бородовский А.П., 2004; и др.). Этот пока необъяснимый факт, несомненно, указывает не только на специфику сбруйной фурнитуры на Юго-Восточном Алтае, но и на определённые этнокультурные различия с населением Центрального Алтая.

Литература

1. Бородовский А.П. Снаряжение верхового коня второй половины I тыс. до н. э. (по материалам раскопок на Северо-Западном Алтае) // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. – Новосибирск: Изд-во Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – С. 73-80.
2. Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н. э. – первая половина II тыс. н. э.). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1997. – 224 с.
3. Быков Н.И., Быкова В.А., Панюшкина И.П., Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическая и геодезическо-астрономическая оценка последовательности сооружения курганов в могильниках пазырыкской культуры Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 258-264.
4. Васильев С.С., Слюсаренко И.Ю., Чугунов К.В. Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. – Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 24-27.
5. Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В. Сокровища мерзлотных курганов Казахского Алтая (по материалам могильника Берел). – Алматы: Изд-во ТОО Иль-Тех-Кітап, 2005. – 114 с.
6. Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Изд-во ГЭ, 1950. – 90 с.
7. Дёмин М.А., Гельмель Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, б.и., 1992. – С. 28-34, 170-175.
8. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. – Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 2004. – 282 с.: ил.
9. Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
10. Кочеев В.А. Раннескифские курганы могильника Айрыдаш IV в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – Вып. № 5. – С. 21-30.
11. Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племён Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО, 1981. – С. 29-54.
12. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО, 1987. – 299 с.
13. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО, 1991. – 190 с.
14. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Изд-во «Наука» СО, 1992. – 220 с.
15. Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н. э. // АСГЭ. – Л.: Изд-во Искусство, 1988. – Вып. 29. – С. 65-81.
16. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников VIII-IV веков до н. э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). – СПб., 1996. – 100 с.
17. Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). – СПб., 1997. – Вып. I. – 56 с.
18. Марсадолов Л.С. Ещё раз о последовательности сооружения пазырыкских и бертекских курганов // Степи Евразии в древности и средневековье. – Санкт-Петербург: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 93-103.

19. Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана №3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2000. – С. 86-119.
20. Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990. – С. 101-107.
21. Полосьмак Н.В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: ВО «Наука». Издательская фирма, 1994. – С. 124.
22. Полосьмак Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3. Историко-культурный анализ // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2000. – С. 57-85.
23. Полосьмак Н.В. Всадники Укока.–Новосибирск:Изд-во «ИНФОЛИО-пресс»,2001.–336 с.:ил.
24. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., ил.
25. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с., ил.
26. Самашев З., Ахметкалиев Р., Алтынбеков К. Консервация и реставрация деградированной древесины берельского кургана №11.– Алматы:Изд-во Иль-Тех-Кітап,2004. – 96 с., ил.
27. Самашев З.С., Бородовский А.П. Роговые украшения конской узды и упряжи из Берельского некрополя // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2004. – №3. – С. 82-87.
28. Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. – Алматы: Издательская группа ОФ «Берел», 2001. – 180с.
29. Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2000. – №4(4). – С. 122-130.
30. Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – 160 с.
31. Степанова Е.В. Эволюции подпружных застёжек по материалам курганов Алтая скифского времени // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 109-115.
32. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1989. – 216 с.
33. Телегин А.Н., Бородовский А.П. Резные роговые украшения седла скифского времени с Приобского плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 2005. – Т.XI. – Часть I. – С. 470-475.
34. Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 1996. – С. 20-54.
35. Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 126 с.: ил.
36. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 184 с.
37. Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 51–59, 186–194.
38. Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 204 с., ил.
39. Уманский А.П., Шульга П.И. Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 121-133.
40. Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII — нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1998а. – С. 25–49.

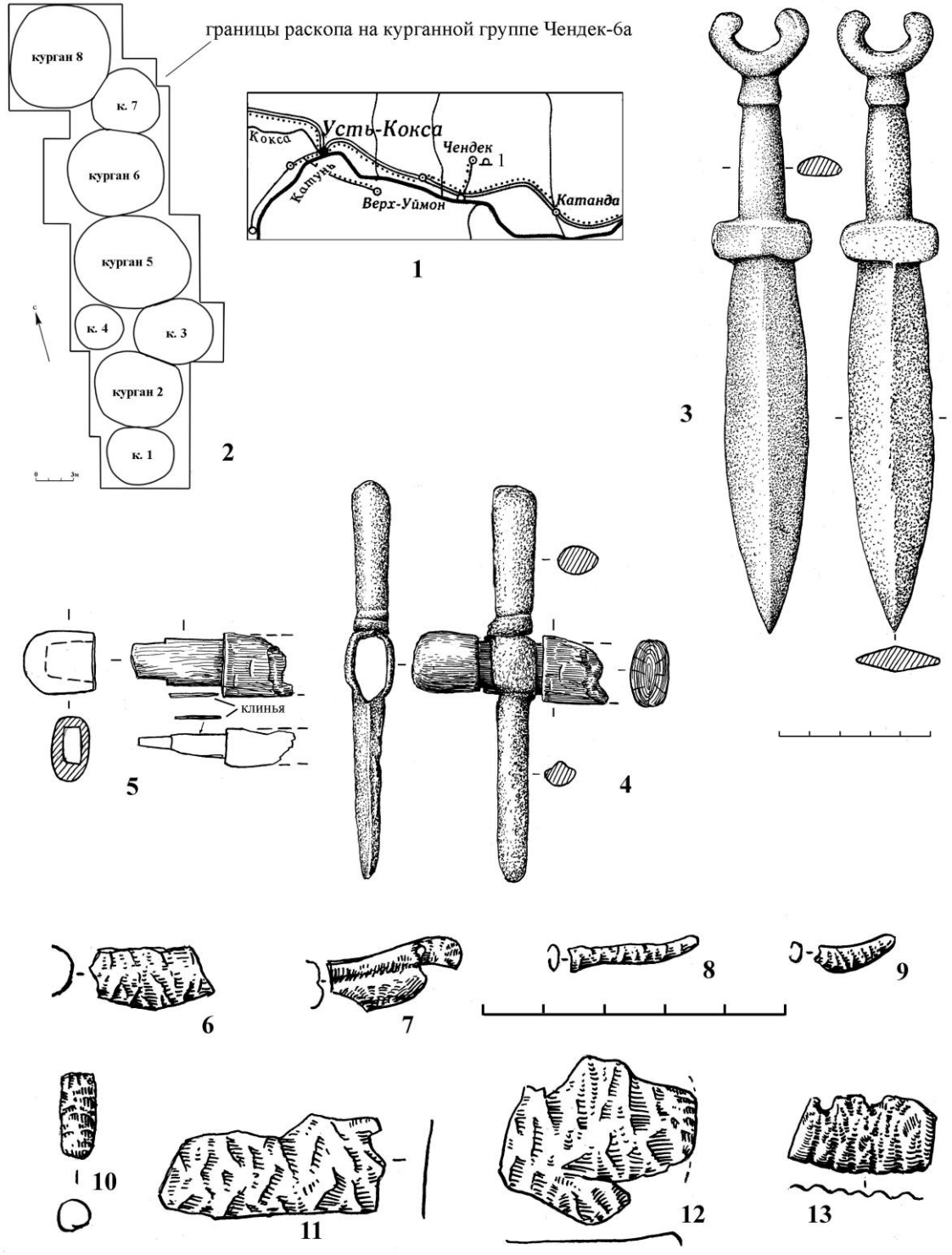

границы раскопа на курганной группе Чендек-6а
курган 8
к. 7
курган 6
курган 5
к. 4
к. 3
курган 2
к. 1
2
Усть-Кокса
Кокса
Чендек
1
Катунь
Верх-Уймон
Катанда
1
3
клинья
5
4
6
7
8
9
10
11
12
13

Рис.1

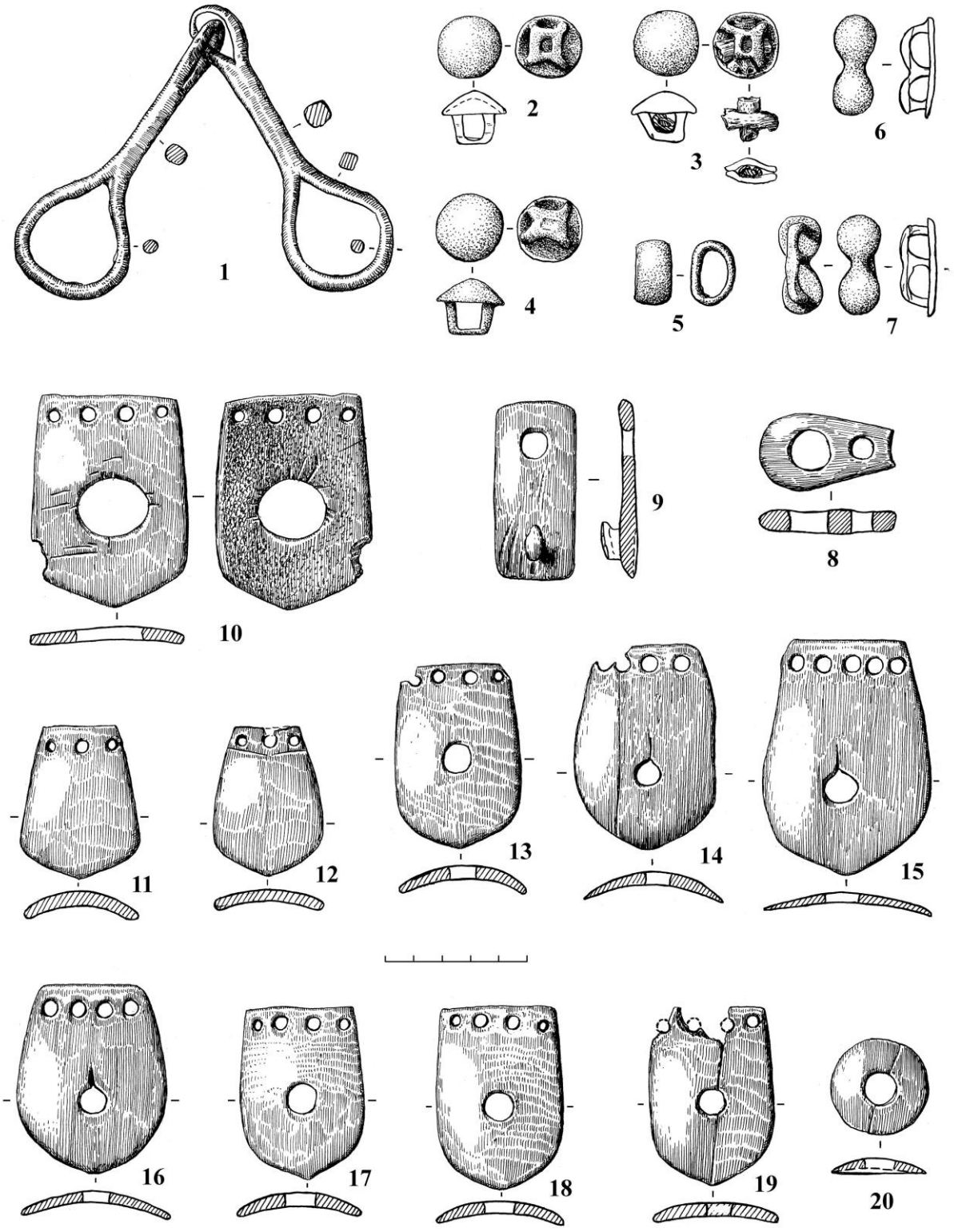


Рис.2

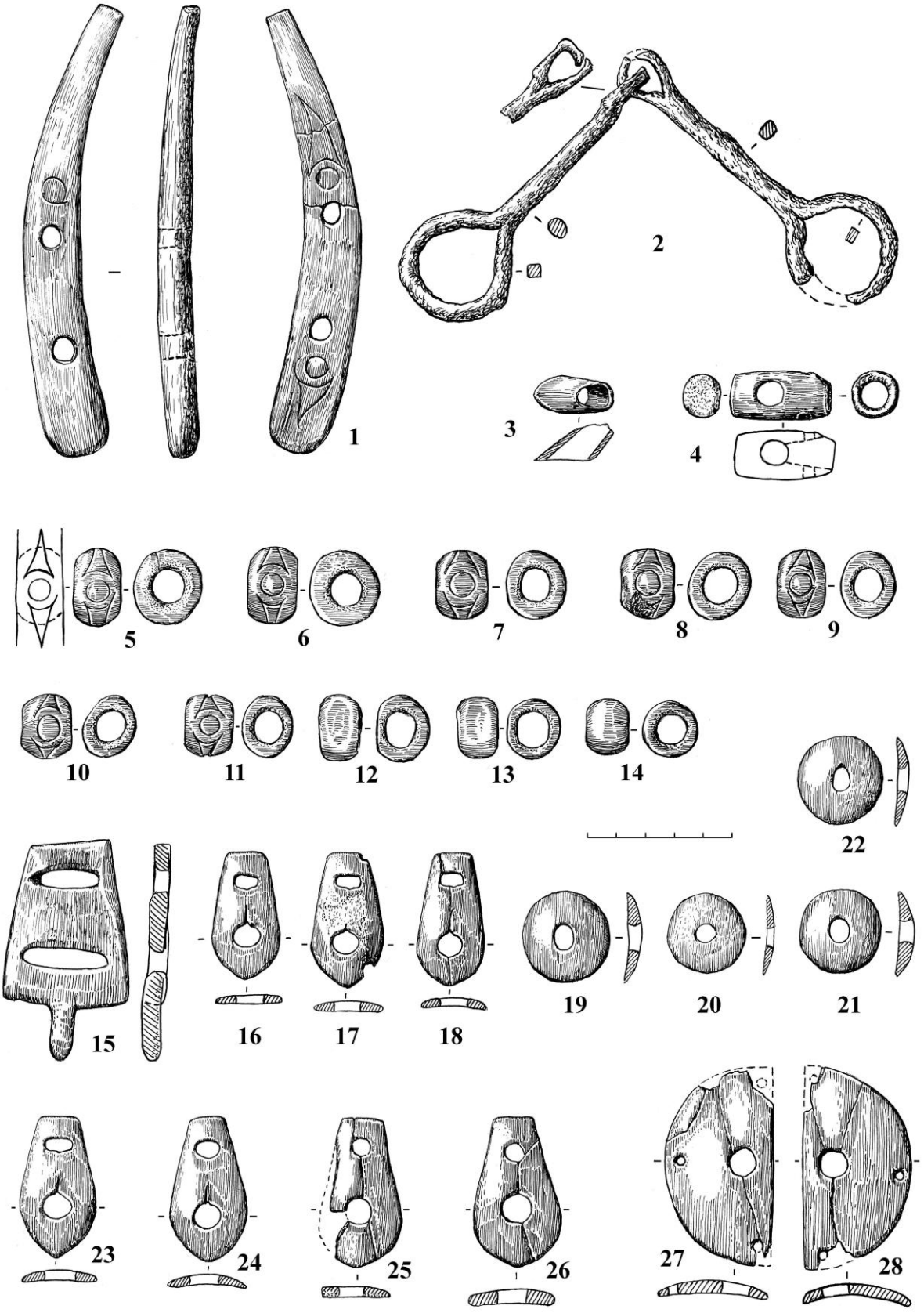


Рис.3

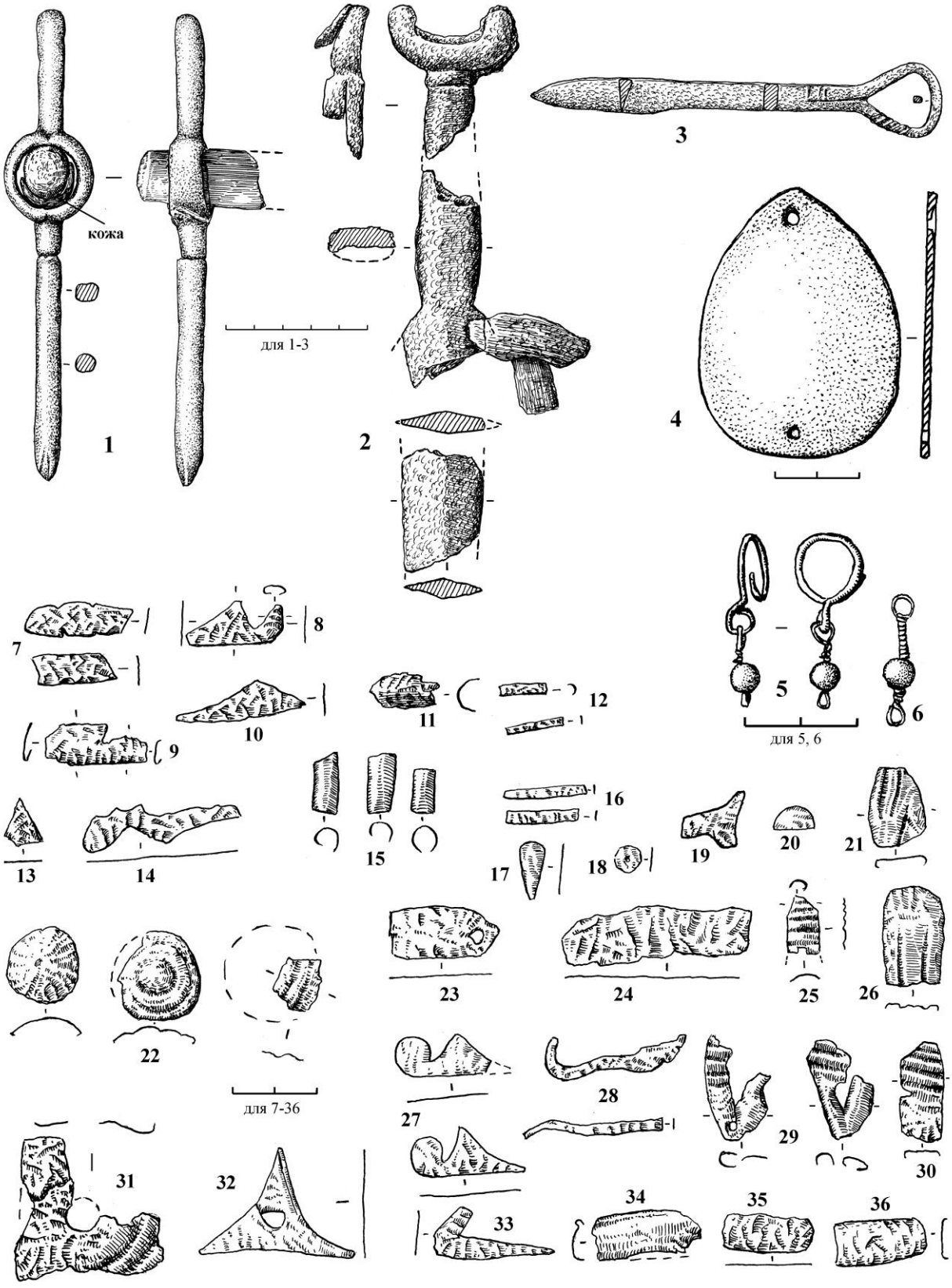
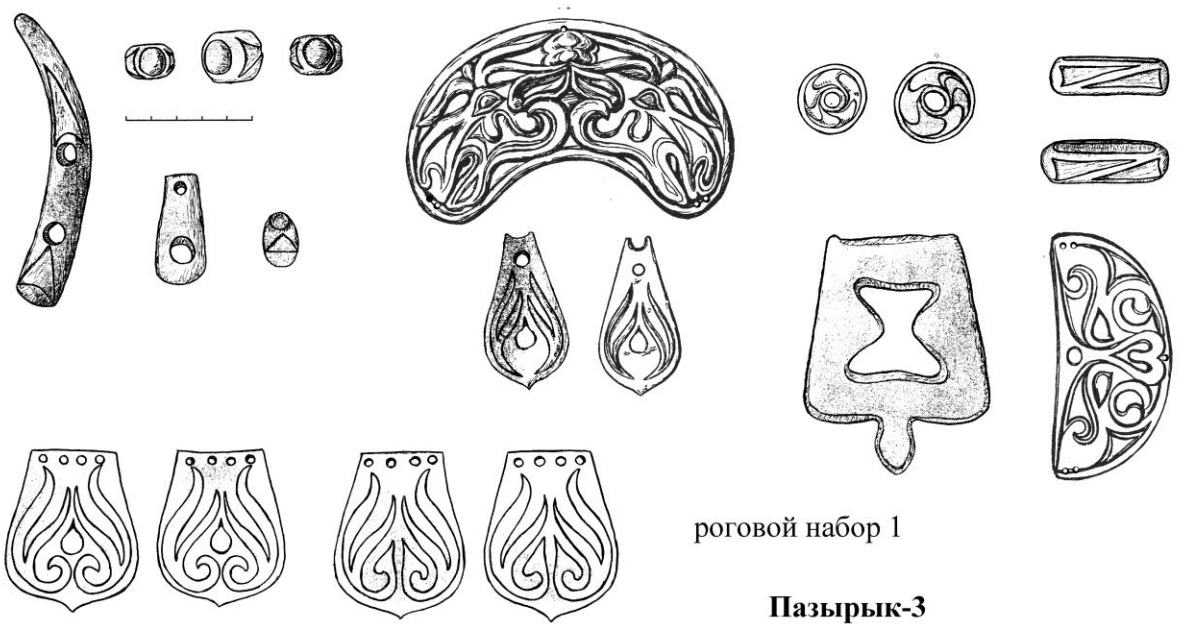

кожа
для 1-3
1
2
3
4
для 5, 6
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
для 7-36
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36

Рис.4



роговой набор 1

Пазырык-3

узда 2

седло 2

Пазырык-4

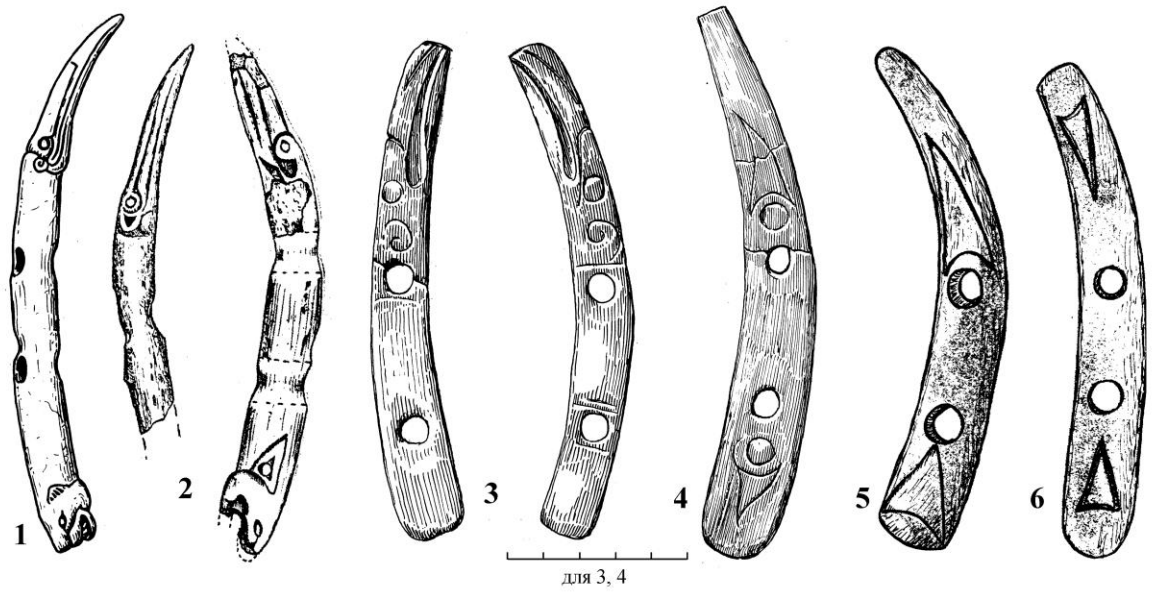


Рис.5

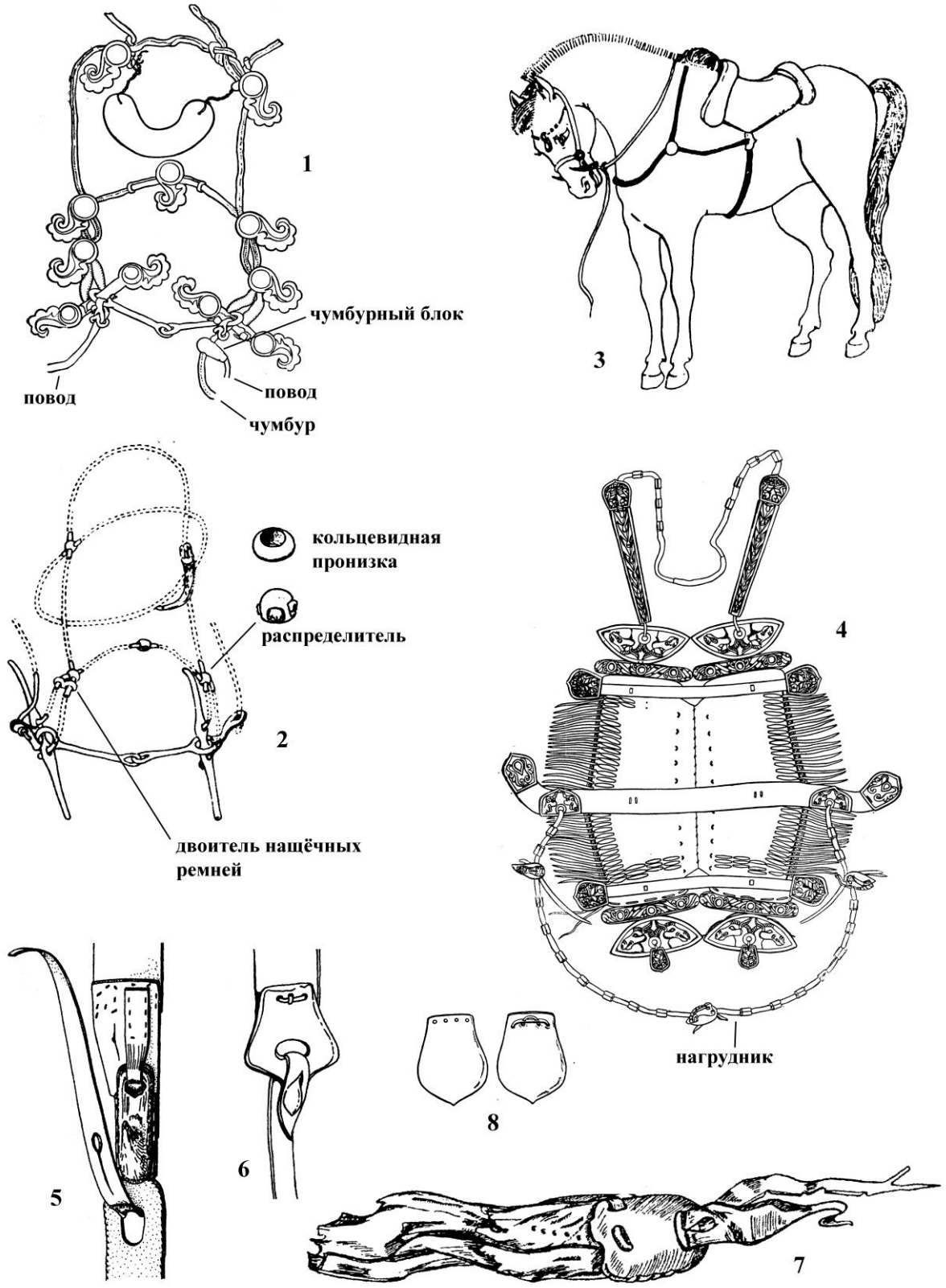

1
чумбурный блок
повод
повод
чумбур
3
кольцевидная пронизка
распределитель
2
двоитель нащёчных ремней
4
нагрудник
5
6
8
7

Рис.6

1. Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-I // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998б. – № 3. – С. 58–69.
2. Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). – Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1998в. – Т. 1. – С. 702–712.
3. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 204 с., ил.
4. Шульга П.И. Датировка ранних памятников каменской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2004. – С. 236-246.
5. Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади // Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 37-53.

Список иллюстраций к статье Киреева С.М. и Шульги П.И.

Рис. 1. Карта расположения могильника Чендек-6 – 1; план раскопа на курганной группе Чендек-6а – 2; инвентарь из погребальной камеры кургана №2 – 3-13. Бронза – 3; бронза, дерево – 4; дерево – 5; золотая фольга – 6-13.

Рис. 2. Сбруйный набор из кургана №2. Железо – 1; бронза – 2,4-7;бронза, кожа – 3;рог – 9-20.

Рис. 3. Сбруйный набор из кургана №5. Железо – 2; рог – 1,3-28.

Рис. 4. Инвентарь из погребальной камеры кургана №5. Железо – 2,3; бронза – 1,4; золото, сердолик – 5,6; золотая фольга – 7-36.

Рис. 5. Роговые наборы из Третьего и Четвёртого Пазырыкских курганов (прорисовка и масштаб по фото из Руденко С.И., 1953, 1960). Эволюция роговых псалиев пазырыкской культуры с изображениями головки ушастого орла: 1 - Талдура-1 (по: Могильников В.А., Елин В.Н., 1981), 2 – Ала-Гаил (по: Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С., 1985), 3 – Боротал (материалы из раскопок В.Д. Кубарева), 4 – Чендек-6а, 5 и 6 – Пазырык-3,4 (по: Руденко С.И., 1953).

Рис. 6. 1 - узда из Третьего Пазырыкского кургана (по: Руденко С.И., 1953), 2 - узда из малых туэктинских курганов (по: Киселёв С.В., 1951), 3 – реконструкция снаряжения верховой лошади (по: Бородовский А.П., 1988), 4 – седло с кожаными и деревянными бляхами из Пятого Пазырыкского кургана (по: Руденко С.И., 1953), 5 – реконструкция способа застёгивания подпруги (по: Степанова Е.В., 2005, Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994), способ застёгивания пояса (по: Семёнов, 1997), 8 – способ крепления седельной бляхи (по: Руденко С.И., 1953).

Очир-Горяева М.А.
(г.Элиста)

ПОГРЕБЕНИЯ С СОПРОВОЖДАЮЩИМИ ЗАХОРОНЕНИЯМИ КОНЕЙ И ПРЕДМЕТАМИ КОНСКОЙ УЗДЫ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ

Археологические памятники скифского времени Южного Приуралья изучаются археологами еще с конца 19 столетия и не один раз были объектами специального изучения. Первое обзорное исследование было проведено Б.Н. Граковым в связи с публикацией первого из опорных памятников кочевников скифского времени Нижнего Поволжья – Блюмендфельдского кургана А-12 (Grakov B., 1928, c. 27-60; Граков Б.Н., 1999, с.7-33). Им были рассмотрены открытые на тот момент однокультурные с Блюменфельдским курганом памятники Поволжья, а также синхронные памятники Приуралья. Специальный раздел Б.Н. Граков посвятил общим чертам погребального обряда, инвентаря и предме-

тов в зверином стиле двух соседних регионов, насчитывавших на тот момент около 20 памятников и пришел к выводу о единстве памятников и принадлежности их к скифской культуре. Затем увидело свет небольшое монографическое исследование П. Рау «Die Graeber der Fruehen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der Skythischen Pfeilspitze» (Rau P., 1929). Наряду с характеристикой памятников Нижнего Поволжья П. Рау была проведена типологическая классификация наконечников стрел, которая позволила ему четко выявить хронологические рамки культуры. Проведя общий обзор погребального обряда, инвентаря и предметов в зверином стиле, П. Рау пришел к выводу о хронологической одновременности памятников Волги и Урала но, в противоположность Б.Н. Гракову, – об их различной этнокультурной основе. В начале 60-х годов памятники скифского времени Нижнего Поволжья были всесторонне рассмотрены в фундаментальных трудах К.Ф. Смирнова – двух монографиях и в своде археологических источников «Савроматская культура Нижнего Поволжья и Южного Приуралья» (Петренко В.Г., Смирнов К.Ф., 1963). В своде была представлена общая источниковедческая систематизация, всесторонне освещающая материалы погребальных памятников скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья. Вооружению и конскому снаряжению кочевников скифской эпохи было посвящено специальное исследование «Вооружение савроматов» (Смирнов К.Ф., 1961). В первой ее части детально рассматриваются различные виды вооружения – в плане их эволюции и развития военного дела у кочевников VII-IV вв. до н.э. Во втором разделе монографии были рассмотрены предметы конского снаряжения по основным категориям – удила, псалии, украшения узды и сбруи. Рассмотрены также все имевшиеся на тот момент уздечные наборы. Составлена реконструкция уздечных наборов из двух погребений Южного Приуралья – Мечет-Сай, курган 2, погребение 2 и Алебастрова гора, курган 3. В монографии К.Ф. Смирнова "Савроматы. Ранняя история и культура сарматов" рассмотрены основные черты материальной и духовной культуры. Работы К.Ф. Смирнова базировались на концепции, о единстве памятников обоих регионов Поволжья и Приуралья и их генетической преемственности с последующей сарматской культурой.

До 70-х годов данная концепция просуществовала в неизменном виде. Памятники скифского времени Южного Приуралья рассматривались в рамках единой археологической культуры с синхронными памятникам Нижнего Поволжья (Смирнов К.Ф., 1961, 1964; Смирнов К.Ф., Петренко В.Г., 1963; Смирнов К.Ф. 1975). Культура носила название савроматской по имени одного из племен известных наряду с такими нескифскими племенами как андрофаги, меланхлены, будины и гелоны по данным античных источников и, прежде всего, Геродота.

Однако с начала семидесятых годов в археологической литературе развернулась дискуссия о савроматах и савроматской культуре. На основе анализа античных источников Д.А. Мачинским была указана неправомерность отождествления савроматов с памятниками Южного Приуралья (Мачинский Д.А., 1971, с.30-55). Точка зрения Д.А. Мачинского была поддержана с некоторыми оговорками (Смирнов К.Ф., 1977, с.124-139; 1979, с.74-78). В результате комплексного сравнительного анализа мной было показано принципиальное различие в материальной культуре и погребальном обряде нижневолжских и южноприуральских памятников и тем самым обоснована неправомерность объединения их в одну археологическую культуру (Очир-Горяева М.А., 1987, с.35-52; 1992, с.32-41; 1993а, с.77-78; 1993б, с.81-87). Для сравнительного анализа мной были привлечены в основном массовые категории инвентаря – керамика, мечи, кинжалы, наконечники стрел. Предметы в зверином стиле были проанализированы в том же сравнительном аспекте Е.Ф. Чежиной и выявлены две стилистические группы соответствующие двум сравниваемым регионам (Чежина Е.Ф., 1983, с.16-30).

Для сравнительного анализа мной были учтены 222 погребений из Нижнего Поволжья и 104 погребения из Южного Приуралья (Очир-Горяева М.А., 1987, с.35-52). В сводке коллектива авторов было учтено 199 погребений из Нижнего Поволжья и 303 погребения из Южного Приуралья (Статистическая обработка, 1994, с.34). К настоящему времени объем материала значительно возрос, по моим прикидкам, число погребений скифского времени из Южного Приуралья должно приблизиться к четыремстам комплексам. В по-

следние годы памятники восточных и северных районов были выделены в регион Южного Зауралья и рассматриваются как самостоятельное этнокультурное явление (Таиров А.Д., 2000, с.16-29; 2004, с.3-21). При сборе материала мной намеренно были собраны и проанализированы вместе материалы Южного Приуралья и Южного Зауралья, для того, чтобы проследить как проявляется данное территориально-культурное деление на материалах погребений с сопровождающими захоронениями коней и предметами узды (рис.1).

В собранной мной выборке, из Южного Приуралья и Зауралья насчитывается 67 комплексов скифского времени с сопроводительными захоронениями коней и предметами конской узды. Некоторые комплексы, такие как Пятимары курган 8 или Филипповка курган 1 хорошо известны специалистам. Однако собранные вместе и рассмотренные под единым углом зрения, погребальные комплексы с предметами конского снаряжения из Южного Приуралья-Зауралья вносят новое видение этих все еще недостаточно исследованных групп памятников. Как показывает проведенный анализ, в Южном Приуралье-Зауралье превалируют погребения, в которые были положены не отдельные предметы, а полные уздечные наборы, зачастую со сбруей, о чем свидетельствуют находки подпружных пряжек. Мной выделено несколько вариантов расположения предметов конского снаряжения в могильной яме по странам света, которые соотносятся с определенным положением погребенных. Анализ велся по двум блокам признаков: I. Сопровождающие захоронения коней и предметы узды в надмогильном пространстве. II. Предметы узды внутри могильной ямы

I. Сопровождающие захоронения коней и предметы узды в надмогильном пространстве

Важной особенностью погребальных памятников Южном Приуралья-Зауралья является довольно сложная организация надмогильного пространства. В насыпях курганов встречены каменные выкладки в виде колец, иногда просто наброски камней в центре насыпи. Центральная часть кургана в ряде случаев была отделена валом из материковой глины с разрывом с южной стороны. Центральное погребение (яма и дромос) имели прямоугольное низкое сооружение, либо перекрытие из бревен, либо деревянное сооружение шатровой конструкции. Сопровождающие захоронения коней и предметы узды были представлены в одних случаях внутри глиняного кольцевого вала, в других случаях за пределами вала, в южной поле кургана.

*1а) Погребения с сопровождающими захоронениями целых коней***.** В данной выборке насчитывается восемь погребений с сопровождающими захоронениями целых коней (1). Все погребения основные, за исключением погребения 2 кургана 9 из могильника Мечет-Сай, которое было совершено, скорее всего, одновременно с основным, поскольку было перекрыто кострищем из основного погребения. К сожалению, все погребения с сопровождающими захоронениями целых коней были полностью или частично разрушены грабителями. Поэтому ориентировка и положение погребенных устанавливается только в трех случаях. В кургане 8 Пятимары все пять погребенных были ориентированы головой на юг. В коллективном погребении 2 кургана 9 Мечет-Сая один погребенный мужчина был ориентирован головой на юг, другой – на запад. В кургане 2 могильника Покровка 2 по дну разрушенной грабителями ямы, было установлено, что она ориентирована длинными сторонам меридионально, что предполагает расположение погребенного головой на юг. Сопровождающие захоронения целых коней совершены с южной стороны могилы, на уровне древнего горизонта, на краю прямоугольного деревянного перекрытия могилы. В тех случаях, когда это зафиксировано, кони были взнузданы и положены на живот с подогнутыми ногами, т.е. была предпринята имитация положения живых лежащих коней. Головой кони всегда были ориентированы строго на север. В двух случаях погребенных сопровождали по одному коню, в одном случае – два коня. В кургане 8 могильника Пятимары зафиксировано максимальное количество коней – пять. Имеется один случай символического сопровождающего захоронения коня, когда на перекрытие могилы был положен только череп лошади и недалеко от него уздечный набор (Мечет-Сай, курган 9 погребение 2). В трех случаях погребения были разрушены, поэтому устанавливается толь-

ко сам факт наличия конского сопровождающего захоронения, но не количество особей (Бис-Оба, курган 8, Покровка, курган 1, курган 2).

Интересно, что во всех комплексах с сопровождающими захоронениями целых коней так или иначе указывается, что могилы имели деревянное перекрытие. В курганах Пятимары и Мечет-Сай достоверно установлено, что погребения имели деревянные перекрытия-накаты именно прямоугольной формы. Это позволяет предположить, что погребения коней коррелируют с надмогильными деревянными сооружениями прямоугольной формы.

В изучении сопровождающих захоронений целых коней имеется еще один немаловажный аспект. Кони были погребены взнузданными и оседланными. Расположение предметов уздечного набора и сбруи на скелетах коней представляет интерес для реконструкции системы узды и седловки, которые, судя по металлическим частям, имели свои особенности в каждом регионе. Для региона Южного Приуралья особый интерес представляет расположение подпружных пряжек. Ни в одном другом регионе евразийских степей не найдено такого количества подпружных пряжек и чумбурных блоков, как в Южном Приуралье. Особенностью южноприуральских пряжек является то, что они найдены по три штуки в каждом наборе. Иногда третья подпружная пряжка была заменена двумя простыми кольцами. В одном случае в погребении 2 кургана 19 могильника Новый Кумак.2 третья пряжка была заменена пряжкой в виде дуги.

1б) Погребения с парциальными сопровождающими захоронениями коней. К разряду парциальных сопровождающих захоронений коней отнесены случаи, когда в погребальном комплексе были обнаружены скелеты целых невзнузданных коней и останки частей конских скелетов, расположенные вперемешку в виде сплошного скопления костей на уровне древнего горизонта (2). Всего насчитывается семь комплексов с парциальными захоронениями коней, из них пять происходят из Филипповского могильника. Погребения в большинстве случаев были разрушены грабителями, поэтому установить ориентировку погребенных не удается. Однако все могильные ямы за исключением ямы из кургана 1 Покровка-2 имели дромос с южной стороны, что, как правило, соотносится с южной ориентировкой погребенных. В упомянутом Покровском кургане погребение было совершено на уровне древнего горизонта. В двух случаях рядом с парциальным захоронением коней были сложены в кучку предметы конской узды, принадлежавшие или предназначенные этим коням. В другом случае – удила и псалии были положены в засыпь погребения. В третьем случае золотой уздечный набор и бронзовые сбруйные украшения были положены на перекрытии дромоса. В остальных трех случаях разграбленность и разрушенность курганов, не дает возможности быть твердо уверенным в том, что предметы конской узды не были изначально положены и в эти курганы. Количество коней, в парциальных захоронениях колеблется от двух-трех коней до нескольких десятков особей. Парциальные захоронения коней были расположены также как и полные, с южной стороны, но не в непосредственной близости к погребению, а за пределами глиняного валика, опоясывающего центральную часть кургана, в его южной поле. В тех случаях, когда представлены целые скелеты коней наряду с останками их частей, кони были положены также на животе с подогнутыми ногами, но головами ориентированы не только на север, но и в противоположную сторону.

Судя по тому, что как целые, так и парциальные захоронения коней были расположены с южной стороны кургана на уровне древнего горизонта и то, что парциальные погребения сопровождаются уздой, можно предположить, что оба вида являются разновидностью одного и того же обряда. Все кони, и те, что были положены в погребальные комплексы целыми и взнузданными и те, чьи части туш без соблюдения анатомического порядка были разложены в поле кургана были предназначены для сопровождения погребенных в потусторонний мир. Возможно, они различались в статусе. Неслучайно первые расположены на краю могильной ямы хозяина, а вторые за пределами глиняного валика, отделяющего центральную часть кургана с основным погребением, в южной поле кургана. Первые могли быть личными «верховыми боевыми конями» по терминологии К.Ф.Смирнова (Смирнов К.Ф., 1964, с.50) или конями «собственного седла» по терминологии М.П. Грязнова (Grjaznov M.P., 1984, s.65). Парциальные сопровождающие захоронения коней, можно понимать как захоронения более низких по статусу коней, которые

могли быть подношениями родственников или подчиненных и представлять коней у коновязи погребенного в потустороннем мире. На эту мысль наталкивает расположение останков коней. Скелеты и кости крупных частей лошадиных туш были всегда разложены, не перекрывая друг друга узкой и длинной полосой, тянущейся в одну линию. Такое расположение живо напоминает расположение стоящих в ряд у коновязей коней.

Погребальный обряд комплексов с парциальным захоронением коней имеет ряд сходств, которые можно понимать как некий стандарт. Все они имели над центральным погребением деревянную надмогильную конструкцию шатрового типа, могильную яму с дромосом с южной стороны, глиняный вал, опоясывающий центр кургана, за пределами которого располагались впускные погребения и в южной поле – парциальные захоронения коней. Сравним два комплекса, расположенных один на западе, в Южном Приуралье, другой на востоке – в Южном Зауралье. Первый пример, западный. Покровка-2 курган 1. (Яблонский Л.Т., 2000, 97-105, рис. 1). В насыпи кургана был обнаружен глинобитный вал, внутри которого сооружено деревянная конструкция шатрового типа. Внутри конструкции на уровне древнего горизонта было совершено захоронение. Захоронение было полностью разграблено. Остались только единственный бронзовый трехлопастный втульчатый наконечник стрелы, костяной наконечник и бронзовая жаровня. В ходе погребальной церемонии шатровая конструкция была полностью сожжена. По периметру кургана, в южной его части, лежали в ряд около двух десятков лошадиных черепов и большое количество разрозненных костей лошади.

Второй пример, восточный. Переволочаны, курган 10 (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1995, с.78-93, рис. 10, 11).Самый большой курган в группе. Диаметр – 50 м, высота – 5 м. В центре насыпи прослеживался глиняный вал из материковой глины, опоясывающий могилу кольцом. Вал имел диаметр 20 метров и имел два разрыва с юга и с севера. Внутри вала на уровне древней поверхности сохранились следы деревянной конструкции шатрового типа. Бревна конструкции были покрыты сверху ветками. С южной стороны на 70-80 см от уровня погребенной почвы прослеживалось перекрытие дромоса в виде поперечно уложенных в несколько рядов березовых бревен, засыпанных сверху глиной. Южнее глиняного валика, в 2 метрах от него, на уровне древней поверхности, в 4-5 м западнее от «входа» во внутреннюю площадку кургана – разрыва валика, который вел к началу дромоса, обнаружены предметы конского снаряжения, положенные в кучку. Далее к югу, на уровне древнего горизонта встречено большое количество костей лошади, расположенных без анатомического порядка. В основном это были кости конечностей, лопатки. Найден один череп. В кургане выявлено три впускных погребения по кругу за пределами глиняного валика и основное в центре. Могильная яма центрального погребения 3 была почти правильной круглой формы. С юга к могильной яме примыкал дромос, полого углубляющийся до уровня дна могилы.

Таким образом, можно констатировать, что в Южном Приуралье фиксируется два вида сопроводительных захоронений коней. Захоронения целых взнузданных и оседланных коней коррелируется с деревянными надмогильными конструкциями прямоугольной формы и бревенчатыми перекрытиями могил и располагаются в непосредственной близости к могиле «хозяина». Парциальные захоронения с уздой, сложенной отдельно коррелируются с деревянными надмогильными сооружениями шатровой конструкции и располагаются за пределами глиняного вала, в поле кургана.

Наиболее простым объяснением может быть различный статус конских захоронений. Но этому противоречит тот факт, что пока неизвестны случаи сочетания обоих видов конских захоронений в одном кургане. Тогда получается, что одним полагались только кони «собственного седла», а другим только «подношения», что выглядит неубедительно. Есть другой вариант объяснения, который требует более развернутой аргументации. Поскольку неизвестны случаи сочетания обоих видов конских захоронений в одном кургане, но зафиксированы наличие их в курганах одного и того же могильника и в могильниках близко расположенных, то не менее вероятной представляется мысль об их хронологической разновременности. Возьмем, к примеру, могильник Покровка. В разных группах этого могильника были найдены захоронения коней. Два из них происходят из раскопок 1911 года. В обоих курганах, раскопанных И.Кастанье на деревянных перекры-

тиях были обнаружены останки лошади. В одном случае с останками лошади найдены были уздечные бляшки. Этот набор уздечных бляшек по стилю близок наиболее ранним уздечным наборам, Южного Приуралья, таким как из Черниговского кургана, из кургана 5 Пятимары-2. В Покровке-2 в кургане 2 было обнаружено захоронение взнузданной и оседланной лошади на южном борту могильной ямы (Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., 1993, с.15-18, рис. 17). Уздечный набор этой лошади относится по стилю к так называемому скифскому барокко. Пронизи-разделители ремней с когтевидным навершием и с выступающим щитком, украшенном вихреобразной розеткой, налобник в виде подвески-имитации клыка из этого набора имеют многочисленные аналогии в однокультурных уздечных наборах. То же самое можно сказать и о подпружных пряжках, украшенных многократно повторенными мордами животных. Могила была разграблена, другой инвентарь, кроме уздечного набора не сохранился. Без сомнения, данный комплекс из кургана 2 Покровки-2 относится к классическому скифскому времени и датируется 5 веком до н.э. В соседнем кургане 1 той же Покровки-2 было зафиксировано описанное выше парциальное захоронение коней. К сожалению, в этом кургане с парциальным захоронением коней не был найден инвентарь, дающий узкую датировку, но по аналогии с устройством малых Филипповских курганов и кургана 10 из Переволочан, содержавшими предметы узды более позднего облика, чем классические наборы из кургана 2 Покровки-2, можно предположить более позднюю датировку и для Покровского кургана с парциальными захоронениями коней. Несомненно, данное предположение нуждается в дальнейшем обосновании. К сожалению, этому мешает разрушеность Покровских курганов, не содержавших узко датирующего инвентаря. Несколько лучше обстоит дело с комплексами с полными захоронениями коней из Илекской группы, таких могильников как Пятимары, Мечет-Сай и с Филипповской курганной группой с парциальными захоронениями коней. Оба могильника расположены в сотне километров друг от друга, один в месте впадения Илека в Урал, а другой в месте впадения Хобды в Илек. Не только стиль художественного оформления уздечных наборов, но и весь остальной инвентарь и особенности погребального обряда свидетельствуют о том, что Илекская группа являлась родовым некрополем второй половины 6-5 века до н.э. А Филипповская группа курганов – родовым некрополем следующего более позднего этапа, как полагает автор раскопок – начала 4 века до н.э. (Пшеничнюк А.Х., 1989, с.14-15). Столь поздней дате противоречит, на мой взгляд, материалы только одного из Филипповских курганов. Это предположение базируется на следующем наблюдении. Стиль золотого уздечного набора из царского кургана 1 Филипповки несколько отличается от стиля уздечных принадлежностей остальных малых Филипповских курганов (Золотые олени, N116-130). Набор состоял из шести изящных пронизей-разделителей ремней с навершиями в виде головок грифонов, двух удлиненных бляшек-подвесок, налобной бляшки в виде головок двух птиц и изящного чумбурного блока. Железные псалии из золотого набора имели золотые оконечники с изображением грифонов (Пшеничнюк А.Х., 1989, с.7; Золотые олени, N4-14). Рассмотрим их подробнее. Пронизи-разделители ремней на цилиндрической или подквадратной основе с отверстиями с четырех сторон являются наиболее типичными деталями узды Южного Приуралья и встречены в целом ряде погребений. В основном они имеют когтевидное навершие или плоский выступающий щиток. Реалистичное и экспрессивное изображение головы грифона с хищно раскрытым клювом на филипповских пронизях пока не имеют прямых аналогий. Остальные обоймы из данного региона украшены либо вихреобразной розеткой, либо хвостовым оперением, либо схематичной головкой хищной птицы, может быть, того же самого грифона. Две золотые литые бляшки-подвески удлиненной формы имеют на верхнем конце изображение грифона в той же манере, как на обоймах-разделителях. Одна из бляшек, нижний конец которой прямо обрезан и украшен гладкой поперечной полоской, имеет на оборотной стороне костылек или столбик для прикрепления к ремню. Вторая бляшка, нижний конец которой плавно изогнут наверх и заканчивается мягким овалом, имеет на оборотной стороне небольшую круглую петлю, расположенную вдоль длины бляшки. Крепление обеих бляшек свидетельствует, что обе они служили украшением горизонтального, скорее всего, налобного ремня, располагаясь на нем слегка наискосок. Вот почему подобные бляшки определяются как подвески. Крепление у них всех

расположено в верхней части, а нижняя часть как бы свисает. Аналогичной формы парные бляшки украшали налобный ремень уздечного набора 1 из погребения 2 кургана 2 могильника Мечет-Сай, две совершенно одинаковые подобные бляшки-подвески украшали налобный ремень узды из погребения 2 кургана 1 могильника Сынтас. Такой же формы, которую часто определяют как имитацию кабаньего клыка, парные и одиночные бляшки-подвески встречаются в целом ряде погребений Южного Приуралья. Еще одна изящная золотая бляшка с изображением двух птичьих голов, одна из которых расположена в горизонтальной, а другая более мелкая в вертикальной проекции имеет круглую поперечную по отношению к крупному основному изображению птичьей головки петлю. Это предполагает расположение этой бляшки также на горизонтальном ремне. Очень близкими аналогиями этой бляшке является налобная бляшка-подвеска из кургана 4 могильника Бес-Оба, Аландское-3 курган 5 погребение 1, Алебастрова гора курган 3. Изображением подобных же двух птичьих головок украшена очень изящная золотая чумбурная пряжка. Чумбурные пряжки, также как и пронизи-разделители ремней и налобные подвески-имитации клыка являются наиболее характерными деталями уздечных наборов второй половины 6-5 веков до н.э. рассматриваемого региона. Вместе с описанным выше золотым уздечным набором с перекрытия дромоса происходят две плоские большие бронзовые бляхи с изображением сцены борьбы двух верблюдов. Автор раскопок определяет их как украшения сбруи (Пшеничнюк А.Х., 1989, с.8). Подпружными пряжками они быть не могут, большой диаметр (17,5 х 15 см), плоская форма и маленькая поперечная петля на обороте предполагают иное их назначение. Наиболее вероятным представляется, что они украшали нагрудные ремни, т.е. являлись нагрудными фаларами. Аналогий подобных нагрудных украшений сбруи в синхронных памятниках мне неизвестно. По крупным размерам, закругленной форме и уплощенности рельефа филипповские фалары сходны со знаменитой бляхой со свернувшейся в кольцо пантерой из Аржана-1. Сюжет со сценой борьбы двух верблюдов, однако, весьма популярен в Приуралье, он известен на подпружных пряжках из могильника Пятимары курган 8 конь3, Бес-Оба курган 5. Разница только в том, что верблюды на бесобинской и пятимарской пряжках кусают друг друга: один – за ногу, другой – за горб, а на из плоском круглом Филипповском фаларе оба верблюда кусают друг друга за ноги.

Золотой уздечный набор изготовлен в полнокровном скифском «барокко» классического скифского времени. Образы животных выразительны, объемны, полны экспрессии. В то же самое время, по устройству погребального сооружения (глиняный вал, шатровая надмогильная конструкция), круглой форме могилы и дромоса с южной стороны, парциальным захоронениями коней в южной поле кургана большой Филипповский курган нельзя отрывать от малых. Все это склоняет к мысли, что большой Филипповский курган является самым ранним в своем курганном некрополе, но все же несколько позднее Илекского некрополя. Датировка Филипповского кургана не входит в задачу данного исследования, это задача комплексная, однако уздечный набор из этого кургана может датироваться в пределах 5 века до н.э.

В заключение анализа комплексов с сопроводительными захоронениями коней необходимо отметить, что, несмотря на ограбленность большинства погребений, судя по остаткам инвентаря и сложным надмогильным конструкциям, а также по внушительным размерам насыпей и могильных ям, можно предполагать, что захоронения коней обеих разновидностей совершались только для лиц самого высокого социального статуса. Наиболее показательным среди рассмотренных комплексов является царский курган 1 из Филипповки.

Необходимо также отметить, что погребения с захоронениями коней происходят из различных могильников, разбросанных на территории Южного Приуралья. Из Южного Зауралья происходит один комплекс с парциальным захоронением коней из кургана 10 могильника Переволочаны, который, тем не менее, как показано выше, наглядно демонстрирует единство погребального обряда с более западными южноприуральскими памятниками.

2а) Погребения с предметами конской узды непосредственно над могилой. В двух погребениях из могильника Новый Кумак предметы узды были положены непосредствен-

но на перекрытии могилы (3). В кургане 19 могильника Новый Кумак, погребенный был ориентирована головой на юг. На уровне материка на погребении был найден железный псалий, двудырчатый, стержневидный с шишечками на концах. В кургане 6 того же могильника в одном из двух разрушенных погребений под одним деревянным перекрытием был погребен мужчина головой на запад. Три цилиндрические пронизи-разделители ремней с вихреобразной розеткой на вершине и выступающим щитком в виде птичьего хвоста были найдены на уровне древнего горизонта, непосредственно над погребением.

2б) Погребения с предметами конской узды на древнем горизонте в южной поле кургана. В шести курганах предметы конской узды расположены в южной поле кургана (4). Погребенные в двух из этих шести комплексов были ориентированы головой на запад и только в одном случае – головой на юг. Надо полагать, что на расположение коней и предметов узды в надмогильном пространстве ориентировка погребенного не влияла. Они в любом случае располагались либо в непосредственной близости к могиле (на перекрытии ямы, или у края с южной стороны), либо в южной поле кургана. Такая же закономерность наблюдается и в курганах Нижнего Поволжье предметы узды за пределами могильной ямы располагались с северной стороны, даже если традиционная ориентировка погребенного на запад сменялась на противоположную – на восток. Предметы же узды внутри могилы, расположенные обычно с северной стороны погребенного, при такой же смене ориентировки оказывались на южной стороне (Очир-Горяева М.А., Дворниченко В.В., 2004, с.169-178). В погребениях пазырыкской культуры Горного Алтая при смене традиционной ориентировки погребенных головой на восток, на противоположную, сопровождающие кони укладывались тоже головой на запад, но оставались за северной стенкой сруба (Малталу, курган 23, Коксу, курганы 11, 19, 29) (Кубарев В.Д., 1992, с.139; Сорокин С.С., 1974, с.62-91).

Курганы с предметами конской узды в южной поле кургана демонстрируют поистине повсеместное распространение этого признака на территории всего Южного Приуралья-Зауралья. Могильник Загребалово на севере, между Стерлитамаком и Оренбургом, могильник Покровка на юге за Соль-Илецком, Большой Климовский курган и Варна далеко на северо-востоке и посередине – курганы Новоорского-1 и Новоорского-2 могильников (Заседателева С.Н., 1983).

Единые закономерности расположения предметов узды и захоронений коней в надмогильном пространстве подтверждают мысль, что предметы узды, положенные в надмогильное погребальное сооружение символизировали самого коня. В тех случаях, когда удается установить точное количество уздечных наборов, можно уверенно утверждать, что именно столько коней символически сопровождали погребенных в потусторонний мир. С другой стороны представляет интерес факт, что, как правило, если в насыпи кургана или на перекрытии могилы были положены предметы узды или погребение сопровождалось захоронением коня, то в основной могиле при погребенном предметы конского снаряжения отсутствуют. Это свидетельствует, на мой взгляд, о том, что дублирование знаков сопровождения погребенного конями в надмогильном пространстве и в могиле не допускалось.

II. Предметы узды внутри могилы

Проведенный анализ показал, что внутри могилы действовали иные правила при расположении предметов узды. Здесь организация пространства зависела от положения и ориентировки погребенного. В скифскую эпоху в Южном Приуралье-Зауралье фиксируется две устойчивые традиции: погребения с западной и погребения с южной ориентировкой погребенных. Ранее в скифо-сарматской археологии господствовала точка зрения, что в недрах культуры скифского эпохи, так называемой «савроматской» культуры Южного Приуралья в 4 веке до н.э. сформировалась новая прохоровская или раннесарматская культура. Для первой была характерна широтная, западная ориентировка погребенных, а для прохоровской меридиональная, южная (Граков Б.Н., 1947, с.100-121; Смирнов К.Ф., 1964; Мошкова М.Г., 1974). Позднее на материалах ряда памятников было зафиксировано смешение и сосуществование прохоровских и более ранних элементов погребального обряда (южная ориентировка, катакомбы) и материальной культуры (круглодонная керамика, наконечники стрел с опущенными шипами и т.д.) со второй половины

6 века до н.э., т.е. фактически с самого начала появления в этом регионе памятников скифской эпохи (Пшеничнюк А.Х., 1983, с.126-132, Очир-Горяева М.А., 1993б, с.81-87). По данным последних исследований, считается, что богатые погребения с южной ориентировкой в дромосных могилах принадлежали пришлой военно-жреческой аристократии. Их погребальный обряд постепенно перенимался местным рядовым населением и поэтому во второй половине 5 века до н.э. и позднее количество памятников с южной ориентировкой увеличивается (Таиров А.Д., 2000, с.18). К сожалению, предположение А.Д. Таирова не подкреплено анализом массового археологического материала и поэтому это очень красивая реконструкция остается в области предположений. Независимо от интерпретаций, сосуществование погребений с ориентировкой на юг и на запад фиксируется не только в пределах одного региона, но и одного кургана и даже одной могилы (см. выше Мечет-Сай курган 9 погребение 1, см. ниже Бес-оба курган 4). Учитывая описанное выше состояние проблемы все погребения с предметами узды были разделены на три группы: 1) погребения с западной ориентировкой погребенного; 2) погребения с южной ориентировкой погребенного; 3) погребения, в которых ориентировка погребенного не установлена в силу разрушенности и неполноты данных.

1) Погребения с западной ориентировкой погребенного. В моей выборке насчитывается восемь погребений с предметами конской узды в могиле и с западной ориентировкой погребенного (5). Западая ориентировка погребенных является господствующей в соседнем Нижнем Поволжье. Интересно, что аналогичное положение покойного сочетается с таким же, как и в Нижнем Поволжье, расположением предметов конского снаряжения – в северной части могилы, с левой стороны погребенного. При таком соотношении положения погребенного и предметов конского снаряжения, последние расположены в основном в изголовье или вдоль туловища погребенного, но не в ногах. Только в одном погребении с западной ориентировкой предметы узды были положены в ногах погребенного, да еще и с южной стороны. Обычно, предметы узды расположены в ногах погребенных только в тех, случаях, когда погребенные ориентированы на юг.

В кургане 4 могильника Бес-Оба предметы узды находились при женском скелете, положенном на спине головой на запад. Рядом с ней был положен мужчина головой на юг.

Важно отметить, что четыре погребения из восьми с западной ориентировкой происходят из одного и того же могильника – Новокумакского и одно из близко расположенного к нему могильника Аландское. Новокумакский могильник выделяется среди остальных и по другим признакам, а именно, только в Новокумакском могильнике были зафиксированы предметы узды непосредственно на перекрытии могильной ямы. Кроме того, в трех погребениях Нового Кумака предметы узды были представлены единичными предметами, что не является характерным для Южного Приуралья. В кургане 6 непосредственно над погребением 2 были найдены три пронизи для перекрестных ремней. В кургане 19 в верхнем женском погребении двухъярусного погребения у левой голени погребенной найдена единственная подпружная пряжка в зверином стиле. На уровне погребенной почвы, над меридионально ориентированном погребением найден был единственный железный псалий. Западная ориентировка, расположение предметов узды слева от погребенного с северной стороны, положение только единичных предметов узды по принципу часть вместо целого являются характерными для Нижнего Поволжья. Отмеченная особенность Новокумакского могильника интересна тем, что могильник расположен на самой восточной окраине Южного Приуралья, что не позволяет видеть в этом следствие близких контактов с населением соседнего региона.

В погребении из Аландского могильника с западной ориентировкой погребенного, предметы узды были положены и с левой стороны и с правой стороны погребенного. Трудно быть уверенным, насколько закономерны наблюдения, сделанные на небольшой выборке из восьми погребений. По сравнению с количеством погребений с предметами узды и с южной ориентировкой погребенного, рассматриваемые погребения с западной ориентировкой весьма немногочисленны. Так или иначе, можно утверждать, что в Южном Приуралье имеется группа погребений с западной ориентировкой с предметами узды слева от погребенного, в северной стороне. Вполне возможно, что данная группа составляет некую локальную особенность.

2) Погребения с южной ориентировкой погребенного. В моей выборке насчитывается 18 погребений с южной ориентировкой погребенных. Данная группа делится на три варианта по месту расположения предметов узды: а) предметы узды расположены в ногах погребенного, с северной стороны; б) предметы узды расположены в изголовье погребенного, с южной стороны; в) предметы узды расположены в нескольких разных местах при погребенном, ориентированном головой на юг.

Вариант А. Предметы конского снаряжения расположены в северной стороне, в ногах погребенного. К данному варианту относится семь погребений, происходящих из Южного Приуралья (6). Два погребения происходят из кургана 1 могильника Сынтас-1, совершенные на уровне древнего горизонта. К этой группе условно присоединен курган 8 из Альмухаметово. Погребение в этом кургане было также совершено на уровне древнего горизонта, также под деревянным надмогильным сооружением шатровой конструкции. Останки погребенного были в нем разрушены, но предметы узды находились в северо-восточном углу. Поскольку во всех погребениях с шатровыми деревянными конструкциями погребенные были ориентированы головой на юг, то данное погребение рассматривается в данной группе однопорядковых с ним комплексов.

Вариант Б. Предметы конского снаряжения расположены в южной стороне в головах погребенного (7). К данному варианту относится шесть погребений, три из которых происходит из Переволочанского могильника в Южном Зауралье. Погребение из кургана 2 Сынтас-2 рассматривается в данной группе также условно, как упомянутый выше курган 8 Альмухаметово. Это было основное погребение под сожженным деревянным сооружением шатровой конструкции. Останки погребенного разрушены грабителями, но в юго-западном углу сохранились in situ две пары железных удил с S-видными двудырчатыми псалиями и три массивные бронзовые подпружные пряжки круглой формы.

Вариант В. Предметы конского снаряжения расположены в нескольких различных местах.

К данному варианту относится семь погребений (8). Во всех погребениях погребенные были расположены головой на юг. Погребение из могильника Тара-Бутак курган 2 погребение 3 образует подвариант, так как характеризуется диагональным расположением погребенной с ориентировкой головой на СЗ и расположением предметов узды в нескольких разных местах.

Итого в 20 погребениях с предметами конской узды, погребенные были положены головой на юг. Налицо убедительное преобладание южной ориентировки над западной, которая к тому же концентрируется в одном Новокумакском могильнике. Особенно это будет наглядным, если добавить к этому числу остальные погребения с южной ориентировкой: еще два погребения с сопровождающими захоронениями коней, все семь погребений с парциальными захоронениями коней, одно погребение с уздой в южной части насыпи. Получается 30 погребений с точно зафиксированной южной ориентировкой против посчитанных таким же способом 10 погребений с точно зафиксированной западной ориентировкой.

За рамками данных числовых подсчетов по ориентации погребенных оказались следующие комплексы с предметами узды: два комплекса с трупосожжениями на уровне древнего горизонта, шесть разрушенных погребений и восемь комплексов без точного указания необходимых для подсчетов данных (9). Такое внушительное число заметно сужает количественную базу подсчетов. Тем не менее, собранную мной выборку можно признать достаточно представительной. Как показывает опыт, результаты сравнительного анализа погребального обряда проведенный в мной на 106 комплексах из Южного Приуралья полностью подтвердились при статистической обработке материалов 303 комплексов (Железчиков Б.Ф., Барбарунова З.А., 1992, с.51-58).

Для темы нашего исследования важным является не только расположение и ориентировка погребенного, но и расположение предметов узды и коней по странам света. В Южном Приуралье-Зауралье фиксируется расположение коней и предметов узды в двух направлениях: на севере и на юге. С северной стороны предметы узды были расположены в пяти погребениях с западной ориентировкой и в семи погребениях с южной ориентировкой. С южной стороны были положены все семь полных захоронений коней, все

семь парциальных захоронений коней, шесть погребений с уздой в насыпи, одно погребение с западной ориентировкой и шесть погребений с южной ориентировкой – всего 27 погребений. Таким образом, опираясь на проведенные подсчеты можно утверждать, что преобладающим является погребения с южной ориентировкой погребенных и расположением предметов узды и коней с южной стороны.

Специальное внимание уделялось мной в процессе анализа на представленность анализируемых признаков в Приуралье и в Зауралье. Все признаки представлены по обеим сторонам Урала, кроме признака захоронения целых коней. Они зафиксированы только в погребениях Южного Приуралья. Но, учитывая наличие в Южном Зауралье парциальных захоронений коней и наличие целых захоронений коней в памятниках, граничащих с Южным Зауральем, я не склонна придавать этому решающее значение. Поэтому можно утверждать, что по материалам погребений с уздой и конями, т.е. погребений наиболее социально значимых персон, какой-либо принципиальной разницы между двумя регионами не прослеживается. Несколько забегая вперед, позволю заметить, разница не прослеживается и на материалах уздечных наборов.

Обращает на себя внимание также тот факт, что одно погребение с парциальным захоронением коня и 11 погребений с предметами узды были устроены на уровне древнего горизонта (10). Комплексы эти опять таки разбросаны по всей рассматриваемой территории, не образуя локальных групп. Это могильник Покровка на западе Приуралья, могильники Сынтас и Бес-Оба на юге, в Приуралье, это Альмухаметово и Сибай на северовостоке, в Зауралье. В одном случае зафиксировано коллективное трупосожжение и в другом – частичное. Во многих из них деревянные надмогильные сооружения были подожжены, что не привело, однако, к сожжению останков погребенных.

Если вспомнить, что в сопровождающих захоронениях Южного Приуралья кони всегда обращены мордами на север, а погребенные ориентированы в основном на юг, то получается, что кони расположены как бы «сзади» хозяина и «смотрят» в том же северном направлении. Такая схема взаиморасположения в одну линию совпадает с взаиморасположением коней и «хозяина» в степном Северном Причерноморье у скифов. Разница состоит только в том, что у скифов конские захоронения располагаются на западе, погребенные ориентированы головой на запад, соответственно они «смотрят» на восток. То есть получается, что в Северном Причерноморье они ориентированы в широтном направлении, а в Южном Приуралье–Зауралье они ориентированы в меридиональном направлении. Такая принципиальная разница в ориентации по странам света, несомненно, маркирует различия в представлениях о местоположении страны мертвых и соответственно о различной этнической принадлежности населения двух регионов. Как известно, ориентация по странам света лежит в основе картины мира каждого этноса и относится к основополагающим свойствам культуры. Наглядным примером сказанному могут служить различия в пространственной ориентации между монголоязычными и тюркоязычными кочевниками Евразии. У тюркоязычных народов отмечена круговая система расположения юрт на временных стоянках. У монголоязычных народов прослеживается, и на кочевках, и на стационарных поселениях иной принцип планировки, когда юрты ставились рядами, тянущимися с запада на восток, образуя прямоугольник и главная юрта (уважаемого, социально значимого лица) была самой западной в первом южном ряду. У монголоязычных народов юрта ставится входом на юг, а у тюркоязычных – входом на восток. Ориентировка жилищ по странам света строго соблюдалась и воспринималась в качестве этнической самоидентификации. Как полагают специалисты, сходство конструкции переносного жилища – юрты обусловлено сходством экологических условий и хозяйственной деятельности обеих групп народов, а различие в пространственной ориентации объясняется длительным параллельным развитием разных этнокультурных и языковых традиций (Викторова Л.Л., 1980, с.48-60). Приведенный пример – не попытка идентифицировать археологические памятники с позднейшими конкретными этническими группами, а способ показать значимость подмеченных закономерностей для изучаемых нами археологических культур и, в частности, памятников Южного Приуралья-Зауралья в скифскую эпоху.

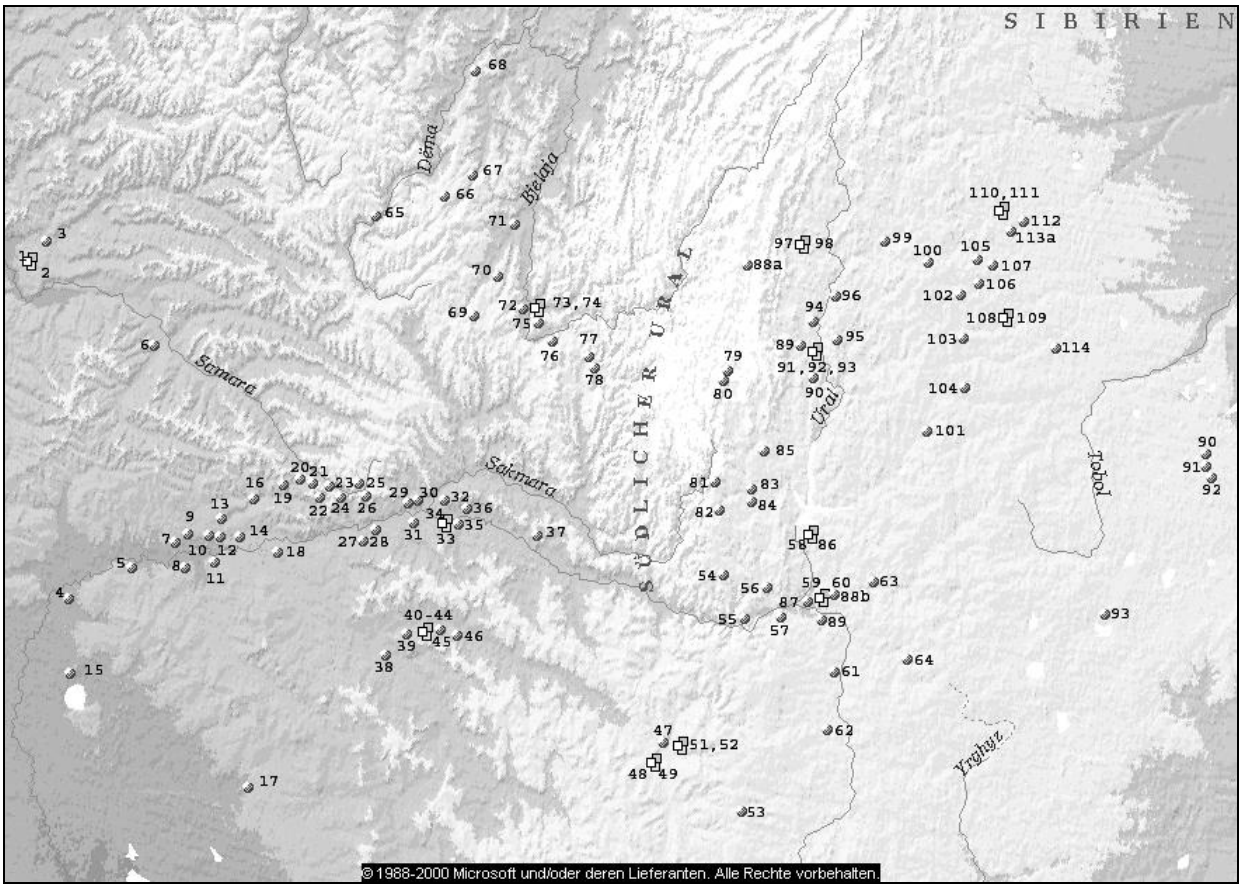


Рис.1

Памятники скифской эпохи Южного Приуралья и Южного Зауралья.

1. Неприк; 2. Комаровка; 3. Утевка; 4. Барбастау; 5. Алебастрово; 6. Липовка; 7. Шипово; 8. Зеленый; 9. Чаган; 10. Уральск; 11. Кордон Деркульский; 12. Уральский; 13. Карашаево; 14. Ново-Алексеевка; 15. Челкар; 16. Крыловский хутор близ с.Любимовка; 17. Лебедевка; 18. Филипповка; 19. С.Любимовка; 20. Преображенка Елга и Кладовой; 21. Ново Сергиевка; 22. Новая Белогорка; 23. Осьмушкино; 24. Бурдыргинский; 25. Св.Свердлова; 26. Медведковская; 27. Краснопартизанский 2; 28. Павловская; 29. Барышников; 30. Болдыревский; 31. Чкаловский; 32. Бердинска гора; 33. Бис-Оба; 34. Благословенский; 35. Маячная гора; 36. Нежинский, Алебастрова гора, Башкирское стойло, Горбатый мост; 37. Красногорский; 38. Покровка; 39. Тамар-Уткуль; 40. Тара-Бутак; 41. Мечет-Сай; 42. Увак; 43. Близнецы; 44. Пятимары; 45. Пятимары-2; 46. Веселый Ак-Булак; 47. Болгарка 2; 48.Сынтас; 49.Бес-Оба; 50.Ак жар; 51. Каргала; 52. Жаксы Каргала; 53. Кум сай; 54. Биш-Оба; 55. Сара; 56. Орск – Ново-Аккермановка; 57. Урал сай; 58. Еленовка; 59. Три Мара; 60. Четыре Мара; 61. Соколовский; 62. Матвеевский; 63. Энергетик; 64. Буруктал; 65. Елбулак-Тамак; 66. Уязыбашево; 67. Чумарово; 68. Чукраклы; 69. Нижние Кузлы; 70. Юрматы; 71. Уметбаево; 72. Загребалово; 73. Курмантаево; 74. Михайловка; 75. Табынское; 77. Каскино; 78. Утаркино; 79. Тавлыкаево; 80. Ст Комсомол; 81. Ивановка 1; 82. Байгускарово; 83. Переволочан; 84. Бурибай; 85. Сагитово; 86. Ново-Петроапавловка 1; 87. Новый КУмак; 88а Исянбетово; 88б. Новорский-1-2; 89. Альмухаметово; 90. Сибай; 91. Целинный; 92. Булатово; 93. Корсакбаас; 94. Малый Кизыл; 95. Черниговский; 96. Обручевский; 97. Давлетшино; 98. Биккулово; 99. Николаевка 2; 100. Аландское; 101. Соколок; 102. Климовские; 103. Варна; 104. Мирное; 105. Березовский; 106. Путиловская заимка; 107. Таракановка; 108. Елантау; 109. Дружное; 110. Черняки; 111. Вознесеннское село; 112. Клястицкое; 113. Шатрово; 113. Перелески.

Не менее важным представляется не только вопрос, в каких именно погребениях и где были положены предметы узды, но и как положены. Часть предметов узды находилась непосредственно на останках коней, положенных взнузданными. Предметы узды парциальных конских захоронений были сложены в кучку в непосредственной близости или в засыпи могилы. Как правило, это остатки нескольких уздечных наборов. Три уздечных набора из коллективного погребения 2 в дромосной могиле в кургане 2 Мечет-Сайского могильника, по всей видимости, были подвешены к потолку деревянного перекрытия, так как они были найдены выше дна могилы в засыпи. Во многих случаях, в ненарушенных погребениях, можно предполагать, что уздечные наборы были положены с ременными частями не в кучку, а в расправленном виде. Поэтому зачастую предметы узды рассредоточены. Например, в погребении 3 кургана могильника Сынтас предметы узды были найдены в ногах, между ног и с левой стороны берцовых костей. Касаясь расположения предметов узды в погребальном сооружении, хочется отметить еще один, возможно, незначительный факт. В ряде ненарушенных погребений зафиксировано наличие в уздечном наборе только трех пронизок для перекрестных ремней. В кургане 8 могильника Пятимары, погребения коней не были нарушены. Тем не менее, в уборе коня 3 зафиксированы три пронизи для перекрестных ремней. Три пронизи вместо четырех были зафиксированы также в ненарушенном погребении кургана 5 могильника Новый Кумак-2 и при погребении стражника на перекрытии в кургане 6 могильника Новый Кумак. Подмеченная особенность может свидетельствовать о существовании некого обряда «возврата». Из этнографии калмыков и киргизов мне известен обряд возврата, когда дарят скот, то хозяин при передаче отрезает кусок повода и оставляет его в руках, или, отливая молоко для чужих, хозяйка отливает обязательно назад несколько капель. Это называется взять «возврат» и рассматривается как залог дальнейшего произрастания скота у подарившего.

На базе собранного материала из Южного Приуралья-Зауралья мной изучены 52 полных уздечных набора и 11 неполных, часть из которых представлены отдельными предметами узды. Все уздечные наборы делятся на три стилистические группы, различия между которыми носят явно хронологический характер. Поскольку объем данной статьи не позволяет представить результаты анализа уздечных наборов, то им будет посвящена отдельная публикация.

Список погребений

1. Полные захоронения коней*. Курган 8 Пятимары (Смирнов К.Ф., 1964, рис. 26-28, 1975, с.31-34); Курган 6 Пятимары (Смирнов К.Ф., 1964, рис. 29; 1975, с.27); Курган 9 Мечет-Сай (Смирнов К.Ф., 1964, с.315, рис. 22; 1975, с.145-146); Курган 8 Бис-Оба (Смирнов К.Ф., 1964, с.101, рис. 15, 5г); Курган 1 Покровка (Смирнов К.Ф., 1964, с.101, рис. 16, 1а-г); Курган 2 Покровка (Смирнов К.Ф., 1964, с.101); курган 2 Покровка-2 (Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н., 1993, с.15-18, рис. 17-18).
2. Парциальные захоронения коней. Курган 1 Филипповка (Пшеничнюк А.Х., 1989; Золотые олени, с.74-149); Курган 1 Покровка-2 (Яблонский Л.Т., 2000, с.97-105, рис. 1); Переволочаны 10 (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1995, с.78-93, рис. 10, 11).
3. Узда на погребении. Курган 6 Новый Кумак (Мошкова М.Г., 1962, с.209-210, рис. 5, 5); Курган 13 Новый Кумак (Мошкова М.Г., 1962, с.217, рис. 11, 6).
4. Узда в южной части насыпи. Варна (Таиров А.Д., Боталов С.Г., 1988, с.100-117, рис. 4-5); Курган у г. Новоорск (Смирнов К.Ф., 1984, с.10-14, рис. 1); Курган 1 Загребалово (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1977, с.60, рис. 6, 1-9).
5. Погребения с западной ориентировкой погребенного. Курган 7 погребение 1 Новый Кумак (Мошкова М.Г., 1962, с.210-212, рис. 6, 8-9); Курган 19 Новый Кумак (Мошкова М.Г., 1962, с.238, рис. 14, 8). Курган 5 погребение 1 Новый Кумак-2 (Смирнов К.Ф., 1977, с.5-12, рис. 2, 3); Курган 5 погребение 2 Новый Кумак-2 (Смирнов К.Ф., 1977, с.5-12, рис.

* В списке указаны только опубликованные комплексы.

3); Курган 4 Бес-Оба. (Кадырбаев М.К., 1984, с.84-93, рис. 1-7, 23); Курган 5 погребение 1 Аландское-3 (Мошкова М.Г., 1972, с.49-59, рис 5, 1-8).

6. Погребения с южной ориентировкой погребенного и предметами узды в ногах. Курган 2 погребение 2 Мечет-Сай (Смирнов К.Ф., 1964, рис. 20-21; 1975, с.82-83); Курган 19 погребение 2 Новый Кумак-2 (Смирнов К.Ф., 1977, с.26, рис. 12, 1-5); Курган 8 Альмухаметово (Пшеничнюк А.Х., 1983, с.44-51, табл. 33, с.6-7, 15-18, 20); Курган 1 погребение 1 Сынтас-1 (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976, с.137-156, рис. 1, 2); Курган 1 погребение 3 Сынтас-1 (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976, с.137-156, рис. 1, 5) ; Алебастрова гора (Смирнов К.Ф., 1964, с.334, рис. 40, 1а-г).
7. Погребения с южной ориентировкой погребенного и предметами узды в изголовье. Курган 5 Переволочаны (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1995, с.4, рис. 3); Курган 10 погребение 1 Переволочаны (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1995, с.81-82, рис. 12); Курган 10 погребение 2 Переволочаны (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1995, с.85-88, рис. 13-14); Курган 2 погребение 1 Сынтас-1 (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976, с.137-156, рис. 1, 10); Курган 9 Бес-Оба (Кадырбаев М.К., 1984, с.84-93, рис. 3, 6, 9, 12).
8. Погребения с южной ориентировкой погребенного и предметами узды в разных местах. Курган 1 погребение 2 Сынтас-1 (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976, с.141-142); Курган 2 Обручевский (Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д., 1993, с.53-68); Курган 6 погребение 2 Переволочаны (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1995, с.69, рис. 4, 5); Курган 8 Переволочаны (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1995, с.73, рис. 7, 8); Курган 2 погребение 3 Мечет-Сай (Смирнов К.Ф., 1964, с.314, рис. 21, 2в, Смирнов К.Ф., 1975, с.78-85); Курган 2 погребение 3 Тара-Бутак (Смирнов К.Ф., 1964, с.311-312; Смирнов К.Ф., 1975, с.39-44).
9. Погребения разрушенные или с неполными данными. Черниговский (Смирнов К.Ф., 1964, рис. 9, 1а-л, Зуев В.Ю., 1991, рис. 1); Курган 7 Сара (Смирнов К.Ф., 1964, с.328-329, рис. 35Б, 3, 5, 10); Курган у хут. Веселый в урочище Ак-Булак (Смирнов К.Ф., 1964, 332, рис. 38, 2-11); Курган 4 погребение 3 Пятимары (Смирнов К.Ф., 1964, с.324-325, рис. 31, Смирнов К.Ф., 1975, с.19-22); Курган 5 Пятимары-2 (Смирнов К.Ф., 1961, с.94-95, рис. 54); Курган 2 Новый Кумак (Мошкова М.Г., 1962, с.205-206, рис. 4, 1-2); Актюбинск, случайная находка (Грязнов М.П., 1956, с.8-16, рис. 1, 4).
10. Погребения на уровне древнего горизонта. Курган 1 Покровка-2 (Яблонский Л.Т., 2000, с.97-105, рис. 1); Курган 4 Бес-Оба (Кадырбаев М.К., 1984, с.84-93, рис. 1-7, 23); Курган 9 Бес-Оба (Кадырбаев М.К., 1984, с.84-93, рис. 3, 6, 9, 12). Курган 8 Альмухаметово (Пшеничнюк А.Х., 1983, с.44-51, табл. 33, 6-7, 15-18, 20); Курган 6 погребение 2 Переволочаны (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1995, с.69, рис. 4, 5); Курган 8 Переволочаны (Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х., 1995, с.73, рис. 7, 8); Курган 1 погребение 1 Сынтас-1 (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976, с.137-156, рис. 1, 2); Курган 1 погребение 2 Сынтас-1 (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976, с.141-142; Курган 1 погребение 3 Сынтас-1 Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976, с.137-156, рис. 1, 5); Курган 2 погребение 1 Сынтас-1 (Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К., 1976, с.137-156, рис. 1, 10).

Литература

1. Викторова Л.Л. Монголы. – М., 1980. –136 с.
2. Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. – М., 1948. – N 3. – С.100-120.
3. Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с.Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург, 1993. – С. 53-68.
4. Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. – М., 1956. – №61. – С.8-16.
5. Заседателева С.Н. Исследование могильника Новоорский // АО. – М., 1983. – С.215.
6. Золотые олени Евразии. – СПб, 2001. – 247 с.
7. Зуев В.Ю. Курган 1888 г. у поселка Черниговского // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Сборник статей молодых ученых. – Л., 1991. – С.42-53.

8. Железчиков Б.Ф., Барбарунова З.А. Погребальный обряд савроматской культуры как объект комплексного исследования формализованно-статистическими методами // Античная цивилизация и варварский мир. – Новочеркасск, 1992. – Часть 2. – С.51-58.
9. Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р.Илек. Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата, 1976. – С. 137-156.
10. Кадырбаев М.К. Курганные некрополи Верховьев реки Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 84-93.
11. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск, 1992. – 218 с.
12. Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Курганы раннесарматской культуры в южной и юго-восточной Башкирии // Исследования по археологии южного Урала. – Уфа, 1977. – С. 32-42.
13. Мажитов Н.А., Пшеничнюк А.Х. Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. – Уфа, 1995. – С. 62-98.
14. Мачинский Д.А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. – Л., 1971. – Вып.13. – С. 30-55.
15. Моргунова Н.Л., Трунаева Т.Н. Раскопки кургана 2 могильника Покровка-2 в 1991 // Курганы левобережного Илека. – М., 1992. – Вып.1. – С. 15-18.
16. Мошкова М.Г. Ново-Кумакский могильник // МИА. – М., 1962. – Вып.115. – С. 204-242.
17. Мошкова М.Г. Савроматские памятники северо-восточного Оренбуржья // Памятники южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени // МИА. – М., 1972. – Вып.153. – С. 49-78.
18. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. – М., 1974. – 51 с.
19. Очир-Горяева М.А. Погребальный обряд населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья VI-IV вв. до н.э. // Археологические исследования Калмыкии. – Элиста, 1987. – С. 35-53.
20. Очир-Горяева М.А. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Сборник научных трудов Калмыцкого госуниверситета. – Элиста, 1990. – С. 81-92.
21. Очир-Горяева М.А. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии // Российская археология. – М.,1992а. – N 2. – С. 32-41.
22. Очир-Горяева М.А. Особенности колчанных наборов кочевников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // II Кубанская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Краснодар, 1993а. – С.77-78.
23. Очир-Горяева М.А. О соотношении памятников Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // Петербургский Археологический Вестник. – СПб, 1993б. – Вып. 4. – С.81-87.
24. Очир-Горяева М.А., Дворниченко В.В. Предметы конской узды из могильника Кривая Лука // Монголоведение. – Элиста, 2004. – С. 169-178.
25. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. – М., 1983. – 199 с.
26. Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале (препринт доклада). – Уфа, 1989. – 32 с.
27. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // МИА. – М., 1961. – Вып. 101. – 164 с.
28. Смирнов К.Ф., Петренко В.Г. Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. САИ. – М., 1963. – Вып. Д1-9. – 38 с.
29. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М., 1964. – 377 с.
30. Смирнов К.Ф. Орские курганы ранних кочевников. Сборник // Исследования по археологии Южного Урала. – Уфа, 1977. – С. 3-51.
31. Смирнов К.Ф. Раннесарматский курган под Новоорском Оренбургской области // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 10-14.
32. Смирнов К.Ф. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. – М., 1977. – С.124-139.

33. Смирнов К.Ф. Кочевники Северного Прикаспия и Южного Приуралья скифского времени // Этнография и археология Средней Азии. – М., 1979. – С. 74-78.
34. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М., 1984. – 181 с.
35. Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М., 1975. –175 с.
36. Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Коксу (южный Алтай) // АСГЭ. – Л., 1974. – Вып.16. – С. 62-91.
37. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Савроматская эпоха. – М., 1994. – Вып.1. – 232 с.
38. Таиров А.Д., Боталов С.Г. Курган у с.Варна // Проблемы археологии Урало-казахстанских степей. – Челябинск, 1988. – С. 100-117.
39. Таиров А.Д. Прохоровская культура Южного Урала: генезис и эволюция // Раннесарматская культура. Формирование. Развитие. Хронология. – Самара, 2000. – С. 16-28.
40. Таиров А.Д.Периодизация памятников кочевников Южного Зауралья 7-2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. – Краснодар, 2004. – С.3-21.
41. Чежина Е.Ф. Художественные особенности звериного стиля Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. – Л., 1983. – Вып. 23. – 1983. – С.16-30.
42. Яблонский Л.Т. Курганы левобережного Илека. – М., 1993. – Вып.1. – 128 с.
43. Яблонский Л.Т. Работы комплексной Илекской экспедиции на юге Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург, 2000. – С. 97-105.
44. Grakov B. Monumente de la culture scythigue entre la Volga et les monts Ontral. Eurasia Septentrionalis Antiqua. – Helsinki, 1928. – 27-60.
45. Grjaznov M.P. Der Grosskurgan von Arzan in Tuva; Suedsibirien // Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archaeologie. – Muenchen, 1984. – Band 23. – 90 s.
46. Rau P. Die Graeber der fruehen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet: Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. – Pokrovsk, 1929. – 112 s.

Симонов Д.А., Ширин Ю.В.
(г.Новокузнецк)

БРОНЗОЛИТЕЙНАЯ МАСТЕРСКАЯ БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА Р. ЧУМЫШ

В ходе археологической разведки 2004 г. на р. Чумыш в окрестностях пос. Ельцовка Ельцовского района Алтайского края было найдено несколько памятников (Ширин Ю.В., 2005). В 2005 г. на одном из них (поселение Гробница-3) были проведены охранные раскопки. Поселение Гробница-3 расположено в 3 км к СВ от пос. Ельцовка на первой правобережной террасе р. Чумыш у устья ручья. Площадка террасы высотой 12 м над уровнем реки с севера прикрыта еще более высоким увалом. Здесь отмечено 3 западины округлой формы. Поверхность террасы чистая, кустарник и деревья растут только в каньоне ручья. Охранными раскопками были исследованы участки поселения с западинами, а также примыкающее к ним межжилищное пространство. Общая площадь раскопок — более 300 кв. м. Вся вскрытая площадь была рекультивирована. На поселении Гробница-3 было исследовано несколько разновременных объектов. Керамика из верхнего слоя и из западины №1 датируется ранним средневековьем. Большая часть раннесредневековой керамики поселения Гробница-3 по форме и орнаменту аналогична керамике из поселенческих раннесредневековых комплексов Горной Шории и Кондомо-Томских предгорий

конца I тыс. н.э. Керамика из нижнего слоя поселения Гробница-3 относится к раннему железному веку (рис. 5, 6). С западиной №2 связана бронзолитейная мастерская этого же времени.

Среди большого массива исследованных в Верхнем Приобье поселений эпохи раннего железа, крайне мало встречено памятников, содержащих датирующий материал. При этом инвентарные находки, присутствующие в материалах раскопок поселений, могут иметь относительно широкую хронологию бытования. На многослойных поселениях, с чередованием слоев смежных эпох (этапов), такие артефакты не всегда можно с уверенностью соотносить с конкретным керамическим материалом. В связи с этим бронзолитейные комплексы заслуженно привлекают внимание исследователей. Они дают возможность синхронизации конкретных типов изделий, отливаемых в найденных формах, с сопутствующими им типами керамики, что является основой для установления хронологических рамок бытования тех или иных культурных комплексов.

Бронзолитейная мастерская, исследованная на поселении Гробница-3 при раскопках западины №2, располагалась у подножия увала. Это была полуземлянка, частично врезанная в склон. Контур котлована этого объекта лучше всего прослежен именно на участке врезки в склон (рис. 1). Судя по интерьерным особенностям и отсутствию столбовых ям, постройка могла быть срубной. Она имела подпрямоугольный план (4,5х6,5 м) с заглубленным коридорообразным выходом (1х2 м) в центре длинной юго-западной стены, обращенной к реке. Внутри постройки, в восточном углу располагался углубленный очаг. В его заполнении кроме углей и прокаленного грунта найдены обломки глиняной обмазки. Их ремонтаж позволяет предполагать, что это остатки нижней части плетеной из прутьев вытяжной трубы, установленной на земляной край очага. Вокруг очага расчищены скопления фрагментов глиняных сосудов (рис. 5). Здесь же найдено глиняное пряслице с резными знаками на одной плоскости (рис. 4 — 5). Еще одно глиняное пряслице, с радиальными полосками на плоскости (рис. 4 — 7), найдено у юго-западной стены, у входа в постройку. В центре полуземлянки, судя по прокаленным участкам почвы на земляном полу, устраивались временные открытые очаги. В северном углу постройки, у примыкающих участков северо-восточной и северо-западной стен, были две хозяйственные ямы. У северо-восточной стены, в яме подпрямоугольной формы (57х65х10 см) найдено скопление обломков глиняных бронзолитейных форм и развал глиняной миски (рис. 5 — 4). Отдельные обломки форм и фрагменты сосудов найдены на участке пола между этой ямой и прокалами в центре постройки. Все формы изготовлены из глины. Изделия из камня представлены обломками абразивных инструментов и курантами. Еще один углубленный очаг выявлен снаружи постройки, в 1,5 м к югу от входа (рис. 1). Кроме этого, с внешней стороны постройки, у ее западного угла найдено скопление прокаленного грунта с отдельными обломками бронзолитейных форм — видимо, результат чистки внутренних очагов.

Нужно отметить, что обломки бронзолитейных форм были найдены и на других участках поселения Гробница-3. Это позволяет предполагать, что бронзолитейное производство не было локализовано только в одном объекте поселения. Тем не менее, постройка, связанная с западиной №2, могла быть наиболее приспособлена для этой деятельности. К сожалению, здесь не было найдено металлических изделий, даже в виде литейного брака или лома. Кроме бронзолитейных форм (рис. 2-4) и обломков двух чашевидных тиглей (рис. 3 — 15) в западине №2 найдена только одна небольшая капля бронзы.

Формы для кельтов (25 фрагментов) (рис. 2). Все створки правильной формы, со скругленными углами, гладкими спинками. Литниковых воронок нет, но в верхней части створок, по их длинной оси, проходит желобок, соединяющий устье формы с верхним краем негатива втулки кельта. На одном крупном обломке представлен оттиск кельта с ухом, расположенным у края втулки сбоку (рис. 2 — 3). Такой же оттиск уха кельта присутствует еще на одном мелком обломке формы (рис. 2 — 2). На всех фрагментах верхней части форм по краю втулки будущего кельта сформован узкий желобок (валик на устье втулки кельта). Размеры форм для отливки кельтов установить сложно из-за фраг-

ментарности обломков. Толщина стенок форм колеблется от 10 до 20 мм. Сердечники к данным формам обнаружены не были.

Формы для втульчатых (долотовидных?) орудий (10 фрагментов) (рис. 3 — 1-7). В плане створки прямоугольной формы с округлыми спинками и с явным заужением к рабочей части. Из-за фрагментарности форм сложно достоверно установить типологическую принадлежность орудий и их размеры. Ширина форм составляет от 45 до 50 мм, толщина от 15 до 20 мм (рис. 3 — 5). На одном из фрагментов створки представлен оттиск матрицы втулки, которая, как и формы кельтов, имеет поясок в верхней части для фиксации сердечника. В зауженной части оттиска втулки есть желобок для отливки широкого валика (рис. 3 — 3). С данными формами связаны и обломки двух литейных шишек от втулок. Они представляют собой верхнюю часть сердечника с выпуклой шляпкой (рис. 3 — 2). На сохранившихся частях форм отсутствуют литники. Видимо, заливка производилась со стороны острия орудия.

Формы для круглых блях (2 фрагмента) (рис. 3 — 8, 9). Толщина форм — 15 мм. На фрагментах створок — оттиск круглой бляхи диаметром 40-45 мм с валиком по краю. В центре оттиска в створке сделано сквозное отверстие диаметром 7-8 мм. На одном фрагменте есть воронка литника, выходящая на торцевую часть створки. По всей видимости, второй створкой у этих форм являлась крышка без оттиска. Причем крышка была по диаметру меньше створки с оттиском, о чем говорит утолщение по краю формы.

Формы для отливки неопределяемых предметов (5 фрагментов). 1 фрагмент от створки с оттиском стержня с утолщением. Литниковая воронка отсутствует, но, возможно ею служило углубление правильной формы, сделанное на одной из внешней сторон этой створки. Ширина формы составляет 50 мм, толщина 20 мм. По длине данных нет (рис. 3 — 13). Возможно, это часть формы для отливки мелких обойм. В данном случае оттиск стержня является местом для сердечника, формирующего отверстие в обойме. 1 фрагмент от формы, на створке которой — оттиск круглого предмета со стержнем по оси. Литниковая воронка отсутствует. Ширина формы составляет 43 мм, толщина 22 мм. По длине данных нет (рис. 3 — 12). 1 фрагмент — предположительно от формы для отливки стержней диаметром 6-7 мм. Оттиск стержня несколько смещен к краю от оси формы. Ширина формы составляет 30 мм, толщина 17 мм. По длине данных нет (рис. 3 — 11). 1 фрагмент — от створки треугольной в разрезе — две ровные смежные плоскости примыкают друг к другу под прямым углом. Ввозможно, эта створка совмещалась с несколькими дополнительными створками (рис. 3 — 8).

Формы для бабочковидных блях (3 фрагмента). Один крупный фрагмент представляет собой почти полную створку (рис. 4 — 3). Она подквадратная, со скругленными углами. Форма сделана для одновременной отливки двух блях. На данной створке представлены оттиски обратной стороны блях, о чем говорят углубления для ушка и возвышение оттиска над уровнем плоскости формы. Размеры формы 90х75 мм, толщина от 10 до 15 мм. Два других фрагмента являются более мелкими частями двух створок одной формы. Одна створка имеет сходный с предыдущей формой рельеф, другая створка — для лицевой стороны изделия — с более четким оттиском (рис. 4 — 1, 2).

Все литейные формы, найденные на поселении Гробница-3, изготовлены из тонкоотмученной глины без заметных примесей. В наибольшем числе на данном памятнике представлены фрагменты форм для отливки кельтов. Реконструкция технологии изготовления и использования подобных форм уже проводилась (Грязнов М.П., 1956, с. 91, табл. XXIII). Полученные новые материалы позволяют уточнить некоторые из высказанных ранее предположений. Прежде всего, можно утверждать, что створки формировались в специальных емкостях, видимо деревянных. Об этом говорят не только ровные аккуратные очертания краев и спинок створок, но и невозможность избежать деформации относительно тонких стенок сырой глиняной формы без такой опоры. Емкость заполнялась глиной и утрамбовывалась. Затем с помощью деревянной модели делался оттиск. При этом предложенная М.П. Грязновым техника оттискивания деревянной модели полностью воспроизводящей кельт требует некоторых дополнений. Судя по очень ровным краям створок, форма представляла собой половинку кельта на какой-либо ровной поверхности. При этом модель повторяла основную форму будущего изделия, а со сто-

роны устья втулки формировался небольшой выступ. Этот выступ был уже, чем модель кельта, и образовывал на форме поясок, который должен будет жестко фиксировать сердечник. Именно эта разница в ширине сердечника и модели составляет толщину стенки втулки будущего кельта. После оттиска модели получалась одна створка формы. В еще сырой глине, в верхней части формы, где моделировался поясок крепления сердечника, вдоль длинной оси делался полукруглый желобок. По-видимому, и валик по краю втулки так же формировался на данном этапе. Изготовление деревянной модели с валиком представляет определенные затруднения, значительно проще сформировать желобок под валик на готовой створке еще сырой формы. Так же, как, по мнению М.П. Грязнова, делались оттиски ушек кельта (Грязнов М.П., 1956, с. 91). При этом более вероятно, что оттиски ушек изготавливались не путем наложения двух половинок форм с вложенным между ними прутиком, а поочередным оттискиванием согнутого прутика на каждой створке. В пользу этого предположения говорят находки кельтов со слегка смещенными половинками ушек.

Вероятнее всего, первичная сушка форм осуществлялась в исходных формовочных емкостях. Это позволяло избежать деформации створок при незначительной их толщине (в среднем 15 мм). После первичной сушки двух створок формировался сердечник (литейная шишка). Сердечники под формы для отливки кельтов при раскопках рассматриваемого здесь памятника обнаружены не были. Но их конструкция, по-видимому, мало отличалась от сердечников с таких памятников как городище Иткульское I, мыс Толстик, Шайдуриха, дер. Копятки (Зауралье), где найдены сходные створки форм с вертикальными литниковыми каналами на устьях (Бельтикова Г.В., 1993, рис. 4 — 1-4, 6-8, 12). В шляпках сердечников протачивались воронки, которые совпадали с расположением вертикальных осевых желобков на устьях форм. Следует полагать, что таких вертикальных каналов было два, причем один служил для заливки металла, а второй, на противоположной створке, использовался как выпар. По реконструкции предложенной М.П. Грязновым, сердечник крепился только пояском в верхней части формы (Грязнов М.П., 1956, табл. XXIII — 10). Но таким способом после сушки и усадки глины жесткое скрепление сердечника и формы невозможно. Необходима дополнительная опора сердечника, которой может стать шляпка. Сами сердечники формировали путем заполнения пространства под будущую отливку, а сверху формировалась шляпка, для опоры на торец формы. Получалась модель кельта, но со шляпкой сверху и шейкой. После сушки и обточки получался сердечник, где в шляпке прорезались литники в соответствии с каналами в створках. Среди обломков были обнаружены фрагменты чашевидной конструкции, которая одним торцом стыкуется с верхним краем формы для отливки кельта (рис. 2 — 11). Подобные литниковые воронки были обнаружены и на поселении БЕ 12. М.П. Грязнов полагал, что воронка примазывалась к верхней части формы кельта, при этом в дне воронки проделывались отверстия соответствующие каналам в створках (Грязнов М.П., 1956, табл. XXIII — 3). Более вероятно, что для обеспеченья жесткого крепления сердечника, он изготавливался сразу с чашевидной шляпкой.

Немного иную конструкцию имеют формы для изготовления втульчатых орудий. Их сердечник крепился также как и в формах для отливки кельтов, но в сохранившейся шляпке сердечника нет литниковых воронок (рис. 3 — 2). Нет и каналов на пояске, примыкающем к устью втулки в торцовой части створки. Таким образом, можно сделать вывод, что сердечник крепился в форме наглухо, а заливка металла производилась со стороны лезвия. Литейные шишки втульчатых орудий подтверждают предположение, что они формировались путем заполнения глиной пространства между двумя высушенными створками. На кромке шляпок с внутренней стороны сохранились оттиски, которые соответствуют зазорам, образованным при совмещении двух створок (рис. 3 — 2).

Так как среди фрагментов форм для отливки бабочковидных блях наиболее полно представлена только створка с оттиском тыльной части изделия, то особенности их изготовления можно восстановить лишь частично (рис. 4 — 2). Формовка, по-видимому, осуществлялась простым оттискиванием готового изделия (на данной форме оттиснуто дважды, судя по всему, поочередно). Заметно, что изделие продавлено в глину неравномерно. По оси формы, поперек оттиснутых петель, были сделаны желобки для укладки

сердечников, оставляющих отверстие в петле. На сохранившейся части формы нет литниковой воронки. Возможно, она располагалась на створке с оттисками лицевой поверхности блях. Так как между изделиями на плоскости створки нет четкой границы, то после заливки, бляхи, видимо, приходилось разъединять механически.

По той же технологии, простого оттискивания готового изделия, изготовлялись формы для круглых блях (рис. 3 — 8, 9). На памятнике найдено два фрагмента, которые являются частями матрицы лицевой стороны. На одном обломке формы сохранилось литниковая воронка (рис. 3 — 9). Судя по всему и для бабочковидных и для круглых блях было характерно изготовление форм с литниковой воронкой на одной («лицевой») створке. Формы для отливки круглых блях имели отверстие в центральной части. Оно могло служить для крепления сердечника, служащего для образования отверстия в центре готовой бляхи.

Совмещение створок литейных форм производилось, при помощи разметочных рисок, которые есть на их внутренних совмещаемых краях и на внешней стороне (рис. 3 — 10). О способе жесткого скрепления створок форм говорить сложно, так как никаких внешних следов использования какого-либо крепления на формах не обнаружено. Простейшее термически устойчивое зажимное устройство могло быть изготовлено из стянутых ребер крупного животного. На спинках некоторых форм сохранились остатки глиняной монтажной обмазки, её толщина не превышает 3 мм. Такая незначительная толщина говорит о том, что это следы замазки щелей между совмещенными элементами формы.

На поселении Гробница-3 были обнаружены фрагменты форм, как использованных для заливки металла, так и те, в которые заливка не производилась. Возможно, во время сушки они были повреждены (растрескались из-за неравномерного воздействия температуры). О температурном режиме сушки форм можно судить по цвету глины. Глина имеет желтый, зеленоватый, красноватый оттенки. Желтый и зеленоватый оттенки получаются при незначительном прогреве. Соответственно можно сделать вывод, что после полной сборки формы производилась дополнительная сушка в непосредственной близости от открытого огня. Это позволяло удалить остаток влаги из форм при неравномерном просыхании на этапе изготовления. Нет никаких данных, которые говорили бы о том, что формы подвергались высокотемпературному обжигу. Некоторые фрагменты форм имеют несколько цветов глины; желтовато-зеленый со стороны спинки и красный со стороны оттиска. При этом внутренняя поверхность форм имеет явные признаки заливки металла — тонкая, сажистая, отслаивающаяся корка. Это также позволяет говорить о том, что интенсивного прогрева форм перед заливкой не производилось.

В целом рассмотренный комплекс форм дает некоторую информацию о характере бронзолитейного дела на поселении Гробница-3. Здесь производились различные категории инвентаря. Абсолютно преобладало производство предметов бытового назначения: кельты (не менее трех форм), втульчатые (долотовидные?) орудия (не менее двух форм). Определенный интерес представляет находка формы для отливки бабочковидных блях. Само присутствие подобных форм говорит о возможности местного производства данных категорий украшений. Впрочем, характер форм, нечеткий, неровный оттиск, не позволял получать изделия хорошего качества. По цвету форм после отливки можно сказать, что плохо прогретая форма приводила к образованию непроливов и раковин в изделии. Также достаточно высока была потеря форм на этапе их изготовления. Об этом говорит незначительное количество форм подвергшихся заливке металлом. Все эти наблюдения предварительно позволяют отметить, что уровень развития бронзолитейного дела на поселении Гробница-3 был относительно низким. Не очень высока была и интенсивность производства, если сравнивать с аналогичными комплексами Новосибирского Приобья (Троицкая Т.Н., Дураков И.А., 1999). Впрочем, судя по обобщенному обзору, сделанному А.В. Могильниковым (Могильников В.А., 1997, с. 100-101), для детальной характеристики бронзолитейных навыков населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа данных пока явно недостаточно.

Для определения культурно-хронологического места исследованной на поселении Гробница-3 бронзолитейной мастерской, обратимся к характеристике связанной с ней керамики. При расчистке этого объекта были найдены фрагменты не менее 15 сосудов

(рис. 5). Следует отметить, что на разных участках поселения Гробница-3 керамика эпохи раннего железа однотипна и может рассматриваться единым комплексом. Всего здесь были найдены фрагменты более 40 сосудов. Некоторые из них достаточно полно реконструируются (рис. 5, 6). Основная часть сосудов представлена плоскодонными закрытыми банками объемом от 3 до 10 л. Обрез венчиков — скругленный или с небольшим скосом вовнутрь. Только в двух случаях встречен узор на обрезе венчика. У одной банки он был украшен зигзагом из гладких насечек (рис. 6 — 1), а у другой — наклонными оттисками мелкозубой гребенки (рис. 5 — 1). Из других форм сосудов найдены 4 миски (объемом около 1,5 л) и 1 крынкообразный горшок (объемом около 0,5 л) (рис. 6 — 4). Все миски вдоль обреза венчика украшены одной строкой ямок. Ногтевые насечки, отмеченные под ямками у одной из них, видимо, оставлены мастером не намеренно. У этой же миски уплощенное дно снаружи покрыто плотно и относительно равномерно наколотыми неглубокими ямками (рис. 5, 4). У 75% сосудов в орнаменте использованы жемчужины. Чистым жемчужником украшена пятая часть сосудов. Мотив «жемчужины с разделителями» разных типов также составлял особый тип орнамента. Об этом говорит то, что из 11 отмеченных случаев, он только 1 раз был включен в иную орнаментальную композицию. В качестве разделителя между жемчужинами использованы оттиски трубочки (5 раз), палочки (2 раза), уголка лопатки (2 раза) и гладкая насечка (2 раза). Практически во всех случаях, когда жемчужник дополнял более сложный орнамент (13 раз), он использован без разделителя. При этом жемчужины наносились в последнюю очередь, накладываясь на орнаментальное поле уже заполненное гладкими насечками или иными оттисками. Насечками украшено более четверти сосудов. Они отпечатывались наклонно горизонтальными рядами (как правило, мотивом «елочка») (рис. 5 — 5; 6 — 2, 4, 8-11). Ряды, составляющие «елочку», наносились небрежно, при этом насечки из смежных рядов на отдельных участках пересекались, образуя «косую сетку», отмечаются сбои и в ритме орнамента. В единичных случаях наклонные оттиски наносились зубчатым орнаментиром (рис. 6 — 6, 11). У 15% сосудов (все баночной формы) зона шейки украшена налепными валиками. На месте накладывания валика (в 1,5-2,5 см от обреза венчика) прочерчивали желобок, валик примазывался, а затем украшался насечками, иногда крестообразно пересекающимися (рис. 5 — 2; 6 — 7-9).

Опираясь на опыт типологии керамики поселений Верхнего Приобья эпохи раннего железа, керамический комплекс поселения Гробница-3, связанный с бронзолитейной мастерской, следует отнести к быстрянской культуре (Абдулганеев М.Т., 1994; Абдулганеев М.Т., Викторов В.Н., 1997, с. 60-65). При этом хорошо заметно, что быстрянская керамика поселения Гробница-3 обладает рядом своеобразных черт, по которым быстрянские поселения верховий Чумыша могут быть выделены из однокультурных памятников Верхнего Приобья. Интересно, что они более близки поселениям Кондомо-Томских предгорий на юге Кузнецкой котловины (Блиновское-1, Карлык-1, Прорва-3, Тайменка). Ряд орнаментальных мотивов быстрянской керамики поселения Гробница-3 косвенно позволяет отнести данный комплекс к числу наиболее ранних памятников этой культуры. В частности, широкое использование в орнаментальных композициях мотивов, построенных на основе рядов плотно поставленных наклонных насечек, находит много аналогий среди керамики местных поселений финала эпохи бронзы. Разделитель в виде уголка лопатки также относительно ранний признак. Этим наблюдениям не противоречит анализ инвентарного комплекса поселения Гробница-3.

Глиняные формы для отливки бронзового кельта с боковыми ушками, аналогичные исследованным на этом поселении, известны на поселениях БЕ 12 (Грязнов М.П., 1956, табл. XXIII) и Боровое 3 (Абдулганеев М.Т., 1991, с. 99; Кирюшин Ю.Ф. и др., 1992, рис. 1 — 4, 5). Бронзолитейная мастерская на поселении БЕ 12 М.П. Грязновым была отнесена к раннему этапу, выделенной им большереченской культуры. Такая относительная хронология определена М.П. Грязновым на основе стратиграфических наблюдений и по аналогиям бронзовым предметам, которые могли изготавливаться в найденных на поселении формах (Грязнов М.П., 1956, с. 89-90). М.П. Грязнов отметил, что по керамике бронзолитейная мастерская на поселении БЕ 12 сходна с памятниками более позднего этапа, но для него не характерны бронзовые предметы, изготавливаемые в этой мастер-

ской. М.Т. Абдулганеев относит поселение БЕ 12 и поселение БЕ 1 (которые предполагает частями одного поселения) к V-IV вв. до н.э. (Абдулганеев М.Т., 1992, с. 123), Т.Н. Троицкая считает, что поселение БЕ 1 не может быть датировано позже V в. до н.э. (Троицкая Т.Н., 1992, с. 35), а А.Л. Кунгуров синхронизирует эти поселения с раннестароалейскими погребальными комплексами VI-V вв. до н.э. (Кунгуров А.Л., 2001, с. 294).

Некоторые датированные аналогии можно найти и среди готовых изделий. По такой же технологии изготовлен двуушковый кельт, обнаруженный на поселении Мыльниково (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, рис. 10 — 2). Об этом говорят две шишечки на краю втулки по фронтальной оси кельта, которые остались от литниковых каналов. Этот кельт несколько больше, чем те, которые отливались на поселении Гробница-3. Также отличается форма ушек. Данный тип кельтов датируется VIII-VII вв. до н. э. (Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, с. 34). В целом можно говорить о более длительном периоде бытования двуушковых кельтов с валиком у края втулки. Также как и на поселении БЕ 12, на поселении Гробница-3 обнаружены фрагменты форм с отсутствием ушек на втульчатой части кельтов (рис 2 — 4-7). Эти находки не исключают того, что кельты не только могли изготавливаться без ушек, но могли иметь и одно боковое ушко. Следует отметить, что на поселении Гробница-3 вообще не найдено форм кельтов, позволяющих достоверно установить число ушек. Аналогии для кельтов без ушек, либо с одним ушком, являются хронологически более поздними, чем для двуушковых. Вероятно, подобная технология отливки кельтов использовалась и в Прииртышье, где найдены сходные обломки форм на поселении Инберень VI (Абрамова М.Б., Стефанов В.И., 1985, рис. 8 — 4).

Втульчатые орудия, отливаемые на поселении Гробница-3, мы предположительно отнесли к долотовидным орудиям. Менее вероятно, что это наконечники дротика. Впрочем, и те и другие изделия наиболее характерны для памятников переходного времени от эпохи бронзы к эпохе раннего железа (Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., 2004, рис.1 – 7).

Бабочковидные бляхи аналогичные изготавливаемым на поселении Гробница-3 обнаружены на могильниках Новотроицкий 1 (рис. 4 — 4) (Уманский А.П., Шульга П.И., 2005б, рис. 6) и Березовка 1 (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, рис. 19 — 2) в комплексах вт. пол. VI – п. пол. V вв. до н.э.

Таким образом, по совокупности хронологических признаков керамики и инвентаря, быстрянский комплекс поселения Гробница-3 следует отнести к самому раннему этапу быстрянской культуры — сер. VI – п. пол. V вв. до н. э. Столь ранняя датировка быстрянских поселений на р. Чумыш вполне согласуется с хронологией соответствующих им погребений, самые ранние из которых также могут быть датированы VI в. до н. э. (Уманский А.П., Шульга П.И., 2005а, с. 148).

До недавнего времени, одним из наиболее ранних памятников быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша считался могильник Аэродромный, датированный V в. до н.э. — «граничащий в хронологическом плане с бийским этапом большереченской культуры (VI – нач. V вв. до н.э.)» (Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л., 1996, с. 152). Судя по всему, в Верхнем Приобье в VI-V вв. до н. э. складывается более сложная культурная ситуация, в которой еще многое не ясно. С этим временем здесь связано формирование нескольких культур с участием пришлых компонентов, при несомненном сохранении автохтонных культурных групп, продолжающих культурные традиции переходного времени. Ряд заслуживающих внимания наблюдений в этой связи сделаны Я.В. Фроловым (Фролов Я.В., 1999). Сходные процессы проходили и в прилегающем с востока регионе — в Притомье, где инвентарные комплексы VI-V вв. до н. э. имеют много аналогий в памятниках Верхнего Приобья. Более того, например, в составе Степановского «клада» можно найти не только аналогичные верхнеобским бронзовые изделия, но и весьма специфичную керамику, отнесенную к «протобийскому типу» (Плетнева Л.М., 1977, рис. 32 — 2; Папин Д.В., Шамшин А.Б., 2005, рис. 60 — 9). Важно отметить, что Притомье, в том числе и в пределах Кузнецкой котловины, всегда оказывается под влиянием тех же культурных импульсов, что и Верхнее Приобье.

Уточнение культурно-хронологических характеристик быстрянских памятников из лесостепных районов Верхнего Приобья, а также расширение их ареала до центральных районов Кузнецкой котловины позволяет по новому ставить проблему культурно-

хронологического соотношения быстрянских памятников и пазырыкских. Неоднозначность решения многих аспектов этой проблемы уже осознавалась исследователями ранее. Как верно отметил М.Т. Абдулганеев, одновременность появления сходной керамики в предгорьях и в горах Алтая, хотя и не исключает культурной близости населения этих регионов, не позволяет однозначно трактовать направление культурного влияния (Абдулганеев М.Т., 1994, с. 109). По нашему мнению, не исключая возможности взаимной инфильтрации носителей быстрянской и пазырыкской культур, не следует преувеличивать значения этого процесса в формировании культурного облика данных регионов. Прежде всего, быстрянскую культуру, по крайней мере, ее лесостепной вариант, уже нельзя рассматривать как результат «тихих» миграций, в том числе пазырыкцев (Киреев С.М., 1994, с. 119-120). Нельзя исключать и такую культурную ситуацию, при которой формирование быстрянской культуры могло предшествовать пазырыкской (Чугунов К.В., 2001, с. 176-177).

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Заключительный этап большереченской культуры // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Банаул, 1991. — С. 98-100.
2. Абдулганеев М.Т. О культурной принадлежности бронзолитейной мастерской в пункте БЕ 12 // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 121-124, 219-221.
3. Абдулганеев М.Т. Валиковая керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул, 1994. — С. 106-109.
4. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н. э. — Барнаул, 1997. — 148 с.
5. Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. — Барнаул, 1996. — С.148-155.
6. Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. — Новосибирск, 1985. — С. 103-130.
7. Бельтикова Г.В. Литейные формы иткульского очага металлургии (VII-III вв. до н.э.) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. — Екатеринбург, 1993. — С. 38-75.
8. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ села Большая Речка / МИА. — М.; Л, 1956. — № 48. — 160 с.
9. Дураков И.А., Мыльникова Л.Н. Изделия из металла поселения Линево-1 переходного времени от бронзового к железному веку // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Материалы всероссийской научной конференции. — Омск, 2004. — С. 207-210.
10. Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстрянской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. — Барнаул, 1994. — С. 118-120.
11. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. — Бийск, 1992. — С. 7-47.
12. Кунгуров А.Л. К вопросу об этнокультурной ситуации в Барнаульско-Бийском Приобье во второй половине I тыс. до н.э. // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: Материалы XII Западносибирской археолого-этнографической конференции. — Томск, 2001. — С. 293-296.
13. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. — М., 1997. — 195 с.
14. Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульскле приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. — Барнаул, 2005. — 202 с.
15. Плетнева Л.М. Томское Приобье в конце VIII-III вв. до н. э. — Томск, 1977. — 141 с.

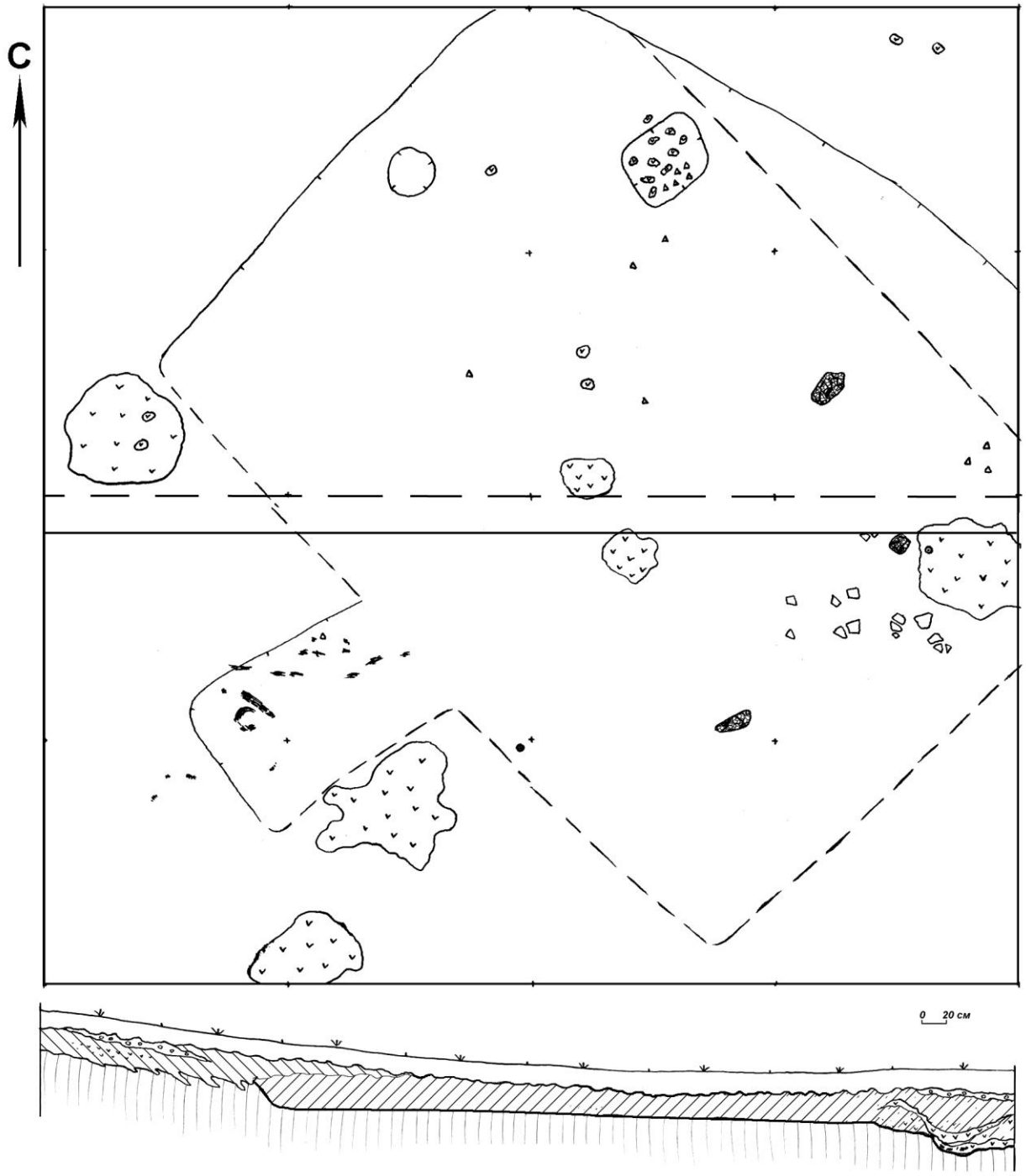


Рис.1

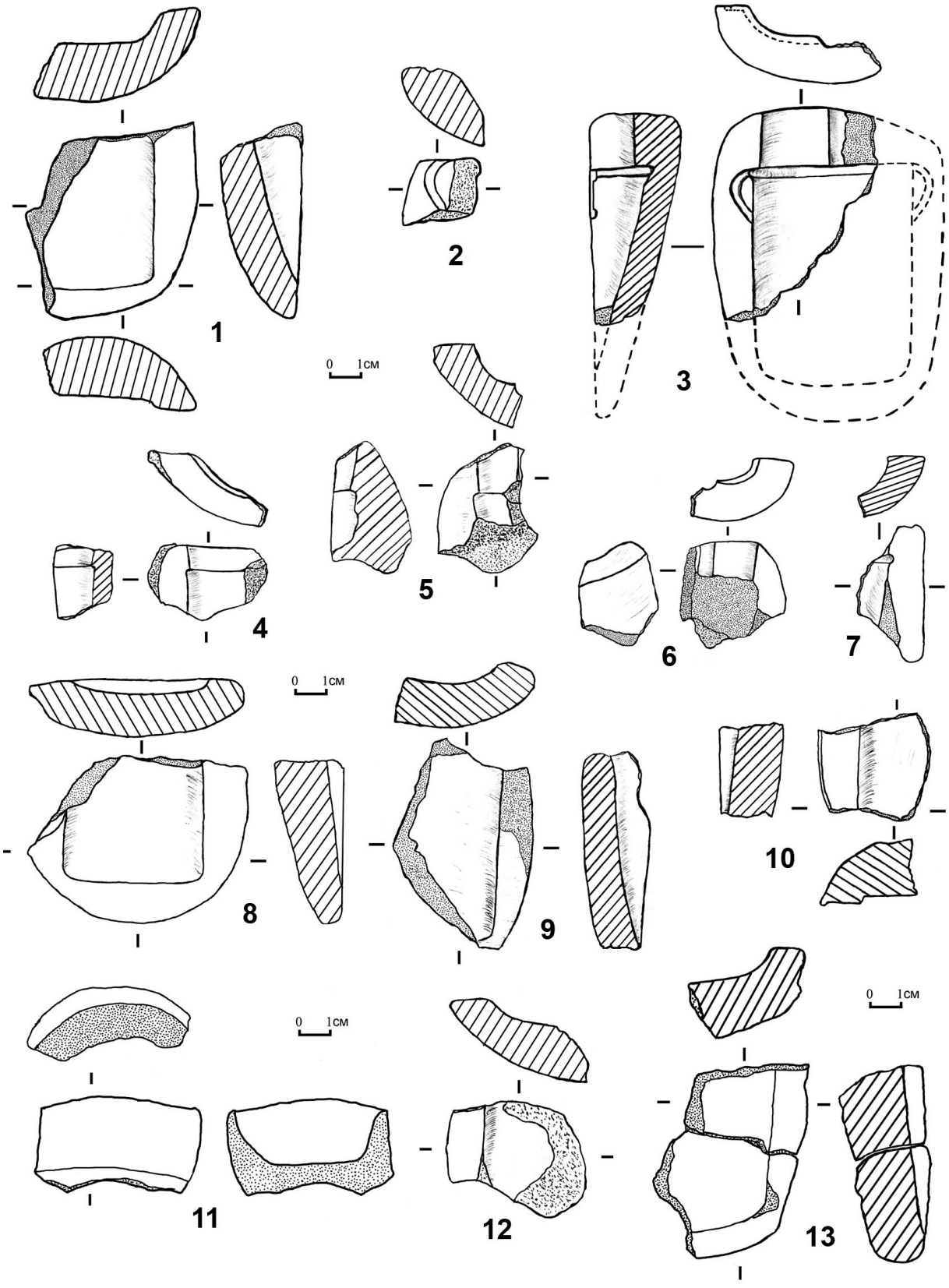


Рис.2

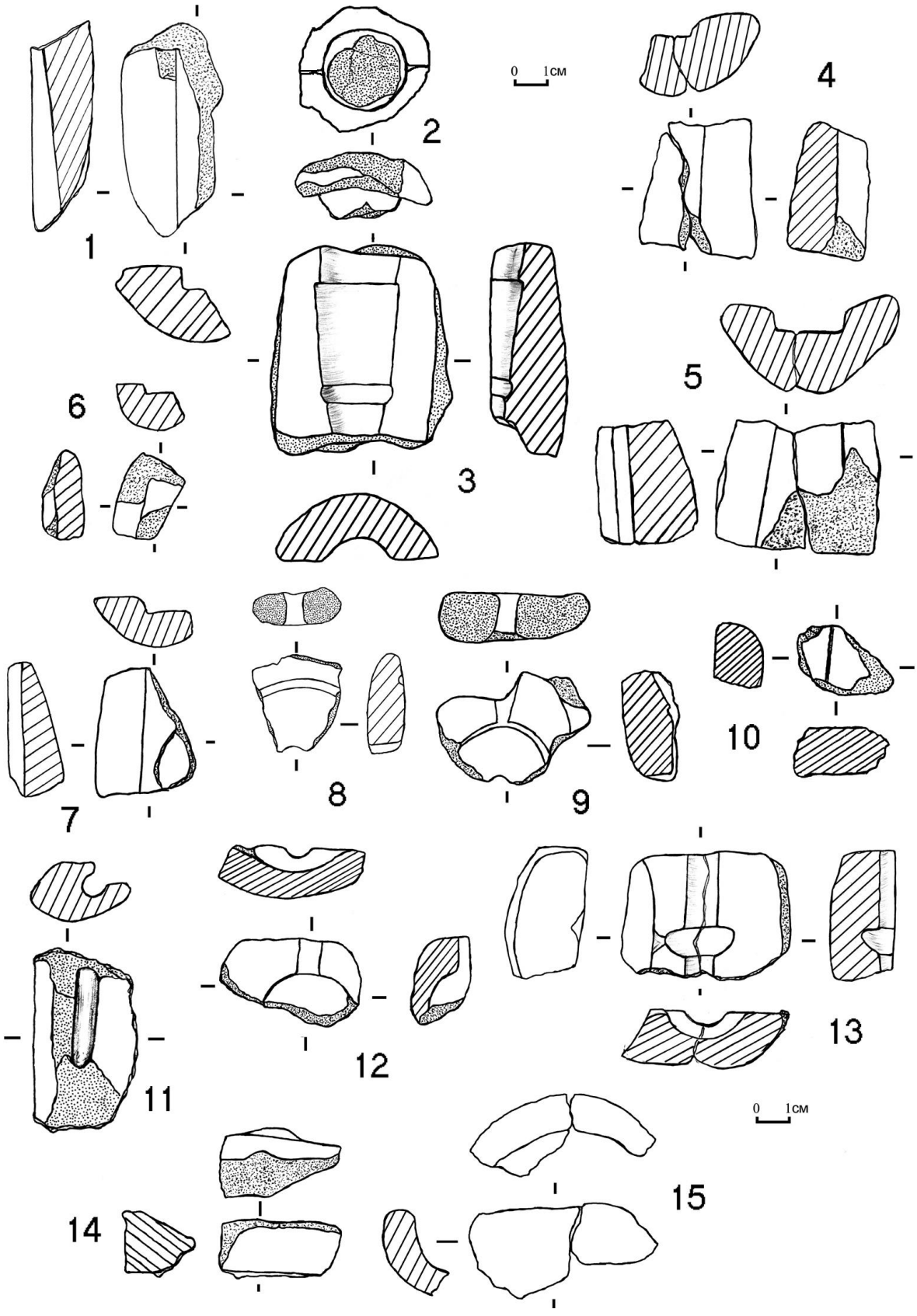


Рис.3

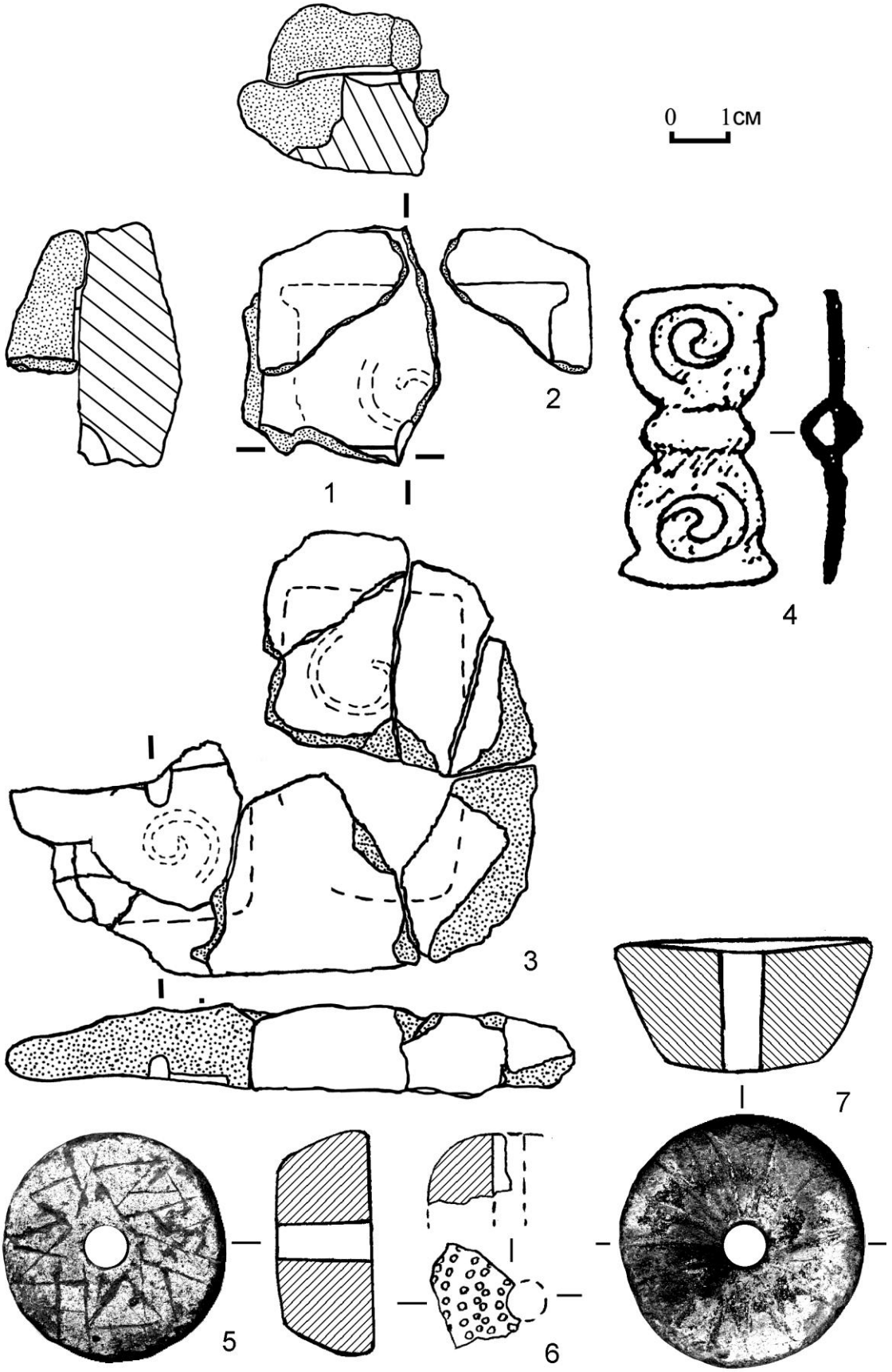


Рис.4

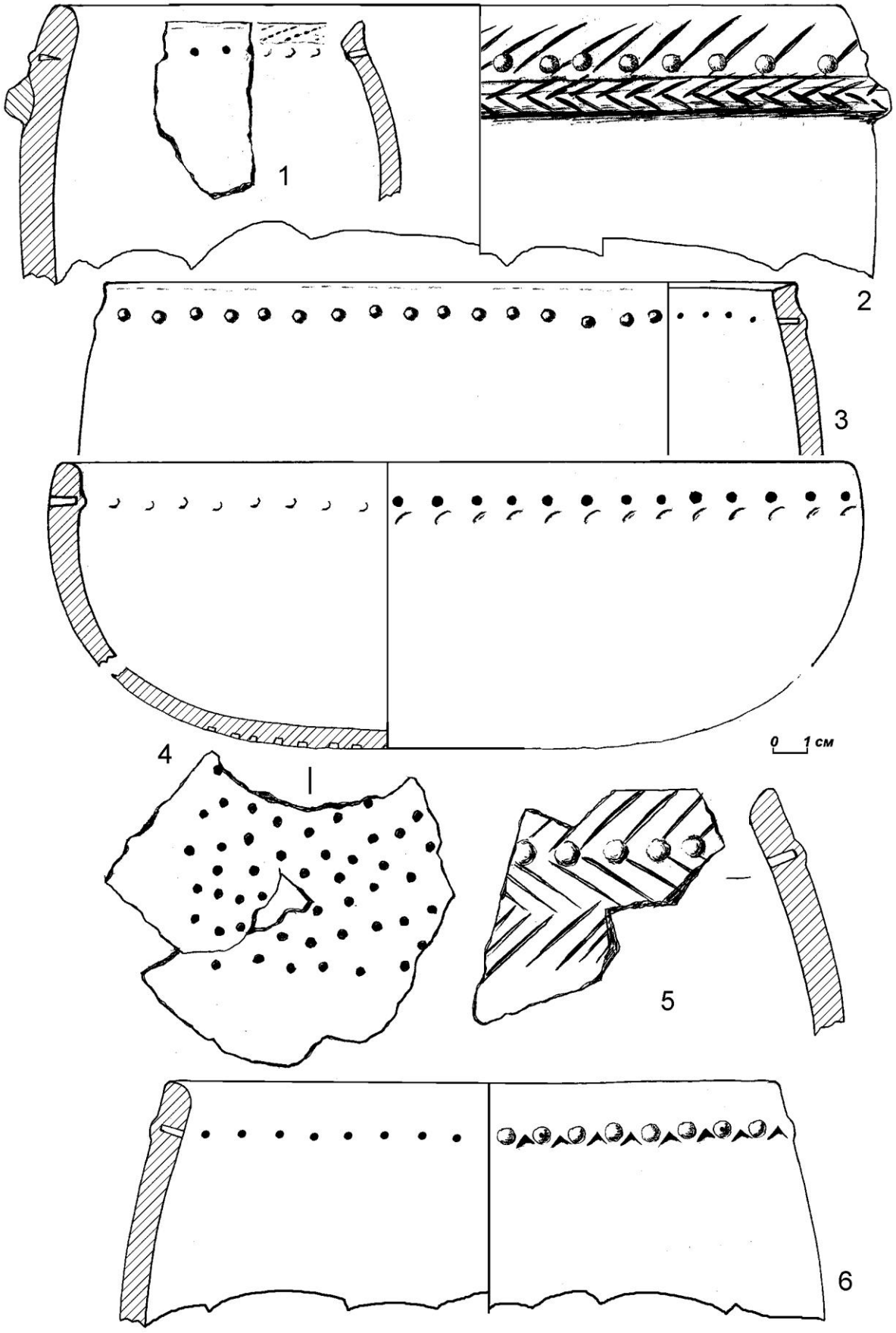


Рис.5

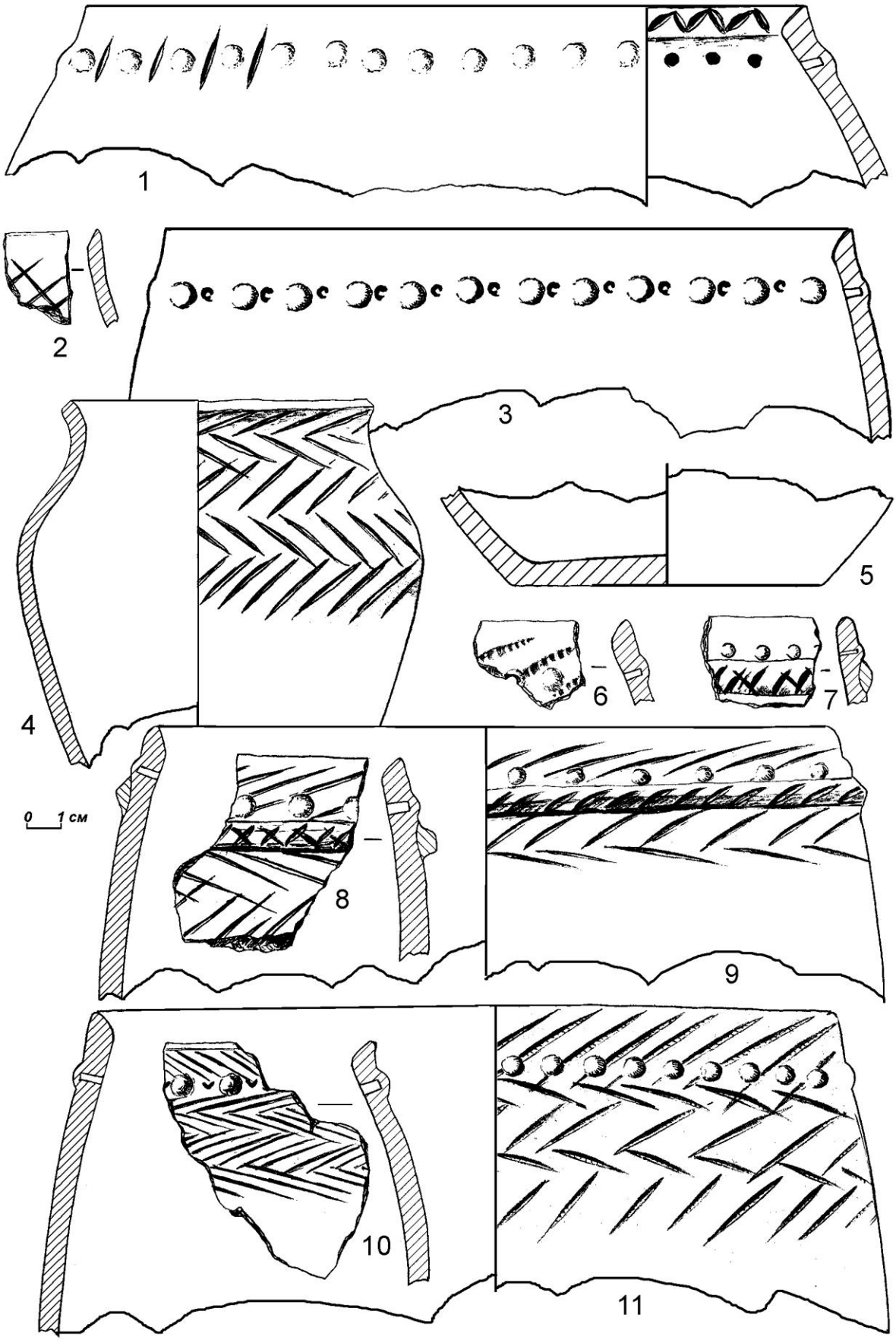


Рис.6

16. Троицкая Т.Н. Поселение раннего железного века Ближние Елбаны-1 // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. — Барнаул, 1992. — С. 35-38, 176-180.
17. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. — Новосибирск, 1994. — 184 с.
18. Троицкая Т.Н., Дураков И.А. Бронзолитейное производство в Новосибирском Приобье в V-IV вв. до н. э. (по материалам поселений) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. — Барнаул, 1999. — С. 131-139.
19. Уманский А.П., Шульга П.И. Находки из раннего быстрянского кургана на могильнике Юбилейный-2 // Западная и Южная Сибирь в древности. — Барнаул,2005а. — С.144-149.
20. Уманский А.П., Шульга П.И. Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя // Теория и практика археологических исследований. — Барнаул, 2005б. — Вып 1. — С. 121-133.
21. Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников датируемых VI–V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территории. — Барнаул, 1999. — С. 211–219.
22. Чугунов К.В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н. э. // Евразия сквозь века. — СПб., 2001. — С. 173-178.
23. Ширин Ю.В. Новое в археологии Ельцовского района // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. — Барнаул, 2005. — Вып. XIV. — С. 206-209.

Список иллюстраций к статье Симонова Д.А. и Ширина Ю.В.

Рис. 1. Поселение Гробница-3. План и разрез бронзолитейной мастерской (западина №2).
Рис. 2. Поселение Гробница-3. Фрагменты глиняных форм для отливки кельтов.
Рис. 3. Поселение Гробница-3. Фрагменты форм для отливки втульчатых (долотовидных?) орудий (1-7), круглых блях (8, 9), неопределенных предметов (10-14) и тигель (15). Все глина.
Рис. 4. Материалы поселения Гробница-3 и возможная им аналогия. 1-3 — фрагменты глиняных форм для отливки бабочковидных блях; 4 — бабочковидная бронзовая бляха из могильника Новотроицк 1 (по А.П. Уманскому и П.И. Шульге); 5-7 — глиняные пряслица.
Рис. 5. Поселение Гробница-3. Керамика из бронзолитейной мастерской (западина №2).
Рис. 6. Поселение Гробница-3. Керамика из культурного слоя.

Сингаевский А.Т.
(г.Барнаул)

ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА УСТЬ-АЛЕЙКА КЛУБ

Поселение Усть-Алейка (клуб) находится в Калманском районе Алтайского края, на мысовидном полуторакилометровом выступе левого берега реки Алей, в месте выхода её в обскую пойму (рис.1 – 1). Памятник расположен в центральной части с. Усть-Алейка и первоначально был известен как грунтовый могильник монгольского времени (Бородаев В.Б., 1987). В 2004 г. сотрудниками НПЦ «Наследие» и Алтайского госуниверситета на месте могильника были проведены аварийные раскопки, в ходе которых выявлен поселенческий слой (Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П., 2005).

Разрушающаяся строительными работами часть памятника была вскрыта площадью 52 кв.м. Помимо этнографических материалов XVIII-XIX вв. и фрагментов от двух ирменских горшков (рис. 3 – 9,10), основная масса находок относится к скифскому времени.

Раскопом захвачен край жилища полуземляночного типа (рис.1 – 2). Котлован аморфной неправильноовальной формы, площадью около 16 кв.м, глубиной 55-70 см. от уровня современной поверхности. С учётом почвенного слоя дно жилища заглублялось в материк на 35-50 см. Опорных столбов не обнаружено, что вероятно связано со срубной конструкцией домов населения скифского времени Верхнего Приобья (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с.12).

Орудийный комплекс поселения представлен каменными, костяными изделиями и керамикой. Большинство находок сконцентрировано внутри жилищной западины и в хозяйственной яме. Среди костяного инвентаря можно выделить следующие категории орудий: тупики, трепала из тазовой кости и нижних челюстей крупных копытных, скребки из ребер к.р.с., заготовки из расщепленной повдоль кости (рис.2). Найдено изделие из лопатки м.р.с. со следами сглаженности от долгого употребления (рис.2 – 4), функциональное назначение которого неясно (орнаментир, скребок). В одном случае встречена костяная заполированная пластина с отверстием для подвешивания (рис. 2 – 1). Скорняжные изделия можно разделить на орудия первичной и вторичной обработки кожи. Первые представляют грубые, с обломанными краями, тупики из тазовой кости к.р.с., которые использовались для волосозгонки (рис.2 – 6). Вторые, заполированные, с обработанными металлическим предметом краями, применялись для снятия мездры и доводки кожи (рис.2 – 2,5). Костяная заготовка (рис.2 – 3) выполнена из метаподия лошади и могла применятся для изготовления особо прочных орудий: тяпок, копалок, наконечников стрел и т.д.

К сожалению, публикаций посвящённых исследованию костяной индустрии в раннем железном веке немного (Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994; Сидоров Е.А., 1973). В то же время кость, благодаря своей пластичности и прочности, нередко заменяла бронзу и являлась основным материалом для изготовления всевозможных орудий: от вооружения (наконечники стрел, луки, панцирные пластины) до бытовых предметов (ножи, гарпуны, скорняжные изделия и пр.).

Керамический комплекс поселения насчитывает фрагменты не менее чем 82 сосудов. Преобладающим типом посуды являются закрытые или открытые банки и чаши. Только в одном случае зафиксирован фрагмент стенки сосуда со слабопрофилированной шейкой, украшенный по верхнему краю рядом резных линий (рис.4 – 1). Деление на группы охватывает только треть комплекса (35,3 %), так как большая часть обломков фрагментарна. Из этой совокупности с достаточной уверенностью к баночным можно отнести 72,4 %, к чашевидным 24,2 % сосудов. Оформление придонной части могло быть как округлым, так и плоским. В одном случае зафиксированы придонные отверстия (рис.4 – 13). Наряду с делением по форме ниже приводятся данные по характеру венчика:

	Кол-во	*%*
Скошенный внутрь	59	71
Округлый, прямой	14	14
Плоский, прямой	4	4.8
Прямой, срезан наружу	3	3.7
Прямой, с карнизом изнутри	2	2.4
Слабопрофилированный	1	1.2

Малочисленность профилированных горшков и кувшинов, а также наличие значительного количества чашевидных сосудов сближает данную посуду с керамикой староалейской культуры на ее ранних этапах (6-5 вв. до н.э.). Аналогичные комплексы керамики происходят с поселений Ближние Елбаны 1, Обские Плесы 1, могильника Обские Плесы 2 (Троицкая Т.Н., 1992; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 45; Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М., 1996, с. 86-87; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л., 1996).

По орнаментальным признакам было учтено 18 вариантов композиционных построений (рис.3 – 1). Средний индекс орнаментированности – 1,24 на 1 сосуд. Не имеет орнамента 1,2 % сосудов, с одним пояском узора – 73 % комплекса, двумя – 13,4 %, тремя – 12,4 %. По ряду признаков, согласно классификации М.Т. Абдулганеева, В.Н. Владимирова (1997, с. 33-37, рис. 23) поселение Усть-Алейка Клуб можно соотнести с лесостепной староалейской группой,– это наличие орнамента 9 – нарезка по обе стороны пояска жемчужин, либо снизу его (14,5 %), 2 – чистый жемчужник (30,5 %), 3 – жемчужник разде-

ленный насечками различной формы (19,5 %). Из них культурно-диагностирующим может служить орнамент 9 (там же, рис. 23). Орнаменты 2,3 являются в большей степени нейтральными. Однако, большое количество чистого жемчужника и крупных жемчужин до 1-1,3 см. в анализируемом комплексе, характерно, прежде всего, для ранних памятников 6-4 вв. до н.э. (там же, с. 59; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П., 1994, с. 44-45). Отличительной особенностью поселения является значительная доля ямок (20,7 %) и резных линий (8,6 %) как самостоятельного орнамента. Подобные орнаменты в большей мере распространены в памятниках каменской (Быково 3, Островное 3, Киприно) и быстрянской (Точильное 1,3,7,8; Заречное 1) культур (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997; Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., Неверов С.В., 1991, с. 58-59). С какой из них контакты были наиболее выражены установить довольно трудно. Среди типично быстрянских орнаментов представлен валик, рассеченный косым крестом (рис.3-11). Оттиски мелкозубчатой гребенки, с которой, как правило, ассоциируют каменскую керамику, встречены в 3,6 % случаев (рис.3 – 13).

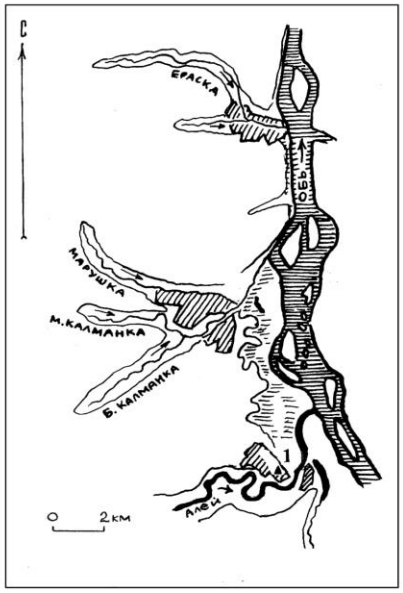
Другие глиняные изделия, обнаруженные на поселении, это пряслице усеченно-конической конической формы и две фишки цилиндрической формы с отверстиями. Первое имеет широкие аналогии в поселенческих и погребальных комплексах раннего железного века Верхнего Приобья (Телегин А.Н.,1999; Фролов Я.В., 2000). Фишки изготовлены из стенок сосудов и имеют смещённые от центра отверстия (рис.1 – 4,5). По всей видимости, они не могли использоваться как пряслица и имели иное назначение.

Каменный инвентарь представлен точильным бруском, с заострённым рабочим краем, переиспользованным из нижнего камня зернотёрки (рис.1 – 3). Подобные изделия применялись для шлифовки поверхности металлических, костяных и керамических орудий.

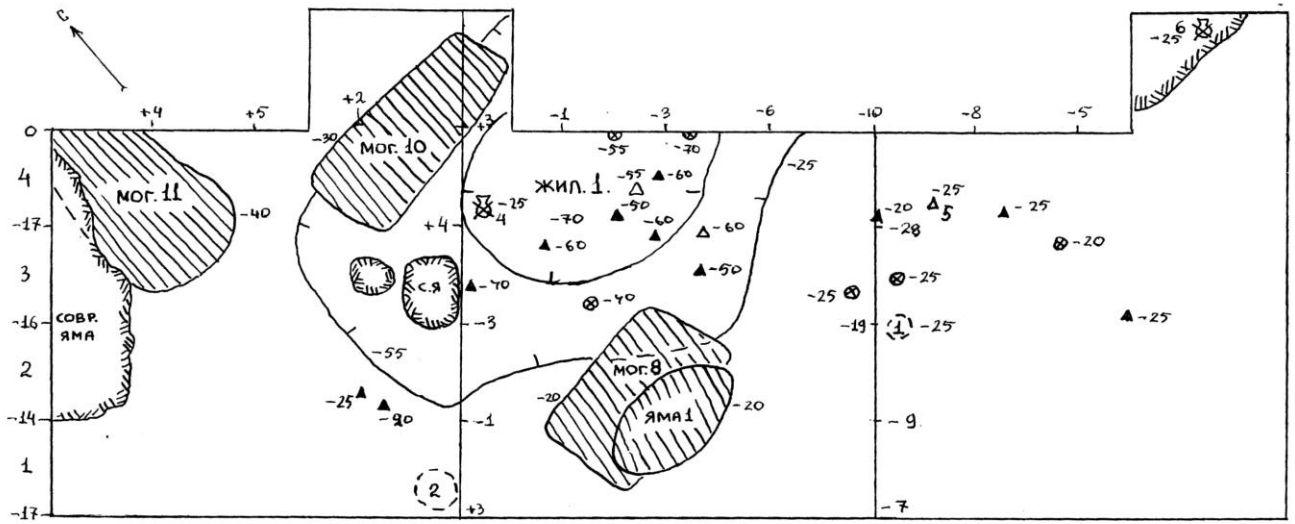
В настоящее время, за исключением двух поселений в урочище Ближние Елбаны (БЕ 1,12), исследованных М.П. Грязновым (1956), практически неизвестно стационарных поселений староалейской культуры с мощным культурным слоем и жилищными западинами. В этом отношении материалы усть-алейского поселения, представляют значительный интерес и перспективны для дальнейшего изучения.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н.Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н.э. – Барнаул, 1997. – 146 с.
2. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., Неверов. С.В. Новые исследования на р. Песчаной // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1997. – Вып. VIII. – С. 58-62.
3. Бородаев В.Б. Разведочные работы на Северном Алтае // Исследование памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1987. – С. 45-48.
4. Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 88-115.
5. Сидоров Е.А. Об использовании костяных орудий в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке // Мат-лы XI научной студенческой конференции НГУ: История. – Новосибирск, 1973.
6. Телегин А.Н. Опыт использования пряслиц в качестве культурно-диагностирующего признака (по материалам раннего железа) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул, 1999. – С. 140-148.
7. Тишкин А.А., Кунгуров А.Л., Семибратов В.П. Аварийный памятник Усть-Алейка клуб в Калманском районе Алтайского края. – Барнаул, 2005. – С. 189-195.
8. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск. 1994. – 184 с.
9. Фролов Я.В. О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как культурно-диагностирующем признаке // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул, 2000. – С. 75-82.
10. Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996. – С. 69-88.



1

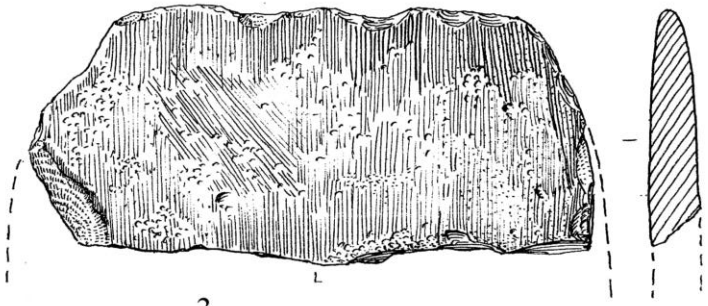


2

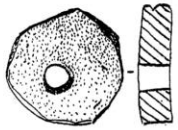
0 1 2 м

1. Скопление костей рыб.
2. Скопление костей человека
3. Обломки черепа и кости ребёнка
4. Развал средневекового сосуда
5. Обломок пряслица
6. Развал сосуда Р.Ж.В.

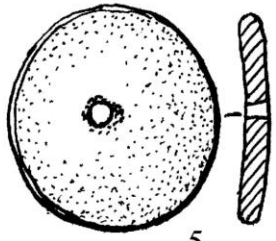
⊗ костяное орудие
▲ камень, каменное орудие
△ керамическое орудие



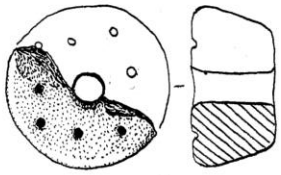
3



4



5



6

Рис.1

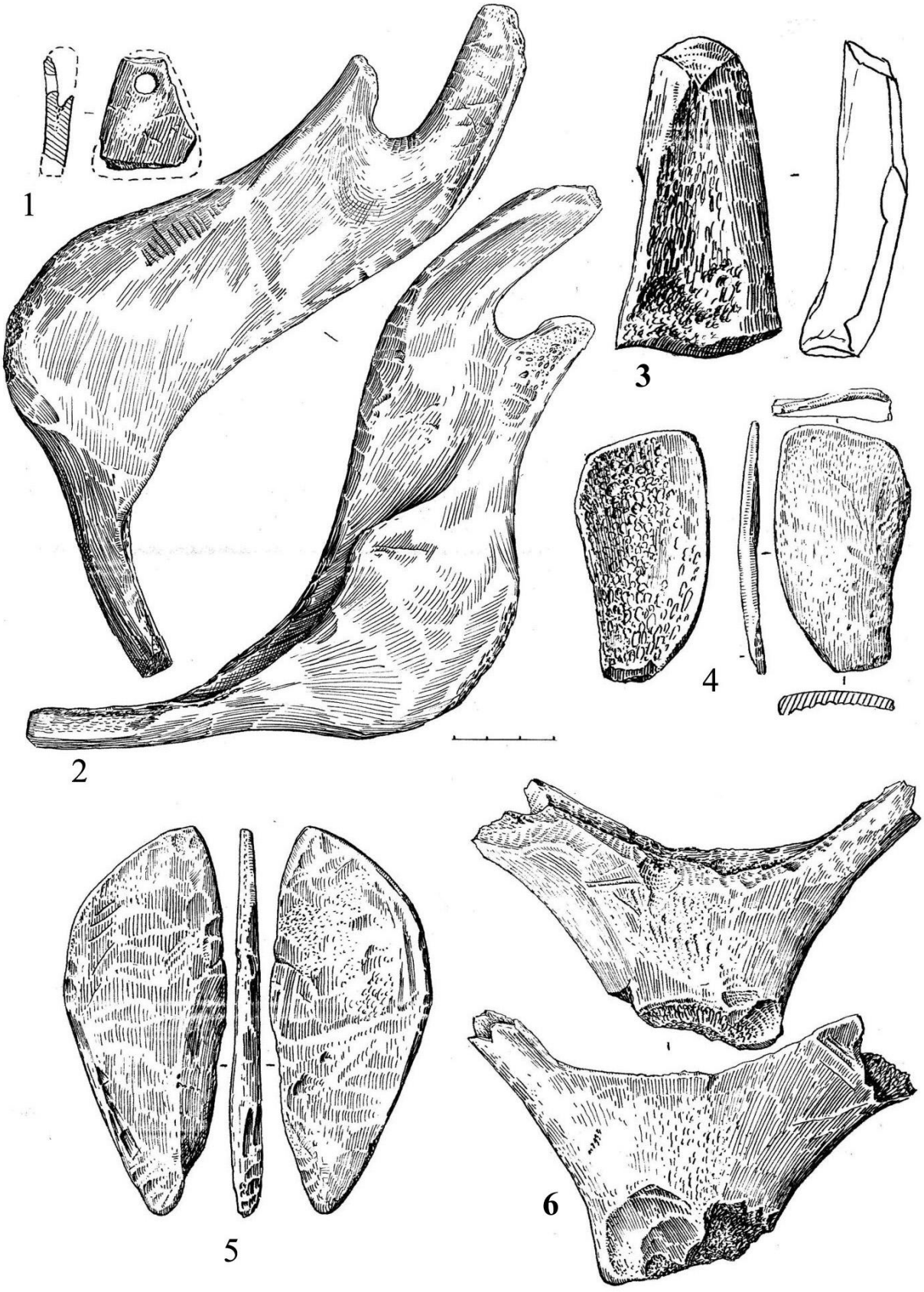
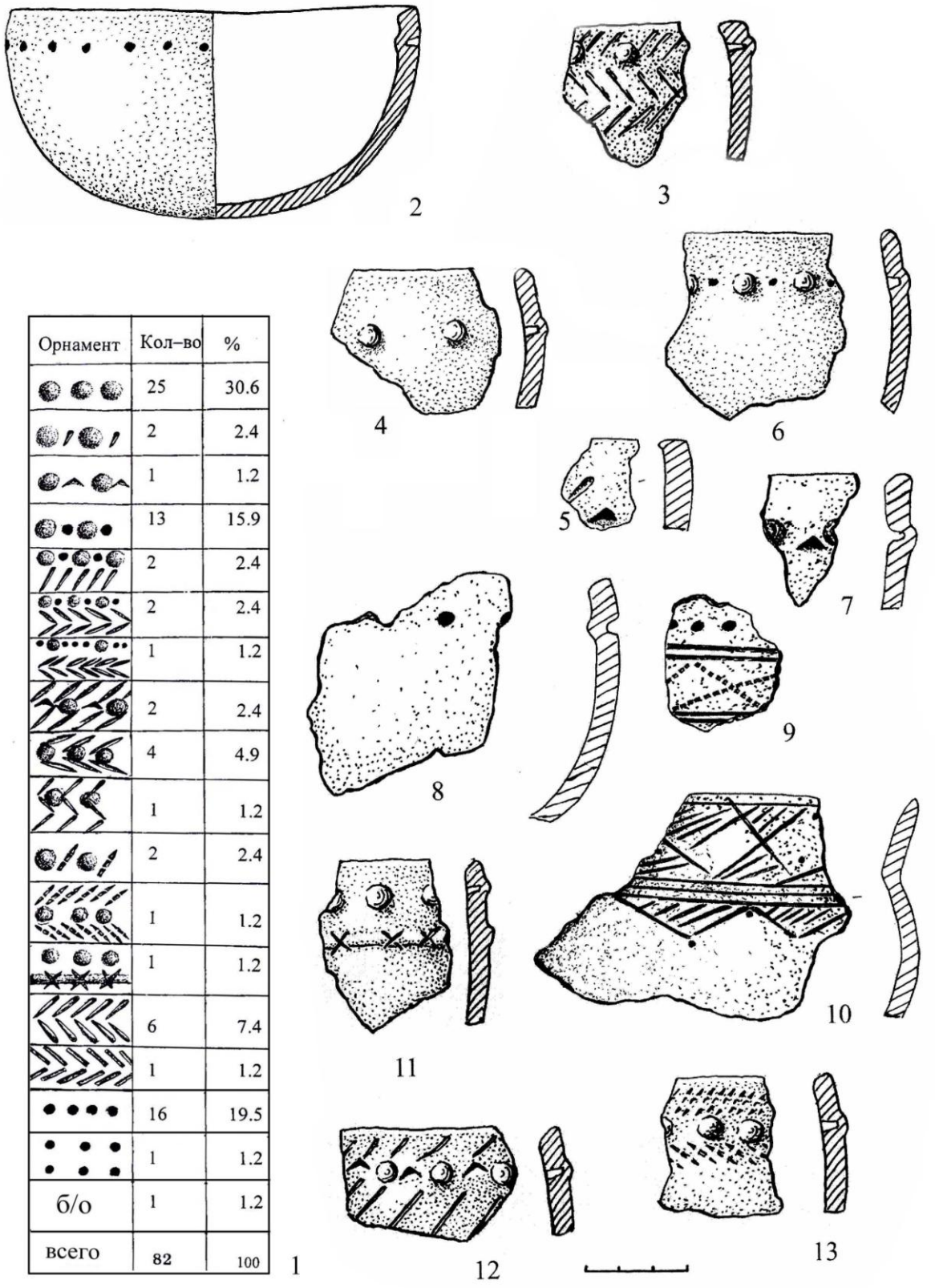


Рис.2



Орнамент	Кол–во	%
	25	30.6
	2	2.4
	1	1.2
	13	15.9
	2	2.4
	2	2.4
	1	1.2
	2	2.4
	4	4.9
	1	1.2
	2	2.4
	1	1.2
	1	1.2
	6	7.4
	1	1.2
	16	19.5
	1	1.2
б/о	1	1.2
всего	82	100

Рис.3

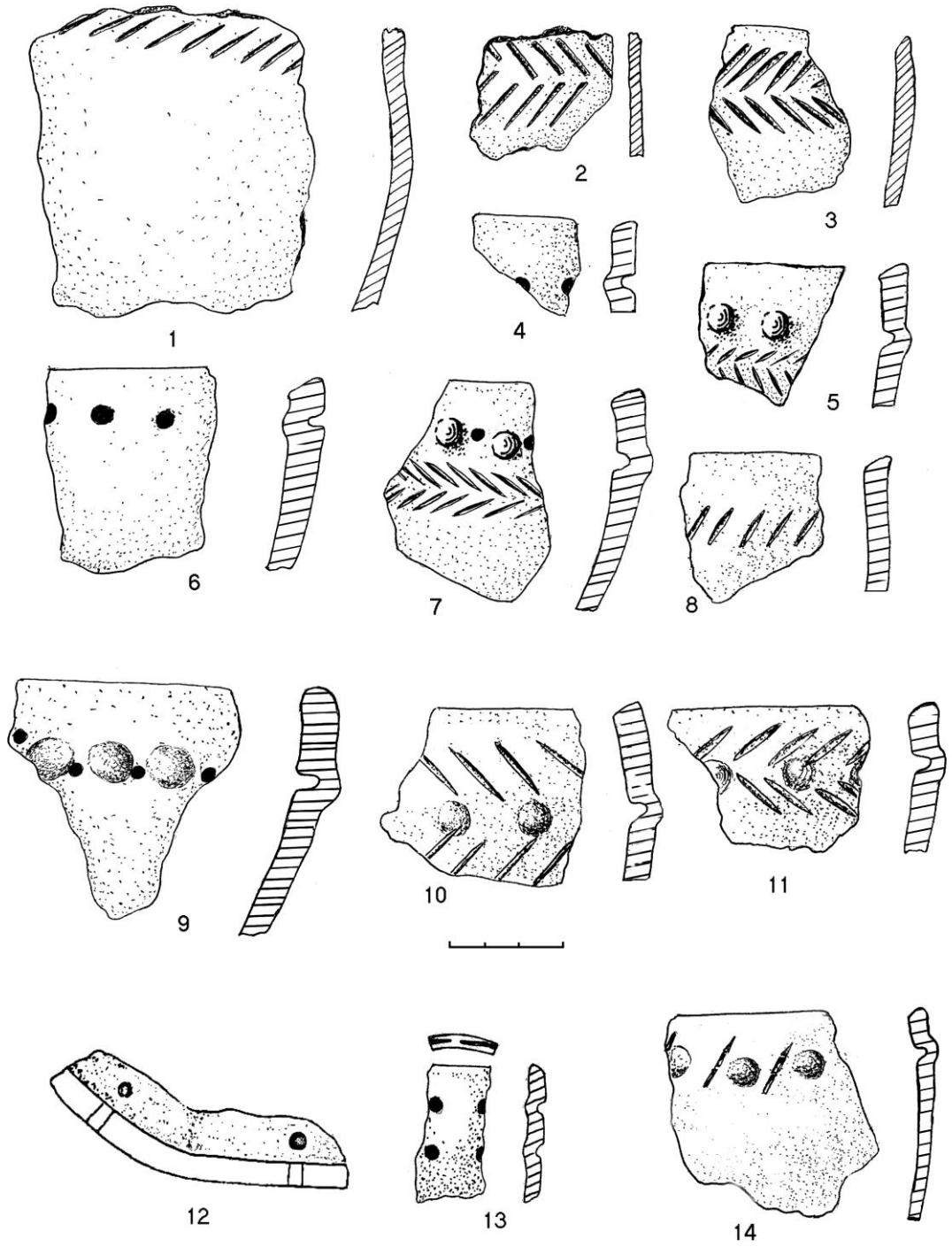


Рис.4

Список иллюстраций к статье Сингаевского А.Т.

Рис. 1. Усть-Алейка клуб. Орудия из кости.
Рис. 2. 1-2 – схема расположения и план памятника Усть-Алейка клуб. 3-6 – находки из культурного слоя (3 – камень; 4-6 - глина).
Рис. 3. Усть-Алейка клуб. 1 – таблица распределения орнаментов сосудов. 2-13 – керамика.
Рис. 4. Усть-Алейка клуб. 1-14 – керамика.

Тишкин А.А., Шелепова Е.В.
(г.Барнаул)

ОКОЛОКУРГАННЫЕ ОБЪЕКТЫ НА ПАМЯТНИКАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЯЛОМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА

В течение 2001–2005 гг. археологическими отрядами Алтайского государственного университета проводились целенаправленные обследования в разных районах Республики Алтай. Основная задача этих работ заключалась в получении многоплановых данных, которые могли бы способствовать объективной реконструкции этнокультурной истории развития кочевых народов, проживавших на территории Горного Алтая. В результате были выявлены новые, а также обследованы уже известные комплексы. В долине Катуни около устья р. Большой Яломан в Онгудайском районе на довольно небольшой территории зафиксирована серия разновременных памятников (от афанасьевской эпохи до позднего средневековья). Раскопанные курганы, оградки и выкладки отнесены к пазырыкской, булан-кобинской и тюркской культурам. Предварительные результаты исследований нашли отражение в ряде публикаций (Тишкин, 2002; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 488–493; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2003; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К., 2004 и др.). Концентрация различных по культурно-хронологической принадлежности типов объектов и их относительная изолированность позволила обозначить Яломанский археологический микрорайон (Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С., 2004). Осмысление полученных материалов продолжается. В настоящей статье основное внимание будет уделено околокурганным сооружениям, зафиксированным вблизи захоронений скифского времени.

Рассматриваемые памятники находятся на террасах Катуни и сконцентрированы в несколько погребально-поминальных комплексов. Рассмотрим только ту часть объектов, которая зафиксирована на левобережье р. Большой Яломан в пределах одного участка.

Яломан-I. Различные каменные сооружения располагаются в основном у подножия гор, а некоторые из них находятся немного в стороне на склоне третьей надпойменной террасы. Визуально хорошо идентифицируются курганы бийкенской культуры раннескифского периода. Для нашей темы интерес представляют небольшие округлые выкладки и вертикально вкопанные камни. Одна такая хорошо выраженная непогребальная конструкция зафиксирована у отдельно стоящего массивного камня, имеющего ровную плоскость в виде своеобразного «экрана», который обращен к югу. Датировка ее пока затруднительна. Еще одной особенностью является устройство «балбала» у западной полы кургана предположительно скифской эпохи. Представленный памятник по своей планиграфии отличается от следующих обнаруженных комплексов. На одной из плоскостей около выделяющейся в горах ниши обнаружена композиция петроглифов (Тишкин А.А., 2005).

Яломан-II. Находится неподалеку от предыдущего объекта. На четвертой надпойменной террасе Катуни имеется площадка, которая с востока ограничена горами, а с запада и северо-запада оврагом. Основная масса погребальных объектов относится к булан-кобинской культуре «гунно-сарматского» времени. Около некоторых надмогильных сооружений ранней группы, датированной II в. до н.э. – I в. н.э., с юго-восточной стороны зафиксированы небольшие вертикально вкопанные камни. Как выяснилось, они маркируют мужские захоронения и могут составлять «цепочку». У оградок тюркской культуры отмечены изваяния. Среди них выявлен новый тип таких объектов, имеющих Г-подобную форму. Особенностью расположения балбалов является их ориентация на север от оградок. Этот памятник также отличается своим планиграфическим устройством от комплексов скифского времени, которые представлены ниже.

Яломан-III. Находится к северо-западу от предыдущего памятника. Он представляет собой «классический» вариант размещения погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры, хотя имеет свои особенности. Зафиксированные объекты представ-

ляют собой задернованные курганные насыпи, «поминальники» и «балбалы», локализованные тремя скоплениями на склоне террасы и разделенные оврагами и логами. Обозначим некоторые отмеченные околокурганные сооружения. К востоку от кургана №1 на расстоянии 12,5 м зафиксирована стела высотой 0,99 м. К западу от него находится объект №6в, представляющий собой задернованную каменную выкладку округлой формы. В 30 м к западу от кургана №2 отмечена такая же вымостка. Аналогичные сооружения, часто обозначаемые «поминальниками», имеются к западу от многих курганов рассматриваемых групп. У некоторых захоронений их может быть несколько. Например, в 20 м к западу от кургана №11 отмечены четыре выкладки (объекты №13а–б, №14а–б). Они расположены друг от друга на расстоянии 0,5 м. К северу от этого скопления выкладок рядом стоят два вертикально вкопанных камня высотой 0,29 м и 0,24 м. Неподалеку от того же кургана еще есть выкладки округлой формы с заметными на поверхности камнями. К северо-востоку от кургана №9 обнаружен вертикально вкопанный в землю камень высотой 0,18 м. Такой же «балбал» высотой над современной поверхностью 0,32 м стоит у юго-западного края кургана №23.

Яломан-V. Основу памятника составляет цепочка округлых в плане курганов скифского времени, расположенных по линии ЮЗ–СВ. В 15 м к западу от кургана №5 обнаружен объект №22, представляющий собой каменную кольцевидную выкладку.

Яломан-VI. Находится к юго-востоку от предыдущего комплекса на территории ранее распахиваемого поля и представляет собой две группы округлых в плане курганов скифского времени, неподалеку от которых с западной и северо-западной стороны сооружены «поминальники» (рис. 1.). В разных местах зафиксированы оградки эпохи средневековья с изваяниями. При этом планиграфически интересующие нас выкладки зафиксированы параллельно цепочке захоронений, располагающихся по линии ЮЮЗ–ССВ. Такая ситуация характерна для памятников пазырыкской культуры. Объект №48 состоит из восьми установленных по окружности камней высотой над современной поверхностью от 0,23 до 0,52 м. Он расположен напротив кургана №24, в 47 м к западу–северо-западу от него и является как бы выделяющимся центром в цепочке «поминальников».

Яломан-VIII. Памятник располагается на мысовидном участке террасы в непосредственной близости от поймы р. Большой Яломан. Он представляет собой задернованные курганы скифского времени, к которым пристроены дополнительные сооружения того же или более позднего времени. Объект №5, охарактеризованный как «поминальник», зафиксирован в 22 м к западу от кургана №1. Аналогичное сооружение (№6) находится в 19,5 м к западу от кургана №3.

Проведенные обследования указанных комплексов Яломанского археологического микрорайона позволяет отнести к пазырыкской культуре ряд околокурганных сооружений, которые можно разделить на группы:

1) полностью выложенные из камней «вымостки» (наброски) округлой или овальной формы располагаются параллельно цепочке курганов с западной или с северо-западной стороны; кургану может соответствовать одно такое сооружение или больше подобных объектов; имеются ситуации, когда «поминальник» напротив кургана отсутствует;

2) в некоторых случаях среди указанных выкладок отмечена кольцевидная конструкция из отдельно стоящих камней;

2) «балбалы» зафиксированы от кургана и к западу, и к востоку (в обоих случаях с отклонениями);

3) стелы расположены только к востоку от погребальных объектов.

Планиграфия погребальных и околокурганных сооружений пазырыкской культуры в пределах Яломанского комплекса во многом повторяет ситуацию на других изученных памятниках. Курганы расположены группами в цепочку по линии Ю–С (с отклонениями). «Поминальные» выкладки находятся к западу, параллельно курганной цепочке, а стелы зафиксированы в основном к востоку от погребального объекта (Руденко С.И., 1960; Кубарев В.Д., 1987, 1991, 1992, Полосьмак Н.В., 2001 и др.). Околокурганные сооружения, которые практически аналогичны описанным выше, известны также на памятниках, синхронных по времени существования пазырыкской культуре, в Туве, на Тянь-Шане, в Мон-

голии (Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Е., 1998, с. 261; Табалдиев К.Ш., Бадер Р., 2003, с. 159–160; Сахаровская Л.М., 1989, с. 90–91; Грач А.Д., 1980, с. 31 и др.).

В процессе длительного изучения околокурганных объектов скифской эпохи сложились определенные представления о тех функциях, которые они выполняли в погребально-поминальной практике пазырыкского социума.

Первым, кто исследовал объекты, расположенные к западу от погребальных сооружений скифского времени, был В.В. Радлов (Грач А.Д., 1980, с. 31). На левом берегу р. Нижней Катанды им описаны и раскопаны «каменные круги» диаметром примерно в сажень, т.е около двух метров (Радлов В.В., 1989, с. 443). В.В. Радлов пришел к выводу, что рассмотренные им памятники не являлись погребениями, а были местами жертвоприношений (Захаров А.А., 1926, с. 76).

В начале XX в. другой известный исследователь А.В. Адрианов (1916, с. 56–64; Руденко С.И., 1930, с. 143–145) наряду с поиском погребальных объектов на территории Западного Алтая (современная территория Казахстана) описал околокурганные памятники, названные им «кольцеобразными выкладками». Расположение таких сооружений вблизи погребальных объектов, по мнению исследователя, могло являться подтверждением одновременности их возведения. Отмечены основные особенности конструкции «поминальников»: составлены из 7–8 камней, округлая форма. На некоторых объектах А.В. Адриановым были предприняты раскопки, выявившие не только следы огня (прокалы земли, обожженные угли), но и датирующие вещи (бронзовые удила, предметы из золота). Обнаруженные под одним из камней выкладки древние изделия получили в последующем неоднозначную интерпретацию (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 11). Так, М.П. Грязнов (1947, с. 10–11) считал, что они были похищены когда-то при ограблении одного из курганов расположенной поблизости цепочки. Сходной позиции придерживался С.И. Руденко (1960, с. 12). Есть предположение о синхронности сооружения кольцеобразной выкладки и положенного набора вещей (Степная полоса…, 1992, с. 165).

А.В. Адриановым (1916, с. 64) был сделан вывод о том, что круги из валунов «…отмечают места, может быть, поминовения умерших, не здесь похороненных, куда каждый из родственников или почитателей покойного считал себя обязанным при проезде положить и свой камень» (Грач А.Д., 1980, с. 31).

С интерпретацией А.В. Адрианова несколько позднее согласился другой известный исследователь сибирских древностей С.И. Руденко (1952, 1960; Марсадолов Л.С., 1997, с. 3; Жизненный путь…, 2004, с. 115–117.). Им зафиксированы различного рода околокурганные объекты, сопровождающие «элитные» курганы в урочищах Пазырык, Башадар и Туэкта. Планиграфические и конструктивные особенности «поминальников» («круги из восьми камней») отмечены во время раскопок 1924 г. в Восточном Алтае (правый берег р. Балыктыюл) (Жизненный путь…, 2004, с. 115). В итоге С.И. Руденко обозначил комплекс признаков, характеризующих погребально-поминальные комплексы скифской эпохи Горного Алтая:

1. Группировка курганов в цепочки, направленные с С на Ю.
2. Расположение «кругов» обычно к западу от соответствующих курганов на определенном от них расстоянии.
3. Концентрация выкладок в «дуги».
4. Овальная, округлая форма выкладок.
5. Помещение «вертикально вкопанных камней» к востоку от погребальных объектов.

Исследователь полагал, что выкладки и стелы («ряды вертикально вкопанных в землю камней») «…как-то связаны с курганами, возле которых они воздвигнуты» и «…являются сооружениями, связанными с обрядом поминок, местами заупокойной тризны» (Руденко С.И., 1960, с. 26; Худяков Ю.С., 1996, с. 87). Количество «балбалов» он соотносил с числом лиц, принимавших участие в похоронах (Руденко С.И., 1960, с. 326; Кубарев В.Д., 1979, с. 94).

При раскопках выкладок скифского времени, произведенных в разное время, выявлены кальцинированные кости животных, фрагменты керамики, угольки (на памятниках Усть-Кырлык-II, Талдура-II, Кызыл-Джар-I, Ак-Алаха-I, Башадар-II, Тыткескень-VI, Уландрык-II, Малталу-IV и др.) (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983, с. 129; Кубарев В.Д., 1991, с.

24; 1992, с. 12–13; Могильников, 1983в, с. 15; Соёнов В.И., 2003б, с. 38–44; Полосьмак Н.В., 2001, с. 25; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, с. 51, 56). Обнаружены некоторые датирующие предметы, например, бронзовый однолезвийный нож на памятнике Бике-I (Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 1992, с. 41; Кубарев В.Д., 1992, с. 13).

Интерпретация данных объектов сводится в основном к характеристике их как «поминальников», ритуальных или культовых мест, а функционирование связывается с циклом поминальных обрядов, проводившихся в разное время соплеменниками или близкими родственниками умершего (Марсадолов Л.С., 1984, с. 95; 1997, с. 9; Илюшин А.М., 1989, с. 80; Могильников В.А., 1983, с. 63; Суразаков А.С., 1988, с. 119).

В.Д. Кубарев предложил, на наш взгляд, особо заслуживающую внимание интерпретацию назначения пазырыкских «восьмикаменных колец» – совершение обрядов, связанных с кормлением и проводами души умершего (Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В., 1979, с. 24; 1991, с. 24; 1992, с. 13; 2001, с. 24). Определенное подтверждение эта гипотеза обнаруживает на другом, но очень показательном археологическом материале. Зарождение и оформление идеи «кормления» умерших в среде скотоводов можно проследить на материалах памятника ранней бронзы Телеутский Взвоз-I в Лесостепном Алтае. В пределах могильника обнаружены сосуды, которые находились напротив могильных ям в специальных углублениях и использовались для соответствующей цели (Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А., 2003, с. 22–26). Уже давно замечено, что смерть, как и рождение, по представлениям древних людей рассматривалась как длительный процесс, в ходе которого необходимо заботиться об умершем и «подкармливать» его.

Опора на этнографические материалы по погребально-поминальной обрядности народов этнографической современности (алтайцев, телеутов, казахов, кумандинцев и др.) позволяет шире «раскрыть» тему «кормления» (Сатлаев Ф.А., 1974, с. 163; Шатинова Н.И., 1981, с. 101; Гаджиев Г.А., 1991, с. 136, 140). Так, по представлениям казахов душа умершего еще некоторое время находится в тесной связи с родственниками и требует к себе внимания, поэтому после погребения необходимо периодически умершего кормить (Толеубаев А.Т., 1991, 100, 112). Для этих целей сооружались поминальные объекты и проводились определенные ритуалы. У бачатских телеутов вблизи от погребения зажигался поминальный костер, в который бросалась пища (Усманова М.С., 1980, с. 171).

Сторона нахождения выкладок (западное направление) соотносима с расположением страны мертвых, с хтоническим миром и т.д. Это зафиксировано во многих культурах индоиранского круга (Подосинов А.В., 1999, с. 442; Шатинова Н.И., 1981, с. 101; Акишев К.А., Акишев А.К., 1981, с. 150; Тишкин А.А., Леонова Ю.И., 2005, с. 279–294).

Иначе обстоит дело с интерпретацией другого вида околокурганных сооружений пазырыкской культуры – с так называемыми балбалами, зафиксированными, в том числе, рядом с некоторыми захоронениями скифской эпохи на территории Яломанского археологического микрорайона. «Балбалы», занимающие определенное место в структуре погребально-поминального комплекса, интерпретируются как имитации коновязей. Семантика сэргэ-коновязи уже достаточно подробно и аргументировано рассмотрена в научной литературе (Кубарев В.Д., 1979; Сорокин С.С., 1981, с. 31–32, 1987, с. 11; Войтов В.Е., 1996, с. 85, 122 и др.). Примеры из этнографии также подтверждают указанную функцию «балбалов». Интересные сведения приводит Р.С. Липец (1982, с. 215) при анализе тюрко-монгольского эпоса. Так, до совершения погребения снаряженный конь мог долгое время «томиться» привязанным к коновязи за юртой. На дохристианских погребениях якутов «коновязи-сэргэ» ставились с восточной стороны надмогильного сооружения» (Гоголев А.И., 1993, с. 18).

Как показывают рассмотренные материалы, на пазырыкских могильниках кроме небольших вертикально вкопанных камней («балбалов») присутствуют и довольно крупные стелы, составляющие иногда довольно длинную цепочку (Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Демин М.А., Тишкин А.А., 2001). Такие объекты, расположенные к востоку от пазырыкских курганов, по мнению исследователей, являлись маркером жилища кочевника, закрепляли право родового коллектива на освоенную территорию. Это подтверждается тем, что на некоторых обнаружены характерные тамгообразные знаки (Кубарев В.Д.,

1987, с. 11, 124, 268, табл. LXVII). Помимо этого они могли выступать маркером социальной значимости погребенного. Это выражалось в том, что большее их количество помещали у «элитных» курганов (Руденко С.И., 1960, с. 25–26; Марсадолов Л.С., 1984, с. 96; Полосьмак Н.В., 2001, с. 86). Примечательно, что у якутов сэргэ «…устанавливали на могилах знатных людей и вождей» (Иванов С.В., 1976, с. 221).

Таким образом, различного рода околокурганные сооружения несли неравнозначные функции в погребально-поминальной практике представителей пазырыкской культуры. Выкладки, по-видимому, могли сооружаться с целью «кормления» души умершего, а их расположение с западной стороны от курганов соотносилось со «страной мертвых». Стелы, установленные с восточной стороны от курганов, выполняли несколько назначений:

1) использовались в качестве коновязей;
2) обозначали и закрепляли право на территорию;
3) являлись свидетельством высокого статуса погребенного.

Указанные выше интерпретации, на наш взгляд, требуют более детальной проработки на массовом материале и с учетом целого ряда особенностей. В этом плане дальнейшие исследования в пределах Яломанского археологического микрорайона позволят наполнить конкретным содержанием зафиксированные ситуации использования различных околокурганных объектов. Важно при раскопках осуществлять сплошное вскрытие участков и применять другие, например, геофизические методы, которые позволят определить места расположения некогда стоявших стел, «балбалов», вырытых ям или каких-либо сооружений.

Литература

1. Адрианов А.В. К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Известия Императорской Археологической Комиссии. – Петроград, 1916. – Вып. 62. – 94 с.
2. Акишев К.А., Акишев А.К. К интерпретации иссыкского погребального обряда // Культура и искусство древнего Хорезма. – М., 1981. – С. 144–153.
3. Быков Н.И., Быкова В.А., Горбунов В.В., Тишкин А.А. Дендрохронологический и ксилотомический анализ древесины с Яломанского археологического комплекса // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территории. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 286–288.
4. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М., 1996. – 152 с.: ил.
5. Гаджиев Г.А. Доисламские верования и обряды народов Нагорного Дагестана. – М., 1991. – 182 с.
6. Гоголев А.И. Якуты: проблемы этногенеза и формирования культуры. – Якутск, 1993. – 200 с.
7. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – 256 с.
8. Грязнов М.П. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – М.; Л., 1947. – Вып. XVIII. – С. 9–17.
9. Жизненный путь, творчество, научное наследие Сергея Ивановича Руденко и деятельность его коллег: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул, 2004. – 148 с.
10. Захаров А.А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В.В. Радлова в 1865 г // Труды Государственного исторического музея. – М., 1926. – Вып. I. – С. 71–106.
11. Иванов С.В. Якутские коновязи // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л., 1976. – С. 213–224.
12. Илюшин А.М. Комплекс культовых сооружений у кочевников Горного Алтая в скифское время // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1989. – Ч. 1. – С. 79–81.
13. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья. – Барнаул, 2003. – 333 с.
14. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул, 2003. – 234 с.: ил.

15. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А.. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 2003. – 232 с.: ил.
16. Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Демин М.А., Тишкин А.А. Исследование и музеефикация «царского» кургана в долине Сентелека // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001. – Вып. XII. – С. 29–36.
17. Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (оленные камни). – Новосибирск, 1979. – 120 с.
18. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск, 1992. – 220 с.
19. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск, 1987. – 301 с.
20. Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск, 1991. – 190 с.
21. Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи (по материалам работ Восточноалтайского отряда в полевой сезон 1975 г) // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979. – С. 61–75.
22. Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д., Якобсон Е. Предварительные результаты полевых работ в Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – Т. IV. – С. 258–265.
23. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Охранные работы на Средней Катуни // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 40–41.
24. Липец Р.С. Отражение погребального обряда в тюрко-монгольском эпосе // Обряды и обрядовый фольклор. – М., 1982. – С. 212–236.
25. Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). – СПб., 1997. – 56 с.
26. Марсадолов Л.С. О последовательности сооружения пяти больших курганов в Пазырыке на Алтае // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л., 1984. – Вып. 25. – С. 90–98.
27. Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар-I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 3–39.
28. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 127–153.
29. Подосинов А.В. EX ORIENTE LUX! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. – М., 1999. – 720 с.
30. Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск, 2001. – 336 с.
31. Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М., 1989. – 718 с.
32. Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. – М.; Л., 1952. – 267 с.
33. Руденко С.И. К палеоантропологии Южного Алтая // Материалы комиссий экспедиционных исследований. Вып. 15: Казаки. – Л., 1930. – С. 137–148.
34. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л., 1960. – 350 с.
35. Сатлаев Ф. Кумандинцы (историко-этнографический очерк XIX – перв. четв. XX в.). – Горно-Алтайск, 1974. – 200 с.
36. Сахаровская Л.М. К вопросу о локальных вариантах саглынской культуры // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1989. – Ч. II. – С. 89–92.
37. Соёнов В.И. Раскопки поминальных сооружений на пазырыкском могильнике Усть-Кырлык-II // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – №11. – С. 38–44.
38. Сорокин С.С. К вопросу о толковании внекурганных памятников ранних кочевников Азии // АСГЭ. – Л., 1981. – Вып. 22. – С. 23–39.
39. Сорокин С.С. К семантике некоторых археологических памятников ранних кочевников (к проблеме этнической истории тюркоязычных народов Сибири) // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. – Томск, 1987. – С. 12–14.
40. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М., 1992. – 493 с.
41. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1989. – 165 с.
42. Табалдиев К.Ш., Бадер Р. Памятники ранних кочевников долины озера Сон-Куль // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2003. – Кн. II. – С. 158–161.

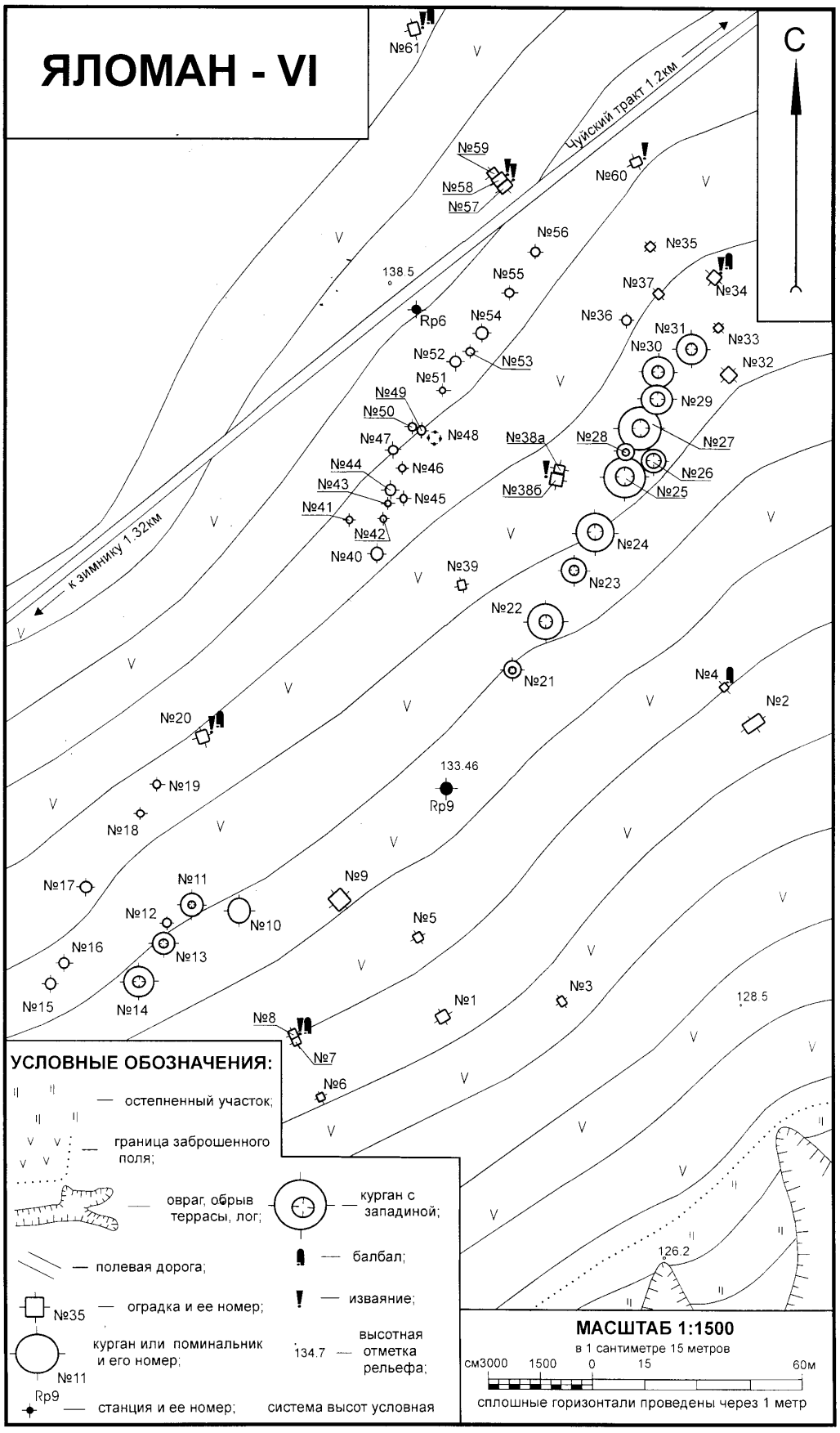

ЯЛОМАН - VI
С
Чуйский тракт 1,2км
к зимнику 1,32км
№61
№59
№58
№57
№60
№56
№55
№35
№37
№34
№36
№31
№33
№30
№32
№29
№28
№27
№26
№25
№24
№23
№22
№21
№4
№2
№20
№19
№18
№17
№11
№12
№10
№9
№5
№16
№13
№15
№14
№8
№7
№6
№1
№3
№54
№52
№53
№51
№49
№50
№48
№47
№46
№44
№43
№45
№41
№42
№40
№39
№38а
№38б
138.5
133.46
128.5
126.2
Rp6
Rp9
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
остепненный участок;
граница заброшенного поля;
овраг, обрыв террасы, лог;
курган с западиной;
балбал;
полевая дорога;
изваяние;
оградка и ее номер;
курган или поминальник и его номер;
высотная отметка рельефа;
станция и ее номер;
система высот условная
МАСШТАБ 1:1500
в 1 сантиметре 15 метров
см3000 1500 0 15 60м
сплошные горизонтали проведены через 1 метр

Рис.1

43. Тишкин А.А. Крепостные сооружения в Горном Алтае // Мир Центральной Азии. Т. I: Археология. Этнология. – Улан-Удэ, 2002. – С. 61–67.
44. Тишкин А.А. О состоянии некоторых памятников наскального искусства Онгудайского района Республики Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005. – Вып. XIV. – С. 179–189.
45. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 488–493.
46. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К. Исследование археологических микрорайонов на Алтае // Археологические открытия 2003 года. – М., 2004. – С. 476–481.
47. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск, 2004. – С. 93–97.
48. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 494–497.
49. Тишкин А.А., Леонова И.Ю. Погребальная практика носителей бийкенской культуры: семантика археологического комплекса // Структурно-семиотические исследования в археологии. – Донецк, 2005. – Т. II. – С. 279–294.
50. Толеубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX – нач. XX в.). – Алма-Ата, 1991. – 214с.
51. Усманова М.С. Традиционное в современной материальной и духовной культуре бачатских телеутов // Древняя история Алтая. – Барнаул, 1980. – С. 160–174.
52. Худяков Ю.С. Поминальные памятники пазырыкской культуры Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб., 1996. – С. 87–89.
53. Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. – Горно-Алтайск, 1981. – 184 с.

Подпись иллюстрации к статье Тишкина А.А. и Шелеповой Е.В.

Рис. 1. Археологический памятник Яломан-VI. Тахеометрическая съемка.

Соёнов В.И., Трифанова С.В.
(г.Горно-Алтайск)

ДВА КОТЛА И НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ С ГОРНОГО АЛТАЯ

В данной статье мы предлагаем вниманию читателей публикацию двух бронзовых котлов и железного наконечника копья. Все три предмета обнаружены на территории Горного Алтая случайно, но, тем не менее, они представляют значительный интерес для исследователей из-за относительно редкой встречаемости данных категорий изделий.

БРОНЗОВЫЙ КОТЕЛ №1. Обнаружен в ходе дорожных работ в урочище Песчаное в 5 км севернее с. Озерное Онгудайского района при выемке грунта. Конкретные сведения о месте находки и точные детали обнаружения котла не известны. В настоящее время он находится в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (инв. № – 11249)[*]. В музей изделие сдано в 2003 году Кожутовым Эркеменом Егоровичем.

[*] Авторы выражают благодарность директору Национального музея Республики Алтай Р.М. Еркиновой и главному хранителю Г.Н. Кучияк за предоставленную возможность ознакомиться с публикуемыми котлами в фондах музея.

Котел с полусферическим туловом, вертикальными ручками и поддоном сохранился не полностью: отсутствует часть тулова (рис.1 – 1). Сохранившаяся часть тулова имеет четко выраженный венчик, отогнутый наружу (рис.2 – 1). Высота тулова 27 см, наибольший диаметр – 30 см. Толщина стенки 0,4 см. К верхнему краю тулова прикреплены (припаяны?) две вертикальные ручки в форме дуги с одной шишечкой. Высота ручек 8,5 см, ширина – 10,5 см. Ручки по всей длине с двух сторон имеют желобки. На расстоянии 8 см ниже венчика, тулово опоясано рельефным валиком. Поддон усеченно-конусовидной формы с валиком. Высота поддона 5,5 см, максимальный диаметр 12 см, минимальный – 8 см. На месте соединения поддона с туловом наблюдаются неширокая канавка и наплывы металла. На стенке поддона имеется отверстие неправильной формы, которое, очевидно, получилось при отливке изделия.

БРОНЗОВЫЙ КОТЕЛ №2. Условия находки и место обнаружения котла неизвестны. В настоящее время он находится в фондах Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина (инв. № – 747). В фонды музея котел попал в 1973 году.

Котел плохой сохранности: у него отсутствуют поддон, ручки и фрагмент тулова (рис.1 – 2). Сохранившаяся часть тулова имеет полусферическую форму (рис.2 – 2). Венчик слегка отогнут наружу. Внутренняя ее сторона оформлена в виде небольшого валика. Высота тулова 23 см, наибольший диаметр 27 см. Толщина стенки 0,4 см. Судя по сохранившимся на тулове следам, котел имел вертикальные ручки в форме дуги. В 10,5 см ниже венчика, тулово опоясано парой рельефных валиков. Расстояние между ними 2 см. В нижней части тулова на месте крепления поддона имеется отверстие. Судя по ее размеру, минимальный диаметр поддона составлял 6-7 см.

Бронзовые котлы на поддоне, благодаря своей надежности и удобству, длительное время использовались в культовых и бытовых целях в степной зоне Евразии. Они широко известны во многих культурах второй четверти I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.

На территории Горного Алтая находки бронзовых котлов I тыс. до н.э. довольно редки. Один миниатюрный котел с полусферическим туловом на конусовидном поддоне и ручками в виде дуги случайно обнаружен в местности Ак-Карасу у с. Мендур-Соккон (Кочеев В.А., 1986, рис. 3). Другой бронзовый котел с полусферическим туловом на конусовидном поддоне и ручками в виде фигурок коней найден в районе Семинского хребта (Кубарев В.Д., 1981, рис. 3 – 3, 4). Оба котла датированы скифской эпохой.

В связи с тем, что большая часть бронзовых котлов Южной Сибири является случайными находками, их датировка преимущественно основана на типологии. По классификации Н.А. Боковенко, рассмотренные нами котлы можно отнести к подтипу D типа 1. Озерновский котел (№1) по форме ручек относится к варианту 1 (1981, рис. 1). По мнению Н.А. Боковенко, вполне определенно можно говорить лишь о времени появления котлов с полусферической формой тулова, конусовидным поддоном, вертикальными ручками (примерно VIII-VII вв. до н.э.) и времени прекращения их изготовления из бронзы (по-видимому, в связи со сменой бронзы железом, отсутствием необходимости в их изготовлении и т.п.) (1981, с. 49). Н.Л. Членова считает, что бронзовые котлы на высоком поддоне, использовались тагарцами с VIII-VII вв. до н.э. до III в. до н.э. (1992, с.216). Образцы изделий с дуговидными ручками и одним выступом, аналогичные публикуемым нами изделиям, В.А. Могильников датировал V-IV вв. до н.э. (1997, с. 93).

Таким образом, вышеописанные котлы мы можем отнести к скифской эпохе и предварительно датировать в пределах VIII-III вв. до н.э.

В последующую, т.е. гунно-сарматскую эпоху население Горного Алтая продолжает использовать изделия данной категории: бронзовый котел с П-образными ручками и поддоном с треугольными вырезами обнаружен на могильнике Яломан-II в погребении II в. до н.э. – I в. н.э. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005, с.329, рис.1 – 12). Конечно, котлы на поддоне продолжают бытовать и в дальнейшем. Но изделия, встречаемые в комплексах раннего средневековья уже изготовлены из железа и имеют несколько иные формы (Евтюхова Л.А., Киселёв С.В., 1941, рис.49).

ЖЕЛЕЗНЫЙ НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ. Железный наконечник копья был случайно обнаружен в 2003 году Шадриной Лидией Германовной – жительницей села Верх-Апшуяхта Шебалинского района в урочище Кызыл-Таш, расположенном перед перевалом по доро-

ге из с. Верх-Апшуяхта в районный центр (рис.3 – 1). В том же году летом нами было осмотрено место находки на левобережье речки Кызыл-Таш, но никаких археологических объектов там зафиксировать не удалось из-за высокой растительности на небольшом поле фермерского хозяйства. По сообщению находчицы, наконечник лежал на грунтовой дороге, проходящей по полю.

Наконечник удовлетворительной сохранности (рис.3 – 2). Он имеет вытянутое перо, слабо суживающееся к овальному острию, и коническую сомкнутую втулку (рис.3 – 3). Перо в сечении имеет форму вытянутого ромба. Оно деформировано и имеет небольшие зазубрины. На нижней части втулки имеется отверстие диаметром 0,3 см для штыря, закрепляющего наконечник к древку. Отверстие пробито по направлению изнутри наружу. Общая длина наконечника 29,1 см, длина пера 15 см, максимальная ширина пера 2,1 см, толщина пера у основания 0,9 см, максимальный диаметр втулки 2,9 см, глубина втулки 9,0 см, диаметр шейки 1,1 см.

Начало использования железных наконечников копий в Южной Сибири относится к середине – второй половине I тыс. до н.э. (Могильников В.А., 1997, рис.43 – 1, 2). В Горном Алтае железные наконечники копий появились в комплексе вооружения населения гунно-сарматской эпохи. Наконечник с овальным сечением пера и двумя перехватами-шейками, утяжеленной втулкой обнаружен в погребении 56 кургана 24 могильника Буланкобы IV, датированном I в. до н.э. – первыми веками нашей эры (Мамадаков Ю.Т., 1996, с.75).

В конце гунно-сарматского времени – начале раннего средневековья (IV-VI вв.н.э.) в Горном Алтае использовались наконечники копий с вытянуто-ромбическим или линзовидным сечением пера без перехватов, длинной втулкой. Такие изделия найдены в курганах 6 и 7 могильника Катанда I, оградке 2 могильника Кызыл-Таш, во впускном погребении кургана 5 могильника Яконур (Гаврилова А.А., 1965, рис.4 – 4, 5; Соёнов В.И., Эбель А.В., 1996, рис.3 – 2; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, рис.3).

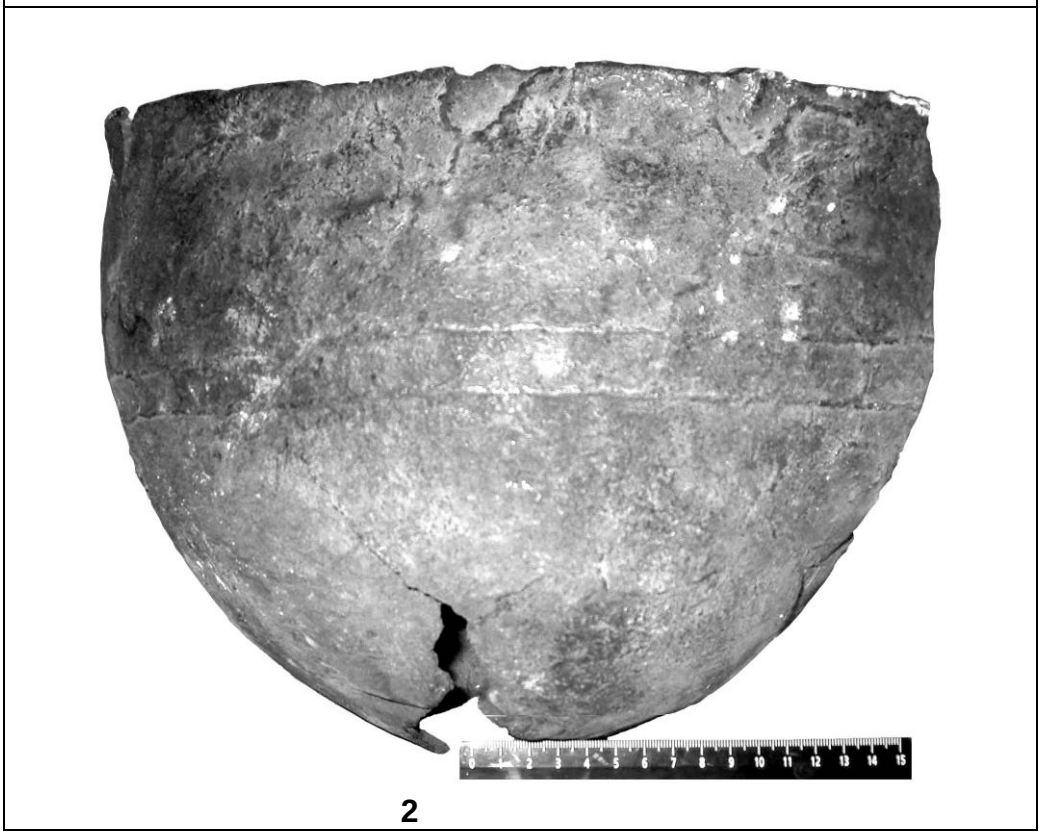
В более поздний период раннего средневековья (VII-X вв.н.э.) у алтайских тюрков получили распространение равновеликие наконечники копий, у которых длина пера и втулки примерно равны. Изделия таких форм найдены в курганах 11 и 23 могильника Балык-Сёök I, кургане 10 могильника Уландрык I, кургане 20 могильника Барбургазы I (Кубарев Г.В., 2002, с.96, 97, 104).

По всей видимости, именно к этому периоду, т.е. VII-X вв.н.э. предварительно можно отнести и апшуяхтинскую находку, также имеющую равную длину пера и втулки. Косвенно датировку подтверждает аналогичный наконечник из могилы 5 кургана 1 могильника сросткинской культуры IX-X вв. Ближние Елбаны VIII, имеющий подобные пропорции и близкую форму пера (Грязнов М.П., 1956, с.150, 151; табл. LIV – 4). С точки зрения функциональной специализации, судя по узкому компактному граненому перу, а, следовательно, высоким проникающим свойствам, публикуемое изделие относится к пикам, рассчитанным на пробивание доспеха (Горбунов В.В., 2005, с.73).

Литература

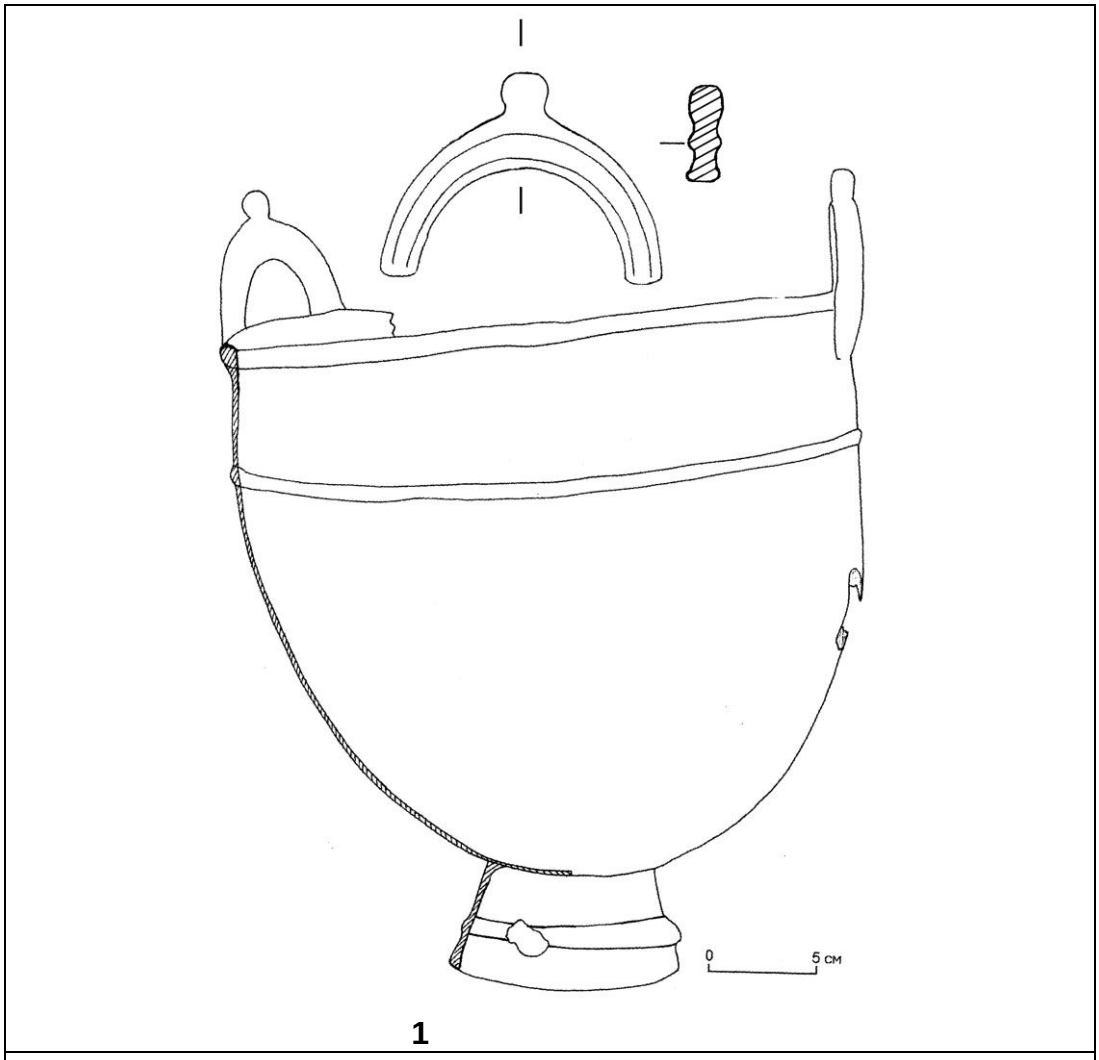
1. Боковенко Н.А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981. – С.42-52.
2. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л., 1965. – 144 с.
3. Горбунов В.В. Копья воинов сросткинской культуры // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С.67-73.
4. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л., 1956. – №48. – 265 с.
5. Евтюхова Л.А., Киселёв С.В. Отчёт о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного Исторического Музея. – М., 1941. – Выпуск 16. – С.75-117.

1

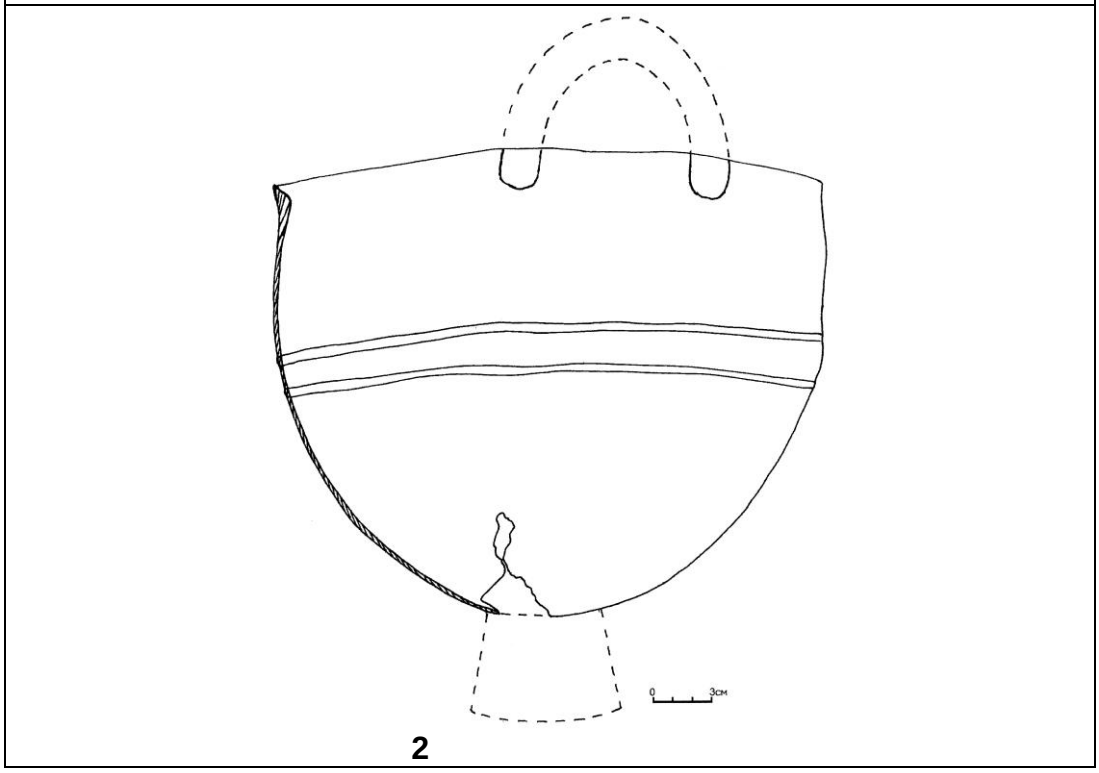


2

Рис.1

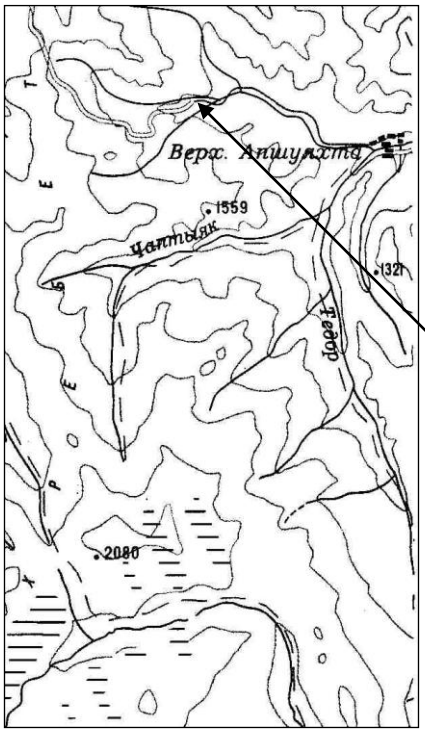


1



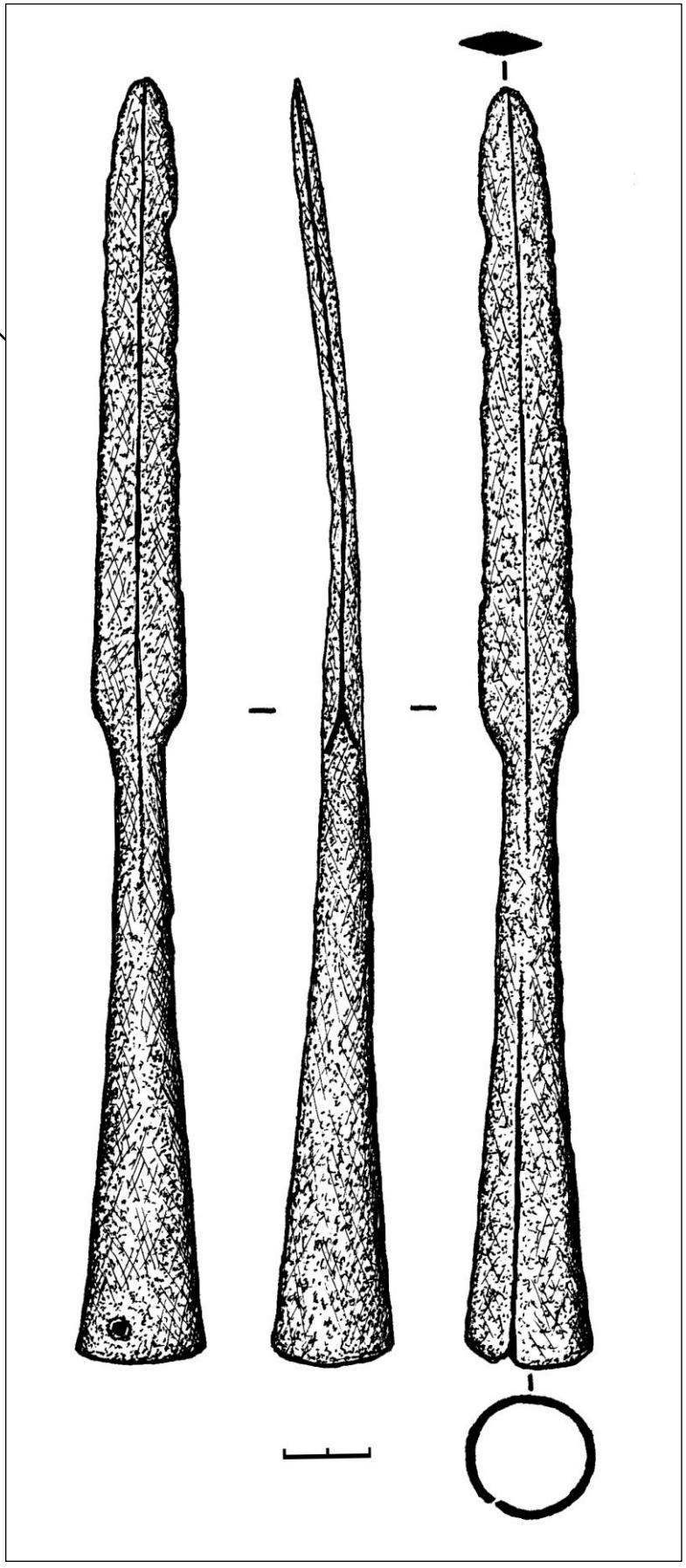
2

Рис.2



1

2



3

Рис.3

6. Кочеев В.А. О некоторых случайных находках из Горного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1986. – С.158-164.
7. Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск, 1981. – С.84-89.
8. Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Сёёка // Материалы по военной археологии Алтая. – Барнаул, 2002. – С.88-112.
9. Мамадаков Ю.Т. Колющее оружие булан-кобинского населения // Актуальные проблемы сибирской археологии. Тезисы докладов к конференции. – Барнаул, 1996. – С.75-78.
10. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине-второй половине I тысячелетия до н.э. – Москва, 1997. – 196 с.
11. Соёнов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1996. – №3. – С.115-118.
12. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Раннетюркское погребение на могильнике Яконур (по материалам раскопок М.П.Грязнова) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – №10. – С.107-117.
13. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Предметный комплекс из памятника Яломан-II на Алтае как отражение влияния материальной культуры хунну // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск, 2005. – Часть 1. – С.327-333.
14. Членова Н.Л. Тагарская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР. – М., 1967. – С.206-224.

Список иллюстраций к статье Соёнова В.И. и Трифановой С.В.

Рис.1 Бронзовые котлы. Фотоснимки.
1 – котел №1 (Озерное); 2 – котел №2 (Горный Алтай).
Рис.2 Бронзовые котлы. Рисунки.
1 – котел №1 (Озерное); 2 – котел №2 (Горный Алтай).
Рис.3 Железный наконечник копья (Апшуяхта).
1 – место находки; 2 – фотоснимок; 3 – рисунки.

Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В.
(г.Барнаул)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В УРОЧИЩЕ УРКОШ

Летом 2004 и 2005 гг. Яломанской экспедицией Алтайского государственного университета осуществлялись планомерные обследования в Онгудайском районе Республики Алтай. Разведочные работы являлись продолжением полевых изысканий по изучению древних и средневековых памятников Центрального Алтая (Тишкин А.А., 2005а–б, 2006; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, 2003; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С., 2004; Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К., 2004; Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004а–б и др.). Главной целью исследований стала фиксация открытых археологических комплексов в урочище Уркош на левом берегу Катуни, в 3 км к северу от устья р. Большой Яломан (рис. 1). Данная территория представляет собой каскад высоких изрезанных логами и оврагами террас, которые с юга, запада и севера ограничены скалистыми горами.

В обозначенном месте в 1989 г. работала экспедиция Института археологии АН СССР и ГАНИИИЯЛ. В результате были исследованы сооружения кочевников скифского и тюркского времени на некрополе Большой Яломан-II в 0,5 км от зимника (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994). Кроме того, изучалось святилище Большой Яломан–III. Такой

памятник находится у живописной скалы с петроглифами. В 1980-е гг. О.В. Ларин указал его А.С. Суразакову (1996), который провел там небольшие раскопки, кратко опубликовав предварительные результаты. Отмеченный комплекс представляет исключительный научный интерес и является важным историко-культурным объектом. В настоящее время территория археологического объекта не используется в хозяйственном отношении, хотя еще хорошо видны следы бывшей животноводческой стоянки. Святилище в полной мере не исследовалось, но регулярно подвергается негативному антропогенному и природному воздействию. Такой вид памятников на Алтае крайне слабо изучен, требует длительного и систематического обследования с привлечением ученых разных специальностей. Наскальные изображения святилища Большой Яломан-III, созданные на протяжении многих сотен лет, искорежены современными варварскими выбивками и нелепыми подражаниями. Заложенный в свое время археологический раскоп остался не рекультивирован, его края осыпаются, а отвал, поросший сорняками и крапивой, дополняет обезображенный вид. Участившиеся неконтролируемые посещения «диких» туристов и местных жителей, приезжающих на автомобилях, создают возможность для нанесения дополнительного ущерба незащищенному объекту культурно-исторического наследия (Тишкин А.А., 2005б). Произведенное копирование писаницы обозначило ряд серьезных трудностей, связанных с достоверностью фиксации, а также с последующей интерпретацией (Тишкин А.А., Чекрыжова О.И., 2004а). При осмотре находящихся рядом с петроглифами каменных плоскостей обнаружены небольшие знаки, сделанные черной краской в скальной нише. При внимательном их изучении удалось выявить остатки надписи. Скопированный фрагмент и фотографии местонахождения были переданы для экспертизы С.Г. Кляшторному в Санкт-Петербургский филиал Института востоковедения РАН. В результате оказалось, что текст сильно испорчен, и целиком прочитать его нет возможности. Тем не менее, специалисты определили, что надпись тюркская, и сделана она «…древнеуйгурским письмом, скорее всего, в VIII–IX вв.» (Тишкин А.А., 2005б; 2006) Эти данные делают памятник Большой Яломан-III еще более уникальным, так как подобных свидетельств в Горном Алтае еще не обнаруживалось, а ближайшая аналогичная находка известна в Монголии около г. Улангома.

В результате обследований удалось уточнить месторасположение комплекса Большой Яломан-III и соотнести его с другими археологическими памятниками. Оказалось, что святилище располагается рядом с обозначенным на карте логом Уркош в 3 км к северу от устья р. Большой Яломан (в 3,5 км, если ехать на машине по дороге). От него до зимника на юго–юго-запад – 1,1 км, а к востоку до Чуйского тракта – около 0,3 км. Напротив, на правом берегу Катуни, находится урочище Сальдяр с одноименными археологическими объектами.

Местонахождение петроглифов, отмеченное В.Д. Кубаревым и Е.П. Маточкиным (1992, с. 48) как Яломан-II, обнаружено нами в 1,7 км к северу от устья р. Большой Яломан, рядом с Чуйским трактом на огромных валунах, лежащих у подножья той высокой террасы Катуни, на которой зафиксированы святилище и писаница.

В результате проведенных обследований выяснилось, что неподалеку от ранее зафиксированных археологических объектов располагается несколько групп погребальных сооружений и петроглифов, получивших обозначения по наименованию лога. По всей видимости, существует определенная связь между выявленными наскальными изображениями и курганами. В ходе разведки нами были выявлены и впервые зафиксированы следующие могильники (рис. 1).

Уркош-I. Памятник находится в 2,83 км на север от моста через р. Большой Яломан, по которому идет полотно Чуйского тракта, и в 5,4 км к север-северо-западу от с. Малый Яломан. От него в 0,9 км на юго-запад располагается зимник, к которому ведет полевая дорога (рис. 2). В 0,167 км к северо-западу от данного некрополя отмечено святилище Большой Яломан-III. Археологический комплекс представляет собой компактную группу из 35 курганов, сооруженных на слегка наклонной поверхности высокой надпойменной террасы Катуни. Большинство зафиксированных объектов имели небольшие (от 1,6 до 6 м в диаметре, при высоте от 0,1 до 0,5 м) задернованные каменные насыпи овальной формы, вытянутые длинной осью с юга на север. Они образуют не менее шести ориен-

тированных в широтном направлении «цепочек», которые выстроены в плотные ряды. Курганы в цепочках часто соединены друг с другом полами насыпей. В некоторых случаях одни были пристроены к другим. У многих из них по периметру хорошо прослеживаются однослойные выкладки-крепиды. Четыре кургана (№29–32), сконцентрированные в северной части некрополя, отличаются более крупными параметрами (развал надмогильных сооружений превышал 5,5 м, первоначальная высота более 0,5 м). Они имели конструкцию в виде многослойной выкладки-стенки из плоских и подработанных каменных плит. У трех видны неглубокие западины в центре. Планиграфия памятника и особенности устройства надмогильных сооружений позволяют отнести зафиксированный некрополь к булан-кобинской культуре, датировав его предварительно 1-й половиной I тыс. н.э.

Уркош-II. Четыре кургана размерами от 6,5 до 8,5 м, высотой от 0,35 до 0,7 м находятся в 0,23 км к западу-юго-западу от могильника Уркош-I и в 0,53 км на запад-северо-запад от Чуйского тракта. Они расположены на двух мысовидных наклонных выступах у гор (рис. 3). Насыпи частично сползли вниз и пострадали от стока талых и дождевых вод, а также от камнепадов. В центре кургана №4 оказался огромный скальный обломок высотой более 2 м. Данные погребальные объекты могут датироваться скифским временем или средневековьем.

Уркош-III располагается 0,18 км на юго-запад от предыдущего памятника. На площади двух мысовидных выступов зафиксированы шесть курганов с каменными насыпями диаметром от 5,7 до 10 м и высотой от 0,45 до 0,8 м (в одном случае с западиной). Объекты располагались двумя «цепочками» ориентированными по линии Ю–С (рис. 4). Кроме этого, рядом со скалой был обнаружен объект №7 пока неясного функционального назначения. Он представлял собой выкладку из массивных камней и имел неправильно прямоугольную форму длиной с северо-запада на юго-восток 19 м, шириной 9 м, высотой до 0,45 м. Зафиксированный памятник имеет следы разрушений от схода вод. Некоторые погребальные сооружения находятся в аварийном состоянии. Обнаруженные объекты предварительно можно отнести к скифскому времени или средневековью без конкретизации их культурной принадлежности.

Уркош-IV. расположен в 0,15 км на юго-запад от предыдущего археологического комплекса на высокой террасе рядом со скалой (рис. 5). В непосредственной близости с горой зафиксирован курган №1 округлой в плане формы диаметром 8 м, высотой 0,5 м с неглубокой западиной в центре. Насыпь возведена из крупных рваных камней, уложенных в несколько слоев, в том числе, с элементами кладки. К северу от него на скальной поверхности обнаружено изображение козла. В 30 м на север-северо-восток отмечены две каменные выкладки размерами до 5 м, высотой не более 0,3 м. Культурно-хронологический контекст всех сооружений не ясен.

Уркош-V. Одиночный курган с интенсивно задернованной каменной наброской диаметром 7 м, высотой до 0,35 м расположен в 0,1 км к северо-северо-востоку от некрополя Уркош-I. Он располагается на невысоком «холмообразном» выступе террасы недалеко от горы (рис. 6). По внешнему виду данный объект можно датировать скифской эпохой или средневековьем.

Уркош-VI. Одиночный курган с сильно задернованной каменной насыпью диаметром 8,5 м, высотой до 0,35 м находится в 0,5 км к северо-северо-востоку от предыдущего пункта (рис. 7). Предварительно его следует включить в круг памятников пазырыкской культуры. На склоне горы примерно в 57 м к западу от кургана зафиксировано скопление петроглифов.

Таким образом, в ходе проведенного обследования в урочище Уркош зафиксировано шесть ранее неизвестных погребальных комплексов, относящихся к эпохе поздней древности и средневековью. Всего было описано 50 отдельных объектов. Полученные материалы представляют большую научную ценность для выяснения факторов, определявших общие и особенные моменты пространственно-территориальной организации древних и средневековых кладбищ. Они расширяют источниковую базу для реконструкции этнокультурных и социально-демографических процессов, происходивших в Центральном Алтае в разные исторические периоды. Осмотр выявленных памятников показал, что только некоторые кур-

ганы могильников Уркош-II и III, расположенные на краю склона террасы, находятся сейчас в аварийном состоянии. Эти разрушения носят природный характер.

Дальнейшее изучение обнаруженных памятников является перспективным для разработки дробной хронологии, сконцентрированных на их площади разновременных объектов. Исследования подобного плана позволят уточнить или наполнить конкретным содержанием имеющиеся культурно-хронологические схемы изучения истории Горного Алтая. Добытые сведения должны учитываться при проведении паспортизации объектов историко-культурного наследия Республики Алтай и при составлении археологической карты Онгудайского района. В дальнейшем планируется сплошное обследование других межгорных долин, террас, мысов и седловин в бассейне Катуни для выявления новых археологических объектов и мониторинга известных памятников.

Литература

1. Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки памятников Большой Яломан-I и II // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 38–48, 210–225.
2. Суразаков А.С. Святилище Большой Яломан-III // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул, 1996. – С. 82–84.
3. Тишкин А.А. Новые и известные находки каменных стел и изваяний скифского времени на Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005а. – Вып. XIV. – С. 171–179.
4. Тишкин А.А. О состоянии некоторых памятников наскального искусства Онгудайского района Республики Алтай // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2005б. – Вып. XIV. – С. 179–189.
5. Тишкин А.А. Историко-культурное наследие Алтая. Вып. 1: Древности Онгудайского района. – Барнаул, 2006. – 12 с.
6. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII. – С. 456–461.
7. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. Ч. I. – С. 488–493.
8. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Дашковский П.К. Исследования археологических микрорайонов на Алтае // Археологические открытия 2003 года. – М., 2004. – С. 476–481.
9. Тишкин А.А., Горбунов В.В., Матренин С.С. Яломанский археологический микрорайон в Горном Алтае // Археологические микрорайоны Северной Евразии. – Омск, 2004. – С. 93–97.
10. Тишкин А.А., Чекрыжова О.И. Сцена охоты лучников с писаницы святилища Большой Яломан-III (Горный Алтай) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004а. – С. 394–398.
11. Тишкин А.А., Чекрыжова О.И. Изображения животных в аржано-майэмирском стиле у подножья горы Хрустальная (Горный Алтай) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. – СПб., 2004б. – С. 276–279.

Список иллюстраций к статье Тишкина А.А., Матренина С.С., Горбунова В.В.

Рис. 1. Расположение памятников в урочище Уркош. Ситуационный план.
Рис. 2. План могильника Уркош-I.
Рис. 3. План могильника Уркош-II.
Рис. 4. План могильника Уркош-III.
Рис. 5. План памятника Уркош-IV.
Рис. 6. Одиночный курган Уркош-V. План.
Рис. 7. Одиночный курган Уркош-VI. План.

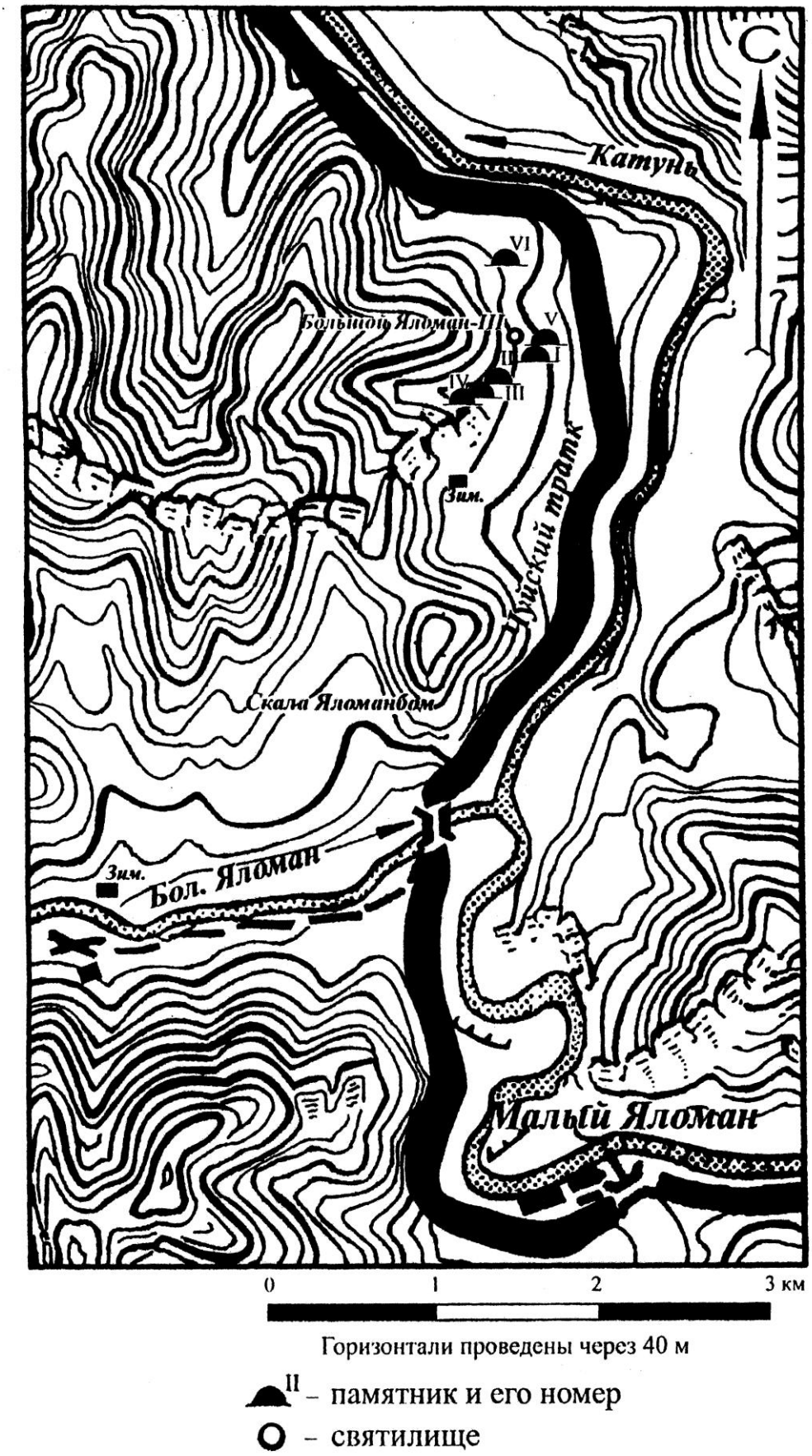

С
Катунь
VI
Большой Яломан-III
V
II
I
IV
III
Зим.
Чуйский тракт
Скала Яломанбам
Зим.
Бол. Яломан
Малый Яломан
0
1
2
3 км
Горизонтали проведены через 40 м
II – памятник и его номер
– святилище

Рис.1

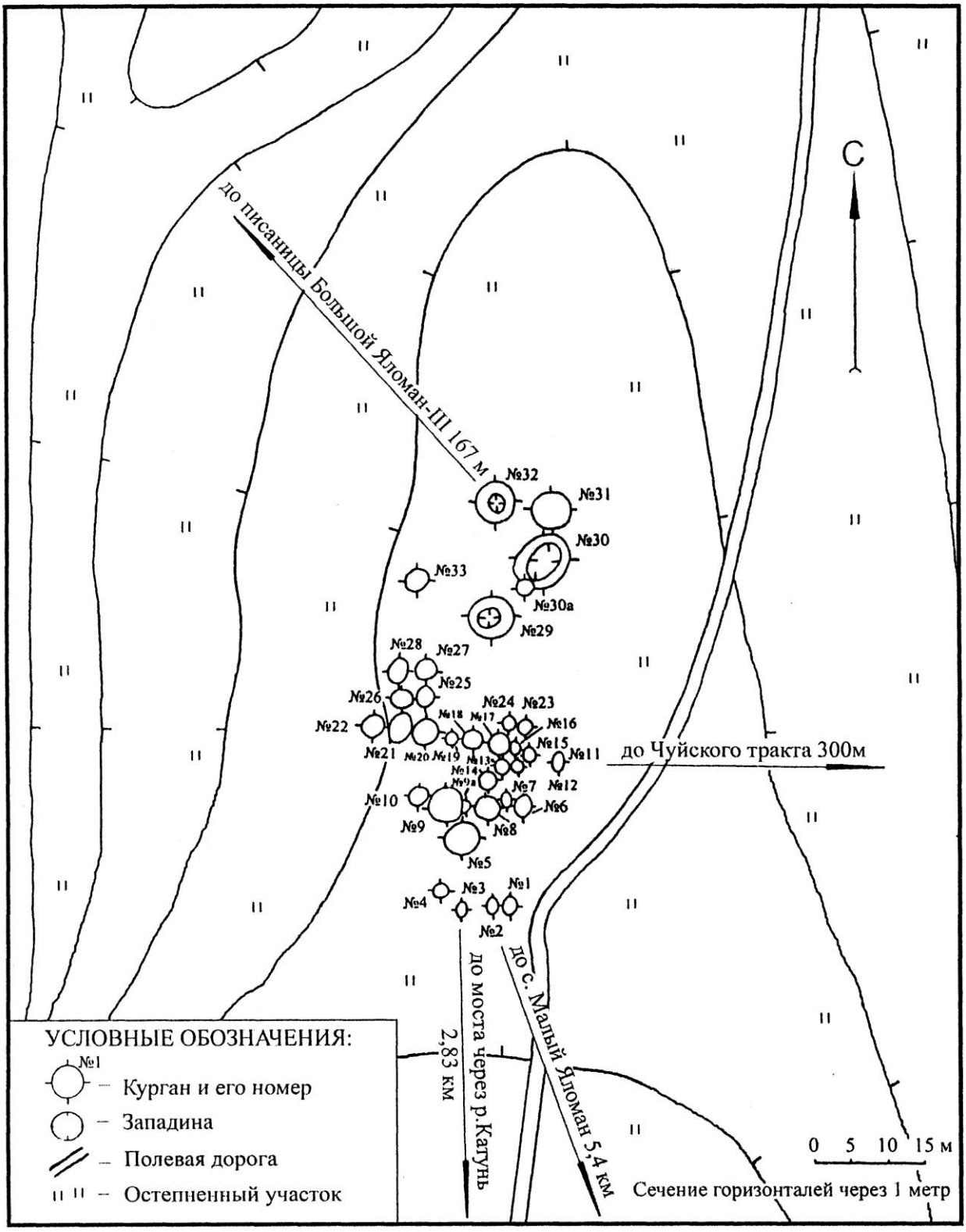

С
до писаницы Большой Яломан-III 167 м
№32
№31
№30
№33
№30а
№29
№28
№27
№25
№26
№24
№23
№22
№18
№17
№16
№21
№20
№19
№15
№11
№14
№9а
№7
№12
№10
№6
№9
№8
№5
№4
№3
№1
№2
до Чуйского тракта 300м
до моста через р.Катунь
2,83 км
до с. Малый Яломан 5,4 км
0 5 10 15 м
Сечение горизонталей через 1 метр
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
№1 – Курган и его номер
– Западина
– Полевая дорога
– Остепненный участок

Рис.2

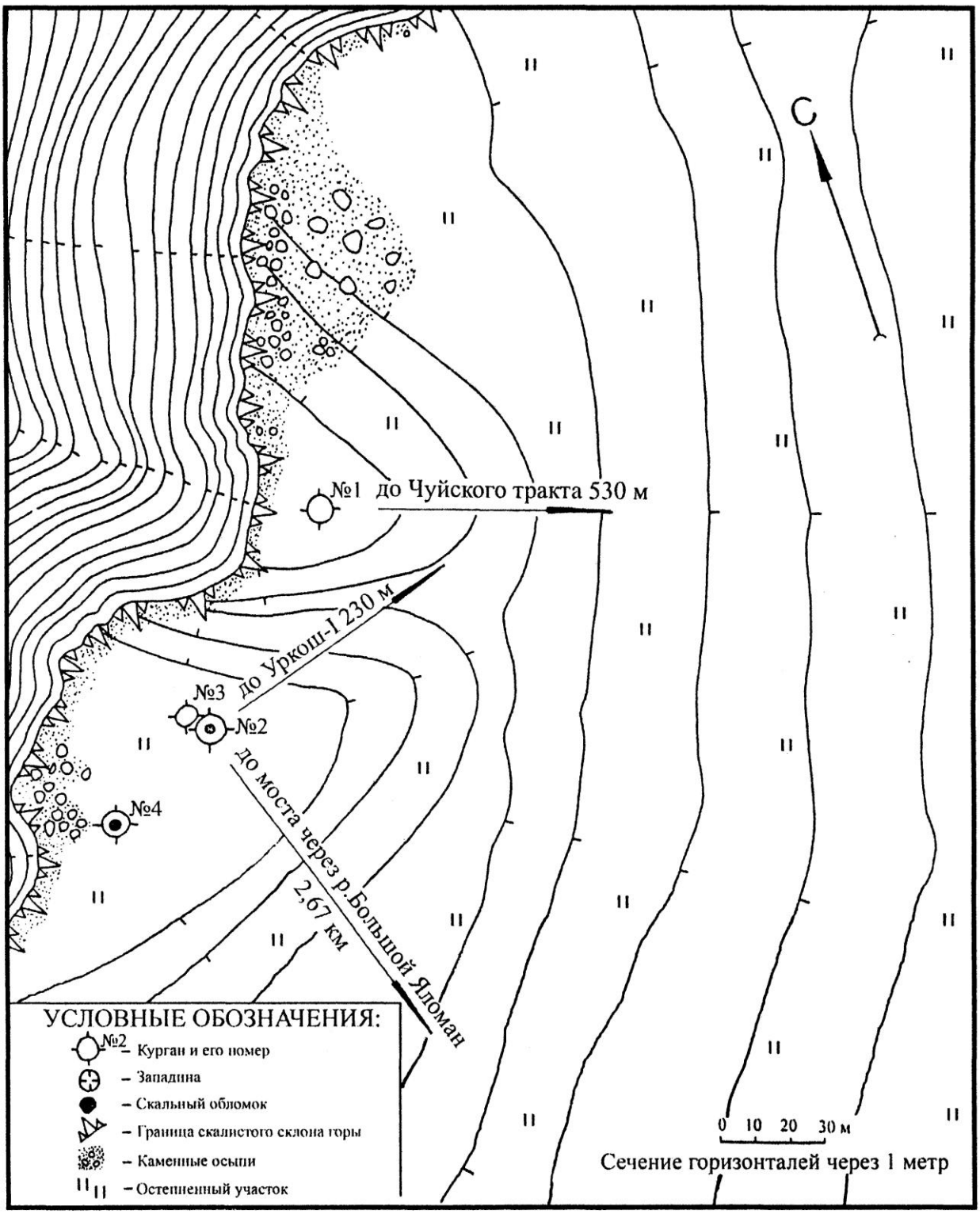
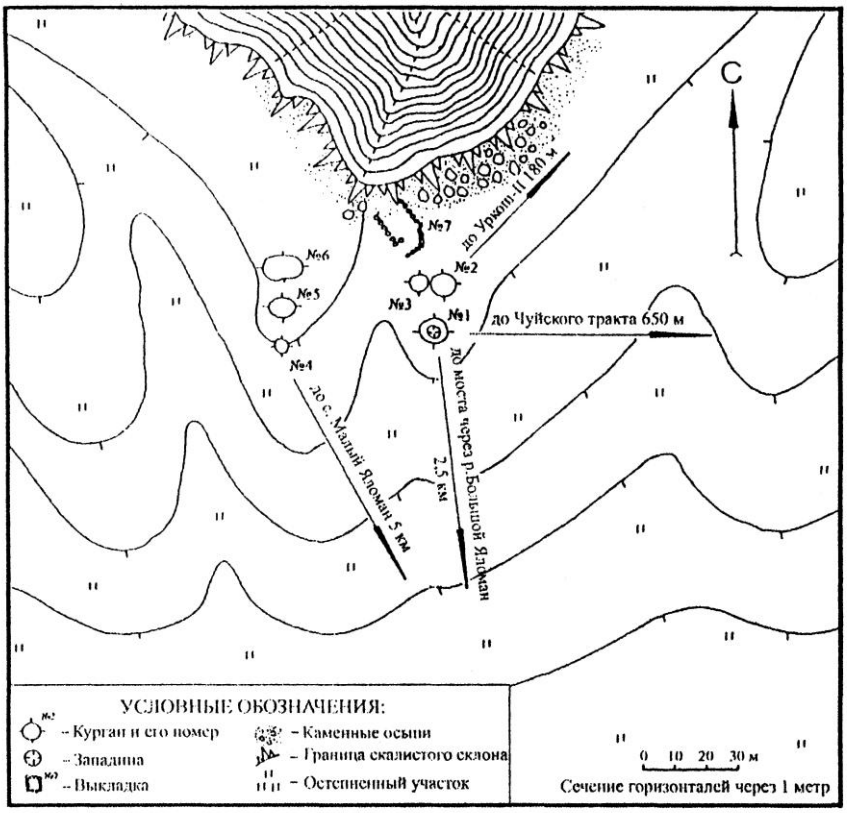

№1 до Чуйского тракта 530 м
до Уркош-I 230 м
№3
№2
№4
до моста через р.Большой Яломан
2,67 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
№2 – Курган и его номер
– Западина
– Скальный обломок
– Граница скалистого склона горы
– Каменные осыпи
– Остепненный участок
0 10 20 30 м
Сечение горизонталей через 1 метр

Рис.3


С
№7
№6
№5
№4
№3
№2
№1
до Уркон-II 180 м
до Чуйского тракта 650 м
до моста через р.Большой Яломан
2,5 км
до с. Малый Яломан 5 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
– Курган и его номер
– Западина
– Выкладка
– Каменные осыпи
– Граница скалистого склона
– Остепненный участок
0 10 20 30 м
Сечение горизонталей через 1 метр

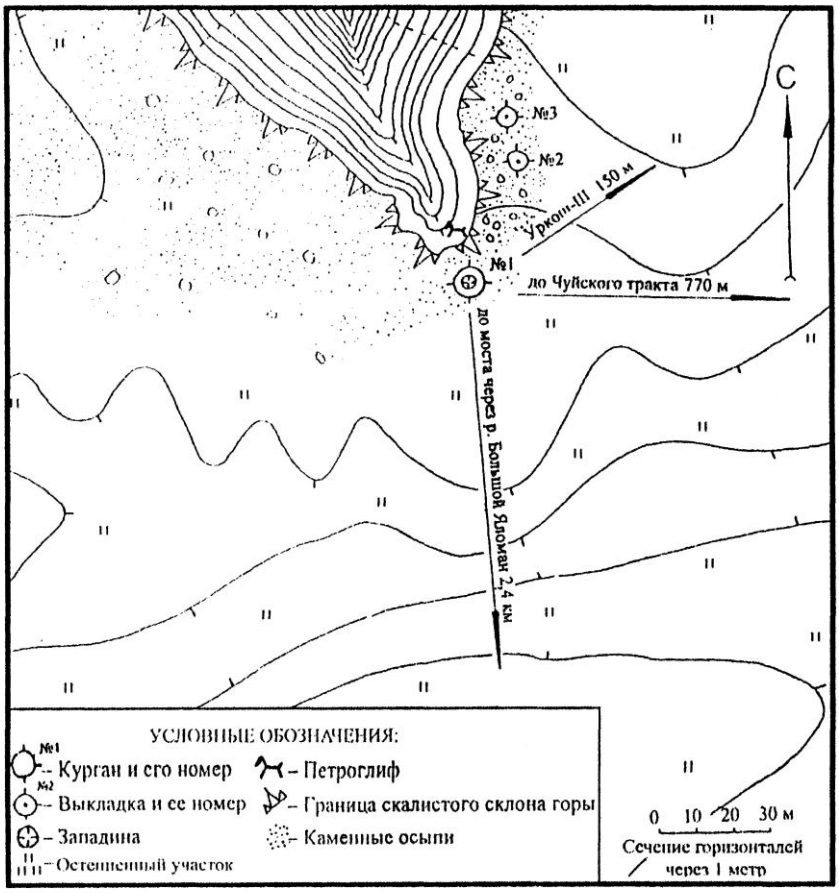
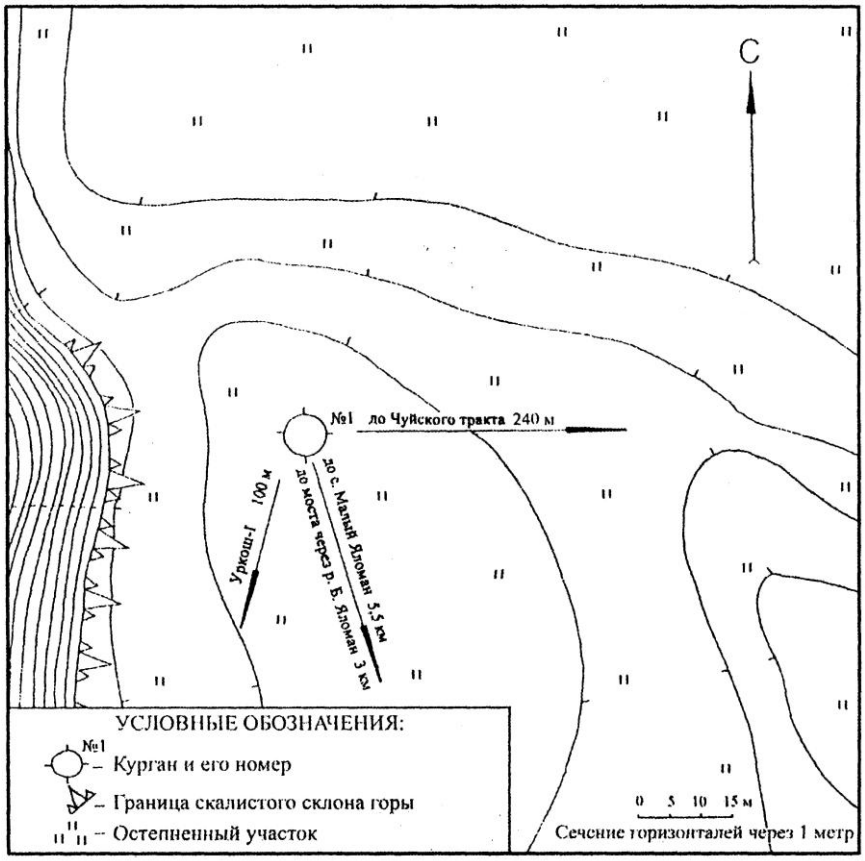

С
№3
№2
Уркон-III 150 м
№1
до Чуйского тракта 770 м
до моста через р. Большой Яломан 2,4 км
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
– Курган и его номер
– Выкладка и ее номер
– Западина
– Остепненный участок
– Петроглиф
– Граница скалистого склона горы
– Каменные осыпи
0 10 20 30 м
Сечение горизонталей через 1 метр

Рис.4, 5


С
№1 до Чуйского тракта 240 м
до с. Малый Яломан 5,5 км
до моста через р. Б. Яломан 3 км
Уркош-I 100 м
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
№1 – Курган и его номер
– Граница скалистого склона горы
– Остепненный участок
0 5 10 15 м
Сечение горизонталей через 1 метр

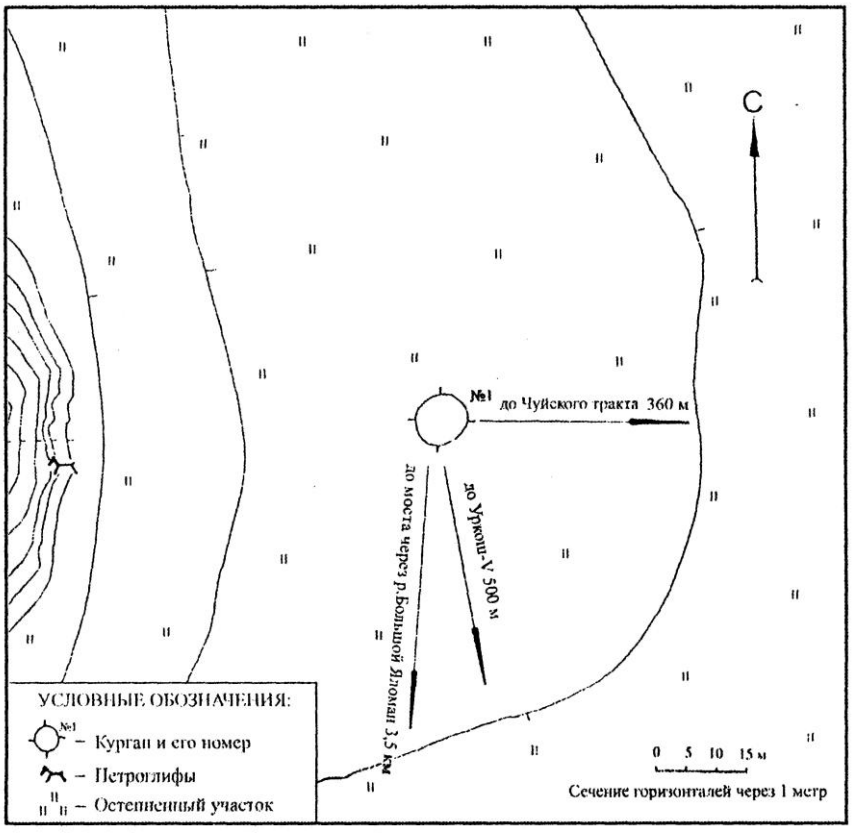

С
№1 до Чуйского тракта 360 м
до моста через р.Большой Яломан 3,5 км
до Уркош-V 500 м
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:
№1 – Курган и его номер
– Петроглифы
– Остепненный участок
0 5 10 15 м
Сечение горизонталей через 1 метр

Рис.6, 7

Матренин С.С.
(г. Барнаул)

ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ГОРНОГО АЛТАЯ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Изучение социальной структуры древних и средневековых народов является одним из важных направлений современной отечественной археологии и представляет в настоящее время отдельную субдисциплину (Генинг В.Ф., 1989; Бобров В.В., 1997, 2003; Васютин С.А., Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Тишкин А.А., 2005; Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А., 2005а–б). Несмотря на достаточное количество публикаций, посвященных теоретическим и методическим вопросам использования археологических данных для проведения палеосоциальных реконструкций, работы по обозначенной проблематике применительно к номадам Центральной Азии конца I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. сравнительно немногочисленны (Давыдова А.В., 1985; Николаев Н.Н., 1992; Крадин Н.Н., 2001; Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б., 2004; Савинов Д.Г., 2005). Социальная тематика применительно к истории кочевых племен, проживавших там во II в. до н.э. – V в. н.э., реализовывалась до недавнего времени почти исключительно на основе нарративных памятников и касалась преимущественно Хунну.

Для Горного Алтая до эпохи раннего средневековья отсутствовали какие-либо письменные свидетельства, поэтому основным источником для воссоздания различных сторон жизнедеятельности населявших его людей в раннем железном веке выступают главным образом результаты раскопок погребальных памятников. Обращение к изучению социогенеза кочевников Алтая хунно-сяньбийского времени происходит относительно недавно. Между тем на сегодняшний день в научной литературе уже сложились несколько подходов и точек зрения по поводу социальной интерпретации материалов, полученных из погребений булан-кобинской культуры. Такая ситуация требует рассмотреть сложившийся опыт научных изысканий в данной области с тем, чтобы наметить перспективы исследования социальной организации скотоводов этого региона II в. до н.э. – V в. н.э.

Одной из основных проблем, поднятых при изучении структуры общества Горного Алтая хунно-сяньбийского времени, был вопрос о выделении социально-диагностирующих признаков погребальной обрядности. Первая попытка обоснования по материалам памятников Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. обозначенных показателей и характеристики на их основе некоторых элементов общественной системы носителей булан-кобинской культуры была предпринята В.Н. Елиным (1989). Используя в качестве критериев социально-имущественной дифференциации умерших людей из курганов предтюркского периода могильника Кок-Паш глубину могилы и качественно-количественный состав сопроводительного инвентаря, он обозначил несколько групп захоронений с разным статусом. Погребения первой группы производились в ямах глубиной более двух метров с многочисленным набором категорий вооружения и воинской экипировки: железными и костяными наконечниками стрел, луками, палашами, кинжалами, боевыми ножами, доспехами, наборными поясами. Другую группу составляли захоронения мужчин и женщин на глубине меньше двух метров с менее выразительными вещами, преимущественно костяными наконечниками стрел и небольшими ножами. Почти все «интересные» находки сосредотачивались в могилах указанных групп. Свидетельством более низкого социального статуса остальных умерших людей выступало отсутствие инвентаря, либо наличие одного–двух предметов из разряда массовых изделий. При этом наиболее престижное вооружение, снаряжение и украшения имелись чаще всего у женщин 25–30 лет. Захоронения мужчин, которые можно сопоставить с обозначенными женскими курганами, составляли небольшой процент. Особенностью похоронного ритуала детей являлась скудность сопроводительного инвентаря (небольшой нож), отсутствие такового.

Представляются весьма ценными наблюдения автора о планировочной структуре данного некрополя, в соответствии с которой могилы людей социально привилегированных категорий располагались в непосредственной близости друг от друга, как бы обособленно от остальных объектов. Археолог допускал, что зафиксированная на памятнике Кок-Паш ситуация преобладания разных типов наземных и внутримогильных конструкций в рамках северного (квадратные ограды, преобладание внутримогильных обкладок) и южного (доминирование кольцевых оград-крепид и каменных ящиков) участков кладбища могла быть также результатом определенных этносоциальных процессов (Елин В.Н., 1991, с. 154). Важным условием социогенеза кочевников Восточного Алтая в эпоху «великого переселения народов», с позиции В.Н. Елина, была военно-политическая обстановка в Южной Сибири и Центральной Азии. На таком основании он предположил, что место индивида в социальной структуре изучаемого общества задавалось системой военной иерархии. Несмотря на использование небольшого количества материалов, исследователь сделал вывод о существовании у населения этой территории в III – V вв. н.э. многоуровневой общественной лестницы, испытавшей на себе воздействие предшествующей, скифской, и новой, хуннской, культурных традиций, характеризующихся социальной многоступенчатостью.

Определенный опыт изучения некоторых аспектов социального развития номадов Горного Алтая хуннского времени принадлежит Ю.С. Худякову. Рассматривая введенные в научный оборот к началу 1990-х гг. данные по булан-кобинской культуре, этот специалист считал, что ее носители были неоднородными. Он допускал возможность выделения на могильнике Усть-Эдиган курганов «местной, вероятно, родовой знати, рядовых кочевников и неполноправных членов рода» (Худяков Ю.С., 1993, с. 68). В публикации, посвященной предварительной палеодемографической характеристике результатов раскопок данного памятника, Ю.С. Худяков (1994) обозначил отличительные черты обряда захоронения и инвентаря представителей разных половозрастных групп. Так, мужчин снабжали оружием, поясами, снаряжением верхового коня, часто верховым конем. С женщинами в могилу помещали украшения, предметы туалета, бытовые инструменты, иногда захоронение лошади. Детей погребали с украшениями и бытовыми предметами, без коня. Многим умершим предназначалась мясная пища в виде крестца овцы, а также керамическая посуда. Социально-имущественная дифференциация выражалась в укомплектации вещевыми наборами, наличии или отсутствии лошадей, местонахождении погребений на площади кладбища. «Наиболее богатые мужские, женские и детские захоронения с золотыми украшениями сосредоточены в центральной части могильника. В северной и южной части памятника сосредоточены погребения с бронзовыми украшениями. Бедные и безынвентарные могилы разбросаны по всей площади могильника чересполосно с остальными» (Худяков Ю.С., 1994, с. 136). Согласно Ю.С. Худякову, мужские и женские курганы находились совместно в центральной и южной зоне некрополя, при этом последние доминируют на северном его участке, где захоронено несколько мужчин без оружия. Погребения детей совершались в основном на периферии памятника. Исследователь интерпретировал могильник Усть-Эдиган в качестве родового кладбища, функционировавшего непрерывно в течение нескольких поколений.

Разноплановые сведения для проведения палеосоциальных реконструкций были получены в процессе раскопок могильника Булан-Кобы-IV. Опираясь на анализ данных материалов, Ю.Т. Мамадаков (1997) рассмотрел проблему отражения общественных отношений «булан-кобинцев» в погребальном обряде детей. Руководствуясь известными этнографическими параллелями и сведениями письменных источников, этот археолог считал, что формирование социальной структуры населения Горного Алтая в конце I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. происходило под определяющим влиянием двух факторов: сохраняющегося в качестве ведущего направления хозяйственной деятельности кочевого скотоводства и базирующейся на его основе традиционной родоплеменной организации; воздействия разветвленной общественно-политической системы хунну. Ю.Т. Мамадаков (1997, с. 160-161) сделал следующие выводы об особенностях половозрастной и социально-имущественной стратификации детской части булан-кобинского населения: 1) дети хоронились по канонам ритуала взрослых, обычно рядом с более ранними жен-

скими могилами, и до определенного возраста были прямыми продолжателями конкретных семейно-родовых групп; 2) умершие в возрасте от 0,5 до 8–9 лет погребались в сопровождении миниатюрных железных ножей и кусков мяса овцы; 3) отношение к индивидам от 10–11 до 13–14 лет менялось в зависимости от пола, а подростки 14–15 лет, скорее всего, считались уже взрослыми членами коллектива; 4) нормы отношения к детям во многом определялись их принадлежностью к семейно-родовым группам с разным экономическим положением, что проявлялось в неравномерности снабжения инвентарем, различиях в распределении жертвенной пищи, наличии или отсутствии сопроводительного захоронения лошади. Ю.Т. Мамадаков предположил, что некрополь Булан-Кобы-IV оставлен неодинаковыми по социально-имущественному состоянию семейно-родовыми объединениями (семьями?), отражающими племенную систему.

Свой подход к реконструкции социальной организации и демографической ситуации на заключительном этапе хунно-сяньбийской эпохи предложили С.А. и А.С. Васютины (1997) в статье «Социальная планиграфия предтюркских погребений могильника Кок-Паш из Восточного Алтая», основные положения которой с некоторыми дополнениями и уточнениями получили отражение в книге «Восточный Алтай в эпоху великого переселения народов (III–V века)» (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003), а также главе коллективной монографии «Социальная структура ранних кочевников Евразии» (Васютин С.А., Васютин А.С., 2005). На сравнительно небольшой археологической выборке ими был впервые реализован комплексный подход в изучении социального развития кочевников обозначенной территории в предтюркское время. Исследователи во многом подтвердили и наполнили фактическим содержанием наблюдения В.Н. Елина (1989) по поводу социально обусловленных параметров погребальной практики «кок-пашцев». К их числу принадлежали размеры надмогильного сооружения, глубина могилы, «бедность» и «богатство» сопроводительного инвентаря, определяющаяся исходя из наличия оружия и украшений. На основе сопоставления обозначенных признаков с данными о половозрастном составе покойных было выделено несколько групп захоронений, демонстрирующих физико-генетическую и социальную структуру населения (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 46–47). Для женщин это были: 1) погребение девушки-подростка 14–16 лет с колчаном и стрелами на глубине 1,2 м из кургана №4; 2) погребение женщины 20–25 лет с пряжкой и бусами в яме глубиной 1,7 м из кург. №9; 3) погребения в возрасте 25–30 лет в наиболее глубоких могилах с ярко выраженными воинскими атрибутами в составе «богатого» инвентаря (кург. №12, 13, 28, 36); 4) погребения людей старше 30 лет с украшениями и бытовыми предметами (кург. №27, 33, 37, 38). Захоронения мужчин юного, возмужалого и зрелого возраста не имели такой четкой дифференциации и совершались на разной глубине (от 0,8 до 2 м) со стандартным и «бедным» инвентарем, либо без него. Одно погребение мужчины 50–60 лет, устроенное в яме глубиной 1,9 м, было без вещей. Детей хоронили в мелких могилах (0,75–0,85 м) без предметов.

Располагая нерепрезентативной серией антропологических определений, археологи сделали вывод о доминировании в управленческой (исключая политическую сферу) и производственной жизни «кок-пашского» общества женщин. Некоторые женщины непосредственно участвовали в военной деятельности с подросткового периода, достигая пика военной карьеры к 25–30 годам. Начиная с 30 лет, их социальная значимость уменьшается (в инвентаре исчезает оружие, появляются украшения и бытовые предметы), однако они сохраняют свой приоритет над мужчинами 30–45 лет. Зафиксированная на данном памятнике «нетипичная» ситуация социального преобладания женщин, по мысли авторов, связана, вероятнее всего, с производственной сферой или какой-то конъюнктурной ситуацией, возникшей в ходе переселения «кок-пашцев» на Алтай (Васютин С.А., Васютин А.С., 2005, с. 233).

При интерпретации материалов некрополя Кок-Паш С.А. и А.С. Васютиными был использован метод «социальной планиграфии», посредством которого были выявлены тенденции размещения курганов в соответствии с социально-имущественными и половозрастными особенностями похороненных в них людей. Так, могилы женщин составляли небольшие цепочки из 2–4 объектов с занимающим в них центральное место наиболее «богатым» погребением. Они обычно объединяли захоронения лиц близкого возрас-

та и могли отражать формирование отношений по типу побратимства или возрастную дифференциацию. Вокруг этих цепочек формировались микрогруппы курганов. Погребения мужчин располагались хаотично, не демонстрируя родственных или иных связей. Сложную пространственную структуру данного погребально-поминального комплекса ученые рассматривали как свидетельство параллельного проживания в долине Чулышмана двух лояльных групп кочевников, принадлежавших разным аилам, являвшихся одновременно семейно-клановыми объединениями, в которые, вероятно, входили и зависимые «неродственники». Кроме прочего, они указали на подчиненное общественное положение социально-производственного коллектива (аила), хоронившего своих представителей на южном участке кладбища, сохранявшего устойчивую обособленность и внутреннюю социальную ранжированность.

Отдельно нужно отметить опыт С.А. и А.С. Васютиных по определению приблизительного количества одновременно проживавших взрослых людей, оставивших некрополь Кок-Паш, на основе практических разработок С.С. Сорокина (1975) и Б.Ф. Железчикова (1984). Исходя из немногочисленных антропологических данных, приблизительной продолжительности функционирования могильника, общих закономерностей развития кочевого хозяйства, средняя численность взрослого населения была установлена в пределах 25–26 человек. Исследователи подчеркнули отсутствие в погребениях предметов, свидетельствующих о развитии в Восточном Алтае в указанный хронологический период земледелия, что подтверждается относительно небольшой плотностью населения этого района (Васютин С.А., Васютин А.С., 2005, с. 235). При очевидной научной новизне и оригинальности данных построений, многие выводы исследователей гипотетичны (особенно заключение о женщинах-«амазонках»), ввиду неполной исследованности анализируемого памятника, сомнительного качества половозрастных выкладок, «плавающей» хронологии, а также обилия несоответствий различного характера в самой публикации этих археологических материалов.

Своеобразие источниковой базы, характеризующейся отсутствием поселенческих комплексов, достоверно принадлежащих булан-кобинской культуре, обусловило немногочисленность работ по изучению палеоэкономики племен Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. В рамках этого направления можно отметить пока изыскания А.Н Садового и С.С. Онищенко (2003) по реализации ландшафтного подхода для реконструкции традиционных систем землепользования населения Восточного Алтая в предтюркское время. Посредством анализа экологических ресурсов и возможных способов их хозяйственной эксплуатации с учетом этнологических параллелей конца XIX – начала XX вв. они выделили три группы моделей жизнеобеспечения, из которых для этой территории наиболее подходил экстенсивный вариант, определяющийся ведущей ролью кочевого скотоводства (яйлажной формы в низовьях Чулышмана, выгонной – на Улаганском плато), отсутствием ирригационного земледелия, существованием эпизодической охоты в Прителецком и Улаганском промысловых районах (Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 216-219, рис. 7). Первичной социально-экономической единицей общества IV–V вв. н.э. выступал аил из 5–7 малых родственных семей, насчитывавший не более 30 человек. Исследователи высказали предположение о наличии аймачной организации (территориально-производственной и потестарной структуры), распространявшейся на долину Чулышмана и Улаганское плато. Системообразующие связи были, скоре всего, родо-территориальными и «если допустить существование в этот период потестарных образований (на уровне оттоков и улусов), то они охватывали значительно большую территорию, чем собственно Восточный Алтай» (Садовой А.Н., Онищенко С.С., 2003, с. 217-218).

В решении вопросов, связанных с использованием данных из погребальных памятников для реконструкции общественного устройства населения указанной территории во II в. до н.э. – V в. н.э., необходимо рассмотреть также группу публикаций, выполненных в русле традиционного вещеведческого анализа.

В этом плане заслуживают внимания некоторые выводы Ю.С. Худякова по поводу военной организации «булан-кобинцев», нашедшей свое опосредованное преломление в социальной стратификации. При систематизации комплекса боевых средств он предположил, что горно-алтайское войско во 2-й четверти – середине I тыс. н.э. было относи-

тельно однородным и состояло из легковооруженных конных лучников, а его структура, скорее всего, соответствовала родоплеменному составу кочевого населения (Худяков Ю.С., 1986, с. 134-135). С опорой на археологические источники и сведения китайских хроник Ю.С. Худяков (1986, с. 134) отметил, что племена Горного Алтая «находились в данный период времени в зависимости от тюрок-ашина, составляя совместно с ними единое «владение» на периферии Жуань-Жуаньского каганата». Такая оценка в основных чертах сохранилась и в более поздних работах этого оружиеведа (Худяков Ю.С., 2002, с. 86; 2005). В статье 1997 года, посвященной классификации предметов вооружения из могильника Усть-Эдиган, археолог утверждал, что единственным родом войск номадов Горного Алтая хуннского времени была легковооруженная конница (Худяков Ю.С., 1997, с. 31). Согласно Ю.С. Худякову (1993, с. 68), население булан-кобинской культуры в I в. н.э. в политическом отношении, вероятно, подчинялось западным наместникам северо-хуннских шаньюев.

Ценные выводы для реконструкции профессиональной стратификации номадов хунно-сяньбийского времени содержатся в работах В.В. Горбунова в контексте исследования оборонительного вооружения. В ходе изучения вещественных и иконографических материалов В.В. Горбунов (1998, с. 124; 2003, с. 90) выделил наборы вооружения, соответствующие определенным родам войск и демонстрирующие происходившие в течение II в. до н.э. – V в. н.э. изменения в военной структуре «булан-кобинцев». Во II в. до н.э. – I в. н.э. войско было представлено легкой пехотой и конницей, с III в. н.э. появляются тяжелая пехота из лучников и копейщиков и, возможно, средняя конница, во 2-й половине IV – 1-й половине V вв. н.э. возникает тяжелая конница. Исследователь указал на большую материальную ценность средств защиты и предположил, что применение горно-алтайскими кочевниками конского доспеха, находки которого в погребениях пока не обнаружены, первоначально ограничивалось небольшим числом знатных воинов, которые не составляли самостоятельных подразделений (Горбунов В.В., 1998, с. 125; 2003, с. 4, 95).

При анализе предметов вооружения завершающего этапа булан-кобинской культуры из памятников Катанда-I, Берель, Чендек, Верх-Уймон, Дялян Ю.В. Тетерин (2004, с. 63-64) сделал вывод, что знаком особого социального ранга мужчин, составляющих военную элиту, выступало присутствие в сопроводительном инвентаре захоронений (помимо лука, стрел, колчана, кинжала) меча или палаша. Появление воинов, снабженных этим оружием, а также копьями, доспехом, он считал свидетельством выделения из среды рядовых кочевников профессиональных воинов-дружинников (Тетерин Ю.В., 2004, с. 65).

Важным индикатором социального положения «булан-кобинцев», по мнению А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худякова (2004), являлись украшения и предметы костюма. Этими исследователями была предпринята реконструкция женских головных уборов кочевой знати хуннского времени на основе находок из курганов №10, 35, 86, 88 могильника Усть-Эдиган (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2004, с. 69-70, рис. 1–8). Такие наголовья включали в себя разнообразные многочисленные золотые и бронзовые изделия: прямоугольные пластины с геометрическим узором (в том числе с гребнями), маленькие бляхи-нашивки, в двух случаях «фалары» (крупные бляхи-нашивки) с вихревым орнаментом. Женщины, носившие подобные головные уборы, в рамках кочевой общины, обладали каким-то особым социальным статусом. Они, вероятно, были женами старейшин, хотя по роду занятий не отличались от основной массы лиц этого пола (Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., 2004, с. 72). Различия в оформлении декора обозначенных изделий авторы объясняли эволюционным развитием, одним из проявлений которого стал переход в их производстве от золота к бронзе – «своеобразная замена качества украшений количеством». Другой возможной причиной новаций в изготовлении головных уборов А.Ю. Борисенко и Ю.С. Худяков (2004, с. 71) считали изменение статуса родоплеменного коллектива усть-эдиганких номадов в этнополитической системе населения булан-кобинской культуры.

Возможность воссоздания облика костюма женщин, принадлежащих верхушке булан-кобинского социума II в. до н.э. – I в. н.э. по археологическим источникам из Центрального Алтая представлена А.А. Тишкиным (2005, с. 195-201, рис. 2, 3) на примере материалов

кургана №51 памятника Яломан-II. Состав комплекса украшений и предметов одежды из данного захоронения был таким: золотая прямоугольная пластина с орнаментом, большое количество маленьких полусферических блях-нашивок из золота, серьги (одна с каменной подвеской на цепочке), бронзовая ажурная пряжка с изображением ящерицы от основного пояса, железная пряжка и портупейные кольца от второго пояса, медный колокольчик-подвеска, сумочка, расшитая бронзовыми бляхами, многочисленные бусы.

Реконструкция некоторых вариантов женских головных уборов населения Горного Алтая 1-й половины I тыс. н.э. предложена С.В. Трифановой (2005). По результатам интерпретации данных из курганов №60, 67, 151 памятника Айрыдаш-I, она высказала предположение, что отличительным признаком женщин, занимавших высокое положение в коллективе, представители которого погребены на данном могильнике, являлись бронзовые и железные диадемы (Трифанова С.В., 2005, с. 98). Рассматривая комплекс украшений булан-кобинских кочевников, исследовательница отметила также особенности декоративного оформления диадем женщин, занимавших разные уровни общественной иерархии. С.В. Трифанова (2006, с. 14, 17, 19) указала также на социальную престижность такой категории изделий как бубенчиковидные подвески.

В заключении необходимо отметить, что реконструкцией социальной структуры разных территориальных групп населения булан-кобинской культуры целенаправленно занимался автор настоящей статьи (Матренин С.С., 2004а–б; 2005а–в; Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005). Нами была реализована комплексная программа палеосоциального исследования, которая включала в себя следующие этапы: 1) половозрастной анализ и выделение социально обусловленных признаков, ранжировка последних на маркеры полового, возрастного, профессионального, социально-имущественного положения умерших людей на базе многомерной статистической обработки всех показателей погребального обряда по открытому списку признаков (погребальные сооружения, способы захоронения и ритуал, сопроводительный инвентарь). Для этой процедуры применялись метод выделения «стандарта» и его отклонений, сопряженных групп вещей; 2) реконструкция палеодемографической ситуации на основе построения таблиц смертности, а также воссоздание физико-генетической структуры на основе выявленных тенденций половозрастного анализа антропологической серии; 3) обоснование критериев, позволяющих соотнести статус умерших людей в рамках социально-имущественной и профессиональной стратификации, посредством выявления комплексов «власти», «богатства», «производства», «культа» и определения дробной шкалы социальной значимости всех составляющих сопроводительного инвентаря. По итогам корреляции полученных комплексов проведено моделирование социальной структуры общества, состоявшей из нескольких слоев и групп населения; 4) сопоставление моделей социальных групп с определенными этническими сегментами–кланами (они, с определенной долей гипотетичности, отождествляются нами с выделенными типологическими группами погребений (Матренин С.С., 2005г)) для реконструкции этносоциальной дифференциации. На данном этапе изучались, насколько это возможно, отдельные институты булан-кобинского социума, определялись особенности разных типов общественной стратификации, их место в социальной организации, выяснялись тенденции политогенеза (Матренин С.С., Тишкин А.А., 2005, с.152-182; Матренин С.С., 2005в, с. 16-22).

Обобщая изложенный выше историографический обзор, отметим, что социальная тематика начинает оформляться в отдельное направление изучения культуры населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени в конце XX – начале XXI вв. Это обусловлено в значительной степени затянувшимся процессом накопления археологических источников и запоздалым их введением в широкий научный оборот. Исследователи в целом разделяют позицию, что включение указанного территории в конце I тыс. до н.э. – 1-й пол. I тыс. н.э. в орбиту влияния кочевых держав Центральной Азии (хунну, сяньби, жужаней) привело к формированию у проживавшего там населения сложной социальной организации, базировавшейся на родоплеменной дифференциации и характеризующейся пересечением нескольких видов стратификации (половозрастной, социально-имущественной, профессиональной). По уровню централизации социально-политическая система носителей булан-кобинской культуры отличалась от той, что существовала у племен Алтая в пазырыкское и тюркское время. Большое воздействие на социогенез

«булан-кобинцев» оказывал военный фактор, развитая воинская иерархия. Многие элементы структуры изучаемого общества находят определенные параллели у других народов раннего железного века и средневековья с аналогичным хозяйственно-культурным типом. По сравнению с предыдущей, скифской, эпохой в Горном Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. сложился свой комплекс представлений о необходимом объеме трудозатрат на совершение процедуры захоронения, нашедший свое опосредованное отражение в качественных и количественных параметрах погребальной практики. Вариативность погребальных сооружений и показателей трупоположения не обнаруживают зависимость с социальным статусом покойных. Рассмотренная совокупность публикаций свидетельствует о большой информационной значимости для реконструкции социального развития обозначенной общности данных погребальной обрядности, прежде всего, помещенного с умершими людьми сопроводительного инвентаря. Правомерно говорить, что хунносяньбийское время это особый этап этносоциогенеза населения Горного Алтая, вызванный зависимым положением рассматриваемого региона от кочевых империй Внутренней Азии и миграцией оттуда новых групп номадов (Матренин С.С., 2005в, с. 20-23).

Таким образом, располагаемый к настоящему моменту объем источников вполне достаточен для целостного изучения социальной структуры носителей булан-кобинской культуры. Необходимо продолжить работу по усовершенствованию приемов анализа погребального обряда для проведения социальных реконструкций различного характера (например, системы жизнеобеспечения) с порой на комплексный подход. Важным условием для последующих разработок в этой области является многоплановое изучение антропологических материалов. Выход на решение отдельных проблем невозможен без расширения сферы применения в социальной археологии методов естественных наук, что должно стать делом большего числа специалистов различных дисциплин. Все это позволит перейти на более высокий уровень интерпретационного осмысления уже имеющихся и новых археологических памятников.

Литература

1. Бобров В.В. Историография и современное состояние изучения социальной организации древних обществ в археологии // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: Теория, методология, интерпретация. – Кемерово, 1997. – С. 3-7.
2. Бобров В.В. Современное состояние развития социального направления в археологии Сибири // Социально-демографические процессы на территории Сибири (древность и средневековье). – Кемерово, 2003. – С. 3-6.
3. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск, 2003. – 223 с.
4. Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. – №1 (17). – С. 65-72.
5. Васютин С.А., Васютин А.С. Социальная планиграфия предтюркских погребений могильника Кок-Паш из Восточного Алтая // Социальная организация и социогенез первобытных обществ: Теория, методология, интерпретация. – Кемерово, 1997. – С. 73-77.
6. Васютин С.А., Васютин А.С. Население Восточного Алтая в предтюркское время // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005. – С. 224-236.
7. Васютин С.А., Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Методологические проблемы реконструкции социальных структур // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005. – С. 39-63.
8. Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Реконструкции социальной структуры ранних кочевников в археологии // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005а. – С. 10-38.
9. Васютин С.А., Крадин Н.Н., Тишкин А.А. Общее и особенное в реконструкции структуры ранних кочевников // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005б. – С. 237-250.

10. Генинг В.Ф. Структура археологического познания (проблемы социально-исторического исследования). – Киев, 1989. – 296 с.
11. Горбунов В.В. Тяжеловооруженная конница древних тюрок (по материалам наскальных рисунков Горного Алтая) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998. – С. 102-128.
12. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III – XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул, 2003а. – 174 с.; ил.
13. Давыдова А.В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л., 1985. – 112 с.
14. Крадин Н.Н. Империя хунну. – М., 2001. – 312 с.
15. Крадин Н.Н., Данилов С.В., Коновалов П.Б. Социальная структура хунну Забайкалья. – Владивосток, 2004. – 106 с.
16. Елин В.Н. О социальной структуре населения гунно-сарматского времени Восточного Алтая (предварительные наблюдения) // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). – Кемерово, 1989. – Ч. I. – С. 119-121.
17. Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 119-136.
18. Елин В.Н. Использование планиграфического метода для определения относительной хронологии памятников предтюркского времени (на примере могильника Кок-Паш в Горном Алтае) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С. 153-155.
19. Железчиков Б.Ф. Вероятная численность савромато-сарматов Южного Приуралья и Заволжья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М., 1984. – С. 65-68.
20. Мамадаков Ю.Т. Отражение общественных отношений булан-кобинского населения в детских погребениях // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С. 159-161.
21. Матренин С.С. Социально обусловленные признаки погребального обряда населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Материалы XLII Международной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: Археология и этнография. – Новосибирск, 2004а. – С. 40-42.
22. Матренин С.С. Некоторые аспекты палеосоциологического анализа детских погребений булан-кобинской культуры // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул, 2004б. – С. 81-86.
23. Матренин С.С. Выделение критериев для моделирования социальной структуры кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. – Иркутск, 2005а. – С. 217-219.
24. Матренин С.С. Украшения и предметы костюма как источник для реконструкции социальной структуры кочевников Горного Алтая хунно-сяньбийского времени // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005б. – С. 189-195.
25. Матренин С.С. Социальная структура населения Горного Алтая хунно-сяньбийского времени (по материалам погребальных памятников булан-кобинской культуры II в. до н.э. – V в. н.э.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2005в. – 24 с.
26. Матренин С.С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул, 2005г. – С. 93-98.
27. Матренин С.С., Тишкин А.А. Булан-кобинская культура Горного Алтая // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005. – С. 152-182.
28. Николаев Н.Н. К вопросу о реконструкции социальных отношений племен Саяно-Алтая в предтюркское время // Вторые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. – Омск, 1992. – С. 82-84.
29. Савинов Д.Г. Кокэльский могильник в Туве // Социальная структура ранних кочевников Евразии. – Иркутск, 2005. – С. 200-223.

30. Садовой А.Н., Онищенко С.С. К проблеме реконструкции традиционных систем жизнеобеспечения населения Восточного Алтая предтюркского времени // Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск, 2003. – С. 209-220.
31. Сорокин С.С. О хронологических формулах и значении термина «могильник» // Успехи среднеазиатской археологии. – Л., 1975. – Вып. 3. – С. 17-22.
32. Тетерин Ю.В. Вооружение кочевников Горного Алтая берельской эпохи // Военное дело народов Сибири и центральной Азии. Труды гуманитарного факультета НГУ. – Новосибирск, 2004. – Вып. 1. – С. 37-82.
33. Тишкин А.А. Возможности реконструкции женской одежды хуннуского времени по археологическим материалам из Горного Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул, 2005. – С. 195-201.
34. Трифанова С.В. Реконструкция украшений головы из курганов Айрыдаша // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. 1. – С. 95-105.
35. Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматской эпохи. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Горно-Алтайск, 2006. – 22 с.
36. Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в. н.э. – Новосибирск, 1993. – 89 с.
37. Худяков Ю.С. Палеодемографические аспекты изучения могильника Усть-Эдиган // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 134-136.
38. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Горного Алтая хуннского времени (по материалам раскопок могильника Усть-Эдиган) // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – №2. – С. 28-37.
39. Худяков Ю.С. Предметы вооружения из памятника Улуг-Чолтух в Горном Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С. 79-87.
40. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских номадов во II–V вв. н.э. // Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. – Новосибирск, 2005. – С. 19-55.

Чевалков Л.М.
(г.Горно-Алтайск)

КРЕПОСТЬ В ДОЛИНЕ РЕКИ ЯЛОМАН

Территория Южной Сибири, куда относится и Горный Алтай, уже на протяжении 2500 лет относится к области распространения кочевых культур. В связи с этим проблема существования у кочевников данного региона городов, крепостных сооружений долгое время не воспринималась серьезно, хотя сведения о фортификационных сооружениях этой области появились в науке еще с начала XIX в. Это были записи ученых-путешественников, основанные на фольклорных источниках и личных наблюдениях.

Исследования, проведенные в 70-80-е гг. XX в. Л.Р. Кызласовым, И.Л. Кызласовым и другими археологами в Хакасии, показали, что можно говорить о существовании городов и крепостей у номадов Южной Сибири (История Хакасии, 1993, с. 103-113).

В настоящее время у специалистов возник интерес к фортификационным сооружениям и на территории Горного Алтая. За первые пять лет нового тысячелетия были осуществлены две исследовательские программы, направленные на поиск и изучение алтайских крепостей. Один проект разрабатывался сотрудниками Института археологии РАН и

Алтайского государственного университета д.и.н. И.Л. Кызласовым и к.и.н. А.А. Тишкиным. За период существования проекта им удалось осуществить инструментальную съемку трех городищ: Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4 и Яломанского. На объектах Нижний Чепош-3 и Яломанском городище произведены раскопки (Тишкин А.А., 2002, с. 61-66).

Другой проект – «Древние города Алтая» разрабатывался археологом Горно-Алтайского государственного университета к.и.н. В.И. Соёновым. Его отрядом велись поиски крепостных сооружений в Онгудайском, Шебалинском, Усть-Канском, Усть-Коксинском и Кош-Агачском районах Республики Алтай. Результаты показали перспективность изучения памятников такого рода на территории Горного Алтая (Соёнов В.И., 2003, с. 156-160).

В целом, на сегодняшний день, благодаря усилиям археологов научных центров Новосибирска (Кубарев В.Д., Бородовский А.П.), Барнаула (Тишкин А.А., Шульга П.И., Неверов С.И., Бородаев В.Б.), Горно-Алтайска (Соёнов В.И., Киреев С.М.). Москвы (Кызласов И.Л.), предпринятых ими в разные годы, известно около десятка сооружений, которые бесспорно можно классифицировать как укрепления местности для ведения боя. Это городища: Усть-Иша (Красногорский район), Черемшанское, Соузгинское, Манжерокское (Майминский район), Нижний Чепош-3, Нижний Чепош-4 (Чемальский район), Яломанское (Онгудайский район); крепости: Курее-Таш близ с. Мендур-Соккон (Усть-Канский район), Бичикту-Кая (Онгудайский район). Их можно разделить на две категории: земляные укрепления со рвом, валом, входом и укрепления с каменными стенами.

Такие объекты, как каменная стена в местности Таш-Бёк в долине реки Большой Яломан Онгудайского района, каменные кладки Тытту I-III в долине реки Себестей и в долине реки Большие Щебеты Кош-Агачского района, судя по топографии местности, размерам объектов и их конфигурации, вряд ли могли быть укреплениями местности для ведения боя, т.к. их оборонительные возможности практически равняются нулю. Скорее всего, они имели какое-то другое назначение, может быть бытовое, хозяйственное. Например, стену из Таш-Бёка можно трактовать как околицу села, выложенную из камня. Кстати, местные жители так ее и воспринимают, а каменные кладки из долины реки Себестей могли быть загонами для скота и т.д.

В связи с вышеизложенными положениями, любая информация о нахождении новых объектов, которые можно трактовать как фортификационные сооружения, будет актуальной. Суть данной статьи как раз и состоит в том, чтобы дать сведения об одном таком местонахождении. На наш взгляд – это остатки крепости, но приступим к изложению фактов по порядку.

В мае 2003 года, проводилась совместная археолого-этнографическая экспедиция, осуществляемая по программе «Памятники историко-культурного наследия Алтая: паспортизация и инвентаризация» при поддержке ЦНТ РА. Один из маршрутов был направлен в село Большой Яломан, находящийся в 18 км вверх по реке с одноименным названием от Чуйского тракта. Пока этнографы работали с населением, автором статьи и спутниками были осмотрены окрестности села. В частности, пройден маршрут по правому берегу реки Яломан, правого основного притока реки Большой Яломан, вверх по реке на пять километров.

Геоморфологическая ситуация на всем протяжении маршрута выглядит следующим образом. Примерно на протяжении 2,5-3 км от устья реки, правый борт долины представляет собой широкую пойму Яломана заросшую, особенно вдоль русла, лесом хвойных и лиственных пород деревьев, кустарником тальника и курильского чая. Террасовидные образования (до 2-3 уровней) приурочены к устьям широких боковых логов, выходящих в долину Яломана. Эти образования осложнены делювиально-пролювиальными шлейфами. Характер растительности на данных участках, по преимуществу, остепненный или остепненно-луговой с небольшими рощицами лиственницы. Выше начинаются скальные прижимы и зона, практически, сплошной горной тайги.

По левому берегу, на протяжении маршрута наблюдали такую же ситуацию, т.е. прижимы чередовалась с широкими боковыми логами с остепненной растительностью, аналогичными описанным выше.

Археологические памятники встречались в начале маршрута, на протяжении 2,5 км от устья реки Яломан. Представлены, в основном, курганами с каменной наброской. Размеры их небольшие, по преимуществу 8-10 метров. Основная масса объектов сгруппирована в цепочки, которые ориентированы по линии С-Ю, но встречаются и одиночные курганы. Кроме курганов зафиксированы и древнетюркские поминальные оградки, стелы и балбалы. Также, по правой стороне, по борту долины прослежен ныне не функционирующий оросительный канал – сувак.

Наиболее интересное открытие нас ожидало в местности Булухту-Кообы, которая находится примерно в 1 км от села Большой Яломан вверх по реке Яломан. Это узкий и глубокий лог сезонного водотока, окруженный горными склонами, заросшими лесом. Устьевая часть лога представляет собой террасовидный мыс с плоской поверхностью, сформированный аллювием реки Яломан и продуктами выноса сезонного водотока, который разрезает данное образование на две части. В северо-восточном направлении мыс обрывается и подрезан грунтовой дорогой, идущей вверх по реке, а в юго-западном ограничен скальными выступами окрестных горных склонов. С западной стороны пологий спуск в расширяющуюся долину Яломана. Общая ситуация местности показана на рисунке 1.

В устьевой части лога, по обеим его сторонам, обнаружены археологические памятники в виде курганов с каменной наброской и древнетюркских поминальных оградок, общим количеством до 19 объектов. Они сгруппированы в два могильника (рис. 2). Курганы по ряду внешних признаков: расположение цепочками с севера на юг поперек долины, размеры, западины, степень задернованности и др., можно классифицировать как памятники пазырыкской культуры раннего железного века (V-II вв. до н.э.). Такого рода сооружения довольно широко распространены в центральной и южной частях Горного Алтая. Миниатюрная четырехугольная оградка, включенная в состав первого, левобережного, могильника, по внешним признакам попадает в разряд древнетюркских поминальных оградок, которые также широко распространены на Алтае. Хронологический диапазон их существования довольно широк от V до X вв. н.э. Кроме того, здесь же, в устьевой части лога, на правой ее половине, под скальными выходами обнаружено местонахождение кремневых изделий. По характеру их обработки они могут быть отнесены к периоду позднего палеолита.

Особо следует выделить еще один объект, обнаруженный на левой устьевой части лога Булухту Кообы, который и будет предметом нашего дальнейшего обсуждения.

Это каменная выкладка из крупных валунов. Произведем описание данного объекта. Первоначально, в момент обнаружения, нам показалось, что это остатки деятельности человека при строительстве оросительного канала, который проходит в данном месте у подошвы горного склона (рис. 2). Но при более тщательном осмотре местности, был сделан вывод, что это различные сооружения. Посещение данного места в последующее время подтвердило первоначальные наблюдения.

Итак, кладка камней представляет собой линию, образующую прямоугольник и сложенную из крупных валунов (некоторые достигают до 1 м) в два-три ряда. Между ними просматривается забутовка из мелкого скального камня, хорошо задернована, тем не менее, высота ее над современной поверхностью составляет 0,4-0,6 м. Размеры прямоугольника следующие: по линии юго-запад на северо-восток – 90 метров, а с северо-запада на юго-восток – 70 метров. В юго-западном направлении, где пологий спуск с мысовидного образования устьевой части лога Булухту-Кообы, наблюдается развал камней, по преимуществу, на внешнюю сторону периметра, но много камней и с внутренней стороны. Можно предположить, что в свое время высота кладки была больше (рис. 2, 3). Наилучшую сохранность имеет юго-западная линия кладки, которая заканчивается с одной стороны обрывом, а с другой упирается в оросительный канал – сувак. Отмечен разрыв в выкладке (вход?). Достаточно четко кладка просматривается и в северо-восточном направлении, сразу под ней крутой спуск в сухой лог Булухту-Кообы. А вот в юго-восточной части она перекрыта выбросом грунта от оросительного канала. В северо-западном секторе кладка отсутствует из-за обрыва, который образовался, видимо, во время прокладки дороги.

Теперь приведем ряд аргументов, говорящих в пользу нашего предположения о том, что в устье лога Булухту-Кообы находятся остатки крепости.

Во-первых, внешний вид конструкции наводит на мысль, что это остатки (фундамент) какого-то сооружения, может быть фортификационного. Подобный объект изучался В.И. Соёновым в местности Бичикту-Кая, что находится неподалеку от слияния рек Чуи и Катуни выше села Иня Онгудайского района Республики Алтай (Соёнов В.И., 2003, с. 158). Там также сохранилось основание крепостной стены, которое представляет собой выкладку из крупных валунов в два-три ряда, возвышающуюся над уровнем современной поверхности. Следует добавить, что от укрепления Бичикту-Кая по горным тропам до нашего места не более 30-35 км.

Во-вторых, подтверждает предположение и выгодное расположение объекта на местности. Мысовидная устьевая часть узкого и глубокого лога Булухту-Кообы возвышается и господствует над окружающей местностью. Следует добавить, что левый и правый борта долины Яломана в данном месте представляют собой скальные выходы и непроходимы (рис. 1). Поэтому, даже небольшая крепость, сооруженная на мысе, прочно перекрывает вход и выход в долину Яломана, т.е. в данном случае, как и с крепостью в местности Бичикту-Кая были использованы оборонительные возможности окружающей местности. В случае поражения защитники крепости могли скрытно уйти вверх по логу и раствориться в горах.

О значении выгодной топографии местности для сооружения крепостей говорит следующий факт. Недалеко от нашего объекта (примерно в 2 км), в местности Таш-Бёк, уже по реке Большой Яломан, выше села с одноименным названием, находится стена, сложенная из скального камня, высотой до 1,5 м и тянущаяся более, чем на 30 м. Казалось бы, еще одно укрепление, но при тщательном рассмотрении местности, выясняется, что оборонительные возможности стены из Таш-Бёка невелики. Скорее всего, она несет какое-то другое функциональное назначение.

Теперь о том, для чего и когда была сооружена крепость в урочище Булухту-Кообы. По этому поводу можно выдвинуть две версии.

Первая. Данное укрепление было воздвигнуто в период джунгарских событий в середине 18 века местным населением для обороны от цинских отрядов и их джунгарских союзников. Но против нее свидетельствуют следующие обстоятельства. Во-первых, на Алтае места боев с цинами и джунгарами обычно хорошо известны и овеяны легендами. Про это место никто из местных жителей ничего не знает. Во-вторых, объект сильно разрушен и достаточно хорошо задернован, хотя почвы в окрестностях слабые, что говорит о достаточно медленном процессе их образования. Значит, сооружен он был достаточно давно.

Вторая. Крепость была сооружена в период расцвета древнетюркской государственности – каганатов в широком временном диапазоне с V по X вв. В это время одна из многочисленных караванных ветвей Великого Шелкового Пути проходила через Горный Алтай, практически идентично современному Чуйскому тракту, в алтайские степи и дальше в Западную Сибирь. Поэтому можно предположить, что вместе с Яломанским городищем в устье реки Большой Яломан, наше укрепление составляло единый фортификационный комплекс, предназначенный для обороны и охраны торговых путей. В этих местах из-за особенностей топографии местности может быть только два наиболее удобных варианта проведения караванов. Один из них проходил по левому берегу вдоль Катуни, где сейчас протянулся Чуйский тракт. Но он был длинным, опасным и труднопроходимым из-за наличия прижимов-бомов на реке Катунь. Другой, более короткий и безопасный, проходил через невысокие горные перевалы от района устья Чуи через долины рек Малый и Большой Яломан вплоть до современного села Купчегень. Эта тропа существует по настоящее время и даже указана на картах. Предполагаемая схема караванных дорог показана на рис. 4. В таком случае эти две крепости, воздвигнутые на стратегически важных участках, позволяли контролировать всю территорию и торговые пути.

Подтвердить или опровергнуть выше сказанное могут только дальнейшие исследования описываемого нами объекта, включающие его раскопки. Только тогда прольется свет на функциональное назначение объекта и время его сооружения.

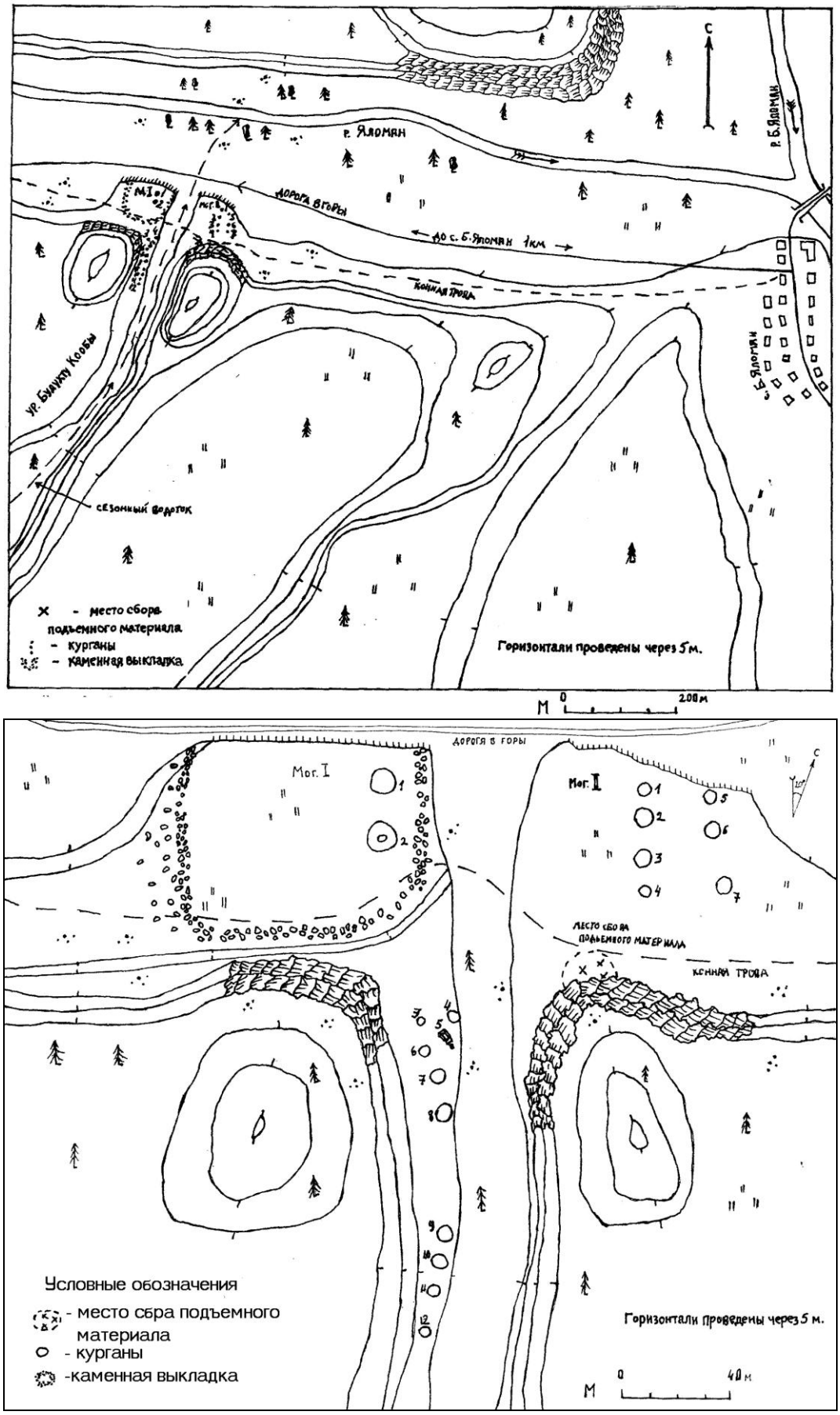

С
р. Яломан
р. Б. Яломан
Дорога в горы
до с. Б. Яломан 1км
Конная трова
ур. Будухту Кообы
с. Б. Яломан
сезонный водоток
× - место сбора подъемного материала
- курганы
- каменная выкладка
Горизонтали проведены через 5 м.
М 0 200 м
Дорога в горы
Мог. I
Мог. II
С
место сбора подъемного материала
Конная трова
Условные обозначения
- место сбра подъемного материала
- курганы
-каменная выкладка
Горизонтали проведены через 5 м.
М 0 40 м

Рис.1, 2

Рис.3

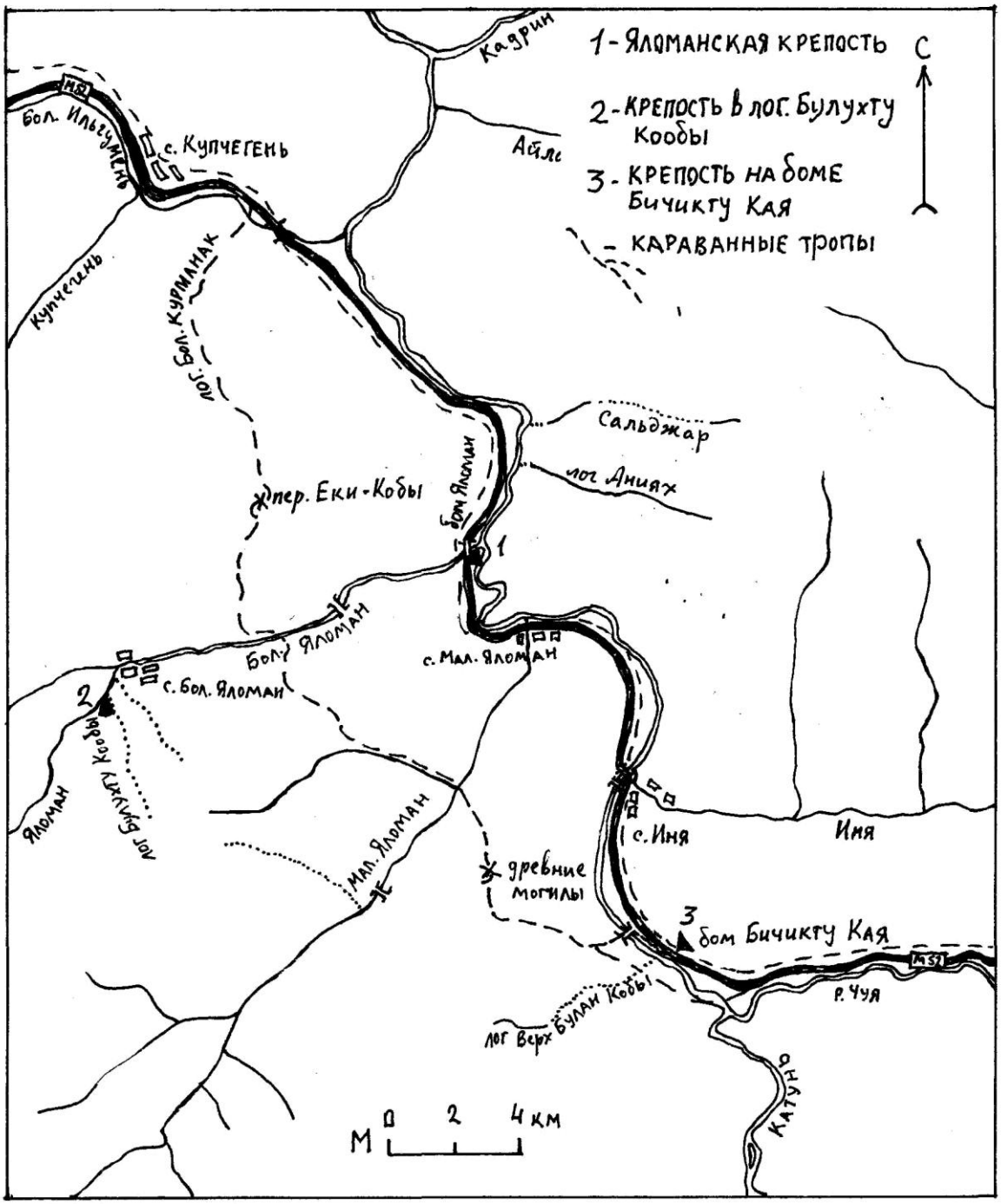


Рис.4

Литература

1. Бородаев В.Б., Соёнов В.И. Курее-Таш – полевое укрепление в высокогорье близ с. Мендур-Соккон (результаты рекогносцировочного обследования) // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – №12. – С. 162-170.
2. Бородовский А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – №9. – С. 42-52.
3. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993. – 525 с.

4. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск, 1980. – С. 69-91.
5. Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А. Изучение каменных крепостей в Горном Алтае в полевой сезон 2002 г. // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – №11. – С. 156-160.
6. Тишкин А.А. Крепостные сооружения в Горном Алтае // Мир Центральной Азии. Археология, этнология. – Улан-Удэ, 2002. – С. 61-67.

Список иллюстраций к статье Чевалкова Л.М.

Рис.1. Общий план местности приустьевой части реки Яломан и лога Булухту-Кообы.
Рис.2. План местности устьевой части лога Булухту-Кообы.
Рис.3. Вид на каменную кладку с юга и с запада. Снимки В.И. Соёнова.
Рис.4. Предполагаемая схема караванных дорог в районе Большого Яломана.

Абдулганеев М.Т.
(г.Барнаул)

МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ

В течение 6 лет (1990, 1996, 1999-2002 гг.) экспедиции Алтайского госуниверситета и НПЦ «Наследие» проводили исследования на комплексе разновременных археологических памятников «Солонцы», расположенном на левом берегу р.Бия у с.Пильно Красногорского района (рис.1 – 2). Комплекс включает в себя: поселение 6-4 вв. до н.э. Солонцы 1, занимающее всю площадь останца, поселение эпохи неолита и начала II тыс. н.э. Солонцы 2, городище 8-7 вв. до н.э. Солонцы 3, грунтовый могильник эпохи неолита, 10-8 вв. до н.э. и этнографического времени Солонцы 5 (Абдулганеев М.Т., 1997, с.54,56; Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с.25,95,101-105; Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю., 2001; Кунгурова Н.Ю., 2005). В 1996 г. был исследован один из двух видимых на поверхности курганов могильника Солонцы 4, относящегося к эпохе раннего средневековья. Возможно, первоначально курганных насыпей было больше, но они могли быть сниверированы в результате хозяйственной деятельности.

Курган № 1 имел земляную насыпь диаметром около 7 м и высотой до 0,4 м. В центре его с глубины 0,4-0,5 м прослеживалось черное аморфное пятно размерами 3,5х4,5 м, как оказалось впоследствии, грабительская яма. В заполнении ямы встречались камни. На глубине 0,8 м, на уровне материка размеры ее уменьшились до 0,8х1,3 м. С этого уровня и до глубины 1,0 м в южной и в меньшей степени в северной части ямы найдены лежавшие в беспорядке кости женщины (?) 20-25 лет (определения К.Н.Солодовникова). Часть костей находились в анатомическом порядке, что может свидетельствовать об ограблении могилы в относительно непродолжительный срок после захоронения (рис.1 – 3). Среди костей найдены: четыре железных и один костяной наконечники стрел (рис.3 – 9,12-15), костяная фронтальная накладка на лук (рис.3 – 11), костяная колчанная петля (рис.3 – 19), железная пряжка или кольцо (рис.2 – 4), бронзовые сердцевидные и ажурные бляшки с остатками кожаных ремней (рис.3 – 17,18). Наконечники стрел и колчанная петля лежали на фрагментах берестяного изделия, скорее всего, колчана.

Размеры могильной ямы на глубине 1,0 м составили 0,8х1,6 м (длинная ось ЮЗ-СВ), глубина в материке – 0,4 м. На дне могильной ямы находился скелет лошади на животе с подогнутыми ногами, черепом на СВ. Сам череп лежал на краю ямы, выше уровня дна

(рис.1 – 3). Вместе с лошадью найдены: в зубах – железные удила с трензелями (рис.2 – 1,2,5), по обе стороны от грудной клетки – два железных стремени (рис.2 – 3,6), в районе живота – железный топор-тесло с остатками деревянной рукояти (рис.3 – 7). Выше дна, напротив тазовых костей лошади обнаружен железный крюк с деревянной рукоятью (рис.3 – 10) и костяной «костылек» (рис.3 – 8), у северо-западного края ямы – железная бляшка (рис.3 – 16).

Часть находок имеет важное значение для определения времени сооружения кургана. Стремена арочной формы с невыделенным треугольным ушком, у которого под прорезью имеется выступ. Края подножки отогнуты книзу. Подобные признаки характеризуют эти изделия с начала II тыс. н.э. (Ефремов С.А., 1998, с.168, рис.1; Неверов С.В., 1982, с.118, рис.5; 1998, с.150, рис.9). Соединеннокрюковые и равнокрючные удила датируются с 9-10 вв. или с конца I – начала II тыс. н.э. Они считаются неместной формой (Могильников В.А., 1990, с.157; Неверов С.В., 1992, с.143,151). Обычно им сопутствуют трензеля-кольца, получающие широкое распространение с 11-12 вв. (Ефремов С.А., 1998, с.160).

Сходным образом датируются предметы вооружения. Долотовидные срезни (2 экз.) получают распространение не ранее 10 в., существуя и в монгольское время, до 14 в. (Худяков Ю.С., 1991, рис. 38,62,63). Один из экземпляров с Солонцов 4 не имеет упора, что является характерным признаком наконечников стрел лесной зоны во II тыс. н.э. (Соловьев А.И., 1987, с.46, табл. VI). Бронебойный наконечник с ромбической головкой достаточно близок монгольским и кыргызским 11-14 вв. (Худяков Ю.С., 1991, рис.62; 1997, рис.3). К периоду 9-10 вв. относится развитие бронебойных форм (Худяков Ю.С., 1986, с.203). Последний железный наконечник плоский, является удлиненно-треугольным и датируется так же, как и предыдущий тип (Худяков Ю.С., 1986, рис.56; 1997, с.41). Вместе с тем, все наконечники имеют небольшие размеры, что отличает их от крупных плоских наконечников монгольской эпохи (Худяков Ю.С., 1981, с.147).

Колчанная петля подтреугольной формы и обломана по крайним крепежным отверстиям. Почти полные аналогии ей имеются в материалах 10-12 вв. из Новосибирского Приобья и Приртышья (Адамов А.А., 2000, рис.40; Коников Б.А., 1984, рис.2, с.92). Накладка на лук фронтальная, подтрапециевидная в сечении. Условия находки не позволяют предположить наличие других накладок, а значит в погребение был уложен лук с одной фронтальной накладкой. Подобные луки получили распространение с начала II тыс. н.э., но уже в 13-14 вв. абсолютно преобладали фронтальные накладки монгольского типа (Савинов Д.Г., 1981, с.162, рис.6; Худяков Ю.С., 1986, с.209). Другие предметы, найденные в захоронении не имеют столь четкой датировки. Это железный пластинчатый крюк, возможно колчанный, костяной ромбический в сечении наконечник стрелы и железное тесло с плечиками. Последнее изделие типично для древнетюркской эпохи, особенно для 8-10 вв. Однако следует отметить, что с одной стороны, они появляются раньше и, с другой, имеют хождение позднее. В целом наиболее вероятной датой кургана 1 Солонцов 4 следует считать начало 2 тыс. н.э., домонгольское время, т.е. период 11-12 вв.

Этой дате не противоречит набор накладных бронзовых бляшек, а также погребальная обрядность. Сердцевидные с выделенными фасетированными краями или с волнистым пятилепестковым краем бляшки (в нашем случае – семидольным) происходят как из памятников древнетюркской эпохи Горного Алтая и лесостепи, так и из случайных находок (Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1995, рис.2; Гаврилова А.А., 1965, рис.9,11; Горбунов В.В., Рудометов П.Л., 2003, рис.1; Грязнов М.П., 1956, табл. LVII; Могильников В.А., 1997, рис.4; 2002, рис.25,27). Все они датируются 8-9 или 9-10 вв. При этом можно предполагать, что формы украшений, каковыми являются накладные бляшки, могли использоваться и в более позднее время.

Особенности погребальной обрядности увязываются в первую очередь с тюрками Горного Алтая, для которых характерны сопроводительные захоронения лошадей. Условия находки костей человека на Солонцах 4 позволяют предположить два варианта: 1) Погребенный лежал поверх лошади. Из-за этого его кости и находки лежали как за пределами могилы, так и над ней. 2) Погребенный был положен выше лошади, но рядом с

ней. Поэтому большая часть костей человека и находилась с СЗ от могилы. Последнее более характерно для тюрок Горного Алтая, а ЮЗ ориентация человека была достаточно широко распространена у тюрков 8-10 вв. в Хакасии (Могильников В.А., 1981, с.32-34; Худяков Ю.С., 2004, с.45-46, рис.27,29,31,33,34). Первый вариант был зафиксирован автором статьи на могильнике 6-8 вв. Горный 10 (Абдулганеев М.Т., 2001; Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф., 2001 и др.). Там же в 2000 г. в одном из ненарушенных погребений обнаружен практически аналогичный костыльку из Солонцов 4 предмет. Условия находки позволяют предположить его непосредственное отношение к луку. Возможно, это приспособление для натягивания тетевы или застежка от колчана.

Погребений 11-12 вв. в северных предгорьях кроме Солонцов 4 известно немного. В первую очередь это курганы 2 и 4 Змеевки (Неверов С.В., Горбунов В.В., 2001, с.176). Еще меньше захоронений монгольского времени: два разрушенных погребения могильника Рубцовский (Абдулганеев М.Т., 1998) и также отдельные случайные находки. Наконечники стрел монгольского времени хранятся в Бийском музее (БКМ, кол.67, старый инв. № 837). Согласно инвентарной книге № 1, они найдены в 1920 г. у с.Песчаное напротив с.Ануйское на р.Песчаной и сданы в БКМ М.Д.Копытовым. В коллекции пять крупных наконечников стрел: четыре плоских и один трехлопастной (все с упором).

Плоские наконечники трех типов. Это два ромбических, один с острой головкой, другой с округлым заточенным краем (рис.6 – 2,3), один томар с волнистым заточенным краем (рис.6 – 4) и один секторовидный срезень (рис.6 – 1). Первый тип имел широкое распространение у киданей, кыргызов и монголов в 11-12 вв., но наибольшее распространение получил именно в 13-14 вв., бытуя вплоть до 18 в. (Соловьев А.И., 1987, табл. IV, V; Худяков Ю.С. 1991, рис.36,56,59; 1997, рис.4,28). Второму типу полных аналогий нет, близкие экземпляру относятся к монгольскому времени (Худяков Ю.С., 1980, табл.XXX). Третий тип имеет лопатовидную форму и таким же образом распространен у кыргызов и монголов в 13-14 вв. (Худяков Ю.С., 1991, рис.4; 1997, рис.55). Трехлопастной наконечник килевидной формы с прямыми плечиками и четко выраженным упором. Подобные формы появляются уже в 8-10 вв. (Худяков Ю.С., 1986, рис.64; 2004, рис.45), но килевидные наконечники больших размеров появляются только во II тыс. н.э. (Соловьев А.И., 1987, табл.II; Худяков Ю.С., 1997, рис.7). Все это позволяет считать коллекцию из Бийского музея единовременной и отнести ее к 13-14 вв., т.е. монгольскому времени.

В 2000 г. при проведении паспортизации археологических памятников зоны Чуйского тракта Н.Ю.Кунгуровой было проведено обследование состояния могильника Сростки 1 и составлен новый план памятника (рис.4 – 1). Всего фиксируется 58 земляных насыпей, группирующихся в 3 основные цепочки с С на Ю. Диаметр курганов 4-10 м, высота 0,2-0,4 м; у трех хорошо заметны ровики с перемычками. Все курганы, как раскопанные, так и не имеющие видимых следов раскопок или ограбления, сохранились в ненарушенном состоянии. Насыпи их хорошо задернованы, новых разрушений в районе могильника нет. К западу от курганов, в небольшом обрыве глиняного карьера были зафиксированы остатки полуразрушенной могилы. Размеры сохранившейся части – 0,55х1,0 м (длинная ось ЗСЗ-ВЮВ), глубина от современной поверхности – 1,2 м. На дне находились остатки захоронения взрослого человека: длинные кости ног и частично – пяточные, которые позволяют считать, что погребенный был уложен вытянуто на спине, головой на ВЮВ. На нижней части правой голени найден железный черешковый нож с остатками деревянной рукояти (рис.4 – 2,7). Положение и ориентация погребенного и находки с ним железного ножа позволяют синхронизировать найденную могилу с курганами Сросток 1 и предположить наличие на месте курганного могильника единовременных ему грунтовых захоронений.

В 1930-е годы на правобережье Катуни велись исследования еще двух могильников, материалы которых могут относиться к эпохе раннего средневековья. В 1931 г. А.П.Марков раскопал у с.Никольское (бывшее с.Кутобай) два кургана. Они располагались на правом берегу рч.Кутобай на залесенной гриве «Ледяев мыс» (Марков А.П., 1931). В одном из курганов найдены материалы скифского времени (Абдулганеев М.Т., 1996, с.131, рис.2), в другом – средневековые. Курган № 1 имел диаметр 5 м, высоту 0,25 м и следы грабительских раскопок. Могильная яма размерами 0,68х1,85 м (длинная ось З-В) была зафиксирована на глубине 0,9 м. Глубина ее составила 1,38 м. На дне найдены 2

железных ромбических трехгранных наконечника стрел (рис.6 – 6). Возможно, А.П. Марковым было раскопано разграбленное погребение с трупосожжением. В старой инвентарной книге № 1 БКМ указано, что в кургане № 1 Никольского А.П.Марковым были найдены бронзовые сбруйные бляшки с позолотой. В полевом дневнике об этом сведений нет, а сами бляшки в БКМ не поступили. Тем не менее, находки трехгранных наконечников стрел достаточны для датировки кургана 1. Аналогичные наконечники обычны для сросткинских курганов 9-11 вв. и найдены в могильниках Змеевка, Хлеборобный Елбан 1, Сростки 1 (Казаков А.А., Горбунов В.В., 1993, рис.1; Неверов С.В., 1982, рис.4; Савинов Д.Г., 1998, рис.5). Поэтому наиболее вероятной датой сооружения кургана № 1 Никольского следует считать 9-11 вв., при наличии обряда трупосожжения – 9-10 вв.

В 1932 и 1934 гг. А.П.Марков совместно с С.М.Сергеевым производил раскопки курганов на могильнике Суртайка 1. Материалы эпохи поздней бронзы, раннескифского и скифского времени опубликованы (Членова Н.Л., 1973; Абдулганеев М.Т., 2005б). К эпохе раннего средневековья с определенной долей вероятности относились курганы №№ 6,8,9 (раскопки 1932 г. – Марков А.П., 1932), располагавшиеся компактно у подножия холмов, в восточной части могильника Суртайка 1 (Абдулганеев М.Т., 2005б, рис.1). Все курганы раскопаны колодцами 2х2 м.

Курган № 6 имел диаметр 6 м и высоту 0,19 м. На глубине 0,8 м зафиксирована могильная яма размерами 1,0х1,8 м (длинная ось З-В). На глубине 1,1 м в заполнении ямы найдены разрозненные кости женщины. Конечности ее лежали в анатомическом порядке. Судя по ним, погребенная была уложена на спине вытянуто, головой на З с вытянутыми вдоль тела руками. В центре могилы среди костей найдены золотая бусина и обломки еще двух, золотая пластинка и круглодонный горшок (рис.4 – 6). На пяточных костях находились сильно корродированные железные пряжки, на одной из них сохранился язычок (рис.4 – 4).

Курган № 8 имел диаметр 7,5 м и высоту 0,65 м. На глубине 0,8 м зафиксирована могильная яма размерами 0,7х1,95 м (длинная ось ЮВ-СЗ). На глубине 0,85 м находилось потревоженное захоронение взрослого человека. Судя по сохранившимся в анатомическом порядке костям, погребенный лежал на спине вытянуто, головой на СЗ. Около берцовых костей найдены кости барана.

Курган № 9 имел диаметр 6 м и высоту 0,35 м. На глубине 0,75 м зафиксирована могильная яма размерами 0,85х1,85 м. На дне могилы (глубина 1,3 м) находились разбросанные в беспорядке кости мужчины и лошади. Среди них найден фрагмент железной пряжки (рис.4 – 5) и обломок костяной (роговой?) пластинки-накладки (рис.4 – 3).

Материал раскопанных курганов (№№ 6,8,9) Суртайки-1 невелик, мало показателен и потому не привлекал внимания исследователей. Из находок следует отметить круглодонный сосуд без орнамента, с высоким венчиком. Подобные формы характерны именно для эпохи средневековья, причем не ранее середины I тыс. н.э. (Адамов А.А., 2000, рис.103, 109; Грязнов М.П., 1956, табл. XXXI, XL, LVII; Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, рис.29-37). В 6-8 вв. обувные пряжки изготавливались из бронзы и серебра (Абдулганеев М.Т., 2001, с.128; Гаврилова А.А., 1965, табл. XV, XVIII), позднее для этой цели могли применяться и другие материалы (см. напр.: Могильников В.А., 2002, рис.207). Костяная пластинка является, вероятнее всего, накладкой на луку седла и почти полные аналогии имеет в материалах 9-10 вв. из могильников Змеевка и Кара-Коба 1 (Могильников В.А., 1990, рис.7; Неверов С.В., 1982, рис.3). В связи с этим наиболее вероятная дата раннесредневековых курганов Суртайки 1 – 8-10 вв.

В 1937 г. А.П.Марковым были проведены археологические разведки и раскопки в междуречье Ануя и Песчаной от с.Катунское до с.Красный Городок (Марков А.П., 1937). В общей сложности было выявлено и обследовано 11 курганных групп и 4 местонахождения (рис.5-1). На левом берегу р.Песчаная, за северо-западной окраиной с.Солоновка по дороге в колхоз «Красный Перекоп» А.П.Марковым было зафиксировано около 20 курганов с земляными и каменно-земляными насыпями, располагающимися группами по 2-3. 8 курганов были расположены отдельно и группировались вокруг самого большого – диаметром 15 м. Этот курган «был обложен камнями». На могильнике Солоновка 1 А.П. Марковым было раскопано 6 курганов. Два (№2,5) из них были полностью разграблены,

один (№3) не содержал погребения, два (№4,6) относились к скифскому времени (Абдулганеев М.Т., 1996, с.129-130, рис.2). Курган №1 датируется эпохой раннего средневековья. В этом кургане на глубине 0,65 м были зафиксированы остатки трупосожжения, а среди кальцинированных костей найдены железный палаш (Худяков Ю.С., 1981, рис.1-1), железное тесло (рис.5 – 2), 8 наконечников стрел, большей частью спекшихся между собой (рис.5 – 3,4), удила с остатками псалиев (?) (рис.5 – 5). Все изделия подвергались воздействию больших температур и имели очень плохую сохранность.

Палаш отнесен Ю.С.Худяковым к комплексу вооружения кимаков, несмотря на нахождение его в погребении с трупосожжением. Датируется он 9-10 вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1981, рис.1). Наконечники стрел удлиненно-шестиугольной формы, трехлопастные. Они обычны для древнетюркской эпохи 6-10 вв. (Соловьев А.И., 1987, рис.36; Худяков Ю.С., 1986, рис.64). Ближайшие аналогии относятся к периоду 8-10 вв. (Могильников В.А., 1997, рис.3, с.218; Худяков Ю.С., 2004, рис.46). Близкую форму и датировку имеет наконечник стрелы, найденный в с.Шульгин Лог и переданный в 1963 г. в АГКМ (рис.6 – 5). Он также трехлопастной и имеет удлиненно-пятиугольную форму, но несколько меньшие размеры. Наконечники стрел подобного типа характерны в первую очередь для тюрков Горного Алтая 6-10 вв. (Савинов Д.Г., 1982, рис.5; Худяков Ю.С., 1986, рис.64).

Топор-тесло из Солоновки 1 имеет ярко выраженные плечики и относится ко второму типу древнетюркских тесел (Нестеров С.П., 1981, с.172). Основное время их бытования – 8-10 вв. Удила соединеннокольчатые, круглые в сечении. Возможно, к одному из колец прикипели остатки псалия или дополнительного кольца. Из-за плохой сохранности и деформации железа в результате обожжения тип удил определить достаточно сложно. Тип псалий неопределим вообще. Тем не менее, вполне определенно можно сказать, что подобной формы удила бытуют вплоть до 10 в. (Неверов С.В., 1992, с.143). Учитывая датировку находок и погребальную обрядность, сооружение кургана № 1 Солоновку 1 возможно отнести к 9-10 вв., периоду кыргызского «великодержавья».

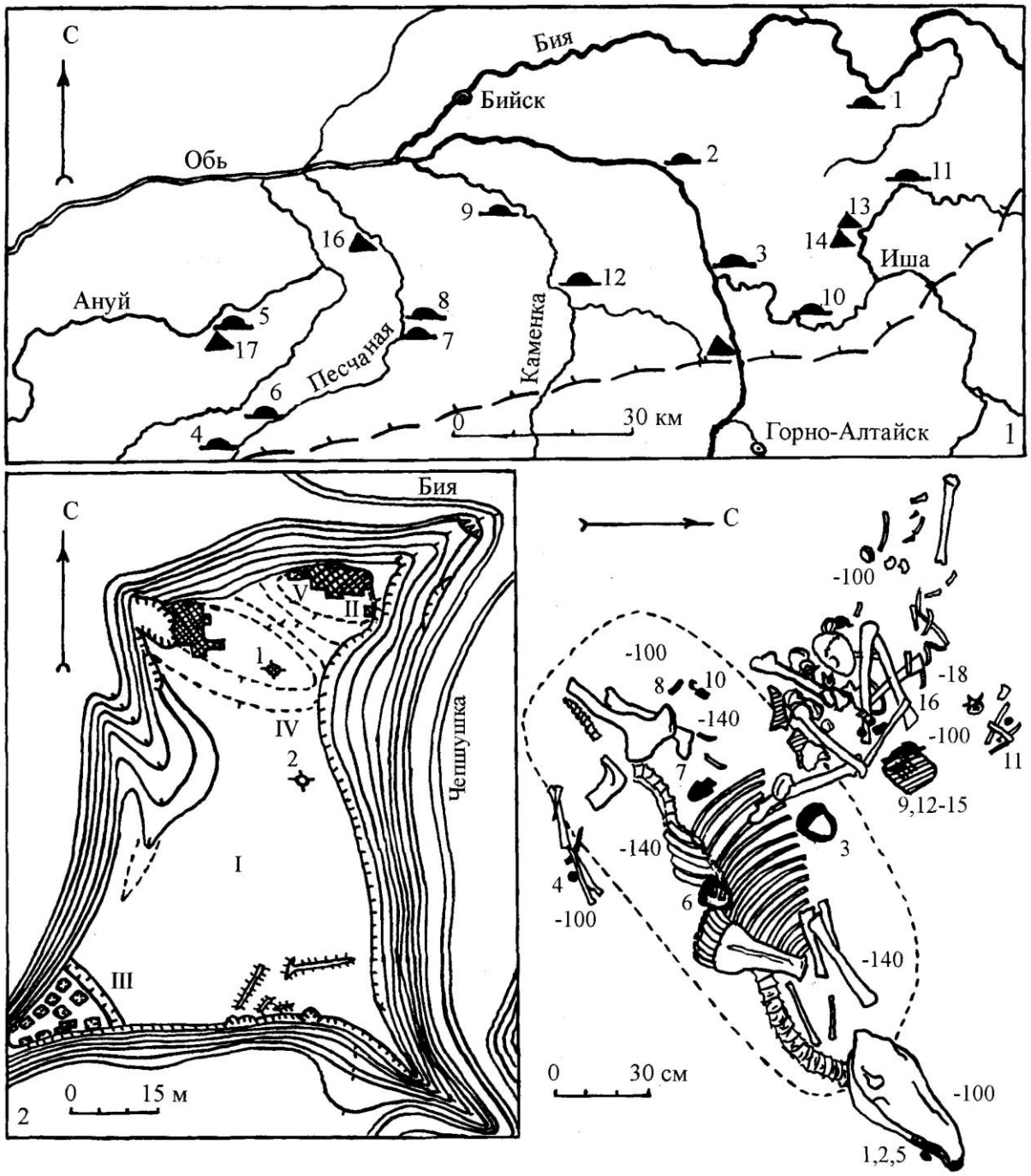
В 2000 г. в районе разведок А.П.Маркова (с.Сычевка) была сделана еще одна находка, переданная в 2005 г. в АГКМ. Это медная (?) обкладка сосуда и железное стремя, датирующееся 9-10 вв. Сохранность изделий позволяет предположить, что они происходят из погребения с трупоположением (Абдулганеев М.Т., Фролов Я.В., 2006).

Основная часть могильников эпохи средневековья, а также и случайных находок из района северных предгорий Алтая относится к 8-10 вв. Это могильники Сростки 1 (Киселев С.В., 1951, с.554-558; Гаврилова А.А., 1965, с.69, рис.11; Савинов Д.Г., 1995; 1996; 1998; Худяков Ю.С., 1981, рис.1-5 и др.), Змеевка (Красный Яр) (Неверов С.В., 1982), Кукушкин Елбан 1, Точильное 5 (Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б., 1990), Хлеборобный Елбан 1 (Казаков А.А., Горбунов В.В., 1993), а также находки из Егоны, Красногорского, Хлеборобного и Сычевки (Абдулганеев М.Т., 1993; 2005а; Абдулганеев М.Т., Фролов Я.В., 2006) (рис.1 – 1). Такая ситуация, видимо, не случайна, поскольку большая часть северных предгорий в более раннее время входила в ареал распространения одинцовской и майминской культур, а памятников предмонгольского и монгольского времени на территории Алтая известно немного. Погребальная обрядность выше указанных некрополей, как и на всей территории сросткинской культуры отражает ее трекомпонентность: 1) тюрки Горного Алтая (2 погребения – Точильное 5, Солонцы 4) – трупоположение с конем; 2) кыргызы и близкое им население (Кукушкин Елбан 2, Солоновка 1, 5 захоронений на Сростках 1) – трупосожжение; 3) местное тюркизированное (?) население (остальные памятники) – трупоположение без коня. Последний компонент явно преобладает. Малое количество захоронений с конем отражает реальную политическую ситуацию 9-10 вв.: гегемонию енисейских кыргызов в этом регионе. Это отчасти компенсируется их наличием в более раннее время (Горный 10). Вместе с тем, в северных предгорьях для периода 6-8 вв. практически неизвестны и некрополи одинцовской и майминской культур. Вероятно, все это объясняется не только малой изученностью региона и политической нестабильностью в определенные периоды эпохи средневековья, но и различными природно-климатическими условиями, соответствующими (или несоответствующими) разным хозяйственным укладам.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Раскопки в предгорьях Алтая // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч. I. – С.155-159.
2. Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1996. – Вып.VII. – С.128-134.
3. Абдулганеев М.Т. Древнейшие городища в северных предгорьях Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2. – С.53-61.
4. Абдулганеев М.Т. Могильник у поселка Рубцовский // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998. – Вып. IX. – С.172-175.
5. Абдулганеев М.Т. Могильник Горный 10 – памятник древнетюркской эпохи северных в предгорьях Алтая // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С.128-130.
6. Абдулганеев М.Т. Археологические находки из музея с.Красногорское // Охрана и использование культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2005а. – Вып. XIV. – С.7-10.
7. Абдулганеев М.Т. Курганы скифского времени могильника Суртайка 1 // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул, 2005б. – С.42-47.
8. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая VI-II вв. до н.э. – Барнаул, 1997. – 147 с.
9. Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Исследование аварийных поселений скифского времени на р.Бия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001. – Вып.XI. – С.97-101.
10. Абдулганеев М.Т., Степанова Н.Ф. Исследования на могильнике Горный 10 (Северный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т.VII. – С. 216-219.
11. Абдулганеев М.Т., Фролов Я.В. Случайные находки эпохи раннего средневековья из северных предгорий Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2006. – Вып. XV.
12. Абдулганеев М.Т., Шамшин А.Б. Аварийные раскопки у с.Точильное // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – С.99-104.
13. Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск-Омск, 2000. – 256 с.
14. Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Раннесредневековые находки с Борковских Елбанов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. V. – Ч.2. – С.153-160.
15. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л., 1965. – 144 с.
16. Горбунов В.В., Рудометов П.Л. Средневековые памятники в окрестностях с.Киприно // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2003. – Вып.XIII. – С.52-57.
17. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка. МИА. – М.-Л., 1956. – № 48. – 163 с.
18. Ефремов С.А. Снаряжение верхового коня у алтайских кочевников в I пол. II тыс. н.э. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998. – С.159-169.
19. Казаков А.А., Горбунов В.В. Охранные раскопки курганного могильника Хлеборобный Елбан 1 // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч.II. – С.244-247.
20. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 642 с.
21. Коников Б.А. Некоторые вопросы средневековой археологии таежного Прииртышья // Проблемы этнической истории тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1984. – С.77-98.

22. Кунгурова Н.Ю. Могильник Солонцы 5. Культура погребенных неолита Алтая. – Барнаул, 2005. – 127 с.
23. Марков А.П. Дневник раскопок курганов близ с.Кутобай (Никольское) на гриве «Ледяев Мыс». БКМ, ДО, ф.2, д.9.
24. Марков А.П. Дневник раскопок курганов могильника в окрестностях с.Старо-Суртайского в 1932 г. БКМ, ДО, ф.2 д.6.
25. Марков А.П. Предварительный отчет об археологических раскопках Бийского музея в 1937 г. БКМ, ДО, ф.2, д.92.
26. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С.29-43, 120-130.
27. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба-1 // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С.137-185.
28. Могильников В.А. Курган 85 Кара-Кобы-1 и некоторые итоги изучения древнетюркских памятников Алтая в связи с исследованиями в Кара-Кобе // Источники по истории республики Алтая. – Горно-Алтайск, 1997. – С.187-234.
29. Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX-XI веках. – М., 2002. – 362 с.
30. Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М.Сергеева) // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С.100-121.
31. Неверов С.В. Удила второй половины 1-го тыс. н.э. Верхнего Приобья (типология и классификация) // Вопросы археологи Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С.141-154, 234-238.
32. Неверов С.В. Стремена Верхнего Приобья в VII-XII вв. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998. – С.129-151.
33. Неверов С.В., Горбунов В.В. Сросткинская культура (периодизация, ареал, компоненты) // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001. – С.176-178.
34. Нестеров С.П. Тесла древнетюркского времени в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С.168-172.
35. Савинов Д.Г. Новые материалы по эволюции сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С.146-162.
36. Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (дневник раскопок С.М.Сергеева в 1930 г.) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. V. – Ч.2. – С.166-172.
37. Савинов Д.Г. Погребения Сросткинского могильника (по материалам раскопок М.Н. Комаровой, 1925 г. // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – С.192-206.
38. Савинов Д.Г. Сросткинский могильник (раскопки М.Н.Комаровой в 1925 г. и С.М. Сергеева в 1930 г.) // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – № 3. – С.175-190.
39. Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск, 1987. – 193 с.
40. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1998. – 150 с.
41. Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов. – Новосибирск, 1980. – 176 с.
42. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников приалтайских степей в IX-X вв. // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С.115-132.
43. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – 268 с.
44. Худяков Ю.С. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск, 1991. – 189 с.
45. Худяков Ю.С. Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. – Новосибирск, 1997. – 159 с.



На плане 1: 1 - Солонцы 4; 2 - Сростки 1; 3 - Суртайка 1; 4 - Солоновка 1; 5,17 - Хлеборобный Елбан 1,2; 6 - Сычевка; 7 - Кукушкин Елбан 2; 8 - Точильное 5; 9 - Змеевка; 10 - Горный 10; 11 - Никольское; 12 - Рубцовский; 13 - Егона; 14 - Красногорское; 15 - Шульгин Лог; 16 - Песчаное.

На плане 2: I-V - Солонцы 1-5.

На плане 3: №№ находок соответствуют №№ на рис.2,3.

Рис.1

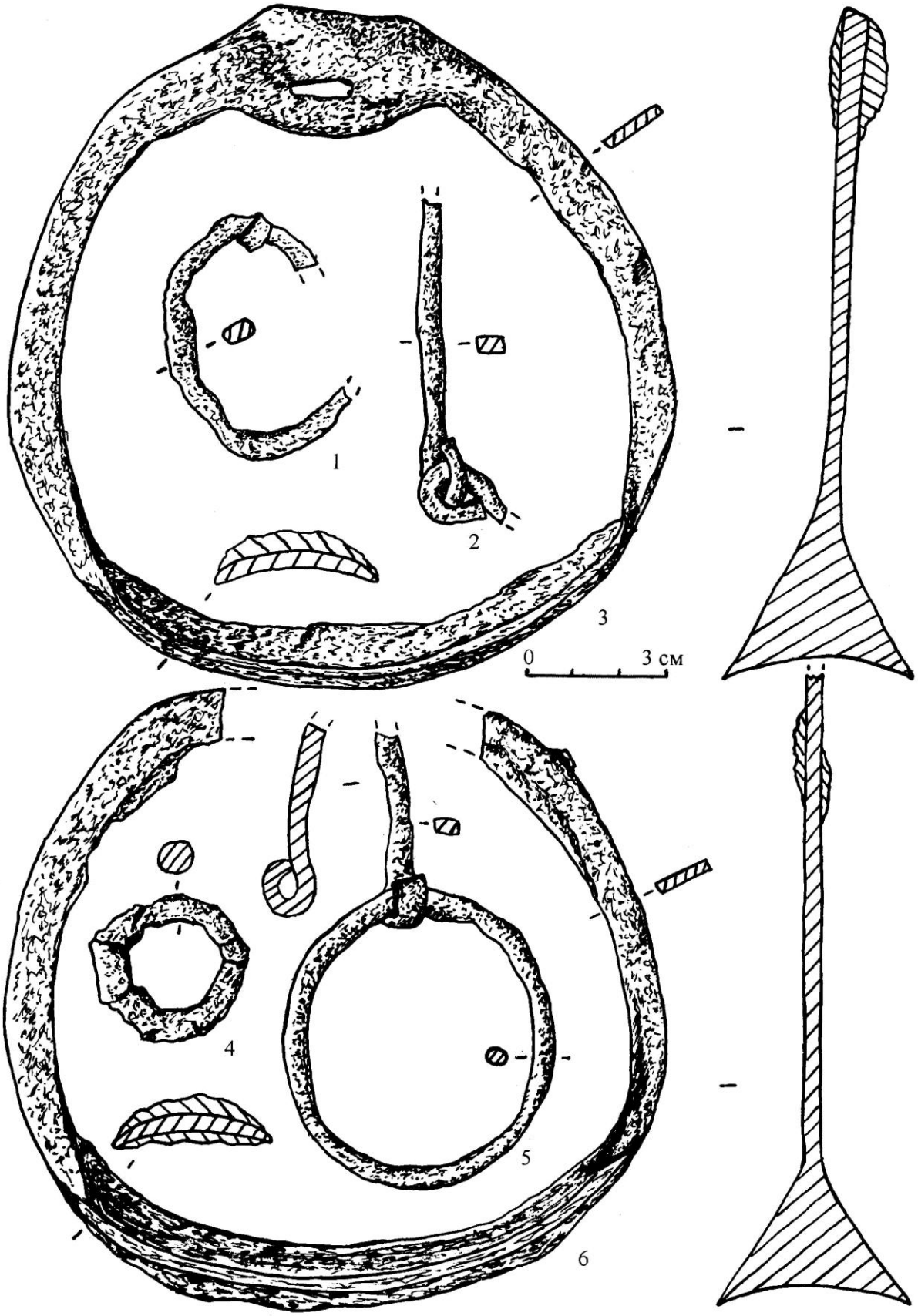


Рис.2

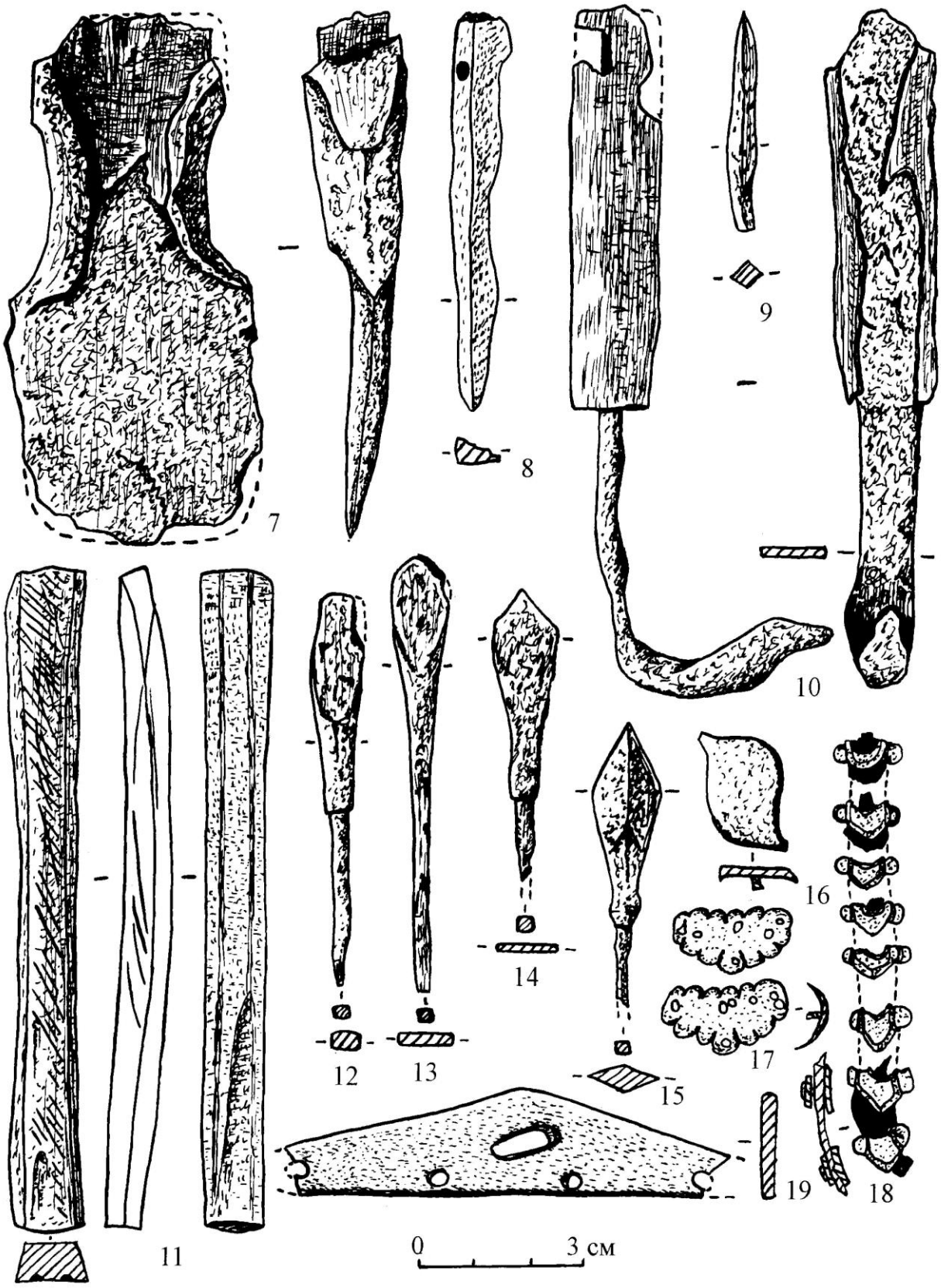


Рис.3

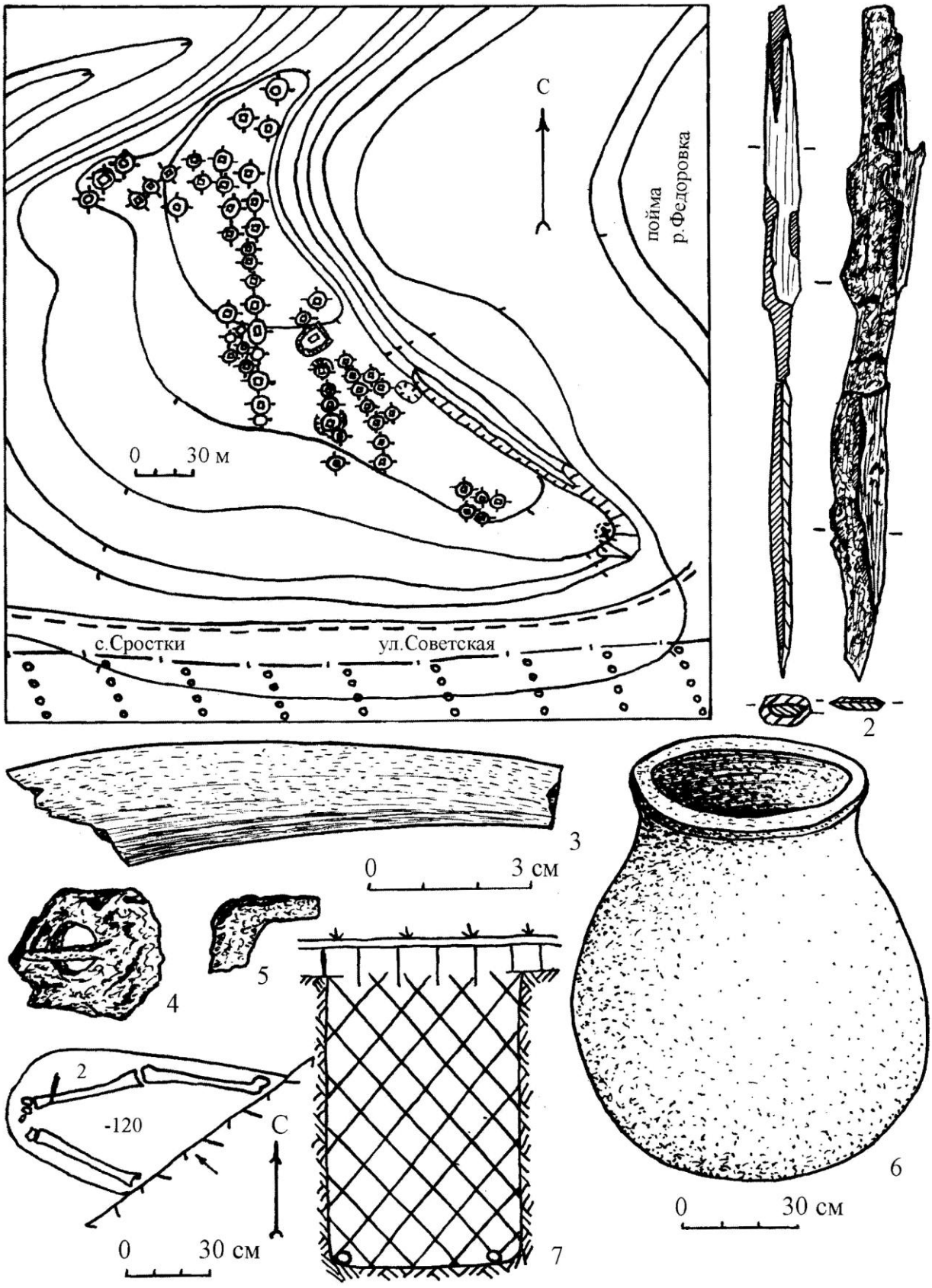

С
пойма
р.Федоровка
0 30 м
с.Сростки
ул.Советская
2
3
0 3 см
4
5
2
-120
С
0 30 см
7
6
0 30 см

Рис.4

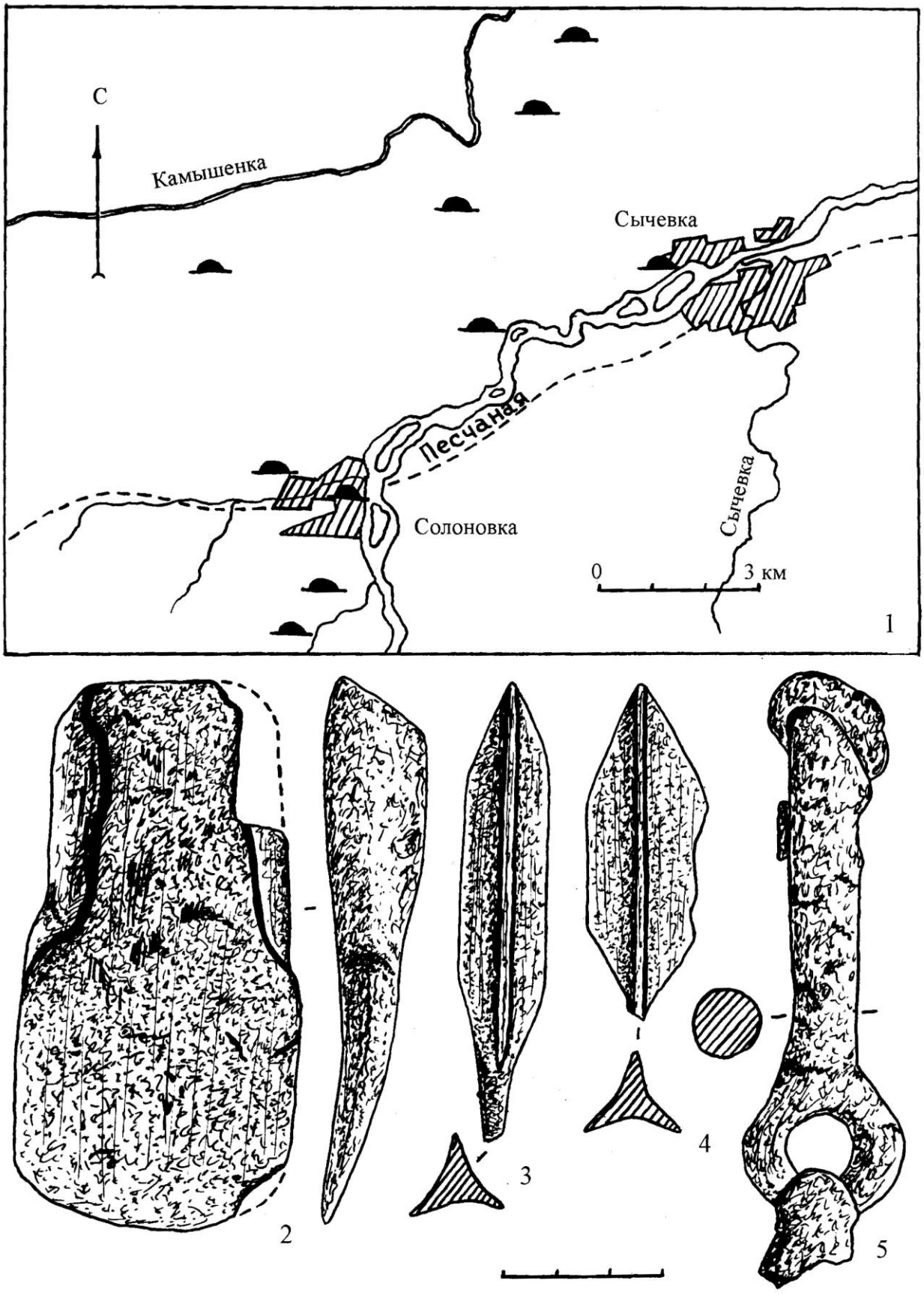

С
Камышенка
Сычевка
Песчаная
Солоновка
Сычевка
0
3 км
1
2
3
4
5

Рис.5

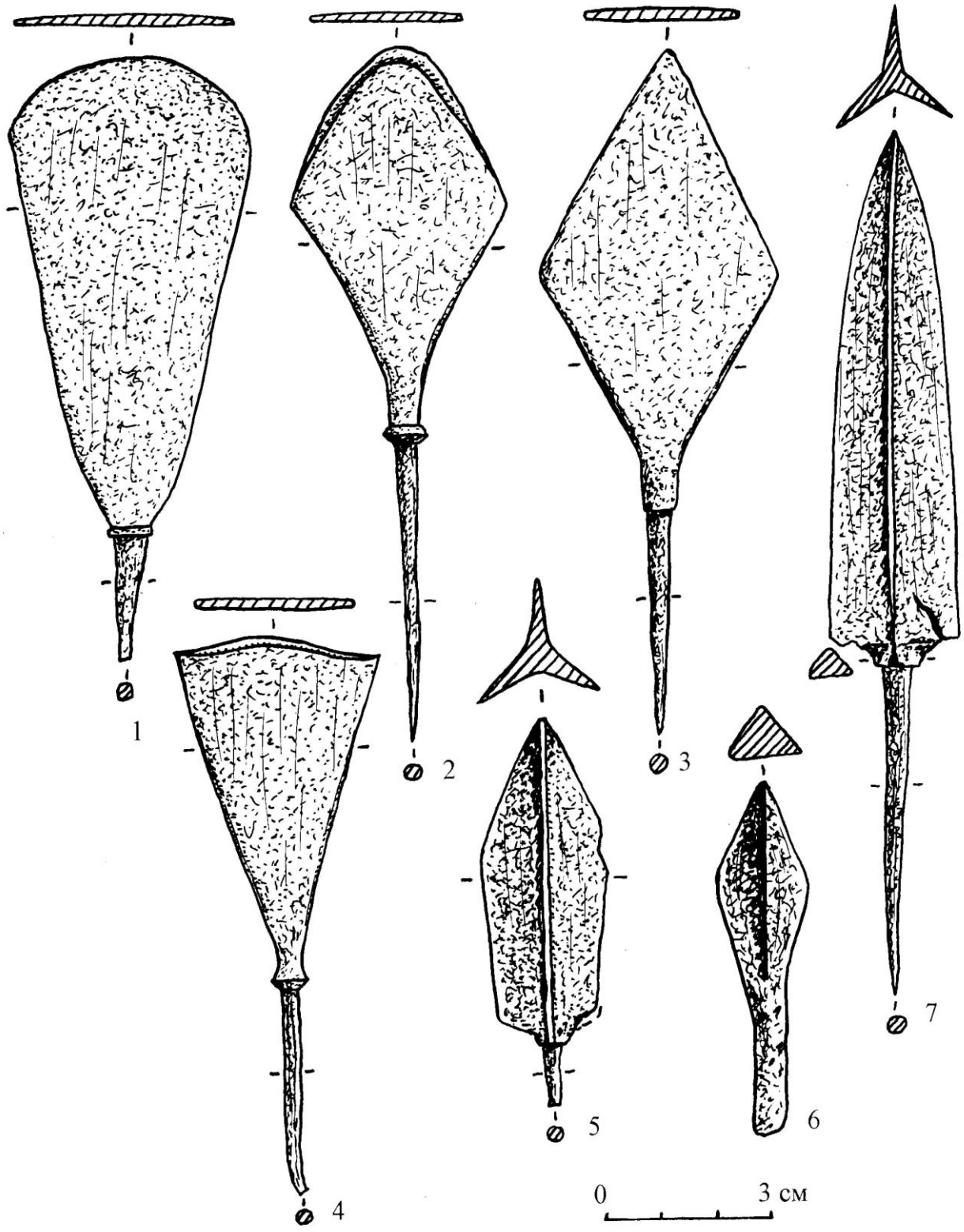


Рис.6

46. Худяков Ю.С. Древние тюрки на Енисее. – Новосибирск, 2004. – 151 с.
47. Членова Н.Л. Суртайка – могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае // Бронзовый век на территории СССР. КСИА. – М., 1973. – № 134. – С.114-121.

Список иллюстраций к статье Абдулганеева М.Т.

Рис. 1. Схема расположения средневековых могильников и случайных находок в северных предгорьях Алтая (1). Планы памятников в урочище Солонцы (2) и могила кургана (Солонцов 4 (3).
На плане 1: 1 – Солонцы 4; 2 – Сростки 1; 3 – Суртайка 1; 4 – Солоновка 1; 5,17 – Хлеборобный Елбан 1,2; 6 – Сычевка; 7 – Кукушкин Елбан 2; 8 – Точильное 5; 9 – Змеевка; 10 – Горный 10; 11 – Никольское; 12 – Рубцовский; 13 – Егона; 14 – Красногорское; 15 – Шульгин Лог; 16 – Песчаное.
На плане 2: I-V – Солонцы 1-5.
На плане 3: №№ находок соответствуют №№ на рис. 2,3.
Рис. 2. Находки из кургана 1 Солонцов 4 (7,10 – железо, дерево; 8,9,11,19 – кость; 12-16 – железо; 17 – бронза; 18 – бронза, кожа).
Рис. 4. План могильника Сростки 1 (1; могила 1 обозначена крестиком). План и разрез могилы 1 Сросток 1 (7). Находки из могилы 1 Сросток 1 (2), курганов 6 (4,6) и 9 (3,5) Суртайки 1. (2 – железо, дерево; 3 – кость; 4,5 – железо; 6 – керамика. 3-6 – по А.П.Маркову, 1932).
Рис. 5. Схема расположение курганных могильников у сел Сычевка и Солоновка (1 – по А.П.Маркову, 1937). Находки из железа из кургана 1 Солоновки 1 (2-5).
Рис. 6. Железные наконечники стрел из с.Песчаное (1-4,7), с.Шульгин Лог (5) и кургана 1 Никольского (6 – по А.П.Маркову, 1931).

Горбунова Т.Г.
(г. Барнаул)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одной из задач археологического исследования является реконструкция различных аспектов жизнедеятельности древнего населения. Реконструкция практически всегда представляет собой комплексное исследование, поскольку предполагает привлечение всех доступных материалов, методов и способов интерпретации (Черносвитов П.Ю., 1991, с. 7). Изучая украшения конского снаряжения из раннесредневековых памятников тюрок, мы также обратились к этой проблеме. Работа такого направления очень актуальна, поскольку объектом исследования выступают одни из самых массовых категорий археологических находок указанной эпохи. Кроме того, украшения конской амуниции являются важными диагностирующими показателями: как хронологическими, так и этнокультурными. Они ярко демонстрируют морфологические и технологические новации, культурные традиции, направления миграционных процессов, торговые или военные контакты и многое другое.

Реконструируя уздечные наборы и седельные ременные конструкции тюркской культуры, мы использовали не только археологические (вещественные) источники, но и иконографические (изобразительные). Сравнительно-описательный анализ указанных дан-

ных по обозначенной теме до сих пор не являлся предметом целенаправленного рассмотрения в научной литературе. В силу специфики сохранности археологических материалов (например, неполный или нарушенный уздечный набор, происходящий из ограбленного погребения) иконографические сведения порой во многом восполняют имеющиеся пробелы и помогают создать реконструкцию максимально близкую к оригиналу.

Термин «иконография» в переводе с греческого означает «пишу изображение». Это – система вариантов (канонов) изображения персонажа, лица, события (Пластические искусства, 1994, с. 46). В эпоху средневековья сложились определенные каноны изображения экипированных верховых лошадей или воинов на таких конях, которые отображали реалии своего времени. Они фиксируются в следующих категориях иконографических источников: погребальные скульптуры, барельефы, дворцовые росписи, бронзовые бляхи, костяная гравировка, петроглифы, выполненные в технике граффити (прочерчивания). Весь этот перечень представляет достаточно важную информацию для реконструкции парадного снаряжения лошадей эпохи раннего средневековья.

Погребальные и поминальные памятники тюрок, в которых были обнаружены наборы металлических украшений конской амуниции, известны на территории Горного Алтая, Тувы, Минусинской котловины, Монголии и Тянь-Шаня (Гаврилова А.А., 1965, табл. VII, X, XIV, XV, XVIII; Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, с. 99, 105, 106, 112, 115; Савинов Д.Г., 1982, рис. 13; Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, табл. 7; Кубарев Г.В., 1994, с. 68; Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996, рис. 3; Грач А.Д., 1966, рис. 20; Вайнштейн С.И., 1966, табл. IX; Худяков Ю.С., 1998, с. 34-37; Евтюхова Л.А., 1957, рис. 5; Войтов В.В., 1996, с. 18; Табалдиев К.Ш., 1996, рис. 16–6; 20–3). Данные находки позволяют реконструировать оголовья, подперсья (нагрудники) и пахвы (накрупники) снаряжения верховых коней тюркской культуры.

Оголовье (узда) – основная часть амуниции, приспособление, надеваемое на голову лошади и позволяющее управлять ею. Узда состоит из суголовья, удил с псалиями и поводьев (повода). Суголовье включает налобный, наносный (храповый), два нащечных, затылочный, подбородочный (подбородный) и, в ряде случаев, подгубный ремни. В эпоху раннего средневековья на территории Южной Сибири, Центральной и Средней Азии использовались оголовья самых различных конструкций: со всеми указанными ремнями, без подгубного ремня, без налобного или без наносного ремня. Другой частью конского снаряжения является седло – приспособление, надеваемое на спину лошади и служащее для верховой езды всадника на ней. Седло состоит из ленчика, подпруги, путлища со стременами, подперсья (нагрудника) и пахвы (накрупника). Подперсье (нагрудник) – ремень, охватывающий грудь лошади спереди и удерживающий седло от сползания. Для этого концы нагрудника соединяются с его полками. Подперсье могло состоять из одного или двух ремней. В последнем случае второй (срединный) ремень проходил под брюхом лошади и соединялся с подпругой. Пахвы (накрупник) – ремень, который прикрепляется своими концами к полкам седла сзади и также удерживает его от сползания при езде. Накрупник может состоять из одного подхвостного ремня. В иных случаях возможно дополнение одним или несколькими перекидными ремнями, которые крепятся своими концами к подхвостному (Гуревич Д.Я., Рогалев Г.Т., 1991; Тишкин А.А., Горбунова Т.Г., 2004, с. 24-43).

В эпоху раннего средневековья ремни оголовий, нагрудников и накрупников верховых лошадей украшались различными изделиями из художественного металла. Среди них: бляхи-накладки, бляхи-подвески, распределители ремней, султанчики, наконечники ремней. Каждая из категорий украшений имела свое определенное назначение и составляющие. Наконечники ремней – декоративные и функциональные детали конского снаряжения, которые крепились к зафиксированному в пряжке или свободно свисающему концу ремня и предохраняли его от быстрого изнашивания. Распределители ремней представляют собой украшения и функциональные детали конской амуниции. Они служили для сочленения ремней и указывали их направление. Следующая категория украшений снаряжения верхового коня – бляхи – фигурные пластины, изготовленные из цветного металла или железа. Такие изделия располагались как на основных (функциональных), так и на декоративных ремешках амуниции верховых лошадей. Бляхи пред-

ставляют собой самую многочисленную и разнообразную категорию конских украшений. Исходя из отличий изделий данной категории по форме, назначению, использованию и размещению на ремнях, их можно разделить на три подкатегории:

–бляхи-накладки (могли располагаться на любых ремнях амуниции);

–налобные бляхи-подвески (крепились к налобному ремню);

–бляхи-подвески на нащечные ремни узды, нагрудник (подперсье) и накрупник (пахвы) конского снаряжения.

Наконец, султанчики представляют собой украшения конского снаряжения, состоящие из втулки и пластины и служащие для закрепления волосяного или перьевого султана на ремне. Известны султанчики, которые закреплялись на наносном или на налобном ремне оголовья, а также начельные (устроенные между налобным и затылочным ремнями) или накрупные (закреплялись на накрупном ремне снаряжения коня). Рассматриваемые декоративные изделия состояли из втулки и пластины. Султанная втулка – это полая трубка, зафиксированная в пластине перпендикулярно ей или непосредственно на ремне. Пластина – основание султанчика, служащее для установления втулки и для закрепления изделия на ремне оголовья или накрупника. Обязательным элементом рассматриваемых украшений был волосяной султан – прядь конских волос (перьев), ради которой и устраивалась вышеописанная конструкция. Пряжки и тренчики являлись функциональными деталями конского снаряжения: первые служили для застегивания ремней, а вторые – для дополнительной фиксации свободного конца ремня. Иногда это изделия также орнаментировались.

Изучение археологических материалов, представленных полными или практически полными наборами украшений, зафиксированными в погребениях в положении «in situ» либо незначительно потревоженными, позволило нам выявить назначение и возможные месторасположения перечисленных категорий декоративных изделий на ремнях, что приобрело большое значение при реконструкции амуниции верховых коней. Поэтому при обнаружении частично сохранившегося в силу определенных обстоятельств комплекта украшений лошади мы можем воссоздать его полноценный внешний вид, расположив все изделия в нужных местах и отобразив их наиболее вероятное количество. Однако археологических материалов не всегда бывает достаточно для подобного рода исследований. В таких ситуациях данные археологии можно восполнить или проверить с помощью иконографических источников.

Для выяснения особенностей ременных конструкций и расположения украшений на них при реконструкции нами наряду с археологическими материалами привлекались иконографические источники. Комплексный анализ этих данных позволяет говорить о том, что тюрки использовали несколько типов конструкций суголовий. Со 2-ой половины VI в. по 1-ую половину X в. они применяли суголовья, состоящие из нащечных, наносного, затылочного, подбородочного и, иногда, подгубного ремней. Отличительной чертой такой конструкции являлось отсутствие налобного ремня (рис. 1–1-3). Уздечные наборы, в которых не предусмотрен данный ремень, реконструируются на основе вещественных материалов из погребальных комплексов Горного Алтая: Кудыргэ (могилы 1 и 9) (Гаврилова А.А., 1965, табл. VII-2,3; XV–7-11; Горбунова Т.Г., 2002, с. 99, рис. 4), Курай-IV и Курай-VI (Евтюхова Л.А., Киселев С.В., 1941, рис. 25, 41, 45; Горбунова Т.Г., 2002, с. 99, рис. 4). Указанная особенность суголовной конструкции находит подтверждения в иконографических материалах. Во-первых, известен петроглиф, изображающий тюркского всадника, из бассейна р. Чаганки на территории Горного Алтая (рис. 1–5). Оголовье лошади на данном рисунке не имеет налобного ремня. При этом наносный ремень смещен несколько выше своего «стандартного» положения и находится посередине морды лошади (Черемисин Д.В., 2001, рис. 3) (рис. 1–5). Следующее иконографическое свидетельство узды без налобного ремня представлено на статуэтках всадников из могильников Астана и Туюк-Мазар (рис. 1–4). Эти памятники расположены в Турфанском оазисе (Восточный Туркестан), а рассматриваемые скульптурные изображения датируются 640 г. – 80-ми гг. VIII в. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 108; 111, рис. 48а). Исследователь Е.И. Лубо-Лесниченко отмечал, что документы, относящиеся к третьему периоду существования могильника Астана, свидетельствуют об усилении тюрко-язычной прослойки среди насе-

ления Турфанского оазиса, в том числе о поселении в 734 г. в уезде Сичжоу целого тюркского племени (Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 113). В связи с этим целесообразно привести мнение Л.Н. Гумилева, который полагал, что скульптуры из Астаны и Туюк-Мазара представляют собой изображения тюркских воинов, служивших в войсках Танского правительства Китая (Гумилев Л.Н., 1949, с. 247, рис. 4-6). Указанные замечания позволяют нам с достаточной уверенностью констатировать, что турфанские статуэтки конных воинов изображают тюрок, а тип суголовья без налобного ремня является характерным для используемых ими лошадей. В-третьих, рисунки всадников на лошадях, узда которых не имеет налобного ремня, были обнаружены в пещере №11 комплекса Шикшин в Восточном Туркестане, датируемом VII-VIII вв. (Дьяконова Н.В., 1984, с. 100; 216, рис. 12) (рис. 1–6).

Несколько дольше, со 2-ой половины VI в. до XI в., в снаряжении верховых лошадей тюрки использовали уздечные наборы, включающие в свою конструкцию налобный ремень (рис. 2–1-4). Такие суголовья происходят из памятников Горного Алтая: Кудыргэ (могилы 5 и 8) (Гаврилова А.А., 1965, табл. XII–7-9; XIV–8-10), Юстыд-XII (Кубарев Г.В., 1994, с. 68; Древние курганы Алтая, 1998, рис. 132), Узунтал-VI, курган №1 (Савинов Д.Г., 1982, рис. 13), Балык-Соок, курган №11 (Кубарев Г.В., 2002, рис. 3–1-15), грот Балтарган (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996, рис. 3), а также из тюркских комплексов в Монголии, Минусинской котловине, Туве и на Тянь-Шане (Евтюхова Л.А, 1957, с. 209; Худяков Ю.С., 1998, рис. 5; Вайнштейн С.И., 1966, табл. IX–1,2; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1993). Данным комплектам также имеются свои иконографические аналогии: изображения тюркских воинов на костяной луке седла из могильника Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965, табл. XV-12) (рис. 2–6), статуэтки из комплекса Астана (Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 112, рис. 48б), а также петроглиф из урочища Хар-Хад в Монголии (рис. 2–5). Исследователи Э.А. Новгородова и М.В. Горелик датировали рисунки Хар-Хада VI-VII вв. и указали на их тюркскую принадлежность (Новгородова Э.А., Горелик М.В., 1980, рис. 6, с. 112).

Наконец, известно несколько типов оголовий верховых коней, используемых тюрками, у которых кроме налобного, наносного, нащечных, затылочного и подбородочного, присутствовал срединный ремень. Он располагался параллельно с нащечными и крепился своими концами к налобному и наносному ремню. В одном из тюркских погребений Горного Алтая у села Жана-Аул на черепе коня был зафиксирован уздечный набор в виде кусков сыромятных кожаных ремней с бронзовыми украшениями на них. Реконструкция данного суголовья позволила установить, что оно помимо прочих включало срединный ремень (Кочеев В.А., Худяков В.С., 2000, с. 117-127) (рис. 3–3). Кроме того, в нескольких погребениях могильника Кудыргэ (могилы 4 и 10) обнаружены уздечные наборы, которые, на наш взгляд, также включали срединные ремни (Гаврилова А.А., 1965, табл. X–14-20, XVIII–8-17; Горбунова Т.Г., 2002, с. 99, рис. 4) (рис. 3–1,2). С.И. Руденко и А.Н. Глухов, характеризуя ряд погребений названного памятника, отмечают, что у коней «…на лбу от лобной перемычки между глаз спускались ременные полоски с набитыми на них металлическими украшениями…» (Руденко С., Глухов А., 1927, с. 46). Возможность наличия срединного ремня в конструкции суголовья подтверждается и данными иконографии. Он фиксируется на одной из статуэток могильника Астана (Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 112) (рис. 3–4), на изображении из пещеры Шикшина (Дьяконова Н.В., 1984, рис. 3) (рис. 3–5), а также на барельефном изображении галопирующей лошади из гробницы китайского императора Тайцзуна (умер в 649 г.) (Winogradowa N., Nikolaewa N., 1980, s. 69, Abb. 36). Следует подчеркнуть, что вещественные находки украшений, позволяющие реконструировать суголовья со срединным ремнем, пока известны только в памятниках тюрок, относящихся ко 2-ой половине VI в. – 1-ой половине VII в., т.е. ко времени существования Великого Тюркского каганата (552–604 гг.) и I Восточно-тюркского каганата (604–650 гг.).

Отметим, что по данным археологии в тюркских материалах фиксируются и суголовья, у которых отсутствует наносный ремень (Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В., 1997, табл. 7; Илюшин А.М., 2000, рис. II; Горбунова Т.Г., 2002, рис. 3–1,9), но в иконографических материалах подтверждений такой особенности пока не встречено.

Информация, которую могут предоставить иконографические источники, не исчерпывается выше приведенными данными. Кроме конструкции узды, они во многом помогают уточнить или выяснить расположение различных категорий украшений на оголовье, нагруднике и накрупнике верховой лошади. Так, на статуэтках тюркских всадников 2-ой половины VII в. – VIII в. из Астаны (Гумилев Л.Н., 1949, с. 247, рис. 6; Лубо-Лесниченко Е.И., 1984, с. 112) и на китайском скульптурном изображении лошади, датирующемся VIII в. (Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В., 1984, с. 164, рис. 41-в) (рис. 4–2-5), конские нагрудники украшены пятью сердцевидными гладкими бляхами-подвесками, а накрупники – шестью аналогичными декоративными изделиями. Кроме того, двумя такими подвесками украшено оголовье. Они располагались по одной слева и справа на уровне глаз лошади (или по краям налобного ремня, если он присутствовал). Таким образом, такой набор украшений предполагал 13 подвесок. В случае же если узда включала налобный ремень с налобной бляхой, то таких изделий в наборе было 14. Имело место и отклонение от набора из 13-ти блях. В таких случаях на нагруднике вместо пяти располагалось три подвески. На накрупнике же вместо шести их могло быть четыре как на одной из конных статуэток Астаны (Гумилев Л.Н., 1949, с. 247), либо десять как на петроглифе из Кочкорской долины в Центральном Тянь-Шане, датируемом 716–739 гг. (Кляшторный С.Г., 2001, с. 214) (рис. 4–6). При этом могли иметь место ситуации, когда украшалось суголовье и ремень нагрудника или суголовье и ремень накрупника, т.е. одна из кожаных конструкций седла не снабжалась декоративными изделиями. Заметим, что идея подобного украшения различных частей конской амуниции могла быть заимствована тюрками в Китае в эпоху II Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.), когда имели место военные, торговые контакты и посольские отношения между двумя соседствующими государствами (Бичурин Н.Я., 1950, с. 266–276). Известны китайские иконографические источники (скульптурные изображения верховых коней VI –VII вв.), на которых фиксируется декорирование нагрудника тремя или пятью, а накрупника – шестью подвесными украшениями (Вайнштейн С.И., 1991, рис. 98-4; 100-1). Вероятно, что тюрки восприняли эту особенность, но сами украшения (гладкие бляхи сердцевидной формы) являлись уже собственно тюркской новацией, поскольку китайские подвески имели совершенно иные формы и декор.

Гладкие бляхи-подвески сердцевидной формы, фиксируемые по данным иконографии, происходят и из археологических памятников тюрок Горного Алтая и Монголии VIII в. – 1-ой половины IX в. (Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., 1993, с. 203-204; Евтюхова Л.А., 1957, с. 207, рис. 5). Информация, выявленная на основе анализа иконографических источников, позволила нам осуществить некоторые реконструкции. Так, в тюркском погребении кургана № 2 могильника Джаргаланты (территория Монголии) был обнаружен набор украшений верховой лошади, включающий бляхи-подвески. Исходя из расположения этих изделий на костяке лошади и рядом с ним, удалось установить, что бляхи закреплялись на оголовье и нагруднике (Евтюхова Л.А., 1957, с. 207, рис. 2; с. 209, рис. 5; с. 215). Реконструированный вариант этого комплекта снаряжения представляется нам следующим: узда украшалась налобной бляхой (более крупной по сравнению с другими) и двумя подвесками, располагавшимися по краям налобного ремня (на уровне глаз лошади). На нагруднике закреплялось пять таких же блях-подвесок: одна по центру и по две симметрично слева и справа (рис. 4–1). Следует подчеркнуть, что в данном случае мы получили твердую основу для реконструкции, поскольку набор украшений был зафиксирован в погребении в положении «in situ». Такое же расположение блях прослеживается в иконографических материалах.

Наконец, иконографические источники предоставляют информацию и о возможном месторасположении такой категории украшений как султанчики на снаряжении верхового коня. Наносные султанчики происходят из тюркских памятников Горного Алтая (Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М., 1996, рис. 3-5; Кубарев Г.В., 2002, рис. 3-14,15; Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И., 2002, рис. 1-10) и Минусинской котловины (Худяков Ю.С., 1998, рис. 1, 2–4).

В росписях 2-ой половины VII в. – 1-ой половины VIII в. дворца Афрасиаб в Средней Азии изображено семь лошадей с наносными и налобными султанчиками (рис. 5–5). По мнению Л.И. Альбаума, там представлена сцена прибытия в Самарканд (столицу Согда)

посольства из Чаганиана (Альбаум Л.И., 1975, с. 48-50). В кургане № 11 тюркского памятника Балык-Соок в Горном Алтае был обнаружен набор украшений конского снаряжения, среди которых наибольший интерес представляют две бляхи с отверстиями (Кубарев Г.В., 2002, рис. 3–14, 15). Эти изделия, на наш взгляд, выступали в роли султанных пластин и служили для закрепления волосяных или перьевых пучков на налобном и наносном ремнях оголовья по аналогии с рассмотренными изображениями из Афрасиаба (рис. 5–1). Таким образом, использование двух одинаковых султанных украшений на узде можно связывать со среднеазиатским влиянием. Необходимо подчеркнуть, что изображения султанчиков известны в тюркских петроглифах Монгольского Алтая на памятниках Хар-Хад и Цагаан-Салаа-IV (Новгородова Э.А., Горелик М.В., 1980, рис. 6; Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д., 1999, рис. 3-1) (рис. 5–3, 4). При этом рисунки Хар-Хада, как уже отмечалось, датируются VI-VII вв. Это позволяет говорить о том, что султанчики использовались тюрками для украшения амуниции верховых коней еще в эпоху Великого тюркского каганата.

Тюркская традиция украшения кожаных конструкций амуниции верховых коней не исчезла бесследно после падения государственного объединения. Тюрки продолжали использовать такие декоративные изделия как бляхи-подвески и султанчики на протяжении 2-ой половины VIII – X вв. Кроме того, под их влиянием аналогичные подвески появляются в этот период времени в материалах кыргызов (Минусинская котловина), сросткинской археологической культуры Алтайской лесостепи, в комплексах Кузнецкой котловины (Горбунова Т.Г., 2002, с. 94). В рамках сросткинской культуры бляхи-подвески и султанчики получили дальнейшее развитие и продолжали бытовать вплоть до XII в. Прежняя сердцевидная форма блях-подвесок сохранялась, но появлялись новые дополнительные элементы декора. У сросткинских наносных султанчиков произошло удлинение втулки, изменение способа соединения составных частей и декора.

Таким образом, иконографические источники являются достаточно информативными, предоставляющими разнородные, а порой уникальные, сведения об амуниции верховых коней. Сравнительно-описательный анализ этих данных и вещественных археологических материалов позволяет составить достаточно полное представление о конструкции оголовий, о наборах украшений и расположении их на снаряжении лошади. В настоящей работе с опорой на иконографические материалы нам удалось определить отличительные черты тюркской традиции парадной экипировки верховых лошадей: применение сердцевидных блях-подвесок на оголовьях, нагрудниках и накрупниках, султанных украшений, цельных трехлучевых распределителей, коротких наконечников, полусферических, лепестковых и прямоугольных накладок. Особенность большинства этих изделий состоит в наличии достаточно «бедной» орнаментации и использовании преимущественно геометрических мотивов (нервюры, прочерченные линии и дуги). Указанные черты традиции в VIII – 1-ой половине IX вв. получают широкое распространение и используются не только собственно тюрками. Данное явление, предполагающее господство определенных стандартизированных наборов украшений в сочетании с конкретными ременными конструкциями, мы предлагаем именовать «модой» на изделия, выполненные и используемые в тюркском стиле. Универсальность явления моды выражается в ее способности легко преодолевать межгосударственные границы, что обусловлено наличием этнокультурных контактов как средства коммуникации. В рассматриваемом случае украшения конского снаряжения, обладающие декоративным эффектом, под влиянием тюрок либо при непосредственном их участии заимствуются носителями иных культур и территорий. Тюркская традиция на украшения амуниции лошадей актуализировалась в этих культурах и получала дальнейшее развитие.

Литература

1. Альбаум Л.И. Живопись Афрасиаба. – Ташкент, 1975. – 106 с.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950. – Т. I. – 381 с.
3. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тыс. в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959–1960. – М.; Л., 1966. – Т. II. – С. 292-347.

4. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М., 1991. – 296 с.
5. Войтов В.В. Древнетюркский пантеон и модель мирозданья в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М., 1996. – 152 с.
6. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – 146 с.
7. Горбунова Т.Г. Оголовья верховых лошадей тюркской культуры Горного Алтая // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – №9. – С. 91-103.
8. Грач А.Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1959–1960. – М.; Л., 1966. – Т. II. – С. 81-107.
9. Гумилев Л.Н. Статуэтки воинов из Туюк-Мазара // Сборник музея антропологии и этнографии. – М.; Л., 1949. – Т. XII. – С. 232-253.
10. Гуревич Д.Я., Рогалев Г.Т. Словарь-справочник по коневодству и конному спорту. – М., 1991. – 240 с.
11. Древние курганы Алтая. – Горно-Алтайск, 1998. – 128 с.
12. Дьяконова Н.В. Осада Кушинагары // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М., 1984. – С. 97-108.
13. Евтюхова Л.А О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // Советская археология. – 1957. – № 2. – С.205-227.
14. Евтюхова Л.А., Киселев С.В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году // Труды ГИМ. – М., 1941. – Вып. XVI. – С. 75-117.
15. Илюшин А.М. Могильник Кудыргэ и вопросы древнетюркской истории Саяно-Алтая // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 157-169/
16. Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. – СПб, 2001. – С. 213–215.
17. Кочеев В.А., Худяков В.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 117-127.
18. Крюков М.В., Малявин В.В., Сафронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII-XIII). – М., 1984. – 336 с.
19. Кубарев Г.В. Богатый уздечный набор из древнетюркского погребения // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 67-69.
20. Кубарев Г.В. Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Сӧӧка // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С. 88-112.
21. Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д. Раннесредневековые петроглифы Монгольского Алтая // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С. 157-169.
22. Лубо-Лесниченко Е.И. Могильник Астана // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М., 1984. – С. 108-120.
23. Мамадаков Ю.Т., Горбунов В.В. Древнетюркские курганы могильника Катанда-3 // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – № 2. – С. 115-128.
24. Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В. Аварийные археологические раскопки у с. Шибе // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Ч. II. – С. 202-205.
25. Новгородова Э.А., Горелик М.В. Наскальные изображения тяжеловооруженных воинов с Монгольского Алтая // Древний Восток и античный мир. – М., 1980. – С. 101-112.
26. Пластические искусства. Краткий терминологический словарь. – М., 1994. – 160 с.
27. Руденко С., Глухов А. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Л, 1927. – Т. III. – Выпуск второй. – С. 37-52.
28. Савинов Д.Г. Древнетюркские курганы Узунтала // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 174 с.
29. Соёнов В.И., Трифанова С.В., Вдовина Т.А., Яжанкина С.И. Средневековое скальное захоронение в Каменном Логу // Древности Алтая. – 2002. – №9. – С. 117-124.
30. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. –. Бишкек, 1996. – 256 с.

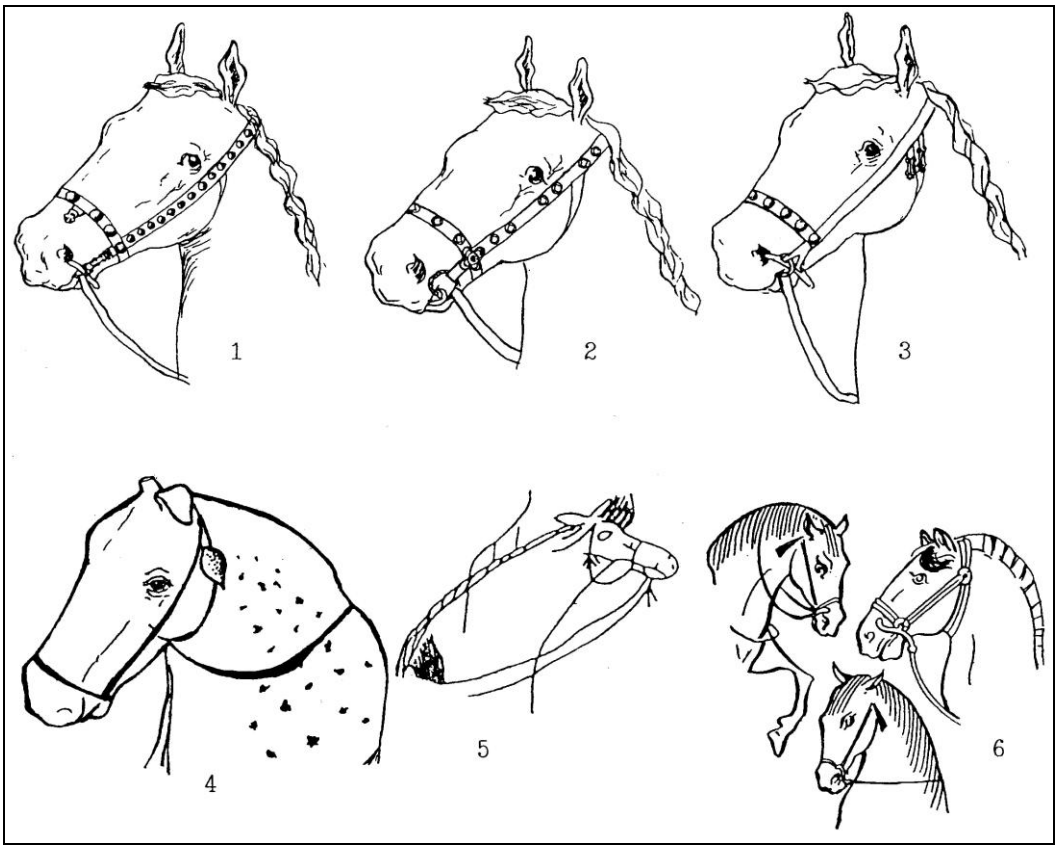


Рис.1

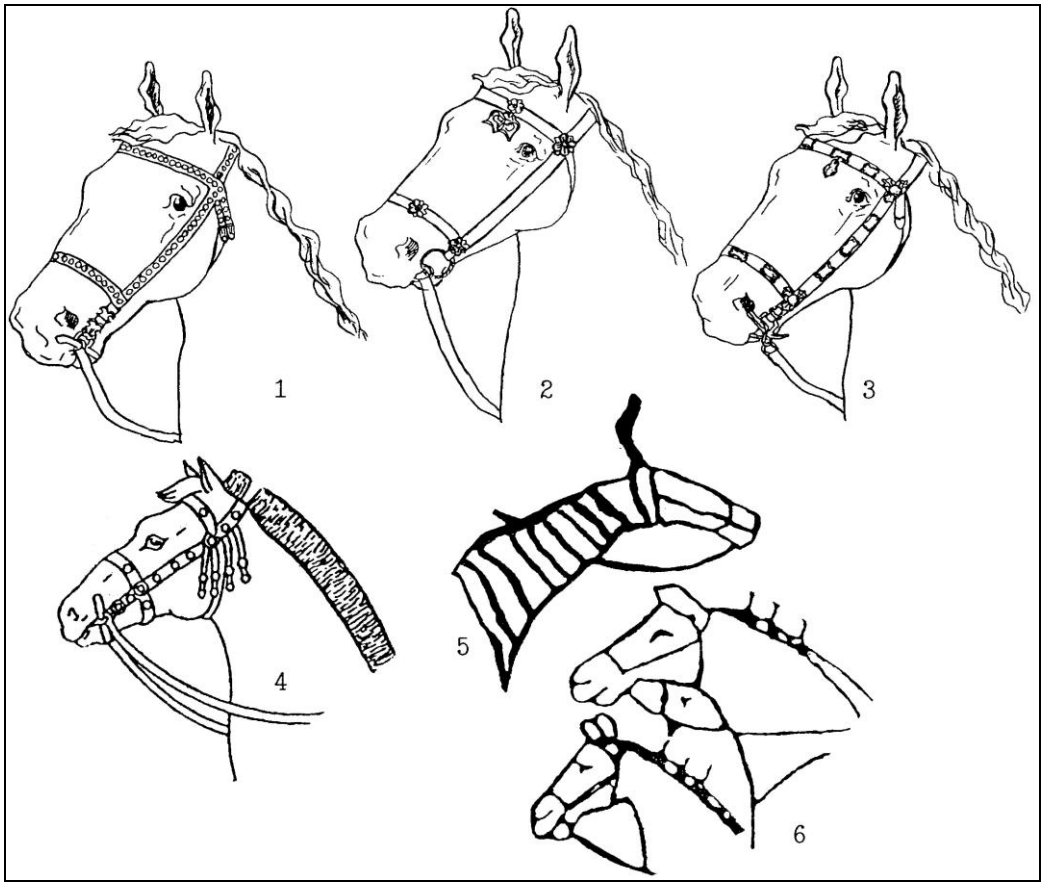


Рис.2

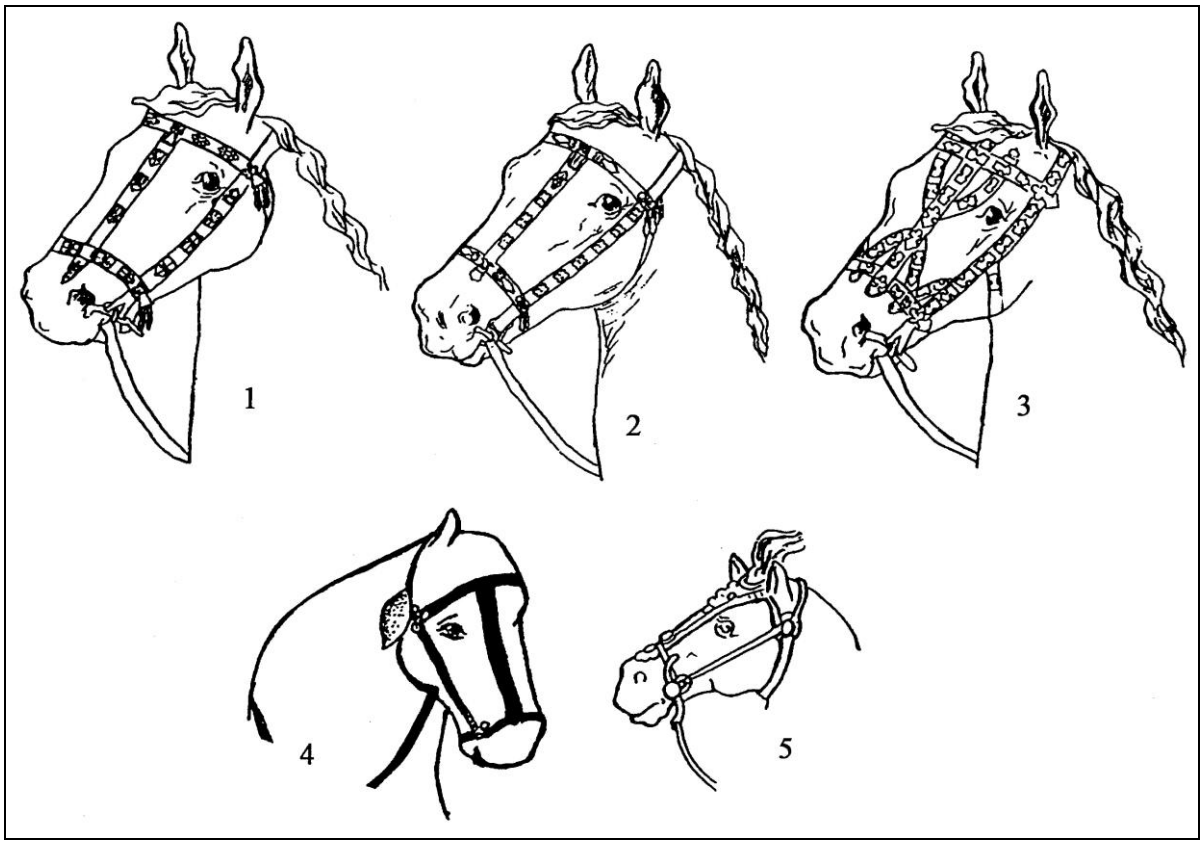


Рис.3

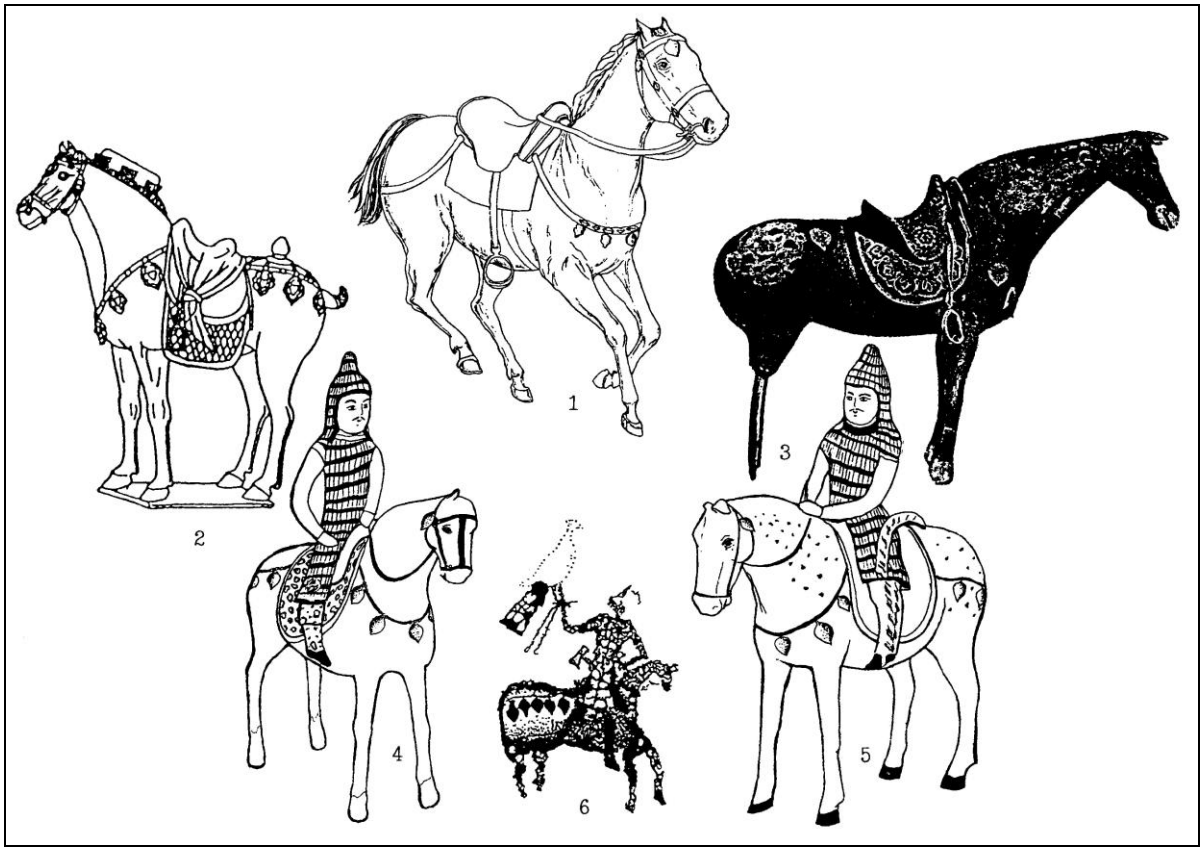


Рис.4

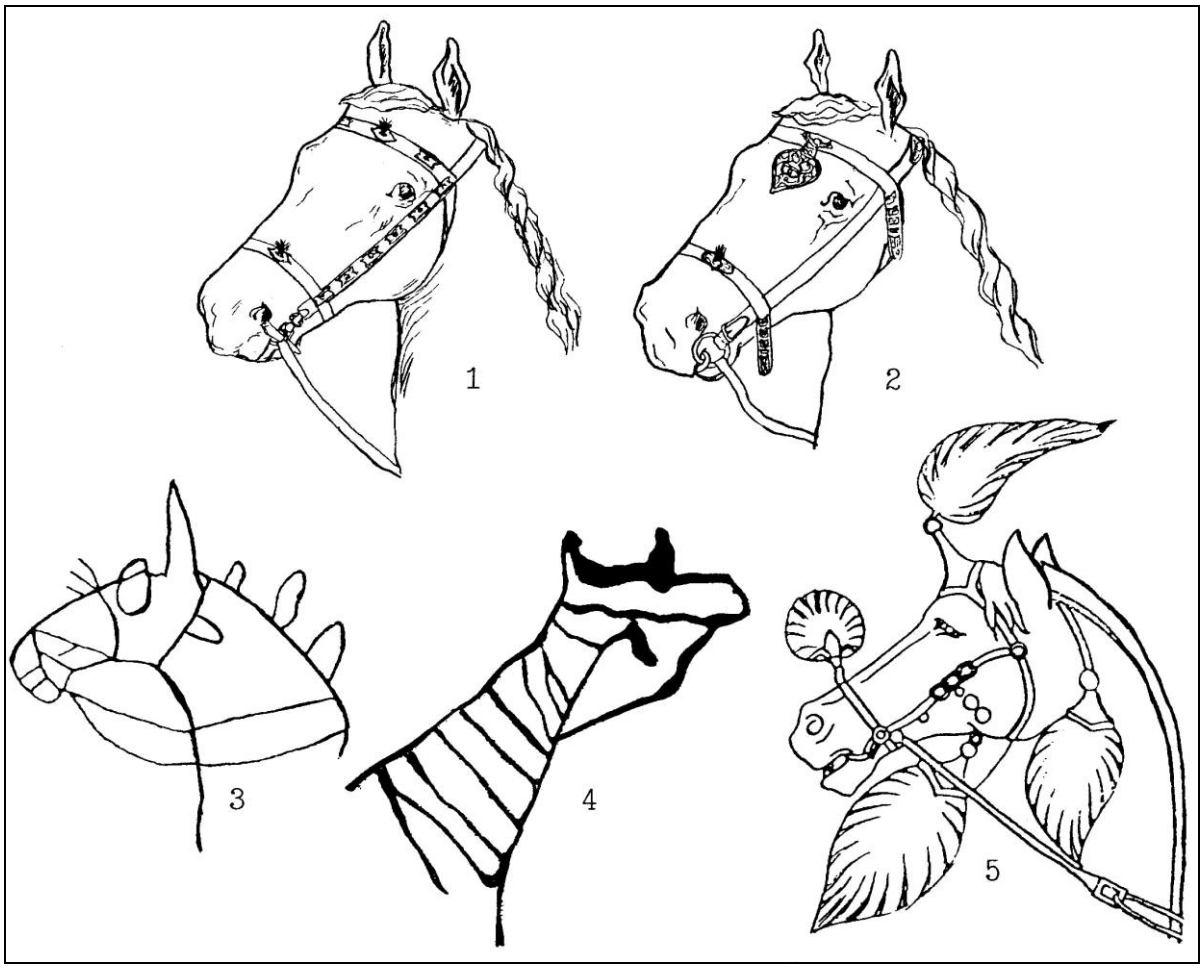


Рис.5

31. Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. – Барнаул, 2004. – 126 с.
32. Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыс-Кисте // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1998. – № 3. – С. 31-38.
33. Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М. Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1996. – № 3. – С. 46–53.
34. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрок Центрального Тянь-Шаня // Российская археология. – 1993. – №3. – С. 50-58.
35. Черемисин Д.В. Исследование петроглифов на юге Горного Алтая в 2001 году. Наскальные изображения Чаганки // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т. VII. – С. 480-484.
36. Черносвитов П.Ю. Проблема исторических реконструкций как задача моделирования // Методы реконструкций в археологии. – Новосибирск, 1991. – С. 6-22.
37. Winogradowa N., Nikolajewa N. Kunst der fernen Osten. – Dresden-Moskau, 1980. – 372 s.

Список иллюстраций к статье Горбуновой Т.Г.

Рис. 1. Оголовья верховых коней тюркской культуры без налобного ремня:
1). Оголовье из могилы-9 памятника Кудыргэ в Горном Алтае (2-ая половина VI в. – 1-ая половина VII в.) (реконструкция автора).
2). Оголовье из кургана №1 памятника Курай-VI в Горном Алтае (2-ая половина VII в.) (реконструкция автора).
3). Оголовье из кургана №1 памятника Курай-IV в Горном Алтае (2-ая половина IX в. – 1-ая половина X в.) (реконструкция автора).

4). Фрагмент статуэтки лошади из памятника Астана в Восточном Туркестане (640 г. – 80-е гг. VIII в.).
5). Фрагмент петроглифа из бассейна р. Чаганки в Горном Алтае.
6). Фрагменты изображений коней в пещере Шикшин в Восточном Туркестане (VII–VIII вв.).

Рис. 2. Оголовья верховых коней тюркской культуры с налобным ремнем:
1). Оголовье из могилы-8 памятника Кудыргэ в Горном Алтае (2-ая половина VI в. – 1-ая половина VII в.) (реконструкция автора).
2). Оголовье из кургана №29 памятника Юстыд-XII в Горном Алтае (VII в.) (реконструкция автора).
3). Оголовье из кургана №1 памятника Узунтал-VI в Горном Алтае (2-ая половина VIII в. – 1-ая половина IX в.) (реконструкция автора).
4). Оголовье из кургана №20 памятника Беш-Таш-Короо-II на Тянь-Шане (2-ая половина VI в. – 1-ая половина VII в.) (реконструкция Ю.С. Худякова).
5). Фрагмент петроглифа из урочища Хар-Хад в Монголии (VI-VII вв.).
6). Фрагменты изображений коней в пещере Шикшин в Восточном Туркестане (VII–VIII вв.).

Рис. 3. Оголовья верховых коней тюркской культуры со срединным ремнем:
1). Оголовье из могилы-4 памятника Кудыргэ в Горном Алтае (2-ая половина VI в. – 1-ая половина VII в.) (реконструкция автора).
2). Оголовье из могилы-10 памятника Кудыргэ в Горном Алтае (2-ая половина VI в. – 1-ая половина VII в.) (реконструкция автора).
3). Оголовье из погребения в местности Жана-Аул в Горном Алтае (2-ая половина VI в. – 1-ая половина VII в.) (реконструкция автора).
4). Фрагмент статуэтки из могильника Астана в Восточном Туркестане (640 г. – 80-е гг. VIII в.).
5). Изображение коня из пещеры Шикшин в Восточном Туркестане (VII–VIII вв.).

Рис. 4. Расположение блях-подвесок на амуниции верховых коней тюркской культуры:
1). Амуниция верхового коня из кургана №2 памятника Джаргаланты в Монголии (VIII в.) (реконструкция автора).
2). Статуэтка коня из Китая (VIII в.).
3-5). Конные статуэтки из памятника Астана в Восточном Туркестане (640 г. – 80-е гг. VIII в.).
6). Петроглиф из Кочкорской долины в Центральном Тянь-Шане (716-739 гг.).

Рис. 5. Султанные украшения на конском снаряжении тюркской культуры:
1). Оголовье коня из кургана №11 памятника Балык-Сөөк в Горном Алтае (1-ая половина VIII в.) (реконструкция автора).
2). Оголовье верховой лошади из грота Балтарган в Горном Алтае (X в.) (реконструкция автора).
3). Фрагмент петроглифа из памятника Цагаан-Салаа-IV в Монгольском Алтае.
4). Фрагмент петроглифа из урочища Хар-Хад в Монголии (VI-VII вв.).
5). Фрагмент росписи на южной стене дворца Афрасиаб в Согде (2-ая половина VII в. – 1-ая половина VIII в.).

Матренин С.С., Сарафанов Д.Е.
(г. Барнаул)

КЛАССИФИКАЦИЯ ОГРАДОК ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

К настоящему моменту на территории Горного Алтая исследовано огромное количество поминальных сооружений тюркской культуры. Они представлены в своем большинстве оградками, с которыми тесно связаны цепочки камней-балбалов, стелы и изваяния, реже другие конструкции. Различным аспектам изучения этих оригинальных памятников раннего средневековья посвящена обширная литература (обзор по: Кубарев В.Д., 2001, с. 24-26).

Однако археологи разрабатывали главным образом вопросы семантической интерпретации данных комплексов и их элементов, тогда как проблемы целостной классификации и типологии самих поминальников оставались несколько в стороне. Тем не менее, к вопросам систематизации и структурного анализа тюркских оградок в разные годы обращались многие специалисты (Гаврилова А.А., 1965; Кызласов Л.Р., 1969; Кубарев В.Д., 1979, 1984, 2001; Могильников В.А., 1981, 1992; Васютин А.С., 1983а; Худяков Ю.С., 1985; Мамадаков Ю.Т., 1994; Войтов В.Е., 1996; Дворников Э.П., 2004). Несмотря на это, на сегодняшний день по-прежнему актуальным остается проведение полноценной классификации поминальников 2-й пол. I тыс. н.э. указанного региона, которая будет ориентироваться на большой спектр формальных признаков сооружений и их взаимную корреляцию с использованием как можно более широкого круга имеющихся объектов.

В ходе анализа данной категории археологических артефактов мы столкнулись с рядом сложностей следующего порядка. Прежде всего, укажем на отсутствие во многих работах, посвященных оградкам, иллюстративного материала, без которого не всегда можно точно выяснить степень исследованности конкретного объекта (определить раскапывался ли он вообще), его планиграфические особенности, установить хронологию найденного вещевого комплекса. Принимая во внимание подобное обстоятельство, для систематизации нужно использовать только полноценно опубликованная достоверная информация, отраженная в графической форме или представленная четким текстовым описанием. Достаточное количество неполных данных содержится в статьях археологов, проводивших раскопки узкой площадью и изучавших лишь внутренне пространство оградок. В этой связи закономерной выступает постановка вопроса о наличии у отдельных таких построек внешних сооружений (балбалы, изваяния, стелы и пр.), которые оказались не зафиксированными. Последнее, конечно, можно проверить при повторном осмотре памятников, что, однако, не гарантирует снять трудности в атрибуции и последующей интерпретации получаемой информации. Наконец, важно помнить, что все поминальники в разной степени испытали на себе антропогенное воздействие и поэтому значительное число внеоградных конструкций к настоящему времени частично или полностью утрачено. Требование учитывать при классификации и типологии состояние всех элементов поминального комплекса выглядит вполне обоснованным (Кубарев В.Д., 1979, с. 149; 2001, с. 27; Васютин А.С., 1983б, с. 115), хотя полностью исключать из обработки памятники с предположительно «не сохранившимися» элементами не допустимо, поскольку они составляют довольно внушительную серию. Таким образом, для обстоятельного анализа могут быть привлечены чуть более половины располагаемых на сегодняшний день археологических материалов по тюркским оградкам, в неодинаковой степени введенных в научный оборот.

Источниковой базой нашего исследования стали сведения о раскопках 178 оградках в 53 пунктах Горного Алтая: Арагол, Онгудай, Яконур (Гаврилова А.А., 1965), Кудыргэ (Гаврилова А.А., 1965; Нестеров С.П., Милютин К.И., 1995; Илюшин А.М., 2000), Дъер-Тебе (Кубарев В.Д., 1978), Бар-Бургазы, Боротал, Елангаш, Уландрык, Кыпчыл-II (Кубарев В.Д., 1979), Юстыд (Кубарев В.Д., 1979, 1984), Туру-Алты, Айтэны, Терс-Акан, Шибе, Ак-Кообы, Каман-Тон, Узун-Язы, Мухор-Тархата, Ян-Гобо, Малталу, Кыпчыл, Согонолу, Чадыр, Макажан, Актру (Кубарев В.Д., 1984), Кер-Кечу (Илюшин А.М., 1983), Талдура-I (Могильников В.А., Елин В.Н., 1983), Бике-I (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990), Курата-II (Суразаков А.С.,1990), Кара-Коба-I (Могильников В.А., 1992, 1994), Дохло, Апшуяхта (Соёнов В.И., Соёнов М.И., 1992), Чендек (Соёнов В.И., Эбель А.В.), Кош-Тал (Суразаков А.С., 1993), Чобурак-I (Бородовский А.П., 1994), Булан-Кобы-IV (Мамадаков Ю.Т., 1994), Бертек-2 (Молодин В.И., 1994), Тогусхан-IV, Бойтыгем-II, IV (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1995), Кызыл-Таш (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1996), Мендур-Соккон-I (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1997), Пазырык, Сары-Коба-I–III (Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., 1997), Верх-Чепош-I (Бородовский А.П., 2001), Кишнег-Атудар-I (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001), Биченег (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2001, 2002, 2003), Яломан-II, VII (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003), Кальджин-6 (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В., 2004). Названные памятники представляют кызыл-ташский (2-я пол. V – 1-я пол. VI вв.), кудыргинский (2-я пол. VI – 1-я пол. VII вв.), ка-

тандинский (2-я пол. VII – 1-я пол. VIII вв.), туэктинский (2-я пол. VIII – 1-я пол. IX вв.), курайский (2-я пол. IX – 1-я пол. X вв.) этапы тюркской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, с. 82-91, 2005, с. 161-163)[1].

Структурирование указанного корпуса данных позволило определить комплекс наиболее существенных и надежно фиксируемых признаков, на основе которого удалось провести развернутую классификацию раннесредневековых поминальников обозначенного региона. Группирование намеченных параметров сравнения осуществлялось посредством шестичленной системы, включавшей в себя иерархию следующих таксонов: категория – группа – разряд – раздел – отдел – тип (Федоров-Давыдов А.Г., 1966, с. 11; Кызласов И.Л., 1983, с. 8-10; Неверов С.В., 1985, с. 193; и др.). Подобная схема является весьма эффективной для анализа значительного количества вариаций в возведении сооружений и выявления тенденций их взаимовстречаемости без аппеляции к статистико-комбинаторным методам. Выбор данного варианта систематизации обусловлен возможностью установить с его помощью общие, особенные и единичные черты конструкции тюркских оградок, а также проследить некоторые направления развития этих памятников в течение 2-й пол. V – 1-й пол. X вв. Такой подход в свое время дал положительные результаты при характеристике погребальной архитектуры кочевников Алтая раннего железного века и средневековья (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997, 2003; Соёнов В.И., 2003; Кондрашов А.В., 2004; Шмидт В.К., 2003; Матренин С.С., 2005а)[2]. Руководствуясь критерием всеобщности показателей, предлагаем такое содержание выше перечисленного набора классификационных ячеек.

I. Категория – группа объектов одного или предположительно одного функционального назначения (Клейн Л.С., 1991, с. 379). В данном случае этот таксон заключает в себе весь комплекс признаков в оформлении 178 (100%) тюркских оградок: форма, принцип расположения, внешние и внутренние объекты.

II. Группа – характеризует форму оградок в плане: округлые и подквадратные поминальники.

III. Разряд – учитывает принцип расположения оградок относительно друг друга. В соответствии с ним все памятники дифференцируются на одиночные, рядом стоящие, смежные (пристроенные).

IV. Раздел – показывает наличие или отсутствие у оградок внешних объектов: балбалы, изваяния/стелы, ямки (с остатками деревянных столбов и без таковых), каменные ящики, «ограды-жертвенники», кольцевые выкладки, рвы и валы.

V. Отдел – отражает ориентацию таких внешних объектов как балбалы, изваяния/стелы, ящики, «ограды-жертвенники» по сторонам горизонта относительно оградки, а также порядок размещения ямок (с остатками деревянных столбов и без них) вокруг сооружения (по периметру, по углам, вдоль стенки).

VI. Тип – определяет наличие или отсутствие внутри оградок ямок (с остатками деревянных столбов, либо пустых), каменных ящиков, стел, захоронений лошадей, «гнезд» из камней, а также фиксирует возможные комбинации названных объектов. На его уровне рассматриваются особенности оформления внутриоградного пространства.

Итогом классификации, построенной на дендограмме со сквозной нумерацией низших таксонов, стало выделено 72 типов оградок тюркской культуры Горного Алтая (табл. 1). Среди них наиболее распространенными оказались типы 20 (3,3%), 22 (3,9%), 39 (3,3%), 40 (5%), 44 (7,3%), 62 (3,3%), 72 (6,1%)[3]. Фиксируемое многообразие сочетаний элементов

[1] Многие оградки не могут быть датированы, поэтому верхняя хронологическая граница их возведения в рамках тюркской культуры не является окончательной.

[2] Недостатком в данном случае выступает существенная вариабельность признаков (прежде всего, нерепрезентативных в численном отношении, с учетом которых приходилось выделять некоторые объекты в отдельный тип), создающая на начальном этапе работы «информационный шум».

[3] Процентное соотношение типов в дальнейшем изменится и некоторые, пока немногочисленные и единичные образования, получат насыщение новым материалом, при этом не только с территории Горного Алтая. Полученные типы являются «рабочими» и их можно свести в более крупные таксономические единицы.

демонстрирует весь спектр конструктивных решений данных комплексов, вызванный совокупным действием факторов этнокультурного, хронологического, социального, мироззренческого порядка. Вариабельность формальных характеристик оградок кроется также в полисемантичности этих памятников и отражает разветвленную систему культов населения Алтая 2-й пол. I тыс. н.э.

Приведем следующие результаты общего статистического анализа показателей, реализованных в устройстве поминальников. Прежде всего, отметим абсолютное численное преобладание подквадратных построек (156 – 87,6%). Поминальников округлой формы учтено 28 (15,7%). В количественном отношении доминируют одиночные памятники, зафиксированные в 89 (50%) случаях. Удельный вес рядом стоящих и смежных комплексов в располагаемой выборке насчитывает соответственно 59 (33,1%) и 29 (16,2%) сооружений.

По степени встречаемости различных вариаций внешних объектов наиболее многочисленными являются оградки: без внешних объектов – 77 (43,2%), со стелами/изваяниями – 34 (19%), с балбалами – 25 (14%), с балбалами и стелами/изваяниями – 15 (8,4%). Если не рассматривать такие конструктивные элементы как ямы (7 случаев – 3,9%), каменные ящики (6 – 3,3%), «оградки-жертвенники» (1 – 0,5%), кольцевые выкладки (1 – 0,5%), то распределение указанных выше комбинаций будет выглядеть соответственно следующим образом: 80 (44,9%), 35 (19,6%), 29 (16,2%), 23 (12,9%) случаев. Остальные варианты сочетаемости внешних объектов не поднимаются выше 3% барьера. Надо отметить, что в данные подсчеты не вошли «княжеские» поминальники, отличающиеся от рядовых сооружений большим количеством дополнительных деталей. Согласно В.Д. Кубареву (1979, с. 148), это ограды, возведенные из четырех плит (юстыдский тип), либо окруженные валом и рвом (аютинский тип), которые находят много параллелей в тюркских комплексах Монголии. Поскольку число плит в устройстве оград не является важным при структурировании материала, в нашей классификации к «княжеским» отнесены все постройки, обнесенные валом и рвом. Анализ девяти (5%) подобных памятников показал наличие у четырех из них изваяний и балбалов, у двух – только изваяний. По одному случаю зафиксированы: изваяния, балбалы, ямы со столбами, «жертвенники»; изваяния, балбалы, ямы со столбами; только балбалы. Однако мы не исключаем, что за пределами всех мемориалов знати первоначально устанавливались изваяния и балбалы, которые не сохранились до настоящего времени.

Важным параметром выступает ориентация внешних объектов по сторонам горизонта относительно поминальника. Господствующим в размещении «внеоградных» конструкций было восточное направление (включая его отклонения) – 66 случаев (37%). Другие показатели наблюдаются существенно реже: на север – 25 (14%), на запад, в том числе, с отклонениями – 10 (5,6%), по углам – 2 (1,1%), на юг – 1 (0,5%) случаев.

При изучении «внутриоградных» сооружений выяснилось, что самыми распространенными выступают следующие ситуации: отсутствие внутренних объектов – 82 (46%), яма (с деревянным столбом / без него) – 45 (25,2%), стела – 19 (10,6%), каменный ящик – 18 (10,1%), захоронение лошади в яме – 14 (7,8%) случаев. Наиболее малочисленными являются поминальники с ямой и ящиком внутри одновременно (три оградки – 1,6%), а также со стелой и конским захоронением (одна оградка – 0,5%).

С опорой на разработанную классификационную схему удалось определить типологическую значимость разных конструктивных элементов и их взаимосочетаний. Это позволило наметить традиции возведения очерченного круг памятников, а также отметить отдельные тенденции изменения последних в течение 2-й пол. V – 1-й пол. X вв. Критерием для установления хронологии поминальников являлся, прежде всего, метод датированных аналогий сопроводительного инвентаря, и по мере возможности некоторые характеристики самих сооружений.

Возникновение традиции сооружения раннесредневековых оградок все исследователи напрямую связывают с генезисом тюркского этноса. Данный процесс на современном уровне осмысления археологических и письменных источников следует рассматривать как результат взаимодействия носителей булан-кобинской культуры с племенем Ашина, переселенным на Алтай жужанями в 460 г. (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, с. 180; 2005, с. 61). Памятники 2-й пол. V–1-пол.VI вв. выделены из остальной массы тюркских оградок сравнительно недавно и за пределами Горного Алтая достоверно пока не известны.

Раннюю группу оградок кызыл-ташского этапа представляют округлые рядом стоящие и одиночные сооружения (типы 1–12), большинство которых раскопано на могильнике Кара-Коба-I. Несколько одиночных объектов такой формы происходят из пунктов Верх-Чепош-I, Чендек, Биченег[4]. Все они не находят полных аналогий в раннетюркских материалах других регионов Центральной Азии. Анализ 28 (100%) подобных оград показал, что в 15 (53,7%) отсутствовали внутренние конструкции (типы 1, 4, 7, 10, 12), в 11 (39,2%) находились захоронения лошадей в ямах (типы 2, 6, 8, 9, 11), в одной располагалась яма со столбом (тип 3). Обращаясь к статье В.А. Могильникова (1994), нельзя не отметить, что все внешние объекты у кольцевых поминальников Кара-Коба-I этот исследователь интерпретировал как балбалы. Между тем по размерам и расположению относительно оградок многие из них, являются, скорее всего, стелами. Тогда получается, что на данном памятнике сооружений с балбалами насчитывается семь (типы 5, 6, 7), с изваяниями/стелами – восемь (типы 9, 10), со стелами и балбалами – четыре (типы 2, 8). Конечно, к приведенному количественному раскладу нужно относиться с некоторой долей условности, поскольку опубликованные планы не являются безупречными и по ним трудно прийти к окончательным выводам. Показательно, что у кольцевых оградок отчетливо выражено своеобразие в ориентировке зафиксированных внеоградных элементов, которые в 19 (67%) случаях размещались к северу. По мнению В.А. Могильникова (1994, с. 100), возведенные на некрополе Кара-Коба-I округлые оградки предшествовали подквадратным сооружениям, что подтверждается наблюдениями стратиграфического характера: к одной из округлых оград пристроены два четырехугольных объекта (№6, 7 – без инвентаря), на изготовление которых пошла часть кладки кольца №2 комплекса №86. С данным выводом, на наш взгляд, следует согласиться, равно как и с предположением, что погребение лошади в прямоугольной оградке №109 может являться пережитком ритуала захоронения этого животного в кольцевых поминальниках (Могильников В.А., 1992, с. 112).

Округлые оградки тюрок, очевидно, генетически восходят к погребально-поминальной обрядности населения Горного Алтая хунно-сяньбийского периода. К настоящему моменту изучена уже серия кольцевых оград булан-кобинской культуры, содержавших, в том числе, захоронения лошадей (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 20, 23; Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В., 1992, с. 60, рис. 1; Соёнов В.И., 1999, с. 134-135; Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 489, 491-492). От средневековых комплексов они отличаются редким присутствием вещей, немногочисленностью фиксируемых остатков ритуальных действий, отсутствием внеоградных конструкций, расположением рядом с синхронными или близкими по времени курганами. Данные постройки не отражали устойчивой традиции, хотя и сооружались на протяжении всего II в. до н.э. – V в. н.э. Архаичность кара-кобинских поминальников подтверждается также близостью с погребальными памятниками 1-й пол. I тыс. н.э. в технике возведения многослойных колец-стенок и отчасти в планиграфии (тесное, рядное размещение). Приведенное сравнение тем более важно, если учесть, что «булан-кобинцы» практиковали возведение «поминальных» (без следов захоронения) и «миниатюрных» кенотафов (Матренин С.С., 2005б, с. 37), а многие действия поминального характера могли проводиться на курганах или вблизи них. В.И. Соёнов (2003, с. 55-56) допускает, что объекты булан-кобинской культуры, внешне не отличимые от обычных курганов, но не содержавшие могил, в значительной мере могут быть связаны с ритуальной сферой. Во 2-й пол. I тыс. н.э. специально организованные пространства, предназначенные преимущественно для разных по содержанию обрядов, постепенно дистанцируются друг от друга.

Таким образом, могильник Кара-Коба-I отражает, вероятно, процесс поиска нового поминальной практики, которая под преобладающим влиянием внешнего фактора была вытеснена широко распространившейся на Алтае в VI–VII вв. традицией устройства четырех-

[4] Судя по предварительным публикациям раскопок комплекса Биченег, подобных сооружений на этом памятнике больше (Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы., 2003, с. 510-514). В классификации нами использована только отдельно стоящая кольцевая оградка №12, поскольку для остальных объектов не приводится четкая информация о принципе их расположения. Округлые оградки из вертикально поставленных стеловидных плит обнаружены на памятниках Кызыл-Джар-I, VI, Талдура-II (Васютин А.С., 1983б, с. 115).

угольных оград. Обычай сооружения кольцевых оград, характерный для менее многочисленной группы тюрок, оказал определенное влияние на эволюцию подквадратных построек, так как на кызыл-ташском этапе оба варианта памятников какое-то время сосуществовали.

Подквадратные оградки составляют самый внушительный массив памятников 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв., включающий 49 датированных лишь только по инвентарю объектов. Традиция строительства данных «мемориалов» в Горном Алтае в предыдущую эпоху не известна, а единичные сооружения обозначенной формы в скифское время (Ларин О.В., 1990, с. 192-196; Худяков Ю.С., 2001, с. 126; Дворников Э.П., 2004, с. 18, 19, 20) нельзя напрямую связывать с культурным комплексом тюрок. Располагаемый к настоящему моменту объем археологических материалов не позволяет положительно решить вопрос о местном их появлении, демонстрируя несостоятельность попыток датировки таких объектов хунносяньбийским временем (Мамадаков Ю.Т., 1994, с. 59; Николаев Н.Н., 2001, с. 209-210; Дворников Э.П., 2004, с. 19, 21-22) [5].

Одиночные подквадратные оградки (типы 13–44) бытовали на протяжении 2-й пол. V –1-й пол. IX вв. и отличались наибольшей вариабельностью устройства. Самой массовой конструкцией этой группы сооружений является яма в центре (с остатками деревянного столба и без него), отмеченная для типов 13, 19, 31–33, 35–39, 43[6]. Это говорит в пользу того, что установка «деревьев» в оградах имела большое значение в сакральной символике тюрок (Кубарев В.Д., 1984, с. 63, 70; Герасимова К.М., 1989, с. 170-173; Войтов В.Е., 1996, с.116; и др.). Выяснилось, что яма со столбом чаще всего сочетается с изваяниями/стелами, расположенными с восточной стороны (тип 20), а также фиксируется в оградках без внешних объектов (тип 39). Данный показатель в равной степени коррелирует с изваяниями (стелами) и балбалами (типы 28, 33, 35, 36), с балбалами и каменными ящиками снаружи (тип 31) или внутри (тип 43). Таким образом, яма выступает универсальным признаком, встречающимся в одном комплексе с различными внешними и внутренними объектами вплоть до 2-й пол. IX – 1-й пол. X вв.

Достаточно распространенным элементом одиночных оградок является каменная стела в центре. Поминальники с таким оформлением представлены в основном типом 40, который характеризуется отсутствием внешних сооружений. Датировка инвентаря, найденного в огр. №109 Кара-Коба-I (2-я пол. V – 1-я пол. VI вв.), огр. Г Сары-Коба-II (2-я пол. VIII – 1-я пол. IX вв.), огр. №2 Талдура-I (2-я пол. VIII – 1-я пол. IX вв.), огр. №1 Дохло (2-я пол. VI – 1-я пол. VII вв.) свидетельствует, что период существования отмеченного варианта конструкции укладывается в рамки 2-й пол. V – 1-й пол. IX вв. Не будучи универсальным, данный признак, тем не менее, обнаруживает сочетаемость с балбалами (типы 14, 45), захоронением лошади (тип 16), стелами, расположенными по углам (тип 25), либо с восточной стороны (тип 64) памятников. Последнее говорит о том, что каменная стела, устанавливаемая в центре оградок, никак не связана с обликом покойного, поскольку эту роль выполнял «главный антропоморфный балбал», заменяющий изваяние.

Следует обратить внимание на одиночные оградки с каменным ящиком внутри и снаружи, равноценные в количественном отношении с аналогичными по размещению поминальникам со стелой в центре. Данная черта присуща разным типам поминальных сооружений (типы 15, 18, 19, 26, 34, 38, 41, 43) и обнаруживает высокий уровень сопряженности с разными параметрами. Из 21 поминальника, обладающего указанным показателем, 19 принадлежат кызыл-ташскому этапу. Более позднюю хронологию имеет памятник на перевале Ян-Гобо (тип 34). Его особое место на фоне других тюркских оградок Горного Алтая определяют большие размеры (13,5х13,5 м), массивная конструкция (47 плит), большой прямоугольный ящик в центре (Кубарев В.Д., 1984, с. 54). Все это не характерно как для

[5] Поскольку многие показатели в равной степени характерны для большей части памятников, при проведении сравнительного анализа подквадратных оградок внимание акцентировалось на выделении признаков и их сочетаний, которыми обладают разные по планиграфии объекты.

[6] В соответствии с классификациями А.А. Гавриловой и В.Д. Кубарева (1984), одиночные оградки не датируются раннетюркским периодом. В связи с получением новых материалов и переосмыслением старых источников стал более четко вычерчиваться круг объектов (типы 13, 15, 16, 18, 19, 24, 26, 30, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 48, 49, 51), появление которых до 552 г. не вызывает сомнения.

мемориалов аристократии, так и оградок рядового населения Алтая. Рассматриваемое монументальное сооружение по планиграфии, деталям конструкции, составу находок схоже с Бугутским комплексом и датируется эпохой Великого тюркского каганата (Войтов В.Е., 1996). Другой «нетипичный» объект – «каганско-княжеский» мемориал из урочища Малталу (огр. №1), окруженный валом и рвом, с ящиком и ямой со столбом внутри, с изваянием и балбалами с восточной стороны, с ямами со столбами по периметру (тип 38). По реалиям изваяния он относится ко 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв. Описанные ограды составляют исключение, чем правило, поскольку возведены для тюркской элиты.

Завершая характеристику, укажем, что у данной группы памятников более часто по сравнению с другими по размещению комплексами фиксируется «нестандарное» положение внешних объектов с западной (типы 18, 19, 23, 24), северной и (или) южной (типы 26, 31) сторон, по периметру / углам (типы 25, 32, 33, 34, 36) построек. В своем большинстве данные случаи относятся ко 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. и, возможно, характеризуют начальный этап развития тюркской поминальной обрядности. Ранее нами уже отмечалось, что северное и западное направление в ориентации внешних сооружений – одна из особенностей кольцевых оград.

Анализ рядом стоящих подквадратных оградок (типы 45–62) показал, что время их существования соответствует 2-й пол. V – 1-й пол. X вв. Они представляют, как правило, самостоятельное скопление из нескольких (от двух до четырех) объектов и отличаются наиболее частым нахождением с восточной стороны различных внешних конструкций. Для них выявлена редкая встречаемость таких признаков как «стела в центре» и «ящик внутри»: первый выявлен в четырех, второй – в трех поминальниках. Две оградки с каменными ящиками содержали сопроводительный инвентарь кызыл-ташского этапа. Учитывая сравнительно немногочисленные данные, пока нужно только отметить, что стела в центре рядом стоящей оградки может сочетаться с балбалами (тип 45), со стелой и балбалами с восточной стороны (тип 51), либо не иметь внеоградных сооружений (тип 60). Соотношение ящика с внешними и с внутренними объектами оказалось следующим: в двух оградках обозначенный показатель коррелирует с «ящиками снаружи» (типы 48, 49), а в одном случае не располагает какими-либо дополнительными конструкциями (тип 61). В подквадратных рядом стоящих оградках отсутствуют захоронения лошадей, что, вероятно, отражает хронологическую разновременность этого элемента и описанной группы памятников.

К сожалению, для этой совокупности сооружений имеется небольшая серия датировок, значительная часть которых соответствует периоду после образования Великого тюркского каганата. Интересно, что ранние рядом стоящие оградки, раскопанные на могильнике Кудыргэ, находились на небольшом расстоянии от «цепочки» смежных памятников. Возможно, такая планиграфическая ситуация обусловлена тем, что все оградки данного некрополя оставлены родственными коллективами кочевников, проживавших во 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. Рядом стоящими являются многие оградки тюркской знати, для которых в пяти из семи случаев не отмечено внутренних конструкций. Какими причинами это вызвано пока не ясно. Рядом стоящие поминальники (тип. 58) появляются в Горном Алтае во 2-й пол. VI вв. (Войтов В.Е., 1996, с. 23). Большинство данных комплексов (типы 55, 56, 57) в изучаемом регионе датируются 2-й пол. VII – 1-й пол. VIII вв., что связано с возрождением культуры тюрок и ее господством в Центральной Азии (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2002, с. 86), а также является результатом подражания каганско-княжеским мемориалам Монголии.

Смежные подквадратные поминальники (типы 63–72) возводились преимущественно на кызыл-ташском этапе, хотя такие памятники, в основном без внешних и внутреннних объектов (тип 72), функционировали вплоть до катандинского этапа, о чем свидетельствуют находки инвентаря в одной из чадырских оградок. Обнаруженный в данных комплексах набор вещей не позволяет рассматривать период их сооружения в более широких хронологических рамках. Известные нам смежные сооружения принадлежат рядовому населению, поскольку у них не отмечены рвы и валы.

В располагаемой нами выборке большинство смежных оградок (типы 68–72) лишены внешних объектов, что, конечно, требует проверить на большем количестве материала.

Среди зафиксированных за пределами мемориалов объектов в трех случаях это стелы / изваяния к востоку или по углам (типы 63–65), в двух – стелы / изваяния и балбалы (тип 57), в одном – каменный ящик (тип 66). Захоронение лошади в пристроенном памятнике встречено один раз (тип 71). Выявить определенные закономерности в оформлении внутреннего пространства этих сооружений не представляется возможным по причине их малочисленности.

Несмотря на то, что большинство типов оградок сосуществовали на протяжении длительного времени и не имеют узкой датировки, можно наметить формальные признаки, характерные преимущественно для раннего этапа (2-я пол. V – 1-я пол. VI вв.) тюркской культуры (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002, с. 178-179; Сарафанов Д.Е., 2003, с. 302-303). Во-первых, это округлая форма сооружения. Во-вторых, пристройка (смежность) оградок. В-третьих, наличие каменных ящиков, в которых, как правило, встречаются отдельные предметы вооружения и снаряжения верхового коня. Нахождение таких конструкций в раннетюркских оградках является отголоском широко распространенной в Горном Алтае в предыдущую, хунно-сяньбийскую эпоху, традиции захоронения в каменных ящиках. В-четвертых, присутствие захоронений лошади в яме (Мендур-Соккон-I, огр. №2; Буран-Кобы-IV, огр. №44; Кара-Коба-I, огр. №109; Кишнег-Атудар, огр. №5). Последняя черта у квадратных оградок связана с округлыми поминальниками (дотюркское наследие) и доказывает, что временная разница между ними была не продолжительная[7]. Захоронения лошадей обнаружены в трех одиночных и одной смежной постройках. В-пятых, на поминальных памятниках, соответствующих данному этапу, нам пока не известно реалистических изваяний. У подквадратных оград отмечена относительная не многочисленность стел (типы 63–65, 20–23, 30: восемь случаев из 57) и балбалов (типы 13, 15, 16, 18, 19, 30, 51: девять случаев).

Наибольшая вариативность поминальных комплексов 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв., демонстрирующая определенные отклонения от сложившейся впоследствии нормы, подтверждает участие в формировании обычая возведения подобных построек местного и пришлого этнокультурных компонентов. Приведенные показатели дают возможность с большой долей вероятности датировать значительное число объектов, не содержащих инвентаря. Кроме всего следует добавить, что в состав конской амуниции, из поминальников кызыл-ташского этапа, всегда входит одно стремя, тогда как в последующее время они составляют пару (Горбунов В.В., Тишкин А.А., 2002, с. 179).

Проследить эволюцию конструкций в течение 2-й пол. V – 1-й пол. VI вв. пока затруднительно. В этом контексте, пожалуй, следует привести точку зрения В.А. Могильникова (1992, с. 190), что ямы с остатками деревянных столбов занимают место ящиков, по крайней мере, в Кара-Кобе, они взаимоисключали друг друга, что обусловлено различиями хронологического или этнического порядка. Учитывая, однако, то обстоятельство, что ямы с остатками деревянных столбов и ящики несут на себе разную функционально-смысловую нагрузку, они не являться взаимоисключающими. Подтверждением этому выводу служат оградка №64 Кудыргэ (тип 43) и оградка №1 Малталу (тип 38), которые сочетают оба параметра.

Проведенные систематизация и анализ позволяют перейти к рассмотрению критериев объединения поминальных сооружений тюркской культуры в образования более высокого таксономического уровня. Необходимость такой процедуры вызвана тем, что широко используемая в настоящее время классификация оградок В.Д. Кубарева (1978, 1984), при всем своем удобстве, допускает ситуации, когда один объект может сочетать в себе базовые черты разных типов памятников (Могильников В.А., 1992, с. 167). Например, наличие стелы в центре ограды, считается отличительной особенностью уландрыкского типа поминальников, несмотря на то, что указанный признак одинаково присущ различным по размещению комплексам. Помимо этого, некоторые одиночные и рядом стоящие оградки (преимущественно кызыл-ташского этапа) не могут быть отождествлены ни с одним из типов, выделенных ранее А.А. Гавриловой и В.Д. Кубаревым (Неверов С.В., Горбунов В.В., 1995, с. 170).

[7] Не исключено, что квадратные оградки на начальном этапе развития выступали своего рода «миниатюрными» кенотафами, на что указывает сходство таких сооружени с погребальными памятниками по наличию каменного ящика, а также линии ориентации его длинной оси.

Структурирование материала на основе шестичленной схемы позволяет проверить выявленные тенденции соотношения признаков посредством автоматической классификации на базе компьютерных продуктов. Для подобной корреляции были задействованы 20 признаков, которые кодировались в зависимости от наличия (1) или отсутствия (0) в конкретном памятнике[8]. Каждый тип, независимо от своей количественной представительности, рассматривался, таким образом, как один объект. Заполненная матрица дихотомических данных по 72 оградкам с несовпадающим набором элементов обрабатывалась с помощью программы нечеткой классификации FUZZYCLASS (Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997). Ее достоинство заключается в возможности отнесения одного памятника сразу к нескольким классам с оценкой веса принадлежности к каждому из них, а также дифференциации ядра и периферии классов[9].

Анализ формализованной информации показал, что наиболее оптимальным является выделение пяти типологических групп сооружений. Они определялись связью объектов по множеству частных свойств, значительно превышавшую подобную сопряженность с другими объектами, но предполагающую для них общности учитываемых критериев (Клейн Л.С., 1991, с. 361). За эталонные брались комплексы, степень принадлежности которых к группе составляла не менее 67%. Таких оградок оказалось в первой группе – десять, во второй – 15, в третьей – шесть, в четвертой – 14, в пятой – 12. Поминальники, не преодолевшие установленный барьер, составили периферию групп, хотя принадлежность некоторых из них к какому-то определенному классу точно не идентифицирована.

Приведем характеристику ядер полученных скоплений. В *первую группу* попали все смежные подквадратные объекты (типы 63–72). Согласно терминологии А.А. Гавриловой (1965, с. 99-100), эту совокупностью поминальных сооружений можно называть *«кудыргинской»*. *Вторую группу* представляют 15 одиночных подквадратных оградок (типы 13–16, 18, 19, 26, 31, 39, 40–44), среди которых девять принадлежат кызыл-ташскому этапу. У них прослеживается достаточно сильная традиция установки балбалов, преимущественно с восточной стороны (типы 17, 20, 21, 22, 23, 31). Важными признаками многих памятников выступают яма в центре (типы 13, 19, 31, 39, 43), каменный ящик внутри или (и) снаружи оградки (типы 15, 18, 26, 31, 41, 43). Последний конструктивный элемент является датирующим (2-я пол. V – 1-я пол. VI вв.). Для данной группы предлагаем рабочее название *«булан-кобинская»*. В *третью группу* вошли одиночные подквадратные объекты с изваяниями и балбалами с восточной стороны (типы 29, 28, 33, 34, 38, 37). В пяти оградках имелись ямы внутри или (и) снаружи. Объединение в данный класс происходило, по-видимому, на основе совпадения этих критериев. Показательно, что сюда же относятся два мемориала знати из Малталу со рвом и валом. Этот признак, на наш взгляд, является, прежде всего, социально дифференцирующим. Указанную совокупность памятников можно обозначить *«юстыдской»* (Кубарев В.Д., 1979, с. 149; 1984, с. 49-51). Ч*етвертая группа* включает рядом стоящие подквадратные оградки, причем как рядовые (типы 45–54, 59–62), так и «каганско-княжеские» (типы 55–58). Для половины объектов характерны изваяния и балбалы к востоку. За этой группой сооружений следует сохранить общепринятое наименование – *«яконурская»* (Гаврилова А.А., 1965, с. 99-100). Наибольшая степень принадлежности к своему классу отличает оградки *пятой группы*: одиночные и рядом стоящие поминальные сооружения округлой формы (типы 1–12), у которых сильны традиции установки стел и балбалов с северной стороны, а также захоронения лошадей в ямах. По базовому памятнику ее следует называть *«кара-кобинской»*.

Выполненная классификация тюркских оградок Горного Алтая свидетельствует, что группобразование осуществлялось, прежде всего, на основе принципа расположения и формы сооружений, а затем уже за счет внеоградных элементов. Остальные показатели не выполняли столь значимой роли в объединении типов, поскольку являлись общими для многих объектов. В процессе автоматической корреляции не были выявлены качественно новые закономерности или скрытые сочетания признаков. Тем не менее, удалось

[8] Список признаков был таким же, что и при «ручной» классификации.

[9] Выражаем благодарность декану исторического факультета АлтГУ, В.Н. Владимирову, за возможность использования оригинального программного продукта, разработанного д.и.н. МГУ Л.И. Бородкиным и И.М. Гарсковой.

подтвердить правомерность использования в археологической литературе таких понятий как «кудыргинский», «юстыдский», «яконурский» типы оградок, однако, с учетом их трактовки в качестве групп, а также показать необоснованность выделения уландрыкского и аютинского типов поминальников раннего средневековья. Установка стел в центре оградок указывает, скорее всего, на существование у тюрок особой формы поминального обряда, который не получил реализации в устройстве какой-то одной разновидности памятников. Нами были получены дополнительные свидетельства, доказывающие, что мемориалы тюркской аристократиии изучаемого региона в целом возводились по единому канону с рядовым населением и фиксируемые от него отступления (большие размеры построек, многочисленность конструкций, в том числе, наличие вала и рва), не несут на себе типологической нагрузки, будучи социально диагностирующими показателями. Полученные выводы демонстрируют эффективность обоих методов классификации поминальных сооружений Горного Алтая 2-й пол. I тыс. н.э., которые дали схожие и взаимодополняющие результаты.

Таким образом, на достаточно емкой источниковой базе проведен формальный анализ всех частей поминальных оградок Горного Алтая раннего средневековья и осуществлена их многоуровневая корреляция на основе различных методов. Сопоставление набора общих, особенных и единичных признаков по хронологическим этапам позволило обозначить некоторые тенденции изменения данных памятников в течение 2-й пол. V – 2-й пол. X вв. и четко выделить отличительные черты поминальников кызыл-ташского этапа тюркской культуры. К сожалению, вопрос о происхождении и развитии данных археологических комплексов остается пока открытым. Вариабельность конструкций обусловлена причинами хронологического и этнокультурного порядка, многообразием культовой практики тюрок Алтая, отражает полисемантичность таких построек. Конечно, некоторые выводы по систематизации, хронологии и типологии оградок предварительные и нуждаются в проверке на более обширном, в том числе неопубликованном археологическом материале, введение которого в научный оборот повысит результативность решения рассмотренных проблем.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6-2 вв. до н.э. – Барнаул, 1997. – 146 с.
2. Бородовский А.П. Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на Средней Катуни // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 75-82.
3. Бородовский А.П. Позднетюркский поминальник на нижней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского Края. – Барнаул, 2001. – Вып. XII. – С. 176-179.
4. Васютин А.С. Культовые памятники древних тюрок Горного Алтая (VII – X вв. н.э.). Автроеф. … дис. канд. ист. наук. – Кемерово, 1983а. – 16 с.
5. Васютин А.С. К истории исследования ритуальных памятников в Горном Алтае // Археология Южной Сибири. – Кемерово, 1983б. – С. 113-117.
6. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VII вв. – М., 1996. – 152 с.
7. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. –144 с.
8. Горбунов В.В., Тишкин А.А. Алтай как регион формирования тюркского этноса // Учение Л.Н. Гумилева и современность. – СПб., 2002. – С. 174-180.
9. Дворников Э.П. Поминальные памятники древних и средневековых кочевников Горного Алтая. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
10. Илюшин А.М., Сулейменов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987-1988гг. // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – №2. – С. 93-103.

11. Киреев С.М., Кудрявцев П.И., Вайнбергер Е.В. Археологические исследования в Уймонской котловине // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 59-61.
12. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. – Ч. I. – Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 232 с.
13. Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991. – 448 с.
14. Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сросткинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VIII – XII вв. н.э.). Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
15. Кубарев В.Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дъер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С.86-99.
16. Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С. 135-160.
17. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск, 1984. – 231 с.
18. Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул, 2001. – С. 24-54.
19. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. – Барнаул, 1990. – С. 43-95.
20. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М., 1983. – 128 с.
21. Ларин О.В. Исследования на могильнике Айрыдаш-II // Археологические исследования на Катуни. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 192-197.
22. Мамадаков Ю.Т. Ритуальные сооружения булан-кобинской культуры // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С. 58-63
23. Матренин С.С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005а. – Вып. 1. – С. 105-119.
24. Матренин С.С. Способы захоронения населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005б. – Вып. 2. – С. 35-51.
25. Могильников В.А. Древнетюркские оградки Кара-Коба-I // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 175-212.
26. Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки и курганы Кара-Коба-I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С. 94-116, 257-280.
27. Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 127-153.
28. Молодин В.И. Культовый комплекс Бертек-2 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск, 1994. – С. 124-127.
29. Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск, 2004. – Материалы по археологии Сибири. – Вып. 3. – 256 с.
30. Неверов С.В. Костяные пряжки сросткинской культуры // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С. 192-206.
31. Неверов С.В., Горбунов В.В. Древнетюркские поминальные оградки Средней Катуни // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1995. – С. 167-170.
32. Нестеров С.П., Милютин К.И. Средневековые памятники под горой Карали-Ярык // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995. – С. 156-177.
33. Николаев Н.Н. Некоторые аспекты синхронизации булан-кобинской культуры Горного Алтая // Евразия сквозь века. – СПб, 2001. – С. 208-210.

34. Сарафанов Д.Е. Характеристика поминальных сооружений кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI вв.) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск, 2003. – С. 301-303.
35. Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск, 2003а. –160 с.
36. Соёнов В.И. К вопросу об изучении ритуальных памятников гунно-сарматской эпохи на Алтае // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2003б. – Т.2. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 54-56.
37. Соёнов В.И., Соёнов М.И. Исследования средневековых поминальных и ритуальных сооружений в Горном Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск, 1992. – С. 71-72.
38. Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуни. – Горно-Алтайск, 1992. – 116 с.
39. Соёнов В.И., Эбель А.В. Ритуальные сооружения могильника Мендур-Соккон-I // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – №2. – С. 103-115.
40. Соёнов В.И., Эбель А.В. Новые материалы из алтайских оградок // Гуманитарные науки Сибири. Серия: археология и этнография. – Новосибирск, 1996. – №3. – С. 115-118.
41. Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С. 25-45.
42. Суразаков А.С. Раскопки памятников Курата-II и Кор-Кобы-I //Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 56-96.
43. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2002. – №9. – С. 82-91.
44. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. I. –С. 488-493.
45. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005. – 200 с. + вкл.
46. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – №2. – С. 19-24.
47. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003. – 430 с.
48. Федоров-Давыдов А.Г. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М., 1966. – 275 с.
49. Худяков Ю.С. Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985. – С. 168-184.
50. Худяков Ю.С. Раскопки поминальных сооружений в долине р. Ороктой // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2001. – №6. – С. 124-131.
51. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Изучение древнетюркских поминальных комплексов в бассейне р. Эдиган // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – Т. VII. – С. 456-470.
52. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Продолжение раскопок поминальника Биченег // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII. – С. 479-483.
53. Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Кыпчакова К.Ы. Раскопки поминальника Биченег в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. –Ч. I. – С. 510-515.

Таблица к статье Матренина С.С. и Сарафанова Д.Е.

Табл. 1. Классификация тюркских оградок Горного Алтая.

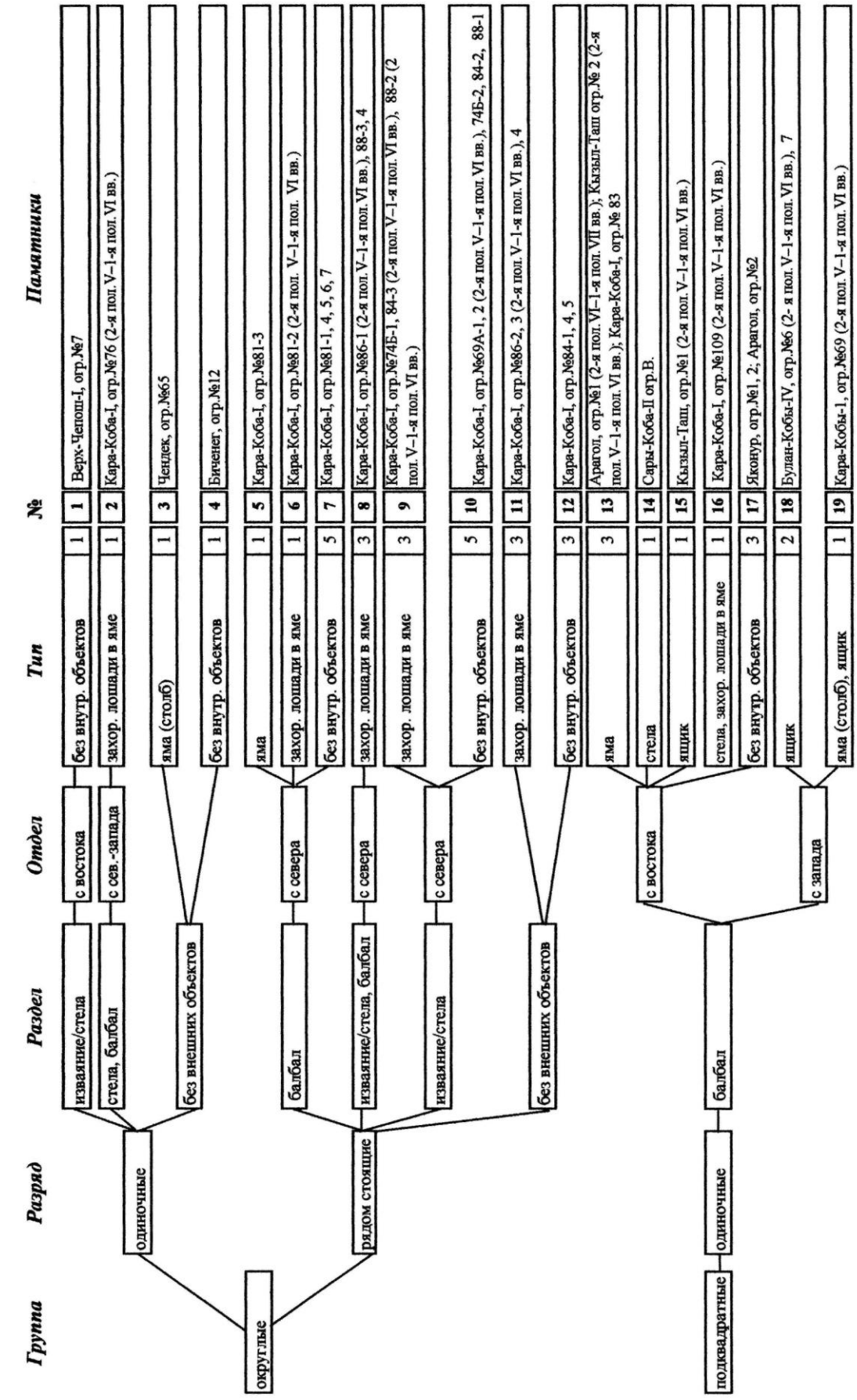
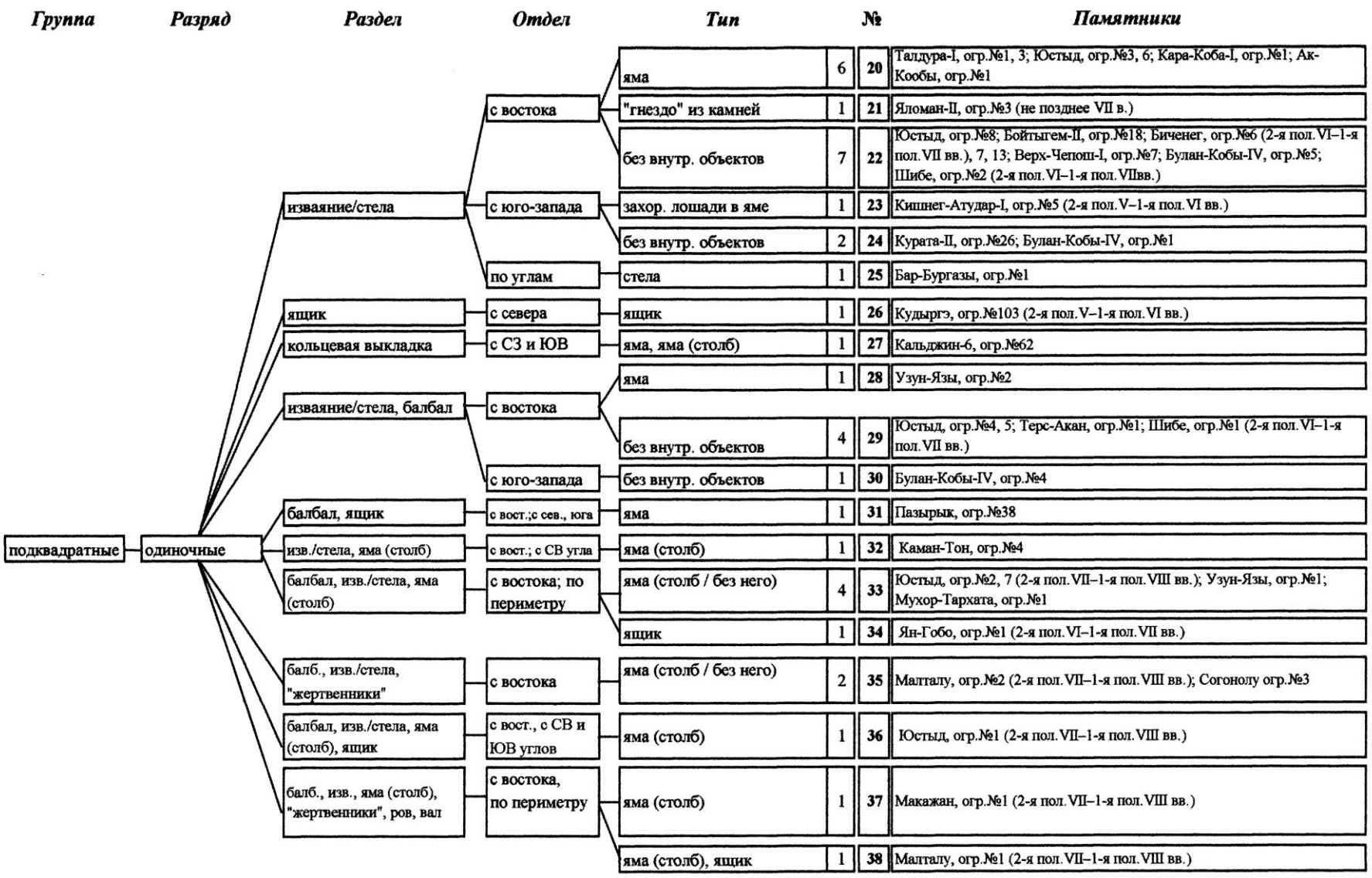


Таблица 1 (начало)



Группа	Разряд	Раздел	Отдел	Тип		№	Памятники
подквадратные	одиночные	изваяние/стела	с востока	яма	6	20	Талдура-I, огр.№1, 3; Юстыд, огр.№3, 6; Кара-Коба-I, огр.№1; Ак-Кообы, огр.№1
				"гнездо" из камней	1	21	Яломан-II, огр.№3 (не позднее VII в.)
				без внутр. объектов	7	22	Юстыд, огр.№8; Бойтыгем-II, огр.№18; Биченег, огр.№6 (2-я пол. VI–1-я пол. VII вв.), 7, 13; Верх-Чепош-I, огр.№7; Булан-Кобы-IV, огр.№5; Шибе, огр.№2 (2-я пол. VI–1-я пол. VIIвв.)
			с юго-запада	захор. лошади в яме	1	23	Кишнег-Атудар-I, огр.№5 (2-я пол. V–1-я пол. VI вв.)
				без внутр. объектов	2	24	Курата-II, огр.№26; Булан-Кобы-IV, огр.№1
			по углам	стела	1	25	Бар-Бургазы, огр.№1
		ящик	с севера	ящик	1	26	Кудыргэ, огр.№103 (2-я пол. V–1-я пол. VI вв.)
		кольцевая выкладка	с СЗ и ЮВ	яма, яма (столб)	1	27	Кальджин-6, огр.№62
		изваяние/стела, балбал	с востока	яма	1	28	Узун-Язы, огр.№2
				без внутр. объектов	4	29	Юстыд, огр.№4, 5; Терс-Акан, огр.№1; Шибе, огр.№1 (2-я пол. VI–1-я пол. VII вв.)
			с юго-запада	без внутр. объектов	1	30	Булан-Кобы-IV, огр.№4
		балбал, ящик	с вост.;с сев., юга	яма	1	31	Пазырык, огр.№38
		изв./стела, яма (столб)	с вост.; с СВ угла	яма (столб)	1	32	Каман-Тон, огр.№4
		балбал, изв./стела, яма (столб)	с востока; по периметру	яма (столб / без него)	4	33	Юстыд, огр.№2, 7 (2-я пол. VII–1-я пол. VIII вв.); Узун-Язы, огр.№1; Мухор-Тархата, огр.№1
				ящик	1	34	Ян-Гобо, огр.№1 (2-я пол. VI–1-я пол. VII вв.)
		балб., изв./стела, "жертвенники"	с востока	яма (столб / без него)	2	35	Малталу, огр.№2 (2-я пол. VII–1-я пол. VIII вв.); Согонолу огр.№3
		балбал, изв./стела, яма (столб), ящик	с вост., с СВ и ЮВ углов	яма (столб)	1	36	Юстыд, огр.№1 (2-я пол. VII–1-я пол. VIII вв.)
		балб., изв., яма (столб), "жертвенники", ров, вал	с востока, по периметру	яма (столб)	1	37	Макажан, огр.№1 (2-я пол. VII–1-я пол. VIII вв.)
				яма (столб), ящик	1	38	Малталу, огр.№1 (2-я пол. VII–1-я пол. VIII вв.)

Таблица 1 (продолжение)

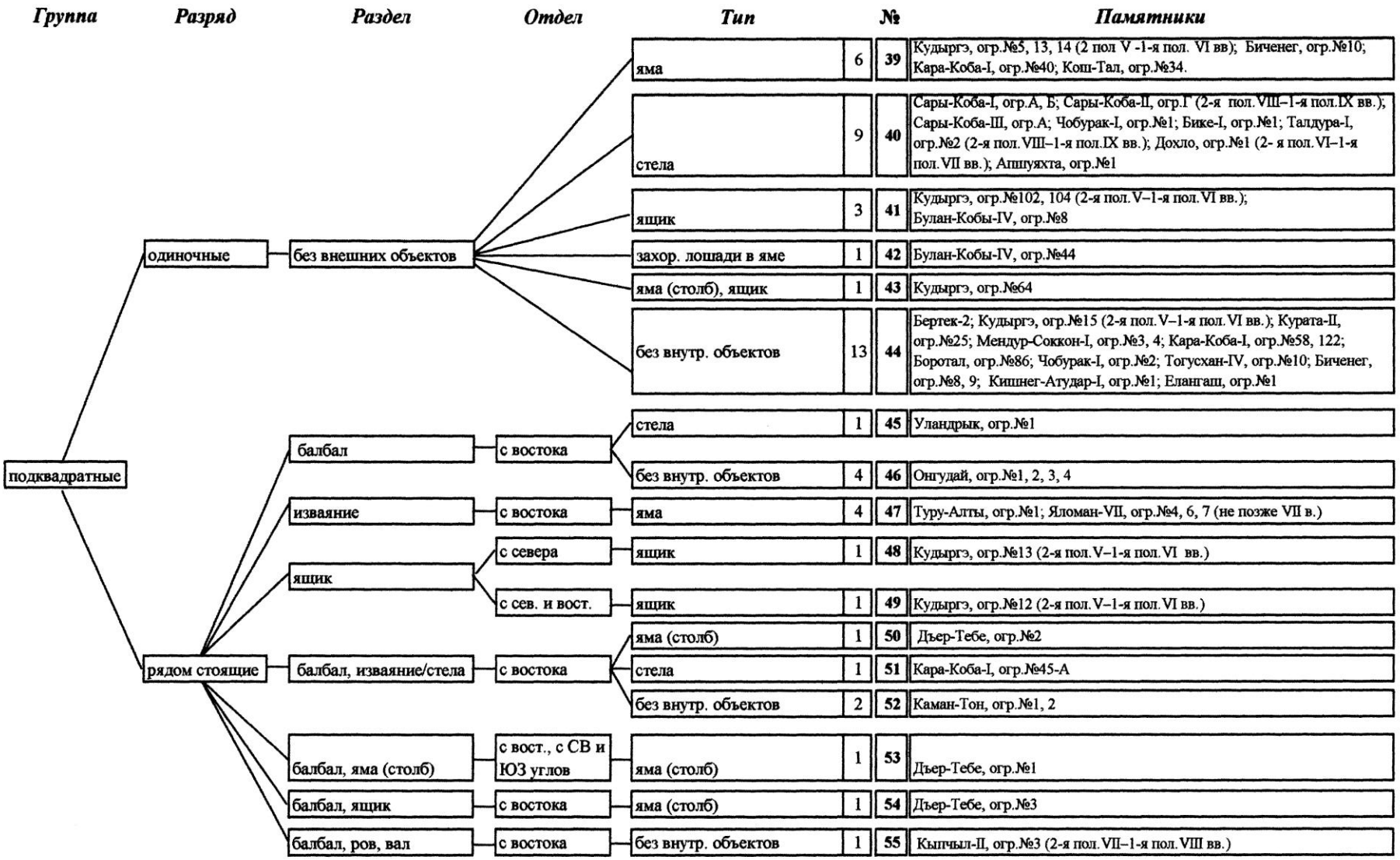


Таблица 1 (продолжение)

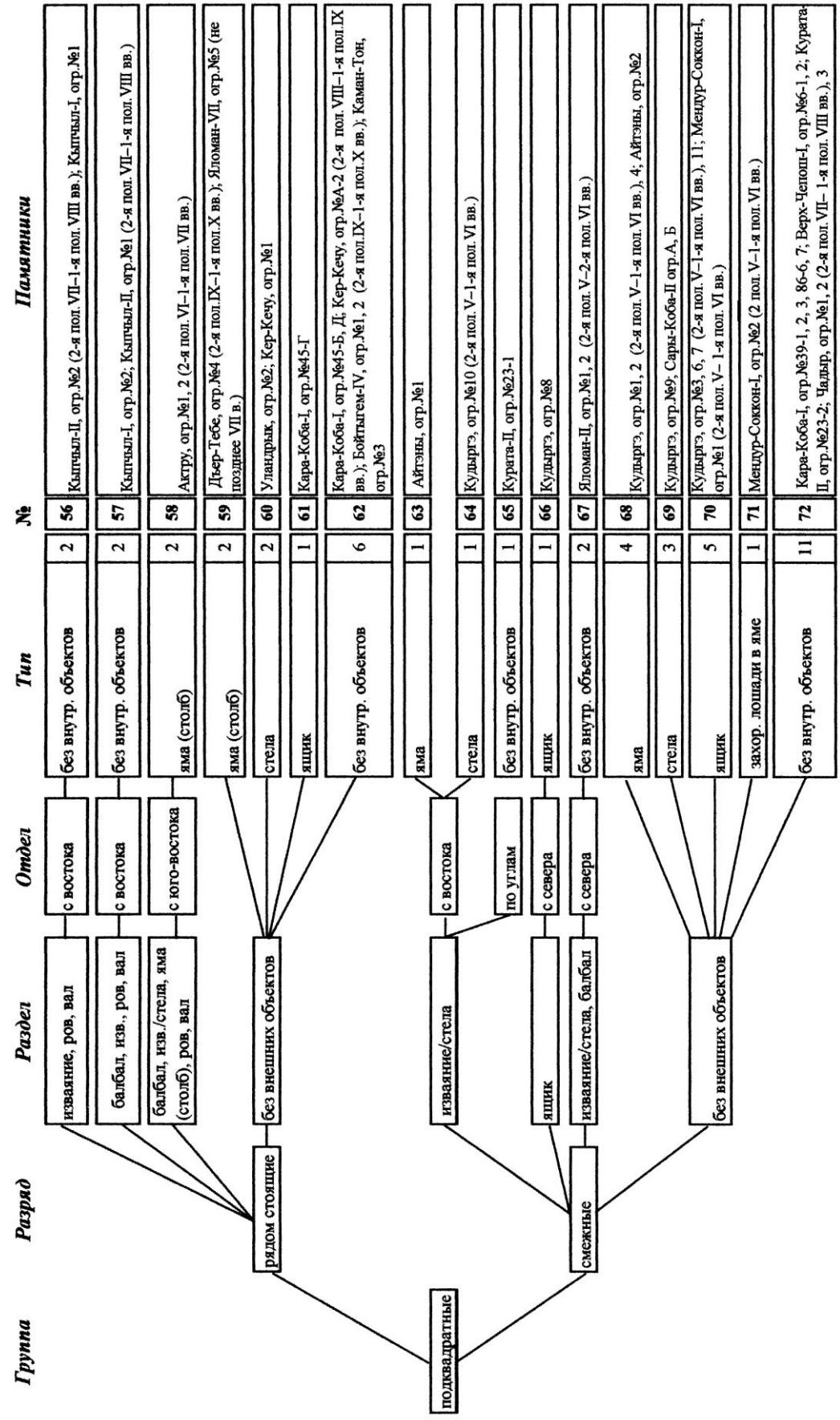


Таблица 1 (окончание)

Миклашевич Е.А.
(г.Кемерово)

РИСУНКИ НА СКАЛАХ У ДЕРЕВНИ ТУЭКТА (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)

Местонахождение петроглифов находится в долине реки Урсул близ деревни Туэкта в Онгудайском районе Республики Алтай (рис. 1). Эта долина знаменита большими курганами скифской эпохи, раскопанными С. И. Руденко в 1954 г. (Руденко С. И., 1960). Скальные выходы с рисунками расположены в 100 м от Чуйского тракта. Тем не менее, несмотря на свою доступность, эти петроглифы до недавнего времени не были известны. Предположение о том, что на скалах у д. Туэкта могут быть петроглифы, было сделано А. И. Мартыновым, и обследование 1988 г. показало, что они там есть. В 1989 гг. нами было проведено документирование этого местонахождения. Предварительные результаты его исследования были опубликованы ранее (Martynov A. I., Miklashevich E. A., 1995), а в настоящей публикации материалы памятника представлены полностью.

Рисунки нанесены, главным образом, на юго-восточные и восточные плоскости сланцевых скальных выходов. Всего зафиксированных плоскостей с петроглифами – 25; отдельных изображений – около 110. При обследовании горной гряды в северо-восточном направлении было найдено ещё несколько отдельных плоскостей с одиночными невыразительными изображениями козлов. Для нанесения рисунков использовалась разная техника: выбивка, тонкая резьба и гравировка, частичная прошлифовка, сочетание приёмов. Копирование производилось эстампированием на микалентную бумагу и прорисовкой на полиэтилен. Материалы документирования хранятся в Музее археологии, этнографии и экологии Сибири Кемеровского государственного университета (коллекция №30).

Описания рисунков:

Т-1. Изображение лошади. Выбивка мелкоточечная, средней глубины, довольно редкая. Одна нога нарисована резной линией. Над лошадью – резные изображения животных, частично перекрывающие выбивку. Загар всех рисунков одинаково плотный.

Т-2. Изображения лошадей, козла, оленя и антропоморфной фигуры. Неглубокая гравировка. Загар слабый. На этой же плоскости грубой редкой выбивкой нанесены два изображения козлов.

Т-3. Гравированное изображение неопределённого животного. Сохранилось не полностью. Внутренняя его часть зашлифована.

Т-4. Крупное контурное изображение неопределённого животного, возможно, оленя. Сохранилось фрагментарно, так как плоскость очень повреждена сколами. Выбивка средней величины, глубокая. Над головой имеются резные линии. Загар плотный.

Т-5. Изображение козла. Выбивка глубокая, частая по контуру и более редкая внутри него. Выбоины удлинённые, продолговатой формы.

Т-6. Гравированные изображения – олень, стрела, неопределённое животное. Линии рисунков глубокие, чёткие. Загар слабый.

Т-7. Крупное контурное изображение оленя. Выбивка частая, глубокая, средней величины. Морда и часть шеи выполнены силуэтно, показан глаз. Несколько глубоких выбоин нанесено внутри контура туловища. Загар плотный.

Т-8. Изображения козлов. Два из них выполнены частой, средней глубины выбивкой, силуэтно; рога показаны гравировкой. Третья фигура выполнена гравировкой в сочетании со слабой прошлифовкой корпуса. На плоскости прослеживаются и другие, слаборазличимые изображения.

Т-9. Гравированные изображения оленей. Одно из них повреждено сколом.

Плоскости 10, 11 расположены в небольшой долинке к северо-востоку от основной гряды.

Т-10. Небольшой, расположенный наклонно к земле, выход серого сланца. Изображение животного (олень?). Глубокая гравировка. Загар плотный.

Т-11. Плоскость расположена под углом к предыдущей, экспонирована на юго-восток. Изображение оленя и голова козла по технике и загару аналогичны рисунку на плоскости 10. Изображения животных и двойной зигзаг в верхней части плоскости выполнены резной линией светлого цвета, возможно, они подновлены. На плоскости имеется ещё много очень тонких, неясных резных линий.

Т-12. Плоскость находится на другой гряде, расположенной к юго-востоку, ближе к долине с курганами. Многофигурная композиция была вырезана на небольшом выходе серо-коричневого сланца. Трещины и отслоившиеся фрагменты плоскости уничтожили часть изображений. Сохранились фигуры стреляющих из лука всадников на конях, пешего лучника, собак, поражённых стрелами журавля и оленя, две рунические надписи. Рисунки выполнены очень тонкими резными линиями, удалось проследить не все детали и фигуры. Горизонтальная надпись вырезана более чётко, чем вертикальная и рисунки. Загар всех рисунков и надписей плотный.

Следующая группа плоскостей находится выше на северо-восток по горной гряде, в верхней части склона, состоящего из трёх ярусов скальных выходов.

Т-13. Изображения неопределённых животных. Выбивка средней величины и глубины, частая. Загар плотный.

Т-14. Небольшая плоскость, ориентированная на запад. Контурное изображение козла. Выбивка мелкая, средней глубины и частоты. Загар плотный.

Т-15. Гравированное изображение лошади. Загар очень слабый.

Т-16. Изображения на слегка наклонной к северу горизонтальной грани прямоугольного каменного блока. Плоскость очень повреждена трещинами и покрыта лишайником. Сохранились фигуры козлов, оленя и антропоморфные изображения, а также неясные фрагменты рисунков. Выбивка средней величины и частоты. Плотность загара не определяется, так как он уничтожен лишайником.

Т-17. Неопределённое животное. Выбивка средней величины, глубокая, частая. Прямые резные линии. Загар плотный.

Т-18. Антропоморфная фигура – выбивка глубокая, крупная. Изображение коня и неопределённых животных – выбивка средней величины и глубины, частая, но неоднородная. Загар всех изображений плотный.

Т-19. Ровная вертикальная плоскость, экспонированная на северо-восток. Гравированные изображения различных животных, фантастического существа, лук со стрелой. Линии рисунков различной глубины – от еле видимых до довольно глубоких, чётких. Загар плотный.

Т-20. Фрагменты изображений животных. Тонкие, еле уловимые резные линии. Загар плотный.

Т-21. Плоскость с гравированными изображениями, экспонирована на север, покрыта лишайником, который уничтожил часть рисунков. Удалось зафиксировать только одну резную фигуру козла.

Т-22. Плоскость расположена на восточной грани того же скального блока, что и Т-21. Многофигурная композиция, часть рисунков сохранилась фрагментарно из-за многочисленных трещин и отслоений скальной корки. Изображены: антропоморфная фигура, лучник, козёл, пронзённый стрелами, хищники, неопределённые животные. Техника исполнения: чёткий гравированный контур, довольно редкая, средней величины выбивка внутри него, детали показаны гравировкой. Загар плотный.

Т-23. Вертикальный выход серого сланца, экспонирован на восток. Изображения козлов, оленей, неопределённых животных, антропоморфной фигуры, неясные линии и фрагменты рисунков. Часть изображений выполнена выбивкой, аналогичной рисункам плоскости 22, другие нанесены резными линиями разной глубины. Загар плотный.

Т-24. Рисунки расположены на небольшом растрескавшемся выходе серого сланца. Экспозиция южная. Изображения оленей выполнены мелкой нечастой выбивкой средней глубины. Загар плотный. Антропоморфная фигура и животное с длинными прямыми рогами выполнены более крупной и глубокой выбивкой, перекрывают оленей.

Т-25. Плоскость расположена на той же гряде, что и Т-12. Вертикальный выход серого сланца, расслоившийся на отдельные узкие грани. Сохранились лишь антропоморфная

фигура, выполненная довольно редкой выбивкой средней величины и глубины, и фрагмент изображения животного, выполненный частой тщательной мелкоточечной выбивкой. Загар плотный.

Туэктинское местонахождение петроглифов нельзя назвать очень представительным – памятник этот небольшой, но довольно своеобразный. Здесь есть рисунки почти всех известных для наскального искусства Алтая периодов, но каждый из них представлен небольшим количеством изображений. Этот памятник, видимо, не служил святилищем, культовым местом ни в одну из представленных эпох. Можно предположить, что скалы Туэкты, как и некоторые другие пункты, находившиеся на пути передвижения племён, служили как бы для «фиксации» их присутствия или прохождения в данной местности. Единичные, или даже фрагментарные, изображения, конечно, не всегда уверенно можно отнести к тому или иному культурно-хронологическому пласту, но проанализированные в сериях изображений с разных памятников – а петроглифы Туэкты имеют много общего с другими памятниками бассейна р. Урсул (Миклашевич Е. А., 2001) и Горного Алтая в целом – они также могут быть атрибутированы.

Крупное, фрагментарно сохранившееся контурное изображение животного (вероятно, оленя) на плоскости Т-4 является, на наш взгляд, самым ранним для этого памятника, поскольку стилистически входит в серию древнейших изображений Алтая (рис. 11). По поводу датировки этого пласта существуют разные мнения. В. И. Молодин и Д. В. Черемисин считают возможным отнести изображения Калгутинского рудника и другие сходные с ними петроглифы к палеолитической эпохе (1999). В. Д. Кубарев в ряде статей (2004; 2005 и др.) приводит доводы против этого и считает, что алтайские петроглифы подобного стиля должны датироваться «не ранее III-II тыс. до н. э.», но признает, что «отдельные из них могут датироваться неолитом или энеолитом» (Кубарев В. Д., 2004, с. 238). Петроглифы Узунгура охарактеризованы Д. В. Черемисиным как «типично энеолитические» (Cheremisin D. V., 1998, p. 11). Очень важным в этой дискуссии является публикация петроглифов памятника Арал-Толгой (Кубарев В. Д., 2005), где представлена целая серия персонажей раннего пласта, в которой «преобладают изображения диких промысловых животных, и доминирует охотничья тематика» (там же, с. 22). Автор предполагает, что арал-толгойское святилище было создано «накануне афанасьевской экспансии на Алтай» (там же). На наш взгляд, доводы как в пользу палеолитического возраста соответствующих изображений, так и против него, одинаково убедительны, и в то же время одинаково уязвимы. Здесь, как и в случае с датировкой енисейских петроглифов «минусинского стиля», приходится признать лишь, что они в любом случае раньше афанасьевского времени, а вот насколько раньше – пока определить невозможно. Поэтому «достаточно расплывчатое определение» (Кубарев В. Д., 2004, с. 239), что «не исключена их принадлежность к эпохе камня» (Миклашевич Е. А., 2001, с. 38) мне по-прежнему кажется наиболее уместным в отношении этой группы петроглифов.

Изображений эпохи развитой бронзы на скалах Туэкты нет, а небольшая серия геометризованных фигур неопределенных животных и коней (рис. 12-1) может быть отнесена к эпохе поздней бронзы. В пользу этого говорит их сопоставление с петроглифами других памятников бассейна Урсула – Кара-Туу и Озёрной, где основная масса рисунков относится именно к этой эпохе (Миклашевич Е. А., 2001, с. 39, 41), а также в контексте огромного количества «карасукских» изображений сопредельных территорий.

Наиболее многочисленны на этом памятнике петроглифы скифского времени – олени с ветвистыми рогами, горные козлы, хищные животные, лучники (рис. 12-2). Эти изящные изображения – силуэтные и контурные, выбитые и резные – выполнены в характерном «скифо-сибирском зверином стиле» и имеют бесчисленные аналогии как в наскальном искусстве, так и в предметах мелкой пластики. Особенно интересна композиция Т-22. Здесь изображены: лучник, стреляющий в козла, кабан, фантастические хищники с чертами разных животных, козлы и неопределённые копытные. Контуры фигур были намечены резной линией, а затем заполнены силуэтной выбивкой. Гравировкой показаны значимые детали: стрелы, вонзившиеся в шею козла, хвосты, когти и загривки хищников.

Необычное крупное контурное изображение оленя с силуэтной головой (Т-7), несомненно, имеет какие-то черты скифского стиля, его удлинённо-вытянутые пропорции на-

поминают и стиль оленных камней, но пока трудно сказать, относится ли оно к предскифскому времени, или, наоборот, послескифскому.

Искусство скифской эпохи оказало мощное влияние на дальнейшее развитие наскального искусства. Элементы этого стиля сохраняются на протяжении почти всего I тыс. н.э., но особенно сильны на рубеже эпох и в первые века. К этому периоду относится, на наш взгляд, следующая группа петроглифов Туэкты (рис. 12 – 3). Это, в основном, гравированные изображения оленей, копытных животных без признаков вида, фантастических существ. Характерны их позы – они находятся как бы в полудвижении: это уже не статичные фигуры скифского времени, но ещё и не стремительно мчащиеся животные эпохи раннего средневековья. Проблема выделения гунно-сарматского пласта в петроглифах Алтая, связанная с отсутствием изобразительных аналогий в археологических памятниках этого периода, была обозначена В. Д. Кубаревым (1999, с. 189-190). Он отметил, что рисунки этого периода «с одной стороны ещё связаны с искусством скифской эпохи, а с другой являются основой наскального искусства древнетюркского времени. Мир мифических зверей сменяется сценами охоты и военных столкновений. В отдельных случаях о таких композициях трудно сказать относятся они к гунно-сарматскому или древнетюркскому периодам» (там же, с. 190). Трудности выявления рисунков гунно-сарматского времени на Алтае из-за сильного влияния на них пазырыкского искусства отметил В. И. Соёнов, но благодаря применённому им методу поиска аналогий с синхронными культурами сопредельных территорий, в первую очередь с таштыкским искусством, а также с привлечением аналогий изображенным реалиям, была выделена целая серия петроглифов Горного Алтая, относящаяся к гунно-сарматскому времени (Соёнов, 2003). Правда, в гравировках Туэкты, отнесённых нами к этому периоду, влияния таштыкской изобразительной традиции не прослеживается, они выделены скорее по принципу «уже не скифские, ещё не тюркские». В чётко вырезанном изображении оленя на плоскости Т-11 можно видеть сочетание черт скифской и согдийской изобразительных манер. Кроме того, ко времени «после скифского» можно отнести крупно выбитые схематичные антропоморфные изображения и изображения козлов (Т-16, Т-23 и Т-24), поскольку в нескольких случаях они перекрывают изображения скифской эпохи, но насколько позже этого времени они были выбиты, определить невозможно.

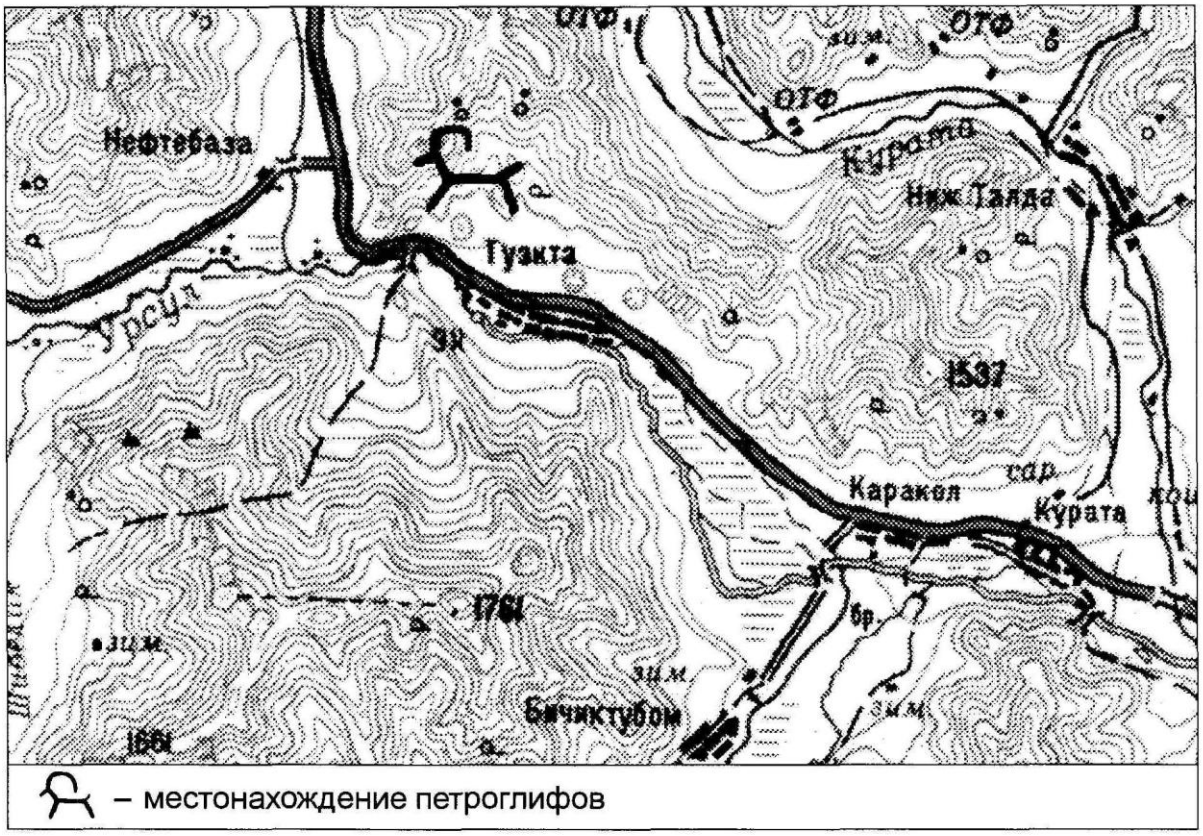
Древнетюркское искусство представлено одной, но очень интересной композицией (Т-12, рис. 5). Тончайшими, еле видными резными линиями запечатлены образы стреляющих из луков всадников, пешего лучника, бегущих с высунутыми языками собак, пронзённых стрелами журавля и косули. Здесь же выгравированы две тюркские рунические надписи. Тонкость линий рисунков позволила древнему художнику передать детали одежды, внешности и снаряжения охотников, убранства коней. К сожалению, скальная поверхность частично отслоилась, а контуры резьбы сгладились от времени, поэтому удалось скопировать не все фигуры и не все детали. Но даже по этим сохранившимся фрагментам можно предполагать, что изображена сцена эпической охоты эпохи древних тюрок. Это подтверждается рядом аналогичных сцен, изображенных на предметах искусства из археологических памятников Саяно-Алтая и Средней Азии. Известны подобные рисунки и на скалах. Однако уникальное изображение летящего журавля, пронзённого стрелой, зафиксировано впервые. Из ближайших аналогий в наскальном искусстве Алтая можно назвать сцену охоты на Усть-Канской писанице (Молодин В. И., 1992). Она тоже выполнена тончайшими резными линиями и также сохранилась лишь фрагментарно, но и на этих фрагментах мы видим похожий набор персонажей: всадник, пеший лучник, пронзённая стрелой косуля и птица (рис. 13 – 5). Птица Усть-Канской композиции больше напоминает хищную, и не исключено, что здесь она не объект охоты, а ловчая, но по опубликованной в очень мелком масштабе прорисовке судить об этом трудно. В любом случае, манера изображения птицы в профиль и с распластанными в полёте крыльями очень похожа на туэктинскую. Всадник, пеший лучник, медведь и собака изображены также в гравированной сцене охоты на оленя из Кургака (Кубарев В. Д., 2001, рис. 3). Эту сцену сближает с туэктинской не только набор персонажей и наличие рунической надписи, но и такая специфическая деталь как необычные головные уборы охотников. Кургакские показаны в головных уборах, очень похожих на шляпы с полями, туэктинские же

охотники показаны как будто в шапках-ушанках с развевающимися на скаку «ушами». Видимо, деталь подобной же шапки сохранилась на изображении всадника с плоскости №3 памятника Устю-Айры (Миклашевич Е. А., 2003, рис. 8) (рис. 13 – 3). Скорее всего, ассоциации со шляпами и шапками-ушанками вызваны представлениями о знакомых нам современных головных уборах, а на этих рисунках изображен в несколько разной манере один и тот же головной убор (малахай?), видимо достаточно типичный для какой-то группы охотников той эпохи. В других сценах древнетюркские охотники изображены с распущенными волосами без головных уборов (Миклашевич Е. А., 2003, рис. 9; Черемисин Д. В., 2004, рис. 3, 7-9, 11, 19). Интересно, что в туэктинской композиции пеший лучник изображен с совершенно другим головным убором (или причёской), поразительно напоминающим убор или причёску раненого воина на костяной пластинке из Суттуу-Булака в Киргизии (Худяков Ю. С. и др., 1996, рис. на стр. 243). Удивительно реалистично и экспрессивно изображены в туэктинской композиции собаки, у всех у них по-разному показаны хвосты, морды, движения. Животное, показанное между тремя собаками и всадником, я первоначально также трактовала как собаку, только другой породы и более крупную. Но после обнаружения В. Д. и Г. В. Кубаревыми кургакской композиции, в которой присутствует очень реалистично нарисованная фигура медведя, я склонна считать, что и в туэктинской сцене изображен медведь. Как и во многих других сценах древнетюркской эпохи, здесь показана охота героя с собаками одновременно на различных животных. Скорее всего, на утраченных фрагментах плоскости были и изображения маралов.

Несколько рисунков Туэкты мы можем отнести к эпохе позднего средневековья – этнографическому времени. Это схематичные изображения коней, козлов, оленей и геометризованные антропоморфные фигуры (Т-2, Т-6, Т-9, Т-15), а также неопределённые изображения и неясные линии, отличающиеся слабой степенью патинизации.

Литература

1. Кубарев В. Д. О некоторых проблемах изучения наскального искусства Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – №4. – С. 186-201.
2. Кубарев В. Д. Исследование петроглифов Алтая в 2001 г. // Вестник Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. – Кемерово, 2001. – Вып. 4. – С. 8-11.
3. Кубарев В. Д. Древнейшие изобразительные памятники Монголии и Алтая: проблемы хронологии и интерпретации // Проблемы первобытной археологии Евразии (к 75-летию А. А. Формозова). – М., 2004. – С. 229-242.
4. Кубарев В. Д. Петроглифы Арал-Толгоя и проблемы датирования древних изобразительных памятников Алтая и Монголии // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск, 2005. – Вып. 2. – С. 13-29.
5. Миклашевич Е. А. Петроглифы долины реки Урсул (вопросы стиля и хронологии) // Археологическое обозрение 1994-1996 гг. – Новосибирск, 2001. – С. 38-42.
6. Миклашевич Е. А. Петроглифы урочища Устю-Айры на Горном Алтае // Археология Южной Сибири. – Новосибирск, 2003. – С. 84-91.
7. Молодин В. И. Усть-Канская писаница // Первобытное искусство. Наскальные рисунки Евразии. – Новосибирск, 1992. – С. 91-93.
8. Молодин В. И., Черемисин Д. В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск, 1999. – 160 с.
9. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960. – 350 с.
10. Соёнов В. И. Петроглифы Горного Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – №10. – С. 100-107.
11. Худяков Ю. С., Табалдиев К. Ш., Солтобаев О. А. Многофигурные композиции на костяных пластинах из памятника Суттуу-Булак // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск, 1996. – С. 242-245.
12. Черемисин Д. В. Результаты новейших исследований петроглифов древнетюркской эпохи на юго-востоке Российского Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004. - №1 (17). – С. 39-50.


Нефтебаза
Туэкта
Урсул
Курата
Ниж Талда
1537
Каракол
Курата
1761
Бичиктубом
– местонахождение петроглифов

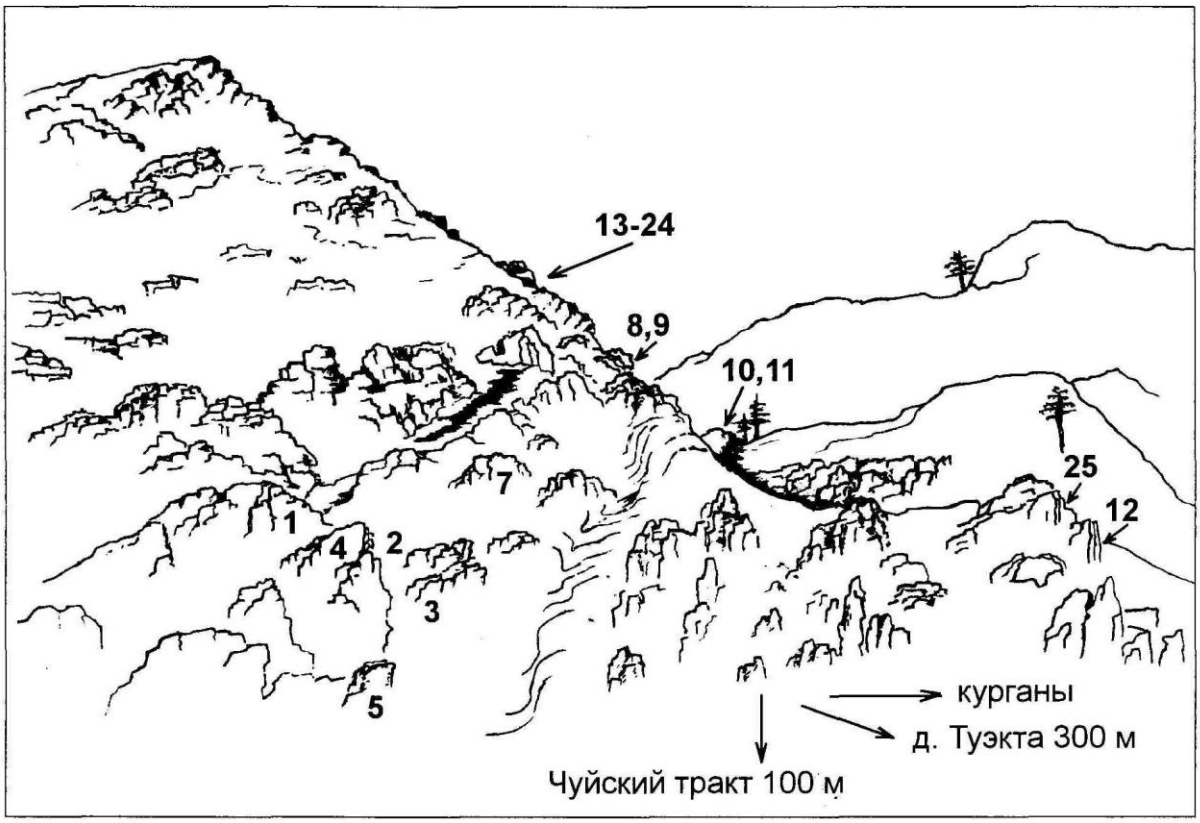

13-24
8,9
10,11
25
12
1
2
3
4
5
7
курганы
д. Туэкта 300 м
Чуйский тракт 100 м

Рис.1, 2

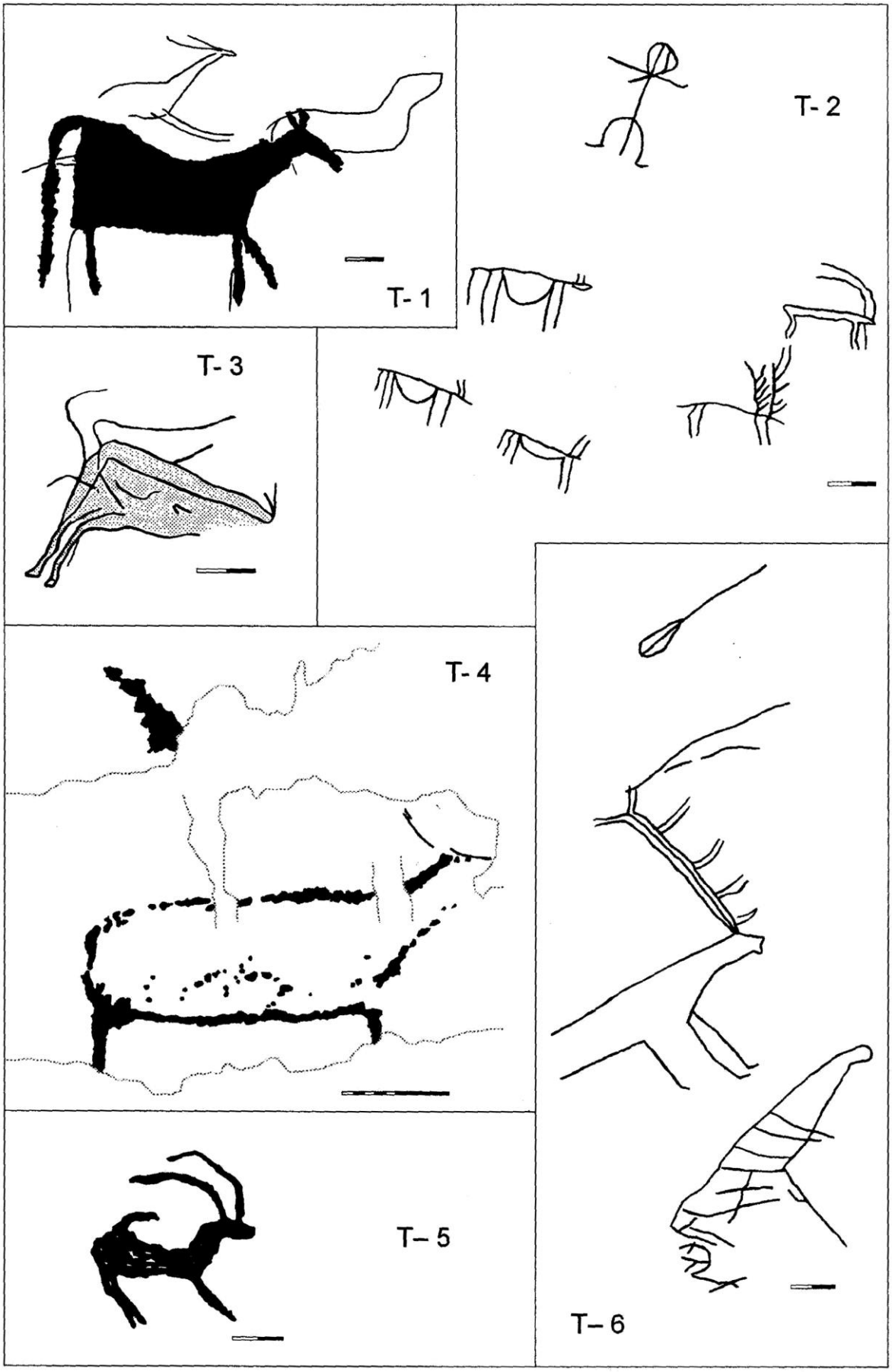


Рис.3

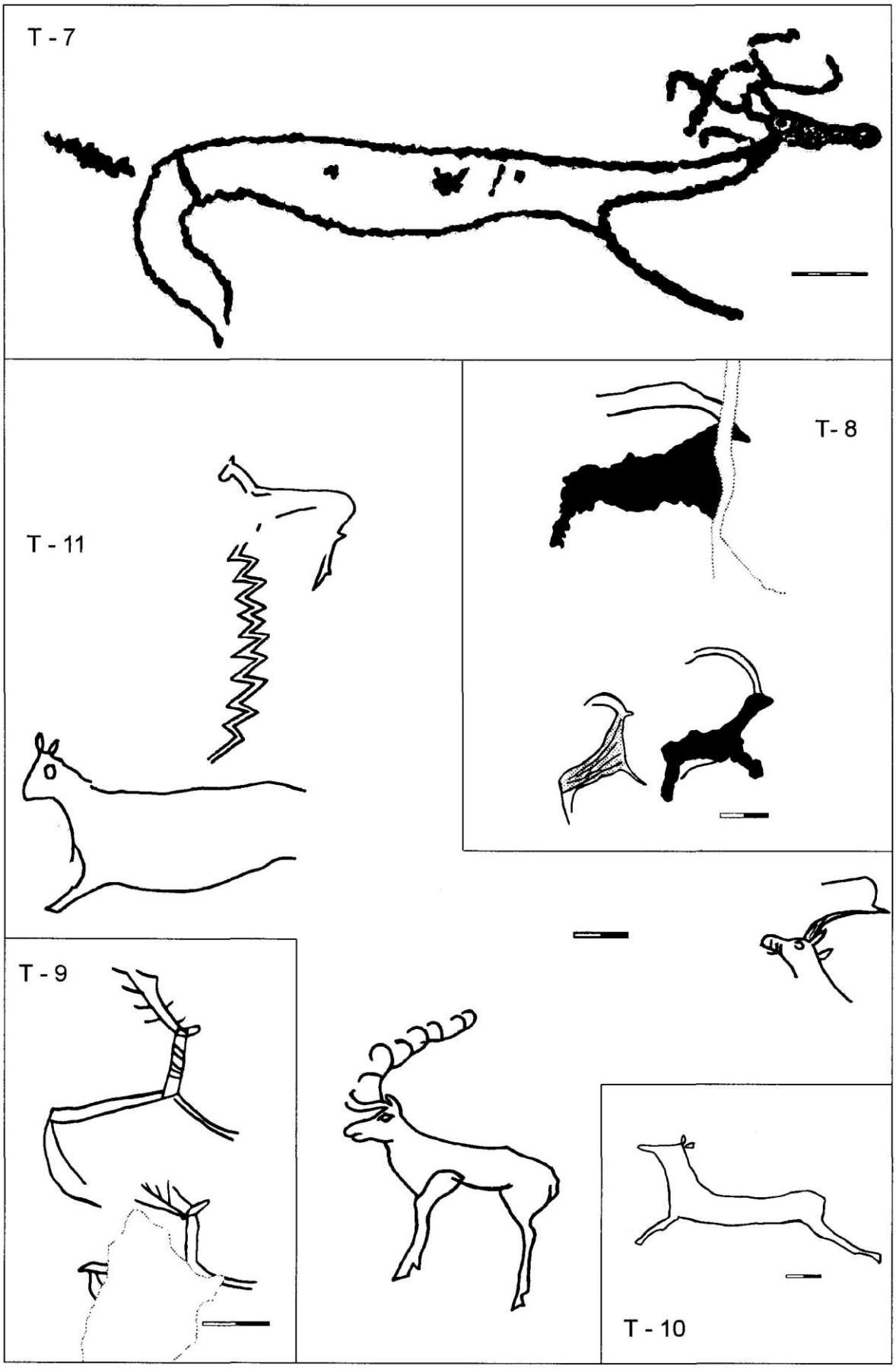


Рис.4

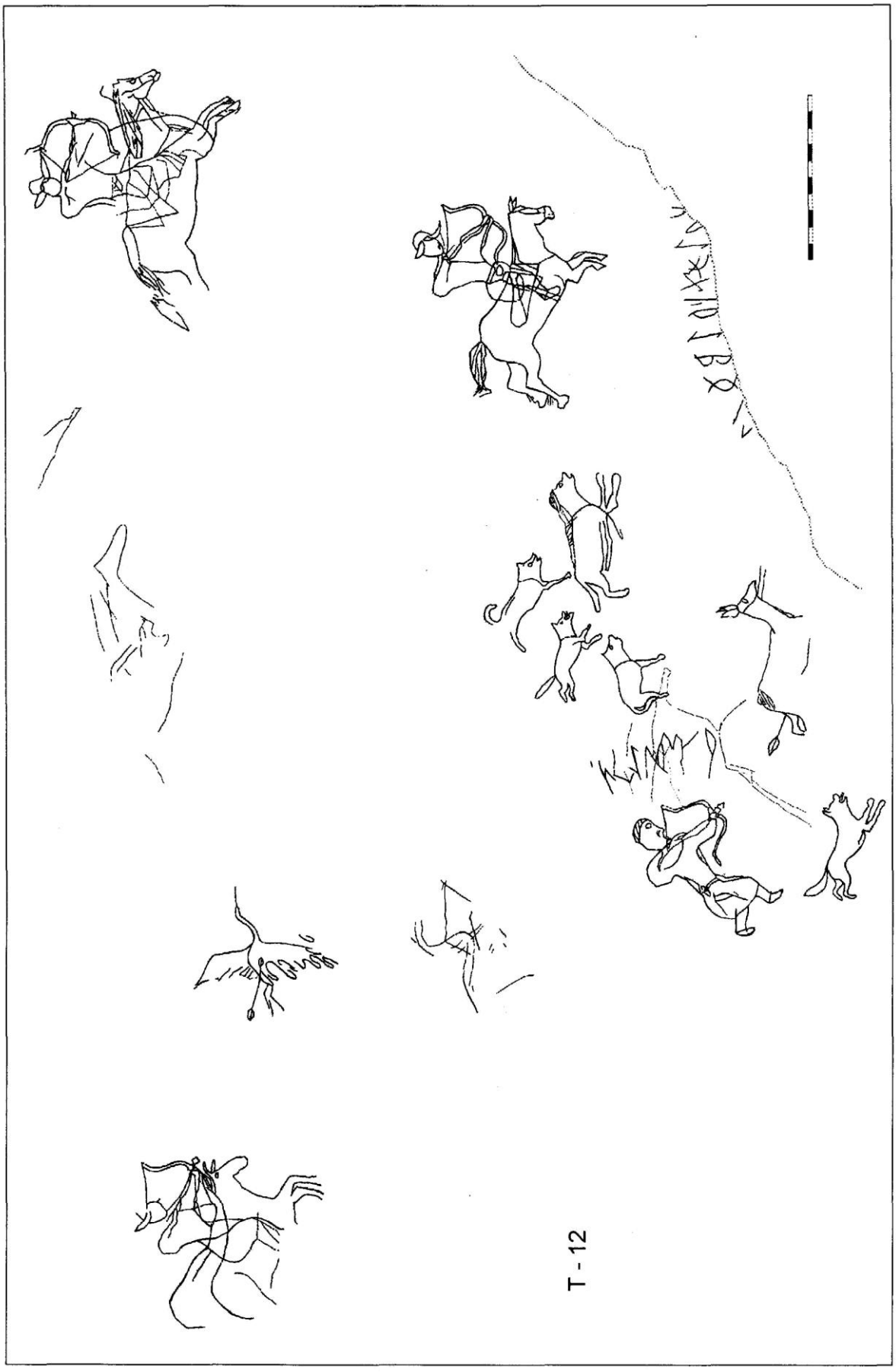


Рис.5

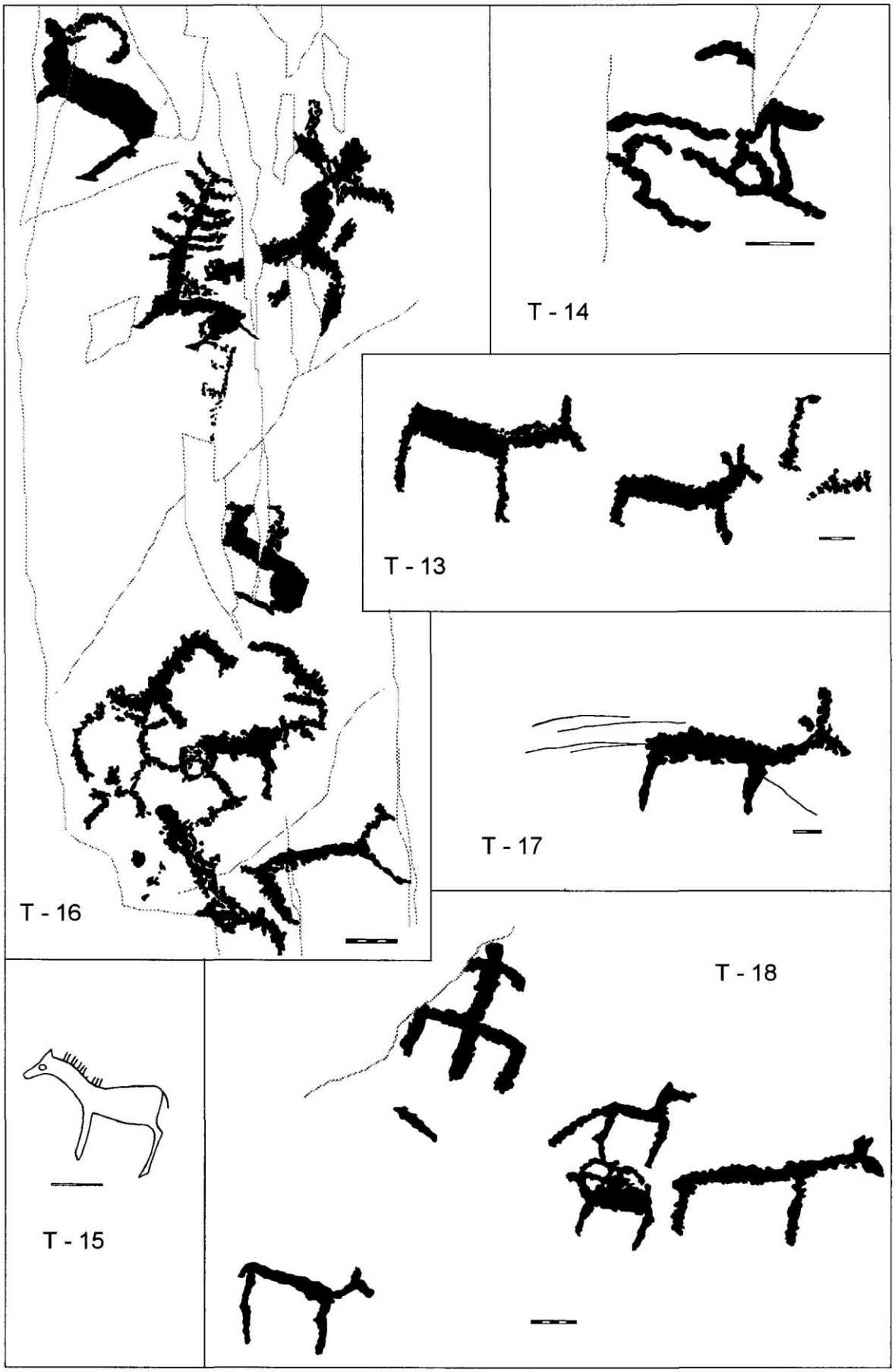


Рис.6

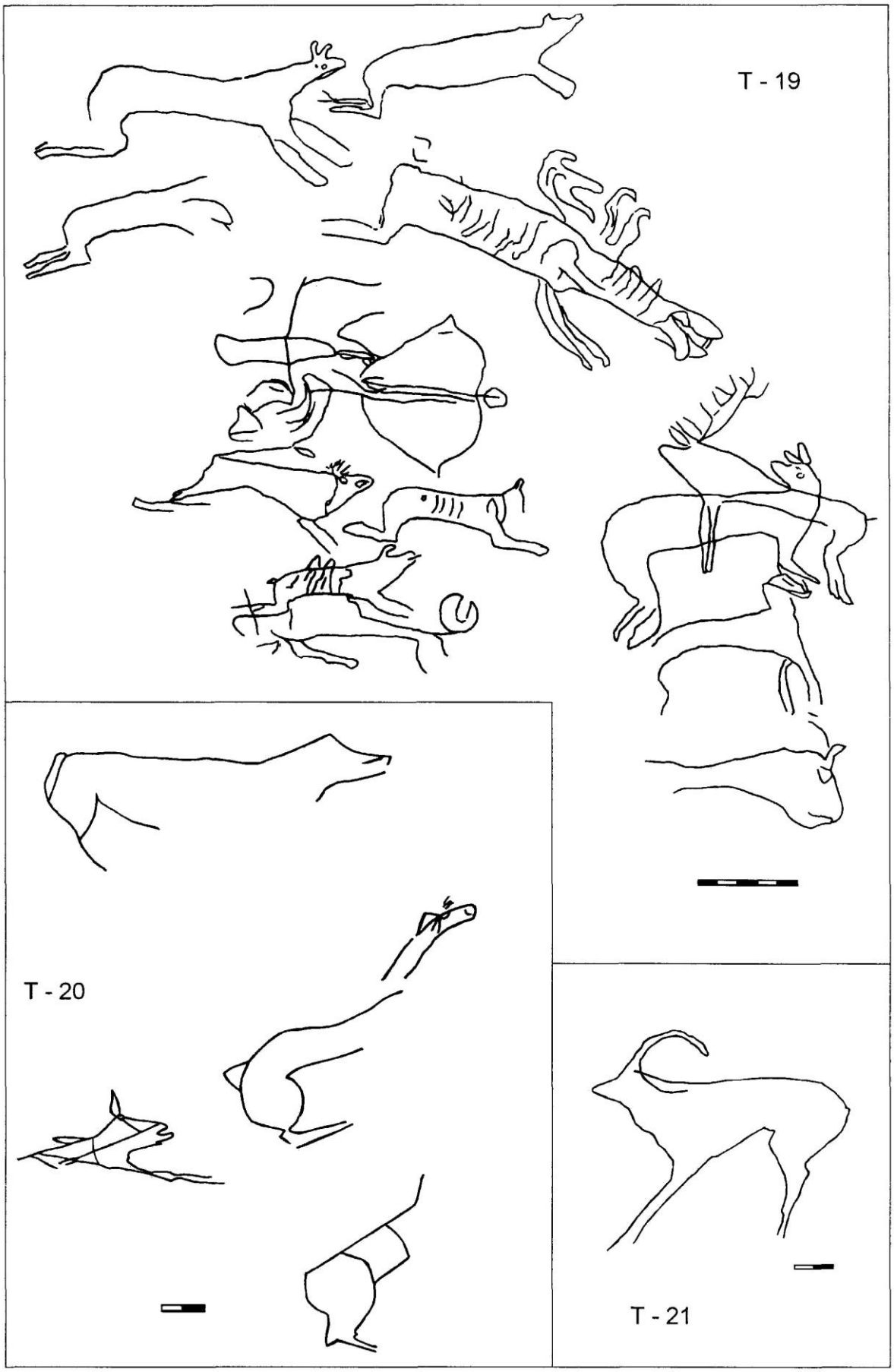


Рис.7

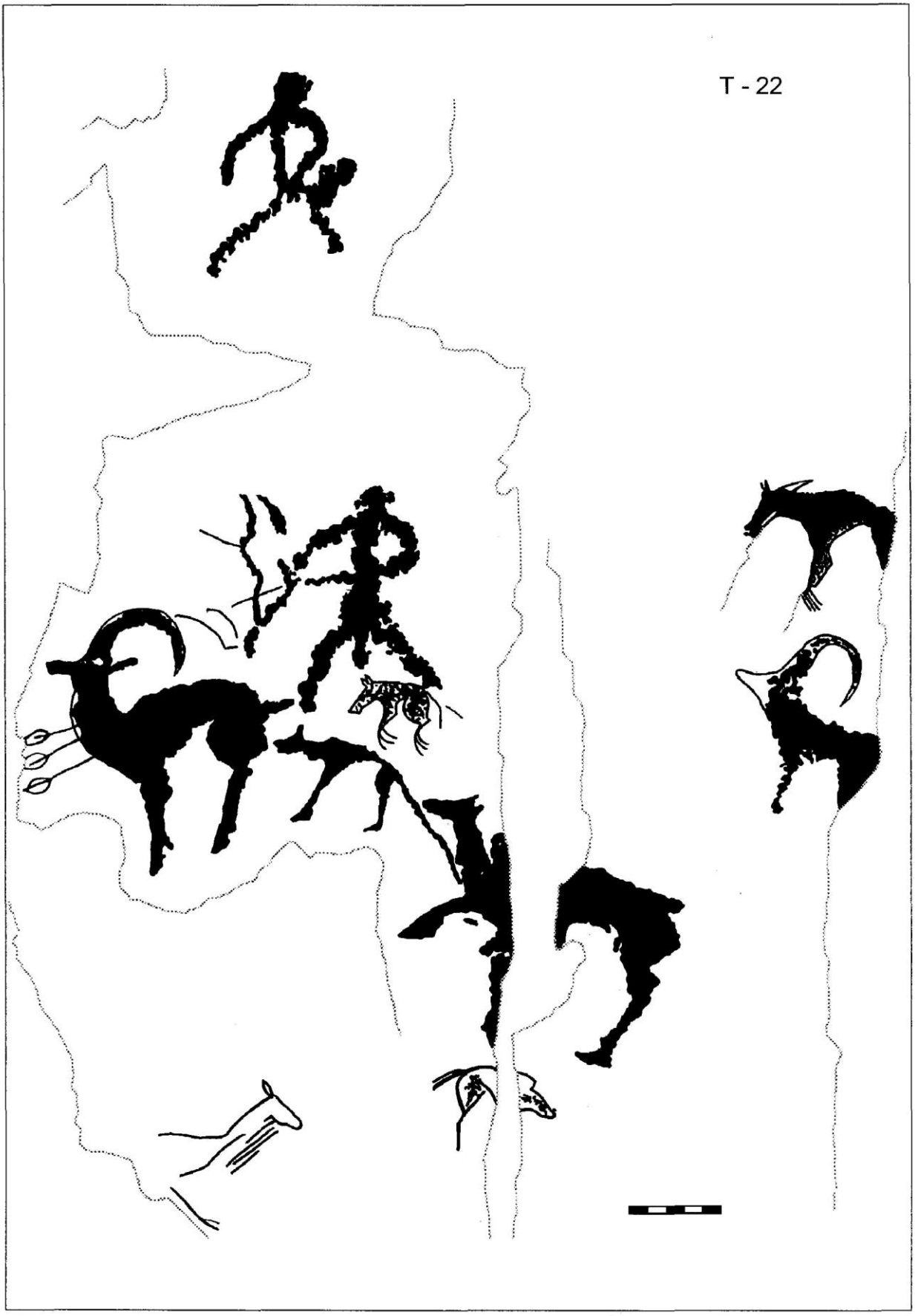


Рис.8

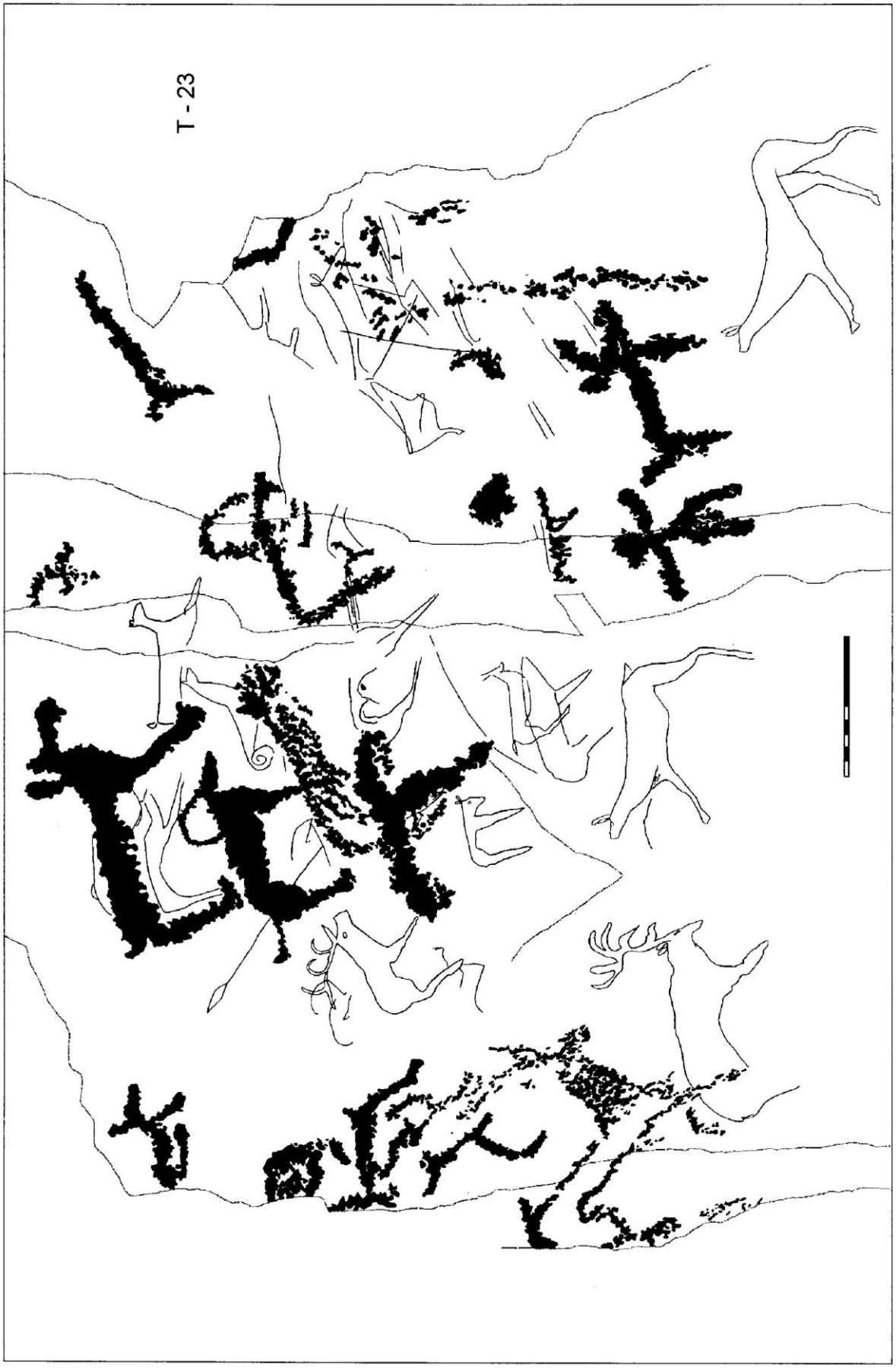
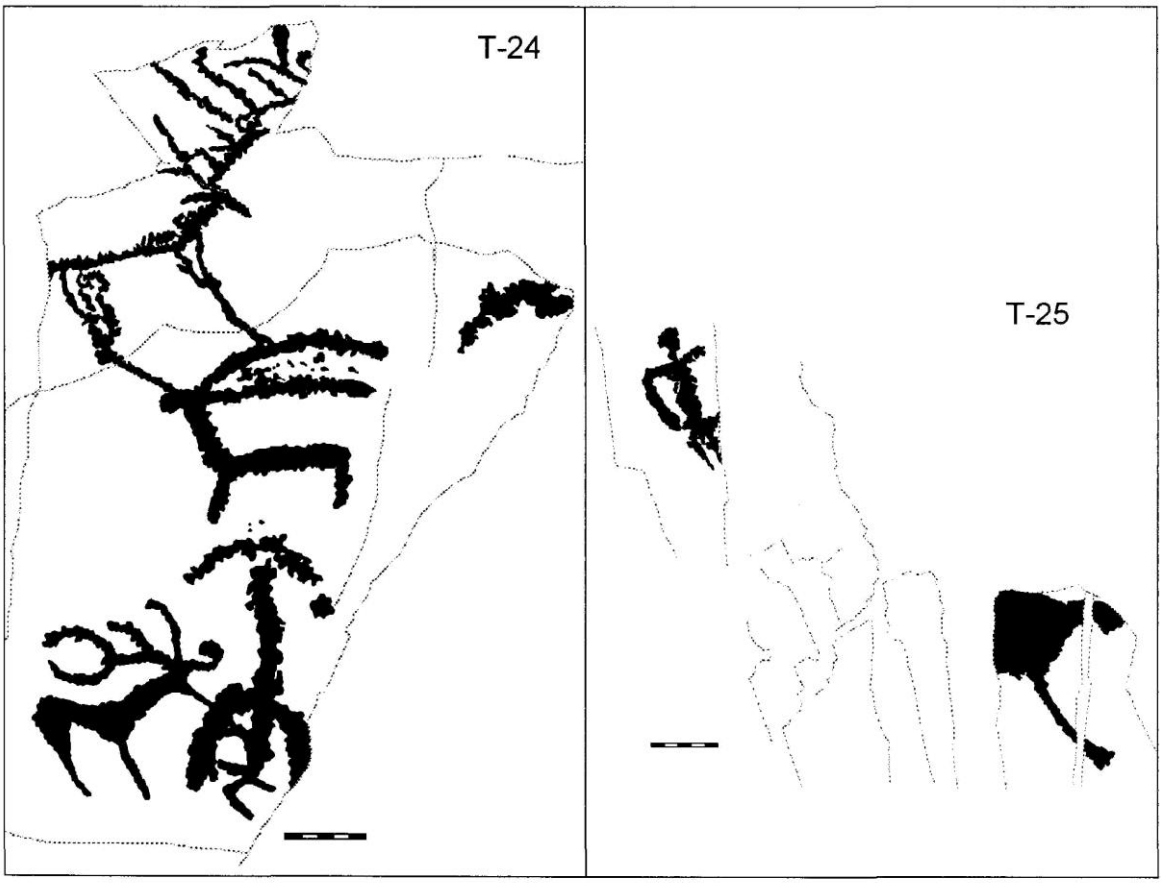


Рис.9



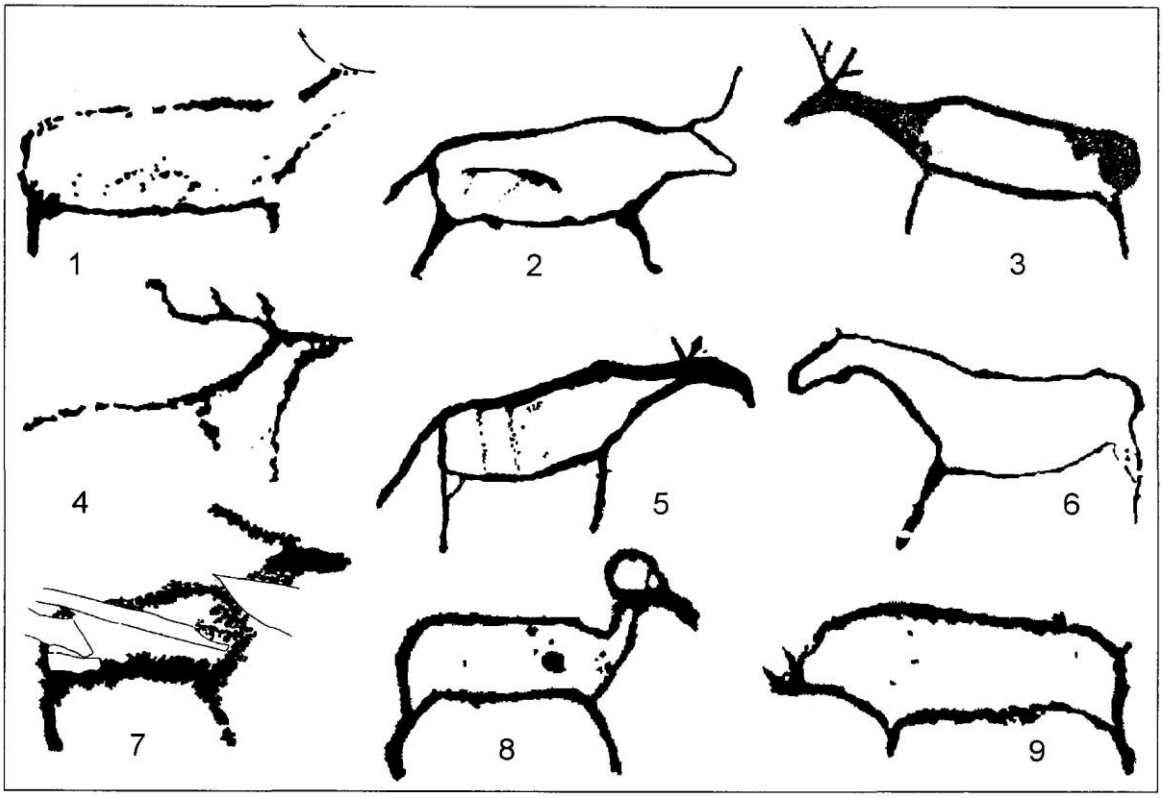


Рис.10, 11

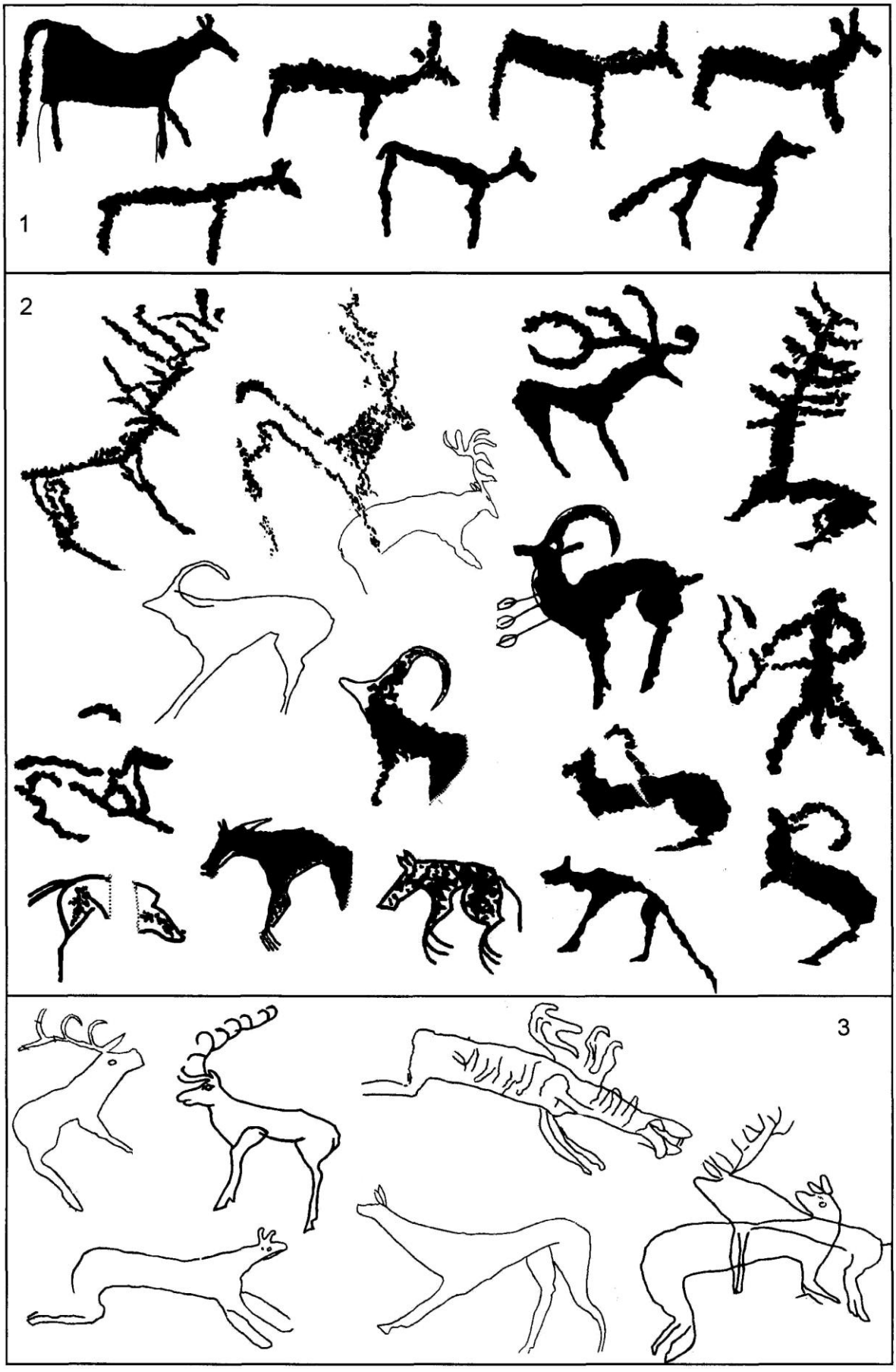


Рис.12

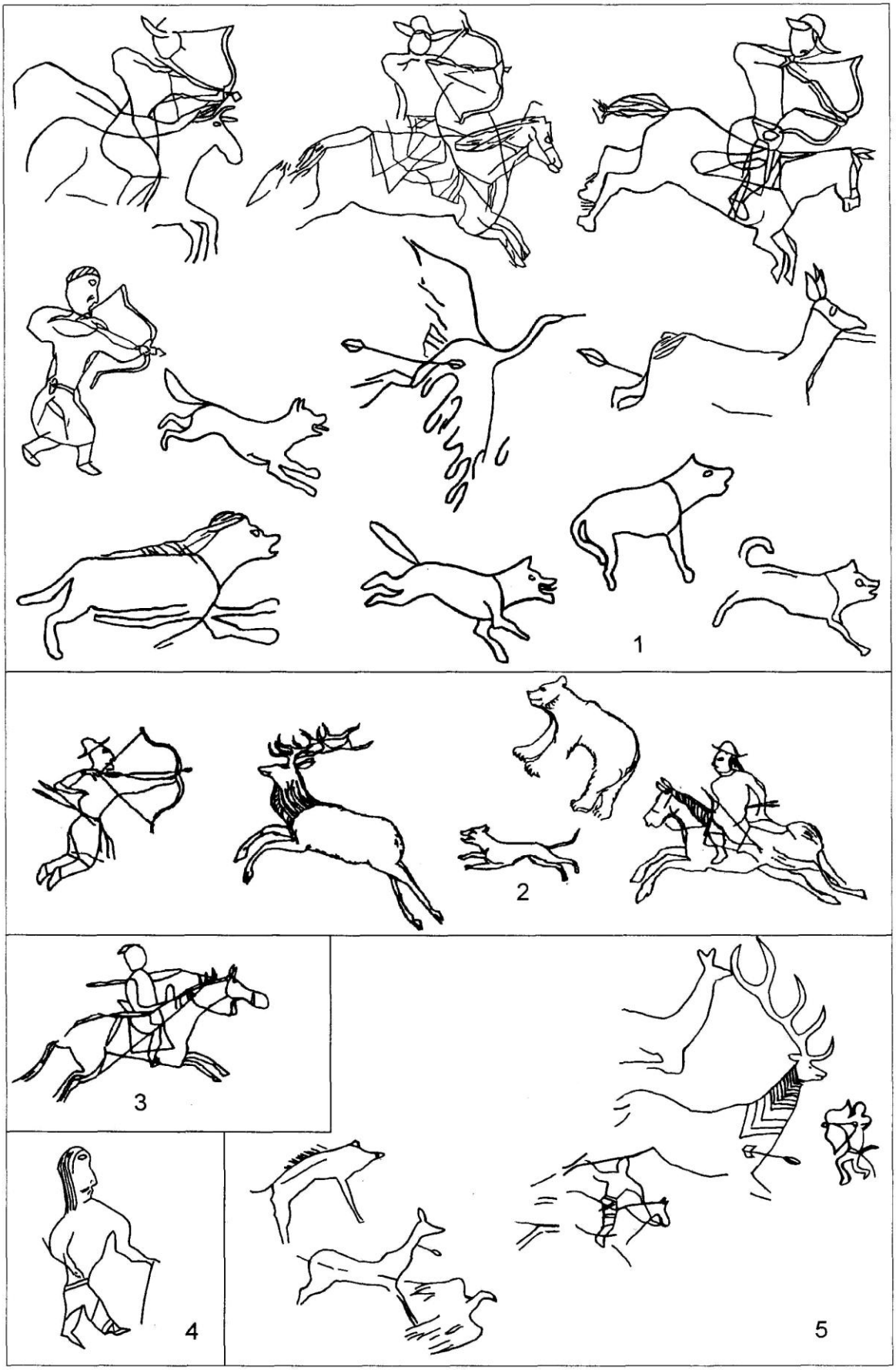


Рис.13

13. Cheremisin D. V. Rock art sites in Uzoungour (Gornyi Altai) // International Newsletter On Rock Art, 1998. – №20. – P. 5-11.
14. Martynov A. I., Miklashevich E. A. The Tuekta petroglyphs in the Gorny Altai // International Newsletter On Rock Art, 1995. – №10. – P. 15-17.

Список иллюстраций к статье Миклашевич Е.А.

Рис. 1. Местонахождение петроглифов у д. Туэкта. Карта.
Рис. 2. Местонахождение петроглифов у д. Туэкта. Схема расположения плоскостей.
Рис. 3. Петроглифы Туэкты. Плоскости 1-6.
Рис. 4. Петроглифы Туэкты. Плоскости 7-11.
Рис. 5. Петроглифы Туэкты. Плоскость 12.
Рис. 6. Петроглифы Туэкты. Плоскости 13-18.
Рис. 7. Петроглифы Туэкты. Плоскости 19-21.
Рис. 8. Петроглифы Туэкты. Плоскость 22.
Рис. 9. Петроглифы Туэкты. Плоскости 23.
Рис. 10. Петроглифы Туэкты. Плоскости 24-25.
Рис. 11. Самое раннее изображение Туэкты (1) и стилистические аналогии ему в петроглифах Алтая: 2, 5 – Курмантау, 3 – Узунгур, 4, 7 – Кара-Туу, 6 – Калгуты, 8, 9 – Арал-Толгой. (2, 5, 8, 9 – по Д. В. Кубареву; 3 – по Д. В. Черемисину; 6 – по В. И. Молодину, Д. В. Черемисину).
Рис. 12. Петроглифы Туэкты эпохи поздней бронзы (1), скифского (2) и гунно-сарматского времени (3).
Рис. 13. Персонажи древнетюркской композиции Туэкты (1) и иконографические аналогии им в петроглифах Алтая: 2 – Кургак (по В. Д. Кубареву); 3 – Устю-Айры; 4 - Чаган (по Д. В. Черемисину); 5 – Усть-Канская писаница (по В. И. Молодину).

Белекова Э.А.
(г.Горно-Алтайск)

ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ УЛАГАНСКОГО РАЙОНА

Улаганский район является одним из самых богатых районов республики по количеству и разнообразию археологических памятников. За более чем столетний период исследования археологических памятников Горного Алтая, они неоднократно осматривались любителями древностей истории и археологии.

Походы за «Каменный пояс» Уральских гор казачьей дружины Ермака и разгром Сибирского ханства открывает эпоху массовой колонизации Сибири, освоения ее природных ресурсов. Хозяйственное освоение новых земель открывало широкие возможности для всестороннего изучения края, его населения и памятников древней культуры. При этом научное исследование Алтая, в частности археологическое, было тесно связано с открытием и эксплуатацией полезных ископаемых. Значительную часть рудных месторождений участники поисковых партий выявляли по остаткам древних рудников – «чудских копей». Разные причины переселения, разный социальный состав переселенцев (вольные, беглые, ссыльные и т.д.), трудности начального этапа и многое другое привели не только к обогащению, но и к обнищанию вновь прибывшего населения, которые вскоре открыли новый источник обогащения – раскопки древних могил – «бугров», появляются целые артели «охочих» вольных старателей – «бугровщиков» (Марсадолов Л.С., 1996, с.6). Замечательные находки за бесценок переходили в руки купцов-скупщиков, вымога-

лись воеводами и приказными за угощение пивом или водкой. «Начальные люди» быстро прибрали к своим рукам доходный промысел, присваивая немалую долю найденных ценностей. «Могильное золото» пускалось в оборот здесь же или шли в переплавку. О колоссальном ущербе, нанесенном кладоискателями истории и культуре, можно судить по одному по собранию «бугровых» вещей, сохранившемуся до наших дней, и известной науке как сибирская коллекция Петра I (Демин М.А., 1989, с.11).

Розыск курганных драгоценностей производились и в Горном Алтае, так служащий Кузнецкой крепости Петухов разграбил в 1763-1764 гг. богатые «иноверческие могилы» у сел Курота и Каракол (Демин М.А., 1989, с.16), в Улаганском районе, например, участники экспедиции, посланные по Указу Правительствующего Сената в 1745 году для поиска руд обследовать отдаленный, глухой район северо-восточного Алтая, расположенный в верховьях Бии, Телецкое озеро, низовья реки Чолушман, а также приток Башкаус, вместо розыска руд намеревались заняться грабежом древних могильников. Это следует из раппорта 1745 года воеводе Шапочникову казаков Шорохова и Пойлова. В нем они сообщают: «будучи возвратно по Бие реке в Кумандинских волостях виделись мы с бийским крестьянином Быковым с товарищами двумя человеками, которые ходили в рудоищиках с рудоискателем Петром Шелегиным по реке Чулышману в Зенгорское владение для прииску, от порученной Ея Императорского Величества бригадиру Беэру комиссии, руд. И Быков сказывал нам: ходило де нас рудоищиков 120 человек, для прииску руд по Чулышману, и ходили близ бугров, и в том де месте навстречу им вышло Зенгорских калмык с 400 человек и сказали им: «ежели вы станете бугры копать, то мы станем воеваться и по вас стрелять». И видя де то к себе запрещение поехали они оттудова попрежнему в дома и бугров не копали» (Розен М.Ф., 1996, с.27).

В конце XVII – XIX веков интерес к Горному Алтаю, Улаганскому району усилился. Организуются экспедиции Академией наук, правительственными ведомствами, университетами и научными сообществами.

Одним из первых внешний облик курганов и каменных изваяний описали и зарисовали видные исследователи Сибири и Центральной Азии, публицисты, археологи и этнографы – В.В. Радлов, Н.М. Ядринцев во время экспедиции 1880 года, А.А. Адрианов, участники статистической экспедиции во главе С.П. Швецовым.

Николай Михайлович Ядринцев во время путешествий 1878, 1880 гг. придавал большое значение описанию встречавшихся в пути курганов, изваяний и других памятников древности. Он зафиксировал, например, остатки древних ирригационных сооружений в долинах Катуни, Чуи, Чулышмана, Башкауса. Так, близ с. Усть-Башкаус в урочище Кумуртук ученый обследовал обширное древнее кладбище с огромными каменными насыпями до 100 шагов в окружности и 2,5 сажени в высоту. Всякий раз, когда ему удавалось наткнуться на разрушенный курган, он внимательно его осматривал и стремился выяснить внутреннее устройство захоронения. В долине реки Тышту он раскопал одну могилу, которой вода грозила полным уничтожением. Под насыпью из крупных камней залегал мощный слой каменного заполнения, и лишь на глубине 3,5 м встретились остатки угля и сгнившего дерева. После снятия деревянного покрытия обнаружили сильно истлевший скелет человека и примыкавший к нему костяк лошади. В головах, на дне могилы под камнем, лежали обломки орнаментированного глиняного горшка.

По наблюдениям Н.М. Ядринцева, отдельные курганы соседствовали с каменными фигурами, от которых в восточном направлении иногда отходила цепочка вертикально поставленных камней. У реки Башкаус (напротив села Чибиля) он предпринял попытку раскопать основание одного изваяния, выявив при этом две массивные каменные плиты и щебень (Ядринцев Н.М., 1882, с.29).

Во время плавания по Телецкому озеру в 1880 г. Ядринцев осмотрел, зарисовал и описал древнее укрепление примерно в 4 км севернее Беле: ”Отвесный берег с тропинкою по середине, соединявший два урочища, был поперек огражден грудами камня подобно брустверу или валу, тропинка завалена огромным камнем, один конец ограды упирался в отвесную скалу, стоящую под водой, другой шел выше до отвесной скалы к вершине горы. Войско, ложась за бруствер, защищало склон и стреляло при приближении неприятеля. В это же время на вершине горы устраивалось засада, и утверждались на

подпорах камни и обрушивались эти камни на неприятеля. Так были отбиты и загнаны в озеро сойоны или урянхи, нападавшие на телесов.

Укрепление располагалось в саженях 30 от мыса Артал и имело вид каменной насыпи поперек берега, преграждавшей тропу, которая в этом месте была завалена камнем-величиной аршина два с половиной длины и два аршина толщины“ (Ядринцев Н.М., 1882, с.33).

Александр Васильевич Адрианов в 1881 году на всем пути следования своего путешествия занимался исследованием археологических памятников долин рек Чулышмана и Башкауса, описывал каменные изваяния и остатки оросительных сооружений, описывал тайылга, расположенные близ аилов теленгитов, проживающих по р. Чолушман и Башкаус и т.д. Собрал и вывез многочисленные коллекции по археологии и этнографии. 28 предметов из Горного Алтая хранятся настоящее время в Российском Этнографическом музее (РЭМ коллекции переданы в 1905 году и зарегистрированы Д.А. Клеменцем, до этого коллекция находилась в ИРГО). Из Улагана он вывез рукоятку от шаманского бубна, представляющую собой антропоморфное изображение духа – предка шамана, которая была взята с могилы шамана на р. Чолушман, также в коллекции имеются два изображения птиц, снятых с вершин шестов, расположенных вокруг тайылга на реке Башкаус (Романова С.В., 2002, с.128).

В 1888 г. в поисках письменных памятников финно-угорской культуры совершил поездку в Горный Алтай финский археолог, профессор Иоганн Рейнгальд Аспелин. Опираясь на теорию М.А. Кастерна о саяно-алтайской прародине финнов, он стремился подкрепить ее археологическими материалами. В надежде обнаружить письменные памятники он исследовал долины рек Чарыш, Чуя, Башкаус, Чулышман (Исследователи Алтайского края, 2000, с.12).

Участники статистической экспедиции, организованной в 1897 г. управлением Алтайского округа для изучения алтайцев в связи с предстоящим землеустройством во главе Сергеем Порфирьевичем Швецовым собрали массовый статистико-экономический материал для характеристики хозяйства алтайцев, как кочевых, так и оседлых. Вместе с этим экспедиция собрала много этнографических сведений, отметив богатство Горного Алтая археологическими памятниками, погребальными сооружениями. С.П. Швецов описал оросительный канал в устье реки Башкаус в местечке Кумуртук, а также между селами Курай и Чибит (Швецов С.П., 1900, С.12).

Археологические изыскания были не чужды и известному миссионеру, этнографу, собирателю алтайского фольклора В.И. Вербицкому. Он писал о широко распространенных на территории края курганных сооружениях, так близ Телецкого озера он исследовал погребение, где вместе с костяком человека обнаружил остатки берестяного седла и железной сабли (Демин М.А., 1989, с.65).

В XIX в. довольно крупные работы по изучению погребальных сооружений Улаганского района проводил Е.И. Луценко, совершивший в 1897 г. поездку с целью сбора антропологических и этнографических данных о местном населении долин рек Чулышмана, Башкауса, Улагана, Чуи и Телецкого озера. Он вскрыл значительное количество теленгитских захоронений и подробно описал погребальный обряд южно-алтайских племен. Раскопки Е.И. Луценко не производил, а разбирал каменные завалы и деревянные покрытия могил, расположенных обычно на поверхности земли (Луценко Е.И., 1902, с.1-30).

Преподаватель Барнаульского реального училища ботаник В.И. Верещагин совершил в 1907 г. по поручению Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества поездку в южные районы Горного Алтая. Он неоднократно обращал внимание на памятники древности: курганные погребения, каменные изваяния, писаницы, оросительные каналы (Верещагин В.И., 1927, с.23, 29).

Григорий Иванович Чорос-Гуркин, ученик Петербургской академии художеств, первый профессиональный художник, в начале XX века предпринимал длительные поездки по Алтаю с целью его этнографического и художественного изучения. Он делал многочисленные зарисовки быта алтайцев, предметов быта, орнаментов, древних памятников, изваяний и наскальных рисунков. Большая часть зарисовок Гуркина сделана в его длительных путешествиях по Алтаю в 1908 и 1912 гг. Маршрут пролегал с низовьев Катуни

до ее истоков, он включал также в себя долину рек Чуи, Аргута, Чулышмана, Улаганского нагорья (Кубарев В.Д., Маточкин Е.П., 1992, с.10).

Наиболее существенные исследования древностей здесь начались с 1924 года и связаны вначале с деятельностью возглавлявшейся С.И. Руденко Алтайской экспедиции Этнографического отдела Русского музея. В низовье реки Чолушман открыт и раскопан могильник Кудыргэ, в 1925 году раскопки продолжены А.Н. Глуховым (Руденко С.И., Глухов А.Н., 1927, с.37). В том же 1924 году около села Балыктуюль в урочище Пазырык проходя горной тропой с реки Чолушман к устью реки Большой Улаган, участники этой же экспедиции обратили внимание на группу из пяти больших курганов с каменной наброской. Однако удаленность долины от населенных пунктов, возможность добраться только вьючными тропами и вытекающие отсюда трудности организации раскопок больших курганов не позволили в ближайшие годы заняться их исследованием. Экспедиция в урочище Пазырык вскрыла несколько оградок и выкладок, близ урочища Арагол в местечке Межелик были раскопаны два кургана и оградки (4х4 м), также раскопана оградка на реке Чибиля ”могилы около зимника теленгитки Анны Едоковой, у реки Чибилу (левый приток реки Башкаус) (Кубарев В.Д., 1984, с.128). Далее в 1929 году раскопки арагольского могильника были продолжены М.П. Грязновым, раскопавшим четыре кургана. В 1929 году на правом берегу реки Балыктуюль, притока реки Большой Улаган отрядом В.С. Адрианова были раскопаны три кургана (Руденко С.И., 1960, с.15). В том же 1929 году был раскопан первый Пазырыкский курган. Несмотря на замечательные находки, сделанные в первом Пазырыкском кургане, дальнейшие раскопки Пазырыкской группы курганов, после значительного перерыва, были возобновлены Институтом истории материальной культуры АН СССР только в 1947 году при участии Государственного Эрмитажа, куда и поступили все коллекции из раскопок экспедиции. В 1947 году были начаты раскопки кургана второго, в 1948 году вскрыты курганы третий и четвертый, в 1949 году был раскопан курган пятый. Всего было раскопано восемь курганов (пять крупных и три малых) (Руденко С.И., 1953, с.25).

В 1948 году С.И. Руденко, А.А. Гавриловой были продолжены раскопки могильника Кудырге, давшие дополнительные материалы. В эти же годы у поселков Улаган, Балыктуюль и в урочище Пазырык Л.Н. Гумилевым, А.А. Гавриловой было зафиксировано более 300 разновременных каменных курганов, оградок и изваяний (Гумилев Л.Н., 1959, с.107).

В 1967 году Южно-Алтайская экспедиция Государственного Эрмитажа во главе С.С. Сорокиным провела разведку в долине Улагана в окрестностях урочища Пазырык (Сорокин С.С., 1968, с.182-183).

В 1968-1969 годах Акташский отряд Алтайской экспедиции ИИФФ СО АН СССР и Кемеровского педагогического института, руководимый А.И. Мартыновым и А.М. Кулемзиным, начал раскопки в зоне затопления Чуйской (Акташской) ГЭС. В Чуйском могильнике (на берегу реки Чуи в Алгаильской и Боротальской долинах, в 12-17 км от поселка Акташ в сторону Кош-Агача) было раскопано 62 из 292 зафиксированных курганов (Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынов Г.С., 1985, с.148). В 1974-1975 гг. В.Д. Кубарев продолжил раскопки курганов в зоне затопления Чуйской ГЭС. В долине Боротал за два сезона вскрыто 18 курганов. В урочище Ала-Гаил было раскопано 11 курганов (Кубарев В.Д., 1980, с. 69-91).

В 1968 году краевед В.Ф. Чумакаев в междуречье Чулышман-Башкаус обнаружил ряд местонахождений с наскальными рисунками и затем передал С.С. Сорокину копии рисунков для совместной публикации (Сорокин С.С., Чумакаев В.Ф., 1971, с.140-145).

В 1976 г Алтайская экспедиция Института археологии АН СССР из города Москвы под руководством В.А. Могильникова также работала в зоне затопления Чуйской ГЭС. Отрядом А.С. Суразакова исследовано 9 курганов на Боротальском могильном поле (Боротал II, курганы 1, 2, 7 и Боротал III, курганы 1-5,8) и один курган в могильнике Ала-Гаил (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1980,с.180-191).

В 1977 году Алтайский отряд Южносибирской экспедиции Кемеровского университета проводил разведки и раскопки памятников черной металлургии в Горном Алтае, возглавляемый Н.М. Зиняковым. Раскопками у села Балыктуюль обнаружены четыре сыродутные печи, сооруженные из глины (Зиняков Н.М., 1977, с.231).

В 1979 году Восточно-Алтайским отрядом ИИФФ СОАН СССР, под руководством В.Д. Кубарева обследована долина реки Башкаус от Саратана до села Чибиля. Раскопаны две оградки с древнетюркскими изваяниями. (Кубарев В.Д., 1980, с.212).

В этом же году экспедиция Алтайского университета из Барнаула в составе М.Т. Абдулганеева и Г.Д. Глоба у поселка Балыктуюль, в 0,3 км к востоку от села обследовали поселение (около 1800 кв.м.) афанасьевской культуры. Поселение это обнаружено ранее сотрудником Горно-Алтайского музея С.С. Зяблицким в 1978 году (Абдулганеев М.Т., Глоба Г.Д., 1980, с.184). Также в 1979 году в Улаганском районе проводили исследования В.Н. Владимиров, С.В. Цыб. У слияния рек Ян-Улаган и Балыктуюля обследованы несколько могильников, состоящих из каменных курганов и оград (Владимирцов В.Н., Цыб С.В., 1980, с.197).

В 1980 году при участии Ю.Ф. Кирюшина был заложен раскоп на афанасьевском поселении (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с.62-70), с 1 по 15 августа 1980 года Горно-Алтайский отряд Государственного Эрмитажа, работавший в составе экспедиции АГУ произвел небольшую археологическую разведку в бассейнах рек Башкаус, Большой Улаган, Балыктуюль. В 12 пунктах осмотрены и скалькированы разновременные петроглифы (Марсадолов Л.С., 1981, с. 196).

В начале 80-х годов на могильниках Кок-Паш и Коо I А.С. Васютин, А.М. Илюшин, В.Н. Елин, Е.А. Миклашевич вскрыли более четырех десятков курганов гунно-сарматской эпохи (Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А., 1985, с.29-50). В эти же годы здесь были проведены разведочные работы сотрудником Горно-Алтайского областного краеведческого музея В.А. Кочеевым, и были зафиксированы остатки оросительных сооружений в долине Jыланду и в месте впадения в р. Чулышман р. Чульча (Суразаков А.С., 2003, с.91).

В 1982 г. археологи АГУ зафиксировали новые накальные рисунки и древнетюркские изваяния в местности Кижи-Таш на правом берегу р. Чулышман, у с. Язула (Мамадаков Ю.Т., 1985, с.216-217).

В 1985 году Алтайским отрядом Южносибирской экспедиции Кемеровского университета были продолжены раскопки на могильнике Кок-Паш, также возобновлены раскопки на могильнике Пазырык и проведена разведка в долине реки Ян-Улаган, где открыты два могильника – Сары-Кобы I и Сары-Кобы II (Илюшин А.М., 1986, с.241-242). Также в 1985 году Горно-Алтайская экспедиция Алтайского государственного университета вела раскопки в Шебалинском, Онгудайском и Улаганском районах. В Балыктуюльском могильном поле у села Балыктуюль исследованы 4 кургана. (Мамадаков Ю.Т., 1986, с.259).

В 1987-88 годах А.М Илюшин, М.Г. Сулейманов (Кемерово) провели раскопки памятников в долине реки Улаган, в местечке Сары-Кобы раскопано 6 объектов (Илюшин А.М., Сулейманов М.Г., 1997, с.93-103).

В августе 1993 года Улаганским отрядом Центра археологических исследований РА проводились аварийные раскопки на памятнике Межелик, на правом берегу р. Башкаус. Работы велись на площади памятника, подвергающегося угрозе уничтожения в ходе разработки песчаного карьера для асфальтирования дороги Улаган-Акташ. В работах принимали участие сотрудники ИАЭ СО РАН и НГУ (Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С., 2003, с.109-111).

В 2000 году Алтайским краевым общественным фондом ”Алтай-XXI век“ в бассейн р. Чолушман была организована комплексная экспедиция с целью сбора информации о перспективах организации здесь особо охраняемых природных территорий (ООПТ). Кроме специалистов-естественников, в экспедиции принял участие археолог (А.С. Суразаков), в задачу которого входило собрать данные об имеющихся в этих местах памятников историко-культурного наследия (Суразаков А.С., 2003, с.90-99).

В 2002 году сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН и АКИН на левом берегу р. Чульча осмотрены суваки. Осмотрены стелы в Jыланду –1 выявлены новые наскальные рисунки. У с. Чибит по правому берегу Чуи в районе мажойского каскада порогов и урочища Турлу-Теке-Таш обследовано несколько курганных групп и местонахождение петроглифов (Бюллетень археологических исследований, 2002, с.6).

В 2003 году сотрудниками Агентства по культурно-историческому наследию Т.А. Вдовиной, С.В. Трифановой проведены разведочные работы по поиску и фиксации оросительных сооружений на территории Горного Алтая. В Улаганском районе поиски оросительных сооружений велись по левобережью р. Чолушман от перевала Кату-Jарык до впадения в реку Чолушман реки Чульча (Вдовина Т.А., 2004, с. 116-124).

Таким образом, на территории Улаганского района выявлены памятники разных историко-культурных эпох: неолит, энеолит, бронзовый, железный века, средневековье.

Наиболее древними памятниками на территории Улаганского района являются раскопанные в 1924 году С.И. Руденко, и в 1929 г. М.П. Грязновым курганы в урочище Арагол, датированные финальным неолитом. (Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., 2004, с.21-26). В курганах лежали скелеты, посыпанные красной охрой. Из вещей найдены: кремневый наконечник стрелы, который оказался в грудном позвонке одного из скелетов (Уманский А.П., 1959, с.22), яйцевидный неорнаментированный сосуд высотой 16 см, грубо сформированный и плохо обожженный, с невысоким, отогнутым наружу горлышком, поверхность которого имеет следы заглаживания (Хлобыстина М.Д., 1975, с.17).

Следующий период истории представлен афанасьевской культурой. На территории Улаганского района афанасьевское поселение обнаружено в 0,3 км к востоку от села Балыктуюль, площадь около 80 кв. м. Основной материал, полученный при раскопках поселения Балыктуюль – кости (80 остатков костей, из них 53 – овцы, по 7 остатков – лошади и крс, 2 – птицы, 10 костей диких животным) и керамика (сосуды яйцевидной или шаровидной формы, остро - или круглодонные), Афанасьевские памятники концентрируются и по реке Башкаус (Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х., 1982, с.62-70).

Памятники раннескифского времени обнаружены в Ала-Гаил и Боротал. На территории этих долин было зафиксировано 292 объекта (раскопано около 91 объектов), среди которых выделялись каменные курганы с погребальными камерами в виде ящиков, на дне которых укладывалось тело умершего скорченно на левом боку, головой на СЗ, с погребением лошади. (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с.31, 59).

Межелик, левый берег реки Башкаус, на плоской вершине одноименного холма. Памятник включает 26 разновременных объектов, в качестве кладбища начал функционировать в раннем железном веке. Наиболее ранним объектом является курган №4, который содержал погребение с конем на горизонте, относящееся к майэмирскому времени. (Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С., 2003, с. 109).

На весь мир известны Пазырыкские курганы Улагана, (II – I курганы датированы в пределах 440-420 гг. до н.э., т.е. 2 половина V в. до н.э.; III ,IV , V – 1-я половина IV в. до н.э.) (Марсадолов Л.С., 1988, с.65-80), древности алтайских скифов – «стерегущих золото грифов», как названы они в «Истории» Геродота. Здесь обнаружены захоронения скифской знати, мумифицированные тела вождей, трупы лошадей, домашняя утварь, предметы искусства, музыкальные инструменты и т.д. Их изделия, созданные в скифосибирском зверином стиле, экспонируются в Эрмитаже и поражают совершенством пластики и яркой цветовой гаммой. Композиции со сценами борьбы реальных и фантастических животных являются теперь своеобразными знаковыми символами, олицетворяющими культурное наследие Алтая.

Памятники гунно-сарматской эпохи выделены А.А. Гавриловой в ее широко известной работе «Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен». До конца 70-х годов XX века было раскопано несколько десятков памятников, которые были подразделены исследователями на одинцовский, берельский, кудыргинский типы, а также древнетюркские каменные оградки. В то же время, интенсивные раскопки на территории Улаганского района в 80-е годы XX века внесли существенные дополнения и коррективы. Так, выделены новые типы памятников – балыктуюльский и кок-пашский (История Республики Алтай, 2002, с.178).

Самые многочисленные серии находок – наконечники стрел, а также однолезвийные палаши, вкладывающиеся в деревянные ножны, кинжалы и ножи с деревянными рукоятками. В комплект вооружения входили также панцирные пластины и поясная гарнитура (кожаная основа, пряжки, поясные кольца, распределители и наборные пластины – обоймы). Богатые погребения с большим набором вооружения принадлежали женщинам,

возраст которых колебался в пределах 25 – 30 лет, а их рост – от 180 до 213 см. Похоже, что женщина в кок-пашском обществе занимала верхнюю ступеньку иерархической лестницы. В то же время имеются данные и о другой части женских погребений с чисто ”женским“ инвентарем: золотыми и бронзовыми пекторалиями, накосниками, пряслицами, железным котлом и т. д. (Елин В.Н., 1989, с.119).

Тюркское время Улаганского района представлено разнообразными археологическими памятниками – каменными четырехугольными оградками, изваяниями, погребальными сооружениями. Наиболее известными из них являются курганы и поминальные комплексы Кудыргэ. Могильник оказался местом погребения в течение двух периодов – в период тюркского господства (VI – VII вв.) в основной его части и в период монгольского господства (XIII – XIV вв.) в меньшей части (5 могил) (Гаврилова А.А., 1965, с.12).

Могильник Кудыргэ остается до сих пор эталонным и уникальным памятником предтюркского, тюркского времени. Найденные здесь роговые обкладки луки седла, сплошь покрытые изображениями животных и охотничьих сцен, представляет собою сложную и высоко художественную композицию. До сих пор нет сопоставимых по уровню искусства находок эпохи средневековья.

Кудыргинский валун, три грани которого покрыты тонким резным рисунком, найденный в детском погребении рассматривается исследователями как одно из ранних древнетюркских изваяний. На одной его стороне изображено мужское лицо с усами и бородой, а на другой – сюжетная сцена: справа изображены сидящие в анфас нарядно одетые две фигуры (женская и детская), слева – три коленопреклоненные профильные фигурки с оседланными лошадьми. В вопросе семантики рисунков существуют различные точки зрения. Некоторые исследователи в сцене коленопреклонения видят изображение подчинения одного племени другому, другие – преклонение перед богатыми и знатными, третьи – отражение шаманского погребального обряда, изображения древнетюркских божеств и пример почитания богов коленопреклоненными людьми, изображавшимися маленькими фигурками (Гаврилова А.А., 1965, с.21).

Тюркские памятники обнаружены также в Алагаиле и Боротале, в окрестностях Улагана, в Кызыл-Мааны, Межелик (напротив села Чибиля), у слияния рек Балыктуюль и Большой Улаган, в урочище Пазырык, Сары-Кобы 1, Сары-Кобы 2 (окрестности Балыктуюля) и т. д.

Древнетюркская эпоха интересна тем, что именно тогда происходили те сложные процессы, которые привели к сложению наиболее древней этнической основы современных теленгитов, телесов, телеутов.

Исследования на территории Улаганского района продолжаются, пополняя свод археологических памятников Республики Алтай.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Глоба Г.Д. Раскопки в Горном Алтае // Археологические открытия 1979 г. – М., 1980. – С. 184-185.
2. Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С. 184-185.
3. Бюллетень археологических исследований 2002 г. в Горном Алтае. – Горно-Алтайск, 2002. – 24 с.
4. Васютин А.С. Исследования древнетюркских оградок в Горном Алтае // Археологические открытия 1981 года. – М: Наука, 1983. – С. 194-195.
5. Васютин А.С. О хронологии и этнической принадлежности раннекудыргинского комплекса археологических памятников // Археология Южной Сибири. – Кемерово: КГУ, 1985. – С. 73-79.
6. Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н., Миклашевич Е.А. Погребения предтюркского времени на могильнике Кок-Паш в Восточном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск, 1985. – С. 29-50.
7. Васютин А.С., Илюшин А.М., Елин В.Н. Исследования на Восточном Алтае // Археологические открытия 1984 года. – М: Наука, 1986. – С. 170-171.

8. Вдовина Т.А. Изучение оросительных систем Горного Алтая в 2003 году // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып. 2. – С. 116-130.
9. Вдовина В.А., Трифанова С.В. Обследование оросительных систем Горного Алтая в 2003 году (предварительные итоги) // Горный Алтай: история, современность, перспективы. Сборник научных статей. – Горно-Алтайск, 2004. – С. 239-243.
10. Верещагин В.И. Очерки Алтая. – Новосибирск, 1927. – 84с.
11. Владимиров В.Н., Цыб С.В. Исследования в Горном Алтае // Археологические открытия 1979 года. – М: Наука, 1980. – С. 197-198.
12. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л: Наука, 1965. – 113 с.
13. Гумилев Л.Н. Алтайская ветвь тюрок-тугю // Советская археология – М: Наука, 1959. – №1. – С. 105-114.
14. Демин М.А.. Первооткрыватели древностей. – Барнаул, 1989. – 118 с.
15. Древние курганы Алтая. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1998. – 128 с.
16. Елин В.Н., Васютин А.С. Воинское погребение предкудыргинского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1986. – С. 149-157.
17. Елин В.Н. О социальной структуре населения гунно-сарматского времени Восточного Алтая (предварительные наблюдения) // Скифо-сибирский мир. – Кемерово, 1989. – С. 119-121.
18. Зиняков Н.М. Исследования памятников черной металлургии в Горном Алтае // Археологические открытия 1977года. – М: Наука, 1978. – С . 231-232.
19. Илюшин А.М. Исследования на Пазырыке // Археологические открытия 1985 года. – М: Наука, 1986. – С. 241-242.
20. Илюшин А.М., Сулейманов М.Г. Раскопки археологических памятников в долине реки Улаган в 1987-1988 гг. // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – Вып. №2. – С.93-103.
21. История Республики Алтай. Том 1. – Горно-Алтайск, 2002. – 359 с.
22. Исследователи Алтайского края XVII – начало XX века. – Барнаул, 2000. – 279 с.
23. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири.– М: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
24. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 231с.
25. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул, 2003. – 234 с.
26. Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К. Ю. К вопросу о культурной принадлежности и периодизации памятников арагольского типа // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Сборник научных трудов. – Барнаул, 2004. – С. 21-26.
27. Кочеев В.А., Ларин О.В., Худяков Ю.С. Раскопки могильника Межелик // Археология и этнография Алтая. Выпуск 1 . – Горно-Алтайск, 2003. – С. 109-132.
28. Кубарев В.Д. Разведки и раскопки на Алтае. // Археологические открытия 1979 года. – М: Наука, 1980. – С. 212-213.
29. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск, 1980. – С. 69-91.
30. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
31. Кубарев В.Д., Маточкин Е.П. Петроглифы Алтая. – Новосибирск: ИАЭ, 1992. – 123 с.
32. Луценко Е.И. К антропологической характеристике алтайского племени теленгет // Русский антропологический журнал. – Москва, 1902. – №1. – С. 1-30.
33. Мамадаков Ю.Т. Работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1982 года. – М: Наука, 1985. – С. 216-217.
34. Мамадаков Ю.Т. Исследования в Горном Алтае // Археологические открытия 1985 года. – М: Наука, 1986. – С. 259-260.
35. Марсадолов Л.Н. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // Археологические открытия 1980 года. – М: Наука, 1981. – С. 196.
36. Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тысячелетия до н.э. // АСГЭ. – Л., 1988. – № 29. – С. 65-81.

37. Марсадолов Л.С. Археологическая разведка в Улаганском районе Горного Алтая в 1980 // Древние памятники культуры на территории СССР. – СПб, 1991. – С. 49-60.
38. Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников Алтая VIII – IV вв. до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). – СПб, 1996. – 89 с.
39. Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынов Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С. 147-172.
40. Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // Советская археология. – М., 1980. – №2. – С. 180-191.
41. Розен М.Ф. История исследования природы Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1961. – 94 с.
42. Розен М.Ф. Очерки об исследователях и исследованиях Алтая (XVII – начало XX века). – Барнаул, 1996. – 190 с.
43. Романова С.В. Из путешествия на Алтай и за Саяны (атрибуция коллекции А.В. Адрианова) // Музей. Традиции. Этничность. XX – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященный 100-летию РЭМ. – Санкт-Петербург; Кишинев, 2002. – С. 127-132.
44. Руденко С.И., Глухов А.Н. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Том 3. – Выпуск 2. – С. 37-52.
45. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л., 1953. – 401 с.
46. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М., 1960. – 358 с.
47. Сорокин С.С. Разведывательные работы в долине Улагана // Археологические открытия 1967года. – М: Наука, 1968. – С.182-183.
48. Сорокин С.С., Чумакаев В.Ф. Наскальные изображения в районе Пазырыка //Ученые записки ГАНИИИЯЛ. – Горно-Алтайск, 1971. – Выпуск 9. – С.140-145.
49. Суразаков А.С. Отчет по экспедиции на Чулышман в августе 2000г // Археология Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Выпуск 1. – С. 90-99.
50. Уманский А.П. Памятники культуры Алтая. – Барнаул, 1959. – 153 с.
51. Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // Советская археология. – М., 1975. – №1. – С. 42-59.
52. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. – Барнаул, 1900. – Том I. – Вып. I. – 394 с.
53. Ядринцев Н.М. Отчет о поездке, по поручению Зап.-Сиб. Отдела Императорского Географического Общества в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катуни // Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества. – Омск, 1882. – Книга IV. – С. 1-46.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И.
(г. Абакан)

АРМИЯ ВЕЧНЫХ ДУХОВ ХАКАССКИХ ШАМАНОВ

Сила хакасских шаманов заключалась в действии армии служебных духов-«тёсей» (төс). Идентичные названия для невидимой силы употребляли тувинские (дөс) и алтайские (төс) избранники духов. Хакасский термин «төс» в переводе на русский язык обозначает «первооснова, корень, сущность», т.е. основной дух. Знаменитый исследователь тувинского шаманизма М.Б. Кенин-Лопсан воспринимает слово «дөс» или «ээрендөстӱк» как корень духа шамана. Аналогичный смысл носит монгольское название шаманских духов – «онгон». По мнению бурятского ученого Т.А. Бертагаева, слово «онгон»

происходит он монгольского корня «онг», имеющего значение «первооснова, первичная сущность». В русских документах XVII – XIX вв. шаманские духи назывались шайтанами. В хакасском языке духовные силы шаманизма, помимо слова «төс», имели дополнительные определения: «төстүп» – основная база, «төс түлүк» – духовные силы, «төстік түлүк» – коренной продукт, «төс түлүп» – основная сила (переводы предположительные).[1] Указанными словосочетаниями хакасами определялась и в целом их шаманская религия. Например, «төстүпке киртінерге» – верить в шаманскую религию, «хоорай төс түлүги» – хакасский шаманизм. Специфика шаманизма заключалась не в наличии особых служителей, а в духах – тёсях, которые могут вступать в связь с ними.

Тёси, согласно шаманским представлениям, – это невидимые бессмертные существа (мөги ниме). В молитвах говорится, что они были созданы вместе с землей и водой, сотворены вместе с небом. Их создал подземный творец – Ирлик-хан в виде вечных богатырей-алыпов. После сотворения земли алыпы Ирлик-хана стали уничтожать живых тварей солнечного мира. Не найдя другого способа расправы, верховный творец Хан-Худай, согласно представлениям бурханистов, закрыл их в горах с мыслью: «Пусть они встанут на защиту людей солнечного мира (күнніг кізі)». Так возникли горные духи-хозяева (тағ төстері), с которыми связана судьба хакасов. Вместе с тем горные духи стали также служить шаманам, представляя их тёсей (хам төстері).

Как правило, камы получали своих духов по наследству от предков и укрепляли их ряды дополнительными дарами мифического патриарха Адам-хана. Незначительная часть шаманов приобретала тёсей от горных духов в результате избрания их в родство духами-хозяевами гор. Наряду с камами, знаками избранничества горных духов отмечались и великие сказители – хайджи, которые выражали свое родство с ними словесной формулой: «пир ханым, пир сөөгім» – моя единая кровь, моя единая кость. Шаманы, обладавшие тёсями определенной горы, проходили там свое обучение. Например, у Сарго Мойнагашевой таковой служит гора Тапсаачы-хая. Во время камлания она, обращаясь к ней, призывает свои силы. Шаманка Чурдикова Тодо-хыс считала своей горой – Хара Сорах (в горном массиве Сахсары). В молитвах она обращалась к этой горе со следующими словами: «меня познавшая гора Хара-Сорах, со стороны луны покрыта золотом, со стороны солнца покрыта серебром, место моего начала (т.е. где прошла обучение) Хара-Сорах». У шаманки Тапай Кидиековой (Амзораковой) из аала Халар тёси женского пола – «семь дев» содержались в горе Синдер по р. Таштып, а мужские тёси – «девяти парней» закрывались в горе Чымыр по р.Тёя. Шаман Егор Кызласов, при завершения молений, закрывал своих духов в горе – «Пятиглавом Хан-Тигир Тасхыле», а Мукулка Боргояков – в пятиглавом Борусе.

Шаманские тёси представлялись в виде зверей (волки, тигры, медведи, зайцы, мыши), птиц (сороки, соколы, вороны, кукушки, коршуны), насекомых (мухи, комары), змей, вихря, тумана, звезд и т.д. Они летают, как ласточки, снуют, как мухи. Тёси в виде птиц летали на разведку по горам и по селениям. Их внешность описывается следующим образом: «Имеющие лицо чернее земли; имеющие сердце тверже скалы; имеющие глаза величиной с чашку; имеющие лоб наподобие дна котла; имеющие нос, как у совы. Расстояние между глаз больше четверти; расстояние между ушами больше сажени». Некоторые тёси имели глаза на темени, имели рты на пятках.

Шаманские тёси различаются по полу и внешности, по своему назначению и функциям. Шаман при камлании иногда подчеркивал половые особенности некоторых тесей: «С вульвой в виде расщелины земли, с волочащимися по земле удами. С клитором в девять четвертей, с членом величиной с четырехлетнюю рыбу хариус».[2] Тёси могли быть жестокими, глупыми, мудрыми. Умные духи во время сеанса камлания наделяли своими свойствами дурных шаманов. Например, шаманка Манчах Боргоякова имела дурные задатки. Но ее мудрые тёси во время камлания преображали их госпожу, и она совершала умные поступки.

В иносказательной речи шаманов тёсей называли своим народом – «чоным», наделяя их следующими эпитетами: «хамых чоным» – весь мой народ, «илім чоным» – мой элитарный народ, «хоорайларым» – мои хонгорцы; «албатыларым» - мои подданные, «күчүннерім» – мои силачи, «ил сириим» – моя народная армия; «тигірлерім» – мои не-

бесные силы; «айғахтарым» – мои духи-хранители; «хағбаларым» – мои ангелы-хранители; «салдыларым» – мои родовые бесы, «илчілерім» – мои посланники и т.д. В целом служебные духи представляли воинство шамана и поэтому назывались «хан сиріг» – личная (букв. царская) гвардия.

Тёси, избрав себе хозяина, становятся его послушными солдатами. Чем многочисленней «армия» невидимых духов, тем сильнее их полководец-шаман. Кам обязан был в своих молитвах упоминать имена предков, тёси которых стали его гвардейцами.

К тёсям применялись особые обращения-возгласы. Например, шаманы во время моления духам-небожителям применяли обращение «хобат», при почитании богини огня «От-ине» восклицают «шама», при поклонении фетишу аба-тёсь говорят «ямы», во время моления фетишу хызыл-чалама произносят «шали» и т.д. Эти религиозные призывы ныне не переводимы. Их нельзя употреблять без надобности, иначе тёси могут оскорбиться и покарать шамана. Как только тёси реагировали на призывы и появлялись, то шаман радостно здоровался с ними, говоря: «элем-салам» – мир вам (влияние исламской культуры).

Тёси в свободное время располагаются в своих резиденциях – «турлаг». Они признавались существами, обитающими среди различных природных стихий и явлений: в горах, в земле, в воде, в огне, на радуге и на небесах среди созвездий. Сильные шаманы приобретали духов от звезд, огня и даже молнии. Например, у шамана Мачор Мишакова, жившего в начале XX в., тёси обитали на созвездии Большой Медведицы. Во время камлания он притягивал духов Большой Медведицы в свой бубен.

Шаманские тёси согласно своему происхождению и деятельности делились на «белых» («арығ төстер» – букв. чистых) и «черных» («пуртах төстер» – букв. грязные, нечистые). «Чистые» тёси якобы обитают в горах, в огне и на небесах. Шаманы, признанные горными духами (тағдан танытхан), получившие дар от богини огня «От ине» (оттаң таптырған) или от богини Умай, относились к белым – «арығ төстіг хам» и великим шаманам «пугдурам». Камы, получившие дар от молнии «күгүрттең сыххан хам», камлали при помощи огненных духов-тёсей, идущих от грома и молнии (чазын төстіг хам). Потомки людей, пораженных молнией, становились избранниками небесных сил.

Черные тёси, т.е. «нечистые», обитали в тайге, под землей и в воде.

Шаманы, получившие дар от духов-хозяев тайги (тайғадаң таптырған), от духов-хозяев рек (суғдаң танытхан), от духов-хозяев болезней, в частности от оспы (чохыр аалчыдаң танытхан), от духа-покровителя овечьего ызыха (хой ызығынаң таптырған) и от заблудившихся духов-тёсей (асхын-пусхун төстіптең танытхан) относились к черным камам – «пуртах төстіг хам». Среди них встречались пожиратели людей – «чеек хам». Они могли обладать могучей армией духов и также быть великими шаманами – «пугдурами». Они имели духов-тёсей в виде медведей, волков и других хищников. Каждый шаман должен изображать своих духов на ударной стороне бубна и на одежде. Образы «чистых» тёсей рисовали на верхнем секторе бубна, а «черных» – на нижнем.

Шаманы получают духов-тёсей, как уже сказано, по наследству от предков и от Адам-хана. Поэтому в шаманских текстах говорится: «Со старины унаследованные, с древних времен кормящиеся жертвенным паром, нечистые силы Адам хана». Тёси, доставшиеся по наследству от предыдущих шаманов, называются «инджи» (инчі) – т.е. наследие, приданое. Черные шаманы получают «хара инчі» – черное наследие (т.е. «нечистые» тёси), а белые имеют «ах инчі» – белое наследие (т.е. «чистые» тёси). Прекращение наследственной шаманской силы (инчі), т.е. обладание тёсями, связано или с вмешательством сил окружающей природы и фауны или с нарушением запретов. Например, в роду Нербышевых (сеок табан) шаманский род прервался в связи с тем, что их предка-шамана съел медведь.[3] Нарушение запрета могла повлечь за собой месть природных духов. Шаман Чалбарт из сеока сарыглар силой тёсей был вбит в скалу Чалпан из-за неисполнения во время камлания предписания для членов рода. Сила шаманства могла пройти из-за неправильного использования камом своих духов. В том случае, когда шаман ставит перед тёсями непосильную задачу, то его духи могут не выдержать и покинуть его. Непосильное поручение грозило шаману потерей тёсей. Шаманов, ставших простыми людьми, называли «айаан хам» (айыххан хам) – потерявший знания, очнувшийся, ибо их навсегда покидали тёси.

Тёси умершего шамана называются «хара тöс» – черные духи (букв. черная основа). Черные духи, потеряв хозяина, по ночам бубнят в черный бубен (т.е. бубен умершего шамана). Со временем, благодаря гадательной игре на черном бубне, они находят следующего избранника, который должен стать шаманом. По народным представлениям, во время смерти или рождения нового шамана резко изменяется погода, т.е. поднимается буря, льет проливной дождь с сильным ветром. Подобные ураганы, якобы, происходят от проделок собравшихся на шабаш тёсей. При пыльной буре и хакасы, и русские старожилы – чалдоны говорят: «умер шаман» или «шаман трясет медвежью шубу», имея в виду разгулявшихся духов медвежьей атрибутики. Когда осенью поднимется буран (хас-пораан), то хакасы считают, что медведи («агалар» – букв. предки, ибо медведь брат человека) перед залеганием в берлогу загуляли, т.е. справляют шабаш медвежьи духи.

«Хара тёси» боятся Адам-хана, ибо если они попадутся ему на глаза, то последний может посадить их под замок в своем дворце. В том случае, если тёси не перейдут кому-либо по наследству, то они могут превратиться в злые силы «айна», вредящие людям. Оставшись после смерти шамана без хозяина, вечные тёси стремятся выбрать из его рода для себя нового повелителя. Тёси сами выбирают кандидатуру и проверяют его данные.

По словам кама Туда Юктешева, после смерти шаманки Кам-Озек, ее тёси разошлись по разным горам и жили в них, как горные духи. Некоторые из них, как, например, богатырь в железной кольчуге – «хара алып» обитали на Белогорье в верховьях Абакана. Тёси жили в горах до тех пор, пока среди сеока таяс не появился представитель, рожденный с лишней костью, т.е. будущий шаман.. Когда в роде таяс появился претендент с лишней костью, тогда духи – тёси вышли из своих убежищ и пристали к избраннику (т.е. Юктешеву), заставляя его стать камом, чтобы продолжить дело далекого предка шаманки Кам-Озек. [4]

Знаменитые духи предков, образы которых восходят к славным героям Хонгорая, были наделены самостоятельными именами. Например, мужской тёсь «Хан-Солагай» рассматривается как мифический хозяин рыжих коней «ызыхов». Среди качинцев он носил второе имя – Чизе-хан, а среди сагайцев – Хан-Кинен. Дух Хан-Солагай похож на человека и выступает как сын китайского императора Хыдат-хана. Его изображением служил фетиш «хызыл тёсь» и «ах тёсь». Место обитания мифического хана рыжего «ызыха» Хан-Солагая находилось в Китае, где расстилается красный песок и растет красная лоза, где в центре Земли стоит семигранный красномедный столб. Он ездит на красно-рыжем коне, с красными шелковыми поводьями. Он носит красную одежду, надевает красную бобровую шапку и красные сафьяновые сапоги. Выпущенная из лука стрела знаменитого меткого стрелка Хан-Солагая никогда не упадет на землю, не поразив противника. Ясновидящий Хан Солагай считается предком хакасского народа. Он погиб в великой войне с южными врагами Хонгорая и, поэтому, стал великим духом.[5] Хан Солагай изображался на бубне в виде красного всадника с луком, сидящего на рыжем коне. Каждый кам имел своего Хан-Солагая, который постоянно находится возле шаманской юрты, вооруженный луком и стрелами. Если к юрте шамана приближались духи враждебного соперника, то Хан-Солагай стрелял в них из своего лука, поражая противника меткими стрелами. Во время дуэли между шаманами он усердно помогал своему господину и боролся за него с вражеским Хан-Солагаем. Возможно имя духа-предка Хан Солагай – меткий стрелок Царь-Левша связано с именем исторического лица – великого посла Кыргызского государства Чжуву Хэ-Со – Искусного Стрелка с Левой Руки, которого в 843 году правитель Ажо отправил в Китай с великой миссией.

Дух Хара-Тума являлся покровителем вороных «ызыхов». Он изображался на мембране бубна в виде черного всадника. Хара Тума был младшим сыном хана черных монголов и обитал в Монголии. Коновязью его коня служил медный столб, установленный в центре земли. Он ездил на вороном коне, плеть его из черной змеи, дыхание его синий туман.

Женский тёсь Хан-Салыг, согласно мифологии, представляет дух (айна) брошенной старой девы, которая на соловом коне прибыла в Хонгорай из страны Торбет, т.е. Северо-Западной Монголии. На земле ее предков растет красная лоза и расстилаются крас-

ные пески. Хан-Салыг одевается в одежды из желтого плиса, носит желтые сафьяновые сапоги, имеет в ушах золотые серьги, а грудь украшает серебряным нагрудником «пого». Это дух – покровитель соловых «ызыхов», изображаемый на бубне желтой краской.

Дух Кирбе-хан представляет главу овечьих «ызыхов» желтой масти. Он изображается на бубне в виде лягушки и относился к нечистым тёсям (пуртах). По мнению шаманов, лягушка являлась покровителем овечьего стада. Поэтому Кирбе-хану в жертву посвящали желтую по масти овцу. Дух овечьего ызыха «Кирбе-хан» обитает в горах Ыргах-Таргах в Западных Саянах, кишащих земноводными. Вполне возможно, что имя тёся происходит от термина «кирбе» – пиявка, отмеченного в словаре В.Вербицкого.

Шаманский тёсь в образе гуся носит название «Ынгай-Хоох». Он был величиной с конскую голову и имел пестрое оперение. Его имя восходит к древнетюркскому слову «йугак» – гусь и происходит от подражания крику гуся «ынгай-гак». Шаман во время камлания садится на него и отправляется в свое путешествие за душой больного.

Среди армии служебных духов встречаются: немой, воровской, передразнивающий, свистящий, щекочущий и т.д. В зависимости от присутствия того или иного тёся менялась манера поведения шамана. Когда зайдет воровской тёсь (оғыр төс), то чтобы он ни просил, давать нельзя. Если случайно передадут, то на больного надо было вылить семь или девять чашек холодной воды, дабы внезапным вздрагиванием тела избавиться от него. При подражающем тёсе (өткінчек төс) надо было тихо себя вести. Если кто-то закашляет, то шаман также кашляет. Тёсь, производящий щекотку (хылчых төс, хылчыхчыл айна), имеет коровьи ноги и собачью голову. Как он зайдет в юрту, то начинает щекотать людей. Избавиться от него следовало следующим шаманским заговором: «имеется ли обмен на пестрые глаза, я в придачу дам пеструю змею, имеется ли обмен на светлые глаза, я в придачу отдам ядовитую змею». После указанных слов люди кричали: «у человека нет таких глаз на обмен».

У каждого шаманского атрибута существовал свой тёсь-хозяин. Например: «тулбек» (тӱлбек) – дух-хозяин шаманского костюма, «тубен» (тӱбен) – дух-хозяин бубна, «оджан» (очаң) – дух-хозяин жезла и т.д. К ним шаман обращался со следующими словами: «Мои оджаны, держащие жезл-орба, обвейтесь вокруг моей правой руки! Мои тубены, держащие бубен, закрепитесь на моей левой руке! Мой тулбек закружись вокруг меня!».

При обряде камлания в качестве жертвы обязательно кололи белого ягненка, ставили в юрте белую березу и готовили молочную водку – «араку». Сначала шаман призывал своих духов. Он открывал дверь юрты, издавал громкий свист и, изображая на лице улыбку, пятясь к почетному углу давая проход своим гвардейцам, пел молитвы. Каждый раз, обращаясь к тёсям, кропили аракой с троекратным восклицанием «сӧӧк». В юрте возжигали богородскую траву (ирбен), запах которой привлекал духов. При призыве тёсей шаману сначала необходимо «забронироваться» (хуйахтанча), имея трезвый вид. Пьяного шамана пришедшие духи наказывали лишением жизненных сил и потерей сознания.

После того, как шаман окружит себя «армией» духов и объединится с тёсями в единое целое, то он перестает быть простым человеком. Тёси забирают рассудок и делают его жестоким. Теперь он властительный и суровый повелитель духов. Его приказы и решения должны точно исполняться духами. "Мои всевидящие! – приказывал шаман, – пусть не останется места в мире, не известного вам! Все, что попадется вам на глаза, говорите безошибочно! Если же вы скажете ложь, то я расшибу в кровь ваши черные головы!" При этих словах шаман сотрясал в воздухе своим жезлом (орба). Ничего в мире не остается ими не замеченными. Тёси не имеют права вернуться назад, не исполнив приказа. Они вступают в борьбу со злыми силами и тёсями других шаманов. Тёси понимают язык шаманов. Они слушаются приказов – «хызан», отдаваемых при помощи поднятия жезла - орба. Шаманы управляют ими словно всадники конями, придерживая вожжи.

Каждый шаман имеет разное количество тёсей. Они имеют право отбора для себя только необходимых духов и даже возможность посадить их на привязь в горах. Сарго Мойнагашева, получив в наследство от своего прадеда шамана Кечука целую «армию» духов, отобрала для себя только три нужных тёся: Хан-Солағай, медвежий тёсь (аба төс) и совиный тёсь (ӱгӱ төс). От остального наследства Кечука она отказалась, посчитав его неподходящим для себя, ибо у нее слабое сердце. Анисья Сыргашева главного своего

тёся Алабарса перед смертью «привязала» в горе, чтобы он помогал оттуда ее сыну, работавшему шофером. Анисья Сыргашева 1905 г. рождения жила в д. Кызыл-сук и камлала за мизерную плату, в основном за подношение вина.

Тёси и горные духи очень любят слушать сказания и горловое пение «хай». Если случалось, что шаман начал камлание, а в другом месте в это же время исполнялось героическое сказание, то они не являлись на вызов шамана. Хай притягивает шаманских тёсей. Если поет хайджи, то шаман не сможет камлать. Тёси садились на музыкальный инструмент и слушали пение сказителя. Согласно народным представлениям у шамана и рапсода – хайджи дорога считалась единой (хамнаң хайчылның чолы пір). То есть, пути у богатырей сказаний (нымах чолы) и шаманских духов (хам чолы) общие. Во время исполнения героических сказаний души богатырей – «алыптың сүнезі» на своем пути могут встретиться с тёсями, камлающего в это момент шамана. Согласно субординации хайджи останавливал сказание, кропил вином и, после прохождения тёсей, продолжал путь богатыря. Если он не остановится, то духи заслушаются сказания и шаманы не выполнят необходимый обряд, что чревато местью с их стороны.[6]

Многие великие сказители «хайджи» становились шаманами, ибо способность к горловому пению они получали от горных хозяев. Горные духи во время посвящения заводили сказителя к себе во дворец, где находились шаманские атрибуты и музыкальные инструменты. Хайджи, выбравший путь рапсода, приобретал чатхан или хомыс. Если он возьмет шаманский костюм, то станет камом. С другой стороны, великие шаманы умели петь горлом – хаем. Шаманы благодаря камланию могли притянуть духов-хозяев песен (сарын ээзі), живущих в горах, и простой человек становился одаренным способностью певца. Перед исполнением сказания хайджи исполняют зачин, напоминающий призыв шаманских духов. Он покашливает и играет наигрыши, притягивая духов-хозяев сказки. Указанный зачин носит определение «чолын ачарга» – открыть дорогу для богатырей. Так, например, делал хайджи Каптос Кабельков.[7]

Хакасы относятся к тем редким народам, у которых бытовало горловое пение – «хай» или «хайыл». Хай – это песенный жанр, исполняемый при помощи особого сжатия гортани нешироко открытым ртом. У хакасов бытовал одноголосый хай с хрипящими звуками, напоминающими гудящий рокот моря. В такой манере под аккомпанемент чатхана исполнялись героические сказания, как правило, ночью по праздникам или во время поминок. Интересно отметить, что у кыргызов Тянь-Шаня под словом «кайым» понимается состязательная песня-импровизация по покойнику. Существует мнение о южносибирском происхождении горлового пения, ибо за пределами Саяно-Алтая он практически не встречается.

Согласно народным представлениям, умение петь горлом дает «хай ээзи» – дух-хозяин хая. Хакасские мифы утверждают, что «хай ээзи» пришел в Хонгорай из Тувы. Он сначала поселился среди сагайцев в междуречье Большой и Малой Еси (Ис харчызы). Надо отметить, что перекрестки рек и дорог – любимое место духов-покровителей музыки. Первый встречный так испугался вида «хай ээзи», что от отвращения невольно произнес «татай» (магическое заклинание от нечисти). «Хай ээзи», обидевшись, сказал: «ты произнес заклинание «татай» и поэтому счастье пройдет мимо сагайцев. Здесь я оставлю только маленькую толику искусства горлового пения». Затем он ушел на север Хакасии и поселился в междуречье Июсов, где до сих пор находятся лучшие хайджи. Из сагайской части Хонгорая он сначала двинулся в верховья рек Мрассу и Томь, передав искусство горлового пения шорцам. Исходя из представлений хакасов, первоначально искусство горлового пения зародилось в Туве, а затем распространилось в долине Абакана и Июсов. На Северный Алтай дух-хозяин хая пришел из долины Абакана, что подтверждается и алтайскими мифами о заимствовании алтайцами музыкального искусства из страны Конгырай-Сагай.

Для того чтобы научиться горловому пению и приобщиться к тайнам игры на музыкальных инструментах, ученики отправлялись безлунной ночью на перекресток трех дорог, где, якобы, любили собираться духи-покровители музыки и песен. На этом месте необходимо в течение трех ночей подряд петь и играть. При соблюдении таких условий, на третью ночь должен явиться «хай ээзи» и передать искусство горлового пения. Обучив

будущего хайджи, он, якобы, произносил: «Пусть у тебя будет хомыс и носимой одеждой, и насущной пищей, и верховым конем!». Согласно мнению исследователей, в этом древнем поверье присутствуют инициационные мотивы.

«Хай-ээзи» неотступно следит за исполнительским мастерством хайджи. Запрещалось искажать содержание героических сказаний, а тем более, не закончив, прерывать их. В таком случае верили, что сокращается жизненный век рапсода. Рассказывают, что однажды какой-то сказитель прервав сказание, лег спать. Ночью во сне к нему явился «хай ээзи», который разбудил его и сказал: «Богатырь твоего сказания не вернулся домой и остался стоять в печали на вершине горного хребта. Много сказаний ты до конца не рассказал, много богатырей ты оставил в печали. Теперь ты умрешь!». Как не просил незадачливый рапсод оставить его в живых, но «хай ээзи» остался непреклонным. В другом случае рассказывают, что один хайджи, который многие сказания не довел до завершения, в конце концов, состарившись, сам скончался. Но дух-хозяин хая не отпустил должника, на третий день после смерти поднял его из гроба и заставил в течение сорока дней исполнить все неоконченные сказания – «алыптыг нымахи», после чего отправил его на тот свет.

Путь богатыря эпического сказания («нымах чолы» – букв. дорога сказания) должен начинаться и заканчиваться рапсодом в одном и том же доме. После исполнения «алыптыг нымаха» для сказителя и собравшихся людей хозяева устраивали угощение «нымах тойы». Люди верили, что в таком случае сказочный богатырь принесет хозяевам счастье.

Особое могущество «хай ээзи» имеет «красным» вечером и, что бы не случилось, не дает оторваться поющему сказителю от чатхана. Однажды вечером, как говорят, во время исполнения сказания, жена хайджи вышла на улицу. Их ребенок, ползая по полу, упал в очаг. Мать прибежала на крики малыша, выхватила дитё из огня и увидела, что хайджи продолжает петь героическое сказание, а по его лицу текут слезы. «Хай ээзи» не отпустил его от пения.

Однажды один шаман побился об заклад с хайджи, говоря: «когда я стану шаманить, то в мире иной реальности «хамных чир» пойду по пути богатыря и не отпущу духа-хозяина хая». Сказитель решил поспорить и начал богатырское сказание, а кам, облачившись в снаряжение, отправился в свое путешествие. Во время камлания он, подгоняя духов, встал на дорогу духа-хозяина сказания. Сказитель в этот момент потерял голос. Когда хайджи утратил способность к исполнению сказания, то подоспела душа богатыря, сумевшая помочь исполнителю, восстановив голос. На пути героев сказания попадаются Огненное и Ядовитое моря. Мифический крылатый конь богатыря «аран-чула» перескочил Огненное море. В этот момент шаман не смог близко подойти к огню и с криком «пееп» (возглас от ожога) упал навзничь. Его шаманская одежда загорелась. Шаман потерпел поражение от духа-хозяина «хая» и проиграл спор.[8]

Во время камлания шаман обязательно оставляет одного-двух тёсей на пороге юрты, чтобы они охраняли жилище. Если шаман погибал в битве со злыми силами, то оставленные тёси-телохранители навсегда оседали под порогом. Это являлось одной из причин особого отношения к порогу. На него нельзя наступать, иначе заболеешь. Детям нельзя сидеть, иначе не вырастешь и т.д.

Иногда шаман, от усталости или желая проучить кого-либо, временно «прилеплял» тёсей к простому человеку и отправлял его в поход вместо себя. Участники камлания, которых шаман окружал тёсями, теряли рассудок. Обычно так он практиковал с девятью парнями и семью девушками, выступавшими его помощниками. Чтобы тёси к ним не «прилипли», девушки и парни брали в рот черные угольки, а на горле рисовали крестик. Если тёсей не хватало, то во время обряда шаман мог взять духов-ангелов хранителей у присутствующих людей и обратить, или присоединить, их к своей гвардии. В иллюзорном мире «хамдых чир» тёси и духи-ангелы простых людей борются вместе против армии духов противника. Если какой-либо шаман погибнет в битве, то его тёси переходят под власть победителя.[9]

Обязательным условием для камлания является наличие спиртного напитка «арака», которым поили тёсей. Они считаются создателями спиртного зелья (арағаны айна чайаған). Если шаман камлал на «сухую», не совершая возлияния вином, то тёси его «забраковывали», т.е. отказывались от хозяина и ему мстили. Так, например, при камлании Тоомаху Сербигешеву тёси исполнили свою обязанность и вылечили его. Но

шаман пренебрег требованиями, забыв напоить духов их зельем, и поэтому поплатился своим здоровьем. Они поставили «тамгу» на правую руку шамана и она отсохла. Если тёсям не кропили аракой, то шаман бился в припадках и закатывал глаза. В таком случае он просил: «ала хараамның одын пириңер» – дайте мне огонь моих пестрых глаз!», т.е. срочно напоите духов вином.

Заключительным этапом камлания является распускание тёсей. «Чистых» духов отправляли по разным сторонам, как жаворонков и перепелок, а «нечистых», проявляющих непослушание, сначала притягивали к флажкам жезла-орба. Последние духи-тёси вместе с собой могут забрать «огонь глаз», т.е. зрение. Поэтому шаман при их распускании наказывал: "Не забирайте огонь моих глаз". Когда тёси удалятся, то кам превращается в простого человека.

Невидимая отрицательная сила, негативно влияющая и дурно действующая на людей, носит собирательное название «айна». «Айна» пожирает жизнь людей, приносит болезни, толкает на самоубийства, преступления и другие отрицательные поступки. Как считают тюркологи первоначально слово "айна" относилось к иранскому по происхождению термину, обозначающее зеркало. В Хонгорае его стали связывать с видимым отражением человека в зеркале, которое приняли за нечистую силу. До сих пор ночью запрещается смотреть в зеркальное отражение, ибо в нем покажется "айна". Ни в одном другом языке тюркского мира слово "айна" не употребляется в подобном значении.[10]

Термин «айна» в некоторых случаях употребляется в качестве синонима для тёсей («хам айналары» – шаманские силы). Нечистая сила «айна» относится к особому «народу», созданному подземным божеством Ирлик-ханом во времена сотворения земли. Поэтому это дьявольское создание вечно обитает как в нижнем, так и в средних мирах. Нечистая сила невидима для глаз и неслышима для ушей человека. Чтобы ее лицезреть, надо взглянуть из-под левой подмышки, согнув руку в локте. Подмышечное лоно создает эффект видимости запредельного мира.

Если в речи человека часто применяется слово «айна», то нечистая сила радуется этому призыву и может навредить болтливым людям. Нечистая сила двигается по своим путям, называемым «айна чолы», причем порой крутится по ним в виде вихря. «Айна» боится режущих предметов (нож, ножницы, топор) и колючих кустарников (боярышник, золотарник, караганник, шиповник, крыжовник, облепиха), которые имеют общее название: «айна аоастары» – чертовы деревья. Они применялись при лечении болезней для изгнания злых духов. С другой стороны хакасы никогда не разводили сады из этих деревьев, как в прочем и других. Существовало предубеждение, что если посадить черемуху или боярышник рядом с домом, то будет несчастье.

Нечистую силу «айна» можно поразить выстрелом из ружья, заряженного бронзовой круглой пуговицей «хола марха» или ножом с бронзовой ручкой. Свинец на них не действует. Вплоть до советской эпохи все хакасы в качестве амулета против «айны» носили бронзовые пуговицы. Вероятно, эти представления уходят в глубину веков, к временам бронзовой эпохи.

Старые девы, согласно поверьям, сами становились нечистой силой жилища (чурт айназы), ибо не выполняли своего социального предназначения стать матерью. Их никогда не приглашали на общественные мероприятия. О себе хакасы сами говорят: «пістің тадар чон айна чарымы чон. Піске ле урунмас, хаппас ниме чоғыл» – наш хакасский народ наполовину связан с «айной». Нет ничего в мире, чтобы нам не встретилось, не прицепилось.

Черные бесы, оставшиеся от старых шаманов или бывших хозяев жилищ, у хакасов обозначались именем «салды» или «салдыма». Происхождение их связывают или со злобными духами умершего в юрте шамана, или с нечистой силой, подосланной в дом шаманом. Возможно, это название возникло от хакасского глагола «салда-» – грызть кости, т.е. гложущий дух. Дух «салдыма» появляется только ночью, в виде бегающей по улице черной собаки с бубном в лапах. Его отправлял шаман для «поедания» глухих и слепых людей. В пустых домах, где хозяева погибли от злой силы «салдыма», ночью слышатся глухие удары бубна. Ясновидцы могут увидеть «салдыма» в образе камлающего черепа человека. По хакасскому обычаю запрещается брать вещи из дома, где скончались хозяева, иначе можно привезти с собой нечистую силу «салдыма». В качест-

ве оскорбления словами «чурт салдызы», т.е. домашний бес, обзывали старых дев, стариков или старух, у которых все родные давно скончались. Аналогичный образ духа под названием «салды неме» отмечен в телеутском и шорском шаманстве.

Шаманы по своей злобе или в качестве мести бросали на территорию проживания людей духов болезни под названием «пух» (хам пухтары). Под воздействием «пуха» здоровье домочадцев подрывалось, прерывалась жизнь рода. Через него распространяются неизлечимые болезни – рак, сифилис и др. Он становится причиной смерти детей. Старые девы также становились «пухом» дома. Бесовское отродье «пух» может показываться в образе пресмыкающихся – лягушек, ящериц, змей или четырехглазых черных собак. Против него читался заговор: «пух, пух, пух! У тебя есть жилище из золы, уходи в свое жилище! У тебя есть грязный дом, уходи в свой дом!». Рядовым скотоводам приходилось волей неволей обращаться к повелителю духов, чтобы наладить свою жизнь (чурт чазирга). Если шаман бросит в дом «пух» и ничего не помогало, то обычно перекочевывали вверх по реке подальше от злополучного места, иначе настигнет беда. Например, аальный старшина Мылтых Тугужеков совершил суд над шаманкой Пайгудо, т.е. пропустил обруч тагана через ее стан и «затаврил» кремнем лоб. Не смотря на карательные меры, Пайгудо нашла силы ему отомстить. Она бросила нечистую силу «пух» в его юрту. От брошенного в жилище «пуха» у Мылтыха скончались все сыновья. Рядом с аалом Сапогов находится озеро «Пух тастаан Хара көл» – Черное озеро, куда бросили «пух». Люди не купались в нем, боясь буков, брошенных туда шаманами.

Данное слово известно и в других языках тюрко-монгольского мира. Например, в монгольском языке слово «буг» значит – злой дух, вампир, нечистая сила. Возможно демоническое существо, которым русские пугают детей под названием бука, связано с тюрко-монгольским словом «бук».

Падающие с неба метеориты, известные у хакасов под названием «тор», согласно народным представлениям, появляются из другого ханства и добра с собой в Хонгорай не приносят. В месте падения «тора» распространяются болезни. Если «тор» упадет на территорию аала, то появляется эпидемия среди людей, если в степи, то мор падает на скот. Во время метеоритного дождя, дабы оградить людей от напасти, хонгорцы читали заклинание: «паар чіли син пат, өкпе чіли мин өөрлим, тас чіли син сөк, тахпай чіли мин чачырим!» – словно печень ты погрузись, словно легкие я поднимусь, как камень ты шлепнись, как щепка я отскочу! Упавший на территорию аала метеорит «тор» («чылтыс торы» – звездный тор) вечером может предстать в образе прекрасной девы, сводящей с ума молодых парней. Для того чтобы выяснить ее истинную суть, надо заглянуть девушке за спину. Спина «тора» просвечивается насквозь, где видны печень и легкие. Небесное наваждение можно поразить из ружья, заряженного бронзовой круглой пуговицей (хола марха). До сих пор женщин, приносящих несчастье мужу или у которых умирают мужья, иносказательно называют «тор хат» – букв. метеоритная баба.

Шаманы также практиковали насылать «тор» на людей. С небосвода они спускали на усадьбу противников духов болезней под названием «тор» («хам торы» – шаманский тор). В народе отмечались «ах тор» – белый тор и «хара тор» – черный тор. Белый «тор» приносил несчастье, а черный «тор» нес с собой смерть. Шаманский «тор», в отличие от «пуха», можно было отправить далеко за пределы Хонгорая. Например, 29 марта 1608 г. в Томском городе учинилась болезнь в виде тяжелого бесовского недуга «над служилыми людьми и над женками». Над Томским городом «умышление» сделал шаман Ивашка, который на русских посылал «шайтанов». Под пытками он показал, что «велели ему на служивых людей напущать шайтанов кузнецкие и чюлымские татаровья, и князец Лага с товарищи, да томский татарин Басандай».[11] Кам, вероятно, приобретал духов – «тор» от звезд и созвездий во время небесных путешествий. Посланные через небо духи – «тор», по представлениям хакасов, стояли в одном ряду с шаманскими тёсями.

Итак, тёси представляли основу шаманской силы, благодаря которым осуществлялась вся деятельность шамана. Две противоположные силы – духи-тёси и духи-айна, являлись созданием одного творца – главы подземного мира Ирлик-хана. Отношения между камом и духами были сложными. Шаман не мог быть полновластным хозяином, если не выполнял определенных требований. Повелитель духов вместе с тем был у них

заложником и при не соблюдении законов мог поплатиться даже жизнью. Он был не превзойденным мастером слова, ибо духи приемлют только поэзию и проза их не трогает. Камы являются создателями особого вида устного творчества – молитв, заклинаний и гимнов. Шаман обязан постоянно доказывать свое превосходство, сохранять власть над духами. При неудачах он терял власть и общественное признание. Кам является избранником духов и «сотворенным вновь» ими в ходе жестокого обряда посвящения – инициации.

Примечания

1. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан. – С.155; Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). – Новосибирск, 1980. – С.238.
2. Тюмереков В.С., 1913 г. рождения, сагаец, аал Б.Бор.
3. Нербышев Каркей, 1930 г. рождения, бельтыр, аал М.Монок.
4. Тенешев Н. Шаманизм у сагайцев. Рукопись 30.06.1957 г. РО библиотеки Хакасского республиканского музея.
5. Кунсткамера. Архив.Ф.К-У, оп.1, д.475, с.14; Кызласова Абдокин, 1913 г. рождения, сагайка, аал Кызлас.Сарлин Бико 1900 г. рождения, качинец, аал Сарлин.
6. Балганова Паях 1887 г. рождения, качинка, аал Балганов.
7. Кожакова А.И., 1913 г. рождения, кызылка, аал Ошколь.
8. Тюмереков В.С., 1913 г. рождения, сагаец, аал Б.Бор
9. Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды Саянских тюрков. – Абакан, 2005. – С.27-28.
10. Козьмин Н. Князь Иренак. (Эпизод сибирской истории) // Сибирские записки. – 1916. – №1. – С.47; Штыгашев И.М. Поступление в училище и продолжение учения шорца (алтайца) Ивана Матвеевича Штыгашева. – Горно-Алтайск, 1998. – С.50.

Абжет Бахыт
(г.Туркестан)

ВИД ФЕТИША В ЖАНРЕ БЫЛИЧКА

С.Каскабасов в своей книге «Казахская несказочная проза» говорит, что среди казахских сказок мало изученные и мало собранные сказки это былички и причины этому объясняет таким образом: Один из них – жанр былички, с одной стороны развивался художественно, с другой стороны жил в систематической связи с другими жанрами. Таким образом, он быстро продвигался вперед к жанру сказки. Значит, в этом деле процесс преобразования жанра былички в сказку был оперативным. Этот процесс повлиял на то, что среди народа со временем уменьшался жанр былички. Конечно же, ускорил процесс распада жанра былички в первую очередь развитие общества, так же борьба религии ислам против старых предрассудков. Но, несмотря на это, жанр былички не перестал жить среди людей, он не исчез полностью (Каскабасов С., 1984, с.103).

Среди тюркоязычных народов принявших ислам, в особенности у казахов, нашли отражение в жанре быличка остатки древних мифических понятий. Конечно же, они были отклонены от первоначальной формы, были изменены до неузнаваемости, но, несмотря на это их элементы можно встретить в сказках и рассказах. Можно сказать, что это не встречается у других тюркоязычных народов принявших ислам. Например, сюжет о жезтырнак (медный коготь) не встречается в фольклоре у других народов. Если истории о ведьме (дьяволе, нечистой силе) имеют международный характер, то истории о медном когте встречаются только в казахском фольклоре (Каскабасов С., 1984, с.111).

Теперь, давайте проанализируем сюжеты о медном когте, сохранившиеся в казахских быличках. Эти рассказы со временем сузились, и по сохранившимся нескольким сюжетам с помощью анализов С.Каскабасова можно увидеть основной сюжет рассказов о медном когте, который выглядит так: охотник-стрелок или отважный путник вечером приходит к своему стану и готовит себе ужин, в это время к нему подходит красивая женщина, позванивая серебряными украшениями в косах. Молодой человек предлагает еду, а женщина в свою очередь принимает ее спрятав концы своих пальцев. Поужинав, женщина уходит. В это время охотнику приходит мысль: «а не медный ли коготь это был?» – и он принимает меры предосторожности, заворачивает бревно своей одеждой и кладет его вместо себя, как будто бы это был спящий человек, а сам наблюдает спрятавшись неподалеку. Через некоторое время та женщина осторожно подкрадываясь подходит к бревну и принимая его за человека обхватывает его руками и делит его напополам своими когтями. В это время наблюдавший за женщиной охотник стреляет в нее. Когда она умерла, он подходит к ней и видит, что это была медный коготь. Охотник подстригает ей ногти и, положив их в свой мешок, забирает с собой. Некоторые рассказы на этом не кончаются. Дети умершей женщины медного когтя решают отомстить охотнику, они охотятся за ним, но у них ничего не выходит, и они решают отомстить его детям. Но дети охотника тоже были подготовлены к этой встрече. В конце концов, дети охотника расправляются с потомством медного когтя (Каскабасов С., 1984, с.112).

История о медном когте встречается у Ж.Жабаева в его былине «Отеген батыр». Но сюжет сказки такой же каким мы описали его выше. Значит, сюжеты о медном когте самые древние сюжеты в казахских сказках и быличках. В свое время М.Ауэзов правильно говорил, что рассказы, связанные с медным когтем идут с самых древних времен. Об этом М.Ауэзов говорит так: «Если взять из сказок самую старую, то это будут сказки со старыми предрассудками и ведьмами, а также ремесленные сказки. К ремесленным сказкам относятся в основном охотничьи сказки. Самые старые сказки «Едил-Жайык», «Кула мерген» – в эти сказки входят высокие горы, заброшенные озера, одиноко живущие отважные охотники (Ауезов М., 2001, с.176), – тем самым сказки об охотниках и охотничестве относит к самым древним. Остановившись на том, что ведьмы и медный коготь – это остатки частиц из старых верований говорит так: «В понимании казахов ведьмы, медный коготь – наследие старой религии. В жизни существуют хозяева, которые создали живое и неживое на земле, из них один друг человеку, другой враг» (там же, с.177).

Хотя среди тюркских народов принявших мусульманство давно были забыты былички о медном когте (кроме казахов), у народов Алтая и у саянских тюрков старые мифологические рассказы сохранились очень хорошо. Причины, наверное, в том, что у них шаманизм был хорошо сохранен до начала XX века. Теперь постараемся передать свои мысли, сравнивая их с фольклором саянских тюрков.

Ч.Валиханов считает что ведьма и медный коготь это один и тот же персонаж: «Ведьма – это дух, который причиняет зло недавно родившей женщине. Их иногда называют медный коготь. Глава ведьм называется сорель: его рост 3 сажени, грудь узкая, ноги тонкие.

Сорель – человек леса, по некоторым рассказам он бывает в различных обликах. Сорель обитает в дремучем лесу и похож на человека. Его рост с высокое дерево. Он убивает людей тем, что щекочет их, как лесной человек у русских (Каскабасов С., 1984, с.107).

Значит, медный коготь бывает мужского и женского пола. Персонаж схожий этому можно встретить в фольклоре тувинцев и хакасов. В книге В.Я.Бутанаева и Ч.В.Монгуша приводится такой интересный источник: «В героических сказаниях хакасов встречается персонаж «сееренң». Он отождествляется с подземными ведьмами «хуу-хатами». Например, «чиктің сееренңі чис самсар хат» – бесовское отродье, костистая баба, ведьма с медным носом. В тувинской демонологии имеется персонаж «диирен». Он также имеет медный нос. «Дирен» в виде оборотня иногда сожительствует с охотниками. Она кормит охотника мясом со своего ребра, заправляет чай молоком из своей груди. Если человек во время не распознает «дирен», то погибнет» (Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В., 2005, с.32-33).

В «сореле» казахов, «диирене» и «сееренңе» тувы и хакасов есть некоторые сходства, разница лишь в том что если у казахов медный коготь, то у саянских тюрков это мед-

ный нос. А у Тянь-Шаньских кыргызов о медном носе дается такая информация: «Образы ведьм с медными носами «жез тумшук» характерны для мифологии кыргызов Тянь-Шаня, что говорит об их этнокультурных связях с тюрками Саяно-Алтая» (Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В., 2005, с.4).

Если вспомнить что образ медного когтя встречающегося в казахских быличках не встречается у других тюрков мусульман, то о его генезисе в рассказе можно вести речь только тогда, когда мы будем его рассматривать, сравнивая с мифологиями Сибирских народов, а среди них с мифологиями саянских тюрков о создании мира. В фольклоре саянских тюрков встречаются мифологические персонажи схожие с медным когтем. Все они являются хозяевами лесов, гор и рощ. Хозяева гор встречаются мужского и женского пола. Считалось, что животные, пасущиеся в лесах и в горах, принадлежали их хозяевам, т.е. хозяевам гор и лесов, и считались собственностью хозяина того места, где они пасутся. Об этом фольклорист народа шор, исследователь Н.П.Дыренкова говорит так: «Все горы и тайги – районы охотничьего промысла – мыслил он, распределены между «хозяевами», как некогда промысловые угодья распределены были между отдельными родами. Горы – это жилище этих «хозяев». Животные – их скот, который они вольны послать или не послать охотнику.

Промысловых животных – свой скот – они проигрывают друг-другу в карты, отчего в богатых прежде пушниной тайгах переводится зверь и прекращается промысел. «Хозяйки» гор, дочери «хозяев», являются к промышленникам, вступают с ними в любовные связи, сводят с ума или, наоборот, наделяют богатством» (Шорский фольклор, 1940, XIX).

В фольклоре народов Сибири и Алтая говорится, что когда охотники шли в лес или в горы, они обязательно брали с собой сказочника. Потому что «хозяева» этих мест очень любят слушать сказки, и если рассказанная сказка им понравится «хозяева» одаривали охотников: «Хозяева» гор, леса и воды очень любят слушать сказки. Заслушавшись сказок, они оставляют без призора свой скот – зверей и рыб, и те становятся добычей промышленника; иногда же они сами в благодарность за сказки посылают добычу. Вот почему артель в прежнее время старалась включить в свой состав человека, умеющего рассказывать сказки» (Шорский фольклор, 1940, XIX).

Хозяева тех мест не ограничивались слушанием сказок, так же они брали пай, т.е. часть добычи. В основном хозяева этих мест женщина или мужчина появлялись тогда, когда охотники, собрав добычу, собирались домой или когда охотники готовили ужин. Они приходили и требовали свою долю (пай). Если они не получали своей доли, они проклинали этого охотника, иногда даже доходило до смерти охотника. Эти приметы и суеверия не сохранились в казахских рассказах о медном когте, если они и были раньше, то потом были забыты. Но все-таки из этих историй можно встретить их следы. Хозяева гор или лесов требовали своей доли словами: «Ұшамды бер». Об «уша» у казахов есть пословица «Біреудің төсін жесең, ұшаңды сайла», «Если съел чью-то грудинку, готовь ему долю». В толковом словаре казахского языка об «уша» говорится: «Совокупность надбедренных мясистых позвоночников и ребер начинаются с места сдирания кожи, т.е. с суставов колена» (Толковый словарь казахского языка, 1986, с.191).

В казахских быличках медный коготь в основном является в облике женщины, приходит и ужинает с охотником. Но она не просит свою долю «уша». Можно заметить, что казахская пословица появилась из древних понятий о хозяевах гор, леса и воды. Эти понятия были забыты после принятия ислама, также были забыты старые приметы и суеверия. Но все-таки в казахских быличках сохранились сюжеты о гибели медного когтя и о том, как его родные пришли отомстить охотнику. И тогда дочь охотника убивает родных медного когтя не чем иным как, задней частью просушенной туши козла. Теперь дадим место рассказу: «Давным-давно жил охотник Алшын Арык и у него был друг Стрелок. Он со своим другом выходит на охоту и когда они добираются до леса наступает темнота. В то время когда они жарили мясо из добытого ими зверя к ним подошли молодая женщина с девочкой. Охотники пригласили их поужинать вместе с ними. Алшын Арык нанизывает на нож готовое мясо и подает его гостям. Когда те брали мясо, он услышал звуки их длинных ногтей и понял что это медные когти. Когда Алшын Арык протирал нож о траву, женщина сказала:

– Масло маслом смазываешь! Когда он нож о камень точил она опять:

– Камень в камень кладешь! Сказав это, они ушли. Алшын Арык сказал своему товарищу:

– Это медные когти, нам надо быть осторожными, а не то они нас убьют.

Двое охотников срубили два дерева, положили их на седла и покрыли бревна своими чапанами. Сами они взобрались на дерево и держали ружье наготове. Через некоторое время двое медных когтей потихонечку подкрались к бревнам. Бревна, накрытые чапанами медные когти приняли за охотников, они схватили эти бревна своими руками и послышался треск ломающегося дерева. Увидев это, охотники выстрелили в них.

Назавтра возвращаясь, охотники встретили одинокую белую юрту. В доме была молодая женщина. Она поставила чай и решила напоить их чаем. Охотники по ее повадкам узнали, что это была женщина медный коготь и решили найти способ как бы уйти из этого дома. Когда наступила ночь и женщина постелила постель, охотники ей сказали: «у нас есть лошади, мы не можем спать дома» – и вышли наружу. Около дома росло одно дерево, они привязали своих лошадей к этому дереву, а сами забрались на него. Ночью женщина медный коготь вышла из дома и прямо направилась к ним, охотники выстрелили в нее. Умирая, медный коготь сказала:

– Под землей у меня есть семь братьев. Они вечно будут вашими врагами от поколения к поколению.

Собрав все имущество медного когтя, Алшын Арык вернулся к себе домой.

У Алшын Арык охотника была единственная младшая сестра, которой он все рассказал. Зарезав одного козла, он дал ей заднюю часть ноги и сказал:

– Высуши его и повесь его над порогом с правой стороны, будь осторожна, я снова ухожу на охоту. Девушка повесила ногу козла над порогом. Днем она спала, а ночью бодрствовала.

В этом месте стояли подряд три аула. Аул охотника находился посередине. В это время собаки соседнего аула начали лаять. Потом собаки и их аула начали лаять. Услышав это, девушка взяла в руки заднюю часть ноги козла и подготовилась к встрече гостей.

В этот момент к двери подходят медные когти и говорят между собой: «Этот дом, этот дом» – и по очереди начинают заходить в дом. Сестра охотника убивает их ударом задней части ноги козла. Таким образом, она убивает семерых медных когтей» (Толковый словарь казахского языка, 1986, с.30-31).

Нет такого обычая, чтобы с врагом сражались задней частью туши козла. В этом месте задняя часть козла – это часть доли (ұша) которую просил медный коготь. По древнему поверью если охотник застрелил животного, то он одну заднюю ногу добычи оставлял хозяину этих мест. Хотя эта примета и была забыта людьми, но она сохранилась в быличке. Хотя и развивается культура народа, и старые обычаи и приметы меняются они остаются жить в фольклоре. Конечно же, их первоначальная форма меняется. Мифологическое понятие «ұша» хорошо сохранилось у алтайских саян. Об этом ученый В.Я.Бутанаев говорит так: «Под влиянием горных хозяев, по убеждению тувинцев и хакасов, и берет свое начало обычай «уча», название обычая («уча» – задняя часть туши животного) позволяет думать, что обычай этот сложился применительно к копытным животным и лишь позднее распространился и на пушных зверей.

Подтверждение такому выводу встречаем, например, в распространенной среди хакасов легенде о старухе «Кочик-иней (букв. Старуха-курдюк), которая жила в месте «Кочик-хая» недалеко от аула Сиктик по Черному Июсу. Как только охотники в тайге застрелят зверя, тут же появлялась Кочик-иней, которая со словами: «Учаны пир!» – Дай мне уча! (второй вариант – «кочік»), – просила охотников поделиться с ней задней частью убитого зверя. Если они наделяли ее задней частью звериной туши, она их благодарила: «Атхан уғың хатығ ползын! Көрген харағың көстіг ползын!» – Пусть твоя выпущенная стрела будет поражающей! Пусть твои глаза будут зеркали! Если же какой-либо охотник не наделял ее крестцом «уча» (көчік), то расставался со своей удачей. Она проклинала людей, неподеливших с ней задней частью диких коз. Хакасы считали, что Кочик-иней принадлежала к горным духам» (Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В., 2005, с.56).

Медный коготь, о котором говорится в казахском фольклоре – образ идущий из матриархального периода. Если хозяева лесов и гор жили в памяти народов Сибири и Алтая

как мифологические персонажи, то у казахов были забыты старые шаманские верования и их малые боги, т.е. хозяева разных мест превратились в отрицательных персонажей делающих людям зло и пакости. В мифологиях саянских тюрков еще не ставшие быличками, были сохранены такие приметы как поклонение хозяевам гор, леса и воды, обряд жертвоприношения, для того чтобы взять у них разрешение вечером пелись песни и рассказывали истории о хозяевах этих мест для того, чтобы поднять настроение богов, а у казахов это со временем было забыто, а хозяева гор и лесов как отрицательные персонажи сохранились в сказках и быличках. Если рассмотреть приведенную выше быличку о «медном когте» («жезтырнақ») где говорится: «под землей есть семь моих братьев. Они станут врагами тебе от поколения до поколения», то в поверьях алтайских тюрков местонахождение Эрлик-хана под землей. Недра земли состоят из семи слоев и их возглавляют семь богов. У них есть девять дочерей, которые живут в самом низшем девятом слое (у саянских тюрков *там*) в девятикрылой юрте сделанной из меди. Эти элементы сохранены в казахской сказке «Ер Тостик». Их детей называют «моос». Злая и хитрая ведьма в казахских сказках тоже была названа этим словом. Семеро детей семерых Эрликов расположены в первой подземной части земли. Их называют братьями «кесири». Они выходят на поверхность земли для войны и для злодеяний.

Значит, выходит так, что медный коготь, ведьма, людоед и дракон в мифологии тюркских народов были нокерами созданными подземным богом Эрлик-ханом. Хотя жанр былички и развивался художественно, он сумел сохранить в себе многие ценности старых суеверий. Построенные на шаманских поверьях и суевериях эти рассказы не потеряли своей жизнеспособности. Например, возьмем сказку «Едил-Жайык» построенную на сюжете медного когтя. Здесь само слово «Жайык» было взято из шаманского понятия. По шаманским понятиям «Жайык» играл роль милосердного духа, который связывал людей с милосердным богом Ульген стоял против нечистой силы медного когтя и Эрлик хана. Верования об этом сохранились среди народов Алтая. Встреча Эр Тоштика в киргизском эпосе «Манас» говорит о том, что эти священные духи дошли и до наших дней.

Алтайцы о жайыке с почетом говорили так: «дьайык (jайык) – почетное место в центре юрты, где стоят деревянные фигурки доброго духа (Джайыка), посредника между верховным божеством Ульгеном и людьми или ветки можжевельника с дьялама» (Алтайские народные сказки, 2002, с.431). Дьялама – традиционная лента завязывающая духу гор, воды и ручьев во время жертвоприношения. Батыры в сказке «Едил-Жайык» воспевались как герои, сражающиеся против злых духов по шаманским поверьям, как герои, сражающиеся с медным когтем, который выходил из-под земли и поджидал людей, брали силу у бога Ульген и таким образом защищали людей. Со временем мы видим, что такие религиозные истории шаманов стали основой жанра былички. Сохранившийся среди казахов слово Жайык означает защищающий народ от злодеяний, берущий светлые лучи от милосердного бога является деревянным богом, который хранит дом, род и народ, мы видим, что он является фетишем хранителем. Выходит если «Ер Тостик» был фетишем, которого вешали на купол юрты, то Жайык был фетишем, которого ставили посередине юрты. Мы достоверно знаем, что они оба играют роль святого фетиша хранящего людей от злых духов и злодеяний выходящих из-под земли, хранящих от всяких болезней и катастроф, ниспускаемых духами.

Литература

1. Каскабасов С. Казахская несказочная проза. – А.: Наука, 1984. – 272 с.
2. Ауезов М. Собрание сочинений в 50-ти томах. 4 том. – А.: Наука, 2001. – 456 с.
3. Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды Саянских тюрков. – Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова, 2005. – 220 с.
4. Шорский фольклор. Записи, перевод, вступительная статья и примечания Н.П. Дыренковой. – Л.-М,: Изд-во АН СССР, 1940. – 448 с.
5. Толковый словарь казахского языка. – Алматы, 1986.
6. Алтайские народные сказки. – Новосибирск: Наука, 2002. – 455 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулганеев Михаил Тимофеевич *– старший научный сотрудник НПЦ «Наследие», кандидат исторических наук. 656043, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39. Тел.: 8(385-2)63-09-16, 51-20-29, факс: 8(385-2)63-63-31, e-mail: nasledie@barnaul.ru*

Абжет Бахыт *– докторант Международного казахско-турецкого университета им. Х.А.Ясави, кандидат филологических наук. 161200, Республика Казахстан, г. Туркестан, ул. Назарбаева, 8 «а»*

Белекова Эмилия Алексеевна *– научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46. Тел.: 8(388-22)2-26-53*

Бутанаев Виктор Яковлевич – *заведующий кафедрой археологии и этнографии Хакасского государственного университета, профессор, доктор исторических наук. 655001, Республика Хакасия, г. Абакан, ХакГУ. Тел.: (390-22)2-13-06, e-mail: astai@khakasnet.ru*

Бутанаева Ирина Исаевна – *доцент кафедры археологии и этнографии Хакасского государственного университета, доцент, кандидат исторических наук. 655001, Республика Хакасия, г. Абакан, ХакГУ. Тел.: (390-22)2-13-06, e-mail: astai@khakasnet.ru*

Вдовина Татьяна Алексеевна *– сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79. Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: vdovina-ta@mail.ru*

Горбунов Вадим Владимирович *– докторант кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб. 211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru*

Горбунова Татьяна Геннадьевна *– старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук. 656099, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб.211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru*

Грушин Сергей Петрович *– доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб.211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: gsp142 @hist.asu.ru*

Киреев Сергей Михайлович *– старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В.Анохина. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Чорос-Гуркина, 46. Тел./факс: 8(388-22)2-26-53*

Кирюшин Кирилл Юрьевич *– научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, научный сотрудник НПЦ «Наследие» (г. Барнаул), кандидат исторических наук. 656043, г. Барнаул, ул. Ползунова, 39. Тел.: 8(385-2) 63-09-16, 54-84-07, факс: 8(385-2)63-85-95, e-mail: niigi@hist.asu.ru*

Кирюшин Юрий Фёдорович *– ректор Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой археологии и этнографии, профессор, доктор исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)26-06-06, факс: 8(385-2)22-28-75, e-mail: rector@hist.asu.ru*

Кобзарь Максим Владимирович *– студент исторического факультета Горно-Алтайского государственного университета. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. А.Ленкина, 1. Тел.: 8(388-22)2-53-77.*

Кубарев Владимир Дмитриевич *– главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук. 630090, г. Новосибирск-90, пр. Лаврентьева, 17. ИАиЭт СО РАН. Тел.: 8(383)330-44-91, факс: 8(383)333-11-91, e-mail: vd@online.nsk.su*

Кунгуров Артур Леонидович *– доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета, доцент, кандидат исторических наук. 656099, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru*

Леонтьев Николай Владимирович *– старший научный сотрудник Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. 662608, Красноярский край, ул. Гоголя, 31, кв.56. Тел.: 8(391-22)2-13-14*

Леонтьев Станислав Николаевич *– заведующий экспозиционно-археологическим отделом, старший научный сотрудник историко-культурного и природного музея-заповедника «Томская писаница». 650099, г. Кемерово, ул. Томская 5А, музей-заповедник «Томская писаница». Тел.: 8(384-2)25-98-50, e-mail: skala@kemcity.ru*

Матренин Сергей Сергеевич *– кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб.211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru, matrenins@mail.ru*

Миклашевич Елена Александровна *– старший преподаватель кафедры археологии Кемеровского государственного университета, научный сотрудник Кузбасской лаборатории археологии и этнографии СО РАН. 650043, г. Кемерово ул. Красная, 6, КемГУ. Тел.: (3842)58-19-56, e-mail: elenam@mail.kuzbass.net*

Очир-Горяева Мария Александровна *– заведующий сектором археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, кандидат исторических наук. 358000, Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8. Тел.: 007-84722-55572, e-mail: otchir@gmx.net*

Сарафанов Дмитрий Евгеньевич *– аспирант Алтайского государственного университета. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб. 312. Кафедра архивоведения и исторической информатики. Тел.: 8(385-2)36-46-94, e-mail: sarafanov.@hist.asu.ru*

Семибратов Владимир Петрович *– директор Научно-исследовательского института гуманитарных исследований при АлтГУ, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)66-84-23, факс 8(385-2)66-97-44, e-mail: niigi@hist.asu.ru*

Симонов Данил Александрович *– заместитель директора по УВР лицея №11 г. Новокузнецка. Тел.: (3843)74-10-50*

Сингаевский Андрей Тарасович *– аспирант Алтайского государственного университета. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб.211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru*

Соёнов Василий Иванович *– доцент кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета, доцент, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, а/я 278. Тел.: 8(388-22)2-53-77, e-mail: Soyonov@mail.gorny.ru*

Тишкин Алексей Алексеевич *– доцент кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета, доцент, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб.211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: tishkin210@mail.ru, tishkin@hist.dcn-asu.ru*

Трифанова Сынару Вениаминовна *– сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 79. Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: trifanovasv@mail.ru*

Троицкая Татьяна Николаевна *– профессор кафедры теории, истории культуры и музеологии Новосибирского государственного педагогического университета, профессор, доктор исторических наук. 630126, г. Новосибирск, ул. Выборная, 108, кв.173. Тел.: 8(383-2)68-17-00, e-mail: 3nik@rambler.ru*

Чевалков Лев Мирославович *– старший научный сотрудник отдела истории Института алтаистики им. С.С.Суразакова, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 8. Тел.: 8(388-22)2-66-35, 6-62-28*

Шелепова Елена Владимировна *– аспирант Алтайского государственного университета. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб.211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.asu.ru*

Ширин Юрий Викторович – *заместитель директора по НИР Историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость», доцент, кандидат исторических наук. 654032, г. Новокузнецк, ул. Водопадная, 19. Тел.: 8(384-3)36-01-36, e-mail: shirin_a@mail.ru*

Шмидт Александр Викторович *– кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61, каб.211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения АлтГУ. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.asu.ru*

Шульга Петр Иванович *– заместитель заведующего лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири ИАиЭт СО РАН и НИИ ГИ при АлтГУ, кандидат исторических наук. 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.asu.ru*

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Кирюшин Ю.Ф., Кирюшин К.Ю., Семибратов В.П. (г.Барнаул) ГАЛЕЧНЫЕ ОРУДИЯ ПОСЕЛЕНИЯ ТЫТКЕСКЕНЬ-2 ……..……..... …….. 3
Грушин С.П. , Кунгуров А.Л. (г.Барнаул) РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ 2005 ГОДА В РУДНОМ АЛТАЕ……..……14
Шмидт А.В. (г.Барнаул) ИСТОРИОГРАФИЯ НЕОЛИТА ЛЕСОСТЕПНОЙ И ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ АЛТАЯ……..…….32
Кубарев В.Д. (г.Новосибирск) АСТРАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА И ДРЕВНИЕ МИФЫ В ПЕТРОГЛИФАХ АЛТАЯ……46
Троицкая Т.Н. (г.Новосибирск) СТЕПИ И РЕКИ КАК СРЕДСТВА СВЯЗИ ОБЩЕСТВА (НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)……..56
Вдовина Т.А., Трифанова С.В., Кобзарь М.В. (г.Горно-Алтайск) КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ……..……61
Леонтьев Н.В., Леонтьев С.Н. (г.Минусинск, г.Кемерово) МОГИЛЬНИК АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ УСТЬЕ БИРИ IV……..…66
Матренин С.С., Тишкин А.А., Горбунов В.В. (г.Барнаул) ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ У ГОРЫ ХРУСТАЛЬНОЙ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ)……..78
Киреев С.М., Шульга П.И. (г.Горно-Алтайск, г.Барнаул) СБРУЙНЫЕ НАБОРЫ ИЗ УЙМОНСКОЙ ДОЛИНЫ……90
Очир-Горяева М.А. (г.Элиста) ПОГРЕБЕНИЯ С СОПРОВОЖДАЮЩИМИ ЗАХОРОНЕНИЯМИ КОНЕЙ И ПРЕДМЕТАМИ КОНСКОЙ УЗДЫ СКИФСКОЙ ЭПОХИ ЮЖНОГО ПРИУРАЛЬЯ……..107
Симонов Д.А., Ширин Ю.В. (г.Новокузнецк) БРОНЗОЛИТЕЙНАЯ МАСТЕРСКАЯ БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА Р. ЧУМЫШ……122
Сингаевский А.Т. (г.Барнаул) ПОСЕЛЕНИЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА УСТЬ-АЛЕЙКА КЛУБ……...136
Тишкин А.А., Шелепова Е.В. (г.Барнаул) ОКОЛОКУРГАННЫЕ ОБЪЕКТЫ НА ПАМЯТНИКАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЯЛОМАНСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА……143
Соёнов В.И., Трифанова С.В. (г.Горно-Алтайск) ДВА КОТЛА И НАКОНЕЧНИК КОПЬЯ С ГОРНОГО АЛТАЯ……150
Тишкин А.А., Матренин С.С., Горбунов В.В. (г.Барнаул) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ В УРОЧИЩЕ УРКОШ……..…156
Матренин С.С. (г.Барнаул) ОПЫТ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ГОРНОГО АЛТАЯ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОГО ВРЕМЕНИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)……..165
Чевалков Л.М. (г.Горно-Алтайск) КРЕПОСТЬ В ДОЛИНЕ РЕКИ ЯЛОМАН……173
Абдулганеев М.Т. (г.Барнаул) МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ИЗ СЕВЕРНЫХ ПРЕДГОРИЙ АЛТАЯ……180
Горбунова Т.Г. (г.Барнаул) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ……...193
Матренин С.С., Сарафанов Д.Е. (г. Барнаул) КЛАССИФИКАЦИЯ ОГРАДОК ТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРНОГО АЛТАЯ……..…203
Миклашевич Е.А. (г.Кемерово) РИСУНКИ НА СКАЛАХ У ДЕРЕВНИ ТУЭКТА (ГОРНЫЙ АЛТАЙ)……...219
Белекова Э.А. (г.Горно-Алтайск) ИЗУЧЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ УЛАГАНСКОГО РАЙОНА……235
Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. (г.Абакан) АРМИЯ ВЕЧНЫХ ДУХОВ ХАКАССКИХ ШАМАНОВ……243
Абжет Бахыт (г.Туркестан) ВИД ФЕТИША В ЖАНРЕ БЫЛИЧКА……252

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Выпуск 3-4

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы – ***В.И. Соёнов, В.П. Ойношев***

Статьи публикуются в авторской редакции

Составление, оформление, верстка, корректура, макет – ***В.И. Соёнов***